

БОРИС ЗАЙЦЕВ

ПИСЬМА

1923—1971

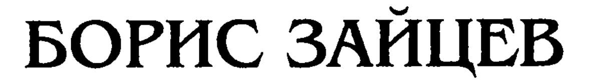

SERGE
IVANOFF
1960
Paris.

Борис Зайцев. Париж. 1960

Портрет работы Сергея Иванова

БОРИС ЗАЙЦЕВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ПИСЬМА

1923—1971 гг.

ПИСЬМА

СТАТЬИ

ВОСПОМИНАНИЯ СОВРЕМЕННИКОВ

Москва

<< РУССКАЯ КНИГА >>

2001

1. И. А. Бунину. 28 января 1923. Берлин

28 янв<аря> 1923

Дорогой Иван Алексеевич, есть у меня к Вам одна просьба, если не затруднит, то посодействуйте. Нет ли у Вас каких-либо связей со Швецией или Данией — Вы уже начинаете догадываться, в чем дело. Ясно, что каждый берлинский писатель (а особенно еще такой, который прицеливается побывать в Италии) — вожделенно смотрит на высоковалютные страны, и прикидывает, нельзя ли ткнуть этим толстосумам какую-нибудь книжонку. В Москве у нас такие предприятия назывались «комбинациями», впрочем там больше касался разговор продажи старых брюк. Здесь же торгуем литературными товарами, и было бы неплохо, если бы какой-ниб<удь> «Эпштейн и Израилович» открыли на Таунцинштрассе комиссионную контору по устройству русских аспирантов и их бебехов в разные великие державы (Голландия, Норвегия).

Пока что — этого нет. Приходится кустарничать. Но утверждают, что есть мода на русскую литературу — вызванная, вероятно, революцией. Что ж, как ни смешно, приходится и этим пользоваться. Через месяц я пришлю Вам свою книжечку по-немецки, но в питательном отношении это гроши. К шведам же и голландцам неизвестно с какого бока подходить, и даже неизвестно, где они находятся. Итак, если можете, то напомните какому-либо могуществ<енному> викингу, что в Берлине проживает П. И. Бобчинский, которому обязательно надо поехать во Флоренцию, скарб же его пока ничтожен. И еще маленький вопрос: меня из Москвы просят узнать адр<ес> дочери Чайковского. Спрашивает об этом Машковцев, его родственник. Если встречаетесь с Ч<айковской>, то, пожалуйста, узнайте.

В Берлине серо, как и полагается. Пиво и пиво. Как Вы знаете, много понаехало москвичей высланных, среди которых

больше и вращаемся. Устроили мы тут клуб писателей, по понедельникам слушаем более или менее гениальные произведения. Состав: Муратов, Осоргин, Бердяев, Айхенвальд, Белый, Ремизов и т. д., но без сменовеховцев, разумеется. Большая комната в кафэ, опять-таки пиво, дым — но ходит все-таки порядочно народу, ибо одиноко ведь и... вообще малорадостно.

Ваша книга появилась здесь по-немецки у Фишера. Переводчик и поэт В. Грегер говорил мне, что она имела большой успех, разошлась вся в три недели, и теперь Фишер хочет учредить специально русский отдел под ред<акцией> Георга Кайзера и Голличера. И во Франции, и здесь, Вас «принимают» и лансируют левые (как художника), это «блестяще».

Привет мой Вере. Моя Вера, разумеется, тоже кланяется. А грустно: Вы не думаете, что возможность нашей встречи на герм<анской> территории (скажем, на Рейне) — сильно поуменьшилась? Вообще, когда же кончится политика, ненависть, чепуха идиотская? Поглупело человечество. Sic![1]

От души желаю Вам получить Нобелевскую премию, и если это произойдет, то в тот же вечер напьюсь в Берлине за Ваше здоровье и славу.

Ваш *Бор. Зайцев.*

---

[1] Так! *(лат.)*

2. И. А. Новикову. 13 февраля 1923. Берлин

13 февр<аля> 1923

Дорогой Иван, давно о тебе ничего не знаю, да и сам, правда, давно не писал.

Получил ли ты деньги за рассказ? Я послал тебе 30 000 мар<ок> = неск<ольким> 4—5 долл<арам>. (Вещь эта пойдет здесь, *в чисто литературн<ом>* альманахе.) Плата малая, но тут ничего нельзя поделать, гонорары хороши только в валютных странах. Посылал одновременно 5 долл<аров> Танечке для бабушки — и тоже не знаю, получила ли она их, не пишет. Послано *через самые верные руки.* Не знаю, как быть с др<угими> твоими рассказами: здесь их напечатать нетрудно, но при тепер<ешнем> курсе марки интересно ли это для тебя? Писал тебе и об этом, но отв<ета> нет.

Небольшое дело: б<ыть> м<ожет>, Союз Писателей получит от Гржебина телеграмму с оплач<енным> отв<етом>, где Вас будет он просить назначить третейского судью по делу его с Госиздатом. Не удивляйтесь, и назначьте кого-ниб<удь> из Берлинских писателей (напр<имер> Белого, Эренбурга, но не-

пременно живущего с разрешения Сов<етского> Правит<ельства> в Берлине, не «контрреволюционера»). Это длинная история, и довольно неинтересная для нас, но я обещал Гржебину предупредить тебя, как председателя Союза (оч<ень> был рад, м<ежду> пр<очим>, что тебя выбрали) — что такая телегр<амма>, может в Союзе получиться. По ряду курьезных сцеплений назначенный Вами писатель явится *представителем Госизд<ата>!* на трет<ейском> суде. Но это ни к чему назначенного Вами не обязывает. Sic. Точка.

О себе. Живу в Б<ерлине>, приблизит<ельно> как в Притыкине. Материально неплохо, душевно — серо. Пишу нечто длинное. У нас две комн<аты> в старозаветной скучнейшей нем<ецкой> семье, все пахнет вековой скукой и бесталанностью. По понедельн<икам> председательствую в «Клубе писателей» (вроде нашего Союза), где тоже читают. Дело происходит в отдельн<ом> помещении Cafe Leon. Наш клуб — противовес «Дому искусств», где футуристы, «Накануне», Минский и Толстой. Писатели же, собственно, все у нас. На днях уехал в Италию Муратов. Его роман «Эгерия», вышедший у Гржебина, имел тут большой успех и переводится сейчас на немецкий.

Вера бодра, Таточка учится усиленно немецкому, но все думает о России, и такая растет русачка, что кроме русских ни на кого глядеть не хочет. Толстой у меня был раз — я у него не бываю. Мне с ним просто скучно. Он разговаривает только о долларах, о себе, хвастает и т. п. За отъездом Муратова у меня почти никого здесь нет близких людей, и я мало где бываю (только по кафе хожу). М. А. очень тоскует и нервничает. Собирается в Италию, но уж не знаю, соберется ли. Я пока не могу думать о поездке. При теперешнем положении Германии это неосуществимо, а с переводами идет так медленно, что хорошо, если осенью выйдет «Дальн<ий> Кр<ай>» по-фр<анцузски> и чешски. Немецкие же издания дают (для Италии) гроши. — Обнимаю вас всех, дорогие друзья, все наши также. Покажи это письмо Танечке.

Бор. Зайцев.

3. И. А. Новикову. 21 февраля 1923. Берлин

21 февр<аля> 1923

Дорогой Иван, я написал уже тебе о возможности третейского суда в Берлине. Называл и имена, возможные для назначения. По ряду соображений, о кот<орых> долго писать, практически лучше всего, чтобы выбор остановился на *мне* (другие могут

отсутствовать, не согласиться и т. п.). Кроме того, по всей видимости вопрос идет не о назначении Союзом *стороны*, а *суперарбитра*. Имей в виду, что буква Э. абсолютно не годится. Рассчитываю в ответ на телеграмму получить *благоприятный выбор*.

Очень спешу, не пишу пока ни о чем, кроме одного: почем продать твой *рассказ*, у меня его покупают, не знаю, что назначить. Минимум здесь сейч<ас> 100000 м<арок> лист. Но это мало, разумеется.

Твой душевно *Б.*

4. И. А. Бунину. 23 февраля 1923. Берлин

23 февр<аля> 1923

Дорогой Иван Алексеевич, посылаю Вам верстку моих «новелл» по-немецки. Только вряд ли удачный выбор — как раз все иностранное. Для Америки это почти наверно не годится, впрочем, я вообще весьма сомневаюсь, чтобы мне туда удалось проникнуть.

Если Брадлэй человек литературный, то, б<ыть> м<ожет>, все-таки покажете ему, объяснив, что я могу дать или кн<игу> избран<ных> русских рассказов, или роман «Д<альний> Кр<ай>», выходящий в Париже у Rieder'а (но когда еще это будет! Донзель утверждает, что осенью. А я ни в чем не уверен, хотя договор и лежит в столе). Сам я Брадлэю не пишу, ибо я для него совсем пустое место. Вам он скорей ответит и хоть, м<ожет> б<ыть>, прочтет книжку.

Итак, это только «образчик товара».

Об Италии — конечно, фантазии. Хорошо бы просто повидаться летом.

Благодарю Вас очень за внимание.

Ваш *Бор. Зайцев.*

5. И. А. Новикову. 19 марта 1923. Берлин

19 марта 1923

Дорогой Ваня, мне неясно, из-за чего в Союзе вышли волнения. Предупреждать С<оюз> до конфликта Г<ржебин> вовсе не обязан, это странная претензия. Договор существует, лич<ные> отн<ошения> Г<ржебина> с членами С<оюза> здесь абсолютно ни при чем, да и насколько я знаю, живя здесь — эти отн<ошения> состоят в том, что приедет Лидин в Берлин, и продаст другому издателю книгу, под которую взят аванс у

Г<ржебина>. Так же поступает Т<олстой>, вероятно, и Пильняк в том же духе.

Во всяком случае кого бы то ни было, кого найдете подходящим, непременно назначьте. Уклоняться от этого просто... неудобно (чтобы не сказать *гораздо* резче). Союз все-таки я считаю еще (по старой памяти быть может) учреждением самостоятельным, независимым от «давления». (Хотя состав нового Правления и *весьма* уязвим). Кроме Ходасевича, могу указать имена проф<ессора> Брауна, проф<ессора> Адлера — это все люди советской ориентации, живущие здесь с разрешения Правительства. Наконец, и Горький здесь.

Само Гос<ударственное> Изд<ательство> *уже* согласилось, чтобы Союз назначил второго судью. (Они пропустили срок назначить сами, а потом назначили *немца,* на что Г<ржебин>, конечно, ни в коем случае не пошел).

Дорогой Иван, только что звонил насчет денег за твой рассказ. Завтра или послезавтра мне их доставят, это немного, но сейчас здесь такой издательский кризис, что иначе как на валюту, за границей, в сущности, печатать тут нельзя. Ты получишь за 1½ л<иста> — 225 тыс. марок, по теперешнему курсу это одиннадцать долларов. Из Англии *очень* похвалили твой рассказ «Жертва», но для англичан это «слишком мрачно». Вообще дураков, особенно же англо-американских, столь много, что не перечтешь всех. Сборник вряд ли и вообще составится — я, по крайней мере, на него не надеюсь. Книжку твою здесь издадим, я только должен получить назад экз<емпляр> «Жертвы» и дождаться напечатания «Адама» в «Романтич<еском> альм<анахе>». В рассужд<ении> переводов — больше надежд на Чехию. Там я устроил «Д<альний> к<рай>», и если это пройдет благополучно, постараюсь всунуть что-либо твое. Но имей в виду — дела с переводами очень затяжные, настолько, что Морис, напр<имер>, до сих пор не выпустил еще «Д<альний> К<рай>» по-фр<анцузски>. — Он завален работой, переводит урывками, — и нельзя сказать, чтобы проявлял особую внимательность и предупредительность. (А договор с Rieder'ом подписан уже год назад! Обещает издать осенью — посмотрим). Долго писать — рассказал бы смешные вещи про Америку. Но туда пробиться трудно, надо сначала стать известным в Европе (и иметь здесь успех! Что не так-то просто). На этой линии стоит сейчас твой тезка, о нем много пишут и печатают его в Европе, и недавно он продал по 2 кн<иги> в Амер<ику> и Швецию. С А<мерики> получил 300 долл<аров> ав<анса>, что здесь очень много, а для него в Париже — 2—3 мес<яца> жизни. Живет он скромно, не как Толстой. (Последний окон-

чательно изолирован здесь, поссорился на днях даже с Горьким). Тезка написал большую вещь, но держит в секрете.

Наши здоровы. Тата учится по-немецки, Вера хозяйничает вовсю. Живем неплохо. На днях собираемся в Дрезден на 1—2 дня. Об Италии пока лишь мечтаем. Но я развожу пары, завязываю всякие литературные отношения, что назыв<ается> «с переменным успехом».

«Бел<ый> Свет» «Кн<игоиздательству> Пис<ателей>» послал, пусть теперь выдадут Танечке деньги, причитающиеся мне.

Наши все горячо целуют. Пастернак везет Мариночке от Таты пупса.

Твой душевно *Б.*

6. И. А. Бунину. 26 апреля 1923. Берлин

26 апреля 1923

Дорогой Иван Алексеевич, давно собирался ответить Вам и поблагодарить за письмо в Шв<ецию> и адрес. Книга моя вышла, я пошлю ее или лично, или через бюро (здесь возникло-таки! и на днях 2 иудея просили меня дать разрешение о хлопотах *на все страны*). Я согласился, разумеется, хотя иллюзий никаких не строю. Слишком много на свете писателей, слишком мало читателей, и слишком прочно на свете так все устроено, что верх берут прохвосты.

Я чувствую себя сейчас неплохо, и ни в какой особый мрак не впадаю, но ощущение Дьволова дыхания над миром у меня довольно сильно. Много тяжелого и враждебного в молодежи теперешней. Число наглых, безвкусно пошлых и прямо подлых людей необычайно возросло. (А здесь, среди русских, иной раз просто радуешься действ<ительно> русскому лицу. Знаете Вы Ладыжникова? Он хромой, с масляным пробором, но похож на ярославско-нижегородско «доверенного», говорит на «о», и вчера мне его приятно было видеть — хотя возможно, что и он шельма.) Все эти дни сижу судьей по делу Гржебина с Внешторгом. Одни «русские» грызутся с другими «русскими».

Вера сейчас лежит — у нее докт<ор> нашел воспаление легких, но в оч<ень> слабой форме (гриппозное). Темп<ература> невелика, чувствует она себя неплохо, не кашляет, лежит в компрессе. Думаю, проваляется все же порядочно. Наташа моя уже взрослая становится! Вера просит спросить у Веры: 1) которая из Чайковских умерла (спр<осить> родств<енников> из Москвы), 2) в каком мес<яце> была послана в Москву АРА — и просьба об этом написать.

Внутреннее ощущение у меня то — что мы скоро увидимся. Возможно даже, что осенью я съезжу в Париж.

Крепко Вас обнимаю. Хорошо, что есть еще *не*-эрзатцы.

Ваш душевно *Борис.*

P. S. Ersatz — слово здешнее, значит — подделка, имитация.

7. И. А. Новикову. 23 мая 1923. Берлин

23 мая 1923

Дорогой Иван, пишу тебе лежа в постели. Май у нас вышел незадачливый. С конца апреля слегла Вера — три недели восп<аление> легких (правда, в нетяжелой форме), а там и я захворал. Были дни, когда мы оба лежали. Тата ходила в ресторан, приносила нам обед. Покупала утром к чаю, к вечеру, вообще вывозила нас. Конечно, помогали и друзья, но все же Татка была таким молодцом, что когда выздоровлю, устроим ее «день» (чествование). — Теперь Вера здорова. У меня сейчас бронхит с небольшим плевритом, штука довольно упорная, лежу я 2 недели. Опасности никакой нет, темп<ература> малая, но поэтому и длительно, что такая ползучая форма.

Досадно, мы совсем было прицелились на $1\frac{1}{2}$ мес<яца> в Италию, теперь из-за итальян<ских> жаров придется отложить до осени.

Дорогой Иван, книга твоя выйдет у Зиновия — это будет или новый том, или «М<ежду> д<вух> зорь» — послед<нюю> вещь он взял читать, но та или иная книга *непременно* появится. Деньги за нее получишь тотчас, вероятно несколько десятков долларов... Надо сказать вообще, и что с кн<ига>ми здесь сейчас отвратительно. Полнейший кризис, не идут — не на что покупать. С твоим расск<азом> вышла неприятность, за которую не могу еще намылить голову редактору лишь потому, что лежу с температурой. В послед<ний> момент р<ассказ> почему-то «не вместился». Водили меня за нос чуть ли не 3 мес<яца>, все оттягивали расплату, а теперь оказывается — он и вовсе не идет, и денег никаких я не получил. — Мне очень совестно, что так малоудачно веду твои дела, но вообще на большие успехи здесь рассчит<ывать> не приходится — тут ведь, Иван, все-таки эмиграция, т. е. кучка. С переводами история столь длинная и запутанная — в сущности нужны годы, личное присутствие, новые вещи — чтобы пробиться.

У вас теперь Алексей Николаевич. Долетают и сюда отзвуки. На днях Вера в Миссии пролонгировала наши паспорта, и представь, ее не убили.

Страшно бы рад был, если бы ты сюда летом приехал, но не верю в возможность этого: слишком, все же, дорого (т. е. выбраться из М<осквы>, жить же здесь сносно вполне). Вероятно, мы на лето уедем в Гарц или Шварцвальд, а в конце авг<уста> — в Италию.

Давно не имею вестей о Танечке, и от бабушки. Я хотел бы бабушку сюда перетащить — так и писал Т<ане>. — Поклон дружественный и сердечный от всех нас — всем Вам.

Б.

Насчет «М<ежду> д<вух> з<орь>» я весьма сомневаюсь: размеры! 22 печ<атных> л<иста>! И не новая вещь.

8. И. А. Новикову. 12 июня 1923. Берлин

12 июня 1923

Дорогой Иван, на днях отправил тебе, увы, всего 25 долл<аров> — гонорар за 1-ю тысячу экз<емпляров> книги. Больше здесь сейчас не печатают. Доктор должен был передать письмо Зиновия, где все подробно расписано. «М<ежду> д<вух> з<орь>» слишком велика (за эту вещь я рассчитывал получить для тебя 50—75 д<олларов>). Если книгу пропустят в Россию, то получишь еще, но пока с ввозом книг дело неважное.

Я передал Гр<жебину> «Возл<юбленная> земля», «Адам» и маленький рассказик. «Жертву» мне так до сих пор и не вернули из Англии, хотя я своевременно туда писал (Англия далеко!), а «Гарахвену» — каюсь, у меня просто сперли (т. е. зачитали альманах). Искал «Жертву». Здесь в книжн<ых> магазинах — «Костры» распроданы, да и было их здесь немного. Таким образом, очень прошу тебя выслать тотчас же на издательство... «Ж<ертву>» и «Г<арахвену>». Книга будет набираться летом, за корректурой я погляжу. Прости, ради Бога, что так вышло.

Третейский суд состоялся — длился дней десять, и кончился удовлетворением приблизит<ельно> в $^{2}/_{3}$ претензий Гржебина. Я старался быть всячески беспристрастным, помня о доверии, оказанном мне Союзом, и по одному (существенному) пункту подал даже особое мнение. В общем, я считаю, приговор наш был правилен. Хорошо вышло еще и то, что с Гр<жебиным> все мои издательские отн<ошения> были закончены как раз до суда.

Весь май оба мы с Верой прохворали — у нас было воспаление легких, а у меня тяжелый капиллярный бронхит, несколько дней только Тата и оставалась на ногах, ходила в ресторан одна и носила нам оттуда обеды. Теперь едем на

месяц в Италию — во Флоренцию и Кави — доктор велел хорошенько прожариться, да и вообще ведь давно туда хочется. Муратов успел уже дважды там побывать.

Дорогой Иван, напиши о себе, о своих, Танечке, бабушке. Т<анечке> пишу на днях тоже. Передай ей, что очень жду известий, давно ничего не знаю о бабушке, как она смотрит на мое предложение вывезти ее сюда. Я очень по ней скучаю. Получены ли для нее 20 долларов? Привет Оле сердечный, наши все кланяются, дружеств<енно> целуют. Как жаль, что мы так разделены пространствами, визами, границами! Как бы хотелось повидаться.

Мы выедем отсюда, вероятно, дней через 10, т<ак> ч<то> напиши на Грж<ебина>; он перешлет.

Твой душевно *Б.*

9. И. А. Бунину. 19 августа 1923. Берлин

19 августа 1923

Дорогой И<ван> А<лексеевич>, спасибо сердечное за внимание и доброе отношение. О визе пишу одновр<еменно> по указ<анным> адресам. В Ит<алию> мы теперь все-таки едем, но фр<анцузская> виза очень полезна. Не знаю точно, переселимся ли (будет зависеть от дел в Герм<ании>), во всяком случ<ае> я зимой (или осенью) побываю в Париже. Если здесь не успокоится, то придется трогаться дальше, к Вам (жить в Ит<алии> невозможно, конечно). Дружески обнимаю. Привет!

Борис Зайцев.

10. И. А. Новикову. 9 марта 1924. Со (Франция)

9 марта 1924

Дорогой Иван, милая Олечка, только что получили мы ваше общее письмо, читали и перечитывали. Я, действительно, долго не писал, но помню и люблю вас обоих чуть ли не еще больше теперь. Что за мерзость с печенью! Могу себе представить, как извелись все вы!

Мы, наконец, осели во Франции, но вероятно переедем в самый Париж, (а сейчас живем в 20 мин<утах> езды, в довольно приятном, но после Италии бедноватом местечке Со (Sceaux). В Италии провели 4 прекрасных месяца, т<ак> ч<то> давнишняя моя мечта исполнилась. Италию я повидал, многое там изменилось, но очарование осталось. И осталось ощущение праздника. Я провел 2 нед<ели> в Риме, читал лекцию о русск<ой>

лит<ературе>, напечатанную по-итальянски в журн<але> «Russia». Там есть и про тебя, Иван, рядом с Толстым, Буниным и Шмелевым. (Между пр<очим>, Морис дал мне недавно кн<игу> французскую о России и р<усской> л<итературе> некоего Лурье; в ней очень хорошо сказано о «Доме Орембовских»). Была хорошая рецензия и о твоей книге у Гржебина, к сожалению, получил ты мало, м<ожет> б<ыть> удастся еще под нее получить — гржебинские книги теперь пущены и в Россию, есть надежда, что пройдет там и побольше. Насчет переводов дело хуже, нет переводчиков, да и кн<иги> русские идут неважно. (Бунин имеет большой литер<атурный> успех у французов, но не большой рынок. Самый здесь известный — Мережковский да Куприна «Яма» недавно побила рекорд — 50 000 экз<емпляров>! Но это единств<енная> русск<ая> кн<ига> *с успехом*). Большую рекламу устраивает себе (сам) Гребенщиков. Русские его не уважают и посмеиваются, а он в ус не дует и на днях едет в Америку (тоже рекламироваться и за долларами).

Жить здесь не очень весело, город гигантский и отличный, но уж очень в нем затерян человек, и вряд ли дух французский близок нам — хотя французы в общежитии и внешних сношениях весьма приятны, много лучше, чем я думал.

Я работаю довольно много — пишу роман «Золотой узор» (печатается здесь в журнале). Пишу больше для себя. Еще не кончил, и вещь разрослась порядочно. Написал лекцию и два рассказа, вот мой баланс. Печататься опять выгоднее становится в Германии, из-за высокой валюты. Но вообще писателям здесь нелегко (где им легко?), французы работают как дьяволы — Морис, напр<имер>, с утра до вечера стучит на машинке, нам за ними в прилежании угнаться прямо невозможно. Впрочем, многие русские работают тут на заводах, студенты живут тяжко, но все закаляются, и вообще молодежь (как и у вас, наверно) выйдет крепче и суровей нашего интеллигентского поколения. Наташа ходит во французскую школу, тоже много занимается, главное хочется, чтобы овладела языком.

Когда увидимся? Вот этого я не знаю!

Дорогой Иван, напиши мне, пожалуйста, чем собственно ты существуешь? Печатаешься ли, пишешь ли сценарии, я не пойму, равно мне непонятно, чем живет Георгий (материально). Вообще, каково литературное положение. Есть ли изд<ательст>ва, журналы? Что Архипов? Здесь жизнь недорога — 1500—1700 фр<анков> в мес<яц> устраивает, самое тяжкое — кварт<иры> тесны, трудно находимы, дороги. Еда, одежда дешевы. Меня поддержала лекция римская (4000 лир = фр<анк>). Теперь из

Германии хорошие предложения гонорарные, здесь же платят мало. На парижск<ий> гонорар обернуться никак нельзя.

Вера в Кави очень поправилась и пополнела, там у моря мы вообще жили райски, теперь неск<олько> сдала, но ей Париж нравится весьма, больше, чем мне.

Обнимаю Вас всех, дорогих москвичей. Недавно вспоминал «прошу паньство, прошу дупство» — здесь играю я немножко с Осоргиным, но без азарту. Шахматный мой период кончен. — Наши вас целуют сердечно.

Ваш *Б.*

11. И. С. Шмелеву. 29 апреля 1924. Париж

29 апр<еля> 1924

Дорогой Иван Сергеевич,
очень сожалею, что не будете на вечере — не потому, чтобы считал его интересным, Вы сами понимаете, что бесконечно лучше бы таких вечеров не устраивать — а просто приятно видеть настоящего человека в нелегкие минуты: но понимаю вполне, что сейчас Вам к М. С. идти совсем не улыбается.

Сердечно Вас благодарю за добрые пожелания. И от всей души желаю Вам увидеть на Средиземном море, для меня священном и прекрасном, солнце «светящее».

Мы у заутрени не встретились. А как великолепно было! — Воистину Воскресе!

Привет супруге.

Ваш искренно *Бор. Зайцев.*

12. И. А. Бунину. 8 мая 1924. Париж

8 мая 1924

Дорогой Иван Алексеевич, несколько дней уже хочется написать Вам — лучше бы, конечно, говорить, но Вы далеко. Дело ясное (но и *не*-ясное!): у Вас есть какое-то недовольство, чем-то я Вас раздражил. Так как я очень Вас люблю (теперь даже сильней, чем раньше), то мне это огорчительно. Но, говоря по совести, я за собой вины *не* чувствую. Я просто плохо понимаю, чем Вы недовольны. Может быть, я ошибаюсь, но, кажется, Вы нехорошо поняли, что я не еду из Парижа в Грасс. С Вашей точки, я поступил глупо, а с моей — не глупо, неужели из-за этого здесь, на чужбине, нам друг к другу охлаждаться? И неужели Вы *серьезно* думаете, что тут была

тень дурного отношения к Вам. Вы мне сказали: «Я человек скептический, склонен предполагать худшее». Не думайте, что и я, на сорок четвертом году жизни все такой же «восторженный кретин», как был 20 лет назад. Но скепсису есть и предел. *За* ним — нарушение чувства меры, к чему мы с Вами не бесчувственны.

Я не оправдываюсь ни в чем, и не доказываю ничего. Хотите верьте, а хотите нет. Я только еще раз хотел бы Вам сказать, что для затемнения меж нами с моей стороны, *внутренно,* нет *ничего.* А если внешне я устроил что-нибудь нескладно (на Ваш взгляд), то не *вменяйте.* Слишком было бы печально.

Странная вещь: когда я был моложе, я иногда фуфырился по отношению к Вам. Как раз теперь, более зрелым, когда обычно человек хочет сказать, что он «и сам с усам», я внутренно *почтительнее* к Вам, и в 1924-м я скорей и легче скажу, что считаю себя Вашим учеником, чем в 1904. Годы делают и надменнее, и скромней. Я был всегда надменен, а теперь стал к одним еще надменнее, а перед другими я скромнее (из живущих — пред Вами; пред своим сердцем, пред искусством, а пред базаром — злее).

Я пишу Вам очень тайные вещи. Плебс, критики и дураки, населяющие «милый мир», не должны быть в это посвящены. Но Вам пишу. Может быть, Вы и улыбнетесь (тоже скепсис!), ну и ладно.

Все-таки я не верю, чтобы Вы серьезно на меня сердились. Но не хочу, чтобы и «несерьезно».

Шлю Вам дружеский привет, сердечный, Вере также.

Ваш душевно *Бор. Зайцев.*

P. S. Мне было грустно, что Вы уехали накануне моего вечера, которым я во многом Вам обязан. Конечно, интересного для Вас ничего не было. Но вы же знаете, что это дело не из легких (для гордыни нашей, за которую будут нас теребить черти на том свете), и сочувственное сердце ценится особенно. М. С. довольна — я получил 5000 фр<анков>. Внешне все прошло благополучно.

13. И. А. Бунину. 28 августа 1924. Париж

28 авг<уста> 1924

Дорогой Иван Алексеевич, неск<олько> дней тому назад мы перебрались в Париж, адр<ес> теперь такой: 2, rue Belloni, Paris (XV). Это бывшая квартира Бальмонта. Мы ее сняли пополам с Лелей Комиссаржевской (Верина племянница). Комбинация:

мы и она + мальчик, не говорящий ни слова по-русски (ее сын), + англичанка бонна. Одним словом, английская семья. 4 комнаты, 850 фр<анков>, делится пополам до января, а там англичане уезжают в Америку, где Леля служит, и мы остаемся в одиночестве.

Лето провели в Со, неплохо. Очень тесно с деньгами, отстреливаемся из укрепленных позиций, на расстоянии 100—200 фр<анков>, но пока дышим. Сейчас я пишу книжечку о Сергии Радонежском, для американцев (Y.M.C.A.). Работа приятная и хорошо действует. Маловато книг. Хожу к Буайе в библ<иотеку> на rue de Lille, открыта из-за мертвого сезона только раз в неделю. Виделся с Карташевым. Вообще же вижу мало людей. Продал Ляцкому роман в «Пламя» и «Д<альний> Кр<ай>» на чешский — это и есть нек<оторая> опора.

Порядочные люди все сейчас в разъезде. Когда Вы приедете? Так в Грассе и не пришлось побывать. Но где же. Только-только выцарапываемся. Гржебин в оч<ень> тяжком положении, не знаю, вывернется ли. Вообще же не него надежд никаких. Кругом сам должен, болен (сердце) и т. п.

Квартира наша хороша, одно неприятно: шум. Целый день французы ездят мимо нас, разные фуры. Бутылки из-под пива, мешки с мукой, ящики с гвоздями, автобусы — черт бы их побрал. И даже ночью не желают затихать. Вера прицеливается что-ниб<удь> работать. Наташу на днях отдаем танцевать.

Из России вести грустные. Мать мою окончат<ельно> выселяют из деревни, и *судили* даже (вот стервы!) — зачем жила в имении, когда этого нельзя. На суде была сестра Татьяна (за нее), и отказалась за нас всех от владения. Мать переезжает к ней в Москву. На 78-м году не очень весело. Верина Татьяна написала, что теперь уверилась в смерти сына (Пети).

А «в заключение сего письма», дорогие дядя Ваня и Верочка, обнимает Вас и целует племянник mister Bob (так меня мальчик англичанин называет). Душевно желаю хорошей работы и покоя.

Напишите неск<олько> слов, коли не поленитесь.

Ваш *Б. З.*

14. И. А. и В. Н. Буниным. 23 апреля 1925. Пюжет

23 апреля 1925

Дорогие Ив<ан> Ал<ексеевич> и Вера, в *понедельник* думаю навестить Вас. Я сейчас у Ельяшевичей в Pugette. В воскресенье мы с Ф. О. собираемся в Ниццу, а на друг<ой> день (должно быть, в первой половине) я заеду к Вам. Верочка, напишите

мне все-таки, будете ли в этот день дома? Где остановиться в Cannes? Собираюсь пробыть 1—2 дня (возвращаюсь уже в Париж) — Привет. Жду открытки.

Бор. Зайцев.

15. И. А. Бунину. 16 июня 1925. Пюжет

Domaine de la Pugette *16 июня 1925*
prés Thoronet. Var

Cher ami et maitre[1], пишу Вам уже из Прованса. Третьего дня мы ввалились в Пюжетт, всей компанией. Начинается первое мое «южное» лето, я никогда в эти месяцы юга не видал. Не знаю, что будет дальше, пока — очаровательно блестящий свет, жарко, но в доме совсем легко, а в моей комнате даже прохладно. Во всяком случае, много вольготнее, чем в Париже.

Квартиру в Париже удалось сдать до октября, т<ак> ч<то> Тэффи успела на прощанье сострить, что «поехали в Пюжет поправлять бюджет». Это весьма правильно. Тэффи переселилась в отель. Когда Вы к нам приедете? Через Драгиньян в автобусе не так далеко. Мы тоже собираемся в Грасс, на денек, но не сейчас, а позже. Пока будем сидеть, ждать Вас. Напишите, дорогой И. А., когда думаете тронуться — чем скорее, тем лучше. Узнайте распис<ание> автобусов до Драгиньяна, а я сообщу от нас до Др<агиньяна> (это 25 верст).

Видите ли Мережковских? И как сербское дело? Я ничего не знаю. (Т. е. главное: будут ли деньги.) Как себя чувствуете? Знаю, что про писание спрашивать Вас бесполезно, но считаю, что в Грассе Вы меня угостите «Литературным шамбертеном». Привет Вере сердечный. Вера на днях напишет.

Ваш *Бор. Зайцев.*

---

[1] Дорогой друг и наставник *(фр.)*.

16. Ю. И. Айхенвальду. 25 июня 1925. Пюжет

Damaine de la Pugette, *25 июня 1925*
Thoronet, Var
France

Дорогой Юлий Исаевич, на днях вышла кн<ига> «Совр<еменных> Записок» с окончанием моего романа. Осенью он выйдет в *окончательной* редакции в «Пламени» (по крайней мере так условлено), и тогда уже я буду нести за него «полную» ответ-

ственность. Сейчас же меня целиком судить еще нельзя: я писал (по бедности) к каждой книжке, и первая половина романа получилась чрезмерно замедленной. Для отдельного издания я сильно ее сократил (самое тело прозы, главы и общий порядок все те же). Убавилось («усохло») 1 1/2 печатного листа, 60 000 лишне написанных знаков! Я писал их не для того, чтобы брать с «Записок» по 300 фр<анков> за лист (около 20 лет назад я получал в 15 раз больше, а семья была меньше) — просто неправильно прицелился. Объясняю это для того, что если будете писать о романе *теперь,* то примите это во внимание.

Если Вы собираетесь, вообще, писать о нем (что для меня всегда очень ценно), то м<ожет> б<ыть>, и лучше было бы сделать это при выходе книги. А там — Вам виднее, «воля Ваша», как говорили мужики при «проклятом царском режиме».

Весною я продал этот роман Eigenbrödlerverlag'у у Вас в Берлине (рукопись отправлена тоже в сокращенном виде), осенью буду пытаться устроить его по-французски — это труднее. Париж колоссален, меня здесь почти не знают, первая статья обо мне в Revue Française появилась только месяца полтора назад, придется переводить сначала русские отзывы. Вообще здесь литературная жизнь непривычно для нас связана с рекламой. А из нашего брата лишь Гребенщиков маэстро по этой части. (На втором месте считаю Ремизова, остальные бездарны). Но Г<ребенщиков> по крайней мере хоть сыт, а Ремизов все-таки голоден.

Сердечно Вас благодарю за внимание к моему «Сергию» и за замечания (об иностранных словах). В том же самом упрекнул меня и Бальмонт — оба вы правы. Очевидно, со стороны виднее.

Мы живем сейчас в Провансе, г имении одних знакомых (русских). Тут чудесно. Давно я не видал столько солнца. И страна эта полна поэзии. Горы, сосновые леса, оливки, виноградники, фермы — похоже на Италию. (*Не* на море, а в 30 в<ерстах> севернее моря, между Тулоном и Канн.) Наташа была больна в П<ариже>, воспал<ение> легких. Правда, в *очень* легкой степени. Здесь ей приволье. Мы живем в старинном помещичьем доме, ему 200 лет. (Тут вообще все «культура» и «прочность»). Прохладно в нем и в жару. Кругом каштаны, фигов<ые> дер<евья>, тутовня и др. — очень тенисто. Жизнь оч<ень> дешева. Надеемся прожить до октября — парижс<кую> кв<артиру> удалось передать. Вера, Нат<аша> и я шлем Вам душевный привет, дорогой Ю. И. (В нашем доме вообще Ваши акции раз *навсегда* стоят высоко.)

Ваш *Бор. Зайцев.*

17. И. А. Бунину. 4 августа 1925. Пюжет

4 авг<уста> 1925

Дорогой Иван Алексеевич,
как дела с поездкой к нам? Мы ждем. В начале сентября приедут Ельяшевичи, и будет уже поздно. Т<ак> ч<то>, если Вы собираетесь, то надо делать теперь. Нынче вторник. В пятницу или субботу я уеду на 2—3 дня в Тропез и Тулон за книгами и покупаться раз-другой. Купаться под Тр<опезом>, а покупать в Т<улоне>.

Напишите, как Ваши планы. Помните, что от Les Arcs автобус в Лорг идет в 6 ч<асов> с чем-то вечера (20—30 м<инут> седьмого), а в Лорг пересадка до Thoronet.

Обнимаем и целуем все. Еще раз: ждем.

Бор. Зайцев.

P. S. Мне хотелось бы кое о чем с Вами поговорить. На бумаге длинно и трудно.

P. P. S. 4 авг<уста> — может быть, моя поездка отодвинется еще на 1—2 дня. Дайте непременно телеграмму заранее.

18. И. А. и В. Н. Буниным. 24 сентября 1925. Париж

24 сент<ября> 1925

Дорогие дядя Ваня и Верочка, пишу накануне отъезда — послезавтра трогаемся. Хорошо было в Провансе, с большим удовольствием и радостью вспоминаем Грасс, сердечно Вас обоих обнимаем. Когда встретимся в Париже?

Еще раз — привет.

Бор. Зайцев.

19. И. А. Бунину. 5 октября 1925. Париж

5 окт<ября> 1925

Дорогой друг, «Перезвоны» (нелепое назв<ание> не мной выдумано) — иллюстр<ированный> журнал в Риге, издает его С. А. Белоцветов, брат Н. А., «Саламандры». Еженедельный, никаких особ<ых> ухищрений, литературный, национальный, без политических статей. Литературным отделом заведую я, в Париже это сегодня как раз окончат<ельно> выяснилось, и я получил уже рукописи. *Очень прошу* поддержать меня, дать что-ниб<удь> в первый №. Что угодно, только дать. Может

быть, есть из тех чудесных по яркости, силе страниц, что давали Миронову. Вообще Ваше дело выбрать, а моя покорнейшая просьба — именно дать. Гонорар Вам — 1 франк за строку (другим неск<олько> меньше, третьим гораздо меньше). Но Вы понимаете, что это не моя область, и, конечно, Вам надо платить не франк и не два, но тут уж начинается чужбина и условия «эмигрантской печати».

Я дал «Тулон», есть Ремизов, Тэффи. Из сотрудников (Б-в прислал мне список) для Вас, я считаю, неприемлемых нет. Наклон сильно вправо, до Первухина и Краснова. Есть Осоргин, с ним Вы в «Совр<еменных> Записках».

Итак, жду рукописи. Верочку целую, обнимаю Вас.

Борис.

P. S. На днях сестра моя и Ляля восторгались «Митиной любовью». Я сказал: „А вот почитайте «Окаянные дни». Там про вас". Это вызвало некоторое замешательство.

20. И. С. Шмелеву. 6 октября 1925. Париж

6 октя<бря> 1925

Дорогой Иван Сергеевич,

спасибо сердечное, что вспомнили Веру и прислали хорошее письмо. Я пишу Вам уже из Парижа. Плохо его принимаю, шумно, душно после деревни, и как-то копотно (во всех смыслах). Но жить приходится. Сейчас получил небольшую работу — заведовать ли<тературным> отделом рижского илл<юстрированного> журнала «Перезвоны». Вот по этому поводу и обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой — дать нам что-нибудь. Жур<нал> этот литературный, без политики, со снимками, еженедельный, название без меня устроили, но думаю (уверен), что приличным он будет, провинциальный «семейный» журнал, особенно ни на что не претендующий. По худож<ественной> части — Добужинский, т<ак> ч<то> надо полагать и эта часть в порядочных руках. Приглашены все т<ак> н<азываемые> «известные» писатели, наклон вправо, до Первухина и Краснова. Я только вчера принял окончательно эту работу. У нас есть пока вещи Ремизова, моя, Тэффи, Черного. Написал, конечно, Бунину, да вообще тут парижский наш круг весь будет.

Гонорар — 82 сант<има> за строку, но, И. С., я *точно* еще не знаю, какой она длины, сегодня отписал Белоцветову (издателю, это брат «Саламандры». Денег много) — чтобы считали как и газетную строку.

Очень хотелось бы иметь Ваше. Отзовитесь. Буду крайне признателен, если прямо пришлете что-ниб<удь>, деньги устроим скоро.

Всего лучшего. Привет О<льге> А<лександровне>.

Ваш сердечно *Бор. Зайцев.*

P. S. Мне Белоцв<етов> писал и о возможности *большой* вещи, романа, из № в №. Какие у Вас на это предложения?

Забыл прибавить: журнал ярко национальный.

21. И. А. Бунину. 12 октября 1925. Париж

12 окт<ября> 1925

Дорогой Иван Алексеевич, предлагал вам франк, потому что, сколько мне известно, столько Вы получали в «Руле» и «Возрождении». Да, в сущности, ничего толком и не мог по гонорарной части предлагать, т<ак> к<ак> Белоцветов (которого М<ережковск>ие уже считают большевиком) о Вас ничего мне не писал, а было сказано кратко: 82 с<антима>. Мало и Вам, и мне, но по 10 фр<анков> здесь никто не платит. Я приложу все усилия, чтобы Вам заплатили сколь можно больше, белоцветовских денег мне не жалко, но я должен знать, что же просить, что Вы хотите? (За стихи и за прозу.)

Белоцветова я знаю лично, это крупнейший делец и такой «буржуй»... — что только З<инаида> Н<иколаевна>, которой я написал сейчас резкое письмо, может думать, что журнал будет «сменовеховский». (И приходится спорить, доказывать, убеждать в очевидности!) О новой орфогр<афии> мне и в голову не приходило, я уверен, что по старой, но ввиду общей Вашей крайней подозрительности, сегодня же запрашиваю Белоцветова.

Всего лучшего, сердечный привет обоим.

Ваш дружески *Бор. Зайцев.*

P. S. Проспект мне (как, очевидно, и Вам) прислан на машинке по старой орф<ографии>. По Конституции Белоцветов имеет право veto на «произведения, задевающие нац<иональное> или религиозн<ое> (православное) чувство».

22. И. А. Бунину. 19 октября 1925. Париж

19 октября

Дорогой друг, сегодня получил корр<ектуру> стихов Бальмонта — конечно, по старой орфогр<аф>ии. Павел Андреевич Тикстон (брат жены Б<елоцветов>а и близкий чел<овек> журналу) сказал мне, что для «Перезвонов» заказан был новый

шрифт, им и набраны стихи (Б<альмонт> их отправил Б<елоцветову> давно, еще до моего «вхождения») — шрифт приличный и «наш». Так что с этим покойно. Дорогой Ив<ан> Ал<ексеевич>, если Вы будете давать не только 500 строк, но если бы дали целую повесть, на неск<олько> №, мы были бы очень рады. Как раз вчера Белоцветов писал об этом, а я ответил, что было бы отлично, но думаю, что отдадите в «С<овременные> З<аписки>», а если нам, то по 5 фр<анков> за строчку. Это, конечно, не выйдет. Но дороже «С<овременных> З<аписок>» мы заплатить, наверное, сможем. (Мы!!)

Во всяк<ом> случае, ответьте тотчас же, что хотите за прозу, что за стихи. Рад буду всему Вашему, что ни дадите, об этом писать даже лишнее. Я написал о мал<ых> штучках типа как в «Илл<юстрированной> Росс<ии>» потому, что думал — вряд ли Вы нам что-ниб<удь> крупнее дадите — только поэтому.

Зинаиде скажите: я с Добужинским встречался в Берлине 2 года назад, он *нисколько* не большевик. Мне, вероятно, Вы не поверите, спросите Веру (мою. Она уж на этот счет «берет по месту»). Нарисовал он обложку — перезваниваются между собой эмигрантские гнезда — Нотр Дам с Собором Петра, Стефаном и т. д. Мысль дурацкая, конечно, как и название, но уж *не* с большевиками перезваниваться собирается Белоцветов, это уж что.

Об Апсите Тикстон уже написал Б<елоцветов>у. В проспекте, только что мною полученном, имени его нет (хотя я и считаю, что если он у больш<евиков> писал плакаты, это не значит, что он сейчас большевистск<ий> «деятель». И Д<митрий> Серг<еевич> что-то «читал» в Петербурге).

Ну, всего лучшего. На моем письме Вам был, должно быть, оттенок неудовольствия — не вменяйте, Зинаида рассердила, а я писал письма одно за другим.

Ваш всегда *Борис.*

23. Вас. И. Немировичу-Данченко. 23 октября 1925. Париж

23 окт<ября> 1925

Глубокоуважаемый Василий Иванович, на днях я принял на себя заведование литературным отделом журнала «Перезвоны» — еженедельный журнал с иллюстрациями, без политики. Половина № — литература, дальше детск<ий> отд<ел>, юмор, снимки, текущ<ая> жизнь и т. д. Издается в Риге. Приглашаем все видные лит<ературные> силы. Обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой прислать что-нибудь, принимая во внимание размеры журнала. Впрочем для рожд<ественского> № возможно и более крупное. Уже участвуют: Бунин, Шмелев, обещал Куп-

рин, Алданов, Тэффи, Ремизов, Черный и т. д. Журнал будет небольшой, но приличный, и хорошо напечатанный в соб<ственной> типографии Акц<ионерного> Об<щест>ва «Саламандра» (это издатели). Плата 82 сантима строка (39- 40 знаков).

Итак жду от Вас материала — рассказа, очерка и т. п.

С соверш<енным> к Вам уважением

Бор. Зайцев.

Мой адрес: 2 rue Belloni, Paris (15). Все рукописи поступают мне.

24. И. А. Бунину. 2 ноября 1925. Париж

2 ноября 1925

Caro maestro e amico[1], спасибо сердечное за «Сарафан». Отослал его в Ригу в день получения от Вас, им хочу начать и журнал и номер. Насчет условий Ваших написал, они, конечно, далеко выходят из «рамок», да ведь и Вы из них выходите, т<ак> ч<то> с этим не предвижу затруднений, а доллары устроит Павел Андреич.

Говорят, Вы остаетесь — не пойму, до янв<аря> или до декабря?

Привет Вам и Вере, и всем Вашим хорошим местам.

Ваш *Бор. Зайцев.*

---

[1] Дорогой маэстро и друг *(ит.)*.

25. И. А. Бунину. 9 ноября 1925. Париж

9 ноября 1925

Дорогой друг, Ваши доллары у Тикстона. Что с ними делать? Напишите ему <...> или мне, как хотите, с деньгами поступим по Вашему повелению — вышлем ли, или Вы, мож<ет> б<ыть>, на днях и сами приезжаете. К сожалению, в 1-й № Ваша вещь уже опоздала, там будет только анонс о ней, для 2-го.

Крепко целую, *Борис.*

26. И. А. Бунину. 7 декабря 1925. Париж

7 дек<абря> 1925

Дорогой друг, получаете ли Вы журнал, и как впечатление? Напишите свои замечания. Не знаю, что дальше будет, пока журнал идет хорошо, т<ак> ч<то> даже увеличивают тираж (но я не знаю, сколько печатали. Первые № разошлись).

Очень бы рад был, если бы Вы нам прислали что-нибудь, прозу или стихи. В рождественский или новогодний № (их будет два). Нет ли случайно чего «рождественского» — мои старики любят это (был, напр<имер>, когда-то «Новый год» Ивана Бунина — и как это давно было!). Но, конечно, и не рождественское, будем благодарны. И пришлите стихи. Давно Ваших стихов не было, пора.

Когда же увидимся? И каковы вообще планы на зиму? У нас все лазарет. Лежала Тата, теперь встала, третьего дня Вера слегла — ангины, анафемский парижский климат. Ну, всего лучшего, Верочке привет дружественный. Кланяйтесь также Ек<атерине> Мих<айловне>, я о ее статье написал сочувственно в «Днях» — дошел ли этот №?

Ваш *Бор. Зайцев.*

P. S. Просьба к Вам касается не только святочных №№, если опоздаете, то все равно — я даже думаю, что в рожд<ественский> вернее всего опоздаете, а в новогодн<ий> еще вполне есть время.

27. Г. И. Радченко. 19 декабря 1925. Париж

19 декабря 1925

Многоуважаемый г. Радченко, в ответ на Ваше письмо сообщаю о себе след<ующие> сведения.

Я, Борис Константинович Зайцев, живу в Париже, уже два года (2, rue Bellini, Paris (15). Печатаю в «Пламени» роман «Золотой узор» (по-немецки он выходит в Берлине (Eigenbrödler-verlag) в переводе А. Боровского. В YMCA-Press выходит 2-е изд<ание> моей книги «Преподобный Сергий Радонежский». Немецкое ее издание — в Майнце, у Matthiasgrünevald verlag, готовится английский перевод (П. Ф. Андерсеном).

Роман «Зол<отой> узор» — история семьи, проходящая чрез мирное, военное и революционное время России — людей, выносящих трагедию эпохи и укрепляющихся в области духа и религии. «Сергий Радонежский» — биография, проникнутая пониманием святого, как учителя и утвердителя высших начал бытия.

В настоящее время пишу книгу лирико-философских (с оттенком беллетристики) очерков-заметок «Странник». А также повесть «Атлантида» (о довоенном ушедшем — русская провинция конца 90-х годов).

Вот, кажется, и все, что могу сообщить о себе.

С совершенным уважением

Бор. Зайцев.

28. И. А. Бунину. 31 декабря 1925. Париж

31 дек<абря> 1925

Дорогой И<ван> А<лексеевич>, по утреннем размышлении решил нынче вечером не идти — Вы знаете, что с Вами и Верой мне оч<ень> приятно провести вечер, и против редакции «В<озрождения>» я решительно ничего не имею, но к Гукасову, да еще по такому не прямому зову — не подходяще. В прошлом году он был груб по отношению ко мне, а нынче все же он будет хозяином, и почему-то я к нему пойду? — нет.

Обнимаю Вас и Верочку дружественно.

Ваш *Бор. Зайцев.*

29. В. П. Ляцкой. 12 января 1926. Париж (Запись в альбом)

Дорогому Евгению Александровичу — память о Париже, чудесной поездке, Булонском лесе, вечере, красных и зеленых огнях автомобилей.

Дружественно

12 янв<аря> 1926 *Бор. Зайцев*

30. А. М. Федорову. 26 марта 1926. Париж

26 марта 1926

Дорогой Александр Митрофанович, получил из Риги Вашу «Икону», прочел с большим интересом, но, к сожалению, к «Перезвонам» это не вполне идет, о чем мне написал и издатель. Дело, конечно, не в литературной стороне, она на высоте, как и подобает Вам. Но мы должны считаться с читателем (а я и с издателем, кот<орый> именно в *этом*, не литературн<ом> отн<ошении> имеет право veto, к чему и прибегает в данн<ом> случае.

Но, А. М., я *очень* буду рад, если Вы пришлете мне что-ниб<удь> другое для «Перезвонов», я просто только потому до сих пор не обратился к Вам, что Вы настолько на отлете, что даже и адреса Вашего у меня не было, и я не знал, пишете Вы, что, и как.

Стихов Ваших я не получал, очевидно, они просто бесспорны и идут. Если у Вас есть *сейчас* что-ниб<удь> небольшое, подходя<щее> для пасхального №, то пришлите обратной почтой, нам как раз к Пасхе нужно, но времени уже немного.

Адресуйте мне: 11, rue Claude Lorrain, Paris (XVI).

Сердечный привет.

Бор. Зайцев.

31. И. С. Шмелеву. 20 апреля 1926. Париж

11, rue Claude Lorrain *20 апр<еля> 1926*
Paris (16)

Дорогой Иван Сергеевич,

и ведь кажется (увы, почти наверно), что Вы сначала правильнее поняли! Ну, и то хлеб, 1500 фр<анков> в год на физиономию. Когда узнаете что-ниб<удь> более точно — черкните, конечно.

Теперь я к Вам за «долгами». 1) Что-ниб<удь> ко дню русск<ой> культ<уры> в «Перезвоны» — очень прошу, сейчас же, а то лишь портрет Ваш. Ив<ан> Ал<ексеевич> уже прислал, я даю что-то, *Вы необходимы,* надо же показать *русских* писателей к этому дню. — А<лександр> Ив<анович> нездоров, вряд ли от него что будет, М<ережковск>ий на маленькое по размерам неспособен, выходит слишком малочисленно.

Затем: Инвалид, и Русский мальчик! Я Инвалиду дал страничку из старого. Очень тоже прошу Вас прислать что-ниб<удь>, мы ведь с Вами в ред<акционном> ком<итете>, непременно надо. И все это — в ближ<айшие> дни должно получиться! (Особенно тороплю Вас с «Пер<езвонами>» — 15-го день р<усской> культ<уры> в Риге, а надо еще переслать, № будет большой, и т. п.

Всего лучшего. Будьте здоровы и отдохните в деревне. Я и сам весьма непрочь сейчас тихо посидеть, <но> в Париже нет возможности.

Ваш *Б. З.*

32. И. С. Шмелеву. 27 апреля 1926. Париж

27 апр<еля> 1926

Дорогой Иван Сергеевич, спасибо за «Блаженных» — мне очень понравилось, и очень подходит к № дня культуры. Уже отправлено в Ригу, вместе с портретом. За «Грех» не волнуйтесь, конечно, он пойдет, но не в этом №. (Кстати: *конечно*, день рус<ской> к<ультуры> — *платный*, обычный гонорар, как всегда, как у Вас и там было написано (фр<анков> 25).

«Инвалид» наш почти готов, и Ваш отрывок попал как раз вовремя. Материал у меня. Через неделю сдадим в печать — взялся даром напечатать у себя в типографии. Дали все — пока нет только Куприна.

О сербах никаких новых сведений нет, но Ив<ан> Ал<ексеевич>, и Мер<ежковские>, и Вера в один голос говорят, что

трудно себе представить, чтобы они дали по 1000 на каждого. Да и сам Б. называет это «неполным»... М<ожет> б<ыть>, мой всегдашний пессимизм, но я тоже мало верю. «Поживем, увидим».

Сегодня я о Вас думал. Есть в Вашем облике черты, которые я очень высоко ценю и уважаю. Хотел бы их для себя, но, к сожалению, мало выходит.

Кажется, ко дню культуры подобрались вещи, в один центр бьющие.

Всего лучшего.

Ваш сердечно *Бор. Зайцев.*

33. В. С. Миролюбову. 1 мая 1926. Париж

1 мая 1926

Дорогой Виктор Сергеевич, не можете ли Вы распорядиться, чтобы мне выслали еще 5 экз<емпляров> романа — это полезно для самой книги. Я получил 25, но этого мало. Очень прошу убедить издательство не пожалеть лишних книг.

Кстати: *нигде* я не видел *ни одного* объявления о выходе романа. В нек<оторых> кн<ижных> магазинах его вовсе нет. Были статьи (в «Возрожд<ении>», «Руле», «Звене»), но этого мало, нужно же немного и двигать кн<игу> иными способами.

Выходит ли у Вас что-ниб<удь> с изданием по-чешски? (Кстати: не проще ли выпустить по-чешски именно этот роман?) Книги Вам «Родником» посланы. Я сказал Коварскому, что они будут оплачены «Пламенем» по обложечной цене.

Всего лучшего. Христос Воскресе, дорогой Виктор Сергеевич!

Ваш всегда *Бор. Зайцев.*

34. И. С. Шмелеву. 13 мая 1926. Париж

13 мая 1926

Дорогой Иван Сергеевич,

очень прошу, сообщите обратной почтой, как зовут Белича? И правилен ли адрес: у меня записан Francopane, 28a Belgrad SHS? Написал ему длинное письмо, благодарность, и о Тэффи написал, а как его по батюшке, никто тут не знает.

«Инвалид» на днях выйдет. Все Ваши замечания и пожелания доложу.

Белоцветов пишет мне очень хвалебно о Вашем, действи-

тельно прекрасном рассказе — это будет украшение № «Дня русской культуры».

Всего лучшего.

Сердечно, как всегда Ваш

Бор. Зайцев.

О статье Мишеева пишу сейчас. *Разумеется,* она у меня не была!! Просто скандально по грубости рекламы. Вот и изволь редактировать за 3 тыс<ячи> верст.

35. В. С. Миролюбову. 23 мая 1926. Париж

23 мая 1926

Дорогой Виктор Сергеевич, третьего дня отправил письмо Гайде, и пишу еще Вам, о том же, т<о> е<сть>: 1) мне нужно еще 10 экз<емпляров> романа (я получил 25) — мотивы настолько законные, что смешно писать: помощь распространению романа. (Напр<имер>, вчера получил письмо от А. Федорова, с просьб<ой> прислать экз<емпляр> ром<ана> — для статьи в Румынию, в газ<ету> «Наши Дни» — и нечего послать! Ведь кажд<ая> статья имеет значение для движения романа). — 2) В Париже с «Зол<отым> Уз<ором>» происходит нечто поразительное по нелепости — в магазинах *нет* романа, знакомые спрашивают: где купить? Ведь это прямо анекдот! В газетах пишут о романе *оч<ень> хорошо* — в Париже, Берлине, Риге. Будут статьи и еще, в журналах — *и ни одного газетного объявления, что роман вышел!* Кто в «Пламени» представитель для Франции? Кого казнить? Кто ответственен за редкую небрежность в обращении с романом, над которым автор сидел годы, о котором пишут в тоне уважения и восхищения — и которого нельзя купить?

Дорогой В<иктор> С<ергеевич>, очень прошу Вас, наведите порядки! Пусть хоть теперь, запоздало, сделают объявления о романе (следовало бы, конечно, как это делают о «Митиной любви» Бунина — с выдержками из статей — ну, об этом уж что и говорить), пусть в Париже *всюду* в кн<ижных> маг<азинах> появится роман, и пусть мне пришлют дополнительно авторские. Послав мне 10 — Вы продадите лишних 200—300, неужели это не ясно? И неужели не ясно, что, мешая распространению моего романа, «Пламя» подводит меня (хотя я и получил все за роман), ибо, когда буду печатать новую книжку — всякий издатель прикинет в уме, как прошла предыдущая.

Вы отлично поймете, В<иктор> С<ергеевич>, что все это

адресовано *не Вам лично.* Вы-то тут, конечно, не при чем, я пишу Вам просто по старым дружественным отношениям, и потому выходит так возбужденно, но, уверен, Вы поймете мое недовольство, тем более, что и Вы сами сыграли большую роль в вопросе о *напечатании* «Зол<отого> Уз<ора>» в «Пламени», я считаю Вас «другом романа».

Пока всего лучшего. Крепко жму Вашу руку.

Сердечно Ваш *Бор. Зайцев.*

36. А. М. Федорову. 23 мая 1926. Париж

23 мая 1926

Дорогой Александр Митрофанович, рассказ, разумеется, вполне для нас подходящий, я его уже отправил в Ригу для печатания.

О деньгах пишу. Посылаю Вам экземпляр недавно вышедшего своего романа «Золотой узор».

Всего лучшего.

Сердечно Ваш *Бор. Зайцев.*

37. И. С. Шмелеву. 1 августа 1926. Париж

1 авг<уста> 1926

Дорогой Иван Сергеевич,

спасибо сердечное за поздравленье, за память. Откуда Вы узнали? Думаю, от Буниных, или от Рощина? Это негласная, но действительная дата. В этот день приезжали ко мне из Грасса Ив<ан> А<лексеевич> и Вера, мы выпили винца, чокнулись. Утром я ходил в село Торонэ за припасами к завтраку и, возвращаясь, вспоминал себя самого 25 лет назад, в жаркий московский день, на заводе Гужона (где директором был мой отец). Помню, мы ездили в гости в Измайловский зверинец (Вы москвич, Вы ведь знаете) на дачу к скучнейшим людям, но мне скука была не в скуку, я был счастлив, что в газ<ете> «Курьер» появилась пустяшная штучка, подписанная *П.* Зайцев по ошибке! Но я-то знал, что это я, и домашние знали. Так вот, возвращаясь с полными покупками Rillet[1] домой, теперь, вдруг вспомнил: мог ли я *тогда* подумать на извозчике, на Владимирском шоссе, что через 25 лет буду вот так в Провансе нести Rillet с томатами, хлебом, чесноковыми поливками? Вот фантастика-то жизни!

---

[1] Паштет *(фр.).*

Так. Теперь о другом. Аптекман мне пишет, что посылает вам 419 фр<анков>. Я давно написал в Ригу, что нужно Вам доплатить по условленному гонорару — и не понимаю, что это, доплата, или что другое? А<птекман> сообщает также, что №№ «П<ерезвоно>в» отправлены Вам на 12, rue Chevert. Черкните, пожалуйста, правильно ли с Вами рассчитались, и дошли ли №№.

Помнится, я говорил Вам, что Миролюбов обратился ко мне с предл<ожением> прислать книги для выбора к переводу на чешс<кий> яз<ык> (еще Вы писали ему об этом!). Потом он мне ответил, что книга готова. Но теперь он уехал в Россию. «Пламя» же сочло самым подходящим к 25-летию моего писания — отказать от этой книги. (Бунин и Алданов уже получили авансы.) Это, впрочем, меня не удивляет — такова судьба почти всех моих книг за границей. Да, вот еще что: в воскр<есном> № «Дней» есть список книг русск<их> авт<оров>, вышедших в Чехии в 1925 г<оду>. Там указано по одной книге *Бунина, Зайцева, Куприна, Шмелева* и Немировича, кажется, 5 кн<иг>, что-то в этом роде. Не знаю, как Вы, но я первый раз слышу о своей книге по-чешски *теперь* (были две года два назад, но тоже ни гроша не дали). Написал по эт<ому> поводу Ляцкому — нельзя ли разузнать и постараться что-ниб<удь> получить. Если Вам тоже не заплатили — самое лучшее написать Ляцкому (Šeřikon, 7 Praha), или кому-нибудь из знакомых Ваших в Праге. Вот живодеры!

Если Рощин у Вас — привет ему. Сердечно кланяемся всем Вашим и мы. Наташа начинает поправляться после Парижа, и розоветь.

Всего лучшего.

Борис Зайцев.

38. Н. Я. Рощину. 29 декабря 1926. Париж

29 дек<абря> 1926

Дорогой Николай Яковлевич, мы с М. А. Спиридович были в субботу с фотографом Миронова в Общежитии, и фотограф сделал нам снимки. Было условлено, что Вы напишете несколько слов об Общежитии, но в субботу Вас не было. Теперь Миронов передает через М. А. мне просьбу написать, и очень спешно. Я написал уже об Общежитии статью в «Посл<едних> Нов<остях>», вторично писать прямо нету сил — притом и так строчу разные листовки для нашего концерта, какую-то чепуху

для скетча на балу писателей, вообще получается что-то несосветимое.

Миронов же «утверждает» (и все это не *прямо* мне, а через третьи лица, с обычной своей невоспитанностью), что статья об Общежитии должна быть у него завтра, в пятницу, иначе № со снимками не выйдет 8-го янв<аря> — нам же, разумеется, оч<ень> важно, чтобы он вышел до концерта, это реклама. — Так вот величайшая просьба к Вам: напишите, как Вы и хотели, 30-50-70 строк об Общежитии, ведь Вы знаете общее о нем, а подробностей никаких не надо — снимки отличные — сами за себя говорят. А <если можете>, тем лучше, надо тотчас же.

Всего хорошего.

Ваш *Бор. Зайцев.*

Exp: Bor. Zaitsev, 11 rue Claude Lorain, Paris 16^{e}

39. А. М. Федорову. 18 января 1927. Париж

18 янв<аря> 1927

Дорогой Александр Митрофанович, большое и сердечное Вам спасибо за статьи, очень меня тронувшие — я буду хранить их в числе добрых воспоминаний этого времени. Если бы Вы были в Париже 12 дек<абря> на банкете, то встретили бы, конечно... но не столь многих, как думаете! Все-таки, очень все мы разбросаны по разным странам, и хотя Париж считается центром, все же он далеко не все охватывает. Да и, напр<имер>, Телешов, Белоусов в Москве, Сергеич давно в гробу. — Куприна на банк<ете> не было — по нездоровью он не пришел. Знаете, из прежней «Середы» были, кажется, только Бунин да я! (А народу, вообще говоря, пришло много.)

Обнимаю Вас и от души желаю всего лучшего в этом году (здесь, между прочим, он начинается довольно грозно для русских — безработицей и растущей нуждой!).

Ваш сердечно *Бор. Зайцев.*

P. S. Стихи Ваши отправлены в Ригу. Мне особенно понравилось о «змее».

40. С. А. Иванову. 5 февраля 1927. Париж

5 февраля 1927

Глубокоуважаемый Сергей Андреевич,

хотя я и не состою членом Вашего Комитета, однако решаюсь написать Вам несколько строк относительно двух неправильных,

по моему мнению, решений Комитета — решений, видимо, вызванных неполной осведомленностью (я не навязываю Вам своих мнений, а хочу именно осведомить, во избежание недоразумений).

1. К. Д. Бальмонт, в письме Комитету, указывает на трудность своего матер<иального> положения в связи с переездом его на новое место и расходов с этим связанных. Упоминает, что у него долг по квартире, долг угольщику, трудность содержать отдельно (в Париже) живущую дочь, и просит меня ввиду этого походатайствовать перед обоими К<омитета>ми о выдаче ему ссуды. У нас ему дали 300 фр<анков>, у Вас отказали вовсе.

2. Н. Я. Рощин — ему у Вас отказали (нам не подавался) на том основании, что он не беллетрист, а журналист. Это последнее неверно. Он беллетрист, а не журналист. Он довольно много печатал своих вещей в «Руле», «Перезвонах», «Возрождении», «Илл<юстрированной> России», его стаж литературный бесспорен, более того, в эмиграции это один из даровитых беллетристов и во всяк<ом> случ<ае> та действующая армия литературы, которую поддерживать именно необходимо. Он человек болезненный (последствия контузии), очень нуждающийся и крайне нервный. Нельзя же забывать (это относится и к Бальмонту), что такие отказы действуют очень тяжело на психику обойденного. В этом всегда есть моральный удар (например, в систематических отказах Сургучеву, якобы, что-то «получающему»: но именно Сургучев никаких субсидий, ни от сербов, ни от чехов вовсе не получает).

Не говоря уже о Бальмонте. Сорок лет проработать в литературе, иметь имя, записанное крепко в русской культуре и известное всюду на Западе, и не удостоиться никакого внимания и поддержки — это, конечно, невесело. Раз человек пишет, что ему трудно, то право же — можно и поверить, несмотря на то, что он получает, как и другие 5—6 писателей, от сербского правительства поддержку «За заслуги перед делом всего славянства», как сказано в препроводительном письме, а не как «подачку», как нередко изображают это недоброжелательные люди.

Впрочем, я увлекся и отошел от темы. Повторяю, что основное намерение — просветить Вам фактичес<кую> сторону вещи. Делаю это, зная именно Ваше всегда внимательное и сочувственное отношение к писателям, и в сознании, что все это дело в каком-то смысле «общее дело».

С совершенным к Вам уважением

Б. Зайцев.

41. И. А. Новикову. 23 апреля 1927. Париж

23 апр<еля> 1927

Христос Воскрес, дорогой Иван! Сто лет не писал тебе, но всегда помню и люблю и тебя, и Олю, и Мариночку с Ростей — наверное, они какие большие теперь стали! Наташа тоже большая. Она так выросла за этот год, что на следующий, наверно, уже будет просто взрослая барышня. Время идет. Уже пять лет мы вне России, четвертый год в Париже! Я очень привык к этому городу и полюбил его. Мы живем в тихом квартале близ Булонского леса, много зелени, воздух хороший. Некоторые места Парижа уже как-то согреты для меня жизнью.

30 апреля я уезжаю на Афон. Думаю написать о нем книгу. Вспомни обо мне в субботу, в 3 ч<аса> дня, я буду садиться в Марселе на пароход в Пирей (Афины).

Сейчас у меня на сердце довольно грустно — лежит на столе письмо от бабушки: ей отказали в 18-й раз! Она, по-видимому, теряет уже надежду. Иван, я знаю, что ты, конечно, все делал и сделаешь, чтобы помочь, и все-таки я еще обращаюсь к тебе, памятью старой дружбы: сделай еще усилие! Попроси Петра Семеновича, объясни ему, что никого это подвести не может — ну скажи же по совести, был ли я когда политиком, и где мои интересы? Я и *не* стал политиком, мир, красота и религия, вот что мне ближе всего, «Свет Афонский» и т. п. Я бы написал ему и сам, но, быть может, он теперь дурно ко мне относится, м<ожет> б<ыть> ему неприятно или даже неудобно. Или, напр<имер> А. Окулов? Ну он мало меня знает и я не знаю вообще, кто меня помнит из тех, что могли бы подтолкнуть отъезд мамы. Ведь ей 80 лет! Неужели это не аргумент? И она едет к зятю-коммунисту, который за нее хлопочет. Должен, впрочем, сказать, что Морис вообще наш porte malheur[1]: все, что он ни делает, обращается в неудачу для нас. Об этом долго рассказывать, и неинтересно. Да я теперь его и не вижу. Вот, друг мой, какие дела. Здесь сейчас Павел Павлович на время из Рима, я очень рад его видеть, он, да и ты, да еще один, два человека — вот и все от моих «друзей», особого разряда людей, приобретаемых лишь вероятно в известном возрасте. Передай мой самый горячий привет Георгию, я ему не пишу и не писал по той же причине, что и тебе, т. е. не потому, что забыл, или разлюбил Вас... Также кланяйся и целуй Н. Г., про своих я уже и не говорю, я вчера маме сам

---

[1]Приносящий несчастья *(фр.)*.

написал, а нынче от нее письмо. Также самоочевидны и сердечные мои приветы дорогой Оле и твоим детям. Ладно, пусть этот конец похож на мужицкие письма, но ведь я пишу на *Родину*, под Светлое Христово Воскресение, и сердце мне щемит любовью и грустью.

Когда-то увидимся, дорогие мои!

Ну, Господь Вас храни.

Ваш *Борис.*

Вера и Наташа присоединяются.

42. В. А. Зайцевой. 4 мая 1927. Афины

4 мая 1927, Афины

Дорогой мой дружок, сегодня отправил тебе телеграмму, был на телеграфе, который называется «Телеграфи́он», а я сам называюсь «грамматико́с» (писатель). Не удивляйся, что пишу на бланке «Indépendance Belge», я в дороге познакомился с ее сотрудником и одним из редакторов отдела (литературного), и мы так сдружились, что остановились вместе в отеле, вместе завтракали и обедали, и он даже дал мне эту бумагу, для ускорения дела. Очень милый человек, и оч<ень> *наш*, любитель Италии и энтузиаст. Сейчас он пишет «артикль» в свою газету, где (как сказал мне за завтраком) «упоминает обо мне».

Дорогой друг, путешествие это довольно фантастическое, впечатлений много, но они все пестры и разорваны, такой цельности, как бывало, когда мы с тобой ездили по Италии, нет. Вообще, конечно, я могу только с тобой путешествовать, в одиночестве бывают моменты острой тоски, ощущение заброшенности в какой-то вовсе иной мир — непрестанно. Последний день парохода, когда шли вдоль берегов Греции, был замечателен. Замечательна ночь, при проходе Коринфского канала, когда с земли совершенно *потрясающе* пахло цветами и медом. Афины, как город... об этом говорить нечего, это пустяк. Вечером был на Акрополе. От жары и усталости за день, оттого что в Пирее нас разбудили в 5 ч<асов> утра — разболелась голова, но Акрополь *очень большое* впечатление. В общем же, передай Пате и сама запомни, Афины и Флоренция — просто и разговаривать тут *не* о чем. Это неисоизмеримые величины. Акрополь же — остаток совсем другого мира, никак не вошедшего в мир здешний: Греция как страна, после Италии, гола и суха, но имеет поразительную *свою* красоту, совсем особую. Погода нынче неважная, жарко, но серо, пыльно (безмерно! Как в Воронеже!), и краски страны, с Акрополя, какие-то рыжие,

коричневые, кой-где только тронутые нежной зеленью. Горы пустынны.

Сегодня был у митрополита. Он дает мне письмо на Афон, и я тронусь как можно скорей. Получу письмо послезавтра. Митр<ополит> неплох, серьезен, принял меня хорошо. Послезавтра снесу ему книжку (о Сергии). Он говорит, что на Афон меня пустят беспрекословно. Пойду к нему с Груасом, который хочет его интервьюировать для «Indép<endance> Belge».

Без языка, все-таки, невесело. Но уже за сегодняшний день я сделал успехи в греческом, и дня чер<ез> 2—3 необходимое буду уметь говорить. По-французски — практика огромная. Дорогие мои, братец и Тата, я вас очень и очень люблю, постоянно о вас думаю и молюсь за вас. Господь Вас храни. Посылаю открытки с дороги.

Папа.

N. B. Первый очерк для «П<оследних> Н<овостей>» почти кончил, это с дороги, вышлю на твое имя, прочти. Кажется, довольно грустно и пронзительно. Пиши пока на Афины, poste restante (хотя это я получу лишь на обратн<ом> проезде), на Афоне же — Его Высокопреподобию, Архим. Мисаилу, Пантелеймоновск<ий> мон<астырь>, Mont Athos, Grece (для меня).

43. В. А. и Н. Б. Зайцевым. 8 мая 1927. Афины

8 мая 1927, $8\frac{1}{2}$ ч<асов> у<тра>

Дорогие мои, золотые душеньки, вчера впервые получил от Вас весточку, страшно был рад. Милый друг мой, как я узнаю вашу горячую и обильную душу, добрую и порывистую. Но не устраивайте только себе никаких терзаний — нет причин к тому. Молитесь обо мне — пишу, но и так знаю, что молитесь, все-таки это хорошо.

Я завтра выезжаю, наконец, на Афон. Предполагалось, что это будет во вторник, но греки передумали, и мы едем в понед<ельник> в 6 ч<асов> веч<ера>, а в среду ранним утром уже в Пантелейм<оновском> монастыре. Афины мне сейчас больше нравятся, чем по первому впечатлению — очень живой, веселый и необыкнов<енно> шумный город, с поздней ночной жизнью (в $11\frac{1}{2}$ ч. веч<ера> можно постричься, в 1 ч<ас> — купить в киоске запонки). Все поздно здесь. Главная жизнь вечером, но жизнь состоит в том, что один старается продать другому (оба нищие) неск<олько> фисташек, лотерейный билет и т. п. Бедность большая — после Парижа разительная. Ино-

странцы в особом почете. Первый раз за границей я чувствую себя грансеньером[1]. В отелях, ресторанах, кафе, на улицах на нас смотрят с благоговейным «ужасом».

Сейчас мы с Груасом ходили в Нац<иональный> Муз<ей>, — он оказался заперт, в 11 ч<асов> у<тра> я иду на концерт, дирижирует Бутников, муж той дамы, к кому у меня письмо от Ж-ос. Я был у нее. Она очень мила и много мне помогла. По вечерам мы ужинаем в «Стрельне», в компании русск<их> музыкантов. (Но не ее мужа, тут целая история, расскажу дома.) Вчера мы с ней купили мне отличную белую шляпу для Афона, брали билеты, и т. п. Вообще я здесь не чувствую уже себя таким отброшенным, как первые дни на пароходе. Вчера с Груасом полдня просидели на Акрополе — это место, действ<ительно>, «мировое». И Музей его поразителен (главн<ым> обр<азом>, архаические скульптуры).

К сожалению, билет назад (в Марсель) будет стоить уже *дороже* — греки подняли цену ввиду сезона. Это обидно, ибо, конечно, денег в обрез. (Будет 1—1½ фунта англ<ийских> лишних, т. е. 150—200 франков). Ну, да ничего. Ком<ната> у меня хорошая, плачý 60 драхм (=20 фр<анков>), обед и ужин по 40—50 др<ахм>, но денег все же идет много, ибо все время в движении!

Митрополит здешний дал мне на Афон «грамоту» ко всем тамошним властям, чтобы мне жить месяц и чтобы оказывали всяческую поддержку.

На пароходе писал, а здесь положительно некогда, завтра и послезавтра докончу на пароходе начатое и пришлю уже с Афона. Адр<ес> теперь будет такой:

Mont-Athos, *Grece*

Его Высокопреподобию Архимандриту Русск<ого> Пантелеймоновск<ого> монастыря *Мисаилу* (для меня).

Милая Тусенька, целую Вас нежно, часто вспоминаю, и всегда вспоминаю, когда вижу афинскую девочку с косичками, а тут много девочек так ходят, но ни у кого не видал таких хороших кос, как у тебя.

Братец, дорогой, Христос с тобой.

С Груасом сдружились. Он такой же растяпа как и я, рассеянный и мало практичный. Снимок наш будет в Indépendance Belge. Обо мне он уже написал. Ходит за мной по пятам — очень мил и восторжен. (Напомнил мне Донзеля в «прежнем» виде! Как сильно напомнил!)

---

[1] Большим, важным господином *(фр.)*.

44. В. А. и Н. Б. Зайцевым. 8 мая 1927. Афины

10 ч<асов> 40 м<инут> вечера

Дорогие, съел кусок ветчины, пью пиво. Номер мне оставили — в 30 фр<анков> — дороговато, но другим всем отказывали. Ехал хорошо, обычно. Но уж очень теперь обычен этот путь! Настроение ровное, тоски нет, но все же грустно. Все время с Вами. Сейчас Наташенька, наверное, спать уже легла, а братец читает «Слово»... впрочем, виноват, Вы нынче на Родольфо. Вот и ошибся. Все равно, эта же картина произойдет через час.

Сейчас пойду, узнаю точно, когда завтра уходит пароход. С утра пойду куплю кое-какие мелочи, особенно же каскетку, это необходимо. Здесь, между прочим, вовсе не так уж тепло, т<ак> ч<то> плед на море, наверно, пригодится.

Пойду лягу, еще раз мысленно Вас обниму и перекрещу. Господь храни Вас, ангелы мои.

Ваш *Папа.*

P. S. Да, узнал: завтра около трех!

45. В. А. и Н. Б. Зайцевым. 11 мая 1927. Салоники

Салоники,
11 мая, 1927 6 ч<асов> утра.

Дорогие мои любимые, только что вошли в салоникский порт, пароход будет стоять целый день! — я сойду и опущу это письмо. Едем страшно медленно. Из Афин в понедельник (9-го) вечером, на Афоне буду только завтра на рассвете! Еду пока что хорошо, но все неожиданности: от Пирея до Марселя увеличили цену на билеты, здесь пароход целые лишние сутки в пути, за билет взяли в Афинах как бы с продовольствием, а приходится, видимо (другие, сошедшие в С<алониках>, платили), — тоже платить, хоть и не так много, а все же. Не так легко с языком, хотя я знаю теперь несколько слов греческих: рыба — пса́ри, жаркое — пси́то, и т. п. Этот пароход премерзкий, грязь чисто греческая. Уборная... ну лучше уж не говорить. Есть и клопы, разумеется, но в ограниченном количестве.

Душки мои, я чувствую себя ужасно отдаленным от Вас, ведь последнее письмо было еще от 2-го мая, а уезжая из Афин, в посл<едний> день, ничего на почте не получил. Но понимаю, конечно, что иначе быть и не может. А теперь, на Афоне, еще разобщеннее. Но завтра, наконец, я его увижу. Везде, где пароход подходит близко к берегу, греческая земля благоухает. В общем путешествие не очень легкое. Погода средняя.

Для Греции в мае полагалось бы получше. Вчера ночью вышел на палубу — море пустынное, стоит луна, под ней туча, и золотисто-серебряная дорога от луны к нашему кораблю. И другой в море корабль — весь светящийся огнями. Очень красиво было, но сумрачно как-то. Первый очерк для «П<оследних> Н<овостей>» почти кончил, вышлю с Афона тотчас — он довольно грустный получился.

Да, дорогой брат, во избежание очень возможных недоразумений, покажи это письмо Демидову или Алданову, пусть мне переведут немедленно еще 300—400 фр<анков> в Афины, по адресу: Madame Iréne Boutnikoff, 34, rue Solomou, Athénes (улица наз<ывается> «Солому́», если напис<ать> по-русски). Уезжая, я предупредил ее, что такой оборот возможен. Она человек верный и надежный, т<ак> ч<то> все правильно. Сейчас у меня денег в обрез, я боюсь, что в Афинах сяду на корабль слишком «налегке», ибо *точно* ведь не знаю и условий афонской жизни! Везде оказывается дороже, чем говорят, и чем предполагал. Вчера вечером стоял один на палубе и помолился, о всех Вас, дорогих и единственно любимых, ветром мне дуло в лицо легким и влажным, странное и величественное впечатление, вот уж, действительно, наедине с Богом.

Ну, Господь Вас храни, мои дорогие. Сейчас сойду с парохода. Поброжу по Салоникам. Очень благодари Мишу за перо: оно неоценимо для меня. Целую всех Вас, мои радости. Буду ждать писем на Афоне, из Афона заказал переслать, но исполнят ли греки? Такой народ...

Обнимаю. *Б.*

P. S. Греки оч<ень> любезны и приятны в обращении, очень бедны и жалки. У них тоже масса несчастий, полны бараки бежен<цев> из Малой Азии, и т. п.

46. В. А. и Н. Б. Зайцевым. 14 мая 1927. Афон

Монастырь св. Пантелеймона на Афоне.
14 мая 1927

Дорогие мои и единственные, сегодня третьи сутки, что я на Афоне — мне кажется, что пошел уже месяц, как я *в бурю* высадился утром 12-го числа в мал<ой> гавани Дафни, на земле Афонской — столько впечатлений, *ни на что* не похожих!

12-го на рассвете, я взошел на палубу парохода «Ке́ркира» (Корцира, по-русски), чтобы взглянуть на приближающийся Афон. Братец, Татуша, я вдруг увидел гору, едва выступавшую в легком тумане — такой грандиозной силы и величины, и

такую островерхую, что в первый момент мне показалось, *не облако* ли это. Но в следующий — меня обдало брызгами. Я обтерся и продолжал смотреть, в восторге. Качка усиливалась. *Нигде* так не качало, как вблизи Афона! Из-за горы ветер дул во всю силу, стало так обдавать водой, что пришлось спуститься в каюту. Но впечатление этой горы незабываемо. — В гавани Дафни меня встретил монах о. Петр. Худой, высокий, со светлыми глазами, лицом в морщинах, с русскою бородой и удивительной доброты взглядом. К сожалению, он не мог везти меня прямо в монастырь — предварит<ельно> надо побывать в Карее, админ<истративном> центре Афона, и получить от греч<еского> управл<ения> паспорт.

— Святое имя ваше? — спросил он ласково. — А, Борис, хорошо, Борис, — как будто действительно что-то особенно хорошее есть в том, что я Борис.

Между прочим, когда он подъезжал на своей лодке, потом, придерживая полы кафтана, ловко и быстро бросал якорь с кормы — что-то от Петра Апостола даже в нем можно было почувствовать.

Он мне устроил мула.

— Ничего, и митрополиту Антонию пришлось на таком муле путешествовать.

Путешествие удивительное. Ветер все сильнее задувал, мул мирно шел по каменистой тропинке, вслед за другим, на кот<ором> была чья-то поклажа (мои вещи о. Петр взял с собою в лодку). Дикие горы, леса, кедры, буря, желтые дроки, свешивающиеся к самой дороге. Вот когда я оценил плед! Вспомнил и о твоих милых перчаточках, друг, (руки стали коченеть), напялил их кое-как, и «предался воле Божией».

(Я сделал выписку из дневника. Он так подробен и длинен, что прерываю)... Часа через $2^1/_2$ мы были в Карее, единств<енном> в мире городке, где нет ни единой женщины, в лавках выставлены товары, и нет ни продавцов, ни покупателей и т. д. Там я остановился в «русск<ом> кунаке», т. е. подворье нашего монастыря. Приехали вовремя. Начался проливной дождь. У меня были целые апартаменты. Пришлось ходить за документами — все это фантастика. Меня принимал греческий «протат», т. е. парламент монастырей, «проэстис» (председатель) через переводчика приветств<овал> меня, два сардара в юбках подносили кофе и отдельно варенье, которое я не умел даже взять! Не знал куда положить! — Ночевал в Андреевском скиту (это чудный монастырь, с огромным Собором, гостиницей и пр.). В 12 ч<асов> ночи был в Соборе на службе, стоял в монашеском «кресле» или не знаю, как назвать, такая клетка с ручками, на

которые опираешься, стоя, а если устал, то можно и сесть. Собор был почти во мраке, я выстоял до 4-х часов, но еще литургия *не* началась. Больше не хватило сил. Выспался, встал в 8 ч<асов>, весь день и утро осматр<ивал> монастырь, видел сотни монашеских черепов (и четыре черепа игуменов, в отдельн<ом> шкафу) — вообще описать всего не могу. 12 и 13 мая — из самых замечательных дней моей жизни, из самых «необыкновенных»!

Вышел с монахом из Андреевск<ого> скита и через три часа дошел сюда, до Пантелейм<оновского> монастыря, откуда и пишу. Монахи везде оч<ень> добрые и ласковые. Тут мон<астырь> уже прямо грандиозный. Мне отвели чудную комнату с розами, балконом на море, увитым виноградом, тишина, роскошь... Я великолепно выспался, но вчера все же был на «повечерии», это коротк<ая> служба, акафист Божией Матери. Опять стоял в «кресле». Познакомился с архимандритом Кириком (это исповедник всего мон<астыря>, он сказал, что хорошо мне поговеть. В понедельн<ик> буду у него исповедов<аться>, во вторн<ик> — причащаться. Нынче утр<ом> пришел ко мне библиотекарь, о. Иосиф, водил меня в библиотеку, я принес домой груду книг. Все здесь необычайно! Время *не* наше! Когда солнце заходит, то часы ставят на 12, т<ак> ч<то> «гостинничник» мой, о. Иоасаф, подал мне сегодня обед в *8 ч<асов> утра* (по их времени). Нынче пойду веч<ером> на службу. Чувствую себя хорошо, очень возбужденно и *совсем по-особенному*. В сущности, настоящее, т. е. необыкновенное, только сейчас началось. Одно очень грустно: нет *никаких* вестей от Вас после Афин, послед<нее> твое письмо от 2-го мая! В письме из Салоник я писал тебе, что надо выслать франк<ов> 300—400 на имя Madame Iréne Boutnikoff, 34, rue Solomou, Athenes — это необходимо! Прости, друг, я знаю, что и тебе нелегко, но иначе не обернусь — здесь все-таки постоянно приходится раздавать деньги, платить за мулов, наним<ать> лодку (на днях еду в поездку на *неделю,* по греч<еским> мон<астырям>, с проводником-монахом — это большая честь, редко кому дают монаха на неделю, но придется, конечно, платить). Дорогие мои, если бы Вы были тут! Но это *невозможно.* Уже третий день я не вижу *ни* одного женского лица. Передай дорогому Пате, что везде в монастырях висит портрет *Фомы Уйтмора.* — Бесконечно Вас обнимаю и целую. В Андреевском скиту с нынешн<его> дня начинают за Вас молиться.

Б.

P. S. Сейчас иду прогуляться к морю. Погода средняя. Целую, люблю Вас.

14-го, суббота, веч<ером>

Сейчас иду на «бдение». Оно будет продолжаться всю ночь. Я простою часа два, потом меня разбудят к Литургии в 7 ч<асов> утра.

47. В. А. Зайцевой. 16 мая 1927. Афон

Понедельник 16 мая
Мон<астырь> Св. Пантелеймона
7 ч<асов> 50 м<инут> утра

Дорогой друг мой, только что встал. Спал, вдруг твой голос так явственно сказал сквозь сон: «Борюшка, пора вставать». Я вскочил, и правда, оказалось, пора: мы условились с моим «гостинником», или как здесь называют, «фондаричным» (от греч<еского> слова), что в 8 ч<асов> он принесет мне чаю. Меня страшно тронуло и обрадовало, что слышу твой голос. В действительности-то я его не слыхал, как и Татушеньки моей бесценной, уже более двух недель! (Да и писем жду — терпеливо, знаю, что дело не в Вас, Вы-то пишете, но пароходы здесь не так часты, раз в неделю в среднем. Ждем во вторник, т<о> е<сть> завтра). — Продолжаю — и действительно, о. Иоасаф принес мне чер<ез> десять минут, как ты меня позвала, чаю.

Я сегодня исповедуюсь у о. Кирика архимандрита, духовника всей братии. Ночь сегодняшнюю провел так: в 1 ч<ас> ночи у заутрени в большой церкви св. Митрофания, до 4-х час<ов> утра (в начале служения в окна светила луна, и если приподняться в стоялище на цыпочках, то видно серебряное море; а потом стало светло — как раз к концу утрени, когда служивший ее, библиотекарь иеромонах о. Иосиф произнес: «Слава Тебе, показавшему нам свет!»)

Потом (когда приложились к иконам и ковчежцам), подошел ко мне мой о. Иоасаф — он вообще ходит за мной, как за малым дитятей — и повел еще полутемными, бесконечными монастырскими коридорами в т<ак> н<азываемый> «параклис», т<о> е<сть> малую, как бы «домовую» церковь, где служил литургию мой архимандрит Кирик, старичок с бровями как у покой<ного> о. Кронида, с белой, легкой и обильнейшей бородой и черными, когда-то красивыми глазами — правый иногда оч<ень> смешно подмигивает. Эту литургию я прослушал, и в нек<оторых> местах сон так меня одолевал, что я боялся прислониться, чтобы не заснуть стоя. Кончили в шесть часов. Вообще здесь другая мера службам: такая ночь, какую я провел впервые в жизни, здесь есть *каждая* ночь монаха. В больш<ой> церкви также была после утрени литургия, и все присутствуют.

Кроме того две дневные службы (короткие), работа физическая и т. н. «келейное послушание», т. е. чтение молитв у себя в келии, причем простой монах кладет 500—600 поклонов, а схимонах — 1200 в день (чер<ез> каждые 10 поясных 11-й земной). Вот жизнь. Но они имеют очень усталый вид.

Вчера было воскр<есенье>, и я отстоял *позднюю* литургию (нач<алась> в 7 ч<асов> утра), они *до* нее отстояли с 12-ти ночи до 5 утра утреню и *раннюю* литургию! Затем меня пригласили на общую трапезу в громадн<ый> зал. Приказано было посадить меня на место наместника, рядом с троном игумена, но я решительно отказался, это стесняет (должен тебе вообще сказать, что принимают они меня здесь очень, очень... как «особу», что ли. Обедать подают в отдельн<ую> комнату, стол исключительный — я видел, что́ они сами едят на трапезе, и притом в воскресный день!). За трапезой все время чтец читал с высоченной кафедры, украшенной золотым летящим орлом, направл. в залу. Игум<ен> был в лиловой мантии с золотыми отворотами на груди и посохом с зол<отой> рукояткой. Когда кончили, то раздавали кусочки освящ<енного> хлеба, и его тут же окуривали кадилом, т<ак> ч<то> он имел запах ладана — его запивали святой водой. Все это устроено очень торжественно и красиво. Поет хор, игумен благословляет, монахов масса — большинство старики.

Но самое замечательное, что я вообще видел пока на Афоне, была служба от 4—6-и веч<ера> в тот же день — «Акафист Богоматери». Надо тебе сказать, что Богоматерь — покровительница Афона, это единственная Женщина, присутствующая здесь постоянно. Главная, заключительная часть службы состояла в том, что игумен и два иеромонаха, в белых праздничных ризах, по очереди читали на солее акафист Пречистой, Образ Которой в это время медленно, на особых невидных роликах, спускался со своего места над Царскими Вратами — к нам, вниз. Это образ особенный. Он написан как бы на золотом «плате» вот такой формы, ниже его тончайшей работы кружево, и он спускается тоже на ткани... Так что выходит, что Пресв<ятая> Дева как бы Сама является молящимся. Впечатление исключительно! Все прикладываются, хор поет, необычайное воодушевление и удивительная красота.

Вот такова, приблизит<ельно>, моя жизнь. Чувствую себя хорошо, но бывает и грустно, и одиноко. Вообще же надо сказать, что эта поездка совсем особенная, она как-то не «для удовольствия», но дает и еще даст оч<ень> много. Не знаю, как буду писать книжку, это еще неясно, и тоже несколько тревожит. То, что читаю здесь, из библиотеки, очень мало

приносит — это все штампы, хотя писано иногда прекрасными людьми. Афон оч<ень> большая тема, и неразрывная с аскетикой, вообще с глубиной религии, молитвой, созерцанием, а я в этой области чувствую себя щенком. Погода, кажется, устанавливается. Поговев, еду в большое путешествие по греч<еским> монастырям, б<ыть> м<ожет>, подымусь и на «шпиль» (вершину), как они здесь говорят, но это будет зависеть от раз<ных> причин, и от погоды в том числе. О «Клод Лоррен» вспоминаю с необыч<айной> нежностью — кажется так далеко, и как будто уж год тут прожил. Вчера видел опять Сахарова (о. Софрония) — он необыкновенный вид имеет, молодого святителя (странным образом, глаза и улыбка очень мне напомнили... Эренбурга! — кажется мало подходящ<ее> имя). Но представилось: вот, у этого мол<одого> чел<овека> есть, м<ожет> б<ыть>, мать, сестра, невеста — и они его *никогда* больше не увидят. Нет, Афон не шутка. Тут: или — или. Итак, мне оч<ень> хочется досмотреть здесь по возм<ожности> больше, и иногда *очень* хочется просто домой, к Вам. Этот мир замечательный, мне все же неблизок. Целую без конца. Привет всем.

Среди м<онахов> много прелестных, оч<ень> кротк<их> и добрых.

48. В. А. и Н. Б. Зайцевым. 16 и 17 мая 1927. Афон

Понедельник 16 мая.
9 ч<асов> веч<ера>

Дорогие, сейчас ложусь спать. В 1 ч<ас> меня разбудят к заутрени и литургии (до 6-и час<ов> утра). Сегодня днем я исповедовался у архим<андрита> Кирика, он меня совсем очаровал своей добротой и простотой. Он мне сказал, между прочим, что видит меня в перв<ый> раз, а в духе любит уже меня, как сына. Будет писать тебе, и вообще он *очень* большое значение *тебе* придает в моей жизни — и тоже, ведь, в глаза не видал!

После литургии выезжаю в путешествие по Афону — мне дают лодку и ученого монаха, бывшего антипросопа (представителя в греч<еской> киноте), знающего по-гречески. Нынче погода чудная. Если завтра и послез<автра> будет так же, мы подымемся на «шпиль», где стоит церковь Богородицы, господствующая над всем Афоном. Увидим отшельников, посетим греч<ескую> Лавру и знаменитый монастырь Ватопед. Дней через 5—6 вернемся в Пантелейм<оновский> монастырь, где я проведу еще неск<олько> дней до парохода.

Итак, еще раз обнимаю и без конца целую моих дорогих. Арх<имандрит> Кирик будет также за Вас молиться.

Папа.

P. S. Нынче мне кажется, что, м<ожет> б<ыть>, с Божьей помощью, я и сумею написать об Афоне.

17 м<ая> 5 ч<асов> 30 м<инут> утра.

Душеньки. Только что причащался. О. Кирик пришлет тебе свою фотографию. Сейчас едем с о. Пинуфрием в лодке на Карулю и в Лавру.

49. В. А. и Н. Б. Зайцевым. 21 мая 1927. Афон

Суббота, 21 мая

Дорогие мои, только что вернулся из пятидневного путешествия по Афону — поездки во всех отношениях великолепной и *редкостной,* сегодня мне подали, наконец, 5 Ваших писем сразу, а то у меня не было никаких вестей две недели! Друже, ты пишешь: телеграфируй с Афона, это легко сказать, здесь нельзя отправить письма заказным, а о телеграфе и не слыхали. Уезжая, отправил Вам большое письмо, но, вообще, отсюда чаще раза в неделю почты нет. Я немного не понял, что ты пишешь, брат, о моих афинских друзьях, будто бы едущих со мной на Афон? Никто и не собирался! Ты что-то не так поняла, что ли. Никак нельзя и того понять, как я на обратн<ом> пути буду в Афинах столько, как ты пишешь: пароход, на кот<орый> у меня записан билет, отходит 4-го июня, я должен быть в А<финах> 1—2-го *самое позднее,* чтобы не потерять билета. Но вообще я смогу выехать из Афин *лишь* в том случае, если ты пришлешь мне на имя г<оспо>жи I. Boutnikoff, 34 Rue Solomou, Athénes, Grece франков 300—400. Жизнь на Афоне сравнит<ельно> оч<ень> дешева, все же приходится платить за лодки, мулов, давать на чай в греч<еских> мон<астырях> — путешествие мне стоило значит<ельно> больше, чем я ожидал (о «Н. Ниве» я написал уже тебе письмо, приложил).

Вот начало путешествия: 7 ч<асов> утра, я предш<ествующую> ночь говел и не спал вовсе, ни одной минуты, но чувствую себя отлично. Садимся в лодку. Погода райская, вода зеркальной голубизны, на руле о. Василий (Кривошеин), с ним немец, дальше я и мой провожатый о. Пинуфрий (чудный человек, я искренно его полюбил за эти 5 дней). Лодка трогается, о. Пинуфрий поет «Христос Воскресе», я подтягиваю. Залив наш в этот час оч<ень> напоминает Генисаретское озеро, и о. Ва-

силий, с нежн<ыми> кудрями волос, раздвоенной слегка бородой, кроткостью и внутренним светом, тоже возводит к евангельскому рассказу. Здесь скрывался в уединении Патриарх, под видом простого рабочего (искал смирения). Когда однажды нес вязанку хворосту в монастырь, колокола сами зазвонили, его узнали. Таков *воздух* этого путешествия. Заезжали в Григориат (тоже монастырь), т<ак> к<ак> о. Пинуфрий слышал, что ты оч<ень> почитаешь святителя Николая. В древнем маленьком соборе прикладываемся к его образу — тоже древнему. Далее идет Каруля. Пристаем под отвесными скалами, подымаемся по крутизне. (Нигде по опасн<ому> месту не шли, но *смотреть жутко,* где живут!) Есть места, где надо пролезать в дырку рядом с бездной, или идти по краю скалы, придерживаясь за веревку. Здесь живут пустынники, в маленьк<их> хибарках. К одному из них, о. Феодосию, мы и приходим. Все встречным здесь говорят «Христос Воскресе» — отв<ечают> «Воистину». Тут *только* христиане, и ничего другого не существует, кроме Бога. В кажд<ом> домике — маленьк<ая> церковь.

К сожалению, у о. Ф<еодосия>, удивительнейшего (и образованного) отшельника, нам испортил дело немец своей нелепостью и ненужностью. Нет, вообще Афон только для русских! Иностранцам он непонятен. Если интересуются — снобизм.

Пока кончаю. Завтра буду продолжать, с дороги устал. Но вообще это путешествие будет, видимо, центром моего писания об Афоне. Поеду еще в Нов<ую> Фиваиду, Дохиар и <*1 нрб.*> — но это на 1—1½ дня. Устал, ложусь спать. Завтра иду к литургии поздней, т. е. в 7 ч<асов> утра, и пойду *смотреть* колокольный звон. Скажи А. И. Вот ему здесь бы подошло! За Вас уже молятся и здесь, о. Иосиф.

50. Н. Б. Зайцевой. 22 мая 1927. Афон

Воскресенье 22-го мая

Дорогая моя Тусенька, спасибо тебе за милые письма, наконец-то я получил от тебя вести, но как все это идет медленно! Последнее письмо от мамы лишь от 14-го. Завтра пароход, надеюсь, что Вы получите это мое письмо поскорее.

Не очень ли ты замучиваешься с учением? Боюсь я немного, чтобы ты опять не извелась как прошлой весной. Пусть мама за тобой следит, чтобы не переутомляться.

Теперь я продолжаю прерванное вчера. Сегодня был у поздней обедни (нач<алась> в 7 ч<асов> утр<а>, конч<илась> в 9½—10, с акафистом св. Николаю). У меня комната прямо на

море, два окна, сплошной балкон, по перилам кот<орого> идет горизонтально старая виноградн<ая> лоза, т<ак> ч<то> весь балкон украшен виноградн<ыми> листьями. Сквозь них синеет море. В комнате висят портреты царей, наследников, архиереев, и т. п. Скромная и прекрасная икона Божией Матери (Покровительницей Афона вообще считается Богородица). Да, еще перед обедней был на колокольне, смотрел трезвон. Татушенька, это очень интересно. В нижнем этаже 4 колокола, из них один чуть не с мою комнату, в нем можно жить. Язык его весит несколько пудов. При мне молодой монашек раскачивал очень, очень долго, а потом как бахнул, то воздух весь задрожал, и во мне все затрепетало, прямо насквозь прозванивает. Во втором же этаже десять колоколов меньших. Старенький звонарь нажимает ногой на педаль для самого большого, веревочки трех маленьких у него в правой руке, а левой он играет на натянутых струнах остальных шести средних, т<ак> ч<то> получается вроде оркестра. Удивительно хорошо. Но ни слова не слышно, если разговаривать, не только на колокольне, но и когда мы спустились вблизи здания.

Дальше — читал многотомный труд П. Успенского об Афоне, было 10 ч<асов>, вошел мой «гостинник» («фондаричный») о. Иоасаф, и доложил, что готов обед. Обычно меня здесь кормят между 9—10 ч<асами> утра (ибо у них часы показыв<ают> уже 2—3, это не астрономич<еское> время, а они ставят стрелку на 12, когда заходит солнце. После обеда (кормят меня все обильнее и обильнее, вино теперь дают уже двух сортов. Это меня даже стесняет, ибо сами они питаются оч<ень> плохо). Опять сидел за Успенским, потом лег поспать, ибо все-таки от путешествия осталась нек<оторая> усталость, да и от почти трехчасов<ого> стояния нынче. Вечером буду обедать с о. Пинуфрием, моим новым другом по монастырю. Мы с ним снимемся у о. Наума, фотографа, с которым у меня свидание чер<ез> полчаса. Будет также сделан снимок с игуменом и знакомыми иеромонахами.

Поездка моя пятидневная настолько полна впечатлений, что трудно в письме передать, надо оч<ень> много написать (чтó я и сделаю для книжки). Пока скажу коротко: после отшельника мы поднялись еще в гору, и на веч<ерней> заре пришли в келию св. Георгия; там ночевали у простых и милейших монахов (их 20 человек). Утром вышли пешком в Лавру св. Афанасия, это самый знаменитый греч<еский> монастырь, пришли к вечеру. Неописуемой красоты внутренние дворики, столетние кипарисы, необыкнов<енные> постройки, Собор, живопись, библиотеки, древности, и пр. Ночевали в комнате с 6-ю окнами, все на море, комната с колоннами, расписана голубым, кормили нас впервые козлятиной (русские не едят здесь мяса вовсе, греки

же живут вообще роскошнее). Потом выехали на монастырск<ой> лодке в Ивер, где знаменитая икона Б<ожией> Матери Иверской, одна из величайших здешних святынь. Прикладывались. Опять залы, угощенье (подают гостям: по рюмке «раки́», водки сладкой, по бокалу холодн<ой> воды, варенье и турецкий кофе). Эти старики-монахи жили в Москве, и потому особенно любезно нас приняли. Опять дали лодку — до мон<астыря> Пантократора. Тут ночевали. (Клопы, увы!) Утром осмотр библиотеки и Собора. Опять чудное путешествие на лодке в монастырь Ватопед.

Душенька, пока кончаю. Надо идти в библиотеку и к о. Науму. Обнимаю моих дорогих без конца и целую.

51. В. А. и Н. Б. Зайцевым. 22 мая 1927. Афон

4 ч<аса> дня

Дорогие мои, был у о. Наума, выбрал неск<олько> видов монастыря и нашего, и других. Заказал напечатать их. Вернулся и читал у себя историю Афона. Стук в дверь — о. Пинуфрий. Он принес подарки в Париж: икону маленькую митрополиту Евлогию, *написанную на дереве дуба маврийского* (он сам там был и вырезал кусоч<ек> дерева из этого дуба), а Наташеньке моей платочек с Афона, простой голубенький, но прелестно, что он подарил. Я сегодня с ним обедаю и сделаю ему тоже подарки — чай, мыло, потом у меня есть из Афин консервы и сыр (сам я не ел, т. к. кормят отлично) все «житейское», ничего романтического нет, но уже это потом, из Парижа пришлю ему «Сергия» (здесь не хватило у меня экземпляров, какой дурак, надо было больше взять, я взял лишь 4, что было дома). Сейчас бьют в «било», особую доску, которою созывают к вечерне. Пишу карандашом, т. к. чернила для Миш<иной> ручки отдал архимандриту Кирику, а то у него с пером самопишущим ничего не выходило. Добуду себе чернил для простого пера — оно у меня есть.

52. В. А. и Н. Б. Зайцевым. 22 мая 1927. Афон

7 ч<асов> веч<ера>
(по-нашему)

Только что обедал с о. Пинуфрием. Перед обедом был на вечерне, которую служили в хр<аме> св. Пантелеймона — служил по-русски и по-гречески мой иером<онах> Пинуфрий. Прикладывались ко главе св. Пантелеймона (был акафист ему),

Нежно обнимаю и целую моих дорогих. Раздобыл чернил — завтра пароход (а со следующим уже я еду), сейчас сдаю письмо о. Иоасафу.

Ваш весь *Папа.*

P. S. Подарки о. Пинфурию сделал. Он был оч<ень> доволен, даже смутился.

53. В. А. и Н. Б. Зайцевым. 28 мая 1927. Афон

28 мая 1927

Дорогие мои душеньки, пишу последнее с Афона письмо! Завтра отец Петр лодочник отвезет меня на Дафни (пристань, недалеко), и с пароходом я тронусь на Салоники. Еще не решил, поеду ли из С<алоник> в Афины сушей или морем. Сейчас видел своего чудного, седобородого архимандрита Кирика (духовника) (твоего, заочно, друга), у него борода растет прямо из глаз, а руки в темно-серой шерсти. Он завтра едет меня провожать. Ну, вообще, я смеюсь, что тут на «архиерейском» положении: только что в колокола не звонят (впрочем, мы путешествовали вместе с греч<еским> архиереем, и ему не звонили). Одним словом, здесь у меня все превосходно. После последнего своего письма я путешествовал: был в скиту «Новая Фиваида» — путь на лодке, часа $3\frac{1}{2}$ с иеромонах<ом> о. Виссарионом (тоже твой друг и почитатель) везу кроме своих маленьких подарочков тебе и Тусеньке, еще подарки Вам от всех знакомых иеромонахов. Игумен подарил икону, альбом видов и историю монастыря; о. Виссарион четки, благосл<овенные> масла св. Пантелеймона, апельсины и Наташе резную ложку. И т. п. В Фиваиде мы были у пустынников — оч<ень> интересно. Один из них, о. Нил, питается «камарне́й» и смоквами, караулит виноградники от диких кабанов, и кладет в день по 1000 поклонов. В Фиваиде нас застала непогода. Полил дождь, гроза началась — мы провели там 2-е суток, т<ак> к<ак> опасно было ехать морем. Вообще тут все — природа, стихия и Божество. Для монахов жизнь полна чудес. Да и когда выезжали, бедного и тихого о. Виссариона волна окатила почти с головы до ног. Но ехали по морю хорошо, вблизи монастыря оч<ень> счастливо избегли дождя и ветра.

Нынче уже прощаюсь с Афоном. Но завтра все мои здешние друзья будут меня провожать. Был с прощальн<ым> визитом у игумена, он тоже оч<ень> добр ко мне. Я дал за свое пребыв<ание> здесь 100 фр<анков> (более 2-х нед<ель>!). и извинился, что мало даю. А он сказал, пряча бумажку: «Если

бы все столько давали, мы бы купили себе пароход». За тебя и Наташу тоже здесь молятся, молятся, как за «благодетелей», «ктиторов». Да, тут иное отн<ошение> к деньгам, чем у нас. — Сейчас опять заходил о. Кирик, завтра я приду к нему на раннюю литургию (в 4 ч<аса> утра по европ<ейскому> вр<емени>, но я вообще встаю в 6 ч<асов>, всегда — впрочем, по-здешнему это дов<ольно> поздно). Завтра поставим с ним свечи и он отслужит напутств<енный> молебен. Дорогие мои, все же мне очень хочется домой! Вчера я гулял перед веч<ерней> и видел в заливе белую яхту. Она постояла и безмолвно ушла — туда, к Салон<икам>, Афинам, к Вам — мне стало немножко грустно (как тут ни хорошо), ощущение «робинзонское». Монашеская же жизнь мне не по силам (т<о> е<сть> если жить так, как они. Кирик, например, только что расск<азал>, что он спит $1\frac{1}{2}$ — 2 ч<аса> в сутки). «Да еще бессонницей страдаю. Иной раз никак не заснешь!» Итак, целую и обнимаю без конца. 4-го июня надеюсь выех<ать> из Афин. Из Сал<оник> напишу еще.

Ваш весь *Б.*

Спасибо за чудное твое последнее письмо.

54. В. А. и Н. Б. Зайцевым. 29 мая 1927. Афон

29 воскр<есенье>
9 ч<асов> утра

Нынче еду. Был на ранней литургии, отслужил о. Кирик молебен, везет меня на Дафни. Погода райская. Только что кончил писать, об Афинах. Не присылал потому, что писать на Афоне о путеш<ествии> не хотелось, да и все было устремлено на самый Афон, читал, разговаривал, ездил, смотрел и т. д. Один же первый очерк посылать не имело смысла — их надо печ<атать> более или менее равномерно. Еду на Салоники, и еще сам не знаю, поеду ли из С<алоник> по жел<езной> дор<оге>, или на том же парох<оде> дальше прямо в Афины. Это буд<ет> завис<еть>от того, чтó дешевле. А вообще ведь я еду довольно-таки наобум, полагаюсь больше на Бога, расчеты мои всегда оказываются оч<ень> приблизительными, но пока все идет хорошо. Очень жаль, конечно, что пришлось тебе занимать, беспокоит также, чем заплатишь за квартиру, ну, теперь совсем скоро и я буду, а уж пока потерпи, занимай под мою фирму, она еще доселе не «банкротилась». Приеду, устрою что-ниб<удь> с книг<ой> рассказов на осень (Карбасников?).

Посмотрим. Пока нежно обнимаю и целую моих дорогих. Сегодня я уже наполовину здесь. В Афинах буду 1-го, пробуду, знач<ит>, 2—2½ дня, надо еще визу въездную продлить у консула (формальность, конечно, но скучная). Вообще, будем надеяться, Кирик сказал, что будет обо мне *особенно* молиться до тех пор, пока не получит от меня письма из Парижа, что благополучно доехал. Господь Вас храни, моих ангелов. Братец, здесь тебя заочно все страшно любят и уважают, и говорят мне, для меня большое счастие, что у меня такая любящая и религиозная жена. Вот тебе и монахи, якобы «враги» женщин! Они многое очень хорошо понимают «мирское», только сами *бесконечно* (морально) выше и чище нас — самые даже простые из них. Удивительные люди. Писать буду об Аф<оне>, кажется, много. *Есть о чем.* Уже составил приблиз<ительный> план книжки.

55. В. А. и Н. Б. Зайцевым. 30 мая 1927. Салоники

Salonique,
le 30 mai 1927

Дорогие мои, утром нынче приехал на пароходе в Салоники. Провожали меня с Афона как родного, о. Кирик ездил на пристань, кормили там обедом — вечер был чудесный, да вообще здесь сейчас очень хорошо. На пароходе плыл как по́ суху, ни толчка. Но в Салониках только что пережил *пренеприятные* минуты (слава Богу, все конч<илось> хорошо!) — не хотели мне выдавать денег по аккредитиву. Аккр<едитив> выдан *отделением* банка в Париже, а у них нет свед<ений> об этом отделении, нет какой-то формы, неизв<естны> подписи лиц под этим аккр<едитивом>! Вообрази мое положение. У меня в кармане 20 драхм, 160 франков — даже нет на дорогу до Афин. Они продержали меня более часа, перерыли весь свой архив, ничего не нашли, звонили по телефонам, ходили куда-то к директорам банка, одн<им> слов<ом>, целая история. И уж они сами начали волноваться, им это тоже было неприятно, наконец, какой-то из высш<его> начальства, вероятно, просто плюнул на эти несчастн<ые> 1000 фр<анков>, и красный чиновник вылетел от него торжествующе, крикнул товарищу:

— Пиши скорей!

Но, действит<ельно>, что бы я делал, если бы мне не выдали?

Надо все же сказать: *само путешествие* сюда — оч<ень> трудное. Всюду расч<еты> нарушаются. Из Афин до Афона я заплат<ил> 407 драхм, а назад *только до Салоник* — 337, еду

по жел<езной> дор<оге> — это тоже дороже выходит, чем ждал, а парох<од> надо еще сутки ждать, т<о> е<сть> сидеть в С<алониках>, 2-е суток. Все на авось, все на фуфу. Верю твердо, что так или иначе, благополучно доберусь, но заранее готов ко всяким дорожным сюрпризам. Сейчас у меня даже голова разболелась.

Милые мои хорошие, за тридевять земель сидящие мои прелести, целует Вас нежно Ваш козел. Иду завтракать, потом лягу — я сегодня на пар<оходе> вовсе не спал, грязь и гадость была, блохи, душно — вообще по грязи греки побивают все рекорды. Предстоит бессонная ночь по дор<оге> в Афины.

Господь Вас храни.

Папа.

11 ч<асов> 20 мин<ут> утра — все наши афонцы на «послушаниях» (работают, проведя почти бессон<ную> ночь). Вчера о. Кирик признался мне, что спал 1 час за все сутки. Мы приехали на пристань оч<ень> рано. Я пошел прогуляться, а он прилег, но продремал только 1/2 ч<аса>, потом сел «вычитывать» вечерню (п<отому> ч<то>, в это время в монастыре шла служба, вечерня). Молебен он мне служил, и свечи мы поставили, все как ты сказала. Он тебе низко (Кирик) кланяется.

56. В. А. и Н. Б. Зайцевым. 1 июня 1927. Афины

1 июня 1927
Афины

Дорогие мои, итак, путешеств<ие> мое кончается. Билета *в руках* у меня еще нет, но он заказан, дан задаток, и 3-го мне его вручат. 4-го выезжаю. Буду телеграфировать — возможно, что телегр<амму> Вы получите раньше письма. Я вчера приехал сюда из Салоник на поезде. И. Г. Бутникова встретила меня на вокзале, передала твои деньги, — спасибо, мой дружок верный. Теперь уж я здесь «кончился», у меня только мысль — скорее бы домой. По инерции иду еще сейчас в Нац<иональный> Музей (замечательный, м<ежду> пр<очим>), но воспринимаю, кажется, уже тупо. Начались жары! Не можешь себе представить, какая пыль в Афинах! Воронеж + Елец, вместе взятые.

Вчера должен был обедать у Бутниковых (мужа и жены, они хотя жив<ут> теп<ерь> на разн<ых> кварт<ирах>, но ради моего приезда он к ней долж<ен> был прийти) — но перенесли обед на четверг, в Консерватории, где он професс<ор>, оч<ень> много экзаменов.

Беспокоюсь я, как Вы сами оборачиваетесь с деньгами? Наверно туго, ну, теперь уж я скоро вернусь (м<ежду> пр<очим>,

те 300 фр<анков>, кот<орые> ты прислала, я, видимо, привезу домой несмотря ни на что, т<о> е<сть> несмотря на расходы в дороге, кот<орые> оказались гораздо больше, чем я ожидал).

Очень меня огорчило известие о Б<униных>. Это *ужасно печально.* И ни к чему хорошему ни для кого из них не приведет. Вряд ли и Иван найдет душевное спокойствие, силы для работы. Про Веру уж не говорю. Здесь вокруг меня атмосфера этих расстроенных, разлаженных жизней — как это тяжело переносится.

Завтра зайду с благод<арственным> визитом к митроп<олиту> Хризостому — он мне оч<ень> помог на Афоне (который сейчас кажется уже далеким. А когда из Парижа выехал — и не запомню, в позапрошл<ом>году!) На бедного Хризост<ома> какой-то фанатик (сторонн<ик> старого стиля) произвел в церкви покушение — хотел отрезать ему бороду, поранил его, вообще гадость. Выражу также сочувствие.

Целую и обнимаю Вас без счета, миленькие, люблю. — Я с Афона, должно быть, 2—3 *больших* письма тебе отпр<авил>, ведь чаще чем раз в неделю оттуда нельзя. Посл<ал> письмо из Салоник — третьего дня.

Господь Вас храни.

Б.

P. S. Из Марселя постараюсь выехать с первым отход<ящим> в Париж поездом. Если пароход придет рано утром, то весьма возможно, что я уже веч<ером> буду в П<ариж>е (если успею, разум<еется>, к утренн<ему> поезду на Париж). Мне гостиницы надоели, хочется домой.

57. И. А. Бунину. 20 июня 1927. Париж

20 июня 1927

Итак, я с Афона вернулся. О тебе почти ничего не знаю, да и никто, кажется, не знает. Мы сидим в Париже. Видимо, останемся на все лето (Наташа будет гостить у Карбасниковых). На Афоне *очень* много интересного, к сожалению, у меня было *очень* мало денег, что сильно затрудняло путешествие. Передай Илье Исидоровичу, что, когда Вера в трудную минуту обратилась в журн<ал> «Совр<еменные> Зап<иски>» с просьбою об авансе *для уплаты за квартиру,* ей было *начисто* отказано (равно и в «Посл<едних> Нов<остях>»). Добавь, пожалуйста, что если «С<овременные> З<аписки>» думают, что такой образ действий способствует укреплению наших отношений, то это заблуждение.

Осенью в «Возр<ождении>» выходит книга новых моих рассказов. (Там будет и рассказ «Авдотья смерть», за кот<орый>

я получил с «С<овременных> З<аписок>» 250 фр<анков>. Если бы они знали, какие «реляции» я получаю об этой вещи, письм<енные> и устные, то м<ожет> б<ыть>, прибавили бы еще 50 фр<анков> за лист.)

В Афинах была дикая жара и пыль. Чехов когда-то мудро сказал об этом городе: «В Афинах много блох». В Париже пока лето состоит в том, что я сожалею об отданном в чистку летнем пальто. Все же это лучше, чем задыхаться.

Благодаря дружной поддержке дружественных изданий я был вынужден возвращаться из Афин в III классе — это сильно напомнило мне камеру Особого Отдела в Г.П.У., где мы сидели в 1921 г<оду>, но и дало некоторый жизненный урок. Иван, тебе Афон страшно понравился бы! Там я жил чудно. Но в монахи никак не пригоден (в чем нисколько, впрочем, и не сомневался, и ездил туда не за тем, чтобы монахом делаться). Я там путешествовал на лодке, муле и пешком. Принимали как архиерея. Дорогой мэтр и друг, обнимаю тебя и Веру, привет Фондамэну, очень буду рад получить несколько строк (на большее не рассчитываю) из приятного моему сердцу Грасса.

Твой *Борис.*

58. И. А. Бунину. 22 июля 1927. Париж

22 июля 1927

Дорогой друг, я уже написал Оберучеву отказ. И прибавил, что если Горький будет там участвовать, то я и «помощи» от комитета никакой не приму. Пишу тебе коротко, у меня большое горе: умерла моя мама в Москве — почти накануне выезда сюда. Боже мой, как я мечтал ее увидеть и отогреть последние ее дни! Господь иначе судил — Его святая воля. Но мне очень тяжело. Целую Вас обоих нежно. Пусть милая Верочка помолится за новопреставленную Татиану, да и ты постарайся помолиться.

Ваш *Бор. Зайцев.*

P. S. Слышал, что ты пишешь большую вещь и что это чудесно у тебя выходит. Дай тебе Бог. Буду очень, очень рад.

59. В. Н. Буниной. 29 августа 1927. Париж

29 авг<уста>1927

Дорогая Верочка, сегодня 40-й день кончины мамы, мы с Верой моей были на панихиде, которую служил о. Георгий. Спасибо тебе, дорогая, и твоему Ивану за слова сочувствия и

любви. Я это сейчас очень, очень ценю. Мне очень понравилось, что Иван ушел из «Возрождения», в этом есть «хороший тон» и большой стиль, как большому кораблю и полагается. Что же до самого «конфликта», то трудно разобрать, кто прав, кто виноват, étant donné[1], что Г<укасов>, конечно, хам.

Вчера мы ездили в деревню — были у Наташеньки на рождении. Была чудная погода, очень похоже на Россию и очень грустно на душе. А сейчас я получил взволновавшую меня пневму: нынче вечером быть у митрополита Евлогия на совещании о церкви. Ты понимаешь, это дело очень серьезное. Я не ждал никак, что меня позовут, в этих делах считаю себя профаном, и могу только сказать о своих «чувствах» (они определенны, в данном случае, разумеется, «против» подписки о лояльн<ости> к Советам). Что-то будет!

Милый друг, целую тебя братски, желаю тебе бодрости, сил. Ивана поцелуй. Ник<олаю> Як<овлевичу> мой сердечный привет и благодарность.

Вера Вас всех приветствует.

Твой *Бор. Зайцев.*

---

[1] В виду того *(фр).*

60. И. А. Бунину. 3 октября 1927. Париж

3 окт<ября> 1927

Дорогой друг, Вера сообщала уже Вере твоей, что я буду теперь писать в «Возрождении». Это в некот<орых> отношениях невесело — из-за тебя преимущественно, — и я долго жевал, пока не почувствовал, что поступить иначе будет неискренне и неестественно. Я должен как-то, хоть минимально, обеспечить себя и семью, чтобы было чем платить за квартиру и чтобы не устраивать «вечеров» и сборов. Четыре мес<яца> я сижу *без гроша,* надоело. «П<оследние> Н<овости>» не захотели мне прибавить за «полубеллетристику» (я просил 1½ фр<анка>), я плюнул и принял предложение Маковского. Аванса мне «П<оследние> Н<овости>» тоже сейчас не дали, а все почти мои фельетоны уходили на покрытие взятых на поездку денег. Здесь мне дают 1000 фр<анков> фиксу и (сверх того) 1.25 за очерки, а за беллетр<истику> — 2 фр<анка>. Будет выходить около 2000.

Струве мне далекий человек, а ты близкий, и то, что ты ушел, а я вхожу, мне неприятно, и с Г<укасовы>м иметь дело тоже невесело, тем не менее, в известн<ый> момент, когда что-то во мне «созрело» что ли, я решение принял, и нарочно даже тебе не писал, никому ничего не говорил — все равно,

так надо, значит и надо. «П<оследние> Н<овости>» я не настолько *любил*, чтобы по ним плакать, «В<озрожден>ие» не настолько любил, чтобы избегать принципиально. Евреи и Осоргин недовольны, правые — неструвисты приветствуют, струвисты будут ругать, в общем разноголосица, как всегда, но теперь уже fait accompli[1]. О газете мне сказано в редакции: «без монархизма и без антисемитизма» — если не врут, это мне более приемлемо, чем прежнее.

Таковы дела, дорогой Иван. Когда же увидимся? Ходит слушок, что Вы остаетесь до января. Правда ли это? Очень жажду почитать твой роман. На днях видел журналиста Троцкого, он приехал из Швеции. Говорит, что в нынешн<ем> году кандидаты от русск<их> на Нобелевскую премию Мережковский, ты и Бальмонт. Всем сердцем желаю успеха — это был бы чудный реванш за Г<укасо>ва. Алданова вижу довольно часто. Он чувствует себя точно бы получше, чем весной. Обнимаю и целую обоих Вас, очень был тронут и взволнован добрыми Вашими словами об Афоне.

Сердечно твой *Борис.*

---

[1] Свершившийся факт *(фр.)*.

61. И. С. Шмелеву. 26 ноября 1927. Париж

26 ноября 1927

Дорогой Иван Сергеевич,

книжку Вашу получил и благодарю Вас за нее сердечно. «Старуху» я помню еще в чтении Вашем — отличная вещь, крепко и ярко, да и вообще вся книга очень удачная. А где же тот рассказ, рождественский, что был в «Возрождении»? К сожалению, его тут нет.

Желаю Вам всего лучшего, работы и доброго самочувствия — равно и здоровья.

Ваш *Бор. Зайцев.*

Хорошо было бы повидаться. Напишите, когда будете в городе и когда к нам зашли бы (кроме воскр<есенья>). Оч<ень> рады будем.

62. И. С. Шмелеву. 8 мая 1928. Париж

8 мая 1928

Дорогой Иван Сергеевич, очень прошу, пришлите приветствие С. В. Яблоновскому к 18-му мая (его юбилей), *на мое имя,* я

принимаю ближайшее участие во всем этом, хочется, чтобы юбилей прошел прилично (кое-что С. Я<блоновском>у уже собрали на лечение летом).

Сердечный привет.

Ваш *Бор. Зайцев.*

63. И. А. и В. Н. Буниным. Середина июня 1928. Париж

<без даты>

Дорогие друзья Иван и Вера, не удивляйтесь, что я так долго не еду — кончал Вишняку первую часть повести, писал в «Возрожд<ении>», и только дня три тому назад освободился. В воскресенье выезжаю, билет уже взял. Остановлюсь на день в Авиньоне, на день в Эксе, и поеду в Ниццу. Там буду стараться что-либо подыскать для В. и Н., которые тронутся не ранее начала июля. Буду у Вас, разумеется, но ненадолго. С дороги напишу еще, и из Ниццы.

Вера за зиму очень устала, ей хочется так устроиться, чтобы самой не готовить, значит, надо или хорошую «хам де менаж»[1], или (хоть временно) недорогой пансион. Тут у нас прошел слушок, что под Ниццей будто такой (русский) есть Speriamo[2]. Иван, за «Арсеньева» обнимаю горячо. Чудесно!

Господь Вас храни.

(Ваш *Борис*).

P. S. Не ругайте меня за долгое молчание. Правда, много работал — не поднималась рука на письма. Сейчас вечер Рощина. Наш дом представлен Верой. У меня от юбилеев, вечеров и пр<очего> полное одурение.

---

[1] Искажение: fem de menage — приходящая прислуга *(фр)*.
[2] Надежды *(фр)*.

64. И. С. Шмелеву. 28 июня 1928. Грасс

28 июня 1928

Дорогой Иван Сергеевич, пишу Вам из Грасса, от Буниных, где пробуду до конца июля. Вера и Н<аташа> в перв<ых> числ<ах> уезжают в Бретань, я к ним тоже на конец июля-августа.

На днях я получил от Ксюнина (предс<едателя> Союза русск<их> пис<ателей> в Югославии) письмо такое: осенью там Съезд Союзов (эмигрантских) и зовут персонально (Бунина, Мер<ежковского>, Куприна, Вас, Алд<анова> и меня). На дорогу

дают II кл<асс> и оплату гостиницы. Ксюнин просит меня осведомить об этом указанных писателей. Просит сообщить их адреса — что я и делаю, разумеется — в отв<етном> письме я пишу, что собственно приглашения должны быть сделаны организационным К<омитетом>, непосредственно, я не берусь *приглашать*. Но дело тут, видимо, вот в чем: в бумаге есть фраза: «Не откажите в любезности сообщить им, что ближайш<ее> участие в подготовке Съезда приним<ает> хорошо известный им проф. Белич. Присутствие всех названных лиц на Съезде не только желательно, но и необходимо».

Вероятно, *об этом-то* и надлежит мне осведомить Вас. А в офиц<иальной> бумаге, б<ыть> м<ожет>, это не совсем удобно писать (меня же он считает лицом, весьма близким к Парижск<ому> Союзу, потому, должно быть, чер<ез> меня и действует).

От себя скажу: ехать, конечно, необходимо. Я немножко боюсь неподвижности «наших»: пока «соберемся», и Съезд пройдет (да: он намечен на *половину сентября*). Между тем отсутствие ряда виднейших писателей, да еще пользующихся поддержкой, разумеется, будет плохо истолковано. Бунин едет. Но Куприн, Мережковский?

Как себя чувствуете Вы? (Здоровье?) И как на это смотрите? — Одноврем<енно> будет в Белграде и съезд Академическ<их> групп. Кульман прочтет лекцию о соврем<енной> русской литературе — Вы понимаете, что все бьет в одну точку.

Вот, дорогой И. С., как обстоят дела. Очень рад буду получить от Вас весть — не для К<омите>та, а для себя.

Большая Вам благодарность за «Свет Разума», я получил еще в Париже — сердечное спасибо за хорошую книжку.

Желаю Вам здоровья, отдыха. Всего лучшего.

Ваш *Бор. Зайцев.*

P. S. Почему-то в бумаге нет имени Бальмонта. М<ожет> б<ыть>, случайность? (И Ремизова.) Все-таки мне показалось странным. Пожалуй, не волнуйте его пока.

65. И. А. и В. Н. Буниным. 12 августа 1928. Париж

12 авг<уста> 1928

Милые друзья Иван и Вера, нынче ровно неделя, как я тут. В Париже раздобывал денег (купил Н<аташе> часы!), сорвал с самого барина, он подвернулся как на грех (для него), и с болью в сердце пришлось ему оторвать от своих грошиков триста монет.

Н<аташу> и В<еру> нашел (тьфу, не сглазить) в отличном виде. Жизнь тут, правда, для здоровья великолепная. Они утром и после завтрака на пляже, просто сидят, лежат, немного купаются и т. д. В смысле артистическом Порнишэ малоинтересно, как отдых же — превосходно. Я тоже купаюсь. Пляж огромный, с большой морской жизнью, очень крепкими запахами, живностью (в отливе) и т. п. Едим много мулей и палурдов — их тут же ловят. Океан похолодней Вашего моря, т<ак> ч<то> купаться так долго не могу. Часто, оч<ень> часто вспоминаю Вас, мои дорогие, весь Ваш писательский питомник — дай Бог здоровья и процветания вилле Бельведер. Мне у Вас было чудесно. Чувствую себя сейчас оч<ень> ровно, покойно, работаю. Оказалось — весьма приятн<ое> ощущение жить *со своими* и так, что никто посторонний не влезет в твою жизнь, не стучит зря в двери и не завтракает „неожиданно“. Эта жизнь имеет несколько робинзонский и бесконечно деревенский характер, что как-то молодит. Нек<оторые> детали напоминают Притыкино.

Кстати, сегодня Тата получила письмо от сверстницы своей, доч<ери> нашей кухарки. Та была прошл<ым> летом в Притыкине. В моем флигеле теперь конюшня (при ветеринар<ном> пункте). Вот я и правильно чувствовал всегда судьбу своего жилища, где писал, читал в юности Соловьева, переводил Данте... Не по «клеймату», разумеется, все это было! Нынче написал Ксюнину с просьбой устроить Ивану и мне визу итальянскую на обратном пути. Иван, живы будем, заедем в Венецию, выпьем Valpolicello в узкогорлых графинах, я покажу тебе такого Тинторетто в Scuola di San Rocco, что ты... (твое словцо!).

Всем «на деревне» нежный привет, т<о> е<сть> Галине и капитану. Последнему пишу отдельно — ему необходимо сочинить что-либо в пределах вместимости газетной, разговор об этом был дважды.

Обнимаю и целую. Ваш *Борис.*

Вера и Наташа шлют привет.

66. И. А. Бунину. 27 августа 1928. Париж

Париж, 27 авг<уста> 1928

Дорогой Иван, вчера мы вернулись в Париж. <...>. Что же Сербия? Едем? Как себя чувствуешь? Говорят, жары у Вас несовместимые. Тут сейчас хорошо, нынче ясный день —

16-летие Наташи и «Пакт Келлога» — но в Париже после океанского воздуха кажется уж очень сухо и душно (хотя жары нет).

Обнимаю и целую. Привет всем.

Ваш *Бор. Зайцев.*

P. S. Знаешь, где сейчас Донзель? На северном полюсе! Только его там и не хватало. Корреспондентом от Humanite на «Красине», разыскивает Амундсена.

67. И. А. Бунину. 1 сентября 1928. Париж

1 сент<ября> 1928

Дорогой друг, с переводом все разрешилось — виноват оказался наш глухарь-хозяин, который запрятал мандатский вызов и забыл о нем, вспомнил только нынче, когда мне ему платить: я по этой бумажке тотчас и получил все на почте, где перевод и лежал. Т<ак> ч<то> я напрасно тебя потревожил, извини меня, пожалуйста, но мне в голову не пришло, что все у меня же под боком (*всю* корресп<онденцию> мне пересылал в П<южет> наш временный жилец Амилахвари и — только этот мандат попал к хозяину).

Мне очень интересно, каков будет у тебя разговор с Б<ели>чем — если Вера неск<олько> слов напишет, буду весьма благодарен. То, что ты не едешь, я, конечно, осуждаю. Для такого случая «С<овременные> З<аписки>» могут и еще 2 нед<ели> подождать, в П<южет> можно ехать из Марселя днем, вообще это все «причины неуважительные», как говорили нам в гимназии при частых отсутствиях. — Написал ли ты об этом в Белград? Денег у них в обрез, если ты не едешь, то они хоть должны знать, что у них освобождается известная сумма.

Что взялся рьяно за «Арсеньева» — прекрасно, сердечно этому рад, впрочем, твоим карканьям ни минуты не верил (т<о> е<сть> верил, что все трудное будет преодолено).

Целую дружественно и сердечно.

Твой *Борис.*

На полях приписка В. А. Зайцевой: *Спасибо за память о Наташе, она сама Вам напишет.*

Вера, целуем.

68. В. Н. Буниной. 16 сентября 1928. Париж

16 сент<ября> 1928

Милая Вера, на днях выезжаю в Белград, деньги и визы уже получены. Все делает Земгор, т<ак> ч<то> хлопот пока никаких. До сербск<ой> границы во II, там пересядем в I класс, билеты (беспл<атно>) присланы. «Персонально» едут Куприн, я и Алданов. В Белграде готовится торжественная встреча. Бальмонт не едет, он будет там в ноябре и, видимо, надолго.

Я получаю отовсюду «заказы» на устройство «стипендий», будто эти стипендии у меня в кармане. Была Н. Н. — о Ходасевиче. Упомянула, что и Иван будет за него ходатайствовать, равно и за Тэффи. Я, разумеется, обещал, но смогу ли что-ниб<удь> сделать реально, совершенно не знаю. Правда ли, что И<ван> хлопотал за Т<эффи>? Или это «избирательный маневр» (без имени Т<эффи> вряд ли Н. Н. решилась бы заговорить со мной о Х<одасевиче>). Мне интересно бы все это знать до отъезда, равно и то, как смотрит И<ван> на возможность успеха таких попыток. И буду ли я хлопотать один (как в глубине души думаю), или с чьей-либо поддержкой. Итак, буду тебе оч<ень> благодарен, если напишешь мне неск<олько> строк с тем расчетом, чтобы я получил их до 22-го. (Ивана не тревожу: по моей информации он очень занят.)

Между пр<очим>, Н. Н., явившись, начала с того, что она думала, будто я вообще и не был со своими на океане, встретился с ними лишь в Париже, что я куда-то «пропал» из Грасса и проч<ую> ахинею.

Отпор был дан очень решительный, но очевидно, ее информация связана с тем, что я долго не писал Ивану и тебе из Порнишэ — информация и неверная и неблагожелательная. Не скрою, что я принял ее с огорчением.

Наташа сейчас у Карбасниковых до конца месяца.

Желаю Вам всем всего лучшего.

Твой *Бор. Зайцев.*

P. S. В. Лодыженский едет на днях в Ниццу. Мне удалось достать ему немного денег, а там он будет жить у объявившейся неожиданно для него родственницы. Разумеется, побывает у Вас. Пригрей его (2—3 часа), он очень одинок.

69. И. С. Шмелеву. 16 сентября 1928. Париж

16 сент<ября> 1928

Дорогой Иван Сергеевич,

на днях будем в Белграде. Очень жаль, что Вас не будет. Бунин

тоже не едет, равно и К. Д. — Мережковские собираются оба, Куприн, я и Алданов.

С 1-го янв<аря> будет журнал (6 раз в год, литературный под ред<акцией> П. Струве. И книгоиздательство. Белич, значит, своего добился. Хорошо бы, если бы они пустили нас и на своем языке. (Мой «Дальний край» вышел в Загребе, но заплатили такие гроши, что и говорить не о чем. Так же и с Алдановым).

Как себя чувствуете? Как здоровье и писание? Мне *очень, очень* понравился Ваш «Яблочный Спас», так сильно, верно и чувственно написано — прелесть! И Вере и Наташе тоже очень.

Я летом был сначала на юге у Буниных, а потом с семьей на океане в Порнишэ, около Нанта. Дамы мои там отлично загорели и поправились. Да вот у Наташи с 1-го числа опять начинается эта каторга в Лицее — сейчас она гостит у Карбасниковых на ферме под Парижем.

Сердечный привет от нас всех Вашему дому.

Ваш *Бор. Зайцев.*

P. S. Посылаю Вам (*нрзб.*).

70. И. А. Бунину. 12 октября 1928. Париж

12 окт<ября> 1928

Дорогой Иван, во вторник вечером мы с Куприным ввалились в Париж после двухнедельных белградо-загребских «празднеств». Ты, вероятно, многое уже знаешь. Было очень парадно, шумно, приветливо. Съели мы массу белградских стерлядей, задали большую работу смокингам, выпивали, слушали, «отвечали» и т. п. Жизнь была ничего, веселая. Короли, министры, епископы, дамы, фотографы, интервьюеры, автографы (в невероятном количестве!), опять выпивка, автомобили — чего ж тебе еще?

Самым знаменитым и дорого правительству обошедшимся оказался, конечно, Мережковский, но симпатий не внушил. Самым популярным у «простых», у серой публики (а там почти вся она такая) был Куприн. Ну, затем ордена. Мережковский теперь со звездою и лентою, мы с Куприным с крестами и звездами — звезды эти столь внушительны, что вполне выводят в тайные советники. Представь себе, что они голубоватые, что вчера дало повод Тикстону приветствовать меня на обеде с получением «голубой звезды». Вообще же говоря, ордена эти произвели в Париже некую сенсацию. Гукасов устраивает нам

банкет. Аминадо бранится в «П<оследних> Н<овостях>» — но право же мы тут не при чем: дали так дали, мы ничего не просили. (Кстати: стипенд<ии> назначены Немировичу и Чирикову, а Т<эффи> и Х<одасевичу> отказано начисто, я долго и безуспешно говорил с Беличем. Х<одасевича>, может быть, пригласят прочесть что-ниб<удь> по литературной части, это и все).

Я очень жалел, что тебя не было, мы бы отлично провели время. С Зинаидой я помирился, вместе сидели в театре, в ложе, я ее водил под руку (с *не*-глухого уха), она нашла, что у нас одинаковый шаг («а Дмитрий всегда отстает...») и у меня «крепкая мужская рука». Мы жили в одном отеле. Куприн был пьян, но довольно мил. Чириков также, и все мечтает о девушках, но у него уже нет «крепкой мужской руки» и он меланхоличен.

Я был в Белой Церкви и Нов <ом> Биче, осматривал корпуса и институты, читал. Подписал сотни полторы автографов. Институтки оч<ень> милы, но я еще не в чириковском возрасте. Видел о. Иоанна, он прелестный. Генералы там ходят в золотых погонах (но грустны!). Впечатлений и рассказов масса. Всего не напишешь.

Сердечно обнимаю всех вас.

Ваш *Бор. З.*

71. И. А. Бунину. 16 октября 1928. Париж

16 окт<ября> 1928

Дорогой Иван, я тебе мало написал о «деле», поэтому добавлю. Со Струве виделся, встретились мы хорошо, он говорил, как *редактор* журн<ала>, выходящ<его> с января, 6 кн<иг> в год, чисто литературного, объединяющего всех. Я ему что-то обещался дать, сам не знаю что. Но далее — я дважды говорил и с Беличем. По последнему (перед моим отъездом) разговору, я почувствовал, что положение С<труве> не крепко, против него есть сильное течение (по-моему, тут Дима, Зина и Володя). Вопрос о редакторе окончательно еще не решен. Желательно, по словам Б<елич>а, поставить во главе беллетриста, *на кот<ором> все объединились бы.* Имен названо не было. Окончательно ли это решение, или нет, не знаю. Чувствую лишь, что М<ережковским> С<труве> неприятен, они всячески стараются его устранить. М<ережковский> там сейчас большая сила. За ним весьма ухаживает и правительство и Белич, вряд ли последний сделает что-либо против желания М<ережковского>. М<ережковского> пр<оект>, и в первонач<альном> проекте

струвевского ред<акторст>ва был пункт о М<ережковском>: М<ережковский> находится где-то вблизи, и не будучи прямо редактором, может, однако, проводить лиц и произведения, ему желательные. Если при этом он расходится с редактором, то вещь печатается с пометкой: «рекомендовано М<ережковск>им». Издательство тоже с янв<аря>, 10—12 кн<иг> в год. Будет и отдел переводов на сербский, но это, видимо, лишь в будущем.

В последн<юю> минуту выплыл вопрос о газете «Русск<ое> Слово», с Немировичем во главе, всей нашей литер<атурной> группой в лит<ературном> отделе, с Ксюниным и Благовым как фактич<ескими> редакторами. Нынче есть об этом в «Возр<ождении>», но кратко. Не могу тебе сказать, в какой мере это окончательное решение, только знаю, что белградская лит<ературно>-журналистическая молодежь — люди очень ловкие и зубастые, к Державной Комиссии они пристроились довольно прочно, и вряд ли упустят момент, правда, весьма благоприятный.

Обнимаю и целую всех. Привет.

Борис.

Вообще белградцы на Съезде отлично сыграли!

72. И. С. Шмелеву. 21 октября 1928. Париж

21 окт<ября> 1928

Дорогой Иван Сергеевич,

я думаю, Вы как раз теперь и получили приглашение насчет книги от Викт<ора> Диодоровича Брянского, председ<ателя> комиссии в Белграде. Во всяком случае по поводу всего этого надо списываться с Беличем.

Я только что получил письмо от Гиппиус, позднее меня выехавшей из Белграда — из письма этого явствует, что не только М<ережковский> не редактор, но и относительно журнала дело довольно неопределенно. Лицá, которое объединило бы всех, для всех желательного, до сих пор не найдено. Т<ак> ч<то> ваши тревоги напрасны. И. С., да кто бы ни был редактором, неужели Вы думаете, что нас с вами станут теснить? Еще для молодых, кому трудно выбиваться, это имеет значение, но для нас... Ведь все это и затевается для того, чтобы нас поддерживать. Другой цели нет.

Сердечный привет.

Ваш *Бор. Зайцев.*

73. И. А. Бунину. 1 ноября 1928. Париж

1 ноября 1928

Дорогой Иван, посылаю тебе для подписи два листа — это сбор Плещееву, на 70-летие. Пожалуйста, подпиши, и дай подписать Мережковским — будут «все» парижские подписи. Если можно, верни мне поскорее. Одним словом, «сезон начался!» Нынче вечер Аминадо, и т. д.

Обнимаю. *Б.*

74. И. А. Бунину. 12 ноября 1928. Париж

12 ноября 1928

Дорогой Иван, вот тебе отчет о моих делах: я условился с Беличем об издании книги избранных рассказов. (Приглашал меня и Брянский — кстати, это наш бывший сосед по имению.) Экземпляр я послал, денег пока нет, и вообще молчат. Авансу должны дать 2—3 тысячи, но пока эти тысячи не в кармане, считаю, что еще ничего не скажешь. На сколько экземпляров и сам не знаю, кажется, в пределах 2-х тыс<яч> (и те не разойдутся, конечно).

Видимо, с журналом задержка. Насколько я понимаю, из-за редакции? Это поразительно. *Деньги* есть, желание есть, нету варяга? Ну, посмотрим. Раздорами своими чрезвычайно мешаем и портим себе же самим. Получал от Шмелева длиннейшие письма, *чтобы я настоял,* чтобы Мережковский *не* был редактором. — Хорошо. 1) Не я издаю журнал. 2) Ко мне Белич относится довольно прохладно и влияния я никакого не имею. 3) Никто М<ережковского> редактором и не приглашал. И самое милое: приехав, Щ<мелев> тотчас отправился к Гукасову, всячески громил *хозяину* (!) Ходасевича, меня, Муратова — из-за того, что какой-то его рассказ долго не печатали — доказывал, что то, что печатается в литер<атурном> отд<еле> «Возрождения», никуда негодно и т. п. (Разумеется, предварительно был у меня, кричал часа 1,5—2 без перерыва, жаловался на врагов, предлагал «взять в свои руки» «Возрожд<ение>» и т. п. чепуху. В заключение сообщил, что о нем пишут в Америке, и что на иностр<анном> яз<ыке> вышло 18 его книг — репертуар обычный.) И все возвышенно! («Не из-за своих интересов, а национальная идея...»)

Новости литературные: 1) известная часть населения (Аминадо, Азов, и К°) продолжают ругать нас за то, что мы получили ордена (Талин на общ<ем> собрании предложил считать Съезд

не бывшим! Это я собств<енными> ушами слышал. Ему жестоко насыпал Зеелер и Познер). 2) «П<оследние> Н<овости>» мне больше не высылаются — тоже за Савву. 3) Кругом все слышишь о нужде. Из России вести прескверные. 4) Передай Вере, что бедная Татьяна Алексинская разбилась на автомобиле — вышиблены все зубы, треснула челюсть, вообще ужас. Лежит в клинике. Видишь, веселого мало!

Обнимаю. Когда сюда? В Сербию? Или куда?

Б.

75. И. А. Бунину. 9 декабря 1928. Париж

9 дек<абря> 1928

Дорогой Иван, с книгой моей выясняется так: издательская комиссия постановила выдать мне аванс в размере 25 % (чего? Видимо, всей суммы гонорара, но какова она, понятия не имею). На переписку об этом ушло чуть не шесть недель (правда, одно письмо из Б<елграда> пропало) — и аванса все-таки еще нет. Сказано «на днях», думаю, что это будет 1500 фр<анков>. Алданов отказался печатать там кн<игу> статей, объяснил мне так, что этим недовольно «Слово». Впечатление мое — все там идет кое-как, деньги есть, но дело чиновничье, т<о> е<сть> довольно безнадежное.

На днях уезжаю в окрестности Chantilly к знакомым («в Притыкино»), надо кончать повесть. С деньгами в этом году туже, сейчас выручил И. И., налоги, плата за Наташу, и т. д. В «Возрождении» зарабатываю теперь не — 1200.

Наташа зубрит. Учится по-английски у отличной учительницы и уже немного говорит.

Привет всем на Бельведере. Твой *Борис.*

76. И. А. Бунину. 25 декабря 1928. Париж

25 дек<абря> 1928

Дорогой Иван, ты, может быть, уже видел мою статью об Айхенвальде — хочу сообщить несколько подробностей о его смерти, дошедших из Берлина.

Ю<лий> И<саевич> был в тот вечер у Татаринова (из «Руля»), в очень подавленном и мрачном настроении. Говорил, что надежд никаких нет и *жить не стоит.* Вышел и на бульваре (вроде как на Av. Henri Martin, трамвай идет совсем рядом с аллеей) — по близорукости своей и попал под вагон. Трамвай

так его придавил, что пришлось подымать вагон специальным краном, подъемником! Но, видимо, он сразу оказался в бессозн<ательном> состоянии. Изуродован ужасно, выбиты зубы, и т. п. В больнице у него был брат Вышеславцевой и видел его, но Ю<лий> И<саевич> в себя так и не пришел. Хоронили его в Тегеле, было много народу, масса венков, очень многие его в Берлине любили. Наш Милюков вначале возражал мне против панихиды от Союза! («Мы не конфессиональное учреждение...»), но поддержал меня Аминадо и панихида на Дарю состоялась — народу пришло мало, большинство (за что благодарю их в сердце) — евреи. Вот, дорогой друг, печальные подробности. Понимаешь, конечно, как мы с Верой его оплакивали. Трагедий, смертей, покушений на самоубийство вокруг сколько угодно.

Время идет. Оказывается, через месяц увидимся? Капитан уже здесь, был у нас, пришел и на панихиду. Шмелева не было. В нем я нажил, кажется, окончательного врага. (Гукасов давал нам обед у Petit Durand. Ш<мелев> произнес речь, длившуюся 40 минут, где жаловался на притеснения, главн<ым> обр<азом> Ш<меле>ва, а я его не поддержал. Он мне безумно надоел. Если бы все мы, 12 чел<овек> начали говорить о своих проторях в «В<озрожден>ии» по 40 мин<ут>, то дружеская беседа затянулась бы до 8 ч<асов> утра, притом он и все прения о литерат<урном> отделе переводил на себя. Прислал мне письмо в 1/2 печ<атного> л<иста> с упреками, я дал читать Вере для извлечения сущности. Главная сущность, конечно, обида.)

Обнимаю горячо тебя и Веру, Галине привет от соседа по жаре.

Вера моя тоже Вас всех очень хорошо приветствует.

Твой *Борис.*

77. И. С. Шмелеву. 28 декабря 1928. Париж

28 дек<абря> 1928

Дорогой Иван Сергеевич, не сразу отвечаю вам — было много расстройства душевного, да и совпала с ним обязательная работа.

Я сожалею о том, что говорил не спокойно, а в нервном тоне, но все мы, конечно, нервны. Получилось м<ожет> б<ыть> впечатление некой резкости, чего я вовсе не хотел.

По существу же я думаю, что была неправильна самая форма, самая *позиция,* на которой Вы хотели дать сражение. Чтобы редакция стала печатать Лодыженского, Чирикова, Сург<учева> и (полностью) Амфитеатрова, надо *переубедить* ее, доказать,

что сотрудничество этих писателей газете полезно и нужно. *В бою,* в тоне нападения и ультиматумов этого достичь нельзя. Я сам был редактором, и Вы были. Нельзя силой требовать у редактора, чтобы ему нравилось то, что ему не нравится.

В частности, о Л<адыженском> у меня был *не* один разговор, и последний как раз вчера, из кот<орого> я убедился, что ничего не поделаешь с твердо сложившимся взглядом на него — и всего меньше, конечно, при действиях в той обстановке, как тогда (они даже не отвечали ничего по существу, не желая обращать ужин в суд над собой!).

Они не ответили Вам и на то, почему был возвр<ащен> Ваш рассказ (все же потом напечатанный. Случай с ним действительно не понятен для меня, о чем я им обоим тоже говорил). Но, И. С., уверяю Вас, что из 10 чел<овек>, сидевших за столом, не было ни одного, у кого все шло бы гладко с редакцией! Знаете ли Вы, что мне летом убавили фикс. (Я получал 1000, теперь 500.) Что убавили жалованье М<ережковском>у, стеснили Вейдле, отняли фикс у Муратова, и т. п.? Тут одно: или повторять опыт Струве — т. е. революцию, или плюнуть и (как я сделал) предупредить: хорошо, на этот раз я уступаю, но если дальше мне наступят на ногу, я просто уйду и советоваться ни с кем не стану.

Вы поворачиваете дело так, будто я не захотел вступиться за товарищей. Это неверно в тех нормах, какие считаю целесообразными, всегда вступаюсь. В чем другом, но в отсутствии товарищеского чувства и *действия* меня, И<ван> С<ергеевич>, обвинить *нельзя.* Дня не проходит почти, чтобы я с кем-нибудь не возился — и я рад этому, пока силы есть и буду хлопотать. Ваше обвинение в безучастности отвергаю, и думаю, что тот же Л<адыженский> есть вообще живое доказательство этого.

Я очень рад, что переданное мне, как я и думал, оказалось неверным — было бы слишком горько проявление столь не товарищеского чувства в нашей среде.

От души желаю Вам в наступающем году бодрого творчества, здоровья и всяческой удачи.

Ваш *Бор. Зайцев.*

78. И. А. Бунину. 11 января 1929. Париж

11 янв<аря> 1929

Carissimo maestro e amico[1], в рассуждении чехов дело пока неважно. Разумеется, никто не получил. Но из Земгора прошел

[1] Дражайший маэстро и друг *(ит.).*

слушок, что еще на 6 мес<яцев> раздобыли 3 миллиона, и Земгору уже дали. Мережковский просил меня написать Масарику (!), но я сделал несколько проще — всего только Ляцкому написал (этот хоть знает, кто я), с просьбой «нажать» на наши стипендии. Вот, может быть, ты Масарику напишешь? Или вообще кого в Праге знаешь? В Земгоре говорят, что личное давление *там* имеет большое значение, пример самого Земгора убедителен (служащих известили, что жалованья за январь не будет, а потом все же прислали).

Послезавтра писательский бал, вывозим Наташу. Она будет отлично mise[2]. Обнимаю, целую.

Б.

[2] представлена *(фр)*.

79. И. С. Шмелеву. 4 февраля 1929. Париж

4 февр<аля> 1929

Дорогой Иван Сергеевич, вот адрес для отправки денег на Афон: Grece, A. Mont-Athos. Karea. Au reverend Prêtre moine Pere Savas, Président de la Fraternite de Cellules Russes[1]. (Думаю только, что надо писать в обратном порядке, т. е. сначала *кому,* а потом уж *куда).*

Привет!

Ваш *Бор. Зайцев.*

[1] Греция, гора Афон. Карея. Преподобному священнику монаху отцу Савве, председателю Братства Русской общины *(фр)*.

80. И. А. Бунину. 20 мая 1929. Париж

20 мая 1929

Дорогой Иван <...>

Я сейчас ничего (кроме товаров для «Возрождения») не пишу. Чувствую себя неважно. О лете вовсе не думаю. Ничего хорошего все равно не выдумаешь.

Привет всем в Грассе!

Твой *Бор. Зайцев.*

P. S. Выпускаю на днях повесть в «С<овременных> З<аписках>». За дешевое издание, вероятно, ничего не получу. И. И. говорил мне, что оно окупается 350—400 экз., а Коварский теперь — что 600—700! Что же мне останется? И когда? Да еще Заксу объявлен бойкот. Влетели мы все. Один умный Алданов сумеет вовремя отступить.

81. И. А. Бунину. 24 августа 1929. Париж

24 авг<уста> 1929

Дорогой Иван, время, однако, идет — хочется повидаться, а когда и как соберемся мы в Грасс? Хорошо бы встретиться теперь же, *поговорить,* и т. п. Независимо от нашего приезда (в Грасс или Канн) — не собрался ли бы ты к нам в Ниццу? Если не очень бешено пишешь, приехал бы сюда? Позавтракали бы, где пожелаешь, погуляли бы, купанье теперь лучше (мерда[1] *почти* нет) и т. д. Итак, напиши. Привет всем сердечный — от меня и Веры.

Твой *Борис.*

---

[1] дерьма *(фр. merde).*

82. И. А. Бунину. 7 ноября 1929. Париж

7 ноября 1929

Caro, illustre maestro (e amico)[1], сегодня отправил в Милан письмо с твоим адресом — его хочет знать г. Ринальдо Кюфферле, напечатавший о тебе статью в «Corriere della Sera»[2]. Он не знает, куда тебе ее послать. Кроме того, спрашивает, отдал ли ты кому-нибудь в Италию «La Vita d'Arseniev»[3] (для перевода). Я ответил, что не знаю, пусть сам напишет. К сведению: он человек очень литературный, заведует русским отделом «Corriere della Sera», из классиков переводил Пушкина (драматич<еские> сочинения, мне показалось — совсем неплохо). Он посылал тебе свои книги, — «in omaggio» (hommage)...[4]. Но ты, вероятно, отнесся к этому делу с известным нам всем (орловским и калуцким) дворянским равнодушием. (На всякий случ<ай> его адрес <...>) «La Vita d'Arseniev» прочел я, как всегда, с большой радостью, некоторые страницы прямо с восторгом (ночь перед «решением», где луна; смерть В<еликого> Князя). Вообще очень, очень хорошо. Дай Бог сил и бодрости на дальнейшее — в силах этих я ни минуты не сомневаюсь, но знаю в illustre maestro и человека «нервического», иногда склонного самому себе создавать препятствия. Впрочем, может быть, это и лучше, чем полнейшее самодовольство «солнечного брата» и его замоскворецкого кузена из Капбретона.

---

[1] Дорогой, знаменитый маэстро (и друг) *(ит).*
[2] «Вечерний курьер» *(ит);* — название газеты.
[3] «Жизнь Арсеньева» *(фр).*
[4] В знак почтения (уважения) *(ит., фр).*

Здесь в Париже «без перемен». Был вечер Аминадо, встречался с Куприным между 11-ю и 5-ю (утра) у добрых людей, выставляющих лангусты и винцо. Сейчас сижу в полуодиночестве — Вера ушла слушать платовских казаков, а Наталья до одурения возится с отражением света от каких-то зеркал. Грустно видеть неглупую девочку, занимающуюся пустяками. Гораздо хуже то, что здоровье ее неважно. Третьего дня был такой припадок печени (песок проходил, сказал Серов), что прямо беда. Пьет сейчас воды. Алданов мрачен. Муратов *ежедневно* пишет в «В<озрожден>ии» («Каждый день») и выколачивает деньжонки для семьи, находящейся в Риме (но зато приятен и нежен парижский роман). Нынче утром я позавидовал Грассу. Если у нас был такой свет и тепло, то что же там...

Обнимаю и целую: тебя, Веру, Галине только ручку, Рощина embrasse[5].

Твой *Борис.*

---

[5] обнимаю *(фр).*

83. Вас. И. Немировичу-Данченко. 5 января 1930. Париж

Boris Zaitsev
11 rue Claude-Lorrain
Paris (XVI°) *5 янв<аря> 1930*

Глубокоуважаемый Василий Иванович,

Правление Парижского Союза писателей и журналистов просило меня передать Вам сердечные поздравления и пожелания сил и бодрости.

От себя лично — горячо Вас приветствую и желаю всего лучшего.

Борис Зайцев.

84. И. А. Бунину. 7 января 1930. Париж

7 янв<аря> 1930

Caro, illustre maestro (e amico!), с Новым Годом! Обнимаю тебя и Веру дружески, целую ручку Галине, шлю привет всему дому.

А далее идет «жизнь, как она есть» (не очень-то акварельная!). Ты уже заметил, вероятно, что чехи молчат. С января стипендии прекращены. Если ты *тоже,* как другие здесь, не получил, то, по утверждению спецов, надо сейчас же писать в Прагу, кто кому может, добиваясь «индивидуально» продления хотя бы на год. Крачковский из Ниццы пишет мне, что ему «по болезни»

стипендия продолжена. Оказывается, некоторые догадливые люди хлопочут уже с октября!

Все это, разумеется, в предположении, что ты денег *не* получил. Если же сам заранее обеспечил себя от «свенцянского прорыва», то тем лучше, и тогда все это писание ни к чему. Теперь скоро уж и увидимся? Пора, пора! (Хотя ничего особенного от Парижа не жди. Все мы понемногу стареем и изнашиваемся — но все же держимся.) Вчера у меня был один инженер, проездом в Америку. Это приятель моего покойного отца, служил под его начальством на Мальцевских заводах и был со мной знаком *40 лет тому назад!* Мы с ним не видались 40 лет — и представь, я его узнал. Мы когда-то скакали с ним верхом, он был молодой инженер, теперь совершенно белый старик, но глаза те же (относительно, конечно!). Мне он сказал, что глаза и у меня не изменились, а сам я стал очень походить на отца. Вот время-то! Но мне не страшно было на него глядеть. Он оч<ень> бодр, умен, изящен. Фамилия — Старицкий, джентльмен, барин. Еще раз целую.

Твой *Борис.*

85. И. А. Бунину. 24 июня 1930. Париж

24 июня 1930

Caro maestro e amico, здесь устраивается протест против письма в «Nouv<ae> Litt<erare>» группы советских писат<елей> и худ<ожников> о Левинсоне (они облаяли его за справедливую статью о Маяковском). Наш ответ и выражение сочувствия А<ндрею> Я<ковлевичу> будет помещен там же. Текст написан мною, редактируется окончательно Ходасевичем. Тон спокойный. Будь добр, дай твою подпись (Мер<ежковс>кий, Купр<ин> и др<угие> уже дали) — а также Галины Ник<олаевны> и Зурова — будут и молодые. Очень обяжешь. Если не пожалеешь 3—4 фр<анка> лишних, то дай телеграмму. Очень спешим. (Текст взялся написать Алданов, но уехал, ничего не сделав. Пусть и он не возражает — французов собирать уже некогда.) Сердечный привет всем, поцелуи кому можно.

Борис.

86. И. С. Шмелеву. 16 июля 1930. Париж

16 июля 1930

Дорогой Иван Сергеевич,

разумеется, и речи не могло быть о том, чтобы Вас как-то «обойти» в нашем выступлении. Мы распределили между собой,

кому кого извещать. Вы и Бердяев достались Фохту (мне Бунин, Шестов, Ремизов и др<угие>. Мережковские — Берберовой и т. п.). К *большому* моему огорчению, ни от Вас, ни от Бердяева мы никакого ответа не получили. Я приписал это тому, что, м<ожет> б<ыть>, Ф<охт> недостаточно толково изложил все это в письме или что не было самого *текста* (Шестов, напр<имер>, потребовал «предварительной» анкеты о Маяковском... вообще готов был дать ответ этак через полгода).

Или — недоразумение с адресом? Точного я не знал, дал просто Capbreton (Z.) — Вам. Из очень для меня важных и нужных имен не оказалось также Бальмонта — он был в Литве и к сроку (мы и так очень запоздали) нельзя было достать его подписи.

Итак, повторяю, И<ван> С<ергеевич>, кроме сожаления, что Вашего имени нет, я ничего не испытываю — судя по Вашему письму, Вы ничего и не получили.

В русских газетах исправить оплошность легко — просто дадим заметку, что ваше имя по недоразумению не попало. С франц<узскими> — труднее (нас и вообще-то не очень хотели печатать). Обращусь к Фохту, посмотрим.

Сердечный привет, поклон О. А. от меня и жены...

Ваш *Бор. Зайцев.*

87. И. А. Бунину. 28 января 1931. Париж

28 янв<аря> 1931

Дорогой Иван, сейчас придет Наташа, у нее узнаю адр<ес> К. и припишу к письму. Имей только в виду, что Н. Н. совсем разорен, занимается распродажей по дешевке остатков книг своих — и даже сам их разносит, как Офеня. Живут они очень плохо. Издательство он давно закрыл, и кн<ижного> магазина нет. О чехах ты, конечно, знаешь. Но по нашим сведениям, Кускова хлопочет за тебя, меня и Ремизова — выйдет ли что-нибудь, сказать пока нельзя, все же маленькая щелка есть (но все это *не* для распространения).

Мы были больны гриппом, лежали все трое одновременно, т<ак> ч<то> за нами ходила и кормила нас одна добрая душа (дама) — иначе прямо хоть пропадай. Грипп был довольно тяжелый, с высокой темп<ературой>, очень утомил. Сейчас оправились. Но у меня какие-то остатки в легких, у Веры слабо сердце. В общем же вертимся. В Париже невесело — вся жизнь несколько сжимается, будущее темно — дай Бог удержаться на теперешнем уровне. Пав<ел> Андреич все болен, и Бог знает, когда оправится. Тэффи переутомлена до предела. Бодрее и

веселей других Наташа — как и полагается по ее возрасту. Сейчас заходил Марк Ал<ександрович>, — собирается на юг, звал меня с собой. Но, разумеется, я не поеду. Вот, дорогой друг, какие дела. С большим удовольствием читаю твои маленькие рассказы, очень нравится.

Целую тебя, наши кланяются. Привет всем вашим на вилле.

Твой *Бор. Зайцев.*

88. И. А. Бунину. 5 июня 1931. Париж

5 июня 1931

Caro amico e mastraccio[1], пишу тебе с неким отчетом о парижских наших делах. Ты, конечно, получил письмо от Белича, как ты его понял? Как будто есть невеселый намек на возможность прекращения «поддержки» (буде книжные дела и впредь плохо пойдут). У нас всех тексты несколько разнятся, у Ремизова, напр<имер>, так сказано, что разговор идет о дальнейшем сохранении поддержки, понимаемой, как самое *печатание* наших книг, а значит *не* о тысёнце злотых. Во всяком случае, мы обеспокоились, дважды собирались у Мережковского (Куприн с Ел<изаветой> М<аврикиевной> и я). От Ремизова у меня была доверенность. И порешили так, что на вопрос, кого рекомендуем из парижского представительства, ответить — «Возрождение». Книжн<ый> магазин согласился. Возьмут 50 % и даром рекламу книг в газете. (Само писание походило на ответ запорожской сечи султану — пыхтели, потели — «Зина, не мешай!», «Ты ничего не понимаешь, дал бы лучше Зайцеву чернил. Так, значит, «Возрождение» отказывается быть представителем?», «Зина, тебе только что сказали, что именно «Возрождение» согласилось!», «А-а, ну, я прослушала...» и т. п.).

Шмелев из Капбретона тоже указал на «В<озрождение>». Мы же оговорились, что отвечаем только за себя, списываться было бы трудно. Каков твой взгляд? За «В» говорит богатство хозяина, довольно хорошая постановка книжного аппарата и, главное, возможность бесплатной рекламы (чего у Коварского, напр<имер>, о котором мы тоже думали, нет). Думаю, запорожцы тут не ошиблись. Напиши Беличу, я думаю, то же самое — сколько мы ни прикидывали и ни советовались, лучшего в Париже не выдумаешь. Буду ждать от тебя неск<олько> строк.

Приглашены на твой вечер в среду. Билеты идут, не весьма быстро, но наверно будут «солидно размещены» (как об акциях

---

[1] Дорогой друг и маэстро *(ит).*

говорят). Состав исполнителей превосходный. О впечатлении отпишем, разумеется. Весьма возможно, что на август приедем в Golf Juan. Но с деньгами, как всегда, плохо. Мережковские что-то молчат о лете. Алданов собирается в Испанию, будет писать для «П<оследних> Н<овостей>». Кстати, ты должен настрочить Демидова, чтобы в «П<оследних> Н<овостях>» позволялись статьи о *всех* книгах Державной ком<иссии>, надо объяснить ему, что это дело очень важное, и не для одних только нас: касается вообще поддержки Сербией русских, нельзя тут проявлять равнодушие.

Дружески обнимаю, привет всей вилле. Наши целуют.

Борис.

89. И. С. Шмелеву 11 августа 1931. Париж

11 авг<уста> 1931

Дорогой Иван Сергеевич, сердечное спасибо за внимание и сведения о Голландии — очень для меня ценно. В Капбретон по указанному Вами адр<есу> напишу — но сейчас нет под руками «Анны», сделаю это, когда вернусь в Париж. (Гонорары там, однако, жиденькие! Страна невелика, но валюта хорошая — казалось бы, надо быть щедрее: ну, что поделаешь. За книги по-русски, здесь в эмиграции, кажется надо отучаться получать что-либо. Вообще, будущее наше не блестяще.)

Пишу Вам с Марны, вблизи Парижа. Мы живем в небольшом еврейском пансионе у г<оспо>жи Дрейфус, она никак не могла примириться с тем, что мы не евреи. Утверждала, что у Наташи *явно выраженный* еврейский тип (про меня уж говорить нечего, одним словом Борух). В общем, однако, дама любезная, и даже обещала мне протекцию у Грассэ (он, вероятно, тоже Борух). — Хороша тут Марна. Я давно не жил вблизи рек, и если бы получше погода, целый бы день сидел на берегу... Есть даже отмели, кулички, утки. Кое-где за́мки. Крестцы сырого (от дождя) овса. Крестцы пшеницы. Несколько лет назад такой «полурусский» пейзаж настолько меня волновал, что даже я расстраивался. А теперь огрубел. Может быть, потому, что уж очень туманны стали надежды увидеть родину (все же я от них не отказываюсь).

Примите от меня привет и передайте поклоны Кульманам, Вашей супруге, Бальмонтам. Вера и Наташа тоже приветствуют Вас.

Ваш *Бор. Зайцев*

P. S. Через неделю думаю быть уже в Париже.

90. И. А. Бунину. 9 марта 1932. Париж

9 марта 1932

Дорогой Иван, пишу тебе тем самым пером, которым Вера только что кончила эпическое и обстоятельное описание Наташиной свадьбы. Женщины всегда лучше нас пишут письма, т<ак> ч<то> прибавлять почти нечего. (Вот разве что: вчера один художник, Ровинский, сказал мне: «Наташа очень хорошо вошла в церковь и несла букет. Может быть, она репетировала это?» — Он Наташу мало знает... поэтому вопрос простителен.)

Нынче я из «Возрождения» говорил с Наташей по телефону. Из Фонтенбло тоненький, звонкий голос сразу сказал: «Папа?» Разговор был короткий (мне очень мешали), но голос фонтенблосский — веселый. Потом другой, пониже, и тоже веселый. «Ну, как вы себя чувствуете, Андрей?» — «Чудно». Вот это факты. Надо думать, что «молодые» и правда в хорошем настроении.

А старые засели в некое парижское Притыкино. Ты, верно, знаешь, что мы переехали в Булонь. Квартирка небольшая («бедный, но честный ремесленник Блэк» живет в ней) — но с удобствами, очень чистая, в новом доме, все как у порядочных людей. И *своя*. В день Наташиной свадьбы, утром, я впервые увидал из своего окна (5-эт<ажного> — но подъемник) St. Sulpice и Notre Dame, по случаю очень ясной погоды. Это мне было приятно. Потом приятно то, что вышел пасьянс «Наполеон», на Наташино счастье загаданный — а до того шесть раз не выходил, и сейчас, только что, еще два раза не вышел. Это глупости, конечно, но пишу уж все.

Ф. О. устроила мне вечер, ты слыхал об этом. Благодаря вечеру удалось переехать и выдать Наташу замуж, но все же есть долги и будущее очень неясно. Слава Богу, что Он дал мне легкий (в этом отношении) характер. Мне пошел шестой десяток, а я ни о чем не думаю (денежном). Желание на лето у меня такое: попасть на юг, в Ваши края, покупаться, вас повидать, выпить с тобой вина, и т. п. Может быть, и удастся! Я Грасс ваш люблю — возможно потому, что жил там мало, но *очень приятно*, это помню. Пожелай же мне, чтобы удалось съездить: я два года не видал настоящего солнца.

Обнимаю тебя, Веру, шлю привет Галине и Зурову — буду оч<ень> рад, если напишешь о себе неск<олько> строк.

Любящий тебя *Борис*.

P. S. Здесь теперь Бальмонт — стал «мрачный как скалы» и одежд ни с кого уже не срывает. На днях родит Мирра. Отец ребенка будущего — антропософ, засел в Швейцарии. Позлащенных возможностей мало.

91. И. А. Бунину. 3 июня 1932. Париж

3 июня 1932

Дорогой друг, у сербов был — обещали тотчас отправить тебе деньги. Сейчас ждем Наташеньку, она приехала вчера из Aix-les-Bains. Видов на лето никаких. Безденежье полное. Нынче обед «Возрождения», по случаю 7-и лет — *не* иду на него (но не из-за денег: Гукасов устраивает его на свой счет. Все равно. Физиономия Абрама мне «не ндравится» — насколько приятно обедать с друзьями, настолько же невесело с такими Абрамами).

Обнимаю тебя и Веру, привет Галине и Зурензону.

Бор. Зайцев.

92. И. А. Бунину. 6 августа 1932. Париж

6 авг<уста> 1932

Дорогой друг, слышу все, что ты нездоров, лежишь и т. п. — просто грусть берет: откуда эта анафемская напасть? Издали тебя обнимаю и целую.

Нынче мои именины — мы с Верой были в церкви, исповедовались и «припшались», как у нас в Калуге говорили. День какой-то хороший получился — и даже в Париже солнце, настоящее, высокие облака и т. п. редкости. Ты, вероятно, знаешь, что Вера была в Нечаянной Радости, а я прожил 12 дн<ей> в Wimereux, под Булонью, на море у Наташи. Un vieux gaga chez sa fille[1]. Мне у них отлично жилось, с удовольствием вспоминаю изящное местечко, уже полуанглийское, Ламанш. (Первый раз в жизни видел Англию — один раз только она и показалась.) Я так загляделся на английский лад, что все бормотал про себя английские слова (собств<енного> производства), разгуливая по набережной. Сейчас Н<аташа> с Андр<еем> под Орлеаном на Луаре — каникулы. А мы с Верой завтра уезжаем к сестре в Нечаянную Радость — на неделю, а может, дней на 10. Сегодня очень поразились смертью Черного. Менее всего можно было ждать!

В Париже теперь Бальмонт — совсем угасший. Вижу его редко. Он как будто на меня дуется, не знаю за что. И вообще озлобленность появилась. Впечатление тяжелое. («Борис однако... у вас квартира», ты сам знаешь, *какая* у меня квартира. Но

---

[1] Впавший в детство старик со своей дочерью *(фр.)*.

он, кажется, все еще думает, что я «купаюсь в гукасовском золоте» — и вообще вздор.)

Куприны в полном упадке. Квартиру бросают, из «Илл<юстрированной> Р<оссии>» пришлось уйти (возвращали без его ведома авторам принятые им рукописи! — тоже хамье). В «Возр<ождении>» он почти не печатается. Ел<изавета> М<аврикиевна> совсем замучена. Говорит, что возьмет комнату себе и ему, Кису поместит где-ниб<удь> у подруги. Разумеется, это нервное преувеличение, но все же плохо. Вот видишь, невеселые вещи. Жизнь все крепче зажимает маленькое наше писательское племя — впрочем, и не одно писательское: кругом только и слышишь горестные вещи.

Я чувствую себя сейчас много лучше, чем когда ты был. Конечно, надо пить разные фосфористые штуки, да не соберешься как-то. Эти дни все о тебе думаю — очень по-родственному, и с нежностью. Дай Бог поскорее оправиться. Хотелось бы оч<ень> в Париже повидаться — надеюсь, осенью? Мы, вероятно, переберемся отсюда опять в Отёй — если, конечно, что-ниб<удь> подходящее найдем!

Веру целуй тоже — от меня и моей Веры (но вот самого себя тебе трудновато будет от нас поцеловать — а надо).

Твой *Борис.*

93. И. А. Бунину. 1 февраля 1933

1 февр<аля> 1933

Дорогой друг, одновременно с письмом посылаю деньги. Сербы переехали — лишь сегодня узнал об этом, на дверях билетик с новым адресом. <...> Вчера было распределение денег с бала. Пусть Галина и Зуров не обижаются, что дали мало — делили 7000 на 75 человек, причем было неск<олько> стариков, как Амф<итеатров>, Купр<ин>, кот<орые> дали 200—300, да еще необход<имые> расх<оды> по устроению бала (ок<оло> 1000), т<ак> ч<то> в последнюю минуту всем пришлось скинуть по 20 %! — цифры получились убогие, *никогда* еще этого не было, но никогда столько заявл<ений> не подавали (и *кое-кому* мы вовсе ничего не дали!), успех же бала был ниже обычного. Итак: они получат по 80 целковых! Небогато. На днях получат, а м<ожет> б<ыть>, одновременно с этим письмом.

Новостей у нас особенных нет. П. А. Тикстон тяжело болен — Вера ходит к нему ежедневно, Тэффи извелась. Вчера я у него был... что сказать! Мучителен конец его жизни. В воскресенье

читал о св. Серафиме в Бианкурской церкви. Очень хорошее впечатление, каждое слово «доходит» — сам был в подъеме.

Ну, Господь Вас всех храни, обнимаю и целую.

Твой *Борис.*

«Арсеньев» — отличен! Спасибо! (Глупое слово, но почему-то захотелось его сказать.) «Узнаю коней ретивых я по их таврам», <...>

94. И. А. Бунину. 6 марта 1933. Париж

6 марта 1933

Дорогой друг, сербам, разумеется, сказал — обещали выслать дня через 2, т<ак> ч<то> если не соврали, то ты уже получил. Жаль, что не прислал расписки (или письма по-французски с просьбой получить за тебя). Пытался сделать это и без письма — в чем поддерживала меня Елизавета Маврикиевна, но не выдали денег — не потому, что не доверяют именно мне и ей, но боятся Министерства: если внезапно потребуют отчета, то оправдательных документов нет. Итак, следующий раз, если будет туго, прямо пришли письмо — я тотчас же вышлю.

Очень возмущен поступком «Посл<едних> Нов<остей>» по отн<ошению> к тебе. У них и приблизительно равного Арсеньеву нет. Но это — гонение вообще на писателей-художников. Для газеты дороги — самое удобное просто перепечатывать из советской печати: совсем даром.

Сейчас сижу над лекцией — буду читать 25-го марта, в Musée Social[1] — единств<енный> ресурс, ибо на весь март у меня осталось 60 фр<анков>. Третьего дня читал там Ходасевич о Пушкине («Молодость Пушкина») — читал неплохо. Пушкин грыз ногти, был похож на мартышку, записывал в реестрик, кто его обидел и кому он отомстил, а кому еще нет. В общем напоминал Ходасевича. Но подано остро. Публики было среднее количество, Пушкин имел успех. Заработал 1500.

Целуй очень от меня Верочку, благодарю ее сердечно за внимание и милое письмо. Передай также печальную весть: Алексей Васильевич безнадежно болен, у него рак кишок, он тает — вчера получили от Тани письмо, и поплакали, разумеется.

Заметает быстро вьюга
Все, что в жизни я любил...

---

[1] Общественном музее *(фр).*

Эти дни сидел за французскими корректурами «Золотого узора» — очень опять все *прошлое* разволновало... страшные вещи, никогда не забываемые, и простить которые не могу. Там описан и дом Орешниковых, вход, бюст Юпитера Пирикалийского, зала, вакханка Бруни. Тут как раз и подали письмо о хозяине этого дома.

Господь храни Вас, мои дорогие. Малое наше племя, малочисленное... Других, *новых,* может быть, и очень хороших, любить уж не могу — поздно.

Вашим молодым — Галине и Зурову привет.

Твой *Борис.*

P. S. С удовольствием читаю, что немецкие коммунисты сидят по тюрьмам. Пора! Какая рожа у Тельмана! Повторяю: след<ующий> раз не стесняйся — деньги вышлю и не пропью.

95. И. А. Бунину. 7 и 8 сентября 1933. Париж

7 сент<ября> 1933. 11 ч<асов> веч<ера>

Дорогой друг, наверно *не* наврал, все приблизительно так и есть, не уверен лишь только насчет Орлика — но и сам я был у дяди в гостях 7-и — 8-и лет, едва помню его, дом и усадьбу — разумеется, ни о каких Калитиных *тогда* понятия не имел, это рассказали мне позже. Происходило же все это на *Дворянской улице,* твердо помню. (А знаешь ли ты Левашеву гору? — ну, конечно, знаешь. Я там родился.) Вышло очень глупо: как будто *потому* знаешь, что я.., и т. д.

Написать тебе давно собираюсь. И хорошо, что ты меня подстегнул. Дело такое: я летом, в С. Жермене, прочел книжку твоих стихов. У меня из окна был виден на Соборе петух, луна заливала St. Chapelle XIII века — вообще пейзажик не тот, что на Растеряевой улице. Иван, ты мне доставил огромную радость! Из каждой строчки твоих стихов сочится поэзия, тут и разговаривать нечего, это настоящее, такое редкое теперь... да и всегда, положим, было редким, а теперь особенно. Я пожалел лишь, что ты не поместил нек<оторых> вещей, которые я любил («Сапсан», «Старых предков я наследье чую» и др.). Зато многое было для меня открытием. Странная вещь! Чуть не 60 стихов написаны в 1916 г., — и из сильнейших! Перед несчастьем нашим. «Хозяин умер, дом забит» — никогда раньше не читал: превосходно! Вообще много прекрасного — и самое трагическое как раз на этот год выпало. Дальше, по-моему, идет слабее — за исключением «Петуха» — которого давно знаю и всегда он меня волнует.

Надо бы поговорить. А писать трудно. Я сегодня и так целый день писал, еще удивляюсь, как рука ходит. Руднев внезапно попросил кусок романа в выходящую книжку (а было условлено, что в декабрьскую). Теперь должно появиться и тут, и там. Значит, я изо всех сил переписываю черновик, чтобы не задержать. Для меня вообще тяжелая вещь — эти клочья. Но отказываться нельзя все же, ведь платят. Успею ли кончить все к декабрю, не знаю.

Тургенева я, кажется, совсем замучил: 2 статьи в русских газетах, 3 фельетона из книги в швейцарских и 1 статья во франц<узском> журнале. Старику может нравиться или не нравиться, как я о нем пишу, но цифра сурьезная. Был на панихиде. По окончании ко мне все подходили, точно я внук или родственник, которому выражают соболезнование.

Новости в Париже малые. 1) В конце сентября предположена свадьба пана Масло-Ходасевича с девицей Марголиной. 2) В четверг, после получки в «Возрождении», мы с Коровиным неожиданно так напились в кафе, что придя к «Бернару», ничего уже не могли ни пить, ни есть. Он, однако, жив (и я пока что). 3) Завтра приезжает Наташа. 4) Вера, слава Богу, деятельна и бодра. Сейчас спит детским сном. Но и во сне целует тебя, Веру, всех. Как и я.

Твой *Борис.*

8 сент<ября> утром

Писал тебе вчера всякие вещи, а вот еще одна, печальная: 26 авг<уста> умерла в Москве Соня Парнок. Болела всего один день, было что-то гастрическое; а потом стала сразу слабеть, впала в беспамятство и скончалась. Пишет об этом Верина сестра Таня. Открытка закапана слезами. «Похоронили честь честью, на Введенских горах».

Мы с Верой очень Соню жалеем. Ты меньше ее знал. Она была *наш* человек, жила в Сов<етской> России одиноко, стихи, по словам Тани, писала последн<ее> время все о смерти (и не печаталась, конечно). Очевидно, похоронена церковно, хотя была по крови еврейка (и по некоторым психоп<атическим> «уклончикам»).

96. И. А. Бунину. 3 октября 1933. Париж

3 окт<ября> 1933

Дорогой друг, у меня к тебе некая просьба. На днях вышел по-французски «Золотой узор» у Ашетт. Мы разослали, конечно, из издательства известное количество книг с моими «омажа-

ми»[1], но заведующая той «collection»[2], где «З<олотой> У<зор>», все говорит мне, что этого мало, что надо «настаивать» на отзывах и рецензиях и т. п. Для движения книги на рынке считает она это очень важным, что и неоспоримо. При том ясно говорится: если кн<ига> благополучно пройдет, то возьмут следующую. «У вас есть знакомые критики?» — спрашивает меня эта г<оспо>жа Арригон. «Чтобы писали, надо и личное влияние». Ну, конечно... А за десять лет жизни в Париже единственная моя «мощная» поддержка это Фохт, да и тот сделался одновременно 1) послушником в подряснике 2) окончательно темной личностью — в монастыре, где живет моя сестра, оставил репутацию просто жулика, всех, кого можно, обобрав.

Итак: не мог ли бы ты мне помочь? Я отправил книгу Эдмонду Жалу. Он ее получит среди десятков других и в свое время продаст на quai Voltaire[3]. Но если бы *ты* написал ему два слова сочувственных, м<ожет> б<ыть>, он и дал бы хотя бы краткий отзыв? Не надо его даже *просить*. Достаточно, что писатель с твоим именем и положением в русской (и европейской) литературе *укажет*...

Разумеется, все это в том предположении, что это для тебя не трудно. Если почему-либо (внутренне) писать неудобно или нелегко, то не о чем и говорить: просто забудь об этих строках.

Новости следующие. Одна эротико-херовского свойства, имеет отношение к лицам, близко тебе знакомым (*не* я и *не* Алданов!). Работа уже идет, но положение еще не выяснилось, т<ак> ч<то> nomina[4] пока — odiosa[5]. Другая более печальная: умирает А. Я. Левинсон — рак желудка. Муратов уезжает на днях в Англию — в Лондоне и Кэмбридже прочтет лекции насчет разных икон и Византии, немножко вздохнет от «Возрождения» (где вполне осатанел, он ведь и роман подвальный переводит, за 10 сант<имов> строчку!).

Получил вашу открытку к именинам, спасибо. Верочку тоже целую и поздравляю. Ее строчки оч<ень> остроумны. Нас на этот раз выручили «Совр<еменные> Зап<иски>», но вообще бюджет мой... — ну, и слава Богу, что еще такой. Хоть за квартиру пока аккуратно плачу. — Скажи Верочке, что на именинах было много народу, атаки продолжались целый день! — к вечеру я едва двигал языком, но не от пьянства, а просто от

---

[1] «знаками почтения» *(фр hommage)*
[2] комплекта *(фр)*
[3] набережной Вольтера *(фр)*.
[4] имена *(лат)*
[5] ненавистны *(лат)*.

усталости. Так устал, что на следующий день видеть не мог человеческого лица. Это тем более странно, что народ был приятный — но уж слишком долго. Кстати, ни одного арийца. Все они справляли юм-кипур и прислали приветы.

Вчера видел в редакции книгу Хэнтингтона об эмиграции. Издано прекрасно и все благожелательно. (Но язык английский для меня вообще — х... *несусветимая.*) В отделе литературы на первом месте, разумеется, ты; потом все мы («старые»), но есть и молодые. Но тебя этот Хэнтингтон называет Александром Иванычем! (На первой странице изображен шофер в такси, обрюзгший человек в кепке, читает «Возрождение». А в середине книги тот же шофер — худенький юноша в крылатой каске кавалергарда, белые лосины, палаш...) Хэнтингтон жил прежде в Петербурге и женат на русской. Удивительно, что есть еще люди, которые нас знают и (даже!) любят.

Обнимаю тебя дружески, всем домашним привет.

Твой *Борис.*

97. И. С. Шмелеву. 11 октября 1933

11 окт<ября> 1933

Дорогой Иван Сергеевич, читаю сейчас «Лето господне», вспоминаю Вас — отдельные рассказы читал раньше и мне всегда это было оч<ень> близко, а когда собрано в книге, просто *прелестно!*

Прочитал в газетах о Вашем шестидесятилетии — позвольте от всего сердца пожелать Вам написать еще новые прекрасные книги «на утешение» нашей словесности. А утешить ее надо. Туго ей. Хам все плотнее наступает. И все мы живем как-то одиноко, разбросанно, а и осталась нас кучка...

Лучшие пожелания Вам шлет также Вера, и Наташа Соллогуб, которую Вы, вероятно, помните русской девочкой с косами — а теперь она взрослая парижская дама (но душой *русская*).

Низко кланяюсь Вам.

Ваш *Бор. Зайцев.*

98. И. А. Бунину. 4 ноября 1933. Париж

4 ноября 1933

Дорогой друг, только что получено очень важное известие насчет тебя и Нобелевской премии — телеграмма из Копенгагена в «Посл<едние> Новости»: запрос о твоем адресе и подданстве

(насколько я понял — от Кальгрена? — во всяком случае идет от Ноб<елевского> комитета).

Взволнованы мы очень — ну, нечего говорить, сам понимаешь... Просто сдерживаться приходится.

К тебе такая просьба: более чем вероятно, что ты первый получишь *оттуда* телеграмму. Не поленись тотчас *телеграфировать* мне, чтобы я поскорее мог дать статью в «Возрождение» — т. е. написать ее, и она появится *одновременно* с опубликованием в газетах (*но*, разумеется, никак *не* раньше, это уж ты можешь быть покоен!). И вообще я хочу как можно раньше знать! Тут говорят все о 9-ом числе. Но после запроса впечатление такое, что *все уже решено*, и м<ожет> б<ыть>, ты получишь весть еще ранее, чем дойдет до тебя это письмо. Не могу писать больше ни о чем — и только, еще раз, всем сердцем с тобой, как в тот вечер, помнишь, в «Праге», когда из телефонной будки звонил я в «Русское Слово» о тебе — тогда была Академия, ну, а теперь уж всесветная штука.

Господь тебя храни. Сдерживайся и старайся не очень волноваться... Это легче, конечно, говорить, чем сделать, все же говорю.

Обнимаю.

Твой *Борис.*

99. И. А. Бунину. 15 февраля 1934. Париж

15 февр<аля> 1934

Дорогой друг, спасибо за милое письмо. Рад, что ты начинаешь приходить в норму. Весьма рад и повидать тебя в марте. Да, пора P. E. N. клубу дать о себе знать! Вероятно, обед будет подписной? Вот на нем мне хотелось бы присутствовать — выкладываю карбованцы, сколько понадобится.

Из твоего письма не видно, какие у вас планы на май-июнь. Меня это весьма интересует потому, что именно к июню мы с Верой намерены поехать на юг, хотя бы на месяц, покупаться и пожить на солнце. (Теперь есть билеты на 33 дня за гроши!) Думаем поселиться где-ниб<удь> вроде le Cannet. Ну, разумеется, было бы ужасно обидно, если бы Вас уже не было! Но присмотрели ли Вы что-нибудь себе? Мне что-то сдается, что в апреле ты съездишь в Италию на месяц, это гораздо разумнее всяких Дижонов и окрестностей Парижа. А лето? Все это для меня неясно. Боюсь, что все же удерете куда-нибудь в Анneси — хотя под Ниццей у вас у самих отличные горы.

...У нас тут всякие политические треволнения. Понедельник, день забастовки, провели мы грустно. Мрачное настроение.

Недалеко коммунисты соорудили баррикаду. Было столкновение, одного токаря с Растеряевой улицы убили. Вечером проносились автокары с полицией — типы на перекрестках улюлюкали и выли, равно и из домов кое-где выкликали. Прошла на рысях кавалерия... Невесело. Париж совсем был мертвый — мы с Верой даже порадовались, что Наташа уехала к Андрею в Булонь (Калэ) на эти дни. Теперь все в порядке, но что дальше будет, неизвестно. Донзель утверждает, что фашизм — и сидит над твоим Арсеньевым.

Обнимаю тебя крепко, и сердечно благодарю. Вера также. Привет всем вашим без различия пола и возраста.

Твой *Борис.*

100. И. А. Бунину. 10 марта 1934. Париж

10 марта 1934

Дорогой друг, когда к нам? Мы с Алдановым хотим быть на твоем обеде, нельзя ли это подтолкнуть? Денежки выкладываем честно. Но туда просто по подписке нельзя — нужно приглашение.

Наташа сейчас в Марселе. Пробудут они на юге 4—5 мес<яцев>. О себе ничего не знаю. Литературные дела пока «без движения» (да и не «пока» разумеется... Ну, лучше об этом не говорить).

Обнимаю и целую. Привет дружественный всем на горé.

Твой *Борис.*

101. И. А. Бунину. 23 марта 1934. Париж

23 марта 1934

Дорогой Иван, посылаю тебе (для Вериной коллекции) статью Мордвинова, по-моему, это довольно толково написано, и любопытно, что автор «смена» наша. Я в первый раз вижу в младоросском издании статью по *культуре* русской (без навязчивости написано, в довольно свободном духе). Значит, и у них есть люди образованные и любящие литературу. Кроме того, хорошо некое *здоровое* направление в статье. (Довольно с нас педерастов и недоносков.)

Обнимаю. Всему дому привет. Надеюсь в конце апреля лично всех вас расцеловать.

Борис.

102. И. А. Бунину. 21 апреля 1934. Париж

21 апр<еля> 1934. Суббота

Дорогой друг, «иду на Вы». Взял билет на вторник 24 веч<ер>, в среду днем надеюсь быть у Вас.

Обнимаю всех и целую.

Борис.

103. И. А. Бунину. 29 мая 1934

29 мая 1934

Дорогой друг, картина выяснилась, и благоприятно: валового сбору 540, очистилось для меня 400. Я очень доволен. Знаю, что результатом этим в очень большой степени обязан тебе — дружески жму руку.

Одно грустно, что вы все так скоро удрали. Мы же с Н. и А. пошли обедать в русск<ое> учреждение на Promenade des Anglais, и славно выпили вина в виноградной беседке — pergol'e, на чистом воздухе. Сегодня собираемся с Верой к Ментону. Напомни твоей Вере, что она обещала мне найти мою статейку о тебе (на честв<овании> 26 ноября в Париже, я должен ее прочесть 10-го июня). Пусть тотчас мне ответит — если у ней нет, то выпишу из Парижа.

Душевный привет всем от обоих. Ждем тебя в Ниццу.

Борис.

104. И. А. Бунину. 31 мая 1934

31 мая 1934

Дорогой Иван, спасибо за статью, понятно, не потеряю ее. Что касается Канн: обещали мне 100—150 фр<анков> — отказаться от этого никак не могу, из таких мелочей и состоят мои заработки, что поделаешь! Но *тебе* ехать не нужно (хотя они звали именно и тебя). Когда увижу распорядителя, то объясню ему, что тебя нельзя подымать второй раз на то же самое, да еще в миниатюре... И мне было бы трудно читать при тебе, только что все это слышавшем. Вообще, если в Канн состоится, то поеду я один.

Вчера читал у «чуткой молодежи». А больше разглагольствовал — отвечал на всякие вопросы. Увенчивать тебя будет барышня Мариночка Безобразова — прехорошенькая, держись, Петрарка.

Обнимаю. Привет всем.

Борис.

105. И. А. Бунину. 1 июля 1934. Париж

1 июля 1934

Дорогой Иван, пересланные письма получил, спасибо. В Париже мы уже три дня. Ехали на автокаре до Лиона — отлично! — мимо вас, вспоминали и кивали Бельведеру, было чудесное утро. Останавливались в Лионе у Наташи на два дня — скучнейший город.

Здесь все начинается обычное. Только что были у Полонских, видели М<арка> Ал<данова> и т. д. О юге, Грассе, Ницце, о вас всех вспоминаю с любовью и дружеским чувством. Целую тебя крепко и еще раз благодарю — чудесные два месяца прожил там благодаря тебе.

Всем сердечный привет от нас обоих.

Борис.

P. S. Сейчас у меня живет сестра Таня, старшая, она была тяжело больна, теперь оправилась. Надя совсем разошлась с Донзелем. Наняла отдельн<ую> квартиру и вчера переехала туда с дочерью. Татьяна чер<ез> 2—3 нед<ели> уезжает к мужу в Польшу.

106. И. А. Бунину. 17 августа 1934. Париж

17 авг<уста> 1934

Милый друг, получил я от Алданова, который сейчас в Довилле, запрос: правда ли, что ты в конце августа собираешься сюда? Я ничего не могу толком ему сообщить. Но чувство у меня такое, что это брехня. Очень приятно и радостно было бы тебя здесь повидать, но совсем неясно, для чего ты можешь в такое глухое время сюда забраться. Тут, действительно, только мы. Париж совсем пустыня. Те немногие, кого встречаешь, спрашивают: «Хорошо отдохнули в Грассе? Мы видели вашу фотографию с Буниным».

Насколько прочно за мной была раньше кличка «акварелиста», настолько я теперь «друг Бунина». Первое название иногда раздражало, второе мне даже приятно, но курьез в том, что из-за предвзятости даже люди, отлично меня и Веру знающие, охотно принимают за нас Cyrille'a[1] и Софью Артемьевну.

Нынче мы были на панихиде по Астрове. Пришла «вся Москва» — и все старье. У автобусной стоянки встретили Cyrille'a. Из ушей у него торчали таки кусты... куда смотрит

---

[1] Кирилла *(фр).*

С. А.? Подстричь их — один момент. Он получил кафедру в Харбине и в октябре уезжает: очень мы за него порадовались. Одним нищим будет в Париже меньше.

А на днях я подвергся нападению одного за другим ряда психопатов: Лоллий примчался с пьесой, М. Каллаш с книгой, Петр Константинович с толкованием на Апокалипсис. Потом зашла оч<ень> славная барышня и сообщила, что работает по небесному эфиру. Ее открытие вовсе меняет взгляд науки на действие солнечных лучей: не мы получаем нечто от них, а они вытягивают что-то от нас.

В прочее время читаю Гоголя. Думаю зимой на нем подработать (125 лет рожд<ения>), на манер Ниццы. Пишу мало — и бодрости тоже мало. Такое ощущение (да и не ощущение даже, а уверенность: никому все это не нужно).

У меня живет больная сестра (Татьяна). Слава Богу, ей гораздо лучше, и скоро она уезжает в Польшу к мужу. Вера бодра. (Не сглазить!) Наташенька в H-te Savoie, у них каникулы. Пишет, что поселились в чудном месте, в старом замке — там теперь русский пансион — около Аннеси, но не на озере.

Крепко тебя обнимаю и целую, всем самый дружеский привет.

Б. З.

P. S. Книги от Галины получил, спасибо, на днях вышлю ей.

P. P. S. Прошел слух, что купили «Вишневый сад». Тоже вранье.

107. И. А. Бунину. 28 октября 1934. Париж

28 окт<ября> 1934

Дорогой друг, вчера был у Нади. Разумеется, сейчас же все это будет указано Донзелю — тут и двух мнений быть не может, что он устроил! Надя сказала, что напишет тебе сама. Ясно, что ей оч<ень> неприятно все это, тем более, что просила-то тогда она и, думаю, ты и дал потому, что она просила.

Хорошо; прохватить Мориса — это одно дело, нетрудное. Ну, а получить с него? По-моему, тут одна возможность: в январе, по словам Нади, ему предстоит получить что-то у Стока за «Деревню» — его долю продажи книги. Вот эту долю Сток и должен выплатить тебе. Приехав сюда, устрой так, чтобы Сток *не* выдавал ему тех денег. Впрочем, если у Мориса есть хоть капля самолюбия и «корректности» (мягкое выражение!), он и сам должен тебе написать в таком же духе. (Он живет теперь один. И Надя передаст ему это через третье лицо.)

Очень рад, что едешь к нам. Хотя в Париже сейчас очень невесело. Русские совсем приуныли. Да и от чего веселиться? Вера сейчас говорит: «У меня было как бы мгновенное видение: прошло несколько лет, мы с тобой в уголку церкви Дарю и еще только с нами Карташев. Больше никого».

10 ноября у сына Рубинштейна будет огромный бридж-бал «в пользу писателей». Эти писатели тебе хорошо известны (все старье, разумеется. Кстати: «папочка» бедный не смог даже подписать своего имени на том письме писателей сербам, о кот<ором> я тебе сообщал, и куда ты дал свое имя. Подделала Е. М.). Устроительницы — Ф. О. и Н<аталья> Игн<атьевна> Михельсон. Будут грандюки, хотят сделать сбор в 7—8 тысяч. Посмотрим. Жаль, что к этому времени ты еще не приедешь: буфет обещают первейший, хлопнули бы в баре (на даровщинку). Для меня сейчас такой вечер — единственный шанс, но мое имя вовсе не упоминается, как и другие имена: «чтобы не портить индивидуальных вечеров весною». Да, но организация та же, уже использованная... Это, думаю, одни слова. Дамы хотят отделаться от нас гуртом. Благодари Бога, что тебе больше таких штук не устраивать!

Обнимаю и целую сердечно. Верочку тоже. Вновь rue Offenbach, как 11 лет назад, когда я под Новый год ввалился к вам туда из Италии! Господь Вас всех храни.

Твой *Борис.*

108. Вас. И. Немировичу-Данченко. 3 января 1935. Париж

3 янв<аря> 1935

Сердечный и почтительнейший привет дорогому Василию Ивановичу! Низко кланяюсь.

Душою с Вами.

Борис Зайцев.

109. И. А. Бунину. 3 июля 1935. Париж

3 июля 1935

Caro e illustre amico, нынче, наконец, папаша почил — если не на лаврах, то на визах и билетах. 10-го утром выезжаем в Антверпен, а в 5 ч<асов> дня того же числа на пароходе «Baltic» в Гельсингфорс, куда должны прибыть 15-го утром. По правде говоря, много выхожено, и большая переписка с Финляндией — вообще предприятие громоздкое, но теперь

остается предаться «хребтам беспредельно-пустынного моря» и полагаться на Господа Бога.

Предполагаем прожить в Келломяках месяца два, и побывать на Валааме (нынче пришло от Владыки рекомендательное письмо к игумену Харитону). Думал было я назад ехать через Ревель-Ригу, читать там и подкормиться, но Пильский пишет, что в Риге *русская* лекция сейчас просто невозможна (все должно быть латышское! вот еще стервецы!). Так что это, видимо, отпадает.

Итак, 10-го вспомните все на Бельведере, за обедом «путников», и выпейте чего-нибудь за наше благополучное плавание. На днях послал тебе (и всей семье) книжку.

Вчера был у меня Фондаминский. Он весь полон советскими писателями и советской жизнью. Ничто другое ему не интересно. По его словам, Алексей Толстой выразил желание меня видеть. Удовлетворено это желание не будет. Кажется, И. И. был этим удивлен.

В субботу прощальное собрание в Café Murat (по случаю нашего отъезда — но не поминального типа, как было с Рери, а просто выпьем по demi[1] и пойдем по домам).

23-го garden-party[2] прошло хорошо. О Куприне последнее сведение, что его здоровье *очень* плохо, и каждый день можно ждать несчастия. Бальмонт тоже неблестящ. Живет он в лечебнице близ Парижа. Там у него флигелек, в саду. Он завел роман с 75-летней сумасшедшей, подружился с фр<анцузским> поэтом, утверждающим, что имеет права на франц<узский> престол. Они учредили уже партию для восстановления того на троне. Бальмонту обещаны хорошие поместья, и нас всех не забудет. 1-го я видел в сербск<ом> посольстве Елену. Она сообщила, что Б<альмонт> на днях «влез ночью на дерево, дабы лучше расслышать соловьев, но по несчастной неосторожности свалился и повредил себе ногу». Тон ее рассказа был таков, что для поэта вполне естественно лезть на дерево. Вот тебе и завершение «одной жизни!». Невеселый Endspiel[3], как называют в шахматной партии завершительные ходы.

Часто вспоминаем тебя, Бельведер и друзей. Хорошо сейчас у вас. Я люблю вашу страну и Грасс, мало имеющий в публике успеха — как и вообще то, что я в жизни люблю, никому не нужно. (К одиночеству привык, а с годами оно принимает неизмеримый характер.)

---

[1] кружке пива *(фр.)*.
[2] прием гостей в саду *(англ)*.
[3] Конец игры *(нем)*.

Когда увидимся? Похоже — осенью? т. е. в предположении, что приедете в Париж. Ну, а пока что — Господь тебя храни, целую тебя, Верочку, Галину. Процветает ли Жозеф? И разговаривает ли с ним Галина о жизни (а иногда и без особой удачи, о звездах).

Напиши мне несколько строк напутствия до моего отъезда. Вера целует нежно.

Борис.

P. S. Марга у вас? Привет.

110. И. А. Бунину. 28 июля 1935. Келломяки

Адр<ес>: Villa Kausche, Kellomaki. *28 июля <1935>*

Милый друг, это наше место, тут и живем в двух шагах. Плыли 5 дней — прекрасно, без качки. Встречены были чуть ли не с колокольным звоном. Здесь совсем другой мир. Наслаждаемся запахом русского *леса.* 13 лет не знал его. Помещены в пансионе, две комн<аты> большие, выходят в лес и на луг, сквозь деревья — море. Виден Кронштадт. Настроение прекрасное. Сегодня читаю в Териоках (все ту же лекцию! — но платят, и по здешней дешевейшей жизни даже порядочно). Послезавтра выезжаем (на 10 дн<ей>) на Валаам.

Целуем оба нежно дорогих Грассевцев.

Борис

111. И. С. Шмелеву. 16 августа 1935. Келломяки

Пансион Захаров
Келломяки — Финляндия *Келломяки, 16 авг<уста> 1935*

Дорогой Иван Сергеевич, только что получил письмо из Парижа, где сообщают, что Лисичич не мог выдать августовских денег, сначала назначил срок к 10-му августа, а 10-го ответил, что денег нет, и неизвестно когда будут. Все это не может, разумеется, не тревожить. Что Вы по этому поводу знаете? М<ожет> б<ыть>, Вам Лисичич больше сказал, чем нашей знакомой, заходившей к нему. Случайность или «начало конца»? Будьте добры, напишите мне два слова.

Мы уже месяц в Финляндии — очень довольны. Я не думал даже, что тут так много России — в природе, складе жизни — русских, в самих людях. Были на Валааме — 9 дней. Впечатление большое, ну, уж это совсем Россия, даже «Святая Русь». Между прочим: книжка Ваша в библиотеке есть. Но т<ак> к<ак> только что переменили библиотекаря, то *новый* не сумел нам ее найти,

и даже сказал, что ее нет. А потом, вечером последнего перед отъездом дня, выяснилось, что он ошибся. И другой монах, о. Иувиан рассказал даже, что тот легкомысленный послушник, кот<орого> Вы описали, превратился теперь в старичка иеросхимника монаха Гедеона, очень почтенного, глухого и большого аскета. Он поет в хору — и лучше бы не пел: голос у него премерзкий, а по глухому своему усердию он так старается, «козлогласует», что одну раннюю обедню в нижнем храме, где было мало певчих, совсем нам испортил. М<ежду> пр<очим> о. Иувиан просил передать Вам привет и благодарность за «Богомолье» и «Лето Господне», он их читал «с превеликим удовольствием». — Справедливых похвал этим книгам я слышал в Финляндии и от монахов и от мирских.

Адресую письмо в Париж. Очень был бы за Вас рад, если бы удалось Вам попасть в Югославию, но сердце мое мало в это верит: видите, какие времена! Наша поездка — счастливая случайность вне-литературного характера.

Читал 28 июля в Териоках. Народу было много, свыше трехсот чел<овек>. Отношение к нашему брату пишущему здесь не то, что в Париже. Буду читать в Выборге, дважды в Гельсингфорсе. В общей сложности думаю заработать 1000 франков — 3000 финс<ких> марок, здесь валюта дешевая и жить очень дешево — мы платим по 10 франков с человека за пансион отличный. У нас 3 хороших комнаты, — проезд для двоих в один конец!

Сердечный привет обоим. Вера кланяется.

Душевно преданный

Бор. Зайцев.

112. И. С. Шмелеву. 27 августа 1935. Келломяки

27 авг<уста> 1935

Дорогой Иван Сергеевич, представьте, «На скалах Валаама» лежит у меня на столе, только что получили! Это большая любезность о. Иувиана — он пересылает для Вас библиотечную книжку. (*Прямо* писать ему нельзя, я и получил *кружным* путем, чрез Выборг, куда и отписал уже благодарность.) Итак, я ее Вам *привезу*. В письме ко мне о. Иувиан вновь просит передать Вам «искреннюю признательность» и «большое русское спасибо за прелестные книги». Как я Вас понимаю, дорогой И. С., в *Вашей тоске по России!* У меня она здесь тоже возросла чрезвычайно, насколько дальше стала Франция!

Сердечный привет обоим отшельникам.

Ваш *Бор. Зайцев.*

P. S. Нынче утром ходил по грибы. В саду нашем нашел десяток... один чуднобор...

На полях: Открытка получена *(нрзб.)*.

113. И. А. Бунину. 1 сентября 1935. Келломяки

1 сент<ября> 1935

Скоро уже два месяца как мы в отъезде, дорогой Иван! И далеко заплыли. И недалеко время, когда будем «грузиться» назад. Пока что, путешествие наше удалось *редкостно*. Начиная с безоблачного плавания, удивительного приема здесь и вплоть до вчерашнего дня, когда был совершенно райский осенний русский день. На Валааме провели девять дней. Много прекрасного и настоящего. (Остров весь в чудесных лесах, прорезан заливами и озерами. Луга, цветы, по дорогам часовенки. Скиты, старички-отшельники — много общего с Афоном. Мы иногда целыми днями слонялись. Жаль только, что масса туристов. В мон<астырской> гостинице толчея.)

Уже три недели живем вновь в Келломяках — в немолодом, огромном доме. Теперь тут пансион. В авг<усте> (перв<ой> половине) было порядочно народу, сейчас мы одни. У нас две комнаты (и отдельный крытый балкон в цветах) выходят в зелень. Это была усадьба. Перед моим окном сад, яблони, цветы, дальше сосны, дорога — и море. Виден Кронштадт. Это очень волновало первое время. Теперь привыкли. Иван, сколько здесь России! Пахнет покосом, только что скосили отаву в саду, Вера трясла и сгребала сено, вчера мы с ней ездили на чалом мерине ко всенощной в Куоккалу, ременные вожжи, запах лошади, все эти чересседельники и хомуты... (Вечером идешь по аллее: яблони, цветут настурции, флоксы, георгины. Вдали, в темноте, лампа зажжена на стеклянной террасе... Притыкино.) И еще: запахи совсем русские: остро-горький — болотцем, сосной, березой. Вчера у куоккальской церкви — она стоит в сторонке — пахло ржами. И весь склад жизни тут русский, довоенный.

Отношение к нам такое, какого и не запомнишь. Про Нину Кауше уж и не говорю. Но и вообще... Если бы ты не был столь знаменит и великовозрастен, я бы написал тебе так: «Душа Тряпичкин, чувствую себя здесь отлично. Меня очевидно принимают за какую-то важную особу...» Серьезно: похоже не то на юбилей, не то на какие-то торжества. Перебывали все местные писатели и поэты, поэтессы. Хор поет многая лета. Барышни переписывают лекцию, которую я читал в Териоках (300 чел., 2500 марок валового сбору). Директор реального училища возит

осматривать «вверенное ему учреждение». («Богоугодные заведения нашел в порядке».) Утром приехал сербский консул в Гельсингфорсе — «знакомиться». Вчера в Куоккале задержали из-за нас начало всенощной — одним словом, я вхожу в роль ревизора. На будущей неделе читаю в Выборге (дважды), в конце месяца в Гельсингфорсе дважды. Читал в Райволе — опять юбилей, с речами, автографами и пр. Нет, это на Париж никак не похоже, да и с Ниццей мало общего.

Жаль, что нельзя пожить здесь зимой. Ясно, зима удивительная. Но хорошенького понемножку. Думаем 27-го выехать морем в Антверпен, или 28-го в Штетин и через Германию домой. (Звали в Стокгольм, но боюсь дороговизны пути по Швеции, а в городе бы ничего не стоило.)

Вера находится в большом заряде. Валаам произвел на нее огромное впечатление (как и на меня, но я все же видел раньше Афон). Мы везем разные иконки, землю, шишки, и т. п. reliques[1]. Игумен надарил столько книг, что придется устраивать еще чемодан.

Были ужасающие грозы — дней пять подряд. Сейчас хорошо! Мечтаю о сухом и солнечном сентябре, последние дни прекрасно. Хожу по лесу, собираю грибы (как Серг<ей> Ив<анович> Кознышев). Дятлы работают нынешней осенью замечательно! Эти прогулки доставляют давно не испытанную радость — от елей, мха, дятлов, грибов и всего того добра, чем так Россия богата. Да, тут я понял, что очень мы отвыкли от русской природы, а она удивительна, и сидит в нашей крови, никакими латинскими странами ее не вытравишь.

Вспоминаю тебя часто, и люблю. Тоже как часть того мира, который нас всех породил (да часть редкостную, конечно, ты ведь «уникум», а третьего дня проснулся утром, вспомнил тебя, и вдруг стало мне ужасно грустно). Да, а вот уж без грусти: здесь поражают *размеры* дач. Как широко и богато в России жили! Мы тоже начинаем это забывать. И — о тебе: ведь можно на берегу моря, в приятной местности и тишине купить дачу (т<о> е<сть> целый *огромный* дом, зимний, с печами) — за гроши: 30—50 тыс<яч> *марок финских* = 10—17 тыс<ячам> франков. Жизнь здесь фантастически дешева. (Курица 5 марок.) Одна беда: покупать виллу надо на подставное лицо — только финск<ий> гражданин может купить что-либо. Но это можно было бы устроить. И не чтобы тут *поселиться,* конечно, но приезжать на 3—4 месяца, по-моему, превосходно. Налога Кауше платит за ее превосходный дом — 100 мар<ок> в год: сколько мы в Бианкуре.

[1] реликвии *(фр).*

Кончаю. Обнимаю тебя нежно, и всю твою милую грасскую команду. По нашим сведениям, Зурович тоже пробился на Валаам, но Вере, разбойник, ничего не ответил. Вера целует.

Борис.

114. И. А. Бунину. 30 марта 1936. Париж

30 марта 1936

Дорогой Иван, к тебе и Зурову обычная просьба Инвалидов весною — дать что-ниб<удь> для большого майского №. Пусть Верочка потрудится, перестучит какой-нибудь твой стих или отрывок прозы. К Зуровичу такое же обращение. Очень прошу: пришлите мне, к 15 апреля.

Кюфферле замолчал. Ни о поездке в Италию, ни о чем вообще — ни слова. Мережковский едет во Флоренцию, но это по другому номеру — для Данте. (Собирается и в Рим. Хочет трижды повидать Муссолини и научить его уму-разуму.)

Верочкино милое письмо получили — я ее целую, а Вера моя напишет основательно. Сейчас ее нет, ушла по епархии. Мы с Алдановым были на днях у А. С. Цетлин, в виде гангстеров для Бальмонта («Солнечника»). Она была оч<ень> любезна и обещала прислать чек Зеелеру. Но сейчас от Елены письмо: чека еще нет! А Солнечник висит на волоске в лечебнице, завтра надо платить «монеты». Он стал тише, почти не ест, страшно исхудал... м<ожет> б<ыть> — разрешение всего? Ибо платить-то за него решительно нечем.

На Пасху приглашены к Ельяшевич в деревню. Если будем живы-здоровы, то думаем поехать.

...Пришла Вера — была у Нади. Донзель в больнице, его лечат от алкоголизма, навещает его Дюамель. Лечение долгое. Надя тоже слаба очень. Вот новости-то все какие нерадостные!

Насчет Италии у меня нет чувства, что попадем туда. Дай Бог до Ниццы добраться. Если сможем двинуться, то буду читать в Ницце о Валааме, что-нибудь подработаю. Пожелай мне, чтобы удалось попасть на юг, Бог даст увидимся. Целую тебя, Веру, Зурова.

Твой *Борис.*

115. И. С. Шмелеву. 22 июня 1936. Монте-Карло

22 июня 1936

Дорогой Иван Сергеевич,

в последние дни перед отъездом возникли у меня всякие затруднения, на кот<орые> ушло много сил и времени, т<ак>

ч<то> не успел, как думал, зайти к Вам. — Вероятно, Вы сейчас уже на отлете?

Мы больше недели живем в Монте-Карло, у Наташи. Солнце, жарко, голубое море, все как полагается. Тут нам очень хорошо, но настроение неважное, какой-то груз на сердце. Может быть, и отголосок «событий». Здесь то же самое, что и в Париже. Видели на улицах Ниццы с красными флагами, кулаками, интернационализм. Трудящимся и обездоленным я, разумеется, сочувствую. Но как подумаешь, что коммунистам (и вообще низам) ничего не стоит, в сущности, захватить власть, то невесело делается.

На воскресенье 28 назначено в Ницце мне чтение. Вчера остановились автобусы и трамваи. Ницца совсем без сообщений (отсюда лишь поезда). Не думаю, чтобы это хорошо отразилось на моем вечере... — да и вообще ничего не знаешь, конечно.

Ив<ана> Алексеича видел в Ницце 14-го на «Дн<ях> культ<уры>». Числа 8—10-го собираемся к нему в Грасс, он звал на нек<оторое> время погостить.

Что сербы? Если пойдете получать, и деньги пришли, то будьте любезны, напомните Лисичичу, чтобы выслал мне сюда (я ему пишу и лично).

А как Ваши дела? Мы с Верой вчера гуляли у моря и вспоминали Вас. Говорили, что, может быть, Вы и надолго останетесь в Латвии. Здесь, в Ницце, у многих русских уже итальянские визы припасены. — Напишите о себе. А что «Возрождение»? Мало в нем пишу, но все же тревожно за него. Нынче уже не получили №, и в киоске нет, значит, или «кратковременный» перерыв, или не очень кратковременный.

Жму руку, сердечный привет от нас обоих Вам и Ольге Александровне, самым искренним образом желаем Вам хорошо и покойно пожить «почти» в России.

Ваш *Бор. Зайцев.*

P. S. «Валаам» мой как будто должен уже выйти, но пока ничего не знаю. Склад *должен* быть в «Возр<ождении>» — если само «В<озрожде>ние»... и т. д., такова наша жизнь.

116. И. С. Шмелеву. 24 июня 1936. Монте-Карло

24 июня 1936

Поражен, потрясен, дорогой Иван Сергеевич... и слов у меня никаких даже нет. Просто — плачу над газетой: Боже мой, Боже мой, поддержи Вас.

Братски обнимаю и молюсь.

Борис Зайцев.

Приписка В. А. Зайцевой:

Дорогой Иван Сергеевич,

обнимаю Вас с любовью и молюсь за Вас и дорогую, незабвенную Ольгу Александровну. Пошли Вам сил, сохрани Вас, дорогой. Как бы хотелось быть около Вас, чтоб почувствовали Вы как мы с Вами горюем об Ангеле Вашем.

Ваша Вера.

117. М. А. Алданову. 6 июля 1936

6 июля 1936

Дорогой Марк Александрович, спасибо за всегдашее доброе и товарищеское ко мне отношение. В П<оследних> Н<овостях> я могу печататься, считаю эту газету антибольшевистской, а если с нек<оторыми> ее мнениями не согласен, то были и в «В<озрожден>ии» вещи, которым никак не сочувствовал.

Прислать сейчас еще ничего не смогу. Приеду, тогда будем говорить более «предметно».

Тут чудесно. Юг все сильнее засасывает. Наташа скоро переезжает в Ниццу, мы временно к И<вану> А<лексеевичу> (около 15-го) и потом вновь думаем в Ниццу — очаровательный это город. Вчера мы были там с Верой у Кантакузиных. Весь город в трехцветных флагах — ответ и довольно внушительный.

В четверг маркиз Паулуччи, внук толстовского (из «В<ойны> и М<ира>»), везет меня на своей машине в Ментону. Там живет 88-летний генерал Мальцев, знавший 50 лет тому назад моего отца и выразивший желание меня повидать.

А что Совр<еменные> Зап<иски>? У меня тревожное чувство. Не пригласить ли негуса почитать в их пользу?

Дружески жму руку. Привет сердечный Вам и Татьяне Марковне.

Ваш *Бор. Зайцев.*

P. S. «Бельведерский Торс» — очень интересно. Жалею, что пропуски. К концу Вы приберегаете, видимо, нечто весьма горестное и едкое. Стрега очень симпатичная, но Вазари ошибается, думая, что в стреге все дело.

118. И. А. Бунину. 8 июля 1936

8 июля 1936

Дорогие мои, идем на Вы. Думаем приехать 15-го в среду, на автокаре из Ниццы. Иван, напиши пожалуйста два слова, удобно ли Вам в этот день? И в какое время приезжать?

Кажется, грасские автокары уходят из Ниццы каждый час — $4^{1}/_{2}$, $5^{1}/_{2}$, $6^{1}/_{2}$? — мы предполагаем попасть к вечеру. Вещей у нас немного, но самим в гору не втащить. Вероятно, надо доехать до грасского terminus'a[1] и там взять facchino[2]?

Ты, вероятно, уже знаешь, что «В<озрожд>ение» закрылось, Авраам не захотел выкладывать 200 тыс<яч> фр<анков> в год лишних на типографию (требов<ание> синдикатов). Тэффи, Шмелев, я и Коровин получаем приглашение от «П<оследних> Н<овостей>». Спешить некуда, но отклонять не приходится. А капитан? Полуслепые Лукаш и Горянский? И прочая наша босая команда?

Хочется повидаться, поговорить обо всем. Времена такие, когда «своих» особенно остро чувствуешь.

Марко Богатый пишет, что и «П<оследние> Н<овости>» будут теперь приносить убыток (ибо и цена бумаги поднялась сильно. Все же у них сразу возрос тираж, и за ними избранный народ).

Обнимаю и целую обоих, Зуровичу привет.

Вера целует.

Борис.

P. S. Из «Илл<юстрированной Р<оссии>» на твое имя придут деньги для меня — я так распорядился, чтобы они со мной не разошлись.

---

[1] конечной остановки *(фр)*
[2] такси *(ит)*

119. И. А. Бунину. 15 и 16 сентября 1936. Париж

15 сент<ября> 1936. Париж

Дорогой друг, вот уже неделя как мы тут. Чувствую себя день лучше, день хуже — слабость, вероятно, еще и от перемены места и климата. Нынче иду к доктору Вербову.

В «И<ллюстрированной> Р<оссии>» был, объяснил Хатисову невозможность такой «политики». Думаю, что он и сам теперь понимает, что таких писем, даже и в вежливом тоне, писать нельзя. Так что на всем этом надо поставить крест. Не удивляйся, что нет еще денег: он очень извинялся и обещал прислать чер<ез> 3—4 дня, объясняя какой-то задержкой в Польше (показал даже документ, что у них там «заблокован» счет).

Видел Слонима, с кот<орым> мы разводим (пока на бумаге лишь) разные спекуляции. (Смотрю на твой почерк и он мне не нравится: усталый и вялый. А от чего бы уставать?) О

Грассе часто вспоминаем — там обоим было так хорошо. Обнимаю, поцелуй Верочку, привет Л. Ф. Еще раз — большая, большая всем Вам благодарность.

Борис.

16 сент<ября>

Вчера не отправил, дописываю. Вербов всего меня вывернул наизнанку и нашел, что виноват кишечник. Мяса не надо! (2 дня в нед<елю> пост.) Принимаю вакцину (для дезинфекции), парафин — говорит, что это отравление от плохого желудка (и киш<ечника>). Никаких «печёнок!» Вот бы порадовался на докторов покойный Толстой! Посмотрим, прав ли парижский Иван Захарыч.

120. И. С. Шмелеву. 29 сентября 1936. Париж

29 сент<ября> 1936

Дорогой Иван Сергеевич, вчера был у сербов — ничего еще нет, задержала девальвация франка, пересчитывают свой бюджет. Думаю, раньше, чем чер<ез> неделю нельзя ждать. Во всяк<ом> случае Вашу получку передам З-ру. «В<озрождени>е» существует как еженедельн<ая> газета. Джурджиев мне говорил (еще до Вашего письма мне), что в числе 4-х намеч<енных> к изданию книг есть и «Пути небесные». Приедете — переговорите с «В<озрождение>м» сами. По-моему, если нет аванса, то договор вполне можно уничтожить — все-таки необходимо сговориться с издателем (Абр<ам>). «И<ллюстрированная> Р<оссия>» в этом мес<яце> несколько задержала платеж — я получил числа 20-го. Вероятно, и вы так же.

Кульманов еще не видел после несчастья с глазом — они в деревне. Н. К. бодр. Переехали сюда Бунины — Грасс бросили совсем. — Часто о Вас с Верой думаем, по-хорошему. Сердечно обнимаю.

Б. З.

121. Л. Н. Замятиной. 18 марта 1937

18 марта 1937

Многоуважаемая Людмила Николаевна,

хотя ни мне, ни жене моей не приходилось с Вами встречаться и Вы нас не знаете, все же позвольте выразить Вам самое искреннее и горячее наше сочувствие. Покойного Евгения Ива-

новича мы знали давно и если редко встречались, то все же всегда относились к нему с большой симпатией и были поражены неожиданной его кончиной.

Низко кланяемся горю Вашему и всем сердцем желаем душевных сил и стойкости.

С глубоким уважением

Борис Зайцев,
Вера Зайцева.

122. И. А. Бунину. 24 июня 1938. Монте-Карло

Monte-Carlo (Monaco). *24 июня 1938*

Дорогой Иоанн, приветствую тебя и твой дом дружески!

Мы здесь уже около недели. Слава Богу, живем хорошо. После Булони, ты понимаешь, Монте-Карло кажется раем. Комната у нас с Верой величиной чуть ли не как вся парижская квартира — окна смотрят в горы. Мне этот раз все Крым мерещится, ранней моей молодости, Ялта, Аутка, где когда-то был я у Чехова. Погода превосходная — солнце, тишина, жары зверской еще нет. Ждем тебя. Сведения вот какие: выше нас (100 ступеней) есть кв<артира> в 4 комн<аты>, Наташа говорит — хорошая, с удобствами, сад, спать есть где целой семье, вид изумительный (цена — 500 в мес<яц>). Но это уже над нами. (Мы на границе Монте-Карло. Рядом с нами живет Любовь Герм<ановна> Добрая, в доме почти равного нашему достоинства.)

Разумеется, заглаза трудно что-нибудь наладить — приезжай вперед один, выберешь, что понравится. Отель рекомендуют Terminus[1], там тебе будет весело — живет русский балет, все молодежь. У нас на днях была 19-летн<яя> Тамара Туманова, зарабатывающая в Америке больше, чем мы с тобою вместе взятые. («Я уже шесть лет звезда. Машину свою оставила в Нью-Йорке»).

Без шуток: и Тамара, и мамаша (не отпускающая ее *ни на минуту*), говорят, что отель оч<ень> порядочный. Место — вблизи Casino и вокзала. Dunque, venga![2]

Не поленись, напиши два слова о своих намерениях, когда тебя ждать — встретим. А также два вопроса (мне нужные): — 1) Мать Чехова звали Елизавета Яковлевна? 2) Из чего крыши домов в Ялте? Как будто черепичных ведь не было? Почему же мне все это представляется?

---

[1] Термальные воды *(фр)*
[2] Дунке, отомсти! *(фр).*

Вчера на закате сидел на террасе Casino. Cap Martin[3] так меня погрузил в былое, точно мне 19 лет и я студент Горного Института, первый раз в Ялте (в Гранд Отеле останавливался).

Господь тебя храни.

Твой *Борис.*

---

[3] Мыс Мартена *(фр).*

123. И. А. Бунину. 27 сентября 1938. Париж

27 сент<ября>1938

Дорогой мой дядечка, рад был получить твое письмо — народ русский бесспорно талантлив, и если «захлопает», так и звон, пожалуй, пойдет. Но сейчас не до звона. Да, впервые вижу Париж таким скорбным! Третьего дня первое, что услыхал на лестнице, выйдя за газетами, — женский плач. У соседки француженки взяли мужа, у консьержки зятя и двух сыновей... На улице везде кучки народу у подъездов, негромко и сумрачно разговаривают. Одним словом, неважнецкое настроение. Вечером поехал к портному Пинчевскому — у него толстая Хая, жена, плачет: взяли сына. «Так что вы думаете, г-н Зайцев, эта женщина будет всю ночь не спать. Говорю это вам, давнему нашему клиенту».

Евреи здесь в особенной панике. Марко убежден, что его тотчас убьют, как только начнется война. Замечательно то, что все они трепещут ужасно, но сами к войне все время подстрекают. Женни Цвибак плачет с утра до вечера, Люба Полонская считает уже, что Хитлер в окрестностях Парижа и т. п.

Я держусь мнения, что войны не будет. Но вчера и у меня было тяжелое настроение. Вечером голос Хитлера лаял из многих окон, когда мы с Верой возвращались от всенощной. Воздвижение Креста. В 11 ч<асов> веч<ера> я вышел к Porte S. Cloud — густая толпа, ждут экстр<енного> выпуска Paris-Soir. Не дождался, но узнал содержание речи от 2-х русских, слушавших ее по радио: и каждый передал так, как соответствовало его настроению и мнению.

Нынче прочел утром сам. Впечатление — что мировой войны все же он *не* хочет, кое-что готов уступить, но чтобы безотлагательно сделаться хозяином в Судетской области.

Ну, пишу это просто делясь впеч<атлениями>, когда получишь письмо, все может 20 раз измениться — по-моему, будут торговаться, хлопать по рукам, как на ярмарке, пускать временами по матушке — а до драки Бог даст не дойдет.

В воскресенье неожиданно для себя зашел к Мережковским — видел Веру (твою), Тэффи. Керенский рассказал, что

в засед<ании> совета мин<истров> Боннэ побил Манделя (в прямом смысле — скандал был ужасный). Очень жалею, что тебя нет, «скучаю *за* тобой», как у нас на юге говорили. Обнимаю дружески. Целуй от меня Тусика, поклон Ляле. Вера целует.

Твой *Борис.*

124. И. А. Бунину. 18 октября 1938

18 окт<ября> 1938

Caro vecchio, come sta[1]? Я без тебя соскучился. Слышал, что много пишешь — дай Бог. В промежутках, вероятно, катаешь катышки, других развлечений я на горе не вижу. Решил ли оставаться в М<онте>-К<арло> на зиму? Для словесности нашей это было бы очень полезно.

Мы здесь уже месяц — раза 3—4 вечером выходили, а то раскладываю пасьянс и на ночь читаю что-нибудь. Прочел «Жизнь Гёте», Эд. Жалу — как серо́! Но и сам Гёте мне сейчас гораздо, гораздо дальше, чем был тридцать лет назад, когда я на Спиридоновке читал «Германа и Доротею», «Ифигению» и «Тассо». И зачем этот твой Жалу за него взялся? Уж очень они друг другу «несоответствуют».

Нынче вечером будем с Марко сидеть в «Fontaines». Я видел его только раз. Знаю заранее, с чего начнется разговор. «Иван Алексеевич остается в М<онте>-К<арло>? Почему он не переедет в Грасс? Сколько он платит в М<онте>-К<арло>?»

Он тебя очень любит, как и я.

К Андрееву я давно подбираюсь. «Моих Записок» никогда не читал. Вчера взял в библиотеке первую его книжку «Рассказы» (в «Знании», *1902-й* год! — когда Вера появилась в моей жизни и я с тобой познакомился). Прочел «Большой шлем» — это очень сдержанно и сразу дает понятие о большом даровании. Дальше идет «Набат» — уже хуже, с будущими Леонидовыми «ужасами» и дешевой бутафорией. Все же, думаю, начало его писания было скромнее (и, значит, выше) раздутого конца («Царь Голод», «Океан», «Анатэма» — это, я думаю, перечесть невозможно). Да, жаль — нельзя поговорить. Писать — длинно. А о Л<еониде> можно бы поговорить.

Верочка Бунина очень мила, мы поздравляли ее в день именин. Наташа тут, как тебе известно. (Марко будет допытываться у меня сегодня, *что именно* ты пишешь, но от Наташи ничего нельзя было выудить, поэтому Марко останется неудовлетворенным. Ф. утверждает — что пьесу).

---

[1] Дорогой старик, как поживаешь? *(ит).*

Прими привет — себе от меня и моей Веры, Ляле, поцелуй также маленькое существо Олечку — она меня не помнит, но, м<ожет> б<ыть>, помнит Наташу.

Все-таки тебя целую особенно.

Твой *Борис.*

125. И. А. Бунину. 12 ноября 1938

12 ноября 1938

Милый друг, пересылаю тебе любовное послание Рогнедова.

Говорят, собираешься нас навестить? Хорошо бы! Но потом опять на горку и катай катышки. Видишь, каков отклик? Да и правда дядечка молодцом пишет — многим понравилось.

Прочел я Андреева первый том ...все-таки в общем говенноватисто. Ну, а Сирин? Вера на ночь вчера читала этого Вальса — в ярости. А я и читать не стану, с меня довольно его рассказа в «Р<усских> З<аписках>» и опять «Дара». Я нашел себе писателя по вкусу, апостол Павел. Этот писал действительно замечательно. Это тебе не Сирин.

Обнимаю тебя и очень люблю — и тебя, и твой дар, у тебя Божий дар, а не сиринский. Вера целует, я тоже.

Привет Ляле и Олечке, Тусеньку мою поцелуй.

Твой гоноровый пан (ясновельможный)

Б. Зайончковский.

P. S. Ты знаешь, поляки такие дураки, что и теперь Буйневичу надо писать на конверте: V. Pan Inz. Bujnievicz — V. = вельможный!

126. И. А. Бунину. 11 декабря 1938

11 дек<абря> 1938

«Поздний час» — прелестно, дорогой дядечка, очаровательно. Дедушка только что его прочел и разволновался. Сколько раз все писали лунные ночи, а тут все свежо́, богато, сильно — и общий дух превосходен — и смерть, и вечность, и спиритуальность: одним словом, «как у нас в науке говорят» — высокая поэзия. Я очень, очень рад, что ты так славно раскатываешь свои катышки на горе над Наташей. Прямо от них колокольный звон.

Прошел слушок, что к нам собираешься — ждем, как на Валааме говорят: «с любовию, с любовию». Только долго тут не сиди, замотаешься опять.

Мы все смотрим пьесы в театре — то «Вишневый сад», то другое. Марко Богатый решил, что он Симеонов-Пищик (у всех занимает и много ест), это сказано хорошо. Он очень мил, и тоже по тебе соскучился (как и я). Последнее время много шатаемся по гостям, обедам и пр. Приезжала из Лондона Саблина — у нас встретилась с Осоргиным (оказывается, давняя его поклонница). <...> Сестра моя Надя недавно заявила мне тихим своим и покорным голосом: «Не нравится мне Сирин. Кривляка». И замолчала, опустила глаза. Сирин читал. Говорят, читал хорошо (я не был). В общем он провел собою такую линию, «разделительную черту»: евреи все от него в восторге — «прухно» внутреннее их пленяет. Русские (а уж особенно православные) его не любят. «Русский аристократизм для Израиля». На том и порешим.

Обнимаю тебя. Привет шлет и Вера, она очень тоже в восторге от писания твоего. Целуй Верочку, мою Наташу. Поклон Ляле.

Твой *Борис.*

127. И. А. Бунину. 25 марта 1939

25 марта 1939

Дорогой Иоанн Рыдалец, вчера отправил тебе и Верочке «Москву», для провинции издано прилично. Если будешь читать, то имей в виду, что корректуры у меня не было и за искажения смысла (кое-где) я не отвечаю. Всей кн<иги> сам не читал, но, развернув наугад, натолкнулся, напр<имер>, на слова: «в темноте с радужными криками(?)» — вм<есто> «кругами» (о закрытых глазах) — наверно, много всякого такого добра. — Да и материал пестрый, очень разновременный — о Леониде статейка еще времен Притыкина, сколько я ее ни обламывал, она сохранила характер писания моего более чем 20 лет тому назад.

Получил фельетон Пильского из Риги — как всегда article favorable[1], но название! «Трагедия мужа провокаторши». Подзаголовок: Новая кн<ига> Бориса Зайцева. Вот так новую книгу написал пан Зайончковский! Но ничего не поделаешь, я и Пильского не виню: стало быть, иначе для тамошней публики и совсем не пройдет.

Обнимаю тебя, Caro maestraccio[2], Верочку целую. Господь Вас храни.

Твой *Борис.*

---

[1] статья благожелательная *(фр)*

[2] Дорогой учитель *(ит)*.

128. И. А. Бунину. 20 июня 1939. Париж

20 июня 1939

Дорогой дядечка, давно собираюсь тебе написать — соскучился по тебе — да знаешь мой быстрый характер. А тут еще вечер, занявший недели 2—3 времени («все для войны»). Так что и за «Глеба» только сегодня опять принялся.

Смерть бедного Масло всех нас тут взволновала. Знали, что тяжело болен, все-таки такого «мгновенного» конца не ждали. Слава Богу, он ушел не в злобе, очень помягчел, вообще сдвинулся. Подарил нам с Верой «Некрополь» — «Зайцевым с любовью и благодарностью»: каково? Кстати сказать: и в книжке много смягчилось, а о Горьком, по-моему, написал почти апологетически. Я этот «Некрополь» «прочел с удовольствием». И представь, в среду 14 июня дочитывал последние страницы, вошла Вера, говорит: «Скончался». Он Вере раз, во время болезни, сказал нечто в том смысле, что уходит из него жизнь — не то, чтобы очень болезнь и страдания, а *вообще* ушло что-то (скажем — Витамин х., суммарный, который животворит все существо наше). М<ожет> б<ыть>, *это* начало уходить уже довольно давно, когда он перестал писать стихи. Он не *зря* оставил художество. Что-то кончилось в нем.

На похоронах все были, за искл<ючением> Шмелева и Муратова. В воскресенье на панихиде в ряд стояли три его жены — на левом фланге Марина — помнишь ее? Она теперь Маковская, мать 4-х детей. Говорят, старшая дочь красавица такая же, как и она была. Нина очень потрясена. Тоже в глубоком трауре, вид измученный, постарела сразу. Увезла к себе Олю в деревню после похорон — и в воскресенье после панихиды уехали туда же обе.

Могила почти видна из моего окна. Вообще это кладбище Thiers становится каким-то некрополем близких: Барановская, Шестов, Ходасевич — очень трудно и грозно подумать, что вот он там сейчас...

Ну, во всяком случае, «жизнь продолжается». После панихиды выбирали мисс Россию в «Илл<юстрированной> Р<оссии>» — на 18, бульвар Фландрен, у Зурова. Снимали нас с Марко и Зуровым и с красавицей. Представляли ее нам — улыбается, но ни в зуб толкнуть, явно ни звука не читала, и понятия не имеет. «Мисс» очень хорошенькая, ваша, из Канн, фигурка такая, что Аполлонам, как мы с Марко, прямо и стоять рядом неловко («убери живот!»).

Планы летние скромны. В июле пригласили Ельяшевичи в Bussy. Думаю оттуда проехаться по Бургундии (в Вензелэ, Бон,

Дижон, что-нибудь в таком роде. Но не очень это прельщает). Или же в Авиньон и окрестности, на неск<олько> дней — но это гораздо дороже. В воскресенье вечером сидели с Марко у Fontaines, тебя вспоминали. Решили, что ты, наверно, среди лета или к осени соберешься сюда, что мы и приветствуем. Вспоминали и то, как ты поешь в Ницце. Как прошло все? Народу, наверно, было много, но удалось ли распространить дорогие билеты?

Наташенька сейчас в Риме. Представь, они попали на холода и дождь! В июне-то месяце. Speriamo[1], что уже все и кончилось.

Вера целует тебя и Верочку очень нежно, велела это передать. Я поступаю совершенно так же. А еще шлю привет всему дому — и самому Грассу, это для меня милые места.

Всегда твой *Борис.*

P. S. Тэффи, слава Богу, поправляется. В день смерти Х<одасевича> я был у нее, она перед моим приходом даже выходила немного на улицу. У ней сидела молодая дама, кот<орая> $1\frac{1}{2}$ ч<аса> рассказывала, как очарователен Милюков. Познакомилась с ним в мае в Aix-en-Provence и влюбилась. Дядечка, тебе еще 12 лет обольщать дам и девиц, minimum. Не уступай папаше. Нынче с базара Вера принесла известие, что Тэффи выезжает (или собирается) в Булонский лес на прогулку. Подай Господи.

P. P. S. Спасибо сердечное за доброе слово о вечере. Ехать на чтение, как всегда, было мерзко. А как вылез на народ, то уж и пошел чесать, тут некогда угрызаться.

---

[1] Надеемся *(фр).*

129. И. А. Бунину. 30 июля 1939. Бюсси-ен-Отей

Bussy-en-Othe
chez Eliachevich
(Yonne) *30 июля 1939*

Дядечка, дорогой, пишу тебе из деревни. Две недели подряд дострачивал Глеба, теперь освободился и могу действовать. Ну что же, мы тут с 16-го числа, привозили милейшего нашего архимандрита (Киприана). Он пробыл четыре дня, оставил в нижней комнате ладанный запах и уехал — так и называю теперь те две комнаты, где он жил (вторая маленькая): архимандричьи покои. Нынче утром сам там занимался. Погода была мерзкая. Но дом очень большой, покойный; стены толстые — очень спокойно можно жить. 2-го авг<уста> В. Б. и Ф. О. уезжают в Швейцарию на август. Мы будем одни — тут живет

еще только дама с девочкой — М. Е. Сионская, это дружественная держава.

У меня есть такой план: съездить с Верой на неделю в Авиньон и окрестности (les Baux, St. Remy, Арль и т. п.). Но это, думаю, не раньше 16-го авг<уста> — боюсь жаров. Говорят, Авиньон самый жаркий город Франции. Может, вранье? Если не очень профершпилимся, возможно, съездим в автокаре в Aix. (Но это не наверно, и зависит, сколько возьмут за проезд.) А вблизи Авиньона именно на автокарах и думаем поездить. Что если бы и ты собрался туда? Тоже на автокаре — прямо до Ав<иньона> — ведь это часа четыре от вас езды? (Помнится, Наташа из Ниццы выезжала в 7 ч<асов> утра, и в полдень — Авиньон. По карте я прикинул: от Грасса 200 кил<ометров>.) Прокатился бы, а там на острове Barthelasse, за рекой Роной пообедали бы на закате. — Жалко, конечно, что нет машины у меня. Я бы тебя там пропер по разным Château-renard'ам, Cavaillon'ам и пр. Винца бы хлопнули — хотя ты и нé любишь Château-neuf-du-Pape — а мы бы взяли Tavel, я его когда-то в Авиньоне пил. Вот, подумай. Мы с Верой очень бы рады были тебя повидать и пошататься с тобой. (К Петрарке в гости — обязательно.)

Третий день здесь солнечно, прелесть. Жизнь деревенская вполне притыкинская, только богаче — и дом больше. Слава Богу, хорошо живем. Получил «Современные Записки». О покойном пишут чепуху и ложь ужасные — можно подумать, что был это святой старец Федор Кузьмич, А. С. Пушкин. Керенский в «Нов<ой> Р<оссии>» тоже вздор. Во всяком случае, Нина и Сирин отблагодарили за ту восхищенную чушь, какую он о них писал — «сторицею». Вообще меня эта кн<ига> рассердила. («Явление вальса»... где мы? В Кашире?)

Приедешь или нет, не поленись написать о себе, «как живет и работает», «планы будущего» и т. п. Обнимаю тебя, дорогой. И целую. Верочку тоже — передай ей непременно привет мой и Веры — и всему дому: дружба и поклон.

Твой *Борис.*

P. S. 28-го числа был чудный день — солнце, безоблачно. Ф. О. выставила мне бутылку Château-neuf, мы вспоминали, как ты с Верой был у нас в Пюжете 13 лет назад!

130. И. А. Бунину. 2 октября 1939. Париж

2 окт<ября> 1939

Дорогой мой дядя Ваня, очень рад был получить твою милую и ласковую открытку — сам я давно тебе не писал, одно время стеснялся писать закрытые письма и по-русски: но теперь,

видимо, они доходят даже без особ<ых> опозданий, а потому и пишу — надеюсь, получишь нормально. Жаль, что ты не приехал тогда с Рогнедовым в Авиньон. Мы провели прелестный день (последний мирный) — ездили на Pont du Gard, были в Ниме, Арле. Очаровательно! В Арле к вечеру пошел дождь, мы уехали в Авиньон, а они в Марсель... — и началось!

Что будет дальше, не знаю. Пока можно так сказать: самые нервные дни были первые. Сейчас спокойнее. Может быть, попривыкли к новой жизни, или начинаем привыкать. Настроение, разумеется, *не* легкое. Сильно похудели (с меня штаны прямо валятся). Но спим. Кормимся пока обычно. Видимо (по Островскому), «от думы человек худеет».

Наташенька и Андрей здесь. Он еще не зарегистрирован, это произойдет на днях, а когда ему «идти» — и вовсе неизвестно. Может быть, скоро, а то и неск<олько> месяцев просидит тут. Наташа очень крепится. На людях бодра и даже весела (плачет без публики). Много ходят в церковь. Я стал немного писать в «Возр<ождении>» — причина понятна, да и во многих отношениях это внутренно стало легче, там пишут совершенно то же, что и во всех франц<узских> газетах. Первый мой фельетон уже появился. Думаю, буду помещать 1—2 раза в месяц (на круг вряд ли выйдет 2 раза. Я ведь пишу мало, ты знаешь). Так, заметки о времени, войне — пока «Возр<ождение>» еще существует, нельзя отлынивать. Галину и Маргу видим довольно часто — были они у Веры на именинах. В четверг мы к ним идем. Они производят очень приятное впечатление и не паникеры. Моя Вера пока слава Богу. Плохо, что у нас нет теперь подъемника. Зимой, верно, придется заводить печку: топить не будут. Цо то бендзе! Надо запасаться терпением. В пятницу приглашены завтракать к Марии Самойловне в Севр на дачу. Ельяшевич сейчас здесь, но временно. Была у нас как-то Берберова, очень мило звала к себе во флигель жить. Если тут будет уж очень «громко», может быть, и уедем. Не знаю. Я предпочел бы продержаться тут. Дорогую Верочку запоздало поздравляем оба с днем ангела. Открытку ее *очень* хорошую получили. Обнимаем тебя, дорогой друг, твой всегда

Борис.

P. S. Очень рад, что ты остался в Грассе. Это правильно.

131. И. А. Бунину. 2 ноября 1939. Париж

2 ноября 1939

Дорогой мой Рыдалец (дядечка), открытку твою получил, и как тебя в ней почувствовал! Я по тебе так соскучился. То,

что ты пишешь — в большой ли литературе, или на клочке бумаги (а по существу, это тоже большая литература) — всегда вызывает во мне какой-то звон. Может быть, это глупо сказано, но звенит, звучит, ты поймешь, одним словом. Вера нынче сказала: «Наверно, Иван скоро приедет». Почему? Это ей так показалось. Но думаю, что не зря. У нее верный нюх.

Париж понемногу становится покойнее. Открываются театры, синема — правда, все до 11 ч<асов> — и свету больше, и к темноте привыкаешь. Первое время тьма Парижа очень на нервы действовала. Теперь насобачились — ничего, «а мы без соли». Вчера видел Андрея впервые в военной форме — он приехал на $1\frac{1}{2}$ дня в отпуск. Службой *очень доволен.* Говорит, что отношение лучше, чем в Barclay's Bank. Загорел, подсох, стал как-то крепче и больше мужчина, настроение хорошее. Его зачислили для поступления в офицерскую школу — через три месяца явно быть ему в Сен-Сире (но без хохлов над кэпи). Наташеньке дают место в банке (Barclay B.), вопрос теперь только в carte de travail[1] (но обещали дать: она жена мобилизованного, это здесь нечто).

Приехали сюда на 2—3 дня Кульманы. Мы были у них. Н<иколай> К<арлович> ужасно тоскует в [*нерзб.*], но Н<аталия> Ив<ановна> сюда нипочем не хочет ехать. Так что зиму проведут вместе с Бернацкими под Мантом (в 50 верстах от Парижа). Рыбу ловить негде, в бридж играть не с кем, впрочем, и здесь в Сорбонне все русские лекции остановились. Все-таки, здесь ему было бы вольготнее. Марко вижу редко. К Тэффи приехала дочь, они вместе живут сейчас в кв<артире> Веры Рафаиловны. Но Валя со своими поляками (ясновельможными) уезжает в Angers — там будет «вся их Палестина и все жительство», как говорил один мужик в Москве своей бабе перед панорамой на Цветном бульваре «Палестина» (польск<ого> художника — не то Костюшко, не то Ромейко-Гурко, не то Матюшко).

Читаю Мицкевича. «Крымские сонеты» прелестны — несмотря на перевод. Но в другом чуши масса, и вполне сумасшедший поляк. Напомнил мне Володю Высоцкого, Пшибышевского и К°. Нет, этим людям трудно существовать. Но претензии потрясающие. «Так, величайший из писателей-художников Станислав Трембицкий, принадлежит России и может быть причисленным к писателям эпохи Екатерины II. Жуковский, напротив, по характеру своей поэзии принадлежит к числу литовских поэтов». Какой-то кляп собачий Гощинский занимает место «между Державиным и Пушкиным». Вообще, у них был

---

[1] рабочая карточка *(фр)*

и Богдан Залесский, «величайший из славянских поэтов». Все было превосходно — и все это читалось на французском языке в College de France! Приводится и мнение «польских философов», что «Россия должна быть провинцией Польши». Все великолепно, так и вышло.

Дядечка, Вера уже спит, но ложась, велела тебя и твою Верочку поцеловать. Я присоединяюсь к этой деятельности. Привет также шлю Галине, и Марге, и Ляле.

Заносил недавно сербские деньги Шмулевичу. Он уехал было в St. Geneviéve к старикам, но вернулся. Сейчас здесь, на Rue Boileau. О Мережковских ни слуху ни духу. Вчера заехала к нам Нина Берберова — и расплакалась. Я дал ей валерьянки. Говорит, что война ее очень угнетает. Была очень мила. — Сегодня выяснилось, что она до нас была на могиле Ходасевича. Это почти рядом с нами, так что не одна тут война. Говорила о тебе очень нежно (она вообще тебя любит, я это давно знаю).

Очень меня тронули твои слова о моем писании. Господь тебя храни. Не впадай во мрак. Держи грудь колесом. Не мудрствуй, не старайся объять необъятного, понять то, чего никому из нас понять не дано. Разверни Евангелие, читай и плачь.

Обнимаю тебя братски.

Твой *Борис.*

P. S. На похоронах Нюшеньки (спроси Верочку, она объяснит тебе, кто это) видел «напевного брата, пред которым все поэты предтечи». Н. лежала в открытом гробу прекрасная и живая — хотя и безмерно ушедшая от нас. Мертвый человек назывался Бальмонт. «Как Вы живете, Бальмонт?» «Борис, всякий глоток жидкости вызывает во мне страдание». (Водобоязнь — последствие сумасшествия.) Он тих, мучителен, глубоко жалок. Вот тебе и «Будем как Солнце!» Все оказалось ложью и чушью, как у всех Пшибышевских. Длинная полубелая борода, седоватые клочковатости на голове, и т. д. — Мира сидит в тюрьме за безмерно просроченные документы. («Моя дщерь в заточении» — слова Елены, белой пены. Вся бутафория осталась.)

132. И. А. Бунину. 10 и 11 ноября 1939. Париж

10.XI.1939

Дорогой друг (и дядечка), у Зеелера был. Зеелер похудел так, что жутко смотреть. Говорит, что закалывает штаны на животе, загибая чуть не на поларшина. Потерял 15 кило. — Сказал мне, что все для тебя нужное уже отправил.

Последние три дня немцы все лезут к нам: какие-то разве-

дочные аппараты. Во вторник вечером у нас сидел Рогнедов — принес бутылку Château-neuf-du-Pape, мы его мирно распивали, а в это время зенитная артиллерия ахала под Парижем. Теперь устроено так, что сирену пустят только при непосредственной угрозе Парижу. Доживем, разумеется, и до этого, а пока — очень разумно — по пустякам нас не беспокоят. Правда, мы стрельбы во вторник вечером не слыхали, а у Нади и Ляли стекла в окнах вздрагивали.

Нынче ночью я проснулся часа в 3 $^{1}/_{2}$—4. Было очень тихо. Слегка побуркивало в животе, а потом я различил еще знакомые (по первым алертам) звуки: очень дальнее буханье орудий. Встал, отворил окно. Тепло, тьма, Парижа нет, но верст за 50—60 кто-то по ком-то бухает. Сирены, слава Богу, не было. Веры я не будил, да и сам бы не услышал, если бы спал. Но потом лег и заснул отлично. Сегодня ходил встречать Наташеньку в Банк (6 ч<асов> веч<ера>). Она работает вовсю. Послезавтра едет к Андрею. Сколько в ней молодости и энергии! Чтобы достать себе carte de travail (спешно), ей пришлось на той неделе в один день побывать в пяти местах прежнего своего жительства, получить удостоверение от консьержек, побывать в пяти комиссариатах, чтобы там засвидетельствовали, и к 5 ч<асам> дня опять быть в Министерстве Труда со всей этой херовиной. Мне на такую операцию понадобилось бы недели две. Для воскресенья у ней нет Sauf Conduit[1] на проезд к Андрею. Но она едет. Чувствует себя во Франции как дома. Я бы ни за что не поехал в этих условиях. А она, твердо верю, доедет (говорит, что все «жены» так же ездят).

Видел Рощина. Зеелер худеет, этот толстеет. Совершенно мощный. Велел тебе всячески кланяться, что и исполняю охотно.

Обнимаю тебя и целую. Вера также. Передай своей Верочке мой привет сердечный и завет: пусть непременно продолжает «Беседы с памятью».

Твой всегда *Борис.*

P. S. Я не знал, что она так хорошо и близко знакома с М. Сабашниковой (или забыл).

11.XI.1939. Утром

Кончил тебе письмо, лег спать — в 4 ч<аса> 45 м<инут> сирена. В пять весь дом «встретился» в подвале. Продолжалось это час. Теперь сильно стали привыкать, и даже та чешка, с которой при первом алерте сделалась истерика, теперь была

---

[1] Пропуск *(фр).*

тиха (хотя и зелена). Вера молодцом. Вернувшись, мы все-таки заснули, особенно я. (Вера плохо спала.) Бедная моя сестра Надя плохо переносит такие ночные путешествия. Какая она слабенькая и как вся дрожит!

Газету нам подают около шести утра, кладут в подъезд, рядом с «абри». Там я и вычитал, что Нобелевскую премию получил, наконец, финский старик, так долго сердившийся, что ему не дают. (Наверно, борода у него из-под подбородка и он говорит: «ридцать копéк» — финны не произносят буквы «т».)

Так. Значит, пожелай нам «спокойной ночи», или — покойных ночей. Пришла с рынка Вера. Говорит, что настроение «задумчивое». Веселиться, разумеется, не приходится. (Впрочем, канонады как раз и не было слышно — очевидно, остановили очень далеко.)

133. И. А. Бунину. 9 декабря 1939. Париж

9.XII.1939

Дорогая Верочка, нынче утром твое письмо. Съездил тотчас к Великану. Застал его за домашними работами («Володя! Труси! Труси сильней!» — это Варвара Михайловна). Великан философически выслушал мою взволнованную речь, вынул бумажник, долго рылся там во всякой дряни, наконец, сказал: «Все сделано. Вот! Лоллий получил полное удостоверение для В. Н. 2-го дек. 1939 г.» — «Да может, ему не на что отправить письмо?» — «Я дал ему на марку».

Верочка, думаю, что ты уже все получила. Но на всякий случай Лоллию написал. (Имей при этом в виду, что теперь письма к Вам идут долго — твой экспр. путешествовал 3 суток.)

Очень бы хорошо, если бы удалось тебе съездить сюда. Здесь жизнь медленно, но неуклонно выранивается. Настроение совсем не то, что 3 мес<яца> назад. Но все же, очень грустное. — Мы с Верой особенно тяжело переживаем Финляндию. Подымай, и Нина, и разные наши тамошние друзья, и Валаам... все как 20 лет назад в России! Пожалуй, и угадал я, прощаясь на последних страницах «Валаама» с обликом Родины.

Вера нежно тебя целует, я также. Она скоро тебе напишет. Поцелуй от меня Дядечку. Я вот-вот ему также напишу, и, как всегда, люблю Вас обоих. Варвары идут! Мы — «последние римляне». Все равно, мы ничего никому не уступим и умрем со своими святынями.

Завтра у Марии Самойл<овны> встреча с польск<ими> писателями.

Борис.

134. И. А. Бунину. 29 декабря 1939. Париж

29.XII.1939

С Новым годом, дорогой мой Иван, очень перед тобой виноват, что не сразу поблагодарил за очаровательное письмо, за Тургенева, который очень мне понравился — хотя он порядочно «энглизирован». (Кстати: «Дым», конечно, слаб, особенно начало?) Тургеневу сатира совсем не удавалась. Он по-настоящему писал лишь то, что любил. Но не есть ли это и вообще закон искусства? Ведь даже уроды «Мертвых душ» Гоголю как-то *нравились* (художнически). Он писал их возбужденно и радостно.

Вчера был у нас архим<андрит> Киприан, говорили о тебе. Я дал ему довольно давно «Поздний час». Ему очень понравилось. А вчера он рассказывал, что читал это двум православным девицам — «сначала они вязали что-то солдатам, а потом бросили вязанье, слушали, разиня рот»... А еще он хорошо рассказывал про Синай. Там монастырь св. Екатерины! Ты ведь видел Синай? Я ему это сказал — и тебе позавидовал. Мне очень хочется побывать в Палестине и в тех краях — мало уже остается времени жить, да все еще эти мировые напасти идут — конца края им нет.

Письмо наше насчет Финляндии значение, по-моему, имеет малое, все же подписать его надо. Все и подписали — за исключением Шмулевича. Этот не то обиделся, не то рассердился, не понимаю. У него был Марко Богатый и ушел ни с чем. Из Америки (третьего дня) ответов еще не было.

Оплакиваю Валаам. Сегодня вышел мой очерк о нем («Дни», № 4). Вроде надгробного слова. Да — «заметает быстро вьюга все, что в жизни я любил» — какое зрелище развертывает перед нами хам? А? Вся почти наша зрелая жизнь — этот миленький пейзаж. Новый год приглашены встречать к Марье Самойловне в Севр, но условие — обратная доставка. Подтверждения пока нет, так что, пожалуй, и не выйдет ничего.

Вера с неделю прохворала — грипп: она очень ему подвержена. Сейчас уже оправилась. Наташенька работает в Банке. Устает здорово! (Я ведь терпеть не могу «честной трудовой деятельности», не барское это занятие. Но Наташе этого сказать, разумеется, не могу.) Андрея переводят в Vincennes (здесь, в Париже), в офицерскую школу. Через 6—7 мес<яцев> он будет французским офицером... а дальше что? И что вообще будет летом со мной, тобой, Францией, Европой? Никто ничего не знает. Марко уверен, что вообще всё и вся погибнет. Я этого не думаю, но хорошего жду мало.

Дядечка, неужели ты не приедешь сюда? Я по тебе очень

соскучился. Если теперь не выберешься — весной и летом будет труднее, «жарче»! Как бы то ни было, пока что обнимаю тебя дружески и целую. Верочку тоже, и Галине, Марге, Ляле — всем приветы и новогодние пожелания.

Вера целует также, разумеется.

Твой *Борис.*

135. И. А. Бунину. 17 января 1940. Париж

17.1.1940

Четырнадцать градусов, дорогой Иван, — Sotto Zero[1]! Топлю печку, сколько могу, в моей комнате терпимо, у Веры холодно, а в кухне — Петсамо (Печенга). По случаю холодов тяну понемногу ром. Но неужели можно еще драться там, когда вдвое холоднее? Приехали знакомые из Финляндии. Те края, где мы проводили лето 1935, — пустыня. Жители давно уведены, дома сожжены уходившими финнами — значит, от нашего пансиона, и от виллы Нины — одни фундаменты.

Нынче подали письмо с Валаама, от 14 дек<абря> — первый день бомбардировки. Пишет знакомый молодой послушник — привожу целиком: «Дорогие и милые Вера Алексеевна и Борис Константинович, усердно просим вас обоих помолиться Господу, да спасет и сохранит Он Страну нашу, Обитель нашу и всех нас. Пожалуйста, передайте просьбу эту и Н. М. и И. К. Денисовым и всем другим, кто нас знает и помнит и кому дорога Обитель наша. Простите. Спасибо за все. Да хранит вас обоих Господь!» Молюсь-то я о них и так постоянно — а тут взревнул, должен сознаться. Ведь подумай, это только *первый день* — (а по газетам — бомбардировали неделю, как только позволяла погода). Да жив ли еще этот Ник<олай> Андреич, плававший на их пароходе «Сергий»? Бог знает.

Читаешь ли в «Возрождении» — «Наши мальчики»? Подписано «Старый француз», а похоже на Рощина. Эпиграф взят «от Иоанна» — нигде у Иоанна этого текста нет: вполне похоже на Рощина. Оказывается, однако, что есть под Амьеном такой француз со знаменитой фамилией Прюнье (очень долго жил в России), который о русских солдатах во Франции и пишет. Тхоржевский мне третьего дня рассказывал в редакции, что не только француз существует, но так как о русских пишет любовно, то русачки тотчас сообразили: в редакции все спрашивают его адрес и не скрывают, что из старого француза хотят вытряхнуть

---

[1] Около нуля *(ит.)*.

сколько-нибудь франчиков! Вот он, богоносец-то. Но нельзя отказать нашему народу в даровитости, ты сам знаешь: например, назвали министра Хор-Белишу — Хор-Ебелиша, это очень мило.

Вера просит тебе передать, что ты для нее всегда «внучек Ванюша», а она тебе «бабуся», а это она тебе написала только из вежливости. Она тебя очень любит, так же, как я. Милый Ебелиша, обнимаю тебя, целуй Верочку, привет Галине, Марге, Ляле.

Твой «старушек» *Б.*

P. S. Казанова-Рогнедов угощал нас недавно обедом в «Праге» — представь, такой здесь ресторанчик. Но до *нашей* далеко. Казанова влюбился в одну высоченную и очень милую вдову, с которой я и чокался в этой фантастически-крохотной «Праге» близ Дарю.

136. В. Н. Буниной. 21 февраля 1940. Париж

21.II.1940

Дорогая Верочка, спасибо тебе большое за память, за доброе отношение. Мне очень приятно было получить твое письмо. У меня за последнее время все более острое чувство того, как мало осталось нас, душевно и духовно близких людей — ведь горсточка! — и разлука недалека, и хотелось бы, чтобы последние годы прошли в любви — или, по крайности, в добром расположении.

Вчера обедали мы с Верой у Ельяшевич. Были о. Киприан и Мочульский, много и хорошо вспоминали об Иване. Иван на предыдущем обеде был на 5+ — давно я его таким не видал, и очаровал о. Киприана. А вчера одно было грустно: у В. Б. в середине обеда начался припадок (спазмы его), и он должен был уйти к себе, так что мы даже не попрощались. Ф. О. тоже здоровьем неважна, у ней большой камень в желчном пузыре. Предполагалась операция, но пока откладывают. <...> Получили мы вести с севера такие: 1) Маша, дочь Тани Полиевктовой, переехала с детьми в Осло — очевидно, ее, как норвежскую подданную, выкурили из СССР — Яльмар, один из сыновей, уже жил (и учился) в Осло, теперь туда еще попали двое ее детей. Нина Кауше из Финляндии спаслась — находится в Стокгольме. От нее открытка: ждет *визу дальше.* Но куда? Не пишет. И никакого намека на возможность встречи с нами... — неизвестно, куда они с мужем собираются.

Представь, третьего дня свез Каплану в «Дом Кн<иги>» 2-й т. «Глеба». Дело еще не совсем решено, но обещает в мае выпустить 50 экз. мне с правом продажи, нумерированные. Если все так

выйдет и доживем, то придется торговать ими, что-то пытаться выручить — а то ведь зубы на полку! Сегодня у нас (после $2\frac{1}{2}$ мес<яцев> перерыва) пустили горячую воду, Вера сидит в ванне и просит нежно тебя поцеловать, что и исполняю. И от себя целую. Ивана также. Галине, Марге, Ляле приветы. Господь Вас храни, дорогая Верочка, там на горке. Высоко!

Твой *Борис.*

137. И. А. Бунину. 27 февраля 1940. Париж

27.II.1940

Дорогой Иван, перед отъездом твоим не успел окончательно договориться с тобой насчет Гребенщикова, а между тем перспективы весны и лета более чем туманны («в рассуждении чего покушать»). Может быть, и невредно начать в Америке «бить в набат»? Предпринимаешь ли ты или предпримешь что-либо в этом направлении? Мне пришло в голову и то, что, пожалуй, мне самому следует написать Г<ребенщико>ву. Но нет адреса его. Как ты смотришь? Если да, то пришли адрес — и я забыл его отчество — Дмитриевич? Вот-с. Вечер вчерашний оказался довольно тревожным: около 9 ч<асов> на улице вопли défense passive: «Lumière, lumière!»[1]; свистки, беготня. Выключено оказалось и радио: приближались немцы. Из моего окна очень красиво в небе была видна сеть златисто-серебряных лучей прожекторов — они образовывали какие-то географические фигуры: вершина многоугольника медленно передвигалась, как будто в ней был «зверь». Забухали орудия (недолго и не так много стреляли). Однако, сирен не пустили. Но настроение оказалось более даже нервным, чем при сиренах. В одиннадцатом часу мы улеглись, а в $4\frac{1}{2}$ — сирены. На этот раз были гораздо спокойнее. Мы оделись, но в подвал не спускались, ждали канонады. Ее не было вовсе. В $5\frac{1}{2}$ легли спать уже как следует. — Сегодня в газетах — что вечером к Парижу приближалась герм<анская> эскадрилья, но была отогнана. А про ночную тревогу еще ничего нет. Нынче обедает у нас о. Киприан — будем тебя вспоминать, дорогой Иван. (Ты его совершенно покорил.)

Я перечитал теперь «Суходол». Очаровательно! По-моему, наиболее близкая из твоих вещей Тургеневу. «Деревня» мне дальше — как и раньше. Но про живопись говорить нечего, у тебя нет в этом соперников. Несмотря на глубокий мрак этой вещи, местами я помирал со смеху. Спросил Мочульского, знает

[1] О светомаскировке: «Свет, свет!» *(фр.)*

ли он, что такое транда — он «отговорился незнанием». А нет ли там и цензуры кое-где? «В городе за кабаком сучка сеет табаком» — не надо ли *серет*? Но и так замечательно. — Дядечка, возьми себя за катышки, покатай их и напиши что-нибудь хорошее! Раскачайся. Теперь потеплело. — Обнимаю душевно, приветы, поцелуи.

Борис.

138. И. А. Бунину. 16 апреля 1940. Париж

16 IV.1940

Дорогой мой Иван, в воскресенье (14-го) разделался с «matinée»[1], пишу тебе. Все прошло у Глафиры благополучно. Дамы наши работали на совесть, я читал, потом был чай, мы с Марком Богатым и Казановой хлопнули, разумеется, по коньяку. Была Наташенька с Андреем (в военной форме), разные дамы, барышни, иудеи мужеского пола. В глубине квартиры резались в бридж и еще какие-то игры.

Сбор, сказали мне, хорош, даже совсем неплох. В точности еще не знаю. Но по условию с Глафирой часть надо отдать Яблоновскому. Три-четыре монеты останется, по-видимому, мне. Последние дни занят был тем, чтобы не расхвораться: со среды кашлял, чихал вовсю, так что и носу на улицу не показывал. Читал у Глафиры с небольшой t°, но после коньяку и перцовки у Ельяшевич все прошло.

Помнишь ты Кампанари? Елена, его жена, уже 2 года в санатории (туберкулез). Он, оставшись тут один, запутался, запил, завел француженку и растратил 30 тыс<яч> чужих денег. Елена давно чуяла, что дело плохо — наконец, приехала сюда, остановилась у нас (прожила 10 дней). Лев Дм<итриевич> где-то «скрывался». А когда Вера с Еленой поехали на прежнюю квартиру Кампанари, которую пришлось взломать, — вот там Л. Д. и оказался! Мертвый. Три недели тому назад открыл газ... К счастию, в самую квартиру их не пустила уже полиция — можешь себе представить, в каком виде был бедный Л. Д.! Страшная вещь. Эти 10 дней отхаживали, как умели, Елену. (Ты знаешь, когда Вера в запале любви и сострадания, ей удержу нет. Это ее жизненный талант.) Теперь Елена уехала в горы, нынче первое письмо. Она сильная, Бог даст, выкрутится из болезни своей. Мы за это время устали, но у меня, в общем, осталось хорошее ощущение — хотя это и может показаться тебе странным. (У Елены оказались верные друзья — и русские, и французы. Вокруг создалась атмосфера любви. Знаешь, что

[1] смешанный (общий) вечер *(фр)*.

самое важное в жизни: *жить в любви.*) Очевидно, заморились мы порядочно: в пятницу ночью просто *проспали* сильнейшую канонаду: было сбито два немецких разведочных аппарата, долетевших до Парижа. Я рад, что Вера не слыхала. На нее эта музыка действует нехорошо.

Вчера письмо от Верочки. Очень бы хорошо, если б она приехала! Да и вообще время идет: ведь я так понимаю, что к сентябрю все вы сюда переберетесь? Коли доживем, то рады будем. — Обнимаю и целую тебя и Веруна, привет дому. — Вера целует также.

Твой всегда *Борис.*

139. И. А. Бунину. 18 мая 1940. Париж

18.V.1940

Милый Иван, ты сам понимаешь, конечно, что сейчас нет никакого настроения идти в ресторан. А потому — если вы с Марком сами не передумали — то на меня не рассчитывайте.

Зайду на ближ<айших> днях. Всегда рад видеть тебя, обнимаю и люблю. Верочку целую дружески.

Борис.

140. И. А. Бунину. 4 июня 1940. Париж

4.VI.1940

Дорогой мой Иван, милая Верочка, пишу вам «на другой день». Вчера все вышло довольно-таки особенно! Утром мы ездили в Кламар — причащались у о. Киприана. А потом расстались: я поехал на завтрак «Возрождения» (15 лет!), Вера осталась в Кламаре и далее отправилась по епархии. Отлично. Сели завтракать в «Киеве». Через 15 м<инут> алерт. Наши генералы и полковники довольно спокойно слушали стрельбу, мы закусывали, ели кулебяку и т. п. — а там все лупят и лупят, все сильней. Только один генерал, по фамилии Суворов, сказал нерешительно: «А кажется, я слышал два разрыва бомбы». Так мы и дозавтракали с тем, что наше Д.С.А. est entrée en action[1], и немцы отогнаны. Возвращаюсь домой — только тут Вера рассказывает (довольно покойно), что в Vanves, куда зашла к Тэффи, попала в настоящую бомбардировку. Видела и пылающие автомобили на улицах, и развороченные дома, и т. п.

---

[1] вступило в действие *(фр.)*.

Отсиживалась у Тэффи. А сегодня утром из газет узнал, что было не «две бомбы», а тысяча. Но как быстро все это произошло! Канонада не более 15-ти минут.

Думаем о вас часто — только что письмо Верочки: а вспоминали и когда был рейд «в долине Роны». Но все это, конечно, еще только начало. (И у вас, и у нас.) Что-то будет, трудно сказать. Надо терпеть. — Настроение, конечно, нервное. Но как-то все свыкаются с неизбежным. Из знакомых, как-будто, никто не убит и не ранен. Говорят, здорово пострадали дома на Boileau (рядом с Ремизовым), Exelmans, rue Poussin и т. п.

Читаю Библию. Очень поражен царем Давидом. Хочется написать о нем — вроде рисунка, «портрета» — не то слово, но другого сейчас не нахожу. А он меня волнует (поэтически). Может быть, завтра от комнаты моей останется одна пыль, да и от меня, от нашей малой жизни. Все равно, пока жив, хочется иной раз что-то сказать («Я буду петь Господу, покуда жив, буду бряцать Богу моему, доколе есмь»).

Обнимаю вас, мои дорогие, шлю привет душевный — когда и при каких обстоятельствах предстоит встретиться? Все воля Божия. Будем надеяться, что встретимся — и по хорошему. А все-таки, дядечка, я бы на твоем месте драпанул в По за Михайловым. Италия вот-вот... — невесело и у вас будет.

Ваш навсегда *Борис.* Домашним поклон.

P. S. Пришла Наташа. Ее приятели сидели в abri[1]. Вышли — а квартира их вся разнесена. Ночевали в другом месте.

---

[1] убежище *(фр).*

141. И. А. и В. Н. Буниным. 22 июля 1940. Париж

22.VII.1940

Дорогие мои, вероятно, письмо Веры уже до Вас дошло, она подробно написала, основательней меня. Мы начинаем понемногу отходить — месяц относительного покоя. Питаемся нормально. Но за время потрясений сильно похудели оба. Теперь чуть-чуть пошло в горку. Наташа катает на велосипеде, загорела. Андрей нашелся и *не* пленный, она успокоилась. Мужья всех ее приятельниц молодых тоже отыскались (и Виктор, муж Ляли, моей племянницы), за исключением одного: Станиславский, муж Марии Тверской (Верочка Тверских, по-моему, знает? Они живут на одной площадке с Наташей и эта «Манюся» очень переживала с Нат<ашей> все это тяжелое время ожиданий...), оказалось, муж убит: трое маленьких детей! Нынче на Daru была панихида,

самая раздирательная за все это время. Вдова, старики, дети — все на коленях всю службу. Масса народу. Какое горе! Наташа, конечно, тоже все с ними делит. Много русских получили отличия. Мой племянник (двоюродн<ый>) Александр Зайцев — военный крест и произведен в офицеры. Жив ли, не знаю. Верочка, вот адрес Фаины <...> От Тэффи тоже письмо — очень грустное <...> Не с Вами ли Марко Богатый? Вряд ли остался он в Gironde, куда уехал отсюда.

В смысле продовольствия, цен здесь все довольно нормально. На улицах можно быть до 11 ч<асов> вечера, приезжие ведут себя хорошо, никакого стеснения мы не чувствуем. На 7-е июля в Париже насчитали 1 миллион 50 тыс<яч> чел<овек> — 2 милл<иона> ушло. Пустыня была! Теперь ежедневно прибывает народ. Что будем делать дальше и чем жить (т. е. какими пенёнзами), трудно себе представить. Пока дышим, благодаря апрельскому «утру», но известие из Амер<ики> было весьма целебно, дай Бог здоровья тебе, Верочка. Манны ждем! Шмулевич худенький, но ничего, Рем<изова> я не видел. Сербы отсюда уехали, вероятно, при французском правительстве. Ни слуху, ни духу. Попытки русских устроить здесь газету не удались. «Дом книги» открыт. В нем сидит Каплан и продает русско-немецкие словари (но не нас с тобой, Иван).

Милые мои, обнимаю Вас и целую. Вера тоже, конечно. Горсточка нас осталась! Галине и Марге сердечный привет.

Ваш *Борис.*

P. S. Ельяшевичи в 1 ½ ч. должны были собраться и бежать из Bussy <...> теперь вернулись туда.

P. P. S. Привет Цетлиным. Здоров ли муж Ангелины?

142. И. С. Шмелеву. 13 сентября 1940. Париж

13.IX.40

Дорогой Иван Сергеевич, заходил к Вам, не застал.

Лисичича, наконец, видел. Денег еще нет. Сам он жил под Биаррицей — посольство отправило ему из Виши чек (заказным!) и письмо пропало. Они все сами сидят с июня без копейки. Он говорит: «Если бы не мои личн<ые> сбережения, мне не с чем было бы выехать с океана сюда». — Теперь отправил министру список всех, не получивших с июня. И на днях посылает еще подробный рапорт.

Остается нам одно — ждать. Мы условились, что недели через две я ему позвоню. Посмотрим.

Впечатление такое, что он и сам смущен — показывал мне кипу «неоплаченных телеграмм».

Рассказал, что в Биаррице встретил Злобина и дал ему 100 фр<анков> из собств<енных> денег, т. к. по словам З<лобин>а, Мережковские живут на пособие для престарелых, по 6 фр<анков>, в день на него и на нее. Вот времена! Человек с мировым именем — 76 лет!..

Привет сердечный.

Бор. Зайцев.

143. В. Н. Буниной. 21 сентября 1942. Париж

21.IX.1942

Милый друг Верочка, с Ангелом! Поздравляю, целую. Твою открытку давно получил, благодарю. Пишу, как видишь, из Парижа, вернулись на днях. Вера прибавила в деревне 3 кило, я 2,2 (во мне теперь 58,2, в имениннице 60). Лето прошло и вообще хорошо. Жаль только бедного В. Б. — он очень ослаб и исхудал от своей спазмы. — Об Илюше печальные вести: он уехал к старшей сестре Марианны, при этом тяжко больной. По словам близких — «в полумертвом виде». Но лечиться не хотел (нечто желуд<очно>-кишечное, рвота и пр.). Мы не увидим его, конечно! — Наташа работает теперь в бюро. Мы очень рады, что она бросила ресторан. Тэффи в деревне очень поправилась. Лоллий тоже, но здесь уже похудел. — Моя Вера целует тебя так же крепко, как и я. Приветы Ивану и Лёне.

Б.

144. И. А. и В. Н. Буниным. Апрель 1943. Париж

2, rue Rose Bonheur, Paris (15). *<без даты>*

Христос Воскресе, дорогие мои Иван и Вера — давно собираюсь написать Вам, наконец, по-русски, да все выходит у меня медленно.

Мы уже более 2-х недель не дома. 4-го апр<еля> Булонь наша сильно пострадала. К счастию, в то воскресенье Наташа пригласила нас к себе завтракать — после обедни и панихиды на Daru по Рахманинову. В 1 ½ мы вышли (пешком) из церкви к Наташе, в 2 началась бомбардировка. Если бы поехали прямо домой, то как раз выходили бы из метро Самбà прямо под бомбы. Там было плохо! Весь наш путь от метро домой обстрелян... Ближайшие попадания к дому — 75 и 50 метров. Когда в четвертом часу мы попали домой, квартира была полна битого стекла и мусора — все стекла вылетели, все это пред-

назначалось нам в физиономию. Да, опять чья-то рука отвела беду.

Ночевали у Наташеньки, несколько дней у нее прожили. А потом Нина Берберова и Ник<олай> Вас<ильевич> предложили у них поселиться — вот почему и адрес теперь иной. У них квартира огромная, мы занимаем дальнюю, никому не нужную комнату. Сами они бывают в Париже мало, Нина 1 $^{1}/_{2}$ дня в нед<елю>, Н. В. — 3 $^{1}/_{2}$. Они очень приветливы и гостеприимны; внешние условия здесь гораздо лучше, чем у нас на rue Thiers... — но все это не решение вопроса. Решением было бы найти квартиру в Париже. В принципе мы на этом и стоим, но квартир нет. Пока живем тут, а что дальше будет, не знаю.

Странно и грустно было уходить с чемоданчиками, под дождем в бурю из своего угла — какой он ни на есть, а все же свой. И книг набралось порядочно за одиннадцать лет. (Этой зимой я покупал кое-что из старинного на Quais — Данте у меня отличный, Бокаччио, Бальбо и др.) Рукописи взял с собой. Жаль, Иван, ты далеко. Я бы тебе прочел 1—2 песни «Ада» во «взрослой» моей отделке — да и Верочка, наверно, послушала бы. В этого Данте я зимой сильно влез. И как удивительно: перевел его 25 лет назад, трижды получил под него авансы, трижды издательства разорялись войнами и революциями, а теперь я рад, что он не вышел в *прежнем* виде. Это было бы неприятно мне теперешнему. А «я теперешний» — уже последний, больше со мной ничего не будет, кроме смерти. Это последнее мое слово. Что знаю, что умею, то даю — изо всех моих сил. Рукопись завещаю Наташе, может быть, ей когда-нибудь и удастся ее напечатать (на свой и Верин век не рассчитываю). А тут я нередко его читаю вслух — находятся такие, кому нравится это занятие. Вот и на Пасху званы мы с Верой в один дом: читать и «вкушать».

Дорогие мои, скоро три года, как мы врозь! Когда увидимся? Вот неведомо! Но будем надеяться. Война ведь тоже идет под гору, не вечно быть ей. Значит, кто кого обгонит... Друзья наши главные здесь (не считая Наташи — это «самопродолжение»): Киприан, Мочульский. Лоллий бывает каждую неделю. Приносит бутылку вина. Обедаем. Он фантазирует насчет будущего. Вера чинит ему всякую мелочь — по-матерински. По вечерам я раскладываю 2 раза пасьянс и радуюсь, когда выходит. Вера в постели читает романы. А днем — сутолока у нее хозяйственная. Худы очень. Сейчас я еще похудел с этими переездами, тасканиями вещей, и т. п. Мало сил. Но Господь нас все же не забывает. Сейчас пятница Страстная. Вечером идем на Daru. Вчера причащались в Кламаре у К., а веч<ером> 12 Евангелий

у Мочульского, на Lourmel. Он в стихаре читал Шестопсалмие. А после у нас обедал — мы сейчас одни — Нина и Н. В. в деревне. Сегодня Наташа с А. покатили к нам на велосипедах на три дня. Я очень за них рад. Наташа здорово устает на службе и с хозяйством дома.

Господь Вас храни, целую Вас обоих братски и с любовию в эти святые дни. Лене и Б-у привет. Вера Вас также обнимает.

Б.

145. В. Н. Буниной. 23 июля 1943. Бюсси-ен-Отей

23.VII.1943
Bussy-en-Othe

Дорогая Верочка, давно собираюсь написать тебе, да ждал более спокойных дней — сама знаешь, деревня в этом отношении клад. Сейчас это и особенно чувствуешь. В Париже последнее время нам было очень неспокойно. Булонь сильно опустела — слишком в воздухе шумно и все ждали еще худшего. На воскресенье мы тоже уходили в город, а последние десять дней жили у Наташи в центре, там безопасно. Рукописи свои я перетащил к ней, среди них и «Данте», над которым просидел всю зиму, сверяя перевод строчка за строчкой — работа, как ты знаешь, упорная и не столь благодарная — все же меня очень поддержавшая. Перед отъездом сюда все кончил. В печати, наверно, не увижу, и вообще все это занятие — некоторое чудачество, но оно мне нравится. Перевезли с квартиры и носильные вещи, разные пальто, костюмы и т. п. (кое-что оказалось, все же), а теперь и старое — драгоценность. Твое милое письмо очень рад был получить. Да, о письмах Флобера мало с кем я могу поговорить. Я как раз их ищу. Хочется перечитать. Но достать трудно, и Фаскелево издание и Конарово — все разошлось. На Quais, где нередко я шатаюсь теперь (и по Дантовой части кое-что выудил) видел раз эти письма, но вместе с Собр. Сочинений — общая стоимость 1500 фр<анков>. Это «без нас». Я покупаю в пределах 30—40 fr.

Очень рад за Веру — ей здесь покойно и отдых отличный. А в Париже она сильно замоталась — понизилось давление и ослабело сердце. Принимала строфант, дигиталис. Здесь сразу у ней другой вид. Мы приехали сюда 19-го утром, в час бомбардировки Рима (рана моего сердца — San Lorenzo я отлично знаю, замечательная базилика!) — впятером: В. Б., о. Киприан, его друг Киселевский и мы двое. Живем мирно, условия отличные, чего же больше? (Да и вообще я всегда

теперь Бога благодарю: терпит Он меня пока, не дает погибнуть, хотя я для жизни нынешней ни на что не нужен.) В среду, на Казанскую отец Киприан служил в церковке рядом с его комнатой литургию. Мы причащались. Вот оно и получается что-то вроде скита.

Наташенька с А. завтра уезжают на 2 нед<ели> в деревню, но не на запад, где-то в районе Анжера и Тура, мы очень за них рады. Наташа очень переутомлена. Целый день работа на службе, да еще дома хозяйство! А последнее время еще femme de ménage[1] подвела ее, перестала до осени ходить — так и совсем мерзко.

В последний день перед отъездом, заехав к себе на квартиру, застали у двери Лялю Жирову. Вообрази! Она в Кламаре, и к нам приехала минута в минуту, как мы вернулись. Встретились очень дружески. У нее вид отличный — все-таки юг и деревня! О Марко Богатом ты знаешь, вероятно. Рад за него. Ему идет получать деньги. Он их любит и они его. Ему надо быть богатым (на всякий случай сообщаю: премия за лучший роман — миллион с чем-то *франков*). Хорошо, что он далеко. Там для него хорошо то, что здесь было бы плохо и довело бы его «до острова Святыя Елены».

А что мой дорогой дядя Ваня? Целуй его от меня крепко, как крепко я его люблю. Зурову привет сердечный — а себе самой от меня самый дружеский поцелуй. Как и от Веры, разумеется. — Нынче за завтраком вспоминали как раз с о. Киприаном Столовый и Скатертный переулки, где он жил одно время на месте вашего прежнего особняка, в новом доме.

Господь Вас храни, мои дорогие, не забывайте старого друга.

Твой *Б.*

P. S. Бедная Берта очень тоскует. Недавно попортила себе ногу, не могла даже быть на панихиде (40 дн<ей>) по П. А. Семью представляла Валя.

Остаться здесь предполагаем до половины августа. 17-го приезжают Тэффи, Лоллий и Струве.

---

[1] домашняя работница *(фр)*

146. И. А. Бунину. 27 августа 1943. Париж

27.VIII.43

Тридцать один год назад сегодня родилась Наташа, дорогой дядечка. Вчера ходил выбирать ей что-ниб<удь> к рождению — купил «Чашу жизни» одного начинающего писателя.

Вечером прочел Вере вслух «Святые», взволновался, конечно. Местами слезы подступали, как у Арсенича, а то смех — на детей (...«тлятлит», «мечное сечение»). Ну, прелестно, разумеется. На ночь читал стихи.

А ночью вот что со мною было, около 5 ч<асов>: я и сплю, и сквозь сон слышу твой голос — ты мне из Грасса рассказываешь о том, как смотришь на события. У меня бывают иногда такие «голоса». Покойный Нилус говорил, что у него тоже, и считал, что это признак старости. Добавлял при этом, что в большинстве слышит чепуху. Мне обычно как будто читает кто-то вслух, или — вернее — подсказывает незаметн<ым> образом, а произношу я сам, с большим напряжением и даже утомлением умственным, точно я медиум. Просыпаешься усталый. Слышишь очень связные вещи, довольно связный бред, я бы сказал.

Но сегодня говорили очень толково и почти твоими словами, твоими интонациями. Очень ясный взгляд на современные дела, во многом с моим сходный, но более оптимистичный — такой оттенок у многих из моих знакомых здесь есть. Как бы то ни было, я проснулся с чувством, что ты со мной по телефону говорил. Не делаю из этого никаких «таинственных» заключений, но осталось чувство большой близости. Хотел даже встать и записать, но поленился, конечно.

Утром стал Вере рассказывать — на полдороге прервала сирена и пришлось собираться вниз. Атаки нынче не устроили, но пролетели над нами — не то нем<ецкие> истребители, не то американские гуманисты.

Это у нас теперь чуть не каждый день. Довольно много убивают в окрестностях. Третьего дня оторвало голову одному русскому, родственнику дамы из нашего дома. В другом месте убили шофера (француза), знакомого Наташи по службе. Нынче, брат, больше стараются избивать обывателей.

Мы привыкли. Смерть вокруг, Вера и то стала спокойнее. Выхода нет, все равно (квартиру найти в Париже невозможно), да и вообще «конец приближается» — «душа моя, что спишь, конец приближается» — это великопостное песнопение такое, прекрасное.

«Archevegue'a»[1] получил, очень мило. По-моему, непохож, а другие находят, что похож. Во всяк<ом> случае, малое развлечение в однообразной жизни.

В Bussy пробыли хорошо, да и достаточно. Жить надо все-таки дома. Вера очень оправилась, прибавила 3 кило (теперь

---

[1] «Архиепископ» *(фр.).*

59). Я — ничего, как было 56, так и осталось. Но вид, говорят, лучше.

Сейчас иду обедать к Наташе. (Вера ушла раньше — помогать по хозяйству.) Если не завоет сирена, то просто дело, а то можно и в метро 1 ½ часа просидеть. «Ниц не вем.».

Сейчас в Bussy новая партия дачников — Тэффи, Лоллий, Струве. (А мы были с о. Киприаном.) Лоллий все собирается в Россию, надеется (!) попасть под Петербург. Мы с ним в оч<ень> добрых отношениях. (Пишет уйму стихов.) У него есть надежды (иллюзии).

Дядечка мой дорогой, обнимаю тебя и целую, спасибо тебе за ласковые, хоть и краткие письма, и за то, что ты такой прекрасный писатель. Верочку тоже обними и приветствуй. Моя Вера целует Вас обоих.

Твой *Борис.*

147. В. Н. Буниной. 25 сентября 1943. Париж

2, rue Rosa Bonheur Paris (15) *25.IX.43.*

С Ангелом тебя, дорогая Верочка, охотно расцеловал бы в четверг, да расстояние не позволяет — далековато. Вера также тебя обнимает и с любовию приветствует.

Пишу с бывшей квартиры Макеевых, теперь у них собственная, уже постоянная, а эта... неизвестно чья, хозяева на юге. Сегодня власти разрешили нам пробыть тут до конца ноября. Нам оставлены две комнаты, кухня и ванная. На эти «наши» апартаменты я налепил уже ярлыки по дверям: B. Zaitseff, Schriftsteller[1] (даже на клозет нацепил). Остальное будет запечатано. Думаю, проживем до ноября: здесь нет отопления, в ноябре трудно. И обычно бывает тише зимой от бомб. Во всяк<ом> случае, как говорила покойная моя мать: «там посмотрим» (обычно нам, детям, в этой форме она отказывала). — Из письма В. ты знаешь уже, как было туго ей в послед. бомбардировку — она оказалась в доме рядом с горевшим заводом <...>. Дом прочный и абри не выдало. Но особенно переволновалась за меня, выйдя оттуда: ей сказали, что разбито metro Porte St. Cloud, а по ее соображ<ению> я должен был как раз в это время возвращаться от Наташи. Можешь себе представить, как мы с Нат<ашей> мучились, увидав столб дыма над Булонью — метро не ходит, добраться нельзя. Дым был такой даже в Париже, что закрыл совсем Эйфел<еву> башню, хотя Н. живет от нее в двух шагах. С первым метро помчались, разумеется, туда. На

[1] Б. Зайцев, писатель *(нем.)*

rue Thiers Н. не выдержала и кинулась вперед со всех ног, как в горелки. А Вера час уже ждала меня у подъезда, волнуясь и страдая. Н. подбежала, успела только сказать «жив» — та упала на нее без чувств. Тут и я подбежал, она скоро отошла, но можешь себе представить, во что это обходится.

Квартира не пострадала. В полуверсте, рядом с огромн<ыми> домами 122 Bd. Murat пылал завод «Малое Рено», у меня в кв<артире> было светло, как днем (но мерзкий, огненный тон, пожарный).

Конечно, В. израсходовала все, что нажила в деревне. Сейчас она все же бодра, я за нее оч<ень> рад, что мы здесь: тут покойнее, а она хоть и оживлена, но нервна. (И все за меня больше боится.) Я спокойней. У меня настроение покорности и некот<орого> равнодушия. Взгляд на будущее настолько печален, что трудно его уже поколебать. В общем же: «Да будет воля Твоя». Все тут очень нервны. Алерты каждый день, иногда по 2 раза. Третьего дня ночью была такая пальба, что спать нельзя — пролетали куда-то над Парижем, на дело крови и страдания. Утром я был в городе и видел сбитый авион — на магазин «Лувр» упал, представь себе! А в ту бомбард<ировку> мы с Н. из ее окна видели, как два было сбито, как они страшно вспыхивали в лазурно-безоблачном небе! И обгорелые обломки валились — тоже на Париж. Что еще предстоит видеть? Ко всему надо быть готовым. (Ребенком я не мог выносить разбитого мужицкого носа, а теперь без истерики «созерцаю», как в небе люди сгорают, а на земле десятки и сотни других погибают от их бомб: и все «не-комбатанты». Что Вера видела, пока дошла домой!)

Письмо вышло слишком мрачным, прости. Но таков воздух. — Приятно мне, что рядом лежат 6 томов Ивана, марксова собр<ания> соч<инений> (полный Бунин того времени) в хор<оших> переплетах. Первое стихотв<орение> помечено: 1886 г.! Есть там и «Кондор» — мы только что с И. познакомились, в 1902 г., это того времени. И мне по-прежнему этот кондор понравился. Дорогая моя, твои слова о разн<ых> типах людей оч<ень> верны. Я сам принадлежу к тем, кого жизнь, сравнительно, щадит даже, но сами себя они изводят здорово. Я всегда Бога благодарю за Его милость, и все-таки тоскую. Господь Вас всех храни, милое мое «последнее каррэ».

Ваш *Борис.*

P. S. Нашел в здешних книгах «Tikhia Zori»[1], тоже в отлич<ном> переплете. Все былое.

P. P. S. Очень счастлив, что Вас пока не трогают.

---

[1] «Тихие зори» *(книга Б. Зайцева).*

148. И. А. Бунину. 2 ноября 1943. Париж

2 ноября 1943

Дорогой мой, несколько времени назад встретился я с одним издателем, F. Sorlot, он мне сказал, что расположен начать русскую серию в своих «Maitres étrangers»[1]. Хотел бы нас с тобой, очень меня просил, чтобы я осведомился у тебя, нет ли новонаписанного романа, и если и ты склонен печатать его по-французски, то чтобы ему прислал.

Исполняю его просьбу и ни за что не ручаюсь. Издательство маленькое, магазинчик на rue Servandoni, за St. Sulpice, около Плона. Человек он молодой и как будто веселый и бойкий. Думаю занести ему «Глеба» («Анну» он купил вместе со складом Ed. St. Michel, где некогда Фохт орудовал. Сейчас я достал там последний ее экземпляр — épuisé)[2]. Итак, напиши мне несколько строк, как ты на это смотришь.

Мы здесь пробудем еще дней 10—12, а там опять на rue Thiers. Я привык к тамошнему своему углу, у меня книг много понабралось, но рукописи держу у Наташи. Последнее время тихо, не беспокоят нас. Да все равно, выбора нет. Тут квартира к концу месяца будет занята.

Читаю письма Флобера. Как чудесно! Горестно до последней степени, а временами будто и про нас. «Les ouvriers de luxe sont inutiles dans une société oú la plébe domine»[3].

Твою открытку о студенте читал о. Киприану, оба смеялись. Да, несчастный был студент!

Приходила Ляля с девочкой — но меня не было. Вера говорит: очень милы, обе. Вера устроила ей кое-что из одёжи.

Когда мы увидимся? Когда? Обнимаю тебя, мой старый и *настоящий,* редкость, ouvrier de luxe[4]. Верочку также, от всего сердца. Моя Вера готовит ужин, напевает там в кухне, тоже нежно целует.

Твой *Бор.*

P. S. Нынче есть бутылка вина. Выпью за Вас.

---

[1] «Иностранные мастера» *(фр).*
[2] распродано *(фр).*
[3] «Творцы прекрасного бесполезны в обществе, где властвует плебс» *(фр).*
[4] творец прекрасного *(фр).*

149. И. А. Бунину. 10 ноября 1943. Париж

10.XI.43

Дорогой друг мой Иван, вчера мы с Верой вспоминали тебя — ровно десять лет назад я вычитал в Paris Soir, сидя в

кафе на площади Pte St. Cloud, что ты получил Нобелевскую премию. Мне это доставило большую радость! Я рассказывал тебе, как в тот вечер, написав в *типографии* (!) статейку о тебе, я обходил потом все бистро на Place d'Italie, в каждом выпивал по рюмке коньяку и приговаривал по-русски: «Молодцы шведы!» (Блаженные времена, когда ничего не стоило выпить «une fine»... «et la même chose!»[1].) Да, редкий случай, и у нас был свой праздник. За двадцать лет бытия нашего здесь — единственная победа эмиграции (конечно, недопонятая, конечно, недооцененная). Вот, сейчас, когда эмиграция кончается — если уже не кончена — еще раз приветствую тебя и обнимаю заочно. Вера просит поцеловать.

Мы еще на Rosa Bonheur. В понедельник думаем перебираться. Отопления тут нет, но уже холодно, пишу тебе сидя в пальто.

Сегодня подали письмо от твоей Верочки моей Вере. Оно очень серьезно и интересно. С одним местом его я совершенно, однако, не согласен. Верочку огорчает душевное состояние Веры и она как бы упрекает ее за «ненависть». «Я думала, что близость к о. К<иприану> подняла твою душу на известную высоту».

Близость с о. К<иприаном> есть, но в вопросе о непримиримом отвержении зла и о. К<иприан>, и покойный о. Георгий, не сговариваясь, утверждают, что отвержение это необходимо — иначе будет равнодушие. Одно дело мстительность: ее у Веры нет. Другое — священный гнев — гнев на зло. Думать же, что зла «уже нет», это значит закрывать глаза на жизнь — или, находясь слишком вдали от источников сообщения о родине, — просто меньше, чем мы, знать о происходящем там. Нет, зло не кончилось. Нет, масса палачей и существует и торжествует. Нет, прощать за себя много легче, чем за других.

Впрочем, ты, автор «Окаянных дней», вряд ли особенно станешь возражать.

Нынче обедает у нас Л. Л. — Завтра он уезжает — в Псковскую губернию, будет работать по народному образованию с двумя петербургскими профессорами — один из них, молодой, ученик В. Б. Долго ли проработает? Это другой вопрос. Но считает, что все равно будет работать среди русских в Германии — их сейчас там очень много и они в «просвещении» очень нуждаются. А если, мол, придется погибать, то лучше там, чем тут. Такой его взгляд.

Писала ли Верочке М. А. о том, что петелевскую церковь

---

[1] «водки» . «и еще по одной!» *(фр).*

митр<ополит> Сергий Московский запретил? Их подвел Сергий Западного края (Литва, Латвия, Эстония) — тем, что основывал семинарии, открывал церкви и пр. с разрешения оккупационных властей. Сергий Московский этого не потерпел и теперь М. А. изъята из «патриаршей» церкви.

Племянница Веры Аня приехала с детьми в Прагу к Оле. Прислала уже моей Вере прекрасное письмо. О своей жизни в России пишет, что кончился «25-летний страшный сон». Дядечка, это далеко от маниловщины, очень теперь, увы! распространенной.

Обнимаю тебя сердечно. Господь всех Вас храни.

Ваш всегда *Борис.*

P. S. Петелевцы, по-видимому, свою неприятность скрывают. Целуй Верочку.

150. И. А. Бунину. 17 ноября 1943. Париж

17.XI.1943

Милый друг, вчера получил и русский текст — сердечно благодарю. Французский уже прочли оба мы, с большим удовольствием. По-русски прочел еще только первую главу — разумеется, гораздо лучше. (Думаю, что все, что касается пейзажа по-французски вообще пропадает. Гроза в пятой главе *должна* быть написана по-русски.) От перевода остается такое ощущение: ты, но в тумане каком-то, несколько расплываешься, местами даже тебя теряешь.

Разумеется, одной «Натали» для книжки мало. Но с добавлением других рассказов, думаю, вполне хорошо. Во всяком случае, на днях иду к Sorlot, покажу ему твои и свои товары и объясню все. Дам ему твой адрес и если дело пойдет, то об условиях материальных ты уж списывайся с ним сам. Кстати, инициатива насчет тебя была *его,* он первый заговорил, я, разумеется, горячо его поддерживал, но собственно твое имя и положение в литературе более чем достаточно сами за себя говорят.

Время твоей Нобелевской премии всегда вспоминаю с большим удовольствием — как праздник. Сам я никогда на нее не рассчитывал, соперничества с тобой никогда у меня не было, потому и отравы никакой я в сердце не носил. Вот Мережковскому приходилось туго — но и это все пустяки: подумай, осталась от него могильная плита, памятник с копией иконы Рублева на кладб<ище> St. Geneviéve des Bois — и все (ну, книги, конечно. Говорю о нем *физически).*

Пишу уже из Булони. Говорят, до весны будет тихо. А другие говорят — и вообще тихо, т<ак> к<ак> разрушать больше нечего. Посмотрим. Топлю печку, сейчас у меня тепло. А откуда переехали, там уже холод, нетоплено. Думаю о тебе, как там ты будешь мерзнуть! Господь тебя храни, дорогой мой, целуй Верочку.

Твой всегда *Борис.*

P. S. Как только что-ниб<удь> выяснится, напишу.

151. И. А. Бунину. 28 ноября 1943. Париж

38, rue St. Lambert, Paris (15) *28.XI 43*

Дорогой мой Иван, все восемь рассказов твоих получил и, разумеется, тотчас прочитал — с известною даже жадностью. Думаю — лучшие из них «Натали» и «Руся». (Мне, по крайней мере, более всех понравились.) Руся очень своеобразный облик девичий, очень остро и ярко написанный. И болото превосходно, и картуз, и ночь — ты понимаешь. В «Натали» — особенно вторая часть и общий тон, вообще по впечатлению эта самая «весящая» вещь из всех, ею справедливо было бы открыть книгу. В «Тане» прекрасна деревня, зима, да и Таня сама очень жива и мила, в «Генрихе» — путешествие и конец очень хороши. — Дядечка, скажу правду: все «межножья», штаны с разрезом, менструации, Зойкины жопы дела не укрепляют. Ты знаешь, я никак не prude[1] и сам многогрешный человек и много на своем веку «поработавший» — все-таки говорю: литература от этих подробностей не выигрывает. Трудно писать, я ведь не критик, не Белинский, надо бы поговорить, а то ты неверно можешь меня понять. Добавлю только еще, что все сказанное относится к *эстетике,* а не к морали.

Итак, получается том рассказов. Нынче были мы у Зинаиды и Злобин сказал мне, что Sorlot, которого он только что видел, ждет моего посещения с товарами моими и твоими — разумея под этим *романы.* (К рассказам, ты знаешь сам, издатели иностр<анные> всегда холоднее.) Но я вполне надеюсь — объясню ему, что, кроме тебя, как имени и фигуры, это читается все с *большим интересом* (что совершенно верно! Движения и занятности в этих твоих вещах больше, чем в прежних, читаются они увлекательно).

Одним словом, посмотрим. Думаю, только, что все это будет довольно долгая канитель — сужу по «Тургеневу» моему, из-

---

[1] Притворно-стыдливый, разыгрывающий добродетель *(фр)*

дание которого решено, но тянулось это более 2-х мес<яцев> и договор все еще не подписан. Все эти издатели, с одной стороны, очень любезны, но в сущн<ости> глубоко ко всему равнодушны. Хорошо еще, что у нас есть так называемые «имена» — иначе совсем бы трудно было добиться чего-нибудь. (И потом, они все «accables de travaie[1]...» сколько книг, писателей, договоров!)

Пишу тебе от Наташеньки, мы здесь прожили 12 дней, завтра въезжаем в квартиру Вышеславцевых, покидающих Париж minimum на 6 месяцев. Еще одна *не своя* квартира! С 4-го апр<еля> мы тем только и занимаемся, что странствуем. «Человек с чемоданом» в метро — это я. Но что поделаешь, нашей Растеряевой улице опять грозят. Кто может, утекает оттуда. Нам многие тамошние завидуют, что есть куда перебраться.

Письмо, где ты пишешь, что сидишь днем с завешенными окнами и при электричестве, навело на меня печаль. Но хорошо понимаю, что такое холодище! Вообще, кажется, нам надо друг друга по-братски жалеть, да и не нас одних, а чуть не половину человечества — но на это сил не хватает.

Зинаида стала очень старенькая. Показывала толстую исписанную тетрадь — пишет жизнь Дм<итрия> Серг<еевича> — 52 года вместе! Во всяком случае это для нее отличное занятие. Книга выйдет по-французски. Тэффи видим очень редко.

Обнимаю тебя и целую, очень рад, что ты жив и пишешь, что в тебе нет равнодушия, в твои годы это замечательно. Темперамент твой во всякой строке чувствуется. Да, ты спрашиваешь, что я пишу. Ответ: мало. Я переезжаю. Вожусь все еще с «Глебом». Осталось совсем мало дописать, но дело идет медленно. Кроме того, записываю иногда кое-что. Получаются «горестные заметки» — называются «Дни».

Господь тебя храни. Целуй Верочку.

Твой *Борис.*

---

[1] Перегружены работой *(фр)*.

152. И. А. Бунину. 3 декабря 1943. Париж

3.XII.43.

Дорогой мой Иван, сегодня был у Sorlot со своими и твоими товарами. Он сказал, что «очень заинтересован». Если бы рукопись твоя была «роман», он, разумеется, взял бы мгновенно, не читая. К «новеллам» все они неск<олько> холоднее, все же

думаю, что возьмет. Такого же мнения и Chuzeville (ты его, вероятно, знаешь — известный литератор и переводчик, работающий и с Ed<itear> Balzac.[1]).

Я передал ему (Sorlot) «Nathalie» по-французски, показал остальные новеллы, объяснил, что это — часть книги. Что кн<ига> будет цельная, в нек<отором> смысле «роман», разбитый на главы с отдельн<ыми> названиями. Дал ему твой адрес и сказал, чтобы он сам тебе написал — на что он и ответил утвердительно. «Я могу сейчас же напечатать его новеллы, если он даст мне еще роман». На это я: «Не знаю, есть ли у него роман и может ли он — если нет — взять перо и сразу же написать. Осведомитесь у него сами». По-моему, он через минуту и забыл сам об этом — так, мне кажется, сболтнул.

Вот как будто пока и все. Будем ждать. Из своего я дал «Путешествие Глеба» и «Афон» — последний по рекомендации Шюзевилля. Тот убеждает S<orlot> выпустить серию pélérinages[2] и вообще путешествий по малоизвестным местам. Мне S<orlot> сказал, что такую серию он действительно не прочь устроить. (И когда я эти строки написал, то подумал о «Тени птицы»: если он действительно намерен издать такую «collection»[3], то почему бы и нет? Он упоминал, между прочим, о Зинаиде Ник<олаевне>, у нее есть «Поездка на Светлояр» — давнишняя штука, печаталась, кажется, еще в «Новом Пути»).

«Глеба» я дал первую часть. Очень мало надеюсь, чтобы это прошло — какое дело французам до какого-то русского мальчика, Людинова, пожаров, лосей? А все-таки дал. Рискую только тем, что не возьмут — и Бог с ними. Я стал вообще равнодушнее, на положение литературы и писателей смотрю безнадежно, поэтому мало что может огорчить. А выйдет, тоже плясать не буду.

Вот с «Тургеневым» как будто вышло (Ed<iteur> Balzac); во вторник подписывать договор, но пока его еще нет и аванс не в кармане, надо быть осторожным. Все равно, общее настроение жизни — против художников, искусства, поэзии. Мода на русских случайна и ничего не доказывает. Товарищ Сталин оказался нам союзником! И поддержал.

Пишу с нового места — мы в маленькой, чистой, светлой и очень теплой (центр<альное> отопление!) квартирке Б. П. Вышеславцева, уехавшего из Парижа с женой на ½ года, а может, и больше. Место неважнецкое — вблизи метро Conven-

---

[1] Издательство «Бальзак» *(фр)*
[2] паломнических путешествий *(фр)*.
[3] серию книг *(фр)*.

tion. Все же гораздо лучше нашей Thiers. И менее опасный район. Так что пиши теперь: 38, rue St. Lambert, Paris (15).

Господь Вас храни всех, мои дорогие. Обнимаю сердечно.

Борис.

Слышал, что Зуров болен. Передай ему мой привет, сочувствие и добрые пожелания. От Веры также.

153. И. А. Бунину. 17 декабря 1943. Париж

17.XII.43

Дорогой дядечка, очень сожалею, что так вышло. Причина мне не вполне ясна — м<ожет> б<ыть>, ты хотя бы намеком дашь мне понять, в чем дело? — Медленность у них — обычная, всюду по-видимому, так. Все они завалены работой, хлопотами. Но должен сказать, что сегодня не месяц, а ровно две недели, как я передал твою рукопись и свои книги. («Тургенев» мой два месяца лежал у Balzac'а и только на днях мы подписали договор и я получил аванс — 7 тыс.) В том, что рассказы твои не сразу попали к издателю, виноват я, извини меня этой ерундой с переменами квартир, еще разн<ыми> мелк<ими> обстоятельствами — но я запоздал и с собств<енными> книгами: в общем ты знаешь мой «неторопливый» характер и обломовскую родословную.

Сегодня зашел к Sorlot. Его самого не было, передал его помощнику твое решение. Литератор с бородой, в беретике, с трубочкой во рту, как у покойного Донзеля, с умными глазами (видимо, тоже помощник по литературной части), сказал мне, что «Nathalie» он прочел, это ему понравилось. «Но думаю, что переводил русский, хорошо знающий французский язык. Это недостаточно по-французски». По правде говоря, я и не надеялся, что перевод хорош. Так как хозяина не было, то рукописи я не мог получить (пока) — но сказал, чтобы ее отложили, я потом зайду.

Вот, как будто, и все. Да, «Речной трактир» получил, большое спасибо. Если не лень, пришли еще что-нибудь, для меня всегда большое удовольствие читать твое писание.

Обнимаю сердечно. Верочку также.

Твой всегда *Борис.*

P. S. Отец Андрея лежит в клинике, ему будут делать операцию простатита. Если ты часто сикаешь, то пусть доктор посмотрит — запускать не надо, это теперь лечат и без операции, но если вовремя захватить. А Влад<имир> Францевич, как истый семидесятник, вообще ни о чем таком не имел понятия и дожил до недержания мочи.

154. И. А. Бунину. 30 декабря 1943. Париж

30.XII.43

С Новым Годом, дорогой мой Иван, дорогая Верочка! Завтра ровно 20 лет как я въехал в Париж — и в тот же день вечером был у вас на 1, rue Jacques Offenbach: вы тогда жили внизу. Да, целая полоса жизни прошла — да и жизнь, собственно, прошла. Что нам готовится для финала? Ты, Господи, веси.

Иван, ангел мой, перебирайтесь к нам сюда! Все твои друзья здесь на этом сходятся. Главное, ведь у тебя есть квартира. А тут все-таки легче. Все мы питаемся теперь более или менее прилично, в смысле отопления в Париже стало гораздо лучше, вообще, по-моему, условия не сравнимые с югом. На днях я был на мал<ом> обеде «Возрождения» — мы заплатили по 73 фр<анка> с человека, вино с собой захвачено было, водка местная. Говорил я много о тебе с капитаном, который трогательно тебя любит, корит и волнуется, и жаждет, чтобы ты сюда переехал. «Мы его здесь устроим, все у него будет, он ни в чем не будет нуждаться». Я лично тоже в этом уверен.

Третьего дня был я у Sorlot. Он купил у меня перв<ую> кн<игу> «Глеба», условия неск<олько> лучше, чем у «Balzac» с «Тургеневым». Деньги выложил сразу на бочку, аванс больший, чем там. Сговорились об условиях — «а текст договора я пришлю вам на днях». Первый раз вижу, чтобы франц<узский> издатель давал деньги до договора.

Видимо, был огорчен, что ты берешь назад рукопись. Спрашивал все — почему? Я не мог удовлетворить, объяснить. (Предположение есть — «разные психологии» — но б<ыть> м<ожет>, и не так?) Выйдут эти книги нескоро — «Т<ургенев>» не ранее как через год, да и «Глеб» вряд ли раньше, т. е. — надо думать — по окончании войны. Сейчас выпуск книг здесь связан с известными затруднениями (бумага, разрешение и т. п.), но издатели *все* этим не смущаются, ибо не вечно же люди будут драться.

Завтра встречаем Новый Год с Верой вдвоем, есть водка, немного рому, чокнемся за вас, мои дорогие, и всей душой пожелаем, чтобы Пасху встречать вместе здесь. Господь вас храни! Вера целует.

Б.

155. И. А. Бунину. 22 января 1944. Париж

22.I.44.

Дорогой мой Иван, да, Балтрушайтис скончался, от воспаления легких (а там как-то открылся «склероз легких» — все

это малопонятно, но подействовало быстро). Что ты узнал о его смерти поздно, не удивительно, Грасс далеко. Но что я услыхал об этом через неск<олько> недель после похорон — это меня несколько ранило. Никто не дал знать! А ведь мы москвичи, знакомы сорок лет, всегда были в добрых отношениях.

Видимо, ты не получил одного моего письма — оно было отправлено дня через три после письма Веры и приблизительно такого же характера (если отбросить только разницу темпераментов). Так же, как и Вера, буду рад, если переберетесь сюда. И так же, как она, тебя люблю.

На днях пришло письмо от Галины. Они обе у Ф. А., живут, по-видимому, неплохо. Марга «готовится к весеннему концерту», недавно работала по устройству художественной выставки. Галина ведет хозяйство престарелой профессорской четы.

Завтра читаю у Ставровых главу из «Глеба». В то воскресенье читал на собрании в память о. Георгия (10 лет со дня смерти) на Токио, знаешь, где устраивались разные вечера. Но в общем все тихо, конечно, никакой литературы нет. Есть несколько милых и приятных людей — вот в четверг обедали с о. Киприаном (твоим большим почитателем), Мочульским и Таганцевым у Вас<илия> Борисыча. Потребляли мар из Бюсси. В. Б. постарел и довольно печален. Мочульский оправился, слава Богу, от тяжелого плеврита, сильно его измучившего в начале осени.

Рассказы последние из полученных: «Антигона», «Визитн<ые> карт<очки>» и «Гость». По просьбе Нат<альи> Ив<ановны> дал ей читать (все). Они сейчас у нее.

Обнимаю тебя, дорогой друг, которого (если б даже и захотел) не мог бы разлюбить.

Твой всегда *Б.*

Целую Верочку.

156. И. А. Бунину. 12 февраля 1944. Париж

12.II.44

Дорогой Иван, стихи твои имеют большой успех. Прочел вслух Марье Александровне — влажные глаза. Потом Наташа пришла, опять прочел, опять затуманенные слезой глаза. Такая же картина с Наталией Ивановной, вчера, в день моего рождения (Жуковскому минуло ровно 161 год, а мне 63, вот ты и считай, насколько он меня старше).

Милый дядечка, стихи прекрасные и без всяких женских слез.

Насчет Нат<алии> Ив<ановны>: она сама просила меня дать твои рассказы. Разве я мог отказать? Да ведь ты же сам одно время не возражал, чтобы они были напечатаны по-французски. Конечно, она *против содержания* некоторых из них, но она тебя любит так же прочно и верно, как и мы с Верой. Впрочем (она сказала) — сама будет тебе писать. При всем том, если я сделал неприятное нечто, то прости великодушно.

Квартирой новой мы довольны — светло, тепло и довольно приятное выражение лица у нее. Алерты надоели: чуть не каждый день. Но теперь это уже общая участь. У Веры за последнее время ослабело сердце. Давление 10. Принимает строфант, камфору. Органического ничего ни в сердце, ни в аорте, но «большая утомленность». Надо бы много лежать. Но по теперешней жизни это трудно, сам понимаешь. (Да и характер не тот, тоже понимаешь. Все бы куда-нибудь побежать, с кем-нибудь поговорить.)

С М. А. живем очень дружественно (тьфу, не сглазить!), она часто заходит. В алерты спускаемся к ней в первый этаж — у нас седьмой и над нами *прямо* небо. В общем же жизнь, как и у всех, под знаком *полной неизвестности* Но я на 64-м году жизни своей ни о чем таком и не думаю. «Птички божия», говорил иронически Марко Богатый. Может быть. Ну, какие есть. Обнимаю, целую тебя и Верочку.

Борис.

157. В. Н. Буниной. 16 февраля 1944. Париж

16.II.44

Дорогая Верочка, спасибо тебе, милый друг, за память. Одиннадцатого числа у нас была Нат<алия> Ив<ановна>, принесла мне винца, галстук, носки. Еще одни москвичи — Зубаловы — рому. Вечером обедали Наташа с Андреем. Очень было мило — и перед этим за день было «предпразднество» — в другой комбинации, немноголюдной, но с возлиянием бардзо смачным (вплоть до бутылки шампанского, к которому, впрочем, я равнодушен).

Одним словом, сколь возможно развлекаемся. (Но в общем живем тихо, вечерами все больше дома. Да теперь в темноте так грабят и раздевают на улицах, что просто прелесть.)

Рад, что для Лоло собрали. Венгеров обещал мне, что пошлет тоже. Я, впрочем, нахожу, что в подобных случаях деньги всегда находятся, да и у «подсудимых» большой опыт и неослабная энергия. Обломовщины в них никогда не было.

Сегодня хоронят Елену Бальмонт. Она на год, значит, пере-

жила мужа. Умерла тоже от воспаления легких. А сейчас подали пневматичку — скончался Жак. Освобождение! Его жизнь последн<ее> время стала совсем ужасной: вот уж «живой труп». Вера везет ему сейчас смертную рубашку, еще что-то.

Довольно давно уже сижу в Достоевском. Все подряд перечитываю. Наряду с нек<оторыми> нелепыми ранними вещами открывается все тот же гигант, единственный соперник Толстому, писавший почти все *вопреки* основным правилам художества и давший великие произведения — вершина, разумеется, «Карамазовы». Вся жизнь его, вся мука и мучит<ельное> писание, падение, рост — все, чтобы написать «Карамазовых». Нет другого русск<ого> писателя, который бы так «рос» и укреплялся с годами, как Достоевский. «Чужая жена и муж под кроватью» — а за 3 мес<яца> до смерти последняя строчка «К<арамазо>вых»? Читаю (в рукописи) огромный труд Мочульского (900 страниц) «Достоевский». Выходит по-французски у Пайе. Очень интересно. Много для меня нового. Но и философии много. Я предпочитаю литературу. Обнимаю тебя, Ивана.

Твой *Бор. Зайцев.*

158. И. А. Бунину. 25 февраля 1944. Париж

25 II 44

Дорогой Иван, стихи твои получил и читал с волнением. Да, Торонэ! Чуть не двадцать лет тому назад, Пюжет, скромное красное вино, цикады, совы вечером — «виргилианское лето». Стихи отличные. По-моему, в новом для тебя роде. Странно сказать, Жуковский, твой родственник и меня опередивший на 161 год, смутно (на горизонте) вспомнился. Вот тебя куда потянуло.

Как я хочу увидеть тебя! Приедете ли вы все сюда? Напиши мне, пожалуйста, потолковее. Я ничего не понимаю. Ждать вас тут или нет?

Вчера был у о. Киприана с Мочульским. Очень хороший вечер, на Сергиевском Подворье, в келье о. К<иприана> — он угостил нас ужином, говорили все о литературе. Он вполне «наш» (для тебя сказать даже: не любит Достоевского, за что я его крою).

Я же на старости лет перечитал почти все этого писателя, который писал *все наоборот* тому, как надо писать и что я люблю, и все же он *великий* писатель. Это удивительно. Если бы ты понимал что-нибудь в шахматах, я бы сказал, что этот

человек начинал партию белых ходом h2 — h4 (абсурд) и выиграл ее, все же. Но — с возраста 44—45 лет, после каторги. А до того в большинстве писал чушь. (Иногда и позже.) Вот и подумай: «полоумный» Достоевский, а *восходил* удивительно медленно и закономерно. Написал величайшее из данного ему («Братья Карамазовы») и через 2—3 месяца умер.

Ты его терпеть не можешь, я знаю. Но я тоже не могу уступить никому, даже тебе, того, что считаю огромным (хотя бы мне лично совсем чуждым. Вот я у Тургенева, у Чехова, у тебя бессознательно чему-то учился. У него ничему. Но это не значит, что он мал или плох).

Теперь дела домашние: в субботу выхожу из дому — и в 150 шагах на снегу лежит Вера — поскользнулась только что. Подбежал, поднял. Слава Богу, не сломала ни ноги, ни руки. Но ушиблась, и ты поймешь это чувство острой, мучительной жалости. Да еще хорошо, что так обошлось. В этот же день был в нашем доме (у М. А.) Серов, посмотрел ее. Температура поднялась. Неделю она не выходила, ушибла все же «пердячью косточку», а могла бы и сломать. Вот М. А. Маклакова как раз в этот день сломала себе бедренную кость. Я всегда считал, что автомобили, камионы и гололедица гораздо опаснее алертов.

Завтра собирается в первый раз выйти. Обнимаю тебя. Верочку целую.

Твой *Борис.*

159. И. А. Бунину. 9 марта 1944. Париж

9.III.44

Дорогой Иван, только что вернулся из Управл<ения> Дел<ами> Русск<их> эмигр<антов>. Принял меня Жеребков, заведующий учреждением. Завтра тебе высылается бумага от Управления на нем<ецком> языке, для представления местным нем<ецким> властям, которые, по мнению Ж<еребков>а, ходатайство твое о въезде в Париж *удовлетворят* — принимая во внимание твою славу, возраст, а также то, что в Париже у тебя собств<енная> квартира.

Жеребков уже ходатайствовал за эвакуируемых с юга и добился отсрочек, а для ниццких инвалидов — и полной отмены эвакуации. Все это я предпринял на свой страх, посоветовавшись только с Верой. Жеребков принял меня оч<ень> любезно и содействие его в дальнейшем, если понадобится, для меня несомненно. Мне кажется, что это правильный путь. Холод у нас в квартире ужасный, с 1-го марта не топят, $8^{1}/_{2}^{\circ}$. Потому

кончаю, руки мерзнут. Обнимаю дружески. Надеюсь скоро увидеться.

Твой *Борис.*

Да еще: это касается тебя и Веры. Говорил и о Зурове, но он сказал, что о нем должен уже ты хлопотать.

160. И. А. Бунину. 27 марта 1944. Париж

27.III.44

Дорогой дядя Ваня, сегодня Вере попалась твоя открытка, где ты просишь меня передать твои рассказы Тэффи — я и вспомнил, что хотя они давно переданы, а тебе я об этом в свое время не написал. Извини, что сообщаю с запозданием. Впрочем, она наверно написала уже тебе что-нибудь о них. Нынче первый день сижу в комнате без пальто. Весь март мерзли — до 1-го числа отопление было отличное, а потом ничего.

Очень жалею, что не придется встретиться, но, конечно, если там позволяют жить, то трогаться не хочется (в теперешних условиях).

Третьего дня вспомнил о тебе на Quais. У букиниста попалась твоя книга в переводе Шлецера, в отличном сафьяновом переплете, цена 250 фр<анков>! То, что раньше видел из наших с тобой писаний, стоило много дешевле. А на следующем лотке: «Onanisme, seul età deux, et ses consequences»[1] — целый трактат — 35 фр<анков> — Да, там чего-чего не встретишь! В хорошую погоду это меня несколько развлекает. Сейчас ищу 3-ий т. писем Флобера, свой собств<енный> «Guirlande dorée»[2] и «Сергия» (французского) — пока ничего не нашел. Когда ищешь что-нибудь определенное, очень трудно! Читаю «Эгерию» Муратова. Очень милая вещь, больше нравится, чем 20 лет назад, в ней частица благородной культуры, ныне разоряемой. Хотя книжка отчасти игрушечная. Что-то от забавы, от маленького театра марионеток. «Натуры», жизненности маловато. Но ведь он особенный какой-то литератор, очень уж книжный. Говорят, в Англии сидит в концентрационном лагере. Все теперь возможно. Когда Парчевский (находящийся в Алжире) посадит меня в конц<ентрационный> лагерь, то самое для меня будет плохое — как ставить клизму? В тамошних условиях, это трудновато. Значит, надо учиться жить без клизмы, а для таких застарелых констипаторов, как мы с тобой, это нелегко.

---

[1] «Рукоблудие, наедине и вдвоем, и его последствия» *(фр)*

[2] «Золотой узор» *(фр)*, роман Б Зайцева, изданный в 1933 г на французском языке.

С «Глебом» продолжаю возиться. Кажется, в этом году кончу — и ведь будет десять лет, как я над ним сижу. Три книжки, но небольших. И потом, знаешь, по-тургеневски: «Кладу перо!» «Довольно, довольно...» — по твоему другу Достоевскому: «Merçi, merçi!».

Вот и сейчас так же поступаю: ровно полночь.

Обнимаю тебя и Верочку.

Твой *Борис.*

Вера, слава Богу, от «падения» своего совсем оправилась. Целует Вас обоих.

161. И. А. Бунину. 4 мая 1944. Париж

4.V.44

Дорогой дядя Ваня, давно тебе не писал, а над твоим последним письмом помирал со смеху. Давно уж я заметил, что один ты способен — никак не будучи «юмористом» — доводить меня до гимназического смеха. А как бы я хотел, чтобы ты что-нибудь рассказал, изобразил бы какого-нибудь болвана-мужика (сразу становящегося милым сердцу) — так, чтобы я прыснул со смеху, как во времена Калуги.

Ну, где теперь скоро встретиться! Если бы ты и хотел сюда заявиться, я не очень бы тебя уж звал. 1-го мая было пять возд<ушных> тревог. А в полночь каждый день бомбардировка — если не самого Парижа, то ближ<айших> окрестностей. Д. С. А. грохочет, спать нельзя, сидим всем домом в погребе (чаще всего). Нынешней ночью не спускались. Я отворил окно, издали, как тяжелый горох, слышны были разрывы «связок» (chapelets[1]) бомб. Мерзко. Тишина, луна, и в 10 верстах убивают беззащитных людей. Да теперь еще демократы так придумали, что нек<оторые> бомбы разрываются с запозданием. Напр<имер>, люди засыпаны в подвале, но живы. Их начинают откапывать, в это время рядом взрывается бомба и убивает откапывающих. Следующий «экип» не очень-то хочет идти работать в этих условиях. И откапываемые погибают.

Вот. Ну, а если начнется высадка, можешь себе представить, что за музыка получится.

Запасов, конечно, никаких у нас нет — кроме, разве, воды, которую Вера с вечера напускает в ванну. Газ открыт только в опред<еленные> часы, т<ак> ч<то> утром надо кофе варить

[1] Цепь, ряд, одна за другой *(фр.)*.

до 8 ч<асов>, и т. п. Зиму в денежном отношении прожили свободно, благодаря «Тургеневу» и «Глебу». К июню проедим последнее и опять начнем худеть. «Глеб» переведен, рукопись была у меня. Переводчик изо всех сил старался, но, конечно, трудновато было передать по-французски, как изъясняется столяр Семиошка «кол ему в хрен», «кол ему в шишку» и т. п. Завтра рукопись должна проходить через комитет, дающий разрешение на выпуск. Издатель сказал, что это первая книга русская, какую они предлагают «цензуре». Вряд ли пропустят, по-моему. И правильно сделают. Лучше подождать конца войны — когда-нибудь он будет же. Вера бодра, хлопочет. На днях, бедная, опять упала, на этот раз вперед, ушибла грудь и бок — поскользнулась на стершейся деревянной подошве. Знакома уже со всем околотком, имеет большой успех. Только недолго им пользоваться — к июню возвращаются Вышеславцевы и мы должны будем отступить в Булонь. Но Булонь сейчас считается более безопасн<ым> местом, т. к. нет вблизи жел<езных> дорог и вокзалов, здесь же мы на границе «опасной зоны» (rue Vaugirard и все за ней к вокз<алу> и путям Монпарнаса). Начинаю перетаскивать книги обратно.

Наташенька тревожится за Андрея, да и мы, конечно: его могут забрать в Германию, или вообще на работу здесь! Вот еще удовольствие! Вчера более успокоит<ельное> известие — будто бы начнут с совсем юных, не так скоро дойдет черед... дай Бог.

Сейчас подали открытку от Галины. Марга два месяца лежит пластом, сильн<ый> ревматизм, от сырого дрезденского «клеймата», будто. Сама же Г. здорова и много работает. Вера из кухни кричит, чтобы я передал ее объятия и поцелуи тебе и Верочке. Я сам так же совершенно поступаю. Когда-то обниму вас обоих как следует!

Господь тебя храни, дорогой мой Иван, будь здоров и бодр, сколько можно.

Твой *Борис.*

P. S. Вера получила от Верочки письмо, ответит сама.

162. И. А. Бунину. 20 и 21 мая 1944. Париж

20.V.44

Дорогой друг, все четыре рассказа прочтены. Очень был рад. «Чистый понедельник» просто прелесть. По началу чуть вспомнилась Женя Устинова, дальше идет Dichtung[1], Москва,

[1] Поэзия *(нем.).*

старина и неумирающая в ней красота — написано с такой живостью и душевной. свежестью, что просто удивляешься. Точно тебе тридцать лет! Да, никакой вялости или апатии. Молодец. «Мадрид» и «Второй кофейник» очень милы, девчонки изображены с нежностью. Вообще, это «человеколюбивые» рассказы. Иван, ты оказался гуманистом на старости лет, а раньше любил иногда разоблачать (Алданов выше всего ставит «Петлистые уши». Но уж это типичный взгляд не-арийца на твое писание. Они никогда не понимали в тебе поэта, восхищающегося творением Божиим).

Над нами некоторые тучи — забирают Андрея в Германию. Банк за него хлопочет, чтобы оставили. Но, кажется, это нелегко сделать. Пока дана ему и еще четверым (из 80-ти назначенных) отсрочка до 1-го июня. Банк считает, что эти 5 ему необходимы (состоят при Дирекции), но... Одним словом, ищем всяких ходов, чтоб если и работать ему на войну, то хоть во Франции — ты понимаешь, как Наташа подавлена. Если он в Германию, то и она хочет с ним ехать, а в то же время не уверена, что их отправят на один завод.

Как это все осточертело! Кажется, никогда и не кончится. Вот и сейчас провыла сирена, на улице безмолвие, мальчишки из школы прошли к нам в подвал.

21.V.

Не дали вчера кончить. Под грохот выстрелов и бомб (но не близких) спустились в подвал. Холодно, сыро.

Опять сирена и выстрелы. Допишу ли на этот раз?

Вчера Вера была в Булони: надо туда возвращаться, иначе квартиру реквизируют и мы останемся совсем на бобах. От Вышеславцевых ни звука. Но если они не вернутся, то и эту кв<артиру> заберут. Одним словом, все темно и неясно.

Захворала Зинаида. Вроде удара. Плохо двигается рука и, кажется, нога. Видеть ее нельзя. Злобин при ней всегдашним стражем. Думаю на днях зайти к нему, порасспросить. Знаю обо всем от Берберовой, бывшей у него — он принимал ее в кухне.

Кончаю, мой друг. Невесело писать невеселые вещи, да и читать их, наверно. Вера велела нежно тебя поцеловать, и Верочку. Я вас тоже обоих обнимаю, целую. (Не хочется впадать в чувствительность, а тянет к этому.)

Твой *Борис.*

P. S. Успел. Отбой. Значит, пролетели только.

P. P. S. Пиши пока по этому адр<есу> — St. Lambert.

163. И. А. Бунину. 19 июня 1944. Париж

19.VI.44

Дорогой мой Иван, несмотря на всякие исторические события (осточертевшие вполне), начинаю с мирного и близкого сердцу: как же быть с твоими рассказами? Ты хочешь, чтобы твой «архив» был у меня — очень этому рад и постараюсь всячески все сберечь. «Чистый понедельник» находится у Тэффи и остальные второй группы тоже у ней — я передал по твоему распоряжению. «Вóрона» она мне дала. Условлено так, что эти расск. она возвратит мне. Но первая группа *вся* — у Михайлова, Тэффи отдала ему, так ты ей написал. Так вот: взять ли мне те рассказы у Михайлова, или хранить лишь последние шесть? Напиши. И если все должны быть у меня, то пусть уж Михайлов доставит их мне.

Мы по-прежнему на St. Lambert. В. написал, что пока не собирается возвращаться — да сейчас ехать сюда было бы и нелепостью. На днях отправились мы в Булонь на прежнюю квартиру. На дверях дома объявление: так как это une Zone trés dangereuse[1], то предлагают женщинам, старикам и детям по возможности отсюда выкатываться — распоряжение мэрии. Оказывается, анг<личане> сообщили, что будут громить мосты через Сену, от нас есть там недалеко захолустный мост (через него никто почти не ездит) — вот мы и попали в «зону». М<ожет> б<ыть>, и брехня; в сентябре грозились разбить и Quai de Javel, и Булонь, и Курбевуа, и ничего не разбили за целый почти год. Многое делается нарочно, чтобы вызвать волнение и анархию — а там кто их знает, м<ожет> б<ыть> и бабахнут.

Для нас это сейчас значения не имеет. Зимой же (если доживем) придется туда перебираться. Здесь нет угля вовсе, а там у нас хоть на 2—3 самых холодных месяца хватит. Впрочем, до зимы столько произойдет, видимо, событий, что загадывать рано.

Последние дни стало тише (тьфу, не сглазить!), а то по 5—6 алертов в день уж непременно. И ночью бывало. В большинстве — далекое дело. Все же видали разрывы шрапнелей в небе, сбитые аэропланы и пр<очие> прелести. Все это охотно я отправляю в сердце своем к маме — какой, ты догадываешься.

С едой становится совсем скверно. Молока нет, овощей нет, мяса нет, масло стало пропадать с началом высадки, вина почти нет. Есть хлеб. Газ сократили донельзя, грозят закрыть его

[1] Зоны особой опасности *(фр).*

вовсе и выдавать soupe populaire[2]. Мы начали опять худеть. Притом: 7-й этаж, при подъемнике это было отлично, а сейчас мерзко.

Была у нас Ляля — оч<ень> мила. Служит у немцев, но мало получает и мечтает о невозможном. Вера слабовата. Принимает строфант<ил>. Дядечка, против меня, через улицу, живет франц<узский> писатель — вот этот строчит! Мне видно, с утра до вечера надраивает на машинке. В роговых очках, здоровенный, рубашка с короткими рукавами — шестеро детей, а фамилия для многосемейного неподходящая: Ив Гандон. Вера говорит, что с таким именем даже неприлично наплодить столько народу.

Андрей в Париже. Видимо, не уедет — вышел какой-то циркуляр, чтобы банковских служащих не брать. Да за него и Банк, и немецкий офицер при Банке хлопотали.

Дождь, холодно! Дождя — «подай, Господи!» — и для хлебушка, и при дожде всегда меньше летают.

Обнимаю тебя, дорогой друг, и Верочку с нежностью. Вера целует.

Твой *Борис.*

---

[2] бесплатный суп для нуждающихся *(фр).*

164. Н. Я. Рощину. 9 июля 1944. Париж

9.VII.44

Дорогой Николай Яковлевич, я получил письмо от Зеелера, он оч<ень> просит прислать расписку в получении Ольденбургами денег, переданных через Вас. Будьте добры, подтолкните их, чтобы не откладывали. Ему необходимо для отчета.

Да еще: Иван просит и Вас, и Михайлова вернуть мне его рассказы. Он хочет, чтобы все его писание последнего времени собралось у меня. Вам он тоже, ведь, об этом писал?

Всего доброго.

Ваш *Бор. Зайцев.*

165. И. А. Бунину. 15 июля 1944. Париж

15.VII.44

Милый друг Иван, на днях был у меня Капитан и принес твои рассказы. Теперь все у меня (только «Чистый понедельник» у Тэффи. Я его тоже возьму). Письма твои тоже сохраняю.

Жаль, что живем тесно, нет хорошего шкафа, хранить приходится кое-как.

На днях Вере сделали небольшую операцию — на груди у нее был жировик и загноился. Образовался нарыв — огромный, жуткий по виду. Оперировал Дюфур в госп<итале> Неккер, под общим наркозом. Тягостно все это было! Особенно первые часы после наркоза. Дюфур-то сказал, что операция такая у них — пустяк, но ведь они все равнодушны предельно, хорошо им говорить, а для близкого человека все это совсем не пустяк. Наркоз, слава Богу, был какой-то новый, на сердце мало действующий. Все-таки потрясение организма, наверно, порядочное.

Сутки пролежала в госпитале, а потом привез домой. Сейчас оправилась совсем, ходит на перевязки, да и то, видимо, пойдет в последний раз. Но слаба. (Как и ты, я тоже не герой — именно по силам.)

Сегодня был в Сергиевск<ом> Подворье, отпевали скончавшегося о. Сергия Булгакова. На Daru в эти же часы отпевали писателя Корсака. Тэффи тоже продала (как и я книжку рассказов издательству Сорло. Мои обе переведены, но когда выйдут, неизвестно, разумеется. Сейчас не до них. Тэффи почти никогда теперь не вижу — так вышло, что не встречаемся. Зинаида неск<олько> оправилась, но видеть ее все же нельзя.

Вот, в заключение — более веселое: Яблоновский женится. Я почему-то всегда называю его Чиркин (так, в своем сердце: он для меня Чиркин). А вот он и размахнулся своим «аргументом». (Сестра Веры, Надя, называла почему-то член аргументом). Впрочем, брак этот более хозяйственный, чем эротический: невесте 57 лет, она хоть и девушка, но, видимо, будет при нем более как сестра милосердия — да и по кухонной части. Он, разумеется, здоровьем не крепок. Как бы то ни было, первая реакция на известие это у всех — улыбка. Но он в таком восторге от себя самого и всего, что делает, что этой улыбки не чувствует. Вера знает немного невесту. Говорит — отличная, жертвенная девушка. И тоже очень одинокая. Вот и будут две одиночки вместе.

В Бюсси нынче не едем, хотя званы. Невозможно, по-моему. Жить осталось, конечно, немного, и хорошего ничего впереди не вижу, все-таки сразу подставлять себя под бомбы, аэропланы, пулеметы и пр. — невесело. Не можешь себе представить, что творится на дорогах вокруг Парижа! В. Б. все же собирается. Не знаю, удастся ли ему.

Обнимаю тебя, дорогой мой Иван. Господь тебя храни, целуй Верочку. Твой всегда *Борис.*

P. S. Рад, что у Вас (пока) спокойно.

166. И. А. Бунину. 25 июля 1944. Париж

25.VII.44

Дорогой мой дядечка, вчера — твое письмо, очень нас расстроившее. Ну, что это за жизнь! Прямо беда. Неужели же нельзя никак освободиться? Просто неслыханно. Тебе нужен покой, любовь, ласка, и вдруг... нет, писать дальше не хочется, впадаю в раздражение — и чувствую бессилие: что я могу сделать?

Мое предыдущее письмо ты, наверно, теперь получил и об операции Веры знаешь. Все благополучно прошло и она давно уже дома. Но, конечно, сил мало. Насчет стрельбы не тревожься — пока ничего особенного. К алертам привыкли, даже Вера теперь к ним равнодушна (вот сейчас как раз гудит отбой, а за неск<олько> минут до того шла сильная трескотня, истребители носились, «как с цепи сорвавшись»). В воскресенье впервые не было вовсе метро — по воскр<есеньям> теперь оно не ходит. Электричество зажигают в 11 ч<асов> веч<ера>, т<ак> ч<то> последн<ий> час сидим (второй день уже так) в темноте. Но чем дальше пойдет осень, тем эта пещерная жизнь будет все сильней чувствоваться. Главное опасение: могут вовсе закрыть газ. Тогда, знаешь, как в тюрьме: хлеб да вода. Общественные эти супы такая гадость, что и в рот не возьмешь! О чем говорить, когда в госп<итале> Неккер Веру кормили так, что она почти ничего есть не могла. Вообще о зиме лучше не думать. Да мы мало и думаем, по правде сказать. Я теперь вообще ко всему готов: болеть так болеть, умирать так умирать. Меньше всего хотел бы попасть в лапы к сволочам — но там все равно скоро помрешь.

А пока что лечусь. Раз в неделю мне делают впрыскивания. Это, чтобы предстательная железа не росла. Чтобы операции избежать. Может быть, и избегну. Но представь себе условность жизни: приходит интеллигентная дама, мы разговариваем об о. Сергии Булгакове (скажем), она в это время промывает шприц, набирает в него нужную кляповину (вытяжку из яиц каких-нибудь кроликов или крыс), я же покорно расстегиваю штаны и, обнажая зад, ложусь ничком. И она с великим хладнокровием вонзает мне булавку прямо в жопу! Вообрази, если бы я в гостиной спустил брюки и показал бы ей зад? А тут все хорошо, спокойно... с внешней стороны. (Остается все же чувство маленького унижения!) Что делать! При операции еще хуже. Вышеславцев рассказывал, как равнодушно молоденькие энфирмьерки[1] переворачивали ему, при промываниях, самые непри-

[1] Сестры милосердия (*фр.* infirmieres).

чинные места — не то, что общий пейзаж моего зада, которым ограничен кругозор Доры Павловны.

Милый друг, у меня твоих рассказов 15 №№, а ты прислал список — там 50. Но я остальные не получал.

Обнимаем оба, целуем нежно, тебя и Верочку.

Борис.

P. S. Насчет «живительной влаги» могу только завидовать. И по-моему, надо не «немножко», а как следует. У нас с этим очень плохо.

167. И. А. Бунину. 28 октября 1944. Париж

28 X 44

Дорогой друг, вот наконец можно написать тебе по-человечески! Понемногу жизнь тут вообще налаживается (говорю о поверхности ее, быте): дали электричество, газ, на улицах вечером стало неск<олько> светлее — вот такие штуки, которые уже радуют. Вообще Париж сейчас живей. Появляются новые люди, получаем новые письма. Вчера обедал у нас лейтенант Gabriel Mouratov, из Марокко. Приехали Аминадо, Долгополов, Михельсон. Из Лондона письма от Элькина, Яльмара (это внучат<ый> племянник Веры, сын Машеньки Полиевктовой — норвежец, сбежавший от немцев в Англию).

Подумываем о дне, когда с тобой, с Верочкой можно будет в Париже чокнуться — к тому времени вино уже будет (сейчас его нет: в бистро стаканчик маленький дернешь — 12—14 франков. А дома вина не видали с июля).

Имей только в виду, что с топливом плохо. Угля в Париже совсем нет. Зимы все боятся. Газеты пишут, что на выдачу частн<ым> лицам зимой нельзя рассчитывать. А проезд? Долгополов ехал четверо суток встоячку. Где же это тебе проделывать! Очень грустно, и кажется, спешить не приходится.

Мы находимся в «маневрировании». На днях переезжаем в Булонь, там осталось немного угля, можно будет ноябрь и часть дек<абря> держаться. С половины дек<абря> опять сюда — тут консьержка ухитрилась с весны запастись углем на 2 мес<яца> топки. Значит, до половины февраля здесь центр<альное> отопление. А там опять на rue Thiers — и уже окончательно.

Я теперь больше люблю Булонь, чем эти места. Тут много пришлось видеть тяжелого, дядечка, когда встретимся, то поговорим вволю! А писать трудно.

Письма твои получены все, разных времен. Одно из них очень, очень нас взволновало, ну, да об этом тоже при свидании...

Во всяком случае ты знаешь, как мы тебя оба любим. Этим главное сказано.

А ведь от Марко Богатого слушок — он и Федотов собираются возвращаться. Вот мы с тобой и с ним, однажды в весенний парижский вечер и хлопнем чего-нибудь на террасе кафе! К тому времени, уж надеюсь, подвезут нам reconfortant[1] из южных краев. И пусть Марко говорит свои любезные вещи под коньячок («Иван Алексеевич, ваше гениальное произведение». «Борис Константинович, в Америке очень интересуются вашим «Глебом»...).

Знаем мы, как в Америке интересуются, а все же «Глеба» этого я кончил. Дописывал под треск пулеметов, ружей, всякой дряни. (Вернее сказать: переписывал конец — вчерне было уже сделано.) Значит

«Миг вожделенный настал: окончен мой труд многолетний».

А сейчас занялся родственничком твоим, Жуковским. Мне приятно, что он вовсе не Жуковский, а Бунин, и о Белеве этом я с детства знаю — одним словом, все свое. Собираюсь о нем писать, вроде как о Тургеневе — но, кажется, более панегирически (особенно как о человеке): поживем, увидим. Книг здесь маловато, для этого надо бы отправиться в *Пе-тер-бург*. Не так-то легко.

Теперь семейный отчет: Вера, слава Богу, бодра. После операции вполне оправилась. Разумеется, нервный был конец августа (вернее — весь август), все мы похудели тогда, теперь понемногу отходим. Наташа работает 2 раза в нед<елю> в Маклаковском ком<итете> по отправке посылок в Дранси, арестованным русским. Начали давать уроки русского языка. Андрея — слава Богу! — тогда не услали в Германию, а на волоске дело было, и перед самым шапочным разбором. Вообрази, какая радость была б для Н<аташи>, и для нас, и для него, если б он обтачивал сейчас какие-нибудь кольца к снарядам в Дюссельдорфе или другом подобнокляповском месте! За него тогда много молились Николаю Чудотворцу, и молебен у нас служил о. Киприан — в последнюю минуту спас, уже день отъезда был назначен и четверо банковских уехали, а ему пришла отсрочка. (Две недели он с Нат<ашей> жил у нас в Булони, вроде как в maquis[2], потому что и отсрочка кончилась, его могли опять взять, но тут уж подошли «события» и стало не до того немцам.)

---

[1] взбадривающее, укрепляющее *(фр)*.
[2] маки́ *(фр)*, партизаны.

От Верочки письмо к именинам моим дошло только теперь, очень целую ее и благодарю, прекрасно она написала о Преображении, мудро и живо. О. Киприан кончает огромный труд о св. Григории Паламе, это был богослов византийский 14-го века, писал именно об этом, о преображении человека, свете Фаворском. О. Киприан тоже оч<ень> любит праздник Преображения.

Итак, довольно. Старик заболтался. Да, еще: Муратов Павел жив, в Лондоне, пишет на разн<ых> языках и о разном (диапазон: от описаний частных коллекций до войны немцев с советами). Но *болен*. Болезнь сердца. Это, я считаю, дело серьезное и грустное.

Обнимаю вас обоих, дорогие мои, надеюсь обнять (более или менее скоро) и в действительности. Вера целует нежно.

Ваш *Борис*.

P. S. Пиши, пожалуйста. Рассказы твои все теперь у меня.

168. И. А. Бунину. 8 ноября 1944. Париж

110, rue Thiers, Boulogne s/S. *8.XI.44*

Дорогой мой дядя Ваня, пишу со старого пепелища, из Булони. Тут остался уголь, топлю печку, все как-то веселее. Да и вообще *свой* угол. Книги свои (их понабралось порядочно!), ты в 5-и томах и в хороших переплетах, я сам, Марко, Шмулевич, одним словом, старина. Сейчас у меня на столе фотография нашей «Среды» с Телешовым — я тоже, брат, вычитал в «Humanite», что он праздновал 60-летие лит<ературной> деят<ельности> и получил орден. Лишний раз порадовался за себя, что не остался там, хоть прожил тут 22 года вольным казаком! И помереть бы хотел вольным. В свое время Коган соблазнял в Москве оставаться, денег сулил, переиздание «Дальнего края» — ни с чем отъехал. Теперь немцы (через русских) звали сотрудничать — им тоже дулю показал. Слава Богу, и без них прожил. Обойдемся и без трудового знамени.

Взялся я сейчас за Жуковского. Читаю довольно много, ищу книг, хожу в Библиотеку (Ecole des Langues Orientales[1]). Хочу написать его жизнь. Замечательный человек! И родился-то в Белёве (все для меня свое: Белёв в 50 вер<стах> от Устов и Людинова), и отец у него был Бунин, и в Москве учился, и по Риму с Гоголем, как полоумный, бегал. Ты подумай, кто его любил: 1) Пушкин, 2) Гоголь, 3) Тютчев, а поближе к нам —

[1] Институт восточных языков *(фр)*

4) Блок, 5) Вл. Соловьев — ты не любишь Блока, а все-таки компания «изрядная».

Про Лялю мы нарочно не писали — чтобы вас не расстраивать. Издевательства были большие, и над ней, и над Натальей Федоровной. И все зря. Ляля все еще сидит... Хлопочут о ней все, вины за ней никакой, а она сидит.

Я ненавижу человечество
И от него бегу спеша,
Мое единое отечество —
Моя пустынная душа.

Кто это сказал? Бальмонт, разумеется, но довольно правильно. Мне очень опротивели те места, где мы жили во время ее и других русских бед — поэтому, м<ожет> б<ыть>, даже безмолвная Булонь кажется сейчас милее. Здесь насилий вообще было меньше. Тут много развалин, кладбищ, много людей погибло тоже от человеческой ярости, но в ином порядке.

Бахраха пока не видали. Зато Полонские приехали. Ляля был у нас — вырос огромнейший, очень умен, изящен и скромен — редкая черта в его расе. Завтра придут к нам «старые» Полонские.

Тебя и Верочку не увижу здесь раньше весны: замерзнете. В сегодняшней газете сказано с торжеством, что в нач. декабря дадут по 50 kilo угля — далеко не уедешь! Итак, до весны. Обнимаю Вас обоих, дорогие мои, Вера уже спит, но ложась велела поцеловать.

Твой *Борис.*

P. S. Много ли собрал тебе капитан? Он зимой тут орудовал.

169. И. А. Бунину. 17 ноября 1944. Париж

17.XI.44

Дорогой Иван, рассказы твои получил, сердечно благодарю. «Холодная осень» прямо прелесть! Чудесно. Мы оба читали с великой радостью. И вообще очень приятно было все получить и прочесть (нелепица сказочная очень мила в солдате).

Вот что, ангел мой: здесь устраивается литер<атурно>-музыкальный вечер в пользу русск<их> пленных (инициат<ивная> группа: Тэффи, Чекунов, Маковский, я, артистка Кострова и др.). Не разрешил ли бы ты прочесть эту вещицу? По-моему, отлично было бы. Кто бы читал? Это вопрос. Но хорошего чтеца найдем, да и вещь сама за себя постоит. Вечер как будто

все о России. Как будто мое небольшое вступит<ельное> слово — о милосердии. Разумеется, все чисто «литературно-артистическое», без всяких «политических» уклонов. Претензий тоже особых нет, м<ожет> б<ыть>, выйдет все это серо, вполне возможно, вот и хотелось бы дать такое, из настоящей большой литературы, как твое писание, — это и подымет очень тон, и вообще соответствует *духу* всего начинания.

Теперь о капитане: дело, по-видимому, плохо. Н. Ф. давно, еще до Liberation, говорила нам, что капитан в Гавре собирал на тебя и обращался к ее мужу. Тот отказал, ибо, видимо, неглупый парень и сообразил, что для тебя это никак не прибыльно. Потом от Нат<альи> Ив<ановны> была такая же весть о нем — через Родионова.

Недавно он у меня взял 100 фр<анков> на военнопленных, я уверен, что просто положил в карман, а отказать я не смог — может, самому нужны, да стесняется сказать. Нет, он не в силах равнодушно видеть чужие деньги. (У нас в Притыкине сосед-помещик говорил: «Я не называю это воровством, но присвоением чужой собственности»).

Ляля все еще сидит. Вера видела С. М. Зернову, работающую по этой части в пользу русских, та сказала, что надеется скоро ее высвободить. Будем и мы надеяться.

Здесь все страшно мерзнут. Мы с нынешн<его> дня в одной (моей отапливаемой комнате, жжем остатки прошлогоднего угля. Сегодня грелись у нас Наташа и Андрей. И даже В. Б. грелся: в его квартире +6 град. Ранее весны как-то тебя не вижу здесь — хотя упорно пишут, что с дек. выдавать будут — будто бы по 50 kilo в мес. Для кв<артиры> в 4 комн<аты>, как твоя, это ничто. На ближ<айших> днях напишу милой Верочке, а пока обнимаю Вас обоих, мои дорогие, Господь Вас храни.

Твой *Борис.*

170. И. А. Бунину. 27 ноября 1944. Париж

27.XI.44

Друг, «Мистраль» — великолепно! «Принадлежит к лучшим партиям гроссмейстера» (так пишут о шахматах). Нет, серьезно: это даже выше «Холодной осени». Какая-то совершенно особенная, *твоя* линия, необыкновенно тебе удающаяся (в ней считаю: «Воды многие», «Цикады», «Поздней ночью» — если не перевираю названия последн<ей> штуки, напечатанной в

«Посл<едних> Нов<остях>» и оцененной мной, Верой и Марко: кажется, лишь нами). Впрочем, когда никого из нас не будет в живых, дети будут в школе учить это, разбирать разные «образы», «метафоры» — еще была какая-то «метонимия» — а что это значит по «теории словесности», я забыл.

«Друзья, нам светит здесь луна» — некогда в синтаксисе Кирпичникова, пример на что-то (на что именно, надо спросить Нат<алью> Ив<ановну>, она знает все прописи) — а оказывается, это из Жуковского, и когда он писал, то никак не думал, что родившийся после него день в день через 98 лет некто Зайцев (29 янв. 1783 — 29 янв. 1881) мог в калужской гимназии получить за этих «друзей» — «неполный балл» (или «высшую отметку» — смотря по тому, сумел ли бы объяснить пример с друзьями и луной, или нет.

Дядечка, я Жуковского как поэта никак не преуменьшаю, очень люблю, и стихи, тобою приведенные, как раз тоже люблю. А помнишь ты такие:

Ты вдали, ты скрыто мглою,
Счастье милой старины,
Неприступною звездою
Ты сияешь с вышины
Ах! звезды не приманить,
Счастью бывшему не быть.

Это все по поводу Маши Протасовой, с которой так у него ничего и не вышло. Там есть дальше еще две строчки, кот<орые> твержу иногда, даже на улице парижской:

Ты живешь в сияньи дня,
Ты живешь не для меня.

Третьего дня у нас была Наташа с Андр<еем>. После обеда я читал им вслух «Хол<одную> осень» и «Мистраль» — Н<аташа> заплакала (она вообще мало плачет; но была тобою взволнована, что мне было приятно: наша порода!). И Андрей даже взволновался — он-то уж совсем сдержан, но у него есть ум и хороший вкус. Нынче едем в Сергиево Подворье к о. Киприану обедать. Сегодня днем у него докторантский экзамен — зимой он защищает диссертацию, написал целый том о византийском святом и богослове Григории Паламе. Будет доктор богословия. Везу докторанту «Мистраль», тоже прочитаю. (Он твой большой поклонник. Да, кстати: тот вечер, о кот<ором> я тебе писал, вовсе отменен, т<ак> ч<то> моя просьба о «Хол<одной> ос<ени>» отпадает.)

О капитане я того же мнения, что и ты, распространять не станем, но многие и сами знают и так и смотрят: empoché[1] в собств<енный> карман.

Да, еще: я давно подозревал, размышляя о детстве Жуковского, что в семье Буниных был шут домашний. Так и оказалось. На днях наскочил на него в письме Воейковой (сестры его любви) к Авдотье Киреевской. Она говорит, что часто с Ж<уковск>им вспоминает прошлое... «nous nous rappellons les bons mots du défunt Варлашка» — в примеч<ании> сказано: «домашний шут Буниных». Но тот Варлашка безвестно умер где-то вблизи барского стола и не успел стать «русским патриотом».

Нашего Варлаама давно не видал. Вряд ли он ко мне и заявится, он пьет теперь водку на торжествах, а от меня 100 фр<анков> больше уже не получит, т<ак> ч<то> зря беспокоиться не станет.

Бахрах был у нас. По-моему, мало изменился. Произвел хорошее впечатление. В пятницу придет еще, будет что-то разговаривать о синема, о театре, литературе, и т. п.

В издательствах своих (франц<узских>) я был. Все по-прежнему, т. е. договоры действительны и Sorlot даже довольно весел, хотя и сказал, что «были опасные минуты». Но ни у кого ни клочка бумаги. Печатать смогут не раньше, чем через год.

Обнимаю. Верочке пишу отдельно, а пока просто целую — за себя и за свою Веру. Господь Вас храни, дорогие мои.

Ваш *Бор. Зайцев.*

P. S. Вчера заходил к Шмулевичу. Он довольно бодр. Мечтает даже о сборнике. (Фантазии, разумеется...)

---

[1] класть (*фр*).

171. В. Н. Буниной. 7 декабря 1944. Париж

7.XII.44

Дорогая моя Верочка, наконец, могу сообщить тебе и хорошее известие: Лялю выпустили! Узнала об этом Наташа (она работает в Маклаковском ком<ите>те), звонила Лялиной матери, та подтвердила. Сказала, что чувствует Л<яля> себя еще неважно.

Я перед тобой виноват, не ответил своевременно на твое прекрасное письмо о Преображении — ты знаешь мой обломовский характер! Но об именинах твоих помнил отлично, а поздравить нельзя было, не действовала почта.

Среди всего тяжелого, что пришлось пережить за это лето, как раз Преображение — и особенно вечер накануне — остались очень светлым воспоминанием.

Были в Кламаре у всенощной, в крохотной деревянной церковке Трубецких. Служил о. Киприан. После Евангелия пришлось уходить в Париж (пешком, сообщения уже не было) — надо поспеть домой до 9 ч<асов>, позже нельзя. Выходим, догоняет нас барышня Лопухина и сообщает: «Вход в Париж уже закрыт, с 6-ти ч<асов>, сейчас звонили по телефону. Мама приглашает Вас ночевать у нее».

Остались, но не у Лопухиных, а у Глебовых. Ужинали с о. К<иприаном>, двумя барышнями православными и Ольгой Глебовой — сначала при угасавшей заре, а потом сидели в совершенной тьме. Из окна в сад видны были два зарева. Я подбил о. К<иприана> рассказать о Григории Паламе, визант<ийском> святом и богослове 14-го века, как раз обоснователе учения о свете Фаворском и Преображении. Он говорил около часу. Удивительно было! Вдали по временам вспышки, на мгновение освещают о. Киприана, потом тьма и через 5—6 сек<унд> взрыв (звук медленнее идет, чем свет). — А потом ночь наверху, в мезанине как бы деревенского их дома, такая Россия, Притыкино, я не знаю, имение Машковедевых...

На литургии причащались и к 2 ч<асам> дня пешком попали в Париж. Там уже начиналось Бог знает что — все равно Преображение все преображало. Для сердца человеческого. Для него-то именно и в нем и созидался мир, на обыденный непохожий (обыденный был мерзок).

Этой зимой о. К<иприан> будет защищать диссертацию (в Сергиевом Подворье) о св. Григории Паламе, огромный том. На доктора богословия. Офиц<иальные> оппоненты — Карташев и о. Василий Зеньковский. Жаль, что Вас не будет еще, ты пошла бы, наверно, с нами.

А я занимаюсь сейчас Жуковским. Это нечто очень длительное — но ведь мне такое и надо, чтобы помереть за работой, все-таки лучше. А очень заживаться не следует. Вот завтра хороним А. А. Плещеева — он приехал из Русск<ого> Дома к Рощиной (под нами, в 3-м эт<аже>), должен был даже две ночи у нас ночевать, но именно до ночи-то и не дожил: скончался на улице. Лежит сейчас у Кати — какой красивый! И будто улыбается слегка. Но ведь он доживал слепой, и было ему 86 лет!

Вера жарит мне сейчас кусочек «пайкового» мяса. Вот-вот позовет завтракать. Увы, без вина! Соскучился я по вину.

Обнимаю тебя, милый друг, привет всему дому Вашему.

Б.

Бахрах был — довольно скромен и мил.

172. И. А. Бунину. 28 декабря 1944. Париж

28.XII.44

Дорогой мой, с Новым годом, обнимаем оба — тебя и Верочку, дай Бог скоро увидеть вас здесь. Скоро да не очень: сейчас такой холодище и так ни у кого нет топлива, что подобной зимы еще Париж не видывал. Т. е. — зима 1940—41 г. была ужасна по морозам, но тогда было топливо, как и в 1941—42. А теперь и нет ничего, а если где в больш<их> домах и сохранился запас, то до 1-го янв<аря> не позволяют топить (мерзнуть, так уж всем вместе! А это, мол, буржуйская манера, запасаться заранее!).

И представь, у нас на «столь некрасивой улице, какую я видел лишь в Австралии», именно уголь-то и сохранился. Немного, все же мою комн<ату> отапливаем вполне порядочно (+13, +15°), и живем в ней оба. К вечеру я нагоняю даже до 16—17°. Вышеславцевский дом — ледник! (О них ни слуху, ни духу.)

Нынче Вера ушла с утра, сижу один. Все утро хозяйничал и рассматривал книги о Жуковском. Завтракал один — суп, хлеб и яблоки.

С деньгами стало хуже, но пока держусь. 18 февр. устраиваю свой вечер, все под давлением той же difficolta finanziaria. Это будет при церкви на rue Olivier de Serres, днем, в воскр<есенье>, прочитают что-нибудь.

Читал на вечере в пользу русск<их> военнопленных. Весь первый ряд, прямо передо мной, советские офицеры — парижская военная миссия! В глубине зала (Плейель, зал Шопена) — более скромные михрютки. Здесь очень сейчас ими увлекаются. Недалеко уже до «хождения в народ» 70-х годов. Несомненно они волнуют наше сердце, во многом вызывают сочувствие полнейшее. Несомненно и то, что свою популярность эксплуатируют, ловчилы большие. Французов обставляют, как хотят. (Мне еврей один рассказывал на днях про Enghien, где скрывался: там корову увели — и съели, разумеется. Чтобы следов не видно было, ей надели сапоги, когда вели.)

Дядечка, как твое здоровье? Напиши, милый друг. Так люблю получать твои письма, хочу все о тебе знать — и хорошее, и плохое. Знаешь, двадцать один год назад, в эти самые дни (31 дек<абря>, под Новый Год), я пришел к тебе и Верочке на rue Offenbach, только что ввалившись из Италии. Тогда и началась моя — по-настоящему — эмигрантская жизнь. Она тут, видимо, и кончится. России нам не видеть — да там все для нас могилы, и мы для России стары. Даже наши (Наташа с Андр<еем>), присмотревшись — с большой симпатией — к тамошним, весьма

поостыли насчет возвращения. Так же настроен Ляля Полонский, много работавший в лагере под Греноблем.

Да, новость, и важная очень, пожелайте удачи: видимо, летом я буду дедушкой, Вера бабушкой. Наташа «в ожидании». Пока что проходит нормально. Мы очень рады. (А то мне все казалось: умрем мы, Наташа останется совсем одна... Вообще, женщине надо иметь ребенка.)

Господь вас храни, дорогие мои, обнимаю, целую.

Борис.

Италии тоже не видеть. Все будут какие-нибудь «наступления» бессмысленные, «отступления», и т. п.

О Наташе пока пусть все будет между нами.

173. И. А. Бунину. 14 января 1945. Париж

14.I.45

Дорогой мой Иоанн Безземельный, прости ради Бога, что не сразу ответил — знаешь мой медлительный характер! Вот адреса <...> Первый из них довольно чахл, но лечится лениво. Что-то у него вроде туберкулеза. Изменился по внешности сильно. Внутренне — та же натура русская, первообразная, с чертами очаровательными. Но так мы с ним и не сблизились. Так и остался он другом Шмулевича, о кот<ором> напрасно ты думаешь, что он толст, богат и могуч: все наоборот. И никогда он много не зарабатывал. Платили столько же в «Нов<ом> Слове», как и мне предлагали — только я отказался, — 3 фр<анка> строка. А болтал он много. При свидании расскажу. Ну, ты его знаешь.

Полонский устраивает что-то с Аминадо вместе — здесь, впрочем, в каждой семье русской мечтают о газете. И никакой газеты, понятно, не будет, кроме рощинской. (Рощин теперь первый друг Евлогия! Церковный деятель.)

Кроме того, Яков Борисович занимается травлей Нины Берберовой. Эта уж нигде у немцев не писала, ни с какими немцами не водилась, на собраниях никаких не выступала и в Союзе сургучевско-жеребковском не состояла. Тем не менее, он написал в Объединение писателей, что она «работала на немецкую пропаганду»! Ты понимаешь, чем это пахнет по теперешним временам?

Очень противно. Мы жизнь Нины знаем близко. Решительно никаким «сотрудничеством», даже в косвенной форме, она не занималась, а по горячности характера высказывала иногда

«еретические» мнения (нравились сила, дисциплина, мужество), предпочитала русских евреям и русские интересы ставила выше еврейских. Когда же евреев стали так гнусно мучить, сама же им помогала, как и мы все, как умела. Одно сделала глупо: написала что-то неосторожное Адамовичу. Этот, очевидно за неимением лучшего дела, стал раззванивать всюду, и чепуха эта добралась даже до Америки.

Не только я и Вера, но и Наташа с Андреем возмущены. Наташа говорит прямо: «Это делается от безделья». Да, сплетни скрашивают жизнь. В общем же я считаю: буря в стакане воды, и молодые писатели (все седые!) довольно разумно и тоже спокойно относятся к «обвинениям». Нина же — непокойно.

Читаешь ли ты «Le Figaro»? Человеческие слова. Меня Мориак очень радует. Я сегодня ему написал благодарственное письмо.

Авва Киприан завтракал у нас вчера. Вкусили бутылку вина, я передал ему твой привет, он шлет тебе такой же. Он тебя очень любит и ценит. Вера устроила ему заячий жилет и он не пропадет теперь от холода. А холод знатный! Все под снегом, третьего дня и вчера минус 8°, –10°. У нас топят; прохладно, но терпимо вполне. Вообще же Париж замерзает буквально. Живут при +2°, +4°. Слыхал о твоей квартире. Думаю, выкурить их будет нелегко. Кажется, лучше было бы, если бы ты согласился на компромисс (и скоро бы их выжил из меньших комнат). А власти очень покровительствуют всяким sinistres[1], под каковых они себя подводят. Очень обидно, если это затянется.

Обнимаю тебя дружески, *всячески* тебе сочувствую — и по линии болезни и по другим линиям, о кот<орых> лучше просто не думать!

Господь тебя храни, Вера целует, как и я, обоих Вас.

Борис.

P. S. Вспомнил: Иоанн Безземельный был англ<ийский> король, но довольно-таки стерва. Я назвал тебя не из-за стервы, а что у тебя землицы нет.

---

[1] пострадавшим *(фр.)*.

174. И. А. Бунину. 4 февраля 1945. Париж

4.II.45

Дорогой мой Иван, очень я расстроился — письмо твое совсем печаль. И вот бессилие мое помочь (говорю о деньгах): перевел бы просто 10 тыс<яч> фр<анков>, сразу бы стало

веселее, да откуда их взять? Твое предложение насчет французов никуда не годится, эмигрантам теперь и на порог показываться нельзя. Пробовал я «закинуть удочку» прямо Ельяшевичу, но у него сразу стало такое мучительное лицо и он так мгновенно (и неопровержимо!) принялся доказывать, что надо искать денег в другом месте (главное — не у него!), что все тотчас рухнуло. Вчера видел Титова и говорил с ним о Моск<овском> Землячестве. Он обещал непременно послать тебе, «соединившись с Роговским», ибо одно земл<ячеств>о слишком мало может послать. (Я сказал: «Разумеется. Не 500 же фр<анков> Вы ему пошлете!» С чем он согласился.) Разговор происходил на скучнейшем собрании Скорой Помощи, куда Штерн пригласил нас и угостил двухчасовым докладом, где были перечислены все благотв<орительные> организации Парижа и все благородные еврейки, работающие на них. Все это давно всем известно.

В перерыве подошел Роговский и сказал, что ему нужно о чем-то со мной говорить — как будто в этом же направлении. Придет 7-го, постараюсь на него, сколько смогу, воздействовать: у него, видимо, деньги есть.

В печени у тебя, наверное, что-то не в порядке, но это ничего не значит: орган весьма капризный и от разных причин болит — вон наша Наташа с юных лет подвержена всяким непорядкам в ней. Радиографию, конечно, надо сделать — но пока что старайся *не* думать и *не* воображать. (Знаю, что для нашего брата, всю жизнь жившего воображением, это нелегко: все-таки необходимо. Сколько я сам потерял сил на пустое воображение!)

Хуже дело с квартирой. На П-го я очень мало полагаюсь, думаю и уверен, что ничего они не сделают. Это люди безымянные, маленькие, жаждущие сейчас вылезти, уязвленные и т. п., но на них в том лагере мало обращают внимания. Да это и дело чисто судебное — о выселении sinistres. Прости, друг, но ты, кажется, дал маху, написав Графу резкое письмо. Видимо, с такими типами, как он, надо было «маневрировать» и выживать помаленьку.

Удивляюсь я и англичанам, собирающимся вернуться в Грасс! Война не кончена, есть на юге нечего. Я даже считаю, что частных лиц и не пустят сейчас во Францию.

По литературной части, что же сказать: после «Глеба» я ничего не написал. «Дни» пока забросил, Жуковским занимаюсь. Довольно упорно читаю, что надо. Разумеется, живи я в Петербурге, было бы проще. Тут хожу в библиотеку Ecole des langues orientales, что могу, достаю. Струве помогает. Нат<алья> Ив<ановна> — Разные письма, воспоминания. Читаю огромный

том французск<ой> диссертации о Ж<уковск>ом, Marcelle Ehrard, есть любопытное (напр<имер>, изучен его стих, оказывается, он и формально внес много нового в русское стихосложение). Чтение это приятное. Завидный мир, о кот<ором> мы с тобой и мечтать теперь не можем! Спешить мне некуда, да и характер мой нетороплив, ты знаешь. Печатать все равно негде и не для кого, все-таки в некоторый день собираюсь засесть и за писание. М<ожет> б<ыть>, будет еще одна моя книжка.

А пока готовлюсь к «чтению». Вспомни обо мне 18-го февр<аля>, между 4—6-ю дня. Буду читать (с целью укрепления финансов, понятно) в зале при церкви на Olivier de Serres. Из «Глеба» и рассказ (прежний). Небольшое вступление приготовил. Много не получу, но ведь и расходов никаких. А дорогие билеты распределяют по «жертвам». Продают и православные (напр<имер>, о. Киприан — очень поддержал).

Видели мы с Верой вчера Аминадо — все такой же, только объемом стал меньше, ссохся, как и мы все, конечно. Ну, он, наверно, занимается делами и спекуляциями.

Февраль думаем пробыть здесь. Пока топят, в морозы нам все завидовали. Не Бог весь что, все же 13°—14° было. Сейчас оттепель и у нас в комнатах тоже: до 16°. Бедный Мочульский в холода совсем погибал, был похож на замороженного, посинелого цыпленка без перьев. Залманов умер, также и Юренев.

Не помню, писал ли в прошлом письме про Капитана. Его из «Русск<ого> П<атриота>» выставили, равно Любимова и М. Струве. Там теперь комбинация из младороссов и «молодых» писателей (Объединение). Убого очень. Теперь тебя будут туда тянуть, я не сомневаюсь. Заманивают квартирой. Сегодня мне сказали, что в Ницце читаешь на их вечере — напиши, как себя чувствовал.

Обнимаю тебя и всей душой желаю здоровья и бодрости. Верочку целуй. Моя Вера обоих Вас обнимает.

175. И. А. Бунину. 18 и 19 февраля 1945. Париж

18.II.45. 12 ч<асов> веч<ера>

Carissimo, твое последнее письмо несколько меня успокоило. Но только *несколько*. Отношения с англичанкой неясны. Разве она может переселиться в Грасс? Ведь война еще продолжается!

Нынче я «читал» — в который раз! И все от бедности. Подсчитывал: в семи европейских столицах вылезал вот так, как сегодня, перед всегдашней сотней слушателей (но матери-

альная основа цивилизации и культуры *в глубине,* «слушают» друзья и полудрузья; тебе и Верочке устройство таких «вечеров» (у меня было matiné[1]) хорошо известно. Так как я ничего не жду и пребываю в полном равнодушии к разным возможностям и превратностям судьбы, то и к успеху, неожиданному для меня, отношусь также равнодушно. Конечно, успех лучше неуспеха — последнего не желаю. Но получу ли 2 или 12 тысяч — все это вода, утекающая незаметно. Во всяком случае, надо Бога благодарить. И о завтрашнем дне не думать. «Довлеет дневи злоба его».

После чтения был обед у друзей, с о. К<иприаном> — слегка хлопнули. Всегда о тебе вспоминаем. Господь тебя храни, дядечка. Целую тебя. Верочку тоже. Моя Вера уже спит.

Борис.

P. S. Очень рад, что ты не читаешь там, где читать не надо. *Ты* можешь читать только под *своей* маркой.

---

[1] смешанный *(фр).*

19-го, утром

Бессвязно довольно-таки написал вчера, не взыщи. Вера просит сообщить Верочке и тебе, что есть письмо из Лондона, от Яльмара, внучатого племянника Веры: Таня Полиевктова жива, находится в Малом Ярославце, совсем одна. Веру это очень подбодрило. Убит на войне, под Смоленском, Лаврик, сын Нины Бруни (она дочь Бальмонта от брака с Екат<ериной> Алексеевной). Е. А. жива тоже, в Москве. Да, еще: о Залманове оказалось брехня. Он жив.

176. И. А. Бунину. 5 марта 1945. Париж

5.III.45

Обнимаю тебя за письмо, милый друг, Верочке сердечная благодарность за труд перестукивания. У меня до сих пор — вот мне на днях исполнилось 64 года — нет ни 1) стило, 2) ни пишущей машинки, т<ак> ч<то> на рукопись свою, переписанную, как Верочка сделала, я смотрю с некоторым даже недоумением (положительного, конечно, свойства).

Очень радуюсь, как и моя Вера, вашему водворению сюда — и даже отчасти волнуюсь. Пять лет! Да еще каких! И ради Бога, осторожнее в дороге. Если на камионе, м<ожет> б<ыть>, подождать, пока будет теплее? Ведь знаешь, тысячу верст на

торчке. Хотя Ельяшевич и Таганцев, возвращаясь осенью из Бюсси, ехали на камионе отлично: им устроили там даже нечто вроде закутки, т<ак> ч<то> укрывались от ветра. Но это 150 километров! А у вас там пойдут разные Castellane, Digne, в горах холодно, небось.

Вчера мы были днем на чтении памяти Балтрушайтиса. Читала довольно восторженная дама, возносившая его до чрезвычайности — с большой искренностью, впадающей в дурость, но в общем трогательная к нему любовь и поклонение. Мария Ивановна рядом со мной сидела и плакала. А пишу я все это вот к чему: дама изображала *то* время, как очень яркое для России и плодоносное — перечисляла представителей искусства (разного рода оружия). По литературной части назвала ряд имен общеизвестных, но из них *только мы с тобой еще живы!* (Бальмонт, Балтрушайтис, Брюсов, Блок, Сологуб, Куприн, Бунин, Зайцев — вот как она назвала) — и еще Алексея не помянула. Да, все эти имена толпились в голове, когда домой шел.

Об Алексее все время вспоминаем. При жизни, в Москве, он всегда говорил, что *гораздо* меня моложе. Теперь оказывается, всего на два года (а по Ладинскому даже на один). Ну, у него ведь трудно было понять, «правая, левая где сторона». Было время, тяжело было терять его — потерян он для меня давно, но сейчас далекие годы в Москве вспоминаются, конечно, со стороны лучшей. Много милого и талантливого с ним связано. А говорить по существу еще не приходится: царство ему небесное. Того, о чем ты пишешь, никогда не поймем и никто понять не может — надо раз навсегда примириться.

Итак, дядечка, надеюсь скоро увидеться? Дай Бог, дай Бог поскорее! Еще раз тебя обнимаю и целую. —

Твой *Борис.*

P. S. Кампанари, видимо, умирает в санатории в Бриансоне. Полтора месяца t° около 40! Это последний отголосок Притыкина. Мы ее оба очень любим, она — из последних давних друзей, очаровательная женщина. «Вы моя семья и моя родина», — писала она нам из санатории. Подумай, с такой жаждой жизни, как у ней, умирать в 48 лет одной, среди чужих французов... — Бесконечно горестно. На днях у меня даже мысль шевельнулась: съездить к ней. Но уж тогда она сразу, *наверно*, умрет от волнения. Да и проедешь ли туда по теперешним временам? Ведь представь, там около них, в горах до сих пор немцы. Стрельба артиллерийская, в городишке голод, больные шатаются по соседн<им> деревням, пытаются что-то раздобыть съедобное. Нет, будет. Больше не могу.

О другом: напиши, когда трогаетесь. Вообще «держи в курсе». Написал сейчас на конверте адрес твой, подумал: пожалуй, в предпоследн<ий> раз вывожу это словечко Grasse — кто у меня, кроме вас, может в Грассе оказаться? А вы туда уж не вернетесь. Я лично Грасс люблю. Мне там хорошо было, и вообще место по мне. Но для меня все оно полно тобой и Верочкой, с вами связано и без вас пустыня.

177. И. А. Бунину. 25 марта 1945. Париж

110, rue Thiers, Boulogne s/S *25.III.45*

Дорогой мой Иван, что же ты замолк? Гласа твоего давно не слыхать, я уж соскучился. Едешь ли к нам? И когда? Ничего не знаю.

Пишу тебе уже с «самой некрасивой улицы Европы». Третьего дня перебрались окончательно. Подумай, ровно два года, после бомбардировки 4-го апр<еля> 43 г., когда все здесь было разбито, мы околачиваемся по чужим квартирам. Правда, квартиры лучше нашей, но вот, поди ж ты, нужно, чтобы все-таки было «свое»! «свой угол» — свои книги, свой стол, своя постель.

На неск<олько> дней задержал меня еще на rue St. Lambert грипп. Не сильный, но как всегда унылый.

Позвали Михеича <...> был очень мил, выщупывал и выстукивал внимательно. Прицепился к верхушкам легких — не оторвать! «Да, для кашля-то есть причина! Вы давно кашляете. А что у вас было?» — «Виноват, в свое время воспаление легких, 27 лет тому назад».

Приговор <...>: грипп пустяшный, но организм весь сильно пошатнулся, легкие слабы, самое лучшее было бы на месяц уехать в деревню, хорошо есть и *лежать* — отлеживаться.

Вот, война, можно сказать, кончилась, а 5 ½ лет ее даром не прошли, это и естественно — надо еще Бога благодарить, что так выскочили, могло быть и гораздо хуже.

Было б Притыкино под боком, закатился бы туда, теперь закатываться некуда. Сижу дома, разбираю письма, книги, принимаю евкалиптин, два дня уже ем яйца, стараюсь лежать побольше — тут и стараться нечего, сам знаешь, когда сил немного, так просто и тянет лечь.

Получили здесь еще две посылки американские. Лучшее из них выкрадено (сардины, шоколад, мясн<ые> консервы). Зато остались нитки и бритвы.

8 апр<еля> арх<имандрит> Киприан защищает в Сергиевом Подворье диссертацию о св. Григории Паламе (греч<еском>

богослове) — на степень доктора богословских наук. Василий Бор<исович> устраивает по этому случаю обед, вообще предстоят кое-какие «торжества» в «неделю о Киприане» — в том числе, видимо, и у нас. Готовим вино и надеемся на мар из Тулузы (куда нынче уезжает знакомая дева).

С вином стало тут несколько легче, но иссушенная долгим зноем почва так быстро впитывает, что литра и не заметишь. Все-таки стали выдавать по 1 л<итру> почти каждую неделю.

Вера тоже было прихворнула, но оч<ень> скоро оправилась: у ней не было такого лая, как у меня. Худа, но, слава Богу, бодра. Наташа толстеет! В июле экзамен. Ищет клинику, и это не так легко: записываются чуть ли не за 9 месяцев.

Итак, душенька, ждем. Обнимаем обоих, оба. Целую.

Борис.

P. S. В «Патриоте» новая революция: твоего Пиотровского и Елиту выставили. Редакция другая. Некто Сирин (!), председатель «конгресса», заявил, что «талант есть явление случайное, редкое, таящее в себе элементы беспорядка». Поэтому он не нужен. Держись, дядечка! — Название теперь: «Советский патриот».

P. P. S. В «Честном слоне» Эренбург защищает православие (!) в Пряшевской Руси (Подкарпаты).

178. И. А. Бунину. 8 апреля 1945. Париж

8.IV.45

Дорогой мой, рад был получить твое письмецо, а то стал тревожиться: давно не было ничего. Итак, ждем тебя! Целое переселение народов — воображаю, как и ты, и Верочка утомляетесь с этими бесконечными упаковками, укладками... Я, кажется, из гриппа вылез окончательно, но сил не много. Вчера были в Кламаре (причащались на Благовещение у о. Киприана) — назад едва дотащился. Нынче едем в Сергиево Подворье. О. Киприан защищает диссертацию и будут разные ученые прения (...«вне специальной пневматологической феноменологии не может быть здравой триадологии и триадоэдрии» — но о. К. не так пишет, он по-человечески).

Дошел до нас слушок, что ты 10-го читаешь в Ницце, дай Бог успеха, в чем и не сомневаюсь, и побольше «позлащенных возможностей» — переезд в копеечку станет! 10-го же во вторник чокнемся за тебя у В. Б., на обеде.

Написал Марко Богатому третье письмо, но, кажется, все впустую. Полонские ухитряются получать от него (но оч<ень> нерегулярно) кое-какие вести, как-то через Англию, по еврейским каналам. Он жалуется, что никто ему не пишет отсюда, что

есть брехня — просто письма не доставляются. Зовет нас с Верой в Америку! Как тебе это нравится? И сам собирается сюда приехать (но на время лишь).

На днях заходил к Зинаиде. У нее был второй удар. Не сильный, все же рука и нога почти не действуют. Речь *не* поражена. Видеть ее нельзя — Злобин при ней неотлучно, он все и рассказал. Ей стало плохо после парикмахера: ходила делать себе indéfrisable[1], подкрашивать волосы, и т. п.

Вера зовет завтракать. Обнимаем оба обоих, любим.

Борис.

---

[1] перманент *(фр)*.

179. И. А. Бунину. 25 апреля 1945. Париж

25.IV.45

Дорогой мой, пишу наудачу, м<ожет> б<ыть>, ты уже не в Грассе. Вчера получил письмо от Марка и другое от него же для тебя (переслано через Лондон). Зовет нас обоих в Америку! — с бесплатным проездом.

Письмо тебе переслал Элькин из Лондона, оно было в конверте с письмом самого Элькина мне, т<ак> ч<то> я прочел текст послания Марка тебе — это касается и меня, ибо деньги для нас обоих уже здесь, во Франции — тебе 150 долл<аров> (гонорар за напечатанное в журнале), мне 50 д<олларов> — аванс под будущее. Франки находятся у Татьяны Осоргиной, я ее видел сегодня, но она не знает, *сколько именно* франков должна выдать нам за эти доллары. Я ее спрашиваю, как же быть? (Показал ей место в письме Марка, где говорится о 150 и 50-и.) Она отвечает: «Пусть И. А. телеграфирует в Америку, чтобы мне телеграфно же ответили, сколько именно я Вам должна и я сейчас же уплачу».

Вот, друг милый, и сообщаю тебе это. Письмо (тебе Марка) пока в Грасс не посылаю, боюсь, что разминется с тобой, а если это пропадет — ничего, здесь все на словах тебе расскажу. По моему (приблизительному) счету выходит тебе около 20.000, мне ок<оло> 6000. Но, очевидно, пройдет еще время, пока все это наладится.

Здоровьица наши так себе. Не герои. У Веры нынче утром головокружение — велели пить solucamphre, сердечная слабость. Я тоже слаб. Все бы лежать! Но тягостного, слава Богу, пока ничего нет. Наташа прибавляет в весе и объеме здóрово!

Господь тебя храни! Обнимаем и целуем оба обоих, ждем с нетерпением и волнением.

Борис.

180. И. А. Бунину. 1 мая 1947. Париж

1.V.47

Дорогой Иван, как ты жив? Адамович говорит, что вид отличный — слава Богу? <...> Пишешь ли? В субботу были на вечере Зурова, очень весело. А в воскресенье на Яблоновском — едва не заснул. Новость литературная главная: «Русская мысль». Что из этого выйдет, не знаю. Фактический редактор Зеелер. Идет пока хорошо, но мало людей и мало денег. Я сотрудничаю, к редакции же отношения не имею. В ближ<айшем> № большое интервью с Маклаковым, им самим и написанное. Платят мало. Все равно, хотелось бы, чтобы газета удержалась. От Марка Ал<ександровича>, как и от тебя, ни слуху, ни духу. Буду рад получить несколько строк, если не поленишься.

Обнимаем тебя и желаем поправиться, крепнуть.

Твой *Борис.*

181. И. А. Бунину. 26 октября 1947. Париж

26.X.47

Дорогой Иван, только что получил письмо от Марии Самойловны — она просит переслать тебе ее письмо, что и исполняю.

Дай Бог тебе окрепнуть на юге. Привет Вере.

Борис.

182. И. А. Бунину. 13 января 1948. Париж

13 I.48

Дорогой Иван, конечно, пересылать такое письмо Марии Самойловны очень невесело — но вообще, знаешь, много в жизни приходится испытать невеселого... О твоем уходе из Союза в такой момент, как тогда, распространяться не буду — встретимся, поговорим. Скажу только, что *поступка твоего я не понимаю* (не знаю внутренних причин), впечатление же от него, *всеобщее,* было то, что ты поддержал советских и советофильствующих. Не скрою, мне это было тяжело. Und damit Punctum[1]. — Очень грустно, что жалуешься на здоровье. Дай Бог, чтобы юг, который ты всегда любил, помог тебе — от души желаю.

---

[1] И все! *(нем.)*

Новость литературная: Шмулевич уехал в Швейцарию (его увез на своем автомобиле Ознобишин), а весной выезжает в Америку. Устроил ему это т<ак> н<азываемый> «Кулаевский фонд» — он будет жить где-то близ монастыря св. Иова, под покровительством монахов, переселившихся из Чехословакии, которых он давно знает; В кварт<ире> его парижской уже живет Ю. А. К., его племянница.

Твой *Борис.*

183. И. А. Бунину. 26 января 1948. Париж

26.I.48

Дорогой Иван, письмо твое я получил и, сказать по правде, объяснению твоему удивился. Ведь выходит, что ты отделению эмигрантов от советских сочувствуешь, т. е. сочувствуешь самому главному, а оказался вместе с теми, кто разделению *не* сочувствует — от нас ушел. Не понимаю. Ты был почетным членом Союза (но не председателем, как неправильно было сказано в «Р<усской> М<ысли>») — участия в делах Союза вообще не принимал. Никаких «скандалов» в Союзе не было, было бурное и бестолковое Общее Собрание, что во всяком обществ<енном> деле случается. Неверно, что были «подобраны» какие-то члены в последн<юю> минуту. Эту неправду распространяли наши противники с целью опорочить Союз. Все принимаемые проходят через меня, я подписываю. За посл<еднее> время перед Общ<им> Собр<анием> было принято 3—4 человека, среди них Шаблэ, сотрудн<ик> «Нов<ого> Журнала», другой — молодой журналист, пишущий в америк<анских> газетах и т. п. Разумеется, ни одного знаменитого имени не было (а вот Шмелев должен был довольно давно уже уйти из Союза, т<ак> к<ак> сотрудничал с немцами. Ему предложил это частн<ым> образом Зеелер и его нет в наших списках, равно как Сургучева, Мейера, Унковского).

Неточности протокола были тотчас же исправлены (на самом собрании) и касались они таких мелочей, что и говорить смешно. Это все *не* поводы к уходу. — Повторяю, твой уход был понят, как сочувствие советским — вовсе не только в «нашем кружке»: достаточно было послушать эмигрантов и в церкви, и в русских лавках, и в частном общении.

Вполне допускаю, что у тебя не было намерения ни обидеть Союз, ни сделать «политического» шага в определенную сторону. Но эффект получился бесспорный. Кто же в публике мог предполагать, что, порывая с Союзом из-за «разделения», ты этому

разделению, сочувствуешь? (Кстати: есть еще и такое объяснение: ушел из дружеского чувства к Ремизову. Знаю, как ты его «любил», это вызывает веселое настроение.)

Теперь о себе. Ты, по-видимому, думаешь, что в письме к тебе М<арии> С<амойловн>ы есть доля моего влияния. Это совершенно неверно. (Последние две фразы Буниным подчеркнуты. — *Ред.*) *ЕЕ* письмо было для меня полной неожиданностью. Мне и в голову не приходило, что она может так поступить (но у всякого свой характер). О твоем уходе я написал, конечно, ей, в тоне горестного удивления и грусти. Единственным возможным объяснением считал воздействие на тебя твоего окружения. Но написал вовсе *не* тотчас после случившегося — ты знаешь мою медлительность. Когда она писала свое письмо, она моего и *физически* не могла еще получить, но вновь притом утверждаю, что в нем *ничего* агрессивного по отн<ошению> к тебе не было. Напротив, тон такой, что из-за болезненности твоей и слабости я просто не хочу объясняться с тобой, чтобы, разволновавшись, тебе еще хуже не сделалось (в области здоровья). Ведь я и не говорил с тобой, действительно — именно поэтому. (Да и поздно уж было. Я узнал о твоем шаге из *советской газеты*.)

Итак, осведомлена М. С. была *не* мною. Надо сказать, что осведомление здесь поставлено очень точно и быстро — подумаешь что-нибудь, в Нью-Йорке уже знают. И не на таких корреспондентах это основано, как я.

Здесь содержание письма стало мгновенно известным. Тайны быть не могло никакой — М. С., очевидно, считала свой шаг общественным. Не знаю, есть ли это ее личное мнение или она выражает настроение группы. Надо сказать, что они давно уж косились на тебя и за общение с Б<огомоловы>м, и за участие в «Р<усских> Н<овостях>». Но тут я ничего не знаю. И доселе М. С. ничего мне не написала о своем письме, которое, конечно, ей следовало послать тебе *непосредственно*.

У меня был Михайлов. Мы долго и вполне мирно беседовали с ним обо всем этом. Очень неприятно и для него, и для меня то или тот вопрос, как отразится эта ссора с М. С. (или даже с «группой») на твоем материальн<ом> положении. По вопросу о твоем уходе мы одинаково (с Михайловым) думаем, одинаково и в том, что совсем плохо было бы устраивать тебе из-за этого материальн<ый> бойкот в Америке. Надеюсь, что его и не будет, очень хочу, чтобы не было.

В конце концов не знаю и того, действительный ли это разрыв или обмен пушечными выстрелами через океан (и, понятно, известная трещина в отношениях!), но все же не роковая. Хотелось бы, чтобы было так.

Да, вот еще что: в мае 47 года я действительно был против того, чтобы заваривать кашу. Правление и не заварило. Не от его имени поднят был этот вопрос. Правлению подали заявление (об изменении устава) 23—24 (точно не помню) члена Союза — ни моей, ни Зеелера подписи там не было. Решило же Общее Собрание.

Но с мая многое изменилось. Очень многое. В общем считаю теперь правильным, что разделение произошло. Если в синдикатах социалисты-рабочие отделяются от коммунистов, то странно было бы эмигрантам быть вместе с советскими или советофильствующими. У всякого свое мнение, пусть устраивают свои Союзы.

Извини, что, быть может, утомил тебя длинным письмом. Но после твоего письма считал нужным, еще до встречи с тобой личной, кое-что объяснить.

Как твое здоровье? Как чувствуешь себя в Русск<ом> Доме? Дай Бог поправляться и окрепнуть. Всего доброго.

Твой *Бор. Зайцев.*

От нас обоих привет и Вере и тебе.

184. В. Н. Буниной. 15 февраля 1948. Париж

15.II.48

Дорогая Вера, получил от Ивана открытку, отвечаю тебе — так будет спокойнее, проще. Еще проще было бы досказать все в разговоре, — в письме, к сожалению, слишком громоздко и трудно. Но все же надо, ибо из-за письма (последнего) Вам от М. С. получается неверное изображение «событий».

1) Сторона внешняя: я написал М. С. *не* сразу, ее письмо, которое я должен был переслать на юг, было написано *до* получения моего, на основании *других* писем, не моего. Ей писали, конечно, отсюда, позже писал и я — она спутала, очевидно, сроки получения и ретроспективно приписала все мне и Вере.

Но если бы даже «чудесным способом», по радио, например, она и получила бы мое письмо раньше, это нисколько не меняло бы дела. *Ни в какой мере* я не подстрекал ее к *ее* шагу, поступок Ивана не одобрял, как и сейчас не одобряю. Ни от чего не отказываюсь, по-прежнему считаю, что причина главная — влияние окружения, но из всего этого вовсе не следует, чтобы М. С. порывала с Иваном знакомство. Это совсем уж другое дело, дело личной ее реакции на факт бесспорный: Иван поддержал советских.

Одним словом, я начисто, без всяких разговоров отвергаю еще какую-то якобы *мою* вину! Этого только недоставало. Неужели серьезно можно думать, что я радовался бы Иванову действию? И скрывать этого в разговорах и письмах, конечно, не собирался.

2) Сторона внутренняя: с Иваном об этом не говорил — из-за состояния его здоровья. Не был уверен и в себе — иной раз не сдержишься и наговоришь такого, что потом и сам не рад будешь. И вообще это разговор тяжелый...

Насчет тебя и Зурова у меня не было и нет тяжелого чувства. Ты давно была определенного взгляда и настроения — у каждого может быть свой взгляд (это относится и к Зурову). А говорить тоже не хотелось. Письмо М. С. было для меня полной неожиданностью. Оно *лежало незапечатанное* в одном конверте с письмом ко мне, т<ак> ч<то> читать его *я имел право.* Пересылать было невесело, но необходимо.

В общем получилось все очень грустно. Единственно, что меня радует, это, что сам Иван такого же мнения, как и мы, считает «неестественным соединение в Союзе эмигрантов с советскими подданными». Мотив же выхода его становится совсем уж непонятным и «неестественным»... Впрочем, все друзья здесь считают, что причина главная — влияние. Подумай, он с самого приезда сюда окружен просоветской средой, сотрудничал в сов<етской> газете, и т. п.

Еще одна «веселая» черта: есть мнение, что ушел он из сочувствия *Ремизову*!

Слава Богу, материальн<ых> последствий эта история для Вас иметь никаких не будет.

Во всяком случае, искренно желаю и тебе и Ивану доброго здоровья и отдыха на юге. Вчера мы были у всенощной и встретили Лялю. Она очень неважно себя чувствует, даже в церкви испытала сильную боль в груди — думает, что солнечное сплетение.

Твой *Бор. Зайцев.*

185. И. С. Шмелеву. 3 июня 1948. Париж

3.VI.48

Дорогой Иван Сергеевич,

рад был получить Ваше письмо и узнать кое-что о Вас. (Мое впечатление, что в Америку пока не собираетесь?) Если так, то Бог даст еще увидимся.

Вас интересует «Р<усская> М<ысль>». Понятно. Мое мнение такое: материальн<ых> надежд на нее возлагать нельзя. Трех, четырех человек в редакции, она прокормить может (полуголодным образом), да двух-трех конторских служащих. А в наших с Вами бюджетах (хотя и считаемся «ведеттами») участие ее ничтожно — для вас сейчас, со швейцарскими франками просто никакое, я думаю! Да и для меня вроде того.

Подписка слегка подымается, растут и объявления, и розница, но все это, насколько знаю, не выходит за 7 тыс<яч> экз<емпляров>, в общей сложности. Далеко не уйдешь. Подумайте, газ<ета> существует второй год и нет своего телефона! Служащие получают нищенскую плату. В этих условиях трудно приглашать со стороны — я просто не решаюсь сказать: «Дайте статью» — зная, что не заплатят. (И то, слава Богу, удалось достать от о. Зеньковского хорошую <статью> о Бердяеве, да от Кассиана кое-что — но ведь это случайные, и очень «высокопоставленные» сотрудники). На литературный отдел я в общем никакого влияния не имею. Стихи печатаются любительские, ни одного «классного» поэта современного нет (хотя газет<ная> публика мало поэзией интересуется, это верно. А все же невредно бы подымать уровень вкусов).

Видел Вашу книгу. Вот это серьезное дело — «Лето Господне» — отличная вещь и оч<ень>, хорошо, что переиздана в расширенном виде. Но цена... 600 франков! Всячески желаю успеха.

В нашей жизни сейчас главное — новый внук. Младенец Петр Соллогуб, родился 16 мая, весом 4 кило (довольно крупный и, слава Богу, здоровый ребенок). Вера еще чаще теперь там бывает — к вечеру устает основательно.

У Гукасова печатается моя книжка — собственно, это 2-я часть «Глеба», но для «самостоятельности» названа «Тишина» — Калуга, гимназия... давно прошедшее, plusquamperfect.

Дорогой Иван Сергеевич, жму руку, оба мы шлем сердечные приветы. Если встречаетесь с Вышеславцевыми, передайте наши поклоны. — Знаете ли Вы, что скончался Нольде? На Гукасова это произвело большое впечатление: отменен даже обычный сегодняшний обед «Возрождения» (3-го июня). Ведь и правда, за короткий срок: Семенов, Макшеев, Суворов, Нольде... Бунин и Тэффи почти никуда не выходят, вот и считайте.

Да, насчет Бунина грустно. Мне, пожалуй, еще грустнее, чем Вам. На вечере Георгия Иванова я встретился с ним с внешней стороны прилично, но прежнее оборвалось.

Кстати, я подсчитал недавно: из прежней России осталось четыре писателя: Бунин, Вы, Ремизов и я — все москвичи.

Москва, значит, пока держится. Кроме того: все четверо живут в Париже по одной линии метро — самый старый ближе всех к центру города, а самый младший дальше всех от него.

Всего доброго!

Ваш всегда *Бор. Зайцев.*

P. S. Насчет Бэна еще: не только его выход с просоветскими, но и вообще пути разошлись.

186. И. А. Бунину. 6 августа 1948. Париж

День свв. Бориса и Глеба. *6.VIII.48*

Дорогой Иван, был на несколько дней в Париже, узнал о твоей болезни — захотелось написать несколько слов. (Двадцать три года тому назад ты приезжал в этот день к нам в Пюжет с Верой — так было хорошо, так запомнилось...)

Дай тебе Бог здоровья, бодрости, дай Бог написать еще что-нибудь очень хорошее, от всего сердца желаю.

Оба мы обнимаем тебя и Верочку. Господь, Вас храни.

Твой *Борис.*

P. S. Наташа тоже помнит этот день и тоже целует.

187. И. А. Бунину. 17 ноября 1948. Париж

17.XI.48

Дорогой Иван, уже несколько дней собираюсь написать тебе по поводу отвратительной заметки в «Р<усской> М<ысли>» — даже и писать грустно, но надо.

По теперешним временам и настроениям ты, пожалуй, еще подумаешь, что и я имею какое-то, хотя бы и косвенное, отношение к этому делу. Если есть у тебя такая мысль, то тем хуже, я и разубеждать, и «доказывать» ничего не стану, считая это ниже своего достоинства. Добавлю только, что редакции (членом которой *не* состою), я выразил протест.

Но вот еще выясняется, что ты не хочешь сотрудничать в «Возрождении» из-за того, что меня туда тоже пригласили. Так что выходит, что я тебе всюду поперек дороги. Меня это очень огорчает — ты знаешь, как я всегда высоко ставил и ставлю тебя в литературе — да и вообще такая позиция для меня неприятна. А потому я и решил, для облегчения общего, отказаться от участия в «Возрождении», если тебя это устраивает. Имей при этом в виду, что ни Тхоржевский, ни Берберова не

имеют также *никакого* отношения к статейке в «Р<усской> м<ысли>».

А затем желаю тебе всего лучшего, здоровья наиболее.

Твой *Бор. Зайцев.*

188. И. С. Шмелеву. 1 апреля 1950. Париж

1.IV.50

Дорогой Иван Сергеевич,

после Страстной собираюсь зайти к Вам, а пока, чтобы не терять времени, пишу несколько строк...

В ИМКЕ существует целая комиссия для чтения рукописей и отзывов. У каждого своя специальность. Я читаю т<ак> н<азываемую> «беллетристику» (и стихи — но стихов они почти не печатают). Литературная критика ко мне не попадает (это Вейдле или Елита-Вильчковский). Все эти «чтения» только осведомляют начальство. Помните «Булыгинскую Думу?» — Законосовещательную? — это мы. Решает Лаури (большое значение, я считаю, придает он и отзыву Крутикова, но уже в деловом плане, и это делается вне наших собраний).

Таким образом, книгу И. А. Ильина читать буду *не* я.

Но если бы даже и я, то за глаза, не видав и не познакомившись с рукописью, ничего не мог бы сказать — слишком мало его знаю как литературного критика.

Итак, зайду к Вам и поговорим подробнее. А пока позвольте сердечно поздравить Вас с наступающим праздником, пожелать всего, всего доброго — здоровья и сил в первую очередь. Вера так же шлет привет.

Ваш *Бор. Зайцев.*

189. Ю. А. Кутыриной. 29 сентября 1953. Париж

29.IX.53

Дорогая Юлия Александровна, Е. А. Зензинова передала мне Вашу просьбу, направленную ко мне.

Благодарю Вас за честь, мне оказанную, но взяться за это ответственное дело я не могу, — и здоровье неблестяще, и сил мало, и не общественный я человек.

Думаю, что лучше всего обратиться Вам или к Карташеву — он был очень близок с покойным Иваном Сергеевичем — или к кн. П. П. Волконскому.

Всего доброго, желаю Вам успеха.

Ваш *Бор. Зайцев.*

190. И. А. Бунину. 9 октября 1953. Париж

9.X.53

Дорогой Иван, ты вероятно очень удивишься, получив это письмо. Я сам отчасти удивлен, тем не менее пишу. Последнее время разбираю письма и привожу их в порядок. Твои у меня давно собраны, но на днях попалось еще одно, очень дружеское по тону. Попалось и письмо Веры, напомнившее мне Грасс и хорошие наши дни, о кот<орых> никогда не забываю. Но главное, сейчас я перечитал (в который уже раз!) чеховского «Архиерея». Рассказ этот ни к тебе, ни ко мне не имеет ни малейшего отношения — кроме того, что оба мы чрезвычайно высоко его ставим. Но он настолько сейчас взволновал и как-то возбудил меня, что я уже не могу не написать тебе. Может быть, это глупо. Даже весьма вероятно. Но я всегда делаю то, что хочу. И сейчас именно так.

У меня есть просто желание послать тебе добрые чувства. Пришла такая минута. Я ее не звал (м<ожет> б<ыть>, это мой грех), она сама пришла. Хочу еще сказать, что в том тяжелом, что было и есть между нами, *огромная* доля недоразумения. Ошибки может делать каждый, и все мы их делаем, но одно я знаю *наверно*: никогда никакого зла я тебе не делал (хотя ты, наверно, думаешь, что делал). Это дает мне большую свободу действий и сейчас, повинуясь внутреннему порыву, с совершенно открытым к тебе сердцем я просто хочу пожелать тебе всего, всего доброго — здоровья, хорошего душевного состояния и покоя. Вчера я был в Сергиевом Подворье (день св. Сергия). Владыка Кассиан в слове с амвона привел из Ап. Павла: «Праведность, мир и радость в св. Духе» — это и есть самое главное, а все остальное: раздоры, «вражда», Иван Иваныч и Иван Никифорович — это *все пустяки.*

Мне ничего от тебя не нужно. Мысленно я обнимаю тебя, Вере прошу передать привет, Зурова очень жалею. Дай Бог Вере сил.

Борис.

191. С. Ю. Прегель. 24 сентября 1955. Париж

24 IX.55

Дорогая Софья Юльевна, так «Богу содействующу», в субботу 3-го встретимся в подземельи и чокнемся за здоровье Даманской.

Вера шлет привет. Я также — и целую ручку.

Очень рад буду повидать Вас.

Всего доброго!

Бор. Зайцев.

192. С. К. Маковскому. 11 мая 1956. Париж

11.V.56

Дорогой Сергей Константинович, очень сожалею, но завтра на чтении Вашем быть не могу: кашляю, грипп, никуда не выхожу. Водову я говорил (когда был здоров), что в субботу увижу Вас. Он просил передать Вам вновь предложение сотрудничать в «Русской Мысли» — от себя целиком к этому присоединяюсь (собственно давно уже считаю Вас сотрудником). Если Вам нужна формальность, Водов может написать Вам — он об этом тоже просил Вам передать. Да, глупый грипп все мне напутал, не только с Вами.

Всего доброго!

Ваш *Бор. Зайцев.*

193. Л. Н. Любшютц. 29 августа 1957. Париж

29.VIII.57

Дорогая Лидия Николаевна, деньги для Нины только что от Гольдштейна получил (5 тыс<яч>) — Вы можете в любое время взять их у меня.

Сердечный привет от нас обоих.

Ваш *Бор. Зайцев.*

P. S. С Г. говорил, по телефону, решили оба, что лучше не ждать возвращения Струве.

194. В. И. Малышеву. 9 декабря 1957. Париж

110, rue Thiers, Boulogne (Seine) *9. XII.57*

Глубокоуважаемый Владимир Иванович, покойного Б. А. Лазаревского я знал, но не близко был знаком. (Совершенно не помню, о чем мог ему писать в 1910 году — это было так давно, и как бы на другой планете!) В Париже он вел обычную жизнь эмигранта — т<о> е<сть> скромную, ненарядную. Насколько знаю, семьи у него здесь не было, он жил один в дешевом отельчике (каких здесь море).

Знаю, что вел постоянные записи, ежедневные, т<ак> ч<то> архив его, вероятно, огромный (как попал он в Россию, не знаю).

Б<орис> А <лександрович> скончался в Париже незадолго перед последней войной, в госпитале Бусико. (С ним сделался

припадок в метро, его по-видимому, полуживого доставили в ближайший госп<италь>.)

Здесь он печатался очень мало и во всяк<ом> случае во второстепенных изданиях эмигрантских. Был членом нашего (Парижского) Союза Писателей, но похоронили его украинцы, а не мы — они считали его более украинцем, чем русским (великороссом).

К сожалению, сообщаю Вам мало. Если бы Вам понадобились еще какие-ниб<удь> сведения литературно-исторического характера, охотно сообщу.

С совершенным уважением

Борис Зайцев.

P. S. Да, вот: на днях похоронили мы А. М. Ремизова. Из писателей старшего поколения остался здесь теперь только я, как некий зубр Беловежской пущи. Ремизова знал полвека. И начинали мы вместе — в московск<ой> газете «Курьер» (1901 — я, 1902 — он).

195. Б. Л. Пастернаку. 10 февраля 1959. Париж

110, rue Thiers, Boulogne (s/s)
(France) *10.II.59*

Дорогой Борис Леонидович, вчера в Ваших «Автобиогр<афических> заметках» вычитал, что Вы родились 29 января стар<ого> ст<иля> — день моего рождения, только я старше Вас на девять лет.

Из-за этого 29-го мне пришла в голову мысль, может быть и странная, но подсказанная дружественным к Вам чувством: поздравить Вас с днем рождения.

А вот еще что — обращали ли Вы на это внимание: наш с Вами день «роковой» для русской литературы. Я давно это заметил. Очень с «золотым веком» связан.

Жуковский родился 29 января. Пушкин умер 29 января, Достоевский скончался в ночь на 29 янв<аря> 1881 г. (через неск<олько> часов после его кончины я родился в Орле).

Из всего этого конечно не следует и ни малейших выводов не делаю, но какую-то особую связь с великими «отцами» чувствую. А вот теперь оказывается, что нашего полку прибыло. Да, да, завтра вступаете в 70-й год земного странствия, дай Вам Бог сил и бодрости!

Ваш роман я прочел весь, вслух, моей больной жене, и нам очень понравилось. Вы не романист, а поэт, и везде Вы, а не Ваши действующие лица. Но чрезвычайная Ваша привлекатель-

ность разлита всюду и покоряет. Я за вас очень радовался, что Вы написали отличную хаотическую поэму. Даже старый и равнодушный Париж вы перебаламутили. На моей памяти ни один русский писатель не производил такой кутерьмы — я очень был доволен за русское имя. (Только не увлекайтесь этой шумихой — *это* все пройдет.) Дай Вам Бог остаться тем же скромным, угловатым, каким помню Вас в Москве 1921—22 г., когда Вы приносили мне свою прозу — рукописи, по-моему, отрывки из «Детства Люверс» — там было что-то про Урал, и мне сразу понравилось (а стихи Ваши тогдашние не нравились. Теперешние — прелесть). У жены моей в столике у кровати лежит листик «в больнице», и когда ее приходят навещать друзья, она вынимает и я читаю вслух. Думаю, раз двадцать уже прочел.

Не знаю, доходят ли до вас книги отсюда. Если доходят, послал бы Вам своего «Жуковского», это чтение плодотворное (не то, что Сирин). Удивительный человек был Жуковский. Единственный ангел в русской литературе.

Будьте здоровы и благополучны. Всего Вам доброго.

Ваш *Борис Зайцев.*

P. S. Путаюсь в Вашем адресе. Отправляю 11-го — как раз!

196. В. И. Малышеву. 28 марта 1959. Париж

28.III.59

Глубокоуважаемый Владимир Иванович, насчет протопопа Аввакума я Вам ничего не могу сообщить (Зуров мне передал Вашу просьбу, и я охотно ее исполнил бы, если бы знал что-нибудь). По этой части Вам может быть полезен, думаю, Петр Карлович Паскаль, проф. Сорбонны, знаток как раз всего аввакумовского. (Впрочем, Вы вероятно и без меня это знаете.)

А вот Вам, или для хранилища какого-ниб<удь> в России, посылаю 4 письма мне и моей жене И. А. Бунина. Его у вас издают, кажется, есть даже его «комната» — не знаю, в Москве ли или Ленинграде. У меня было оч<ень> много его писем, большинство, с главной частью моего архива, ушло в Колумбийский Ун<иверсите>т (Н<ью>-И<орк>), там покупали и рукописи мои (черновики) и письма ко мне писателей.

Но сейчас просто захотелось, чтобы что-нибудь осталось на родной земле. Поэтому и посылаю. На всякий случай сделал небольшие примечания, чтобы — если кто будет читать — понятнее было.

Будьте здоровы, всего лучшего.

Ваш *Бор. Зайцев.*

197. Б. Л. Пастернаку. 5 апреля 1959. Париж

5.IV.59. Париж

Дорогой Борис Леонидович, очень был рад получить Ваше письмо, очень. Письмо замечательное, по тону, духу возбужденности и *молодости.* Вообще блестяще написано. (И сколько за строками горечи! Но горечь Вас не подавляет, а воспламеняет. Если бы я не знал Вашего возраста, я бы сказал, что написано молодым человеком.)

А работу Вы мне задали знатную. При каждом новом посетителе жена делает мне знак и шепчет или говорит вполголоса: «Читай, читай». Если бы не плохая память, я знал бы уже все наизусть.

Так что Вы делаете конкуренцию Петрарке.

Когда Петрарка жил под Авиньоном, в Воклюзе, то писал письма друзьям во Флоренцию. Все-таки некот<орые> письма пропадали — под Флоренцией водились разбойники и грабили путников. особенно удачным считался грабеж, где оказывались письма Петрарки.

Не вслух, конечно, грабили. Когда друг получал письмо, то вечером устраивался ужин. Приглашал знакомых и своих друзей — гвоздь всего, чтение вслух письма Петрарки. Но я ужинов теперь устраивать не могу, все же нечто мне напоминает XIV век.

Вспомните обо мне 12-го апр<еля>, буду читать в Консерватории «Серебряный век» — и свое, отрывок из «Рафаэля» (написано 40 лет назад), и небольшую теперешнюю вещицу («Разговор с Зинаидой»). О Серебряном веке бегло — из воспоминаний, размышлений и «заметок». Вас ставлю в традицию «Золотого века», не в смысле подражательности или перепева, а питаетесь Вы из того же источника («питательного»).

«Жуковского» на днях высылаю. Степуну написал, С-го знал очень мало, но просил передать ему через знакомых.

Вера просит Вам кланяться, она очень к Вам хорошо относится. Как и я. Но мы наверно никогда не увидимся.

Был тут мой старый друг Ло Гатто, он сразу сказал: «Этот почерк я отлично знаю!« Он очень мил и очень несчастен (вообще счастливых в нашем возрасте не вижу) — у него больная жена (склероз мозга, никого не узнает, спрашивает его, кто он, кто она сама и т. п.).

Да, у каждого свое горе. (Ошибаюсь ли я: мне кажется, что русское слово «горе» сильнее франц<узского> chagrin?)

У моей веры сейчас еще грипп! t° была 39,2, Сейчас сильно упала. Но главная ее болезнь длительная, некот<орые> успехи достигнуты — в речи, движениях — ведем ежедневную, но упорную борьбу с недугом. Очень нам помогает моя дочь. Ее

зовут Наташей, она вывезена (во чреве матери) из Италии, и светом Италии полна. И добротой.

Господь Вас храни. Мужайтесь. Вас оч<ень> многие любят и Вы очень нужны.

С душевным приветом

Бор. Зайцев.

P. S. В том экз<емпляре>, кот<орый> я читал Вере, ошибок было оч<ень> мало.

P. P. S. Может быть, тут выйдет в моем переводе (ритмической прозой, строка в строку) мой «Ад». Это давняя моя работа, я сидел над этим «Адом» 5 лет (1913—1918). — Зависит от того, соберут ли достаточно денег для издания.

Перевод Лозинского виртуозен, но *звука* Данте нет, несмотря на терцины. в Данте не было никакой виртуозности. Он вполне первозданен, даже дик. Не знаю, удалось ли мне дать этот отзвук, но когда-то я очень увлекался этой работой, а теперь, перед концом — уже близким — хочется привести в порядок все свое литер<атурное> хозяйство.

198. В. И. Малышеву. 25 апреля 1959. Париж

25 IV.59

Глубокоуважаемый Владимир Иванович, книга Амфитеатрова, о которой упоминаете, у меня есть, я ее Вам высылаю. Об Аввакуме кое-что найдете в ней, но наверно Вам уже известное. Насчет «Сполохов» ничего не могу сказать, кроме того, что название такое помню, был такой альманах.

За книги весьма благодарен, и за «Пушкинский дом», и за «Бюллетени». (А у нас скоро опять открывается «Тургеневская библиотека», утащенная в свое время немцами — конечно, не в том объеме будет, что было раньше (100.000 томов) — все же Библиотека и теперь больше для молодых французов, изучающих русский язык — таких много развелось! — да и для типов Третичной геологической эпохи, как я, с твердым знаком и «ять»).

Недавно в газетах прочел, что я старейший писатель эмиграции. Это-то верно. Но, кажется, и России, все мои сверстники у Вас перемерли — в чем нет ничего удивительного.

Посылаю еще две фотографии свои: веселую и задумчивую. Снято не вчера. Думаю, лет 15 назад. А м<ожет> б<ыть>, больше. Забыл.

Измайлову передайте, что письмо его получил, благодарю за внимание.

А сами примите привет и лучшие пожелания.

С уважением

Бор. Зайцев.

199. Б. Л. Пастернаку. 14 июля 1959. Париж

14.VII. 59

Дорогой Борис Леонидович,

третьего дня Наташа уехала с мужем (ее фамилия Соллогуб) на месяц под Флоренцию, в Валломброзу. Оставила мне «Фауста», которым оч<ень> гордится и вообще она в восторге, что Вы прислали ей эту книгу — так вот я стал читать, испытал давно не посещавшее чувство: поглощение некиим очень высоким, совсем необычным, не-русским, но «всемирным» миром. Да, «великое».

Я с Гете давно не встречался. В 1906—7 гг. — лучшие люди моей жизни — на Спиридоновке в д. Армянских, читали Гете по-немецки, упорно, медленно. Помню, оч<ень> нравилась «Ифигения», «Тассо», «Герман и Доротея», стихи, «Wahlvervandschaften» (немецкий плохо знаю, м. б. неправильно пишу). «Вильгельм Мейстер» — по-русски, а «Фауст» как-то с ранней юности во всех нас сидел, но общипанный и подкрашенный оперой, не тем будь помянут Гуно. И, конечно, лишь первая часть. Почему-то я читал «Фауста» в переводе Холодковского.

А второй части никогда не читал, говорю прямо. Теперь все это передо мной раскрыто. Читал в Вашем (превосходном!) переводе, медленно тоже, но забегал уже и во вторую часть, нюхаю, как собака тетеревиный след на охоте и, так сказать, делаю стойку: прочел еще немного, но уже нюх не обманывает: грандиозно. Храм раскрывается, входишь в огромное здание и незаметно подымаешься над землей. Да, судьба человеческой души! Единая на потребу! Конечно, я ошибался, считая Гете только язычником — он гораздо глубже и загадочней, мистик и на границе христианства. Спасибо Вам великое, что ставите меня, на закате моей жизни, опять лицом к лицу с величием.

Ваши слова о «Жуковском» глубоко меня тронули. Да и если бы их не было, все равно я находился бы в какой-то степени в Вашей власти — и действительно, благодаря этому «баснословному» году. Раньше мало Вас знал (а Маяковского всегда терпеть не мог). Помню, в 22 г. Вы приносили мне свою прозу, в Москве. Вероятно, это были куски «Детства Люверс» — мне нравилось: шероховато, крупнозернистый стиль. А потом огромный перерыв, в который ушла чуть не вся жизнь зрелая. И вот сейчас вы мне опять и уже окончательно раскрылись, но несколько в большем виде!

Тут многие *за* Вас, но есть и против Вас. Для меня Ваш Доктор — лакмусовая бумажка: *за* Вас близкие мне по духу, друзья, против — чужие.

Недавно вышел мой «Золотой узор» по-испански. А затем известие из Барселоны, что предстоит «русская серия» — Бунина, Куприна, я, Шмелев и др. Не знаю подробностей, но уверен, что тут не без Вас. Т. е. Вы подогрели интерес к русским, и там взялись даже за ихтиозавров.

Получили ли Вы мое письмо о Петрарке? Итальянское всё — моя слабость. Против Гете у меня был малый зуб: вот он приехал в Ассизи и написал *только* о захудалом храмике Дианы (кажется), а св. Франциск, Джотто — их будто и не существовало! Это и дало впечатление: ну, язычник и больше ничего. Ощущение одностороннее, теперь признаю.

Мое давнее поклонение — Данте. С 1913—18 гг. я переводил и перевел «Ад». Трижды он был продан и трижды войны и революции губили издательства. Теперь есть надежда, что выйдет в Америке. Посмотрим. Перевод *ритмич<еской>* прозой, с *моей* вводной статьей. При немцах я целый год вновь сидел над ним и правил, носил рукопись с собой в подвал при бомбардировках, но ничего, выжили и он, и я. — Если появится в печати, вышлю Вам непременно.

Напишите, пожалуйста, еще роман, и поскорее, пока мы с вами еще живы — я опять буду читать ей вслух. Она смиренно переносит свою долгую болезнь — и чтение есть ее главная радость. Я стал профессиональным чтецом, мы прорыли, как туннелями, всю классическую русск<ую> лит<ерату>ру. Но за послед<нее> время Вера гораздо лучше стала сама читать и даже писать — левой рукой, (правая не действует еще).

Помните, что если скоро не напишете романа, нам придется во второй раз на $2^1/_2$ года читать «Войну и мир» и «Братьев Карамазовых».

Обнимаю Вас. Дай Бог Вам мира душевного и творчества, таковы же чувства к Вам моей жены и дочери. Вашей супруге привет — в ней тоже итальянская кровь, как и в моей Вере. Dominus det tibi fortitundinem (это надпись на колокольне итальянск<ой> церкви в Cavi, близ Генуи. Помню, как она меня утешила полвека назад).

Господь Вас храни. С любовью

Бор. Зайцев.

Приписка В. А. Зайцевой:

Спасибо Вам за все, дорогой Борис Леонидович.

Ваша Вера.

Да, вот еще что: здесь есть русск<ий> текст Ваших автобиографических заметок, очень бы хотелось его опубликовать, но есть препятствия со стороны некоторых французов. — Не

разрешите ли мне распорядиться напечатанием их (до сих пор во Франции эта книга на русск<ом> яз<ыке> не появлялась). Между тем, возможность напечатания есть. Разумеется, просьба эта не связана ни с какими материальными интересами и ни с чем политическим.

200. Б. Л. Пастернаку. 9 сентября 1959. Париж

9.IX.59

Дорогой Борис Леонидович,

Ваше заказн<ое> письмо на имя Наташи получили, оба сердечно благодарим за его тон и дружественный дух. (Наташа носит это письмо с собой постоянно.) А как жаль, что Ваше письмо о Петрарке пропало! Вы правильно угадали, что я его не получил.

Наташа с мужем объездила в июле чуть не всю Тоскану на автомобиле, в полном восторге — считает, что любовь к Италии унаследовала от родителей (в Вере есть итальянская кровь, как и в Вашей супруге), а во мне нет, но я этой страной уязвлен с юности. Я-то ее больше никогда не увижу, а насчет Вас верю, что настанет день и, б<ыть> м<ожет>, недалек уже он, когда Вы сможете побывать в Ассизи, Флоренции... — просто как путник, поэт-странник, пилигрим. Поклонитесь тогда этим святым для меня местам.

Возраст Ваш не такой *детский,* но в *письмах* Ваших удивителен «ветер молодости» душевной, в очень хорошем смысле. Живая душа! (Это ж и в романе.) В этом (т. е. душой, а не романом) Вы похожи на мою Веру, Наташу. Да не только в романе, во всем писании Вашем такое же. При том — широкая волна, и дыханье глубокое, как бывает у певцов. Этому даже завидую. Нет, слово не годится. В моем отношении к Вам ни капельки яда нет, и корысти никакой. Но Вы настраиваете меня на летящий лад, на полет некий. Вы на меня хорошо очень действуете, освежающе, как и почти на всех впрочем, кому мы с Наташей даем или читаем Ваши письма.

Не мучьтесь тем, что многое теперь печатают, чего Вы не хотели бы, от чего отошли. То, что мне приходилось знать, все на настоящем уровне, одно лучше, другое меньше нравится, но это неизбежно. И неизбежно, что молодой Пастернак писал иначе, чем зрелый. Важно, что он как следует созрел. (Единственн<ое> исключение — одни стихи, связ<анные> как раз с этим «баснословным» годом: не моего романа. Слишком памфлетно, в политическ<ом> тоне. М<ожет> б<ыть>, Вы и не предназначали их для печати, но ведь когда Вы раздаете ино-

странн<ым> журналистам всякие бумажки, это сейчас же переводится, печатается и т. п.)

Простите за откровенность, но она исходит из самого лучшего отношения к Вам.

Да, и еще помните: за Вами новый роман, а то мне скоро совсем нечего будет читать Вере.

За разрешение печатать Автобиог<рафию> благодарю, кое-какие шаги уж предприняты, но не думайте, что тут есть какие-либо материальные интересы. По условиям здешней русск<ой> жизни никто ничего не получит денежно, а литературно получит. (Лично я живу небогато, в двух комнатках, но не нуждаюсь. Богатство же всячески мне всегда не нравилось. Бог с ним.)

Обнимаю Вас братски, дорогой Борис Леонидович (как старший брат младшего), супруге Вашей привет — вернее было бы написать «обнимаем», т. к. сюда входят и Вера, и Наташа, весь семейный «комбинат».

Ваш всегда

Бор. Зайцев.

Приписка В. А. Зайцевой:

Дорогой Борис Леонидович, люблю и целую, привет Вашей жене.

Ваша Вера Зайцева.

P. S. Пишу левой рукой.

P. P. S. Правая еще не действует.

201. П. П. Ширмакову. 7 января 1960. Париж

7.I 60

Милый Павел Петрович, пишу Вам под звуки радиопередачи Рождественской Литургии, ведь у нас нынче Рождество. Очень хорошо поют в Соборе на Rue Daru.

Ваше письмо тоже и порадовало, и взволновало меня — и на всю мою семью произвело большое впечатление: здравствуй, племя младое, незнакомое! — возрастающее на нашей Родине. Привет тебе от уходящих уже из жизни (и от входящих здешних).

В письме Вашем трогает именно свежесть, молодость, какое-то стихийное дыхание народа нашего, которому, конечно, открыто огромное будущее.

Что касается Вашего желания писать, то тут могу сказать одно: если желание это серьезно и упорно, пробуйте. То, что много переделываете, — хороший признак, а не плохой, как Вы, кажется, думаете. (Все пишущие дамы дуют без помарок, только многоточия стараются ставить чуть не на всякой строч-

ке.) — Что именно Вы пробуете писать, я не знаю, т<ак> ч<то> ответ мой довольно общего характера. Скажу только, что в письме Вашем и меня и *всех*, кому я его показывал, удивил отличный русский язык — и простой, и литературный одновременно, без всяких специальных штучек.

Всех нас, конечно, очень трогает это отсутствие разрыва в оценке настоящей культуры, которая выше разных политич<еских> систем.

Вы спрашиваете о моей семье: да, моя жена со мной, мы вместе 57 лет, сейчас она, к сожалению, больна, и уже давно, но сохраняет светлость духа и кротко переносит свою долю. Очень нам помогает дочь, Наташа Соллогуб, она прелестная, как и мать, и полна любви действенной к нам. У нее двое мальчиков. Один, 14-ти лет, написал в Лицее сочинение о Раблэ лучше всех французов. По-русски они говорят, но охотнее переходят на французский. Миша — старший, и младший Петя (тоже в Лицее).

Поразило меня, что рукописи таких давних, полудетских рассказов моих, как «Соседи» и др<угие>, попали к Вам. Откуда? Из архива газеты москов<ской> «Курьер»? Боже, какая это все давность! Более полувека.

В Москве в Публ<ичной> Библ<иотеке> больше моих книг, чем у вас (так мне оттуда пишут). Вот весной выйдет, Бог даст, мое «Избранное», пришлю Вам. Это рассказы, отобранные с 1904 <по> 1958 (но кн<ига> небольшая по размеру. Денег мало, изд<ательст>во это — самих писателей, вроде кооператива. Приходится им очень экономить и на размере, и на бумаге, и т. д. Гонорара никакого. Дадут 150 экз<емпляров>, кое-что продам из них, кое-что разошлю — вот Вам, в Москву, здешним критикам и друзьям. Не собираетесь ли в какой-ниб<удь> туристическ<ий> визит летом сюда — тогда увиделись бы, поговорили. Мы всегда будем рады видеть Вас.

Сейчас я очень завален всякими письмами, поздравлениями и ответами, огляжусь немного, выберу что-ниб<удь> послать Вам из моих здешн<их> книг. (Далеко не все можно и здесь достать. У меня есть такое «Путешествие Глеба»: автобиографич<еская> тетралогия: 1) «Заря», 2) «Тишина», 3) «Юность», 4) «Древо Жизни». Всего этого послать не могу — первого вообще больше нет в продаже (это детство), из остального что-ниб<удь> добуду и пришлю. Биографич<еской> серии моей не знаете, наверно: «Жизнь Тургенева», «Жуковский», «Чехов». Но это все надо покупать. В Москве «Ж<уковский>» и «Ч<ехов>» есть.

Сердечно желаю Вам успехов в Новом году. Всего, всего доброго!

Ваш *Бор. Зайцев.*

202. В. И. Малышеву. 14 января 1960. Париж

14.I.60

Дорогой Владимир Иванович, благодарю Вас за поздравление, самым искренним образом желаю Вам тоже всего лучшего в <19>60-м году. — Если могу быть чем полезен — пожалуйста. Да только насчет Вашего Аввакума я не ходок, очень мало его знаю и вообще мало имею к нему отношения. — Будьте здоровы и бодры, как полагается в Вашем возрасте.

Привет.

Ваш *Бор. Зайцев.*

203. Б. Л. Пастернаку. 5 февраля 1960. Париж

5.II.60

Дорогой Борис Леонидович, давно собираюсь написать Вам, поблагодарить за «Автобиогр<афические> зап<иски>» — все это уже появилось здесь по-русски; тот, кто Вас ценит и любит, (а их много) принял очень хорошо. Жаль, что мало, хотелось бы больше текста, но о некот<орых> полосах жизни Вашей трудно было писать (а может быть, и невозможно, это понятно).

На днях получили мы из Осло письмо от Машуры, племянницы Веры, она была теперь в Москве и у Вас была, передает Ваш привет нам. Спасибо сердечное. Хочу (и получу, конечно) от нее подробное описание путешествия к Вам. Видимо, с Ниной Бруни?.. Их обеих мы знали в Москве детьми... Машура была прелестная девочка, и очень красивая. Давно это было.

Приближается наш с Вами день: 29 января по ст. ст. — 11 февраля по-теперешнему. Вам будет 70 лет. От всего сердца и я, и Вера, и Наташенька желаем Вам всего доброго, и «во всем благого поспешения». В библейские времена этот возраст считался чуть не пределом, но ведь у царя Давида было шесть жен, а у Соломона 700, так что расход большой, кроме того, войны, пещеры и т. п. — Мне на днях 79, начинается мой восьмидесятый год. Вряд ли что-ниб<удь> новое (существенное, не мелочи) удастся написать, да довольно, больше полувека мозолил глаза. А прежние мои вещи (кое-что) переиздаются. К июню должно выйти в Мюнхене «Избранное» — рассказы (вернее вроде небольших поэм в прозе) — от 1904 г. до 1958-го! книжка небольшая, в кооперативном, безденежном изд<ательст>ве. Если доживу, пришлю Вам. (Толстой говорил: «е. б. ж.».)

А как Ваша пьеса? Ах, писать пьесы трудное занятие. И неблагодарное. В молодости одно время я этим занимался. Из трех моих пьес две провалились, третья имела успех, но я твердо убедился, что никакой я драматург — и бросил «сцену» раз навсегда. Переживания же в театре очень сильные. Сидишь на премьере в ложе лицом к лицу с толпой, не то врагов, не то друзей. Могут осмеять, могут и превознести. Ну, Бог с ними. Это все pluaquamperfectum[1]. — А вот нынче как раз получил письмо из Америки, что дают денег на издание моего перевода «Ада» Данте. Я пять лет сидел над ним (1913—1918). Опять-таки: «е. б. ж.» — это все не так скоро осуществляется. Наверно, печатать будем здесь. (Перевод ритмической прозой.) Да, литературная загвоздка сильна. Вот, и жизнь прошла, и все говоришь о каких-то книгах.

Вера так же кротка и добра. Водим ее три раза в нед<елю> по квартирке, массаж, много читаю ей вслух. Пошлите ей мысленно доброе радио. Мы называем это молитвой.

Господь Вас храни на украшение литературы нашей.

Ваш с любовью

Бор. Зайцев.

Вера шлет душевный привет.

Получили ли Вы альм<анах> «Воздушные пути», в Вашу честь? Неплохой. Мне прислали.

---

[1] давно прошедшее *(нем.)*.

204. П. П. Ширмакову. 22 января 1961. Париж

22 I.61

Дорогой Павел Петрович, вчера Сионский зашел, я сплавил через него «Анну» для Пушк<инского> Дома, но письма у меня не были подготовлены, т<ак> ч<то> посылаю их отдельно, вдогонку — это уж выпадает на долю моей дочери Наташи, кот<орая> и так работает на нас как «купленый раб». Но я почти никуда не выхожу из дому.

Письма прилагаемые — остатки случайные архива, кот<орый> я продал в Колумбийский Ун<иверсите>т (жить надо чем-нибудь, мы ведь совсем не обеспечены, а гонорары в эмигр<ации> нищенские). Все-таки, до сих пор в горькой нужде не был, а богатства мне не надо, это совсем не по моей части.

Итак, тут есть Ремизов, Тэффи, Кускова (все покойники), а другие более молодые, но среди них тоже достаточно покойников. «Хобот» выдумал сам Ремизов, он вообще много чего

выдумывал — что значит, сообразите, надеюсь без труда. (Однажды он распустил по Парижу слух, что у Бердяева родился ребенок — Б<ердяев> был в негодовании, хотя, по-моему, это довольно безобидно.) Но Бердяев не любил детей («дурная бесконечность» — вообще чепуха). Т<о> е<сть> это я считаю чепухой такое отношение к продолжению рода. Да, но, по правде, сказать такая фабрика детоводства, как была у Толстого, и меня не радует. А у Вас сколько будет? Постарайтесь, чтобы не больше 2—3.

Ну вот-с. Будьте здоровы. Супруге привет.

Всего доброго.

Ваш *Бор. Зайцев.*

205. В. И. Малышеву. 9 февраля 1961. Париж

9.II.61

Дорогой Владимир Иванович, сердечно благодарю за память и доброе отношение. Меня очень трогает, что некоторые на Родине помнят еще обо мне и высказывают сочувствие (а иной раз пишут письма такого тона, какого здесь и не встретишь).

Жму руку и желаю Вам всего доброго.

Бор. Зайцев.

206. Л. Н. Назаровой. 15 февраля 1961. Париж

15.II.61

Глубокоуважаемая Людмила Николаевна.

Вы очень тронули меня таким горячим и сочувственным письмом. При всей горечи жизни радостно сознавать, что на Родине есть кто-то тебе созвучный (по литер<атурной> линии) и что писание твое куда-то доходит.

То внимание и та огромная литературоведческая работа, кот<орая> совершается сейчас в России по отн<ошению> и к классикам, и даже не к классикам, всегда меня и удивляла, и радовала. В добрый час!

Разумеется, я вышлю Вам «Жизнь Тургенева» на днях (у меня давно и серьезно больна жена, я почти не выхожу из дому, но есть и дочь, и друзья, кот<орые> помогут).

Дай Бог Вам мирно трудиться над отцами нашей литературы — и вообще желаю Вам всего доброго.

С искренним уважением

Бор. Зайцев.

207. Л. Н. Назаровой. 17 июля 1961. Париж

17.VII.61

Дорогая Людмила Николаевна, спасибо сердечное за ваше трогательное письмо. И за «Письма Тургенева» — замечательное издание!

Позвольте хоть пустячком ответить на Ваше доброе отношение. Физически пустячок. Но душевно посылаю Вам самое дружественное радио.

Ваш *Бор. Зайцев.*

208. Л. Н. Назаровой. 30 июля 1961. Париж

30.VII.61

Глубокоуважаемая Людмила Николаевна,

Сердечно благодарю Вас за письмо о моем «Тургеневе» — как Вы к нему отнеслись!

«Письма Тургенева» получил и тоже кланяюсь за них. Издание превосходное. Сколько познаний и любви в это вложено! — Недавно читал в одном здешнем альманахе сценки из советской жизни. Как раз рассказано, как две барышни в мороз стояли ночью в очереди к подписке на Тургенева (дело шло не об этом, видимо, изд<ании>, а о предыдущем, в 11-и томах, без писем).

Что в России очень много читают, я знал и раньше, все-таки, «стоять в очереди к Тургеневу», мне очень понравилось. Вообще большая слава Тургенева и Чехова на Родине очень меня радует.

С М<ихаилом> П<авловичем> отправил Вам пустячок, примите как малое выражение симпатии и признательности.

С лучшими к Вам чувствами

Бор. Зайцев.

209. Л. Н. Афонину. 19 октября 1961. Париж

19.X.61.

Многоуважаемый Леонид Николаевич,

Валентин передал обе книги, кот<орые> Вы любезно отправили мне — очень, очень признателен.

Все, что касается покойного Леонида, мне, конечно, особенно интересно: связано с юностью моей, лучшими годами жизни. Самого Леонида я очень любил, в те времена это было даже

некое мое увлечение, и я бывал нетерпим (к тем, кто его не одобрял как писателя). Он много облегчил мне первые шаги в литературе, это не забудешь.

Да, странно: собственно мы совсем разные как писатели и дороги наши очень разошлись с годами, но добрые отношения сохранились до самого его конца — преждевременного! — конечно.

Получили ли Вы мою книгу «Жизнь Тургенева»? Я давно ее послал, по совету Вадима Андреева. Может быть, не дошла? (Слышал я, что в провинцию книги отсюда хуже доходят, чем в Москву и Ленинград.)

Прислала мне очень милое письмо Назарова, просит прислать две фотографии — одну Вам для Музея, другую лично ей. На днях сделаю это.

Да, я родился в Орле и первый год жизни в нем провел. А в гимназии я учился в Калуге. Но в те времена подумать было нельзя, чтобы в таких городах могли выходить книги о Тургеневе, Андрееве...

Будьте здоровы и благополучны. Всего доброго.

Ваш *Бор. Зайцев.*

210. Л. Н. Назаровой. 28 ноября 1961. Париж

28.XI.61

Дорогая Людмила Николаевна, сердечно благодарю Вас за такое ласковое и доброе письмо, очень рад, что «Тургенев» мой пришелся Вам по душе.

Фотографии непременно вышлю — и Вам лично, и Пушкинскому Дому. Как раз вчера меня снимали за письменным столом, кажется, хороший аппарат. Если удачно выйдет, пришлю эти. Есть у меня и прежние, большие, превосходно сделанные в художественной фотографии Парижа, но довольно давние уже, теперь я не такой... (У меня 5 лет уже больна жена, я веду жизнь «тихую», скорее я врач сейчас, чем писатель.)

Вышлю также «Ад» Данте в моем переводе, наконец появился, это довольно-таки фундаментальное предприятие (работал 5 лет — 1913—18, в 42 г<оду> все здесь пересматривал строка за строкой). Это — часть моей жизни, я носил рукопись в подвалы при бомбардировках, она трижды была продана и трижды войны, революции, нашествия иноплеменных (немцев) все разметывали.

Как бы прощальная моя книга. Хоть и «перевод», но в душе и жизни занимала большое очень место.

Всего доброго! Будьте здоровы и благополучны. привет тем Вашим, с кем у меня были кое-какие литер<атурные> отношения.

Ваш *Бор. Зайцев.*

Р. S. добавлю еще: меня всегда удивляет и радует дружественный тон писем из России. И от незнакомых. Я думаю, в России довольно много энтузиастов и горячих душ, больше, чем здесь.

211. Л. Н. Назаровой. 28 февраля 1962. Париж

28.II.62

Дорогая Людмила Николаевна, наконец, мне пересняли в достаточном количестве рисунок — портрет художника Сергея Иванова (он портретист, вероятно, малоизвестный в России — больше в Англии и Америке). У него отличный портрет А. Н. Бенуа (в шубе), М. С. Цетлиной. Слава Богу, он не «абстрактный», работает в духе настоящих мастеров эпохи Возрождения (это здесь сейчас не весьма модно). Мне и многим моим знакомым и друзьям прилагаемый рисунок очень нравится. по-моему, сходство большое, но это и не фотография.

Получили ли Вы моего «Тургенева» для орловского музея? Я решил обеспокоить Вас этим потому, что посланный (уже давно!) «Т<ургенев>» непосредственно в Орел не дошел, у них нет этой книги. Не первый случай: в провинцию гораздо хуже доходят отсюда самые безобидные книги. (И картины, мне говорила об этом вдова одного художника здешнего.)

Итак, покорнейшая просьба: переслать в Орел и книги, и рисунок. (если кн<ига> получена Вами, попытаюсь прислать другой экз<емпляр> — прямо на Пушкинский Дом.)

Афонина письмо получил и мое к нему (о Л. Андрееве) дошло. Говорят, скромный и симпатичный человек, дай Бог ему здоровья. (Не знаю только его имени и отчества, не написал, разбойник!)

А Вас, Людмила Николаевна, сердечно приветствую, и хотя не встречал Вас никогда, но заочно чувствую большое расположение и симпатию. Да и слышал о вас одно хорошее. — Будьте здоровы, трудитесь во славу родной науки (2-й том писем Тургенева получил, очень благодарю. Издание замечательное!)

С лучшими к Вам чувствами

Бор. Зайцев.

Р. S. Будьте добры, сообщите, дошли ли до Вас фотографии и это письмо.

212. Л. Н. Назаровой. 26 марта 1962. Париж

26.III.62

Дорогая Людмила Николаевна, рад был узнать, что «Тург<енев>» и «Жуковский» дошли в Пушкинский Дом. Я послал еще 3 снимка с портрета моего — один Вам, один Пушк<инскому> Д<ом>у, один в Орел. Вот не знаю, дошли ли эти снимки. (Слава Богу, это не «абстрактная живопись», которой здесь многие увлекаются.)

Альбомчик Ваш о Пушкин<ских> местах получил, сердечно благодарю, с удовольствием его рассматриваем.

Я никогда не был в Царском Селе. Недавно узнал мнение одного иностранца, что это (будто бы) красивейший город мира! (Флоренцию и Венецию не уступлю, но дворцы там действительно замечательные! Растрелли — опять моя Италия.)

Сейчас получил письмо от одного вашего сотоварища по Пушк<инскому> Д<ому>. Там сказано, что все, посланное мною для Орлов<ского> музея, получено и будет передано туда. Вот это все: значит ли и портреты, или только книги?

Буду очень признателен, если черкнете два слова об этом — простите, что утруждаю мелочами.

Приезжайте к нам еще раз, познакомимся. Очень жалею, что тогда не встретились. Покойная Вера (Бунина, подруга юности моей жены) очень хорошо о Вас говорила.

А может, и никогда не увидимся! Мне недолго осталось жить.

Во всяком же случае — всего Вам доброго.

Ваш *Бор. Зайцев.*

213. Л. Н. Назаровой. 5 апреля 1962. Париж

5.IV.62

Дорогая Людмила Николаевна, очень рад был получить Ваше письмо, как всегда полное дружеского расположения. Кроме того, удивительный факт Вы сообщили, что дама переписала от руки всего «Тургенева»! Здесь все просто ахают. Уж очень «неслыханно». (Моя племянница сказала, что в ней даже мурашки по телу побежали, когда дочь моя Наташа сообщила ей это.) Я тоже изумляюсь и прошу Вас передать низкий мой поклон этой даме и сердечный привет. Такой случай — первый в моей долгой литературной жизни.

Россия, Россия, Россия,
Мессия грядущего дня...
(А. Белый)

Да, это могло произойти только в России.

Вы как-то спрашивали меня, где именно в Орле я родился. Ответ: в доме дяди моего, известного тогда орловского адвоката Александра Ник<олаевича> Зайцева, старшего брата моего отца — на Левашевой горе, так называлась тогда местность, если не ошибаюсь, что-то вроде холма, недалеко от городского сада. В Орле прожил я первый год жизни своей, но потом, мальчиком 7—8 лет, вновь был с матерью в Орле, у того же дяди Саши.

Другой мой дядя, Николай, жил на Дворянской улице. Из окон его дома, помню, показывали мне через улицу дом Калитиных из «Дворян<ского> гнезда». Имя Тургенева я знал уже тогда, а «Первую любовь» прочел позже, лет 11-ти, уже в Людинове Калуж<ской> губ<ернии>, и, помню, чуть не полчаса бегал в восторге по аллеям сада — т<ак> ч<то> Тургенев с ранних лет пришел в мою жизнь, да и в доме нашем был его культ. (У матери были старинные издания и «Дв<орянского> гн<езда>» и «Отцов и детей» — вот бы хоть подержать их теперь в руках!)

Прилагаю маленькую сентиментальную штучку. Как-то раз, довольно давно, когда Вера была еще здорова, нас возили друзья на автомобиле за город. Возвращаясь, проезжали мимо виллы Les Frênes (теперь она принадлежит знаменитой актрисе Габи Морлэй). Я попросил остановить автомобиль у ворот и, хотя знал, что туда посторонних не пускают, решил попробовать. (Этой актрисе я был представлен на одном нашем балу Лифарем, мы вместе участвовали в жюри на конкурсе красоты, но, конечно, все это было слишком мимолетно. Да и ее в это время и не было в Париже.) Но не было и консьержа у входа, т<ак> ч<то> я свободно прошел по саду, видел дом, где жили Виардо, видел Châlet Тургенева — вроде флигеля, в швейцарском духе — и со старой, очень старой березы и сорвал листик. М<ожет> б<ыть>, это и для орловцев пригодится, хоть пустячок, конечно, но к «культу» Тургенева.

Я очень доволен, что книга и снимок дойдут теперь и до них — книгу-то я посылал довольно давно, неск<олько> лет назад — не дошла.

Кланяйтесь орловским энтузиастам от меня и особый привет Афонину, чью книгу о Л. Андрееве я давно получил и ответил ему, и тоже не знаю, дошел ли ответ. (В провинцию вообще гораздо все хуже доходит.)

Третьего тома писем Т<ургенева> еще не получил, заранее благодарю и за него, и за все вообще доброе ко мне отношение.

С сердечным приветом

Бор. Зайцев.

На конверте надпись: Этот листик сорвал я со старой березы в саду виллы, где жил Тургенев в Буживале. Эта береза Тургенева видела, конечно.

214. В. А. Мануйлову. 6 апреля 1962. Париж

6.IV.62

Дорогой Виктор Андроникович, сердечно благодарю за письмо и весьма рад, что «Тургенев» мой пришелся Вам по душе. Сейчас я мало читаю Тургенева, м<ожет> б<ыть> потому, что слишком хорошо его знаю, он прошел через всю мою жизнь. 11-и лет, в Людинове (Калуж<ской> губ.), впервые я прочел «Первую любовь» и, кончив, полчаса бродил в восторге по аллеям нашего большого сада. С тех пор и стал Тургенев моим вечным спутником. В эпоху символизма русского (начало века) Тургенев был особенно непопулярен, но я привык быть одиночкой и наперекор почти всем современникам (а отчасти и приятелям) к Т<ургенев>у отношения не изменил.

Лермонтов тоже очень ранний мой спутник. Как хорошо, что сейчас в России так читают и изучают наших классиков! Вот Лермонтов прожил 27 лет, а Вы написали о нем книгу в 50 печ<атных> листов. Ждите, она увидит свет. Мой перевод «Ада» Данте ждал 44 года, а теперь вышел (в Пушкинский Дом послано, не знаю, дошел ли).

Желаю Вам всяческого успеха с Лермонтовым. Если цените Жуковского, значит, тоже одиночка. Насчет моей кн<иги> «Жуковский» я уже сделал распоряжение, чтобы Вам выслали, и дал наклейку-автограф, лично Вам будет принадлежать книга. Только бы дошла.

За Гоголя заранее благодарю, но кн<игу> пока еще не получил. Желаю Вам быть упорным в работе литературной, любить эту работу — любовь и энтузиазм — *все* в жизни. Радостно удивляюсь, что более всего вижу огонь этого на Родине своей.

Всего Вам доброго.

Ваш *Бор. Зайцев.*

P. S. Не родственник ли Вы бывшему ректору Моск<овского> ун<иверситета> Мануйлову? Некогда я держал у него экзамены по «политич<еской> экономии»? Вот уж это мне как корове седло.

215. Л. Н. Назаровой. 19 апреля 1962. Париж

19.IV.62

Дорогая Людмила Николаевна, на днях получил «Пушкина и его время», сердечно благодарю. Превосходно издано и материала уйма. 6-го мая у нас будет вечер пушкинский, я открою его небольшим вступительным словом, приблизит<ельно> так: «Пушкин, Рафаэль, Моцарт — три необычайные кометы, залетевшие в наш мир, недолго и гениально сиявшие и унесшиеся в вечность. (Все *молодыми* ушедшие!)». Сходства, различия.

Да, получили ли Вы мои «Тихие зори»? Это избранные небольшие рассказы за всю мою литер<атурную> жизнь. Первый — 1904 г., последний — 1958. Там есть рассказ «Рафаэль» — здешняя критика особенно его выделяет.

Теперь у меня к Вам большая просьба, неловко даже, а все же прошу: я много читаю больной моей жене, каждый день нам <нужно> много «горючего», чтобы топка не остывала. Классиков русских по несколько раз протопили, читали Флобера (моя юношеская любовь — я его и переводил, «Искушение св. Антония»), Бальзака (мало), Диккенса.

Так вот: никак не можем достать здесь «Давида Копперфильда». Если бы Вы могли раздобыть? Скверно то, что денег отсюда перевести нельзя, но надеюсь, кто-ниб<удь> из знакомых туристов восстановит Вам стоимость. (Самое лучшее, если б Вы к нам приехали, я бы отдал и рад был бы с Вами встретиться. Вера покойная очень о Вас хорошо говорила. Да я и по письмам чувствую.)

Да, еще: получил письмо от г-жи Ковалевской, благодарит за фотографию и спрашивает, где оригинал. — У меня, висит в столовой. Ответил бы ей сам, да не указала имени и отчества, на нашем языке «г<оспо>жа» — холодно очень выходит.

Искренний привет от меня и моей Веры.

Ваш *Бор. Зайцев.*

P. S. Если нет «Дав<ида> Копперфильда», то, м<ожет> б<ыть>, «Оливер Твист»? А мне хотелось бы, чтобы «Тихие зори» до Вас дошли. Это небольш<ая> книжка — экстракт всей моей (кончающейся) жизни.

P. P. S. Если на Ваше имя не доходит, то, м<ожет> б<ыть>, заказным просто на Пушкинский Дом послать? Мне бы хотелось, чтобы эта книжка осталась в России.

216. Л. Н. Назаровой. 24 апреля 1962. Париж

24.IV.62. Париж

Дорогая Людмила Николаевна, только что вернулась из Германии моя дочь Наташа — привезла как раз этого «Давида Копперфильда», т<ак> ч<то> не утруждайте себя. Я написал Вам, не предполагая, что Наташа достанет эту книгу, а теперь она и не нужна мне.

Еще раз благодарю за «Пушкина» — огромный материал!

С сердечным приветом, лучшими пожеланиями

Бор. Зайцев.

P. S. Boulogne s/s — это предместье Парижа. Здесь называют «Banlieue»[1].

---

[1] Пригород *(фр)*

217. Л. Н. Назаровой. 17 мая 1962. Париж

17.V.62

Дорогая Людмила Николаевна, спасибо за Ваше милое и такое трогательное письмо. Спасибо и за книги, кот<орые> высылаете. Конечно, все эти окрестности Петербурга очень для меня интересны.

Петербург! Некогда, юным студентом Горного института, забрел я на пристань петергофскую. На мне был нарядный белый китель с золотыми вензелями на плечах. Матрос принял меня, вероятно, за какого-нибудь мичмана или вообще за военного — и пропустил.

Вдруг налетел на меня офицер.

— Вы что тут делаете? Это императорская пристань, сейчас «Штандарт» подойдет с государем, а Вы?..

Он, кажется, совсем перепугался — а вдруг террорист, у кот<орого> в кармане бомба!

И я мгновенно был изгнан. Боже, как это давно было! Шестьдесят с хвостиком лет назад. Но фонтаны петергофские помню, замечательные. Под Римом, на вилле д'Эсте есть подобные.

А вообще я Петербурга никогда не любил. Не мой это город. Мои — Москва и Флоренция (об Италии я много писал и до нынешних дней поклоняюсь ей). Вот Вы не получили «Тихие зори» — это сборник избранных моих рассказов (поэм?) с 1904 по 1958 г<од>. М<ожет> б<ыть>, лучшее, что я написал (из области, пожалуй, камерной лирики). Там есть и новелла «Рафаэль». — Прилагаю «слово» мое на Пушкинском вечере. Вечер

прошел пестро (начался мною, как председателем Союза). Народу была масса, не хватало мест в огромном зале.

Ради Бога, не робейте и не обращайте на меня внимания. Пишите сами, только старайтесь говорить просто, без «научных штампов, так, как Вы сами представляете себе дело и как чувствуете — и будет хорошо. Длинноты вычеркивайте (Чехов говорил, что литературное искусство состоит в искусстве вычеркивания).

Да, выходит так, что Вы читали мои книги о писателях. А что я сам писал (т<о> е<сть>, где фантазия, смесь выдумки с действительностью), этого не знаете. Но вот умру, м<ожет> б<ыть> и дойдет до Вас *первая линия* писания моего.

Прилагаю «Слово» — это корректурный оттиск, уникум в своем роде. (Есть у меня корректурный экз<емпляр> «Анны» по-английски! Редкость, которую для чего-то берегу. А для чего, и сам не знаю.)

Если будете орловцам писать, кланяйтесь от меня. Мое впечатление, что в провинцию письма отсюда плохо доходят, не говоря уже о книгах. «Тургенева» я давно им отсюда послал, не дошел.

Да, вот просьба: не можете ли прислать эту кн<игу> Петрова. Не знаю, что он вообще пишет, но Тургенев во мне *внутренне* сидел с детства. «Первую любовь» я прочел 11-ти лет и как полоумный бродил чуть не час по парку.

По формам, приемам я начинал с импрессионизма (1901 г.!), это далеко от Тургенева и в то время было новаторством в русск<ой> прозе. — Но, повторяю, внутренно Тургенев всегда был мне близок, т<ак> ч<то>, в общем, считаю себя «в линии» его, т<о> е<сть> лириком и *не* романистом, а скорее по небольшим вещам ходоком.

Но, помню, Гиппиус покойная даже в первой моей кн<иге> расск<азов> усмотрела веяние Тургенева. («Первую любовь» я и сейчас считаю мировым шедевром, это можно ставить рядом с Петраркой.) А насчет Бунина и Толстого Ваш автор тоже прав. Иван признавал одного Толстого, но брал его со стороны чувственной (звериной). Моральный и духовный мир Т<олстого> были ему не близки. А вот зоркость глаза... (Ему даже нравилось, что у Т<олстого> «надбровные дуги, дорогой мой, как у обезьяны».) И обоняние, и все такое (Иван был человек и обаятельный, и жуткий). Увы, к концу жизни очень озлобился и был очень несчастен. Вера Бунина — подруга юности моей жены, еще по Москве.

С Буниным мы долгие годы были на «ты», но в конце его

жизни разошлись, и он даже возненавидел меня. Писать об этом трудно, а если увидимся, встретимся — расскажу.

А доведется ли? Вот на днях Сергей Маковский умер (сын художника Константина М<аковского>, передвижника. Бывший редактор «Аполлона»). А он старше меня на 3—4 года. — Но я не имею права умирать, пока жива моя Вера. Я за ней хожу. (Дочь Наташа помогает очень, но у нее своя семья и живет она в центре Парижа, а мы в предместье.)

Будьте здоровы, дорогая Людмила Николаевна, поклон Алексееву, Мануйлову и всей Вашей Тургеневской группе (братии).

Искренно Ваш

Борис Зайцев.

218. В. А. Мануйлову. 23 июня 1962. Париж

23.VI.62

Дорогой Виктор Андроникович, сердечно благодарю Вас за Ваши письма, проникнутые таким благожеланием и сочувствием.

Мне очень нравится, что Вы так погружены в Лермонтова. Очень хорошо, когда кто-то что-то любит, предан делу своему и не коптит небо.

Путешествие по лермонтовским местам! Это превосходно. (По Италии было тоже много «Voyages dantesques»[1]. Мне, к сожалению, не приходилось проделывать этого, хотя в Италии мы с женой бывали не раз и с ней связано у нас много счастливых дней.)

Лермонтов «дошел» до меня очень рано, *раньше* Пушкина, я его возлюбил почти с детства, потом несколько отошел. Во всяком случае облик удивительный.

Инструмент, сама «лира» у Пушкина выше, музыка и легкость непревзойденная в нашей литературе. В Лермонтове же есть особая таинственность, зерно глубины необычной. Недавно я вдруг, неизвестно почему, «продекламировал» «По небу полуночи...». По формам стихотворение будто и не хитрое, а для меня необыкновенное. (И внутренне для Лермонтова *не* случайное, я в этом уверен.)

Замечательна его проза. Это корень русской прозы — она более русская, чем быстролетная с французским (чуть-чуть) оттенком у Пушкина. Жаль, что байронизм влез все-таки в «Героя нашего времени» и оставляет этого Печорина холодным, а «Максим Максимыч», «Тамань» — прелесть. Боже мой, такому человеку умереть в 27 лет! Расцвет бывает в 35—50 лет, даже

---

[1] «Путешествий дантовских» *(фр).*

позже, а ведь те годы — юношество. В сущности ученичество. Впрочем, теперь другой счет времени. (А известно ли Вам, что Зуров раскопал у Жорж Занд весьма сходный с Таманью сюжет? Это ничего не значит. Куда там Ж<орж> З<анд> до Лермонтова!)

Ну вот и в заключение исповедь: самый мой любимый поэт — Тютчев.

Прошел здесь слушок, что Вы будете летом и даже будто бы скоро, в Париже? Тогда загляните ко мне. Часов около 6-и вечера, кроме только среды. Я всегда бываю дома. У меня больна жена, уже давно, но она тоже рада будет видеть Вас — она в курсе всех моих литер<атурных> дел (начиная с 1902 года! Осенью будет 60 лет, как мы вместе — если доживем.)

Будьте здоровы, всего доброго.

Ваш *Бор. Зайцев.*

P. S. Сейчас посмотрел Ваше письмо (раннее), там просьба написать о Лермонтове *на отдельном листке.* А уже я написал в тексте этого! Простите, переписывать же лень.

P. P. S. Да, еще: я послал, по их просьбе, в Пушкинский Дом снимок с моего портрета (рисунка) работы С. П. Иванова. Г<оспо>жа Ковалевская спрашивает меня, где оригинал. Не знаю ее имени и отчества, это и затрудняет ответ. Буду очень признателен, если передадите ей, что оригинал висит у меня в столовой.

219. В. А. Мануйлову. 8 сентября 1962. Париж

8.IX.62

Глубокоуважаемый и дорогой Виктор Андроникович, думаю, Вы уже вернулись или вот-вот вернетесь из Коктебеля, так что теперь имеет уже смысл писать Вам.

Вы спрашивали о «Среде». Если бы до Вас дошла кн<ига> «Москва», там много Вы увидели бы об этой «Среде». Сообщаю кое-что. Ну, главное: сначала очень замкнутый кружок, собирались у Телешова, Л. Андреева и Сергея Глаголя, читали. Больше всех — Андреев, меньше всех Бунин. (Я даже совсем не помню его чтений. Думаю, он не читал из самолюбия: там допускалась свободная — хотя и дружеская — критика, а он признавал только поклонение.) — Позже «Среда» разрослась и была перенесена в Литературно-Худож<ественный> Кружок — там я как раз меньше бывал.

На прежней «интимной» «Среде» дух был по-московски благожелательный, товарищеский. Встречаясь, нередко целовались, похлопывали друг друга по плечу, и т. п. Я был самый юный — робел, но старшие никогда не задирали. (Одно ис-

ключение было — красивый старик Гославский: после сытного московского ужина с выпивкой он или обнимал и целовал, или ругал.) Вот и вспоминается: раз выходим мы от Сергея Глаголя, зá полночь, дело происходит в Хамовниках. Недалеко дом Льва Толстого. Мы проходим мимо этого особняка. Где-то во втором этаже огонек — м<ожет> б<ыть> великий Лев что-нибудь сочиняет.

Гославский в сильном подпитии. Вдруг хватает меня у самого забора толстовского палисадника, кричит:

— Вы что, с Леонидкой, вы думаете — лучше пишете, чем он? Импрессионисты... нет, вы попробуйте так написать, как он!..

Леонид Андреев и я занимали крайний левый фланг (литературно) на «Среде». Наши писания, конечно, очень отличались от Телешова, Вересаева или Тимковского. Но насчет Толстого Евгений Васильевич сболтнул, конечно, с пьяных глаз. Толстой всегда был для нас Синаем, о каком «соперничестве» могли быть разговоры? (Я никогда Толстого не видал, но боялся его ужасно. Прямо дух захватило бы, если б встретился с ним случайно, даже на улице.)

Тут подошел тишайший Белоусов, поэт «из народа», премилый, бывший портной, подобрал Гославского и увез на извозчике. Но и отъезжая, старик грозил кулаком, кричал:

— Им-пресс-сионисты!.. (с добавлением непечатным).

Меня называли на «Среде» Зайчиком, за молодость и робость. Ввел меня в этот кружок Л. Андреев, который вообще очень мне помог на первый порах литер<атурной> моей жизни.

Сергей Глаголь (некогда увозивший и охранявший Веру Засулич после ее оправдания в суде — студенты боялись, что полиция ее схватит «в административном порядке». Этот «Сергеич» сидел, кажется, на козлах кареты, или даже был «кучером» — все обошлось благополучно). В Москве он был гинекологом, полицейским врачом и художеств<енным> критиком.

— Зайчик, — говорил он мне, прослушав какой-то мой новый сентиментальный рассказик: — душка, ты опять свой мармелад разводишь. Ты дай мне с жутью, как Леонид... Писатель должен опускаться вглубь, в психологию, разворачивать перед нами тайны и провал души... (И при этом сам был простодушным, ясным человеком без всяких провалов — милый интеллигент-дилетант начала века.)

Да, все-таки жаль, что «Москва» до Вас не дошла. Но в Петербурге Л. Н. Назарова получила ее, равно как и «Тихие зори» (Пушкинский Дом АН СССР). Для Вашей аспирантки «Москва» просто необходима. Там увидит она несколько зари-

совок тогдашних людей, м<ожет> б<ыть>, почувствует воздух того времени, почувствует ту «Среду», от которой теперь в живых я один и остался.

Книгу о Гоголе в Петербурге получил, очень признателен. Там немало подробностей неизвестных мне. Об этом писателе, которого в молодости я не столько как читатель, а как ученик-писатель упорно читал, по тихонравскому изданию, там в примечаниях и вариантах видно, как работал он над прозою своей («Тарас Бульба» — очень поучителен). Сейчас я неск<олько> от него отошел — чертовщина его далека, но конечно необычайное существо. И художник первостатейный.

Шлю Вам сердечный привет, дай Бог сил и бодрости. И мне пожелайте того же... И жене моей больной.

Искренне Ваш

Бор. Зайцев.

P. S. Передайте также мой привет Маргарите Ионовне от «последнего из могикан».

220. Л. Н. Назаровой. 13 октября 1962. Париж

13.X.62

Дорогая Людмила Николаевна, третьего дня был у нас Александр Алексеевич и показал мне Ваше письмо. Ну, за что же я мог бы «сердиться» на Вас? Это, конечно, facon de parler[1], я действительно долго не отвечал Вам — одной из причин было то, что я знал — Вы на каникулах, где-то вне Петербурга. Другие... — Но Вы не знаете моей теперешней жизни. Моя жена больна уже несколько лет, и моя деятельность больше медицинско-санитарная, свободного времени у меня минут 40 в дне, пишу я (для печати) очень мало, в переписке тоже мало аккуратен.

Все, посланное Вами, получил и самым искренним образом благодарю Вас за доброе отношение. А<лександр> А<лексеевич> говорил мне, что «Москва» дошла до Вас. Вот это любопытно. Обычно она застревает где-то по дороге.

Надеюсь, хорошо отдохнули. Дай Бог сил для работы и жизни. Очень жалею, что, когда были в Париже, то не пришлось встретиться.

С лучшими чувствами и заочной искренней симпатией

Бор. Зайцев.

P. S. Привет Виктору Андрониковичу.

---

[1] оборот речи *(фр)*.

221. А. В. Храбровицкому. 22 ноября 1962. Париж

22.XI.62

Дорогой Александр Вениаминович,
не знаю как и благодарить Вас за Ваше удивительное ко мне отношение, внимательность и доброту.

Статейку в «Помощи» я, действительно, совершенно забыл, не только содержание ее, но и самый факт «написания». Конечно, мне было бы очень приятно получить ее текст, но просто рука не поднимается просить Вас об этом (равно и о фотоснимке с моей первой вещицы, напечатанной в «Курьере»).

Я живу за границей 40 лет и у меня тут много знакомых, есть и друзья, но ничего подобного Вашему отношению — при том Вы и в глаза меня никогда не видали! — *такого* ни разу не встречал.

Вы, конечно, уникум, но и вообще (парадокс, казалось бы), токи сочувствия и доброжелательности из России — гораздо большего напряжения, чем из Зарубежья.

Впрочем, здесь мы понемногу[1] просто и вымираем. Кажется, в Европе я старейший из русских писателей (в Америке Гусев-Оренбургский, из горьковского «Знания» — за ним не угонишься, ему свыше 90, кажется, 92 или 93 г<ода>).

Будьте здоровы, дорогой Александр Вениаминович, при случае передайте привет Наде Кузнецовой — вещица, которую она прислала с Натальей Владимировной, очень нам дорога по воспоминаниям: так и воскрешает скромный дом родителей моих в Притыкине, многие годы, проведенные нами там. И все это было очень давно. Недавно же мы справляли с женой моей 60-<т>и-летие нашей совместной жизни. А этим летом внук наш Миша говорил в Афинах молодым грекам и гречанкам о впечатлениях своих от съезда молодежи (всемирного) в Салониках и в Париже, где он живет — говорил *по-английски!* Я в его возрасте (17 л<ет>) дальше Калуги и реальн<ого> училища носу не высовывал и уж куда там по-английски говорить! (Но это было в конце XIX века!)

С сердечным приветом от обоих нас.

Бор. Зайцев.

Очень меня интересует, сохранились ли в бывш<ем> Румянц<евском> музее мои письма к П. Муратову (кажется, 1908 г<ода> и т. п.).

(Знаете ли Вы кн<игу> Муратова «Образы Италии»? Недавно проф<ессор> Ло Гатто говорил о нем и мне по итал<ьянскому> радио.)

---

[1] Нет, быстро. *(Примеч. Б. Зайцева).*

222. В. А. Мануйлову. 29 ноября 1962. Париж

29.XI.62

Дорогой Виктор Андроникович, я получил и кн<игу> о собрании картин Нотгафта, и кн<игу> о Михайловском — обе очень интересные, большое спасибо.

Нотгафта я совсем не знал, но Бенуа, Добужинского знал и был всегда с ними в хороших отношениях (о Бенуа у меня есть даже статья-воспоминание, в связи с его кончиной. Есть и два его произведения — подарки его к моим юбилеям). Образованнейший и культурнейший был человек. В 1907 г. мы с женой в первый раз были в Париже, он нам Версаль показывал. Но как!

Добужинский сделал обложку первой моей книжки, в 1906 г. Супруга его (вдова) жива, находится под Парижем, в русс<ком> женск<ом> монастыре — но она не монахиня, там нечто вроде пансиона при монастыре. Ее знаю с 1896 года! Она была подругой моей сестры и целое лето, юной барышней, гостила у нас в Нижегород<ской> губернии.

С Кустодиевым бродили в 1907 г. по площади S. Marco в Венеции. Немного знал и Сомова. — Так что кн<ига> эта приоткрывает мне часть давнего.

С Пушкиным знаком не был, прямо скажу. (Одна дама спросила меня: «Вы встречались с Достоевским?» — Я ответил: «Трудновато было бы. Я родился 29 янв<аря> 1881 г., через неск<олько> часов после его кончины».)

Но кн<ига> о Михайл<овском> очень дает *Россию,* и это так ценно. Будьте добры, дорогой Виктор Андроникович, передайте г-же Басиной и г. Гордину самую сердечную мою признательность, и примите сами выражение ее — Вы, конечно, были «заводиловкой» всего этого предприятия!

Будьте здоровы и благополучны, всего доброго.

Преданный Вам

Бор. Зайцев.

P. S. За кн<игу> «Пушкин и его время» не помню, благодарил ли я Вас. Если нет, простите великодушно, память у меня становится плохая. Далекое (по времени) помню, а что было на днях, нередко забываю. (Беда! Ничего не поделаешь.)

223. О. П. Вороновой. <1962?>. Париж

ОТВЕТ НА ЗАПРОС О П. ВОРОНОВОЙ
(О моем писании). Б. З.

<без даты>

1) Зайцев, Борис Константинович. (Псевдонимов никогда не было.)

2) Русский. Родился в Орле, 29 янв<аря> 1881 г.

3) Отец был горный инженер, рос в интеллигентной семье. Раннее детство прошло в селе Усты Жиздринского уезда Калужской губернии, где отец управлял рудной конторой. В 1898 г. окончил Калужское реальное училище, был принят по конкурсу в Императорское Технич<еское> Училище в Москве. За участие в студенческих беспорядках 1899 г. был исключен и поступил в Горный институт в Петербурге. Оттуда, выдержав экзамен по древним языкам, перешел в Московский ун<иверсите>т (на юридический факультет). Но и ун<иверсите>та не кончил, занявшись литературой.

4) В 1901 г. в Москов<ской> газ<ете> «Курьер», где литературным отделом заведовал тогда Леонид Андреев, появился первый мой импрессионистический набросок «В дороге». Рассказ «Волки» (1902 г.) открыл путь в журналы. Тогда же был принят я в литературный кружок «Среда» (Л. Андреев, Бунин, Вересаев, Телешов, наездами в Москву Чехов, Горький и др.).

В 1906 г. в изд<ательст>ве «Шиповник» (СПб), вышла первая моя кн<ига> «Рассказы» — вернее, небольшие поэмы в импрессионистическом роде. Печатался затем в альманахах «Шиповник», главнейших журналах того времени, выпускал книги. В 1913 г. вышел первый мой роман «Дальний край», а за ним вновь книги рассказов.

5) В Советск<ой> Лит<ературной> Энциклопедии 30-х гг. есть статья (если не ошибаюсь, Михайловского): «Импрессионизм». Автор считает первым по времени импрессионистом в русской литературе (в прозе) Чехова, а затем меня — как бы продолжателем, еще утончившим чеховский импрессионизм. Самому судить трудно, но что все мое — раннее в особенности — относится к импрессионизму, это для меня бесспорно. Считали меня и «поэтом прозы». Несомненно также, что лирический оттенок есть во всех моих писаниях. Думаю, что черты реализма, сквозь кот<орые> проглядывает и мистическое ощущение жизни, с годами усилились. В общем же сейчас, на склоне лет, я очень бы затруднился ответить на вопрос *точно:* к какому литературному направлению принадлежу. Сам по себе. И в молодости был одиночка, таким и остался.

6) Из ранней полосы писания, думаю, главное — роман «Дальний край» (Москва, 1913) и большая повесть «Голубая звезда» (1918 г., впервые в сборнике «Книгоиздат<ельства> Писателей», затем, в 22 г. в Берлине у Гржебина, в 6-томн<ом> собр<ании> моих сочинений, и в кн<иге> «Путники» (1921 г., Париж).

Из более позднего времени романы «Золотой узор», «Дом

в Пасси», повесть «Анна» и тетралогия с автобиографич<еским> оттенком: 1) «Путешествие Глеба», 2) «Тишина», 3) «Юность», 4) «Древо жизни». Три биографии: «Жизнь Тургенева», «Жуковский», «Чехов».

7) Библиография моих книг: у вас в Публичн<ой> Библиотеке в Москве есть след<ующие> мои книги:

Собрание сочинений, 6 кн<иг> изд<ательства> Гржебина 1922—23 гг.

«Дальний край». Берлин, 1922 (переиздание московского издания Некрасова).

«Жизнь Тургенева», Париж, 1932.

«Золотой узор», Прага, 1926.

«Путники», Париж, 1921.

«Улица св. Николая», Берлин, 1923.

«Жуковский», Париж, 1951.

«Чехов», Нью-Йорк, 1954.

Это не все. Есть еще такие:

«Преподобный Сергий Радонежский» (типа биографии), Париж, 1925.

«Рафаэль» (новеллы), Берлин, 1924.

«Странное путешествие» (рассказы), Париж, 1927.

«Афон» (путешествие), Париж, 1928.

«Анна» (повесть), Париж, 1929.

«Москва» (воспом<инания>, очерки), Шанхай — Париж, 1939.

«Валаам» (путеш<ествие>), Таллин, 1936.

«В пути», Париж, 1951 (юбилейное, к 50-летию литер<атурной> деятельности. Переиздана в этой книге «Анна», нек<оторые> рассказы и литературные воспоминания).

«Избранные рассказы» (1904—1927), Белград, 1929.

Тетралогия:

«Путешествие Глеба», Париж, 1937.

«Тишина», Париж, 1948.

«Юность», Париж, 1950.

«Древо жизни», Нью-Йорк, 1953.

Составить библиографию написанного обо мне трудно, можно только приблизительно указать.

В довоенной России писали обо мне (отд<ельные> статьи) Ю. И. Айхенвальд («Силуэты русск<их> писателей»), Горнфельд, Чуковский, Иванов-Разумник (журн<ал> «Заветы», 1913), Адрианов («Вестн<ик> Евр<опы>, кажется, 1914), Петр Пильский, Колтоновская (газ<ета> «Речь» — «Русский Шопен») и мн<огие> др<угие>.

Число отдельн<ых> печатн<ых> отзывов и рецензий, юбилейных статей и пр<очего> необозримого, как в России, так и

в зарубежной прессе. Статьи в книгах по литературе: «Русская литература» Ив. Тхоржевского, Париж, 1946. «Русская литература в изгнании» проф. Глеба Струве, Нью-Йорк, 1956. «Одиночество и свобода» Георгия Адамовича, Нью-Йорк, 1955.

В иностранных изданиях: «The Russian Reviuv», 1953 («Boris Zaitsev — the Humanist» — J. Strakhovski), «L'Italia di Boris Zaicev», prof. Volf Ginsti, «Istituto di Filologia Slava», № 2, 1956 г., глава «Zajcev» в кн. проф. Lo Gatto» Storia della litteratura russa contemporanea», Милан, 1958. «Un maitre du roman lyrique: Boris Zaitsev», par Prof. W. Weidlé, «Le mois» (журнал), Paris, 1933. Статья в кн<иге> «Croisie'res, par A. Levinson, Paris, 1927. В июне 1958 г. в Торонто (Канада) Ольга Самылова защитила диссертацию по-английски на тему: «The World of Boris Zaitsev» и получила степень магистра Торонтского университета.

224. К. И. Чуковскому. 3 февраля 1963. Париж

110, rue Thiers,
Boulogne 3/3 (это предместье Парижа)
(France) *3.II.63*

Дорогой Корней Иванович,
до меня дошла весть, что Вы в свое время приветствовали меня с 80-тилетием. Я письма Вашего не получил. Не знаю, <может> б<ыть>, все это и вообще легенда, все же пишу Вам и благодарю за память. В свою очередь, приветствую Ваш Оксфорд.

Боже, сколько времени прошло с тех пор, когда Вы писали обо мне в «Речи»! А я помню. Что-то о стихийности и некоем пантеизме. Теперь никакого пантеизма у меня нет, я просто кончаю свои дни и благодарю Бога, что у меня такая прекрасная жена и такая светлая дочь. Жена моя больна уже 6 лет. Я за ней хожу. Это главное мое занятие. Но мы уходим из жизни во взаимной любви.

Будьте здоровы, бодры, хорошо, что Вы любите детей и отлично о них пишете!

С дружеским приветом
Бор. Зайцев.

225. Л. Н. Назаровой. 11 и 12 февраля 1963. Париж

11.II.63

Дорогая Людмила Николаевна, письмо Ваше пришло как раз в день моего рождения, сердечно благодарю (афонские монахи

говорят: «благодарственная восписуем ти» — нельзя сказать, чтобы выражение это родилось в эпоху «спутников», «ракет» и пр.).

Написать Вам давно собираюсь, и отправить «благодарственные» не только за нынешнее письмо, а вообще за доброе отношение, внимательность, посланные книги. Я все получил, и Бялого и об Орле. Об Орле мне очень интересно, Бялого я успел только чуть-чуть взглянуть[1]. — Во всяком случае Б<ялый> серьезен и основателен, дай Бог вам всем трудиться над родной литературой.

На днях, разбирая вещицы свои, наткнулся на фотогр<афию>, подаренную мне покойным Плещеевым, сыном поэта. Изображена дочь Тургенева («незаконная») Полина. Снимок выцветший, того времени. Я знал, что он у меня есть, но как-то позабыл о нем. Пришло мне в голову: если у Вас в Тург<еневском> отделе нет этой фотографии, могу Вам ее прислать. Или Вы уступите ее орловцам — это уж на Ваше усмотрение.

Вы пишете о «Тих<их зорях>». Этот сборник — выжимки из небольших моих лирических вещиц за всю жизнь. Начиная с студенч<еских> времен, чрез революцию вплоть до Парижа, той Булони s/S, где я живу и сейчас (предместье Парижа, «на Сене»). Выбирал то, что казалось мне лучшим.

Только что появилась в «Revue des deux Mondes» статья обо мне, очень ловко названная (для французов) «Boris Zaïtsev, écrivain russe de Paris»[2]. Стилизовано немножко под «француза», но это для редакции и читателя. Там довольно много о «Звезде над Булонью», о моем переводе Флобера («Искушение св. Антония» — в «Знании», 1905 г.). Но написано очень хорошо. А журнал этот, кажется, еще во времена «Месяца в деревне» существовал! Но упор статьи в том, что вот, мол, 40 лет прожил в Париже среди французов, а остался русаком и несет в себе все-таки *Россию*. И это верно. (Я и по-французски-то говорю премерзко.)

---

[1] Только что знакомая дама сказала, что это очень серьезно и интересно. *(Примеч. Б Зайцева).*

[2] «Борис Зайцев, русский парижский писатель» *(фр).*

12.II.63

Вчера не успел докончить. — Перед Афониным я тоже виноват и те же «смягчающие обстоятельства». Прилагаю несколько строк ему.

Если Вы соберетесь написать и сможете напечатать статью обо мне, буду очень рад. Насчет подробностей о «Тих<их>

зорях» — укажите более точно, что именно Вы хотели бы знать. Разумеется, охотно Вам сообщу. Сейчас повторю только с нек<оторыми> вариантами: эта книжечка — литературная пункция всей моей жизни. Рассказы — крупные точки, между ними легкая сеть мелких пунктирных знаков. (Я писал на своем веку и романы, и даже пьесы, но думаю теперь, собираясь уже уходить au dela[1], что собственно настоящий мой жанр — лирические небольшие вещицы, «рассказы-поэмы», если можно так выразиться.) «Разговор с Зинаидой» есть прощальная вещь. Пишу кое-что мемуарное или некрологическое et voilá tout[2].

Паустовский произвел на меня и семью мою хорошее впечатление. Как писателя я его давно знаю и ценю — здесь довольно много его печатали, не книжками, а отрывки в газетах. Кроме того, ведь мы легко получаем книги из России — просто продаются в книжн<ых> магазинах. Отчасти мы оказались с ним земляками, он знает Калугу (и там учился). Калужский край, Мальцовщину (около Брянска, завод, где служил мой отец и где прошло мое детство). Если хотите, современности мало и касались. А так он держался просто, произвел впечатление умного и просвещенного человека.

Кончаю. Надо написать еще Афонину. Буду очень признателен, если передадите ему — в Орел отсюда письма и книги идут плохо.

Будьте здоровы, дорогая. Моя больная жена просит кланяться Вам и благодарить. Я кланяюсь тоже. Пожелайте нам сил.

Ваш *Бор. Зайцев.*

P. S. Мне сообщили, что в <UP.SS?> появились в печати письма Бунина к проф. Бицилли (Болгария). Нельзя ли эту публикацию получить? Я был очень близок с Буниным много лет, а жена моя — подруга по юности покойной Веры Николаевны. (В конце жизни мы разошлись... — Очень грустно.)

Заранее благодарю. (Если это в общелитер<атурном> журнале, то я и здесь добуду, а если в научном — хуже).

---

[1] по ту сторону *(фр)*
[2] вот и все *(фр)*

226. Л. Н. Назаровой. 31 марта и 3 апреля 1963. Париж

31.III.63
3.IV.63

Дорогая Людмила Николаевна, вот начал письмо в марте, продолжаю в апреле! — 3-го числа.

Давно нет вестей от Вас. 14-го февр<аля> отправлен отсюда заказным пакет на Ваше имя, там фотография для Орловского музея — снимок с хорошего рисунка С. Иванова. (Направил через Вас, т. к. непосредственно Афонину не очень-то доходит. А у Вас с орловцами связь есть.)

А как насчет фотогр<афии> дочери Тургенева? Есть она у Вас в музее, или прислать?

У меня становится ужасная память: послал я Вам лично свою фотографию, или нет? Не взыщите, если что-ниб<удь> путаю, доживете до моего возраста, тоже, м<ожет> б<ыть>, будете забывать.

Как странно, вот Зильберштейн «Москву» мою получил — это, кажется, единственный экземпляр в Петербурге. У Вас, конечно, нет. Но посылать уже отсюда как-то пороху не хватает: в небытие пускать книгу.

Пожелайте мне бодрости и сил. В моей полуклинической жизни это очень важно. Я и умереть не имею права раньше Веры. Кто за ней будет ходить? (У нас чудная дочь Наташа, много нам помогающая, но у ней своя семья, живет она хоть и в Париже, но далеко от нас. Конечно, без нее мы давно пропали бы... а все-таки Малахов курган я).

Будьте здоровы, дорогая Людмила Николаевна, дай нам Бог с Вами увидеться, но ничего-то мы не знаем!

Ваш заочно-дружески

Бор. Зайцев.

Привет Мануйлову, Малышеву и Ширмакову.

227. Л. Н. Назаровой. 26 мая 1963. Париж

26.V.63

Дорогая Людмила Николаевна, вчера был у меня Александр Алексеевич и любезно обещал (а он уж сделает!) отправить Вам для Пушкинского Дома фотографию дочери Тургенева. (Моя жизнь так сложилась, что я почти не выхожу из дому.)

Как дела с письмами Тургенева? Вышли еще тома?

Да: А<лександр> А<лексеевич> пошлет Вам «Revue des deux Mondes» со статьей обо мне. Называется статья «Boris Zaitsev, écrivain russe de Paris», но говорится, что остался я целиком русским — и это верно. — И даже странно: когда был молод, много читал по-французски и по-итальянски, а теперь только по-русски. И, конечно, я ихтиозавр, вросший корнями в нашу Великую Литературу: она мне близка и родна.

Да, по правде сказать, теперешняя французская очень измельчала, даже сравнительно с тем временем, когда мы попали в Париж: тогда выступала группа «молодых» (и значительных): Мориак, Бернанос, Дюамель, Грин (Julien Grein), Моруа, Жюль Ромэн — теперь они старые академики со шпагами, а Бернанос (самый полоумный из них) умер. Но вообще здешняя Академия Бессмертных — это вроде кунсткамеры. (Маршал Жюэн, <нрзб.> — ну что это за писатели!) А вот Флобер, наставник словесный моей молодости, в Академию не пожелал идти! Из гордости. Но он был одиночка и *настоящий*. (Я одиноких люблю.)

Ну, будьте здоровы, дорогая, храни Вас Бог! (Непопулярный в Петербурге персонаж, но — «от ихтиозавра слышу»). Привет Мануйлову, Ширмакову, Малышеву.

Ваш *Бор. Зайцев.*

P. S. А прав-то все-таки я.

228. Л. Н. Назаровой. 10 июля 1963. Париж

10 VII 63

Дорогая Людмила Николаевна, «Письма Тургенева» получил, великое спасибо. Кое-что уже просмотрел. Сколько труда и преданности делу! Замечательное издание. Портреты его есть неизвестные мне — какое доброе и мягкое лицо, и какое русское. Да, этот человек не мог не помогать освобождению крестьян. Как далеки были бы ему зверства нашего века! Он тоже, конечно, видел много горестного — начиная с собственного детства, нелепых наказаний... Да, взяв эти книги в руки, я как-то почувствовал, что он — заступник наш — русский европеец, иногда ворчавший на Россию, но весь из нее выросший — не отделить его от нее. Почему Вы решили, что мне неинтересно это издание? Напротив, очень интересно. — Я встречал здесь лет 30 назад старушку, внучку Виардо (дочь ее младшего сына). Она себя называла Тургеневой, жила в маленькой комнатке, потягивала красное винцо и полагала, что *фактически* она внучка Ив<ана> Сергеевича. Проверить *трудно!* Была похожа на французскую консьержку, на Тургенева — маловато. — Нет времени, напишу Вам еще про здешнюю певицу Виардо, *не* знаменитую, а разбитную и ловкую. Дай Бог хорошо отдохнуть в Коктебеле, о котором много слышал, но *никогда* там не был.

Дружески Ваш *Бор. Зайцев.*

P. S. Ал<ександру> Ал<ексеевичу> все передал.

P. P. S. «Русск<ую> литер<атуру>» жду даже с нетерпением неким.

229. Л. Н. Назаровой. 12 сентября 1963. Париж

12.IX.63

Дорогая Людмила Николаевна, и письма Тургенева, и «Русск<ую> лит<ературу>» получил, сердечно благодарю. Мне даже кажется, я уже подтверждал Вам получение этих кн<иг>; но память у меня аховая, м<ожет> б<ыть> и ошибаюсь. «Библиографического указателя» еще не получил, наверно, на днях дойдет. Кажется это будет даже полезно для меня: из Америки запрашивают как раз библиографию, касающуюся меня (для магистерск<ой> диссертации в США), а мне скучно выписывать да и не все помню. Много за 60 лет было написано, и мною и обо мне! Статью вернее: № со статьей (в «Revue des deus Mondes») Алек<сандр> Алексеич обещал послать Вам, не знаю, исполнил ли. Спрошу.

Письма Т<ургенева> опять поражают тщательностью и обилием комментариев, упорством в отыскании самих писем. Статья Алексеева очень была интересна для меня. Сейчас кончаем (вслух) кн<игу> Пророковой о Левитане, а после этого буду читать Вере из «Р<усской> л<итературы>» о Толстом и Фете. Пророкова пишет довольно живо и интересно, неск<олько> портит ей местами специальная подмалевка Левитана... Тут уже ничего не поделаешь, видимо. (Однако у Алексеева этого нет. Но у него и тема очень уж безопасная.)

Вот Вы пишите из России об «Аграфене», и это меня очень тронуло. Одновременно получил письмо от парижской дамы — она купила кн<игу> мою «В пути» (там «Анна», «Странное путешествие», «Авдотья-смерть», воспоминания и др.). «Мигом прочла и очень горько над ней плакала — о лесах и перелесках, о зимней пурге... о трагической судьбе бедной Анны». И добавляет, что читает мои книги, «когда бывает тоскливо на душе». И «с ними вновь и вновь чувствую русскую землю».

А третья дама, тоже парижская, наша соседка и сочувственница, прямо сказала, что я писатель вообще больше для женщин, чем для мужчин. Пожалуй, это и верно. (Иногда самому мне кажется: не становлюсь ли я, после семилетнего «стажа» сестры милосердия, вроде женщины?) У Шмелева есть «Няня из Москвы»: м<ожет> б<ыть>, это я? — Но что сострадание и добрые чувства есть величайшее на земле, в этом я убежден теперь больше, чем когда-либо. «Приидите ко мне вси труждающиеся и обременении и Аз упокою вы». Это, дорогая Людмила Николаевна, из Нагорной проповеди. Достоевский сказал: «Красота спасет мир». Мне ли, поклоннику Италии, враждовать против красоты? Сам я готов плакать от восторга перед ней. И все-таки:

«Доброта спасет мир» — это дерзаю противопоставить великому писателю, которому поклоняюсь наравне с Толстым (художником. Но не автором «Что такое искусство»).

О Толстом и Фете начал читать («Р<усская> л<итература>») вслух, кажется, очень интересно, посмотрим. За Пушкина спасибо. Памятник плохенький, банальный до последней степени, но поэт был дай Бог всякому. (В его время синтаксис русский не был выработан и когда его <Пушкина> спрашивали, как надо писать, он отвечал — плохо зная вообще грамматику: «Пишите, как я и Жуковский, и будет хорошо». Совершенно верно!)

Пишу и удивляюсь на себя: написал довольно длинное письмо! Это со мной редко бывает. И еще замечаю: как изменился почерк! Неузнаваемо. Помнится, посылал Вам в Пушкинский Дом рукопись «Анны» — даже там почерк совсем другой (крупный, «готический»).

Целую Вашу ручку, желаю всего доброго.

Искренно Ваш

Бор. Зайцев (ихтиозавр).

P. S. Перечитал письмо и остался недоволен тем, что слишком уж много про себя. Нехорошо. Прошу прощения, уж так вышло, а переделывать сейчас лень.

Мануйлову привет.

P. P. S. Никак не могу докончить письма. На первой же странице ошибка: 6-ой том писем Тургенева я еще *не* получил. У меня последние — 4-й и 5-й. О них-то я и писал Вам!

230. Л. Н. Назаровой. 24 сентября 1963. Париж

24.IX.63

Дорогая Людмила Николаевна, теперь я получил и 6-й том Тургенева и «Библиографический указатель». Очень Вас благодарю.

Работа огромная, что и говорить. Осуществить ее полностью, с научной объективностью, конечно, нельзя — по понятным причинам. Особенно это касается зарубежных русск<их> писателей. Исключение сделано только (если не ошибаюсь) для Бунина. Обо мне дореволюционная библиография очень полна (есть нечто, чего я и сам не знал. Но есть и пробелы). Зато ни звука ни о чем, что написано за границей и о чем существует литература гораздо большая, чем упомянуто о российской. — То же самое и со Шмелевым, Замятиным, Пастернаком. Зато есть писатели, о которых я и *не* слыхал никогда — а в литературе прожил всю жизнь (Бибик!!).

Один писатель вызвал во мне веселое настроение, связанное с воспоминаниями молодости. Имя его — Сивачев. Кроме меня да Горького его никто не знает. А я знаю потому, что он ходил ко мне по утрам и ругал всех других писателей («Немирович-Данченко сволочь, он мою пьесу не взял...»). Вера вздыхала и говорила потихоньку: — Опять твой крест пришел. Это слышала бонна-немочка из Прибалтики, и однажды, когда он явился, сказала Вере: «Gnädige Frau, Herr Krest ist gekommen»[1]. (Наверно, по-немецки слово крест хорошо звучит как фамилия).

При жизни Herr Krest известности не получил, но вот теперь в научном издании ему и его произведениям уделено столько же почти места, как и Пастернаку. Habent sua fata libelli[2].

Dante тоже при жизни не знали, а теперь вот существует 400 изданий на одном итальянском языке. (Кстати: есть у Вас мой перевод «Ада» из «Божест<венной> Комедии»? Он вышел два года назад здесь в Париже — ритмическая проза. Начат перевод был в 1913 г., а вышел в свет в 1961 г. Пять лет я сидел над ним в России (1913—1918), кончал уже во время революции, а раз проверял здесь, при немцах в 43 г. — тоже evasion[3]. Не любил я их, а Данте любил. Но за ним Сивачеву не угнаться, да и вообще никому не угнаться. Сам Скартаццини говорил, что библиография произведений Данте «необозрима», — как и литература о нем.) Александра Алексеича видел, он сказал мне, что «Revue des deux Mondes» со статьей обо мне Вам отправил. Получили ли? Передайте мой привет Мануйлову, если будете писать — Афонину.

Вам дружески целую ручку и желаю всего лучшего.

Искренно Ваш *Бор. Зайцев.*

P. S. Если «Ада» у Вас нет, я пришлю. Предисловие там именно такое, какое указано в «Библ<иографическом> указателе» — оно вышло в Москве отдельной книжечкой (брошюрой, вернее), еще при мне. Это теперь редкость.

---

[1] «Уважаемая госпожа, господин Крест пришел» *(нем.).*
[2] Книги имеют свою судьбу *(лат.)*
[3] бегство *(фр.).*

231. Л. Н. Афонину. 13 ноября 1963. Париж

13.11.61

Дорогой Леонид Николаевич, извините, что с таким опозданием отвечаю, но добрая душа Людмила Николаевна объяснит Вам причины. Очень признателен за «Памятные места». Очень

интересно, хотя и мало знаю орловские края. А цела ли Левашова гора, где я родился и прожил первый год жизни своей? Там был дом моего дяди, Александра Ник<олаевича> Зайцева. (В нем я и появился на свет.)

Лет 7-ми пришлось мне с матерью еще раз побывать в Орле у этого же дяди — был он известным орловским адвокатом. Семья у него была довольно распущенная, мои двоюрод<ные> братья столько набедокурили в Орле, что в городск<ой> библиотеке распорядились: «Зайцевым книг не выдавать» (зачитают, выкурят на цигарки, не знаю уж).

Помню, что город сам не очень понравился. Пыли летом много! и все на ровном месте, листвы кругом тоже нет. Имение дяди Хорошилово показалось уж очень запущенным. И местность тоже некрасивая, не то, что под Калугой — там та же Ока, но полноводнее, крутые берега, рощи, прелесть.

Много слышал об Орле от Бунина. Но тот вырос в своем степном и (думаю) диком Елецком уезде. — Прилагаю фотографии, только что снято.

Всего доброго!

Ваш *Бор. Зайцев.*

232. Л. Н. Назаровой. 29 ноября 1963. Париж

29.XI.63

Дорогая Людмила Николаевна, получил Ваше письмо о Спасском-Лутовинове — большое спасибо. Это очень интересно и очень хорошо, что там устроен теперь такой обширный просветительный центр. — А скажите, пожалуйста, есть ли в Москве или в Ленинграде памятник Тургеневу? Я не уверен, но кажется мне, что нет. Если я прав, то это очень печально.

Что касается Бунина, то в России, конечно, есть некое недоразумение, связанное с ним. Что Бунин был против Гитлера (как и я), это верно. Но общая позиция его была совсем не та, как Вы и многие в России представляете себе. Когда Федин написал о нем в Москве, Вера Бунина напечатала в «Русск<ой> мысли» опровержение — оно, конечно, до Вас не дошло. Правда есть правда. Иван был очень русский человек, но никак не «советский патриот». Думаю, Вы и понятия не имеете (не по Вашей вине) о его книге «Окаянные дни» — совершенно яростной, вызвавшей даже в эмиграции протесты (левой части ее. Да и я не со всем согласен). Конец его жизни здесь был очень тягостен, не только из-за болезни, но и от крайнего

раздражения, в котором он находился. В книге «Далекие, близкие» А. Седых очень много правды. Автор и любил Бунина, но и правильно видел его. Подслащенную легенду, которая сквозит в присланных Вами орловских писаниях, надо отбросить. — Лично для меня было грустно, что он и меня возненавидел в конце жизни. А ведь мы были на «ты» много лет. (Писать подробнее трудно, приезжайте-ка к нам туристкой, поговорим по душам, я многое мог бы Вам рассказать занятное.) А пока что — позвольте высказать Вам искреннюю заочную симпатию, которая при личной встрече только возросла бы.

Будьте здоровы и благополучны, привет Вашему Пушкинскому Дому и трудникам его.

Ваш *Бор. Зайцев.*

P. S. «Трудник» — старинное слово. Мне нравится то, что теперь его только я употребляю.

233. Л. Н. Назаровой. 28 января 1964. Париж

28.I.64

Дорогая Людмила Николаевна, Вревскую получил и очень Вам благодарен. Статья просто и изящно написана. Портрет очень интересен — очаровательная женщина! «Больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя» — это сказано две тысячи лет назад, и навек сказано.

Знакомая дама, взглянув на Вревскую, сказала: — Болгарский художник придал ей несколько «славянский характер». Думаю, она права. Это почти неизбежно. Помню, в Белграде в 28 г<оду>, на Съезде писателей серб снял меня фотографически (для кн<иги> избр<анных> рассказов) и подретушировал. И вышел — я и не я, я и некий Глупчич-Ядрилич (это у Щедрина такой есть «австрийский серб»).

Тургеневское стихотв<орение> в прозе давно знаю, конечно. И судьба этой Юлии всегда меня трогала и волновала по-хорошему. — Я все люблю теперь повторять мною выдуманный афоризм: «Доброта спасет мир». (И все это очень легко говорить, а жертвовать собой для ближнего очень трудно.)

Храни Вас Бог, дорогая Людмила Николаевна, и да поддержит Он Вас и сотоварищей Ваших в мирном и благородном Вашем труде. Увидите Мануйлова — поклон ему, он мне написал очень мило.

В феврале устраиваем в Русск<ой> Консерватории вечер памяти Бунина (10-ие кончины). 16 февр<аля> вспомните обо

мне, я начну собрание и буду т<ак> ск<азать> его «метр д'отелем». (Воспоминания, стихи Б<унина> и проза его, конечно.)

Ваш дружески *Бор. Зайцев.*

P. S. Бедная моя Вера все больна. Пошлите ей сочувственное душевное радио — т<о> е<сть> подумайте о ней с состраданием. Мир вовсе не ограничен тем, что мы просто видим, слышим и обоняем. Мы живем в очень сложном скрещении миров иных — всяких невидимых волн и течений.

234. Л. Н. Назаровой. 10 февраля 1964. Париж

10.II.64

Дорогая Людмила Николаевна, только что получил расписку еще и от Шилова — и подумал, насколько сам я неаккуратен в ответах и подтверждениях... Ну, да и вообще много грехов наросло за долгую жизнь.

Вот и Вам насчет Эрмитажных открыток итальянских не ответил до сих пор — а насчет Вревской, кажется, написал! М<ожет> б<ыть> Вы еще не получили просто самого письма?

И как раз сейчас попалась отличная книга о Пушкине в Михайловском, ее мне подарили Басина и Гордин, а я тоже до сих пор не поблагодарил их! Вот старая балда. Будьте любезны, передайте им при случае мои извинения и благодарность.

Смягчающее обстоятельство: моя теперешняя профессия врача (и сестры милосердия), чтеца — не в церкви, а вслух больной Вере — все это отнимает очень много времени. И второе — годы. Завтра мне исполняется 83. Кажется, побил рекорд не только современной, но и классиче<ской> русской литературы. Если доживу до завтра, обгоняю Бунина — не на много, все же, он до начала своего 84 года не дожил. Один у меня (из прежних) остался соперник — Вас<илий> Ив<анович> Немирович-Данченко. Но его нет в вашем Библиогр<афическом> указателе — и правильно. А может быть, долголетие есть и признак некоей элементарности? Очень-то большие и настоящие все гораздо кратковечнее были. Больше сил и страсти расходовали.

Если пришлете Тургенева, очень буду признателен. (С моей теперешней точки зрения, Тургенев — молодой человек! 65 лет... Это пустяки. Они бородами очень себя старили. Но Толстой от бороды необыкновенно выиграл — я недавно видел его фотографию совсем юным: просто беда! Посмотреть и сказать: «Это будущий гений». А вырос гением, ничего не поделаешь.)

16-го у нас вечер памяти Бунина, устраивает Союз писателей и журналистов, коего я председатель. И читать буду о молодом Бунине. Выступит и Одоевцева, беда в том, что она так картавит и так тихо читает, что неизвестно, услышат ли. Она очень даровитая (и крайне... бойкая). Не знаю, как прощебечет о Бунине. — Передам ей, что Вы ею интересуетесь, она будет очень польщена. У нее есть и сборники стихов, и романы. М<ожет> б<ыть>, она пришлет Вам что-нибудь свое. Она выросла в атмосфере Петербурга 20-х годов, ученица Гумилева, у нее живые и яркие воспоминания о Кузмине, Белом, Мандельштаме (в журнале «Новый журнал», Нью-Йорк). Отдельн<ой> книгой, по-моему, не вышли еще.

Ну вот, будьте здоровы, всего Вам доброго.

Ваш *Бор. Зайцев.*

235. Л. Н. Назаровой. 1 мая 1964. Париж

1 мая 1964

(Boulogne s/S, предместье Парижа) *Париж*

Дорогая Людмила Николаевна, у меня такая плохая память, что я не уверен, писал ли я Вам уже о получении двух тт. Тургенева. Если да, простите за повторение. Но как будто нет.

Итак, сердечная благодарность. У меня есть Тургенев в берлинском издании, очень плохом, а ваше великолепное. Вот не дождался Иван Сергеич при жизни такого памятника!

Мне было приятно, что в томе 5-м Вы присутствуете. «Муму» настолько пронзительная вещь, что не решаюсь читать вслух жене (я хорошо знаю этот рассказ и тоже неск<олько> *боюсь* его). А «Постоялый двор» прочитал ей.

Недавно сам я кончил небольшую статью о Тургеневской Библиотеке (есть такая здесь). До войны было в ней 100 000 томов, немцы похитили, но теперь восстановлена Библиотека, только книг еще мало — 20 тысяч. Так вот вычитал я, что в 1875 г<оду> Тургенев на литературном утре, положившем начало этой Библиотеке, читал свой рассказ *«Хадатай»*. К стыду своему я не только не помню содержания рассказа, но и *названия* такого не помню. Что это за «Ходатай»?

Любопытно, что теперь половина читателей и подписчиков Б<иблиоте>ки — французы, изучающие русский язык и литературу. — Учреждение это как было всегда эмигрантским, так и остается им. Б<иблиоте>ка «общественная», но без всякого, разумеется, политического наклона. Дело чисто культурное. Членом правления я давно состою, но сейчас, по условиям моей

жизни, участие могу проявлять только вот вроде того, что статейку написал — надо поддерживать среди *редеющих* русских здесь дело Ивана Сергеича и вообще русской культуры. — Как и в прежние времена, ведет все это дело кучка интеллигентов русских, среди них одна — внучатая племянница «того» полоумного Бакунина. (Только при ней нельзя говорить так о нем — она его почитает.)

Я пишу Вам разные такие штуки, как бы считая Вас своим человеком, давно знакомым, хотя ни разу Вас и не видел, но симпатию искреннюю чувствую — по письмам.

Будьте здоровы, дорогая Людмила Николаевна, передайте при случае привет мой Мануйлову. Примите его (привет), самый искренний и дружественный, и сами. Не собираетесь ли летом в наши края?

Пожелайте добра бедной моей Вере. А дочь у нас хорошая, очень, Наташа. Без нее мы пропали бы.

Ваш всегда *Бор. Зайцев.*

P. S. Вера просит очень благодарить Вас за присланные открытки Фарфорового завода. Присоединяюсь.

236. Л. Н. Назаровой. 16 мая 1964. Париж

16.V.64

Дорогая Людмила Николаевна, письмо посылаю Вам отдельно. Эти воспоминания о Б<унин>е были и в Париже напечатаны, и в Нью-Йорке.

Всего доброго! Привет.

Бор. Зайцев.

237. Л. Н. Назаровой. 16 мая 1964. Париж

16.V.64

Дорогая Людмила Николаевна, сердечно благодарю Вас за московские открытки, за Тургеневский флигель, не говоря уже о самих книгах Тургенева. Прочел вслух жене «Постоялый двор» — я его порядочно забыл, а вещь отличная. Прочитал (но не вслух, а рассказал потом Вере) и Ваши комментарии. Как это ценно! Такое внимательное и почтительное отношение к писателю. Очень интересно.

В одной мелочи, думаю, Вы неправы: Белые Берега — это просто монастырь, в наших же краях, где мое детство прошло.

Где-то на границе Калужской и Орловской губернии, туда ездила некогда (в прошлом веке!) на богомолье моя старшая сестра, и даже здесь — жена Александра Алексеевича бывала в этих Белых Берегах. Монастырь не столь знаменитый, как Оптина Пустынь, но это, конечно, *не* Соловки. Вот даже и Тургенев указывает — был на «отдаленном Валааме», а Соловки совсем Бог знает где.

На этом отдаленном Валааме мы с Верой в 35-м году были, и я написал о нем книжечку — путевые очерки. Теперь монахи ушли в Финляндию и там основались. Поэтическое было место, не знаю, что сейчас. Тогда монастырь находился на финляндской территории.

Флигель Тургенева — очаровательно: завидую Вам, что бывали и еще будете в тех, тоже в некоем смысле «святых местах». А я вот и в Ясной Поляне никогда не был! — Но что говорить: москвич, а Кремль очень плохо знаю. И эти снимки мне тоже очень интересны и приятны. (Все-таки одну открытку я отправил в Рим, русской даме, у которой бывал в салоне в 1923 году, когда мы группа русск<их> писателей и ученых читали по-итальянски и по-французски публичные лекции в Instituto per Europa Orientale.)[1]

Кстати: знаете ли Вы профессора Lo Gatto, слависта, автора многих книг по русск<ой> литературе и культуре, он и в России не раз бывал, и недавно выпустил кн<игу> «Миф Петербурга» — роскошн<ый> том с иллюстрациями. Он в Россию влюблен. Недавно был у меня (мы давние друзья, он единственный иностранец, с которым я близок и даже на «ты»). Я ему сказал, что из лучших моих дней — время в Италии. А он на это ответил, что ему с русскими гораздо легче и приятнее, чем с иностранцами. У него и жена, ныне покойная, была русская поповна, и он по-русски отлично говорит, а дочь, кот<орую> я некогда в Риме видел грудн<ым> младенцем, теперь читает в Римском университете о русск<ой> лит<ературе> лекции!

К письму этому прилагаю небольшое воспоминание свое о Бунине, им я открыл вечер нашего Союза писателей (как председатель его) зимой, в связи с 10-летием кончины Ивана. С настоящей речью о нем выступал лучший здешний лит<ературный> критик (импрессионист, не научного склада) Адамович, а потом читали довольно много произведений Бунина — поэтессы наши — его стихи. Артистка Кедрова (очень известная и на французской сцене) — рассказ отлично прочла и т. п.

---

[1] Институт Восточной Европы *(ит)*.

Вспомнилось: на одном из вечеров памяти Тургенева проф. Сорбонны Гранжар очень скромно сказал, что не знает ни одного симпатичного француза в сочинениях Тургенева! А ведь это верно. Полжизни здесь прожил, а нравились ему разные Касьяны, Ермолай, Живые Мощи... Вот тебе и «западник». Но флигель его просто прелесть. И довольно большой! Мой в Притыкине много меньше, и от него, как и от дома родителей, ничего не осталось.

Будьте здоровы, дорогая Людмила Николаевна, вот если б Вы собрались к нам сюда туристкой, мы бы наговорились!

Всего лучшего, оба шлем душевный привет.

P. S. Все-таки решил в последнюю минуту послать о Бунине отдельно. Бог знает, дойдет ли. Ведь там печатное...

238. Л. Н. Назаровой. 17 июля 1964. Париж

17.VII.64

Дорогая Людмила Николаевна, сердечно благодарю Вас за два тома Тургенева, только что полученных мною. Это издание всегда радует и отчасти волнует даже меня. Настоящая слава — всегда посмертная! — еще Гоголь говорил. А Ваше личное участие делает для меня эти книги еще более близкими!

Я успел только бегло взглянуть на нек<оторые> письма, прочитал Ваши комментарии, а рас<сказ> «Два приятеля» как раз недавно читал вслух жене. Для меня очень «хорошо», что Вы относитесь с такой любовью и пиэтетом к русск<ой> литературе вообще, и в частности к Тургеневу.

В письмах прочитал — Флоберу. Конечно, по-французски Тургеневу приходилось писать неск<олько> салонно, все же очень было интересно замечание Т<ургенева>, что название романа Ф<лобера> «Éducation sentimentale»[1] неудачно. Да, конечно. И твердо написал, почти повелительно: «Придумайте другое».

Флобер давняя моя слабость. И удивительна судьба этого романа. При появлении своем он совсем провалился, а теперь считается французск<ими> писат<еля>ми чуть ли не лучшим у Флобера! (Что тоже неверно.) У нас раньше переводили «Сентиментальное воспитание» — чепуха, теперь лучше, но перевести действительно трудно. Оно и по-французски плохо, Т<ургенев> был совершенно прав. Но письма Флобера! Хоть и по-французски, а как раз никакой условности, лоска, все прямое, первозданное — очаровательно.

---

[1] «Воспитание чувств» *(фр)*.

Недавно сын П. Струве, библиофил, достал мне давний альм<анах> «Шиповника», где есть мой перевод «Coeur simple»[2]. Это рассказ прелестный и *трогательный,* редкость у сурового нормандца. И там я сделал ошибку, за кот<орую> и сейчас краснею, и никому ее не показываю. А как мучился, переводя «Искушение св<ятого> Антония»! Но в нем, кажется, ошибок нет. Насчет Ф<лобера> мы оказались неожиданно единосочувственниками с Горьким, кот<орый> и заказал мне, в доисторические времена, перевод этого «Искушения» для «Знания». (Он там и вышел в свое время).

Возвращаясь к Т<ургеневу>, с горечью могу сказать, что недавно вслух прочел жене «Новь» и она *очень* не понравилась обоим. Искусно сделанное мертворожденное произведение. Я никогда не любил «Новь», но теперь как-то особенно остро это почувствовал. Насколько лучше выходит у него то, что не имеет отношения к «общественности»! Приезжайте сюда — туристкой ученой, поговорим как следует, в письме многого не напишешь.

Прилагаю таинств<енный> листик — как будто пригласит<ельный> билет на чтение в пользу Тург<еневской> Библ<иотеки> и О<бщест>ва художников, но я не могу разобрать *точно* этих заглавных букв. Нашел в бумагах своих, это, видимо, наследие Плещеева (сына поэта, тоже литератора, милейшего старика, кот<орый> подарил мне и фотогр<афию> дочери Т<ургенев>а — я отправил ее Вам в свое время для Пушкинск<ого> Дома).

Если Вы и Пушк<инский> Дом найдут, что штучка эта небезынтересна, пусть и останется у Вас.

Примите дружеский привет от меня и бедной моей Веры, передайте поклоны Алексееву, Мануйлову, Малышеву.

Ваш *Бор. Зайцев.*

---

[2] «Простое сердце» *(фр)*

239. Л. Н. Назаровой. 8 сентября 1964. Париж

8.IX.64

Дорогая Людмила Николаевна, теперь Вы, наверное, уже дома, потому и пишу в Россию.

Мне очень интересно было и приятно получить фотографию памятника Тургеневу в Орле — хотя самый памятник совсем не понравился. (Памятники вообще трудная задача. Кроме памятника Петру знаю еще два — итальянских, тоже замечательных: в Венеции Коллеони, в Падуе Гаттамелате. Оба были,

собственно, разбойники, кондотьеры продажные, но Вероккио и Донателло постарались... Петра я терпеть не могу, но все же это было *нечто*, калибр и размах не тот).

А наш с Вами милый Тургенев сидит себе скромно у вокзала, «Записки охотника», ружье, чуть ли не заяц убитый слева. Хорошо еще, что его не изобразили бравым «строителем». Но все-таки серо.

Живая группа под памятником *очень* понравилась. Очень русское и привлекательное лицо у правой дамы (от зрителя), и всем нравится, кому показывал, левая более «серьезная», а в середине «добрый молодец» очень тоже русский. Все трое русаки первостатейные. А как фамилии? Вас я считаю за правую (вернее: правую даму считаю за Вас и не хотел бы ошибиться).

А вот об ошибках. Конечно, в статейке о Тургеневской Библ<иотеке> в Париже я ошибся. Но виноват в этом покойный толстяк приват-доцент Сватиков, статью которого дали мне в качестве материала. Никогда я не помнил рассказа Тургенева «Ходатай», но подумал, м<ожет> б<ыть>, не вошедший какой-нибудь в собран<ие> сочин<ение> — а оказалось, просто «Ходок» и вовсе не Тургенева. Прошу прощения. Осенью выходит моя книга «Далекое» — литературные воспоминания, нечто прощальное. И писатели эти (XX века, начала) все померли, да и мне осталось очень мало. (Но, к удивлению своему, всех пережил! Считаюсь старейшим писателем, и это верно.) Три четверти книги очерки о писателях, последняя четверть — опять об Италии, без нее не могу обойтись. С ней связаны лучшие молодые годы, и если бы я верил в перевоплощение, то утверждал бы, что во Флоренции когда-то жил, и Данте был чуть ли не моим соседом.

Всего доброго, дорогая Людмила Николаевна. Приезжайте к нам, устройте себе какую-нибудь командировку к Мазону или в Нац<иональную> Библиотеку.

Дружески Ваш *Бор. Зайцев.*

P. S. Разумеется, книгу пришлю Вам. Да, а какие мои книжки есть в Орле у Афонина? Не знаете ли? Чего нет и что можно еще достать, хотел бы тоже направить в родные края.

P. P. S. Нынче день Адриана и Наталии, именины моей дочери. Но у нас грустно: больна Вера, жар, какие-то колибациллы в почках. Упорно боремся.

Привет от меня Малышеву, Мануйлову и вообще всему Вашему научно-литературному клану.

P. P. P. S. — Знаете ли Вы кн<игу> Пигарева о Тютчеве? Здесь был очень хороший отзыв о ней — в «Н<овом> ж<урнале>».

240. Л. Н. Назаровой. 4 октября 1964. Париж

4.X.64

Дорогая Людмила Николаевна, вчера Наташа привезла из отеля, где была оставлена Ваша посылка, этот самый пакет. Икра замечательная, черный хлеб тронул меня душевно: соприкосновение с какой-то вечной Родиной. Тут совсем другой черный хлеб. Низко кланяюсь Вам за доброту Вашу. Сейчас пишу наспех, дни у нас нелегкие, болезнь Веры затягивается, слава Богу еще, что дочь у нас такая... Расшибается во всю для матери (да и для других!).

Вера сейчас сказала мне: «Москва» — я не понял, но дама наша дружественная поняла — это икру вспомнила, и чтобы ей дали. А потом заулыбалась и объяснила, как умела, что Вас целует. Вот я и передаю Вам ее поцелуй. Жаль, что Вы ее не знаете — и не узнаете! Теперь уже поздно. Она прелестная. Среди всех наших бед написал я новую вещь, «беллетристику», под внутренним давлением нескольких атмосфер (так говорилось в мое время о паровом котле, когда там напряжение растет). Мой друг Логатто[1] был у нас на днях, и говорил, что сам он писал о русск<ой> литературе во время болезни своей жены именно в таком же настроении. Он Россию любит так же, как я Италию. (Жена его скончалась).

Простите за бессвязное письмо, но я и сейчас паровой котел. Еще раз привет и благодарность.

Ваш *Бор. Зайцев.*

---

[1] Известн<ый> проф<ессор> Римск<ого> Ун<иверсите>та, знаток русск<ой> лит<ературы>. Зимой выходит здесь огромный том его «Р<усской> л<итературы>» — перевод с 5-го итальянского издания Современная лит<ература> в самой России и здесь. Французское издание с портретами. Там увидите мою фотогр<афию>, но уже довольно давнюю. Сейчас я не такой. *(Примеч. Б. Зайцева.)*

241. Л. Н. Замятиной. 27 сентября 1964. Париж

27.IX.1964

Дорогая и глубокоуважаемая Людмила Николаевна, сердечно приветствую Вас со днем Вашего Ангела, дай Бог Вам всего доброго.

Знаю и ценю, что в эти тяжелые для меня дни Вы душою вместе с Верой, мной и Наташенькой.

Низко Вам кланяюсь и благодарю за все Ваше к нам внимание и доброе отношение.

Всегда Ваш

Борис Зайцев.

242. Л. Н. Назаровой. 1 и 2 декабря 1964. Париж

1 декабря 64

Дорогая Людмила Николаевна, дружественный шоколад Ваш получил, сердечно благодарю.

Сейчас сижу над корректурами новой своей книги, печатающейся в Мюнхене, а выходящей в Вашингтоне — «Давнее», вроде литературных воспоминаний (очень многие из виднейших писателей и поэтов начала века — все уже ушедшие!). Так переплетено с моей собственной жизнью и даже жизнью моей семьи, что отчасти неловкость внутреннюю ощущаю, но писать иначе, вполне «объективно» не могу, все проходит через мое существо (душу). Наверно, это последняя вообще моя книга. А вот подите Вы: осенью у жены были непорядки по части почек, температура, это ее ослабило, только сейчас начинает выправляться. И как раз в более тяжелые дни я написал новый рассказ, довольно большой («Река времен») — давно о нем думал, а тут, вероятно, был он из меня выдавлен тяжестью душевного настроения. Вряд ли раньше марта появится он (в «Нов<ом> Журнале») — да и доживешь ли еще? Бог весть.

Вывод из малого этого факта: должно быть, литературный яд очень крепко в человеке сидит. Может быть, и последним уходит. Помню, в 1949 году мы с женой попали в Рим, *на один день,* и поехали навестить (и попрощаться) с Вячеславом Ивановым. Он не читал уже лекций в Римском Универ<ситете> (Sapienza), мог сделать всего 2—3 шага по своей комнате. Встретились, облобызались и *он сейчас же предложил прочесть* свою новую поэму! («Это не надолго, часа полтора чтения!»). Но у нас минуты были считаны, тогда он *вкратце* рассказал содержание. Больше мы его и не видали: через 2 месяца он скончался.

О нем в книжке моей есть статейка. (Когда книга выйдет, пошлю, конечно, Вам — вероятно, с помощью того же энтузиаста А<лександра> А<лексеевича>.)

В быту нашем перемены. Мы переехали к дочери моей Наташе в большую «служебную» квартиру (собственно, особняк банка ее мужа — он служит там, но не «владелец»).

2 декабря

Вчера не успел кончить. Адрес мой теперь такой:

5, Avenue des Chalets
Paris (16).

(Это уже не в Булони, а в самом Париже, в т<ак> н<азываемом> квартале Пасси, очень близко от дома, где жил Бунин.)

И представьте, как раз сегодня Ваше доброе, как всегда, письмо. Переслали с прежнего нашего пристанища.

Афонину я, конечно, напишу — направлю Вам. Отчет его о «Тургеневских чтениях» получил — и все это — Ваши письма, вырезки и т. п. сохраняю аккуратно, мне это дорого. «Россия, Россия, Россия, Мессия грядущего дня» — Анд<рей> Белый написал. Какого дня? — Мы не знаем, надо надеяться... Да я-то уж никого не увижу, а внуки мои, м<ожет> б<ыть>, нечто и увидят. (Один уже студент Сорбонны, другой весною кончает Лицей — славные мальчики, очень милые.) — Книгу Пигарева я достал, мне очень нравится. И научная, и интересная. А Тютчев давняя моя любовь.

Буду ждать Вашей статьи о Т<ургеневе> и обо мне, разумеется, книжку свою пошлю с автографом Вам.

Ло Гатто был здесь осенью, книга его (франц<узский> перевод с итальянского) печатается тут, но медленно, он недоволен. И она огромная, что-то около тысячи страниц! («Писали не гуляли!»). Он милейший человек и любит Россию вроде того, как я люблю Италию. Единственный иностранец, с которым я на *ты*.

Дай Вам Бог всего лучшего, дорогая Людмила Николаевна, приезжайте к нам в Пасси, пока я еще жив. Вера просит передать Вам ее привет и поцелуй.

Дружески Ваш

Бор. Зайцев.

243. Л. Н. Афонину. 5 декабря 1964. Париж

5.XII.64
Париж

Многоуважаемый Леонид Николаевич, Людмила Николаевна переслала мне Ваше письмо, шло оно довольно долго.

Разумеется, исполню то, о чем Вы упоминаете. Не так мгновенно это произойдет, под рукой у меня, кажется, только «Тихие зори» — небольшой сборник лирических штучек за многие годы (некий том — отобранные).

Орел Ваш для меня отчасти родина. Говорю «отчасти», потому, что хотя родился в Орле и первый год моей жизни прошел у Вас, на Левашовой горе (не знаю, сохранилось ли это название), но вообще к Орлу я имею мало отношения. Семи лет, в 1888 г. вновь попал в Орел, мать возила нас, детей, в гости к моему дяде Александру Николаевичу Зайцеву, тогдашнему известному орловскому адвокату, на эту самую Левашову гору, а потом в его имение Хорошилово, верстах в 25 от города.

(Сами мы жили в Калужск<ой> губерн<ии>, отец мой, горный инженер, управлял Людиновским заводом.)

В Орле жил и другой мой дядя, Николай, на «Дворянской» улице. Там впервые услышал я имя Тургенева: старшие говорили, что напротив, через улицу, был дом Калитиных, где жила Лиза из «Дворянского гнезда».

Я рос в семье спокойной и благообразной, культ Тургенева у нас в доме помню с ранних лет. Мальчиком 11—12 лет впервые прочел «Первую любовь» — и в восторге, в одиночестве бродил в парке Людинова, «переживал» впечатления.

Конечно, мне очень дорого, что Вы работаете в Музее над Тургеневым и орловцами-писателями. Это весьма близко сердцу. Не говоря о Тургеневе, и современные — Андреев, Бунин, тесно были связаны со мной жизнью. Лескова всегда очень ценил. Но ведь и Тютчев — любимый мой поэт — хоть не из самого Орла, но Брянск ведь Орловской губернии. Входит ли он в число Ваших клиентов?

Очень доволен был я, что поставили у Вас памятник Тургеневу. Пора! А ни в Москве, ни в Ленинграде, по-моему, нет. Ну, будет. На всякий случай даю новый свой адрес, мы переехали к дочери моей: 5. Avenue des Chalets, Paris (16).

Впрочем, писать лучше через Людмилу Николаевну.

Желаю Вам и культурному делу Вашему всего лучшего — сил, бодрости, успеха.

Ваш *Борис Зайцев.*

244. Л. Н. Назаровой. 5 декабря 1964. Париж

5, Avenue des Châlets — *5.XII.64*
Paris (16) — *Париж*

Дорогая Людмила Николаевна, пускаю вдогонку еще неск<олько> строк и письмо Афонину. Книги, о кот<орых> он пишет, попрошу отправить А<лександра> А<лексеевича>, энтузиаста западно-восточного русского общения на культурной почве.

Мы на новой кв<артире>, у Наташи. Непривычно большой дом, я всю жизнь провел в скромнейших условиях и меня даже стесняет несколько — «залетела ворона в высокие хоромы».

Очень трогает Ваше внимание и тон отношения ко мне. Спасибо Вам. Доброта и отзывчивость — непреходящее в нашем летучем мире.

Дай Вам Бог света и мира.

Ваш дружески и душевно
Бор. Зайцев.

245. Л. Н. Назаровой. 2 марта 1965. Париж

2.III.65

Дорогая Людмила Николаевна, том VIII Тургенева получил, сердечно благодарю. Смущает меня только то: каким способом достаете Вы эти книги? Неужели покупаете? Я бы с удовольствием возвратил Вам стоимость, но как это сделать? Не поленитесь, черкните два слова.

Хотя Вы, наверное, *не* ленивая. А вот я становлюсь чем-то средним между Обломовым и гоголевским Пацюком, которому вареники в сметане сами летели в рот.

Обломовщину же свою с годами чувствую сильнее. Ничего не поделаешь...

«Старых предков я наследье чую...» (Бунин).

Это отчасти еще связано с тем, что сейчас мы живем с дочерью Наташей вместе, в особняке барского типа и Наташенька так за нами ходит, что мне меньше работы с Верой (хотя называю себя иногда по-прежнему профессором медицины).

Особняк этот — служебная квартира Андрея, моего зятя. — Я совершенно не привык к «буржуазной» обстановке, но здесь действительно настолько просторно, что неловко даже делается перед приятелями — «залетела ворона в высокие хоромы». (Наш круг, интеллигентско-литературный, живет здесь оч<ень> тесно и скромно.)

У Наташи работает 2—3 ч<аса> испанка, помогает по уборке дома. Вот был<а> и спрашивает Наташу: — Это вам принадлежит дом, или вашему папе? Нашелся-таки человек, coeur simple[1], который принял меня за домовладельца!

Это вызвало у меня улыбку и давнее московское воспоминание.

Молодым писателем я выходил однажды из Большого Московского (был такой ресторан против Думы) — вечер, стоят лихачи. Один и обращается ко мне. — Пожа-пожалуйте, купец, на резвой...

Я обиделся. Я не купец, а писатель.

И действительно никогда я купцом не был, но дурацкое молодое самолюбие подтолкнуло. (Скажите, пожалуйста: «купец»!) Теперь на эту испанку из Севильи только улыбнулся.

Книжка моя «Далекое» все еще не вышла, это литературн<ые> воспоминания — очерки о писателях начала века. Как только

---

[1] простое сердце *(фр).*

выйдет, пришлю и Вам, и Афонину (через Вас! простите за беспокойство, но прямо в Орел не решаюсь направить).

Болезнь Веры... «На западном фронте без перемен». Или «На Шипке все спокойно». Mot d'ordre[2]: «Стрелять до последнего патрона». (Он уже недалек: мне самому пошел на днях 85-й год). Мое поколение вымирает стремительно. Имеете ли Вы понятие о Ф. Степуне? Очень известный, даже знаменитый проф<ессор> Мюнхенского Университета (по литературе русск<ой> и философии), русак чистейший, родился на Полотняном заводе Калуж<ской> губ<ернии>, где Наташа Гончарова пушкинская жила девушкой — вот он и умер только что. На два года меня моложе. Из ихтиозавров я остался теперь по нашему ремеслу — один. (Есть еще в Ницце Собанеев, но это музыкальный критик, «музыковед».) А по литературе — никого.

Жму Вашу руку, дай Вам Бог всего лучшего. Очень хотелось бы повидаться с Вами до отъезда, устройте себе командировку в Париж.

Ваш *Бор. Зайцев.*

P. S. Мы живем совсем близко от бывшей кв<артиры> Буниных. Недавно прошел мимо их дома — 40 лет назад был там впервые!

---

[2] Приказ *(фр.)*.

246. Л. Н. Назаровой. 12 марта 1965. Париж

12.III.65

Дорогая Людмила Николаевна, восьмой том Тургенева я получил и если память не изменяет (плохая она у меня стала), написал Вам об этом «благодарственная воснисцем Ти». И еще прибавил, что смущает меня то, даром ли Вы получаете эти книги, или тратитесь на покупку? Может быть, письмо не дошло. Во всяком случае кланяюсь Вам низко. («Гамлет и Дон Кихот» вызвали воспоминание из прошлого века: в шестом классе Калужского реального училища писал я сочинение «Гамлет и Дон Кихот». Что уж там городил, не помню, но, конечно, Тургенева выгораживал. А что возиться с этим среди разных тригонометрий было интересно и приятно — помню.)

Храбровицкий с обычным своим благожеланием — дай Бог ему, как и Вам, доброго здоровья — прислал мне фотокопию статейки своей. Да, конечно, она отличается в очень многом по тону и содержанию от того, что писали о нашем брате раньше в России. «Путешествие Глеба» и «Древо жизни» вышлем Вам. Первое теперь уже редкость, купить нельзя, но у Ната-

шеньки есть лишний экземпляр, она сама предложила Вам послать. Пошлю также и фотографию для Афонина — с переездом на новую квартиру до сих пор еще не совсем разобрались в хаосе — но доберемся до фото этих.

Знаете ли Вы такую Воронову? Она довольно давно уже (года 2—3 тому назад) просила у меня сведений для статьи в большой Лит<ературной> Энциклопедии, но что-то ни слуху, ни духу. Выходит ли это издание? И пропустили ли ее статью? (Тоже осведомительного характера, но, м<ожет> б<ыть>, и с оценкой неподходящей. Ничего не знаю.)

Очень рад, что статейка моя о Данте Вам пришлась по душе. Да, вот так получилось, что калужско-московско-тульского человека заполонил этот флорентиец средневековый! Не вру, действительно рядом жили и не один год, а в тяжелые времена.

Теперь я уже ни России, ни Италии больше не увижу. Но в сердце моем они так и уйдут со мной в могилу. Странная вещь: в молодости и начале эмиграции я много читал французских авторов. Теперь исключительно русское всё. Да теперь я больше чтец вслух (классиков) Вере. — Единственный мой иностранец-приятель — Логатто, профессор Римск<ого> Ун<иверситета>. С ним мы даже на ты! Но он такой же русопят, как я италофил. И отлично говорит по-русски.

Всего Вам доброго, дорогая Людмила Николаевна, приезжайте в Париж скорее, а то мне немного уж осталось жить. Опоздаете.

Ваш дружески *Бор. Зайцев.*

247. Л. Н. Назаровой. 27 июля 1965. Париж

5, Av<enue> des Châlets, Paris (16) *27 июля 1965*

Дорогая Людмила Николаевна, IX том писем Тургенева получил, сердечно благодарю. Замечательна судьба «Вешних вод»! Никто доброго слова не сказал. Что-то бормотали ничтожные Ткачевы и Антроповы — и все мимо. А ведь это одна из лучших повестей Тургенева — и *как* его самого дает!

Что поделать. Это бывает часто. Вот меня просили написать еще статью о Данте, к юбилею 700-летнему. Думаю поставить такой эпиграф к ней:

«*Слава,* неторопливое светило,
Как своенравная Луна, ясная
и печальная,
Восходит над могилами».

Видимо, из какого-то польского поэта, а какого именно, не знаю. Русский перевод. (В статье Ледницкого — но не указано, чье.)

Не уверен, что письмо это Вас застанет в городе — время «отдохновенное», наверно, Вы где-нибудь в тихом месте. Я сейчас один. (В некоем смысле я всегда теперь «один»...) И внуки, и Наташа с мужем в отъезде. Меня охраняет очень милая, заботливая дама. Дом большой, особняк (служебн<ая> кв<артира> Андрея, мужа Наташи). Комнат много, и этажей три — по-буржуйски). Тут и скончалась Вера.

Знаете ли Вы Кленовского, одного из лучших (пожалуй, лучшего поэта) зарубежья? Думаю, что не знаете. У него в последней книге есть стихотворение, в нем две строки; я несколько видоизменяю:

Ты знаешь комнату, в которой
Я буду плакать о тебе.

(У него «Я знаю...», «Ты будешь... обо мне» и т. д.). Но мне более подходящ мой вариант, потому и привожу его. Сейчас пишу Вам именно в той комнате, где последние свои дни провела Вера. 11-го мая на утренней заре она ушла. Все последние недели была без сознания, только на первый день Пасхи вдруг очнулась, улыбалась, узнавала всех нас. Римский проф<ессор> Логатто, наш давний друг, случайно зашел к нам в этот день, обнял ее, сказал по-русски: «Христос Воскресе!» — она явственно ответила: «Воистину, Воскресе!» И весь день была веселая. Потом вновь забытье. И только в четверг на Пасхальной неделе малый проблеск мне и Наташеньке, сказала: «папа», «мама» (она Наташу всегда в болезни называла «мамой»). «У кого что болит, тот о том и говорит» — простите, что пишу Вам столько о своем, но чувствую в Вас душу родственную, потому и позволил себе написать.

Последнее, что я написал — еще при жизни Веры на нашей прежней маленькой квартирке (где все же была *она* еще жива...) — есть «Река времен», повесть. Напечатана в «Новом журнале», № 78. Не знаю, послал ли Вам его А<лександр> А<лексеевич> — когда увижу его спрошу. Эту вещь я успел еще прочитать Вере, а кн<ига> «Далекое» пришла уже поздно — на кладбище не прочтешь.

Ну, во всяком случае, жизнь продолжается. Только что получил из Нью-Йорка письмо от одного писателя, кончающееся так: «Кланяемся Вам оба с В. Н. и выражаем уверенность, что флаг на Малаховом кургане развевается как всегда». Да, mot d'ordre**: «Стрелять до последнего патрона». (Так было и в борьбе за жизнь Веры — медицинской борьбе.)

Дай Бог Вам всего лучшего, здравия и душевного мира.

С лучшими чувствами и приветом

Бор. Зайцев.

P. S. От нас теперь в двух шагах дом, где жил и умер Бунин. Зуров, живущий в части их бывшей квартиры, часто заходит к нам.

248. С. Ю. Прегель. 14 сентября 1965. Париж

14.IX.65

Дорогая Софья Юльевна,

Думаю, это письмо застанет Вас еще в Женеве. Гингер уже сожжен, развеян в пространстве. Может быть, оно и гигиеничней, но я этого способа не люблю.

Я до вчерашнего утра был один. Наташа с Андреем в Италии южной, Миша в северной, Пека побывал в Афинах, Бейруте, Иерусалиме — сейчас здесь, несколько загорелый, еще выросший и виденным видимо возбужденный (в хорошую сторону). Мишу ждем нынче, а Наташу с Андреем только к Вериным именинам, 30-го сент<ября>.

Шоколад Ваш «патребляю» охотно, дай Бог здоровья Вам и швейцарцам у <нрзб>, но там, думаю, все скучноваты, ну да Бог с ними, зато много порядочных людей, в этом я уверен, и меньше преступлений разных, кот<орые> здесь и Америке удручают.

А засим, как писали в старину «при пожелании всех благ, честь имею оставаться покорнейшим слугою» — по нынешнему добавляю: «целую ручку дружественно».

Ваш *Бор. Зайцев.*

249. Л. Н. Назаровой. 26 ноября 1965. Париж

26 ноября 1965
Париж

Дорогая Людмила Николаевна, давно не писал Вам и чувствую себя в долгу пред Вами — за новый том Тургенева, который получил уже довольно давно.

Большое спасибо за память и внимание.

А книга открывается «Первой любовью». Впервые прочел я ее 74 года тому назад, мне было одиннадцать лет. Кончив, выскочил в парк и, как полоумный, бродил и кружил по нему с полчаса. Сколько раз с тех пор ее перечитывал, не могу с точностью сказать. Но знаю, что тогда сам был влюблен в эту Зинаиду.

Сейчас мне уже влюбляться поздно, я только с нежностью посматриваю на эти страницы и позавидовал Анненкову, которому они посвящены.

Но посмотрел отзывы тогдашних критиков. Писарев сказал, что ничего не понял, а Добролюбов, что Зинаида есть смесь Печорина с Ноздревым. Тут я поставил на полях: «Болван». И — «перешел к очередным делам».

У Блока прочел замечательную статью об Аполлоне Григорьеве и страшную дневниковую запись о жене, Л. Д. Блок. («Люба на земле — страшное, посланное, чтобы мучить и уничтожать ценности земные».) С этой (и «при» этой) женщине прошла почти вся краткая, но все же его жизнь! Вообще он был, думаю, очень несчастен, несмотря на славу и восторги барышень — да и не одних барышень.

Вы вот не получили моего «далекого», оно начинается с Блока. Некоторые не одобряют именно эту статью, но я по-другому не могу чувствовать и никогда не полюблю «Двенадцать». Так и умру, не полюбив. А о самом Блоке осталось хорошее воспоминание, и мне его очень жаль, жалею жалостью не обидной и не сверху вниз, а братски. Мятущаяся душа, как и у А. Григорьева. (Вот отец Блока был, кажется, неопрятный и неск<олько> полоумный человек.) Наследственность по этой линии плохая.

Хорошо, что Иван Алексеевич не слышит уже отзыва Блока: «Маленькие писатели Лазаревский, Куприн, Бунин, *Кондурушкин»*. Чтобы до Кондурушкина этого додуматься... — слыхали Вы такую фамилию? Я-то слышал, но сравнение действительно нелепое, как к Бунину ни относись.

А в общем, все мои современники умерли, и все эти Лазаревские и Кондурушкины, действительно «маленькие» писатели, и большие, как Блок и Бунин (Блока он терпеть не мог).

Поздравляю Вас с новым лауреатом. И шведскую Академию поздравляю. Премудрые старики. А как здоровье Ахматовой? Здесь ходят слухи тревожные.

Вам ручку целую, Мануйлову привет. Как здоровье Алексеева?

Всего доброго, дай Бог здоровья.

Ваш *Бор. Зайцев.*

P. S. Моя дочь (у которой сейчас живу) с мужем собираются летом в Ваши края. Доберется, конечно, и до Вас, если Вы в это время не закатитесь куда-нибудь в Карловы Вары или в Крым.

250. Л. Н. Любшютц. 5 января 1966. Париж

5 янв<аря> 1966

С Новым Годом, дорогая Лидия Николаевна, сердечно приветствую и шлю пожелания самые искренние. Все праздники был один, Н<аташа> и Андр<ей> с Петей уезжали в Швейцарию, Миша «начальник лагеря» Р.С.Х.Д. тоже был в Савойе. Сейчас все уже вернулись.

Будьте здоровы, если завернете к нам, рад буду.

Ваш всегда

Бор. Зайцев.

251. Л. Н. Назаровой. 6 февраля 1966. Париж

6 февр<аля> 1966

Дорогая Людмила Николаевна, рад был получить от Вас весточку и привет. Спасибо. Как странно, больше получаю из России, чем от здешних. Вот и Афонин вспомнил, дай Бог ему здоровья, и из Смоленска я получил, и канадское радио сообщает, что из России растет число запросов о писаниях моих и жизни — радио это (русск<ое> отд<еление>) «на днях» — тоже к 85-летию — запускает большое интервью с проф<ессором> русск<ой> л<итературы> в Монреале обо мне и передает отрывок мой «Рим» из торонтского «Современника».

Не подумайте, что распускаю павлиний хвост, какой бы я ни был, но ни на павлина, ни на Игоря Северянина не похож. А так, просто трогает Россия. («Россия, Россия, Россия, Мессия грядущего дня» — А. Белый.)

Дочь моя Наташа летом едет в Россию. Билеты взяты. Пробудет летом в Москве, Петерб<урге>, Киеве с 23 июня по 9 авг<уста>. — Если будете в городе в это время, конечно, Вас повидает.

Да, том писем Тургенева получил, благодарю. Почему получилась такая картина, что у меня «Сочинения» только с 5-го тома, а письма с 1-го?

Насчет «Первой любви» я написал нечто, когда появится, пришлю Вам. Очень люблю этот рассказ. «Замечательные» отзывы Писарева и Добролюбова. Но и «наши» здесь отличились. По-французски вышел в Париже телефильм «П<ервая> л<юбовь>. *Русский* обозреватель нашел, что Зинаида получается «садисткой»! Я не видал фильма, но как раз вчера дама литературная мне говорила, что играет франц<узская> артистка оч<ень> хорошо, никакого садизма нет... Я думаю! (Зинаида колет булавкой Лушина — «садизм»! и т. п. глупости.) Повезло

Зинаиде. То Печорин + Ноздрев, то еще хуже. Как были болваны сто лет назад, так и остались до наших дней.

Сейчас я один, дочь с мужем уехала в Лондон и Кембридж на неделю. Но со мной внуки — старший студент, младший кончил Лицей и готовится в Ecole polithechnigue[1] — математик, но по виду больше похож на Нуреева, чем на Лобачевского. (Очень легок в движениях — прямо для балета человечек.)

Ну, вот-с, всего доброго. Когда же Вы к нам соберетесь? Поторапливайтесь, мне недолго осталось жить, а хотелось бы повидаться на этом свете.

С лучшими чувствами

Бор. Зайцев.

P. S. Афонину при случае передавайте признательность. Писать ему в Орел («в деревню») не решаюсь — не дойдет. (К сожалению, последнее время много книг русских и в столицу не доходит — возвращаются!)

---

[1] Политехнический институт *(фр)*

252. К. И. Чуковскому. 15 февраля 1966. Париж

15 февр<аля> 1966
Париж

Дорогой Корней Иванович,
сердечно благодарю за память и доброе отношение. Не знаю точно на сколько, но, по-моему, я чуть-чуть обогнал Вас в возрасте, а поэтому и надеюсь, что мой самый искренний привет и поздравление с *Вашим* 85-летием не опаздывает еще.

Да, Вы были из первых, кто обо мне, мальчишке литературном, писал более полувека тому назад. «Речь», Гессен, Милюков... это уже «предыстория».

Дай Вам Бог мира душевного и здравия, «во всем благого поспешания».

С лучшими чувствами и признательностью (за прежнее и теперешнее)

Бор. Зайцев.

253. Н. П. Смирнову. 3 марта 1966. Париж

5, Av<enue> des Châlets — *3 марта 1966*
Paris (16) — *Париж*

Дорогой Николай Павлович,
простите, что не сразу ответил на Ваше, глубоко тронувшее

меня письмо. Я Вас и знаю и не знаю. Никогда не видал и вряд ли уж увижу, но читал в «Русск<их> Нов<остях>» — всегда с большим внутренним сочувствием и одобрением. В каком-то смысле мы очевидно два сапога — пара. Очень близкое мне душевно чувствую в Вашем писании. Дай Вам Бог сил и здравия. (И не дай Бог пережить близкого человека, как мне выпало — 11 мая 1965 г<ода> скончалась моя жена Вера, с которой мы прожили 63 года и которая была светом и светочем моей жизни.)

Насчет Бунина Вы, конечно, правы: слишком бегло. И насчет Галины согласен, хотя Эккермана представляю себе иным: наверно был дотошный, аккуратный немец, на ночь надевал колпак на голову и т. п. А Галина времен Грасса — милейшая изящная женщина, с инфантильным оттенком, что, думаю, особенно покоряло Ивана. Я тоже очень ценю ее «Грасский дневник», тут *всего* она, конечно, не написала — и хорошо сделала. «Все» было очень трудно и мучительно, ведь она жила в доме Веры Буниной (подруги юности моей Веры). Да вообще «все» об Иване написать трудно — тягостного немало. Существо он был замечательное по одаренности, но для жизни нелегок... Его очень многие не любили, особенно женщины.

У меня к нему всегда было какое-то подземное расположение, безотчетное. Он, мне кажется, никого (ни мужчин-писателей в особенности) не любил. Конец его жизни, последние годы — очень горестно. Помимо болезни, озлобился очень. Грустно вспомнить, но и меня он почти возненавидел. Слава Богу, у меня к нему никакой «ненависти» не осталось, и когда вспоминаю о нем, то вспоминается лучшее, а не худшее. О Зурове говорить не приходится: ему совсем трудно, если не невозможно написать об Иване. Оба они годà прожили бок о бок и оба не переносили друг друга. А вот так вышло.

О том, что Вы слышали Кельнское радио, напишу Алле Шпеттнагель, она там орудует, прелестная женщина. Очень ценит, если передачи ее доходят в Москву, она работает в русском отделе. Они передают чуть ли не на семнадцати языках!

На днях получил пластинку из Монреаля (Канада). Передача обо мне в России — очень сочувственно и вообще неплохо устроил тамошний профессор русск<ого> яз<ыка> и литературы. Странно было слушать слова о себе, Бог знает где сказанные, направленные на мою Родину. (А вот Вера не могла уж их слушать!).

Дорогой Николай Павлович, кончаю, жму руку Вашу. 23 июля вылетает отсюда моя дочь Наташа с мужем в Москву. Надеюсь, вполне, что увидитесь (если сами будете в Москве между 24 июля — 9 августа).

Подробности сможете узнать у А. В. Храбровицкого. Наташа уехала с нами из Москвы, когда ей было 10 лет (1922 г<од>). Но отлично все помнит и едет с волнением. Она как была хорошей девочкой, так и осталась отличной русской женщиной. За мной ходит как за младенцем (хотя я еще не окончательно впал в детство).

Жму Вашу руку дружески.

Ваш *Борис Зайцев.*

P. S. Мы живем в двух шагах от бывшей кв<артиры> Ивана. Неск<олько> дальше жили Мережковские, еще дальше Ремизов и Шмелев. Это Passy и Auteuil хорошие кварталы Парижа.

254. Л. Н. Назаровой. 8 марта 1966. Париж.

5, Av<enue> des
Châlets. Paris (16) *8 марта 1966*

Дорогая Людмила Николаевна, большое спасибо за IV-й т<ом> Тургенева. «Записки охотника» — с этой кн<игой> жизнь прошла, с детских лет до старости. И какое все родное. Ведь родился я в Орле, а детство прошло в том Жиздринском уезде (Калуж<ской> губ<ернии>), с которого начинается «Хорь и Калиныч». Но вот разницу между калужским мужиком и орловским не помню — но «он» вообще гораздо больше и лучше знал народ, чем я. (Хотя я тоже был охотником в молодости, и теперь с ужасом вспоминаю об этом. Подумайте, десяти лет отроду застрелил на облаве огромнейшую лосиху и в первый (и последний) раз испытал острое ощущение славы, как будто совершил подвиг, а не преступление пред мирным зверем.) Мужики загонщики качали меня! Подумайте, какое идиотство. Впрочем, при приближении конца прожитая жизнь кажется вообще почти сплошным грехом.

Вот профессор из Монреальск<ого> Ун<иверсите>та, передававший по ихнему радио в Россию обо мне по поводу 85-летия, сказал директору радио, что писание мое напоминает ему чем-то Алешу Карамазова... Какой уж там Алеша! Это он по доброте души и незнанию. (А кстати, но из другой оперы: в примечаниях к «Хорю...» сказано, что «замашки» — это ткань из конопли. «Замашки» — разновидность конопли, это наверно знаю, с детства. Если не ошибаюсь, какие-то стебли ее, не дающие цветения, т<ак> ск<азать>, бесплодные (или бесполые?). Тут не ручаюсь, но не материя. — Ну, это мелочь.) А вообще изданьице — дай Бог всякому. Очень ценны отзывы критики тогдашней,

тексты и программы не вышедших окончательно очерков — удивителен расск<аз> «Безумная», но хорошо, что Т<ургенев> *не* вставил его в «З<аписки> о<хотника>». Моя Наташа (дочь) будет в России («Богу содействощу») между 23 июля — 9 авг<уста>, билеты заказаны. Москва — Ленингр<ад> — Киев. Будете ли Вы в это время в Петербурге? Она хотела бы Вас повидать.

Как вы сами живы? Хорошо ли Вам? Или не очень? — Мы теперь соседи с Зуровым, он остался в части прежней бунинской квартиры — он у нас нередко бывает. Завтракал недавно Зильберштейн. Хорошее впечатление — энтузиаст своих архивов. Кажется, улов его здесь большой. Придется товарный вагон заказывать.

Будьте здоровы, дорогая Людмила Николаевна, всяких Вам благ.

Ваш *Бор. Зайцев.*

255. Н. П. Смирнову. 29 марта 1966. Париж

5, Av<enue> des Châlets
Paris (16) *29 марта 1966*

Дорогой Николай Павлович,
очень тронут письмом Вашим, сердечно благодарю. Собственно, моей заслуги никакой нет, что дожил до 85-и лет, но вот многие отзывались добрым словом, Вы в том числе — дай Бог здоровья.

Я Вас тоже знаю как писателя — не так давно, как Вы меня, но все-таки. Знаю только по здешним «Русск<им> Новостям» — все Ваше читаю и всегда чувствовал большую симпатию, вот именно это внутреннее сочувствие, кот<орое> сближает. Мы с Вами, видимо, одного поля ягоды. (А природы русской, в которой я вырос, мне, конечно, никогда уже не увидать.) Повторяю, мне очень нравится, как Вы пишете. Конечно, мы оба — и Вы и я — не для улицы и шума.

Насчет Бунина... Во первых, в книжке моей «Москва» есть тоже о нем, тоже, пожалуй, немного — о молодости и его и моей. И о Вере Буниной (она была подругой юности еще со времен Москвы — моей жены, ныне покойной, тоже Веры (†11 мая 1965 г.), унесшей с собой огромную часть моей жизни — мы прожили с ней 63 года! — Так вот Бунина я знал очень хорошо, даже *слишком* хорошо. Долго был под его *артистическим* обаянием, в некотором смысле и теперь остаюсь. Но увы, в конце жизней наших мы разошлись. Он меня даже

возненавидел. О причинах в *письме* трудно писать, вот приезжайте сюда, многое расскажу.

Только могу добавить, что последние годы его были очень тяжки — и болезни, и озлобление. Он ушел в полном духовном мраке. По человечеству мне его глубоко жаль, злобы на него никакой не имею, но писать трудно. Врать не привык, а правда горька. — Думаю, нечто подобное и у Зурова. Но еще гуще. Там дело совсем, совсем плохо. — Галину очень приветствую, но и ей туго приходилось с этими воспоминаниями. (Тут была и другая причина трудности. Она (Г<алина>) очень удачно обходит ее. — Все-таки получается, будто Веры Буниной и не было вовсе... Но это все опять тяжелая драма личная, покойная Тэффи называла ее: «Дело Ермаковых».

Я живу сейчас у дочери, в двух шагах от бывшей кв<артиры> Буниных, где в первый раз я был 40 с лишним лет назад, в первый же день приезда в Париж. Несколько дальше жили Мережковские, еще дальше Шмелев и Ремизов. В общем Passy наше некрополь для меня.

Кончаю, жму руку, желаю всего доброго!

Ваш *Бор. Зайцев.*

P. S. Летом от 23 июля до 9 авг<уста> моя дочь будет в Москве. Наверно увидитесь.

256. С. Ю. Прегель. 6 мая 1966. Париж

6 мая 1966

Дорогая Софья Юльевна,

пишу неск<олько> слов наудачу — не уверен, что письмо Вас застанет. Спасибо за память и всегдашнее доброе отношение.

А я — всегдашне-ленивый и малодейственный тип. Нынче маленькое развлечение — получил ругательное письмо от Вас, с юга (но не от С. Прегель) — в Ницце девяностолетний Спасский-Одынец громит «госпожу редакцию» за Тарсиса. Письмо и мне адресовано и, очевидно, Водову. (Я-то, кстати, тут вовсе ни при чем.) Здесь меня редко ругают, а в России случалось. О раннем моем романе «Дальний край» в «Нов<ом> Времени» было сказано, что только человек с лакейской душой мог это написать. Всяко бывает.

Целую ручку. Надеюсь, скоро увидимся.

Ваш всегда, «при пожелании всех благ»

Бор. Зайцев

257. А. И. и Е. К. Дейчам. 17 мая 1966. Париж

5, Av. des Châlets, Paris (16) *17 мая 1966*

Дорогие Дейчи.

Несколько дней собираюсь написать вам и мысленно письмо сложилось у меня в голове. Вот, наконец, сижу за столом, как при беседе с вами. Вспоминаю разговор о Данте, об Италии. Мне было приятно, дорогой Александр Иосифович, наше единочувствие в понимании великого поэта. И Вы с юности полюбили его и посетили Италию, он так же, как для меня сделался вечным спутником жизни Вашей, и Вы ставите выше Данте только Библию. Скажу откровенно: давно я не получал такого удовольствия от встречи с россиянами. После Ваших рассказов о Москве, о дорогом моему сердцу Арбате, я снова стал видеть его во сне, а ведь давно уже такие видения отошли, хотя душа моя всегда живет в родной России.

И ваш подробный и живой рассказ о похоронах Пастернака помню. Упокой, Господи, душу его! И сколько еще великих теней мы вызвали в устных воспоминаниях!

Боже, мне не хватает вот таких встреч, как с вами.

Каждый день сижу за столом и стараюсь продолжить свое странное занятие литературой. Мысли есть, но пока еще не осуществленные. А надо поспешить, кто знает, кроме Всевышнего, сколько мне отсчитано лет. Медлительность моей натуры невольно отражается и на работе.

Сейчас вспомнил Ваш юмористический рассказ о московской встрече с Ло Гатто и невольно стал хохотать. Артистично, смешно и совершенно совпадает с характером моего старого друга.

Благодарю вас за книги — радость нашей жизни.

Евгения Кузьминична, голубушка, конечно передам Кириллу все, что Вы оставили. Он сейчас в отъезде.

Будьте здоровы, благополучны. Подайте голос. Вот бы еще встретиться. На все воля Божья.

Москве арбатской поклонитесь от меня низко.

С лучшими чувствами

Бор. Зайцев.

258. И. Ф. Бэлзе. 22 мая 1966. Париж

5 Avenue des Châlets *22 мая 1966*
75 Paris (16) *Париж*

Многоуважаемый Игорь Федорович,

благодарю Вас за присылку оттиска и приветствую как некоего сотоварища по Данте, хотя себя считаю просто его поклонником,

а Вас знатоком. — Правда, внутренне я много с Данте жил и в тяжелые времена он очень мне помогал, все же познания мои о нем любительские, — теперь уже и устаревшие.

Как бы то ни было, наш с Вами «патрон» — первосортный. Для меня все это уже в прошлом (как и жизнь моя), а Вам же искренно желаю продолжать с ним научное и духовное общение, столь для нашей культуры ценное.

С лучшими чувствами *Борис Зайцев*,
русский писатель и пилигрим итальянский.

P. S. Адреса Вашего не знаю, поэтому пересылаю чрез А<лександра> В<ениаминовича>.

259. К. Г. Паустовскому. 14 июня 1966. Париж

5 Avenue des Châlets — *14 июня 1966*
75 Paris (16) — *Париж*

Дорогой Константин Георгиевич,
только что прочитал Вашу «Виллу Боргезе» — прелестно. Прямо превосходно написано, сдержанно, в меру, глубоко и поэтично. Японочка очаровательна, а внутренняя шпилька мне мало интересна, хоть бомбы отвратительны, кто бы их ни бросал.

Я живу теперь у дочери, я один. Вера скончалась 11 мая 1965 года, в этом же особняке, огромном и очень не похожем на квартиру в Булони. Мы живем в двух шагах от бывшей кв<артиры> Бунина, где он и его Вера (подруга юности моей Веры), скончались неск<олько> лет тому назад. А немного дальше жили Мережковский и Гиппиус, еще дальше Ремизов, Алданов, Шмелев. Почти все старшее поколение ушло. Я пережиток, ихтиозавр, случайно пока уцелевший.

В Риме мы были с Верой молодыми и счастливыми. Зиму 1911—12 гг. провели в пансионе на Via Veneto, наверху, где она упирается почти в стену Аврелиана. Окна комнаты нашей выходили на эту стену, за ней — Ваша (и наша) вилла Боргезе. Все это мне очень близкое и почти «родное». (Хотя окончательно родина моя — кроме России, конечно, — Флоренция.)

Но бессонных ночей ни жена, ни я и не знали тогда, дрыхли как убитые. Да и силы какие были — раз отмахали пешком по Аппиевой дороге 24 версты. И хоть бы что. Нынешним летом дочь с мужем будут в Москве, 23 июля — 10 августа. Если Вы окажетесь в городе, непременно Вас повидают и передадут мой привет, думаю уж прощальный: в феврале мне исполнилось 85 лет. «Пожито, пожито».

Будьте здоровы, да отыдет от Вас эта астма, не тем будь помянута. И напишите еще что-нибудь очень хорошее.

С лучшими к Вам чувствами

Борис Зайцев.

P. S. Моя дочь называется Наталья Борисовна Соллогуб.

260. С. Ю. Прегель. 20 августа 1966. Париж

5, Av. des Châlets, Paris (16) *20 авг<уста> 1966*

Дорогая Софья Юльевна,

спасибо за доброе и ласковое письмо. Рад, что хорошо отдыхаете в Остенде, о котором знаю только, что там отличные устрицы. Вкусите их за мое здоровье, но непременно запейте сухим белым вином.

Некогда (до освобождения крестьян) мы с Верой в Виареджио утешались итальянскими устрицами в приморском ресторанчике. Полуголый Антиной при нас вылавливал их, как ребенком я в России раков — тоже при императоре Александре II. — Но мы запивали их просто кианти — Виареджио страна кианти! И сколько мы его выдували вдвоем!

«Веселые годы, счастливые дни...» — благодарю Бога, что они были.

Все благо. бдения и сна
Приходит час определенный,
Благословен и день забот,
Благословен и тьмы приход!

Это написал один небезызвестный поэт, задолго до существования «Русск<ой> Мысли». Мы бы охотно напечатали, если бы прислал... — рядом с Родленом Березовым.

Целую вашу ручку. Привет сердечный.

Ваш *Бор. Зайцев.*

P. S. Зурову гораздо лучше. Он заходил к нам, его лечит Струве. О клинике пока нет речи. Что дальше будет — посмотрим. А сейчас он, как всегда, ничего не скажешь.

261. Л. Н. Афонину. 3 сентября 1966. Париж

5, Avenue des Châlets,
75 Paris (16) *3 сент<ября> 1966*

Многоуважаемый Леонид Николаевич,

буду очень Вам признателен, если передадите Научной сессии, посвященной 400-летию г. Орла, искреннее мое приветствие и пожелание плодотворных трудов.

Орел город, где я родился и провел первый год своей жизни. Приходилось бывать в нем и позже, ребенком, у родственников, но все это времена уже легендарные.

Жму Вашу руку и желаю всего доброго.

С лучшими чувствами

Борис Зайцев.

262. Л. Н. Назаровой. 5 октября 1966. Париж

5, Av<enue> des Châlets, Paris (16) — *5 окт<ября> 1966*

Дорогая Людмила Николаевна, большое спасибо за письмо. Насчет Пузина: когда я был ребенком, мы жили в 60 верстах от Оптиной (80-е гг. 19-го века!), иногда ездили в Калугу на лошадях с ночевкой в Козельске (2 версты от Оп<тиной>). Но в монастырь никогда не заезжали. И родители, и я сам очень были далеки тогда от религии. Думаю, если бы и заезжали, толку от этого никакого не было бы.

Но нянька, помню, рассказывала мне много о старце Амвросии, старце знаменитом, вошедшем несомненно в «Братьев Карамазовых» — Достоевский с Вл. Соловьёвым были в Оптиной в 1878 г<оду>. «Старец Зосима» жил от нас в 60 верстах! Но у нас в доме были тогда Писарев, Бокль — правда, и Тургенев с Толстым. Достоевский явился гораздо, гораздо позже.

Так что, к сожалению, об Оптиной личных впечатлений никаких не могу сообщить г. Пузину, но если передадите ему мой привет, буду признателен.

Как хорошо, что были опять в Спасском-Лутовинове. Радостно, что есть в России такое поклонение классикам нашим — действительно ведь они некий наш «паспорт». «Кто вы такие?» — «А вот соотечественники Толстого, Достоевского, Тургенева...»

На днях кончил я некую «Повесть о Вере» — это не «беллетристика». А мне попалась пачка писем Веры Буниной к моей Вере — они были подругами с юношеских лет. Письма с 1925 по 1958. Это и дало материал. Очень меня расшевелило. Получилось мемуарно, с выдержками из писем. Облик Веры Б<униной> очень выступает. Все это глубже и ярче ее книги об Иване. А для меня много и волнующего — ведь и жизнь моей Веры невидимо, но ощутимо тут, да и моя собственная, да и вообще литературная жизнь того времени за рубежом.

Выйдет в печати это здесь не так скоро — к Новому году. Мы Вам пришлем текст. (Моя Вера когда-то, в прошлом веке, учила Веру Б<унину> французскому языку. Подумать! Многому ли могла научить, вопрос другой...)

Наташенька просит передать Вам искренний привет — от себя и Андрея. Она живет здесь жизнью деятельной. Кроме семьи и близких, развозит старушек очень больных по госпиталям и из госпиталей, а так как знакомых у ней уйма, то и дела немало. (Кому только не лень, все к ней...)

Растет юное поколение — два внука. Хорошие мальчики (студенты уже). Как не похоже на мою молодость с Калугой, скучнейшей гимназией, Москвой, казавшейся некоей блистательной планетой, из другого мира (расстояние max<imum> 200 верст). — А эти побывали уже в Сирии, Палестине, Греции... Нынче летом оба были в Италии, один в Риме, другой в Римини (конечно, привез фотогр<афию> гробницы Данте в Равенне). Старшему, Мише, 21 год. Он один из заправил «Центра Достоевского» при крупнейшем русск<ом> кн<ижном> маг<азине> «Editeurs réunis»[1] — там читают лекции, общается молодежь международная и междуконфессиальная — православные, католики, протестанты, никакие. Издают студенч<еский> журнал (на гектографе) trimestriel[2] — «Встреча». Слава Богу, они в хорошем кругу молодежи — есть здесь и нигилистические, распущенные круги, беспардонные — «мимо, читатель, мимо...», но наши юноши и барышни другого засола.

Зовут завтракать. Целую ручку, ставлю точку.

Всегда Ваш, с лучшими чувствами

Бор. Зайцев.

---

[1] «Объединенный издатель» *(фр).*

[2] трехмесячный *(фр).*

263. Л. Н. Назаровой. 17 ноября 1966. Париж

5, Av<enue>des Châlets,
Paris (16) *17 ноября 1966*

Дорогая Людмила Николаевна, как раз нынче собирался писать Вам — и вот Ваше письмо! «Повесть о Вере» непременно пришлю, прислал бы, даже если бы Вы не упомянули об этом. Но она появится только в декабре, несколько подвалов в газете, вероятно, 3—4 (а может, меньше, если станут печатать большими кусками прямо в полстраницы). Издание расширяется, я называю его теперь уже «Times» для бедных — посмотрим, как это выйдет.

Пока что прилагаю нечто мое о Бунине же, только что вышедшее. Я вообще сейчас очень влез в былое: и из-за писем *его* (Бунина) Веры к моей, и получил из архива Зурова чуть не 80 писем моей Веры к бунинской. Очень волнующее. Конечно, много личного, не для печати, но делаю выдержки, стараюсь брать такое, что дает и Ивана, и нашу эмигрантскую жизнь того времени — литературную жизнь. Политики там никакой нет. Обе Веры как живые, обе любили друг друга чуть не с детства, обе — Москва, обе совсем разные. *Моя* запускала иной раз такие словечки, что впору Ивану (она его, кстати, очень любила, а иногда и ругала, он ее тоже: «сумасшедшая стерва», «старуха Изергиль» — она тогда была еще совсем молодой). Моя Вера была более артистичной по натуре, его Вера — философичней и основательней. Но всегда боялась, что ее сочтут синим чулком. Иногда (в молодости) не прочь была слыть гетерой, но гетерского в ней ничего не было.

А теперь все это прошлое... На кладбище St. Genèvïève des Boïs под Парижем все трое они лежат недалеко друг от друга, скоро и я к ним присоединюсь, в Вериной могиле есть и для меня место. Там же Мережковские, Шмелев с женой, Тэффи и более молодые из нашей братии, к<ото>рых Вы не знаете.

Ваше письмо о сессии в Орле очень было интересно. Как хорошо, что многие в России любят русскую культуру и литературу. Очень жалею, что никогда не увижу ни Спасского-Лутовинова, ни Ясной Поляны.

Целую Вашу ручку, шлю лучшие пожелания.

Всегда Ваш

Бор. Зайцев.

От Наташеньки — привет.

P. S. «Повесть о Вере» думаю послать в 2—3 письмах. «Там посмотрим», как говорила моя покойная мать. — Не думайте, что это «беллетристика» (противное слово, но приходится им пользоваться) — это большие выдержки из писем Веры Буниной с 1925 по 1958 г. с моими комментариями в тексте же, иногда довольно длинными.

264. Л. Н. Назаровой. 30 декабря 1966. Париж

5, Av<enue> des Châlets,
Paris (16) *30 дек<абря> 1966*

С Новым годом, дорогая Людмила Николаевна, дай Бог благополучия и здравия. И сил, сил! Много работаете, наверно? Отец мой покойный говорил: «Труд — проклятие человека». Я

во многом с этим согласен (обломовская порода наша), а все-таки и безделье беда. Ну, Вы работаете в интересном мире, а вот корпеть в какой-нибудь канцелярии...

Очень признателен за XI т<ом> писем и сочинений Т<ургенева>. — Весьма сожалею, что первых двух томов у меня нет. Знаю, какие усилия делали Вы, чтобы их найти — это всегдашняя история с первыми томами: они исчезают.

У меня есть 70 томов «Современных записок» — это был лучший журнал эмиграции. И тоже 1-го т<ома> не хватало, но приятель нашел его где-то и подарил. А приятель был иудей (милейший человек), вот немцы его на всякий случай и угробили в газовой камере, равно и веселую его жену Эрну, скульпторшу. (Мой бюст ее работы купил музей Фаэнци, в Италии.) За что погибли? Только за еврейство свое. — Комментарий-статейку Дубовикова к названным Вами рассказам прочел. Что сказать? Уважаю познания, читал с интересом. А указательный палец расхолаживает. Все надо подогнать под схему... — знаю, что иначе не напечатают, все-таки грустно. Конечно, за последнее время «прогресс» есть, я недавно просмотрел новую кн<игу> о театре — даже удивился: Москва, а написано, будто в Париже. Ничего особенного, ни к кому враждебности, просто о театре. И как это оживляет! Не Бог весть какой автор, но спасибо ему, что ничему общеизвестному и надоевшему безмерно *не* учит.

«Повесть о Вере» скоро выйдет, в январе. Я Вам пришло. От «Литер<атурного> насл<едства>» Дубовиков предложил мне дать что-нибудь о Бунине. Я ответил, что нового ничего о нем не пишу, а вообще есть у меня о нем и в «Москве», и в «Далеком», и в фельетоне, что Вам послал, и в «Повести» этой будет... Но уверен, что ничего из этого не выйдет.

Медленно все идет. Я до больших перемен не доживу, но они будут. Вы многое увидите такое, что сейчас невозможно.

А я чем больше живу за границей, тем более становлюсь русским. Читаю по-французски свободно, а говорю премерзко и никакого желания говорить нет. И знакомых у меня французов нет. А Париж очень хорош. В этом году к Рождеству разукрасился и совсем необычайно — вечером целые гирлянды световые на улицах, витрины тоже сияют. Никогда раньше такого шику не бывало.

Альбом Тургеневский получил, спасибо, много интересного.

Наташенька сейчас в Швейцарии с Андреем, на неделю. Миша — старший внук — тоже в Швейцарии, но с молодежью. Младший тут.

Хорошая молодежь. Разные их приятели и приятельницы. Недавно устроили в Русск<ой> консерватории вечер, посвящен-

ный поэтам Серебряного века: Блок, Белый, Есенин, Ахматова. Меня запрягли. Я им читал кое-что об этих поэтах, кое-какие личн<ые> воспоминания и «по существу» — бегло, конечно. А они читали стихи. Мое впечатление, что *Есенин* им ближе других (но не мне. *Они* выбрали поэтов и они просили читать о них).

Я в этой Консерватории много раз выступал и читал. Но никогда не было столько молодежи. Обычно лысины и седоватые дамы, а тут «племя молодое, незнакомое».

Народу было много. Но рекорд — вечер памяти Ахматовой, наш Союз писателей (коего я председатель) устраивал. Зал «ломился от публики». Лучшие наши силы (мало их осталось!) выступали. Все записано на магнитофоне и передавалось на «Восток»: иногда доходит, некоторые слушают.

Вот и конец. Целую ручку.

Ваш *Бор. Зайцев.*

265. Н. П. Смирнову. 6 января 1967. Париж

5, Av<enue> des Châlets, Paris (16) *6 янв<аря> 1967*

Дорогой Николай Павлович,

всячески приветствую Вас с Новым годом и Рождеством Христовым и уж разумеется, плохого Вам не пожелаю в этом году — наоборот, «наилучшего».

Ваше письмо — очень душевное и вообще очень для меня интересное. Я очень благодарен А. А., что он переслал Вам мою статейку о Бунине. На днях начнется печатанием довольно длинная штука — «Повесть о Вере» (Буниной). *Не* «беллетристика»[1], а некие выдержки из писем бунинской Веры к моей Вере с 1925 по 1958 г<оды>! Они были подругами с ранней юности, еще по Москве, и во время Голгофы моей Веры (8 лет паралича), *та* Вера ее не забывала и не покинула, несмотря на то, что со мной чувствовала себя несвободно (из-за Ивана, хотя его тогда уже не было в живых).

Вот по поводу Вашего неприятного впечатления и «соринки». — Менее всего думал я, что узнал: «Иван писал какие-нибудь «Жизнь Арсеньева» или «Цикады» — будет воспринято как нечто пренебрежительное. По-моему, смысл ясен: какое-ниб<удь> свое произведение, напр<имер> «Ж<изнь> А<рсеньева>» и «Цикады». (Ведь и выбрано-то из лучшего!)

---

[1] Терпеть не могу этого слова, но оно прочно засело в языке нашем. *(Примеч. Б. Зайцева).*

Впрочем, должен здесь сделать оговорку: не так давно я перечитал «Ж<изнь> А<рсеньева>» и она произвела на меня далеко не то впечатление, чем раньше. Гораздо меньшее. Особенно первая часть с восторженным отношением к самому себе, почти обожествлением. И описательные длинноты, которые разжижают впечатление.

О кн<иге> Тхоржевского — просто курьез! Не я же ее писал. Или м<ожет> б<ыть>, Бунины думали, что я «вдохновлял» Т<хоржевского>? Тут безмерное самолюбие Ивана получает, увы, почти комический оттенок (Вера его parte paralè). Помню, как Иван сердился и на Т<хоржевского> лично, думаю, и высказывал ему это. По крайней мере, во втором издании книги нет фразы о том, что я чем-то превосходил Бунина («вдумчивостью»! — надо же тоже придумать такую claposité).

В чем я с вами *вполне* согласен, это что на всем *таком* прошлом надо поставить крест и забыть о нем. Пусть останется лучшее, что было, а его было немало. Письма Веры к моей Вере местами очень значительны и дают облик ее более глубокий, чем это могло казаться в повседневности и обыденщине. «Повесть» эту я Вам непременно перешлю (в письмах, м<ожет> б<ыть> оба займемся этим — т. е. я и А. А.).

Всегда с интересом и сочувствием читаю Ваше в «Русск<их> Новостях», мне обычно присылает эти №№ дружественная держава одна, сотрудничающая там, к<ото>рую я знал еще в детском ее возрасте в Москве.

Итак, еще раз — лучшие пожелания и привет сердечный.

Ваш *Бор. Зайцев.*

266. И. А. Васильеву. 12 января 1967. Париж

5, Av<enue> des Châlets, Paris, (16) *12 янв<аря> 1967*

Дорогой Игорь Анатольевич, очень рад был получить от Вас письмо — Вы, ведь, молодая Россия — главная наша надежда. Радостно видеть, что связь существует между приходящими в жизнь и уходящими из нее, связь душевно-культурная, это самое важное.

«Далекое» постараюсь Вам переслать. Отправить — очень просто. Получить — много трудней. В книге нет ничего политического (да это и не моя область), ряд зарисовок-воспоминаний

о Блоке, Белом, Бальмонте, Вяч. Иванове, Ал. Бенуа, Бунине, Балтрушайтисе, Цветаевой и др.

Один путь уже налажен, но это произойдет еще нескоро, летом. Будем пробовать и другие. Отправим и другие мои кн<иги>, более «доходяги» (не в современно-русск<ом> понимании этого слова) — если хотите: доходященские. Насколько я знаю, напр<имер>, «Жуковский» легче проплывает.

Повторяю, очень был тронут Вашим письмом и приму все меры, чтобы осведомлять Вас о выходящем (и вышедшем) здесь.

А пока что —

«Здравствуй племя молодое, незнакомое...»

С лучшими чувствами и пожеланиями Рождественско-Новогодними

Бор. Зайцев.

267. Л. Н. Назаровой. 18 января 1967. Париж

18.I.67

Дорогая Людмила Николаевна, посылаю Вам первую половину «Повести о Вере». Будьте добры, сообщите, получили ли. Мне бы очень хотелось, чтоб дошло. Но если *нет,* буду вновь пробовать.

Всего наилучшего!

Всегда́ Ваш *Бор. Зайцев.*

268. Л. Н. Назаровой. 4 и 6 февраля 1967. Париж

4 февр<аля> 1967. Суббота

Дорогая Людмила Николаевна, вчера — Ваше письмо. Очень рад, что «Повесть о Вере» дошла, посылаю окончание. Знал, что Вы с Верой Буниной встречались, и не ошибся: Вам интересны ее строки и о ней читать.

Спасибо большое за Ваше дружественное и сочувственное письмо. Как жаль, что Вы *мою* Веру не знали! Это была полная противоположность по характеру и темпераменту Вере Буниной, но такая же неискоренимо русская, как и та Вера (да и я такой же: чем больше живу во Франции, тем больше «русею»). По-французски говорю мерзко, а за последнее время так обнаглел, что недавно прохватил двух Наташиных француженок, что они

по-русски не умеют говорить. «C'est une langue mondiale!» — а надо было сказать «universelle»[1].

Моя Вера была очень пламенной натурой, не такой «шляпой», как я. Вы пишете о ее письмах — они сохранились в архиве Зурова, и он дал их мне для прочтения. Письма к Вере Буниной. Для меня это очень пронзительно. Стиль летящий, стремительный, фразы мчатся, перебивая друг друга, полно любви к подруге и тоже тоски по родным в Москве, по погибшему юноше-сыну. В выражениях не стеснялась — в этом общее с Иваном, которого она любила, называла «Ваня», «братик». (Читал ее письма, местами плакал, местами смеялся. Как она о Маяковском отозвалась! Повторить нельзя, но Иван очень бы одобрил.)

Много там и о том, что могло быть интересным только для них обеих, а есть тоже много о жизни литературн<ой> эмиграции того времени. Можно бы составить блюдо, выдержки с сопровождением моим, но пока это дело неясное. Письма принадлежат Зурову, его архиву, ослаблять собрание это, печатая из него часть под моим флагом, — неудобно. С другой стороны (но это строго между нами), мы с Наташей и опасаемся, как бы это все просто не пропало у него — ни в Россию, ни в Америку он отдавать не хочет, а все мы под Богом ходим, ему за шестьдесят перевалило, и порядочно. Я с ним знаком 40 лет, а он уже тогда был здоровенный... (Иван и моя Вера сказали бы: *кобель,* я почтительно присоединяюсь к мнению их.)

Как бы то ни было, я или копию, или фотоснимок оставлю у себя, на Наташино попечение, мне ведь еще побольше, чем ему, — в воскресенье 86.

Двенадцатый том писем Тургенева получил, сердечно благодарю. Нашел там мною посланный пригласит<ельный> билет с подписью Тургенева. А статьи Вашей о «Старых портретах» пока не получил, как получу, напишу Вам тотчас. Кн<ига> Павловского тоже еще не дошла. Рождественского стихи очень хороши. Я это имя знаю, но ничего толком его не читал. И не думал, что ему за семьдесят!

А мне пишут из России *очень* многие писатели и литературоведы: одному 29 лет, другому 22. Двадцатидевятилетний называется Лихоносов, живет сейчас в Краснодаре, а родом Бог весть откуда — из Новосибирска. Прислал книжку небольших рассказов — очень живо и мило, общечеловеческое, простодушное, никаких фокусов и штук, но молодые любовные дела тема вечная, сколько об этом написано, а вот все свежо. Не знаю, что из него выйдет дальше, но пока очень симпатично.

---

[1] «Это всемирный язык!» <...> «мировой» *(фр).*

Вообще, я за «молодой» Россией очень стараюсь следить и меня многое радует. Скоро помрешь, конечно, многого не увидишь, все-таки хорошо. Я надеюсь. Я в Россию верю. Выберется на вольный путь. Всей душой желаю Вам сил и бодрости. *Вы* многое увидите.

Дружески Ваш *Бор. Зайцев.*

P. S. Да, еще: я получил от «Литер<атурного> наслед<ства>» предложение написать о Бунине для кн<иги>, которую собираются выпустить к 100-летию со дня его рождения (1870—1970). Подписано Дубовиковым. Я ответил, что нового ничего о Б<унине> писать не собираюсь, а вот если хотят, пусть перепечатают то, что здесь появилось. (Есть в «Москве», «Далеком», да и эти «письма Веры»). Их, наверное, такое не устраивает. Но только для них я писать вообще не хочу.

А в сущности перепечатать очень просто. Конвенции нет с Францией, и они и я совершенно свободны. Фотографии дам.

6 февр<аля>. Понедельник

Не успел еще отправить письмо, получил и статью Вашу, и книгу Павловского. Статью только что прочитал с интересом живейшим. «Старые портреты», конечно, знаю, но давно читал, теперь после Вас, вновь перечитаю. Но за Вами не угонишься, конечно. Сколько познаний! Повторяю: очень понравилось. — Никогда не мог понять в Т<ургеневе> этой черты — советоваться с близкими до напечатания. Какая робость! Скромность внутренняя, что ли? А ведь вторую половину «Двор<янского> гнезда» приятели ему подпортили — биография Лаврецкого слишком длинна, до его дедов и прадедов мне никакого дела нет. Его Анненков (если не ошибаюсь) запугал. Но Тургенев привык подчиняться! Одна Виардо чего стоит. (Царство ей небесное, думаю, была стерва.)

269. В. И. Лихоносову. 7 февраля 1967. Париж

7 февраля 1967

Дорогой Виктор Иванович,

обе книжки Ваши получил, большое спасибо. Прочитал и порадовался: дарованию, свежести Вашей и молодости. Это все в Ваших рассказах есть, и человечность есть, и никакого указательного перста. Терпеть не могу, чтобы мне что-нибудь навязывали, долбили в одну точку. Слава Богу, Вы ни с чем не пристаете к читателю, а изображаете молодежь, чувства молодые — это тема вечная, ведь. И автора видишь, не только

на фотографии, но и всюду в описании он присутствует, не назойливо, как будто незаметно, но вот это *как будто* именно и нужно.

Ни влияний литературных, ни подражаний кому-либо не заметил. В одном месте чуть-чуть пахнуло Чеховым, но мимолетно.

А я Чехова всю жизнь любил (и люблю). Некогда показывал ему полудетские свои писания. А когда умер он, в 1904 г., нес гроб его в Москве с другими студентами. Тело прибыло из Петербурга. Мы с женой ехали с Арбата на Николаевский вокзал на извозчике («ванька»), и всю дорогу плакали... А сегодня получил из Тургеневс<кого> музея в Орле фотографию превосходную Ново-Девичьего монастыря в Москве, где Чехов похоронен. Замечательно!

Всячески желаю Вам сил и творчества, «и во всем благого поспешения». У Вас свежее и доброе дарование.

Если не лень, напишите о себе, как Вы там разворачиваетесь на Вашей Кубани. А Новосибирск! 800 тыс<яч> жителей, издательство — я ж знаю только, что туда летал де Голль, и стоит город на Оби, раньше назывался Ново-Николаевск.

Ваш сочувственник
престарелый *Бор. Зайцев.*

P. S. Не «вылазить», а вылезать. «Почешу-ка я на ферму» — и тут я развеселился. Диалоги Вам очень удаются.

270. Л. Н. Афонину. 9 февраля 1967. Париж

5, Avenue des Châlets, Paris (16) *9 февраля 1967*

Многоуважаемый Леонид Николаевич, привет Ваш получил, сердечно благодарю... вспомнил Орел и легендарные времена.

Будьте здоровы, всего доброго

Ваш *Борис Зайцев.*

P. S. Фотография Новодевичьего монастыря отличная. За нее особенная признательность. Там хоронили мы в 1904 г. Чехова — я уже печатался и лично знал немного Чехова — всегда очень его почитал.

С Николаевского вокзала выносили с другими его гроб. Мы с женой моей очень его тогда оплакивали.

P. P. S. В долгу еще за прежнюю присылку! А книга моя «Далекое», кажется, не дошла? Укажите способ, охотно что-нибудь пошлю.

271. А. Е. Парнису. 26 февраля 1967. Париж

5, Av<enue> des Châlets, Paris (16) *26 февр<аля> 1967*

Многоуважаемый Александр Ефимович, если встречаетесь с В. П. Некрасовым, будьте добры, передайте ему мое сочувствие по поводу кончины С. Н. Мотовиловой, с кот<орой> мы обменялись письмами, и она произвела на меня впечатление очень серьезной и «глубокой» женщины. Некрасову от меня привет и добрые литературные пожелания. Летом 66 г. моя дочь была в России, заезжала в Киев и хотела его повидать, но не смогла найти, к сожалению.

Что касается Хлебникова, я слишком мало его знал, он всего раз был некогда у меня в Москве. (Более 40 лет тому назад!) Впечатление осталось от него хорошее — чудачище первосортный, но скромный, держался почти застенчиво, производил впечатление не совсем нормального психически (но ведь и кн<язь> Мышкин тоже не отличался здравием какого-ниб<удь> футболиста). «Председатели земного шара» — да, у них был автомобиль с вывеской такой, они ездили в нем по Москве, была на них минутная мода у правительства, и это разрешалось. Дальнейшая судьба Хлебникова Вам известна.

Фамилию Зданевича знаю, но ничего о нем *здесь* не слышал, это даже удивительно. Если ему не лень, пусть позвонит мне как-ниб<удь>: Jas. 38-33. Встретимся, м<ожет> б<ыть>, вспомним о Хлебникове побольше. (Помнится, Х<лебников> приглашал меня к себе на литер<атурное> собрание, сказал:

— Приходите... будет очень учёно... Вячеслав Иванов, Андрей Белый... — потом задумался и добавил негромко: — И очень похабно.

Почему? Я не уразумел. И причем тут Андрей Белый и Вяч. Иванов? Тоже не понял. (Но на собрание не пошел.)

Вы очень молодой? Пишете стихи? Или занимаетесь литературоведением?

Во всяком случае — всего лучшего. Здоровья и бодрости.

Ваш *Бор. Зайцев.*

Р. S. Если б Некрасов прислал старому хрену свою книжку, я был бы очень благодарен. И Вы не поленитесь книжку ли, стихи, статью: я очень интересуюсь молодой литературой в России. К сожалению, *отсюда* книги доходят очень плохо к Вам.

Р. Р. S. Меня как-то спросила здесь дама: «А вы не были знакомы лично с Достоевским?» Ответил ей: «Нет, не был. родился в ночь, когда он умер».

272. Л. Н. Афонину. 24 марта 1967. Париж

5, Av<enue> des Châlets, Paris (16) *24 марта 1967*

Многоуважаемый Леонид Николаевич, спасибо за внимание и доброе отношение. Фотографии кремлей и крепостей очень интересны.

Вы спрашиваете о Матери Марии. Я ее знал, а жена моя (покойная) даже с ней отчасти дружила. Она считала себя представительницей «нового монашества» — и действительно отличалась в очень многом от прежнего — была натурой действенной: много помогала «страждущим», «болезнующим», делая это во имя Христа. В некоем смысле апостольство гуманистическое. Ну, например: разыскивала по всей Франции русских, попавших в психиатрич<еские> лечебницы, заброшенных в провинции, помогала им, иногда добивалась освобождения (брала на поруки).

На rue Lourmel в Париже у нее при церкви было общежитие, полное всяких удивительных (и обездоленных, конечно) типов, которых она как-то ухитрялась содержать. Энергия была редкостной. И ничем не брезгала — сама ездила на рассвете на главный рынок, закупала там по дешевке всякого добра для еды нахлебников, на себе волокла через весь Париж.

При немцах укрывала резистантов — на этом и погибла. Погиб и сын ее (она до монашества была замужем), юноша совсем «юный», и священник общежития о. Дмитрий Клепинин. Есть рассказ, будто она пошла за другую женщину (назвалась ею) в газовую камеру в Германии. Но, быть может, это легенда. Факт несомненный, что в плену держалась героически, ободряла страдающих и чем могла помогала. Несомненно и то, что сама тяжело хворала уже (истощение, дизентерия) — вообще трагедия. Сведения о Ватикане и причислении к числу святых — фантазия. (Католики и своих «причисляют» после многолетних исследований деятельности и жизни, а уж православную монахиню — совершенно невероятно.)

Постригал ее здесь митрополит Евлогий. Сам он вышел из прежнего Синодального православия, но был очень умный и во многом тонкий старик, и вот почувствовал в ней особенное, еще когда она была «штатской» — потом постриг ее и всячески опекал. Она была очень левая, он вырос в духе монархии, но вот они как-то ладили, и она к нему относилась очень уважительно.

Вот как будто и все, что могу о ней кратко, в письме сообщить.

Насчет книг моих — охотно вышлю, но в Орел они почти не доходят! Попробовать послать Назаровой, чтобы она переслала Вам в Орел... Попробуем.

Будьте здоровы. Лучшие пожелания.

Ваш *Бор. Зайцев.*

P. S. Кончил письмо и нашел статью из «Русск<ой> мысли» нашего общего приятеля Серг<ея> Жабы — гораздо более полно и обстоя<тельно>, чем мои неск<олько> строк. Прилагаю ее.

273. Л. Н. Назаровой. 25 марта 1967. Париж

25.III.67

День св<ятого> Григория Двоеслова, папы римск<ого>. (А что значит «Двоеслов» — не знаю.)

Дорогая Людмила Николаевна, все Ваши дары книжные и фотографические получил, сердечно благодарю. Вижу, по отзывам тогдашним, как несчастна была эта «Новь»... и ничего не поделаешь, трудней всего и мне было писать *именно* о ней (и написал-то всего неск<олько> строк). Неудача, ничего не скажешь другого.

Наташа тоже благодарит за ее книгу — отличное издание!

С грустью смотрю на недостающие (воображаемо) I и II тт. «Сочинений» — знаю, что Вы делали героические усилия, чтобы их достать — значит, судьба. Это всегдашняя история: I том исчезает раньше всех. Но на днях мне все же достали из Канады 1-ю кн<игу> «Современника» (небольшой, но очень литературный — и *только* литер<атурный> журнал, издающийся в Торонто). Понимаю, конечно, какова разница между русским классиком и скромным журнальчиком торонтским...

Насчет Бунина: новых воспоминаний о нем я не собираюсь писать, а если бы и написал, то, конечно, сначала напечатал бы здесь. Я предложил «Литературному наследству» и «Повесть о Вере» и о Бунине, напечатанное уже, но за рубежом — предложил и был уверен, что не согласятся. Так и вышло, Дубовиков ничего не ответил.

Настанет, конечно, время, когда все эти анафемские барьеры рухнут, но я *не* доживу. (Многое уже сейчас рухнуло: на днях барышня, работавшая по части радио, рассказала мне весело, что в 54 г<оду> *собственными ушами* слышала раз из России, где меня называли «белобандитом».) Теперь что-то не слышно. Но все-таки... «полудикий» зверь, осторожность...

Как-никак, этот полудикий пошлет Бабореке или Дубовикову фотографии (Бунин, Алданов и я на балу писателей в тридцатых годах), отдельную фот<ографию> Бунина 27 года и фото<графию> его кабинета на rue Offenbach, где Вы у них были — мы живем теперь в двух шагах от них, но по другую сторону Avenue Mozart. Ну, у нас Hotel Particulier, особняк по-нашему, не литераторское эмигрантское пристанище — это служебная квартира Андрея. Мы с покойной моей Верой всю жизнь за границей жили очень бедно («Пролетарьюше вшивских краев, лондшися! — Ваш клич по-польски). Вот Вера переехала из дырочки в Palazzo Corsini и скончалась тут. За мной очередь, теперь недалекая.

Дружески приветствую Вас, от Наташи и Андрея привет.

Всегда Ваш *Бор. Зайцев.*

P. S. В Америке выходит моя кн<ига> «Река времен» — названо по одному из рассказов, последнему моему. Нечто вроде антологии моего писания — «зрелой полосы». Но это еще не завтра произойдет. Если доживу — осенью, а м<ожет> б<ыть> — к Рождеству.

274. Л. Н. Назаровой. 29 апреля 1967. Париж

5, Av<enue> des Châlets,
Paris (16) *29 апр<еля> 1967*

Дорогая Людмила Николаевна, сердечно благодарю Вас за Тургенева — «Новь» чуть ли не самое несчастное его произведение, но иметь его у себя радостно: во всяком случае и сама «Новь», и отзывы о ней, все с таким вниманием и любовью воспроизведенное — это кусок навсегда ушедшей литературной России, культуры ее.

Второй том Сочинений у меня появился, браво! А вот *первого* все еще не хватает. Знаю, что делали Вы героические усилия (вплоть до Оренбурга!) — ну, может, набежит откуда-нибудь. Вот у меня не было 1-го тома «Соврем<енных> записок»[1]. И нигде не мог достать. Но нашелся приятель наш, благодетельный иудей. (А самого его года через два немцы анафемские увезли и прикончили в лагере.)

Если Вам попадется 1-ый том Тургенева, то не думайте, что это предвестие *для Вас* лагеря и судьбы этого Вольфсона. Нет, это просто к слову пришлось.

---

[1] Лучший журнал эмиграции. — Теперь его преемник «Нов<ый> Журн<ал>» — США *(Примеч. Б. Зайцева).*

Посылаю Вам № газеты (вернее, лист из нее), посвященный Алданову. Его в России не знают, но узнают со временем. Спешить некуда. Он уже умер, и мы скоро помрем (говорю *не* о Вас), а книги просочатся, они упорные, от них не отделаешься.

Вы увидите, что и я и Газданов говорили по-разному одно и то же: был Алданов скептиком и пессимистом и «все прах и суета», а вот в натуре его сидело и нечто противоположное, что делало его добрым и благородным человеком. Это бывает. И «доктор» Чехов считал себя материалистом, а чувствовал и действовал как идеалист и даже как христианин. Не знаю, читали ли Вы моего «Чехова» (наверно — нет), там все это обстоятельно рассказано.

Издалека дружественно приветствую Вас и желаю всего доброго.

Всегда Ваш *Борис Зайцев.*

275. Л. Н. Афонину. 17 мая 1967. Париж

5, Avenue des Châlets, Paris (16) *17 мая 1967*

Многоуважаемый Леонид Николаевич, простите, что отвечаю так неаккуратно — но замедленность темпа жизненного с годами у меня растет, мало успеваешь сделать (а жить тоже осталось очень мало).

Как бы то ни было, отвечаю на Ваши вопросы. 1) Да, насчет Александрова автобиографично. И, конечно, это Леонид Андреев. Он был тогда очень красив, приветлив, добр с начинающими — и облегчил мне чрезвычайно первые, обычно трудные шаги в литературе. Писания его (того времени) мне искренно нравились, даже «Бездна», которую я защищал с яростью, хотя не только невесту, но и вообще никого, слава Богу, насиловать не приходилось[1]. Андреев и ввел меня на «Среду» (а вовсе не Серафимович, как написал в только что вышедшей кн<иге> о Бунине О. Михайлов). К более поздним, схематическим и безвоздушным писаниям Леонида я охладел, но в общем остался он во мне «Милым призраком» молодости. С этим я уже и уйду.

2) Портрет Веры очень меня тронул и я крайне признателен Вам, что прислали его. Я сейчас нахожусь, к тому же, в атмосфере обеих Вер — моей покойной жены и Веры Буниной (недавно напечатал в Р<усской> М<ысли> письма бунинской

---

[1] Да и Леонид этим в жизни не занимался *(Примеч. Б Зайцева).*

Веры к моей — они были подругами с юных лет, и теперь только что кончил переписку — с комментариями и некот<орыми> выпусками — писем моей Веры к бунинской, за много лет, что отчасти история литературн<ой> эмиграции 1922—1942 гг., отчасти история жизни. *Для меня* очень волнующий документ. Будет ли *это* напечатано, пока не знаю.

Насколько могу судить, портрет пушешниковский идеализирован, все же это — Вера в юности, м<ожет> б<ыть>, даже раньше, чем я с ней познакомился в 1906 г. И у нас в квартире она и встретилась впервые с Иваном). Кто художник — не знаю. Сейчас пришло в голову — не Нилус ли? Он давний был приятель Бунина и по манере подходящ. Спрошу у вдовы его, она живет почти рядом с нами. Покажу снимок и если что выясним, сообщу Вам.

Да, я живу сейчас почти что на пепелище старшего поколения эмиграции литературной — через улицу от нас, в том же доме, где сейчас Б. С. Нилус, жили Бунины, неск<олько> дальше Мережковский и Гиппиус, еще дальше Бальмонт, Шмелев, Алданов, Ремизов, Осоргин — но все в одном квартале (XVI arrondissement, Passy, Anteuil), некогда «деревня» под Парижем, с виллами тогдашних «буржуев», ныне тихий и нарядный угол столицы.

Пушешникова я когда-то знал. Кажется, это был единст<венный> человек, которого Иван любил — большое преимущество Пушешникова было и в том, что он не писатель. Но сколько помню, действи<тельно>, скромный и симпатичный человек.

Будьте здоровым, всего доброго. Если что понадобится Вам из справок вообще, охотно сообщу.

С уважением *Бор. Зайцев.*

276. Н. П. Смирнову. 18 мая 1967. Париж

5, Av<enue> des Châlets Paris (16) *18 мая 1967*

Дорогой Николай Павлович,

спасибо за дружественное и доброе письмо, взаимно приветствую Вас, хоть и несколько запоздало (вечный мой грех — медлительность) со Светлым праздником. И лучшие Вам пожелания шлю.

Да, Вы не знали моей покойной жены. 11 мая мы служили по ней панихиду — много было народу в церкви, она была светлый человек и свет свой внесла во всю мою жизнь. Прожили мы вместе 63 года! Сейчас я живу у дочери, она тоже очень хорошая, ходит за мной как за младенцем, хотя в детство я еще не совсем впал.

Однажды, в давние времена, когда Наташа была еще девочкой, моя мать сказала мне и жене: «Ни ты, Борис, ни Вы, Вера, такой дочери не заслужили». И она была права. Но все-таки и Наташа, какая бы ни была, *заменить* мне Веру не может... А теперь у меня уже взрослые внуки, старший кончает Университет этой весной, младший держит конкурсные экз<амены> в высшие труднейшие разные Polytechniques Normales и т<ому> п<одобные> премудрости.

Насчет «вывихов» Вы правы. Ни роман, ни пьеса «театральная» — не по мне, и я по незрелой дурости пытался туда лезть — очень мало толку получилось.

Горбову от меня поклон передайте. Мне кажется, это тот самый Горбов, с кот<орым> я был немного знаком в Москве полвека назад, женат он был на дочери от первого брака М. З. Ярцевой (в те времена жены моего друга, театральн<ого> критика и драматурга П. М. Ярцева). — Я. М. Горбов наш приятель, я нахожу его *очень* своеобразным писателем, но не для большой публики — а мне как раз нравятся одинокие. (Впрочем, он получил здесь *французск<ую> премию* за одну из своих книг — более ранних.)

Будьте здоровы и благополучны. Искренно Ваш

Бор. Зайцев.

P. S. Я напечатал, со своими коммент<ариями> письма Веры Бун<иной> к моей Вере. Теперь долго переписывал и тоже комментир<овал> письма моей В<еры> к В<ере> Б<униной> — они были подругами с ранних лет. М<ожет> б<ыть>, напечатаю. Это очень интересно, но я не могу быть объективным.

277. Н. Г. Елиной. 1 июня 1967. Париж

5, Av<enue> des Châlets, Paris (16) *1 июня 1967*

Многоуважаемая г<оспо>жа Елина (а вот имени и отчества не знаю, и это Ваша вина! Т<ак> ч<то> уж простите, холодновато выходит, но ничего не поделаешь). За книгу очень благодарю. Статью Вашу прочел — написали отлично, дай Бог Вам здоровья. Тонко и умно. И без разглагольствований в сторону. Ни одного ядовитого замечания на полях я не сделал. Конечно, мистической стороны поэмы Вы не коснулись, но уж тут что поделать... сами понимаете. Если будет переиздание, исправьте опечатку на стр. 104, в цитате из знаменитой терцины «Рая». Надо: Tu proverai si come sa di sale... (а у Вас se), и в списке опечаток это не указано.

Из других статей слегка просмотрел Хлодовского и нахожу, что все это безмерно преувеличено. Блока я знал лично и всегда к нему относился и отношусь хорошо, но нельзя так раздувать. А уж цитата из Городецкого... Этого я тоже знал и был с ним в молодости почти в приятельских отношениях, но то, что он написал о Блоке и Данте — никуда! Данте пришел к «Раю», а Блок погибал в отчаянии *от всего.* В 20 г. в Москве он сказал моей покойной жене о «Двенадцати»: «Я этой поэмы *никогда* больше не читаю». И действительно, весной 21 г., у нас в Союзе Писателей, в доме Герцена, он читал другие — лирич<еские> стихи и «Скифов». О Равенне он хорошо написал, а о Флоренции («Иуда»...), не дай Бог.

У меня есть кн<ига> «Далекое» — воспоминания. Там много о Блоке. Послал бы Вам охотно, она совершенно безобидна, это литер<атурные> воспоминания, но уж очень плохо доходят книги в Россию.

А Данте меня очень утешал. Я над ним 5 лет в России работал (1913—1918) и два последних, трудных очень года он меня поддерживал. В 1942 г. в Париже я весь перевод опять строку за строкой сличил и, когда немцы и англичане нас бомбардировали, спускался в подвал с женой и рукописью «Ада». Место было подходящее. Дом дрожал, жена ко мне прижималась в нервной дрожи и кругом были именно обитатели первых кругов «Ада». Но все прошло. Книга вышла через полвека после того, как я начал перевод. Ну, Данте это не фельетон, не *современность,* ему спешить некуда.

Будьте здоровы, трудитесь на пользу культуры российской, желаю Вам всего доброго.

Ваш *Бор. Зайцев.*

278. А. Е. Парнису. 21 июня 1967. Париж

5, Av<enue> des Châlets, Paris (16) *21 июня 1967*

Многоуважаемый г. Парнис (а вот отчества своего не сообщаете, потому и выходит так холодно!) — письмо Ваше очень интересно и отчасти даже трогательно внутренним энтузиазмом. Видно, что Вас действительно и «глубинно» (как выразился бы Бальмонт) занимает писательская братия.

Книгу «В окопах Сталинграда» Некрасов<а> получил, очень благодарю. Как раз начал сейчас читать Некрасова. Окончательно еще сказать не могу, но пока что проглядывает сквозь военные советские словечки лицо автора — располагающее. Об этих разных боях и отступлениях я не раз читал, а вот живой

неповторимый облик человека-автора мне более интересен. Посмотрим. Если будет в Париже и соберется навестить меня, буду очень рад. Телефон наш: Jas. 38-33, пусть позвонит предварительно. Анненкова хорошо знаю, а насчет японца и мировых юношей в первый раз слышу, но узнаю «коней ретивых», и это «весьма Хлебников».

Конечно, рад буду, если выйдет «Ватек» — это такие далекие воспоминания! Корректуру я держал в Риме, окно мое выходило на стену Аврелиана, за кот<орой> знаменитая вилла Боргезе. (Вот, желаю Вам в Риме побывать.) Мы переводили этого «Ватека» с женой, ныне покойной уже, и было это в 1912 году. Мог ли я думать тогда, что придется провести более 40 лет в Париже! «Судьба загадочна», — говорил еще Марк Аврелий.

Антологию, о кот<орой> Вы пишете, я не видел, но знаю, что она есть, и что Эльза есть, тоже знаю, но не знаком и знакомиться не собираюсь.

О Ремизове в «Далеком» моем ничего нет. Но о нем есть целая кн<ига> Наталии Кодрянской, это его ученица и почитательница. Если Вас интересует, скажу ей, чтобы послала книгу Вам или свезла Вам в Москву (она чуть не каждое лето ездит туда). Бальмонта 100-летие, м<ожет> б<ыть>, отметим в Союзе писателей, осенью (вечер ему посвященный), но это пока лишь мое предположение (я председатель этого Союза).

Желаю Вам всего доброго, с лучшими чувствами

Бор. Зайцев.

279. Л. Н. Назаровой. 25 июня 1967. Париж

5, Av<enue> Châlets, *25 июня 1967*
Paris (16)

Дорогая Людмила Николаевна, очевидно, мое письмо пропало в дороге, я *давно,* сразу же ответил Вам — искренно поблагодарил и за 1-й т<ом> Тургенева, и за путеводитель Пузина, и за отчет о конференции, Из-за неаккуратности почты — вновь низко кланяюсь.

Тургенев теперь у меня весь. И, пожалуй, дело с изданием идет у Вас к концу? Дай Бог закончить благополучно.

Мы в Париже — я-то никуда и вообще не поеду, а Наташа с Андреем пока тоже здесь. В сентябре собирались в Грецию, да теперь из-за событий тамошних решили, кажется, дернуть в Сицилию. Мне никуда не хочется. У нас огромный, тихий дом, много зелени, проулочек — все особняки, тишина для Парижа удивительная. По ту сторону Av<enue> Mozart жили Бунины,

немного дальше Мережковские, в этом же arrondissement[1] Куприн (в двух шагах от нас), Алданов, Ремизов, Шмелев. Все старшее поколение литературное. И все умерли. Я один остался. С Верой мы жили дальше, в Boulogne s<ur> S<eine>[2], это пригород Парижа, но в этой же области. Там у нас была крошечная квартирка, а этот «immeuble»[3], как французы говорят, Андрей получил как служебную квартиру, он занимает теперь большое положение в банке английском.

Будьте здоровы, дорогая Людмила Николаевна, хорошо бы встретиться, приезжайте в Париж, тут немало бывает теперь писателей и интеллигентов с Родины. (Переписка моя с Россией все растет, получаю книги, больше молодых авторов. Есть оч<ень> милые и интересные.)

Всего доброго!

Ваш *Бор. Зайцев.*

P. S. Наташа и Андрей кланяются. У внуков все это время была «страда деревенская», бесконечн<ые> экзамены. Миша кончил Ун<иверситет>. Пека держал конкурсн<ые> экза<мены> в несколько Высш<их> уч<ебных> заведений (инженерных — два года подготовки были!), результата еще не знает. Уровень тут очень высокий и переполнение большое.

---

[1] округ *(фр).*
[2] Булонь на Сене *(фр).*
[3] недвижимость *(фр.).*

280. А. Е. Парнису. 6 июля 1967. Париж

6 июля 1967

Дорогой г. Парнис (вот не пишете своего имени и отчества и приходится обращаться на «г..!» — на этот раз пишу Вам не о Хлебникове, а о Некрасове. Вы были так любезны, переслали мне его кн<игу> «В окопах Сталинграда», но адреса Некрасова я не знаю, поэтому и прошу Вас передать ему мою признательность, вполне искреннюю, за книгу.

Его имя довольно давно знаю, а читать ничего не приходилось. Должен сказать, что прочел с великим сочувствием, хотя самый жанр этих военных вещей мне не весьма близок. Другая кн<ига> о Сталингр<аде>, кажется, Симонова (?), написанная умело, оставила совсем холодным. А эта засела где-то в душе. Думаю, потому что тут не просто «очеркизм», записи виденного, а на заднем плане человеческая душа, авторская (располагающая), и тогда книга становится литературой, а не журналистикой военной.

Будьте добры, передайте Некрасову, что очень рад буду видеть его у себя, познакомиться и поговорить. 5, Avenue des Châlets, Paris (16). Тел. Jas. 38-33 — пусть позвонит, условимся о времени.

А не собираетесь ли и Вы? Тогда милости просим.

Пока же что — всего доброго.

Бор. Зайцев.

281. Л. Н. Назаровой. 24 октября 1967. Париж

5, Av<enue> des Châlets,
Paris (16) *24 окт<ября> 1967*

Дорогая Людмила Николаевна, большое спасибо за Тургенева — получил 2-ую часть XII-го т<ома> (письма). Понемногу выстраивается длинный ряд томов в светлых обложках (один 1-й — но и редкостный! — в темной).

Была у нас Екатерина Митрофановна, с приветами от Вас. Очень милое впечатление. Для меня и особая черта: напомнила давние времена, детские и юношеские — двоюродную сестру Верочку-Собачку (попавшую и в писание мое, под слегка измененным именем). Да, Россия в очень многом все Россией и остается.

Сейчас здесь выставка русск<ого> искусства, начиная со скифов. Я еще не был, говорят, замечательно. (Но Рублева нет!)

Утром проводили нынче Наташеньку в Ниццу, на неделю — торжества по случаю открытия нового помещения Barclay's Bank'а. Андрей завтра улетает на авионе, а Наташу повез Миша на машине. Будет она (не машина, а Наташа) завтракать с женой английского посла — я посоветовал ей утереть нос (фигурально, конечно) «дочери Альбиона». Париж всегда утирает нос Лондону.

Юношество наше домашнее погружено в науки, наиболее праздную жизнь ведет престарелый автор этих строк. Да, свое отзвонил. А все же в Вашингтоне выходит книга «Река времен», рассказы. Это уже вроде небольшой антологии: зрелая часть *до* революционного времени, революция, эмиграция — кончается как раз «Рекой времен», последним рассказом жизни моей.

Будьте здоровы, дорогая Людмила Николаевна, собирайтесь к нам. Давно были Вы в Париже! Теперь в Бунинской кв<артире> один Зуров (ему оставили две комнаты). А вообще мы живем в Пасси, на кладбище старой литер<атурной> эмиграции.

Привет.

Ваш *Бор. Зайцев.*

282. Л. Н. Назаровой. 4 ноября 1967. Париж

4 ноября 1967

Дорогая Людмила Николаевна, книги Тургенева все получил, теперь у меня полное собрание сочинений, осталось еще некоторое количество не вышедших пока писем. «Клару Милич» всегда любил и сейчас все Ваши примечания прочел со вниманием и интересом (да и к другим Тургеневским писаниям). Как Вы добрались до пророка Осии? Вот этого я не знал («Смерть, где твое жало?..»). Слова-то знаменитые знал, но думал, что впервые их произнес Апостол Павел («Послание к Коринфянам»), оказывается, ветхозаветный пророк раньше его додумался. А Иоанн Златоуст громыхнул гораздо позже.

Замечательный памятник вы воздвигаете Тургеневу — дай Бог вам всем здоровья. А теперь Достоевскому? Пора, пора! Над «Бесами» попыхтите, но ничего. (Я не большой любитель этих «Бесов» — «Карамазовых» и «Идиота» предпочитаю). Но все же это, как и «Преступление и наказание» (название неудачнейшее) — вершины. Вы тоже будете работать над текстами Достоевского? В молодости я видал его сына в Литературном кружке в Москве, за игорным столом, рядом с сыном Толстого. Картина! Оба похожи на отцов очень, режутся в азартную игру (но и папаши этим занимались в свое время). А с Достоевской, женой сына, я здесь в Париже встречался. Теперь она уже умерла, да и тогда была старенькой.

Кажется мне, что одно мое письмо к Вам не дошло, *это* посылаю по служебному Вашему адресу, вернее дело будет.

Еще раз большое спасибо за внимание и дай Бог сил и здоровья.

Всегда Ваш, дружественно

Бор. Зайцев.

283. С. Ю. Прегель. 15 ноября 1967. Париж

5, Av<enue> des Châlets, Paris (16) *15 ноября 1967*

Дорогая Софья Юльевна,

душевно Вам сочувствую. Моя сестра Надя была больна тою же болезнью, как и Ваша. Долго это длилось! (Еще больше, чем у Веры.) Надя всегда была кроткий человек и в жизни всегда «страдательный залог». Вот эти безобидные (и Вера кого обижала?) и страдают почему-то особенно. Понять судеб наших нельзя. А принять надо. И единственное, что мы можем делать — это любить и страдать. Да что об этом *Вам* говорить:

в Вас все это, слава Богу, и есть. И в Вас, как и в моей Наташе, начало действенное (а не обломовское, как у некот<орых> Ваших знакомых).

О болящей Вашей помолюсь нынче — молитва моя малая, все же доброе радио, направленное в Вечность.

Целую Вас дружески, привет сестре.

Ваш *Бор. Зайцев.*

284. В. А. Мануйлову. 28 декабря 1967. Париж

5, Av<enue> des Châlets, Paris (16) *28.XII.67*

Многоуважаемый Виктор Андроникович, сердечно благодарю за «Вопросы... изучения Лермонтова», с интересом прочел. Жаль, что Вас нет в Париже, поговорили бы о нем, и о той загадочной, таинственной стороне души его, о которой именно удобнее говорить в Париже.

Дай Бог всего доброго в наступающем году! С лучшими чувствами

Бор. Зайцев.

285. Л. Н. Назаровой. 31 декабря 1967, 1 января 1968. Париж

5, Av<enue> des Châlets, Paris(16) *31 дек<абря> 1967*
1 янв<аря> 1968

Дорогая Людмила Николаевна, с Новым Годом, привет искренний и душевный.

«Тургеневский сборник» III получил, сердечно благодарю за внимание и доброту.

Что писать книгу Вашу трудно — более чем понимаю. Горький, Бунин... Горький-то уже совсем не подходит, что ему в Тургеневе могло быть близким? Не знаю. Бунин о нем (Т<ургеневе>) сказал, помню — так, мимоходом: — Да, хороший рассказчик. Но у этого хоть по пейзажной части есть общее. А по душевной почти ничего. Разве что в ранних его вещах есть какие-то звуки родственные. А уж «Темные аллеи»...

Он их писал во время немцев, присылал мне из Грасса копии — чего там только не было! Для печати не подходящее своевременно выбросили.

Все-таки, что и осталось, тургеневскому духу совсем чужое.

Что более странно, даже Чехов был прохладен к Тургеневу

(«...останется одна десятая часть» — где-то в письмах так сказано).

Но здесь, во Франции, ни Горького, ни Бунина не читают. Лучшее в Чехове тоже недостаточно — а театр его имеет огромный успех: это удивительно, и для меня лично очень радостно. Впрочем, и «Месяц в деревне» тоже хорошо идет. Вообще же «большая» литература явно кончается. Ее заменяет радио, синема, телевизия. Ничего не поделаешь. Машина всех нас задавит и уже полузадавила. В самой Франции остался один настоящий писатель — Мориак, да и тому за восемьдесят (но он моложе меня), и недалеко от меня живет. Ваши *молодые* писатели некоторые очень милы, с некот<орыми> я переписываюсь. Что из них дальше выйдет, неведомо, как неведомы и судьбы дальнейшие нашей Родины. Я никак на пророка не прицеливаюсь, но мне кажется, что у нас дело обернется лучше, только я ничего не увижу. Неудивительно, мне в нач<але> февр<аля> 87 лет. «Пожито, попито». Не так уж много и пил (Ваши «пьют» очень много! И все водку. Гораздо больше, чем здесь).

Сегодня у Наташи встреча Нового года, будет 25 человек, телефон действует непрерывно, все подробности дня обсуждаются (хозяйственно).

Кстати, о военном. Здесь вышла книга «Диптих» проф<ессора> Иельского Унив<ерситета> (США) Ульянова, сборник статей по литературе и истории. В статье обо мне, весьма сочувственной, автор называет меня *Багратионом* русской лит<ературы>. — Б<агратион> был известен арьергардными боями, прикрывавшими отступление глав<ных> сил (Шенграбен в «Войн<е> и мире», Аустерлиц, бой с Массена, чтобы дать уйти Суворову после Чертова моста...).

Ульянов очень горестно смотрит на состояние теперешней худож<ественной> литер<атуры> — вообще, не только в России. Так вот он считает, что я прикрываю отступление главных сил! (Для России.) Он сам понимает, что в этом сопоставлении с Багратионом есть комическое (гром пушек, бешеные атаки и такая «шляпа», как я), но настаивает, и статья кончается фразой: «Да здравствует наш Багратион!» Да, разные бывают мнения и оценки. Некогда в «Нов<ом> Времени» Суворина написал критик о моем «Дальнем крае», что «только человек с лакейской душой может написать такую вещь». Теперь Багратион. А завтра еще что-нибудь выдумают.

Книга очень даровитая, острая, местами едкая и в общем печальная. Резко выделяется из обыденности литературной — это и есть талант. Постараюсь переслать ее Вам. Не знаю,

пройдет ли. От молодых получаю письма из России (и очень это ценю), но мои книги стали еще хуже доходить. Надоел старик (Ульянов называет меня «старец» — тоже улыбнешься).

Еще раз всего доброго, привет Екат<ерине> Митр<офановне>, похожей на мою кузину (покойную!) Верочку-Собачку, с которой прошло мое детство — я ее очень любил.

Ваш *Бор. Зайцев.*

286. Л. Н. Любшютц. 1 января 1968. Париж

5, Avenue des Châlets, Paris (16) *1 янв<аря> 1968*

С Новым Годом, дорогая Лидия Николаевна, дружеский привет и самые искренние «благопожелания»!

Вчера бурно встречали Новый Год. Я отступил в $2\frac{1}{2}$ ч<аса>, внизу танцевали до $4\frac{1}{2}$. — Все в порядке.

Целую ручку, всегда рад видеть.

Ваш *Бор. Зайцев.*

287. Н. Г. Елиной. 4 января 1968. Париж

5, Av<enue> des Châlets, Paris (16) *4 янв<аря> 1968*

Многоуважаемая Нина Генриховна,

с Новым Годом, лучшие пожелания — здравия, труда успешного над нашим с Вами бессмертным стариком. (Он у меня в комнате в разных видах — и бюсты, и снимки, и даже ловко наклеенный на кн<иге>, где Ваш адрес, снимок в профиль с маски флорентийской.)

Всего доброго.

Ваш *Бор. Зайцев.*

288. И. А. Васильеву. 16 января 1968. Париж

5, Av<enue> des Châlets, Paris (16) *6 янв<аря> 1968*

Дорогой Игорь Анатольевич, очень тронут Вашим письмом, — шлю Вам лучшие пожелания в наступившем году. — Как хорошо, что в России растет серьезная и культурная молодежь, есть кому передавать факел — здесь мы чуть не поголовно вымираем: ничего не поделаешь, возрасты аховые.

Впрочем, некоторые ушли и не слишком старыми. Вы упо-

минаете Гингера: это был милейший чудак, еврей с очень выраженным еврейск<им> типом лица. Немцев совершенно не боялся, по Парижу разгуливал открыто, никогда не прятался, и удивительн<ое> дело: никто его не тронул! Других забирали, его нет. Но умер совсем не старым, просто от какой-то болезни, равно и жена его (неск<олько> раньше) — Присманова. Оба были редкостно некрасивы, обожали друг друга, оба ушли довольно рано.

А я живу сейчас положительно на кладбище — в квартале Passy: через улицу жил Бунин, чуть дальше Мережковский, Гиппиус, потом Шмелев, Ремизов, Алданов, Осоргин. Куприн почти рядом со мной, но с другой стороны. Да, еще Бальмонт — но это было уж очень давно (1907 г.) — первый наш с женой приезд в Париж, где было тогда 2½ автомобиля, а теперь дочь моя (у кот<орой> я живу), мучается, куда поставить автомобиль, все полно ими, в центре почти невозможно оставить машину на улице, места нет, все занято.

Прилагаю последний мой очерк — о Ремизове. О Горьком под рукой нет, распоряжусь, чтобы Вам выслали.

Будьте здоровы, неведомый сочувственник. Престарелый сочувственник из Парижа шлет Вам и Вашим дружеский привет.

Борис Зайцев.

289. Н. П. Смирнову. 17 января 1968. Париж

17 янв<аря> 1968

Дорогой Николай Павлович, большое спасибо за внимание и добрые чувства. И книжечку Вашу, и сторонние свои вещицы получил.

Как я сам в молодости увлекался охотой! Теперь не могу без некоего ужаса вспоминать об этом. Одиннадцати лет мне довелось убить на облаве (стоял вблизи отца) огромного лося из маленького своего ружья. Помню, мужики качали меня — единственный раз в жизни ощутил я славу. По детской дурости своей считал, что совершил нечто замечательное! «Мимо, читатель, мимо»! И так продолжалось лет до 25-и. Дурость была такая же, но славы уже не было.

Дай Вам Бог любоваться природой нашей русской, навсегда остающейся в душе, но не связывать этого с убиением беззащитной и безвинной твари.

Природу Вы любите и описываете отлично... хорошо бы только без крови, достаточно ее пролилось на наших с Вами глазах, да и еще прольется.

Да, загадка: Я уверен, что Вы очень добрый и даже кроткий человек, а вот до сих пор занимаетесь Бог знает, чем (говорю об охоте, а не о литературе).

От души желаю Вам всего лучшего, тетеревам Вашим благополучно улететь от Вас («... Эх, промазал...» — не знаю, говорят ли теперь так охотники о промахе, в мое время говорили. Я сам с отчаянием говорил, когда какая-нибудь куропатка безгорестно продолжала путь воздушный после моей неудачи.) В жизни и литературе дай Бог Вам в этом году и вообще «всякого благопоспешания», а в охоте — мазать, мазать.

Ваш *Бор. Зайцев.*

290. Л. Н. Афонину. 25 января 1968. Париж

5, Avenue des Châlets, Paris (16) *25 января 1968*

Многоуважаемый Леонид Николаевич, спасибо за новогодний привет, лучшие пожелания и Вам.

Насчет другого Леонида и Флобера: просмотрел статью Муратовой в № 72 «Литерат<урного> насл<едства>» — там о «Елеазаре» ничего не нашел. О Флобере... я не вполне уверен, знал ли покойный о существовании такого писателя (Горький, к моему удивлению, знал, и переводить «Искушение святого Антония» именно он мне предложил, хотя я был тогда начинающим писателем). Никаких разговоров с Андреевым о Флобере не помню — уверен, их и не было. Читал ли он в рукописи «Иску<шение> св<ятого> Антония» — не знаю, разве что Горький ему дал? Редактором сборников «Знание» Леонид никогда не был. А пессимистом был всегда, это его натура, «нутро». — Мое впечатление: более чем сомнительно, чтобы Флобер мог повлиять на «Елеазара». «Сумрак, сумрак, за меня!» — эти брюсовские стихи вполне применимы к Андрееву без всякого Флобера. — А Флобера *Бунин* очень почитал и тоже собирался переводить «Искуш<ение> св<ятого> Антония», да почему-то раздумал и Горький остановился на мне. Но Бунин и Андреев — «две большие разницы», как в Одессе говорят.

При всем том не могу сказать, чтобы считали это «Искушение» такою мрачною вещью. Конечно, — статистика человеческих заблуждений и фантазий, но в конце веет определенно пантеизмом, даже некое восторженное видение зарождающейся жизни — и Антоний видит Христа на диске самого солнца. Он как будто благословляет всю тварь. Конечно, христианином Флобер не был, и конечно, он горестен, все-таки Леониду Андрееву как-то «нечего делать», по-моему, с Флобером.

Всячески желаю Вам доброго здоровья «и во всем благого поспешания».

С уважением *Бор. Зайцев.*

P. S. Если чем смогу быть полезен, охотно сделаю.

291. В. И. Лихоносову. 20 февраля 1968. Париж

5, Av<enue> des Châlets, Paris (16) *20 февр<аля> 1968*

Дорогой Виктор Иванович, вторую Вашу книгу давно получил и давно с удовольствием, как и первую, прочел. Очень все свежо, молодо и независимо. Рад, что на Родине возрастает новое племя, есть смена. За рубежом она тоже есть, только не в литературной области. Тут растет тоже хорошая русская молодежь, но интересы ее или в научной области, или в религиозно-философской. Ну, и конечно, это капля в море французском. Но представьте, и капля эта оказывает на «местных» довольно значит<ельное> влияние. Русской душой и складом внутренним многие французы очень интересуются и изучают, и даже появились православные французы! Когда я попал в эмиграцию (1924 г.) ничего подобного не было. Русский язык и литературу изучают очень многие. Сейчас ко мне ходит французский студент, пишущий работу обо мне (будет защищать в Сорбонне, здешн<ем> унив<ерситете>) — так он по-русски говорит как мы с Вами. И без всякого акцента. Точно в Калуге родился. И бороду даже себе завел русскую (не типа франц<узских> юных хлыщей, «битников», а просто мужицкую. Только в порядке ее содержит). Нынче у нас завтракает француженка, преподает русский яз<ык> в Бордо, тоже по-русски жарит — не знаю как, она в первый раз у нас.

А я давно не отвечал потому, что Вы были в Москве и я не знал куда писать. Теперь знаю, что вернулись. Вот и шлю Вам привет и дай Бог трудиться и «благоти будет и да долголетие будеши на земли».

Да, дай Бог успеха, бодрости и роста.

С лучшими чувствами *Бор. Зайцев.*

292. Ю. О. Домбровскому. 2 марта 1968. Париж

5, Av<enue> des Châlets, Paris (16) *2 марта 1968*

Многоуважаемый Юрий Осипович, мне даже неловко писать Вам с таким опозданием, все же преодолеваю стыд и пишу.

Скажу прямо: первая глава мне показалась (очень давно!) длинноватой и как-то мало располагающей к дальнейшему. И книга задремала. Но прошло время, и я опять взялся за нее — совсем недавно. Тут выяснилась моя ошибка, ничего сонного, напротив, чем дальше, тем *более* располагает. Чем? Трудно сказать. Лицо может нравиться или не нравиться — объяснить трудно. Тут понравилось — «необщим выражением», быть может. Да, своеобразие и свой какой-то мир, в который Вы затягиваете, это бесспорно. Не могу сказать, чтобы фигуры были ярки, или чтобы сатирический оттенок привлекал (я с оценкой Вашей согласен, но это уже отчасти публицистика, не по моей части).

А вот какой-то невидимый, но ощущаемый автор управляет откуда-то из-за кулис и разливает свое зелье по страницам — одушевляющее зелье! И книга живет, вызывает сочувствие и *полное расположение* к написавшему. (Он *совершенно* не такой, каким изображен на рисунке! Зачем этот рисунок?)

Очень хорош конец, последние страницы. И вообще *хорошо,* дай Вам Бог здоровья и сил, здравствуй племя младое, незнакомое!

Самый искренний дружеский привет.

Ваш *Бор. Зайцев.*

P. S. Что Вы могли читать мое в 9 лет — ума не приложу. Во всяком случае, «этот мальчик, это голова", как говорят евреи.

293. В. И. Лихоносову. 14 марта 1968. Париж

5, Av<enue> des Châlets, Paris (16) *14 марта 1968*

Дорогой Виктор Иванович, очевидно, мое письмо не дошло — я ответил Вам (правда, с опозданием), и книжку Вашу вторую давно получил, и в письме был вполне сочувственный о ней отзыв. Не меняю его и теперь. Ваша молодость, даровитость и свежесть по-прежнему очень меня к Вам располагают. Новая Россия! Дай Вам Бог преуспевать. Дай Бог — свыше дарованное — проносить через жизнь, никуда не склоняясь, в свободе и независимости.

Обнимаю Вас, всего доброго!

Ваш *Бор. Зайцев.*

P. S. Через улицу от меня жил Бунин, дальше немного Мережковские, Алданов, Ремизов, Шмелев. За мной сзади, на опушке Булонского леса — Куприн. Кладбище старшего поколения.

294. Л. Н. Назаровой. 18 апреля 1968. Париж

5, Av<enue> des Châlets,
Paris (16) *18 апр<еля> 1968*

Дорогая Людмила Николаевна, извините, что долго не отвечал, не подтвердил получения. XIV-й том помечен мартом, XII-х у меня два (в один все письма, видимо, не поместились), а XIII-го и вовсе нет. М<ожет> б<ыть>, и не вышел еще?

Так или иначе, благодаря Вам, получилась на кн<ижной> полке серьезная батарея дальнобойных орудий! Очень украшает мое жилище. Сердечно Вам признателен. «Турген<евский> сборн<ик>» тоже дошел. Иногда беру и просматриваю что-нибудь — хоть и знакомое, но так давно все было!

Чем больше живу за границей, тем больше читаю *русское.* В начале эмиграции (и в России еще), много читал франц<узских> авторов, а теперь одного Мориака, Он хоть на три года моложе меня, но романы писать бросил — после 80-и уже поздновато. Так что читаю его только Block-Notes в «Figaro Littéraire». А своих классиков охотно. И советских молодых авторов. Кто в Париже бывает из них, заходят. С некот<орыми> незнакомыми, в переписке. И все молодые! Впечатление хорошее.

7 июня Союз Писателей (коего я председатель) устраивает в Русск<ой> Консерватории вечер памяти Тургенева. Адамович (критик здешний), я, думаю, Гранжар (из Сорбонны, я его еще не приглашал, но он однажды уже выступал у нас, в 58 г<оду>, тоже на Тургеневском вечере). Что-нибудь прочитают (дамы) из «Записок охотника».

С месяц назад отправил в Мюнхен корректуру книги своей «Река времен», изд<ательст>во в Америке, а печатают у немцев — дешевле. — Это нечто хрестоматийное: дореволюционное, время революции, эмиграция. Избранные штуки (1916—1964). Названо по последнему рассказу — «Река времен», 1964. Напечатан был в «Нов<ом> Журнале». О нем написали в Америке: «Лебединая песнь». Выражение заезженное и на лебедя я мало похож, но что последнее в т<ак> наз<ываемой> «художественной прозе» — верно. И написано было в нервном подъеме: резкое ухудшение у Веры — «конец приближается». Он и приблизился, 11-го мая будет три года, как ее нет. — И печатаю теперь больше «Дни» — воспоминания, мелочи и т. п.

Сегодня четверг Страстной недели. В 6 ч<асов> Наташа везет меня к больной матери ее подруги, читать ей Двенадцать евангелий, то, что читается нынче на торжественной Всенощной. (Во время болезни Веры всегда ей читал в этот день.)

Примите от меня и Наташи дружеские пасхальный привет и пожелания лучшие, передайте поклоны и добрые чувства Екат<ерине> Митрофановне и Мануйлову.

Ваш *Бор. Зайцев.*

295. И. А. Васильеву. 3 мая 1968. Париж

5, Av<enue> des Châlets, Paris (16) *3 мая 1968*

Дорогой Игорь Анатольевич, спасибо (запоздалое!) за память и доброе отношение. Так ценны молодые голоса с Родины!

Если не лень и не неудобно, напишите неск<олько> слов о себе — чем интересуетесь, как работаете, как живете.

Наш Союз помаленьку действует, в чисто литературной области — зимой был большой вечер памяти А. М. Ремизова (10 лет кончины), 7-го июня — Тургеневский вечер, 150-летие рождения. Да, все больше поминки! Действующей армии остается здесь все меньше и меньше, смены почти нет. Молодежь есть хорошая, но уходит больше в религию, к литературе мало тяготения. Зато французы есть молодые, не только православные, но и с азартом изучающие русскую литературу и культуру. Сегодня будет у меня один такой, пишет обо мне докторскую работу, писаное мне знает лучше меня, по-русски говорит как мы с Вами. На днях был профессор из Сорбонны (здешн<ий> ун<иверсите>т), пригласил во вторник в Ун<иверсите>т, беседовать со студентами о литературе русской — все говорят и понимают по-нашему. Студент мой — бородатый по-русски, был в России, ему там один приятель сказал: «У тебя и морда русская».

А знаете ли Вы, что сейчас во Франции до 100 тыс<яч> православных французов? В соборе нашем, в нижней церкви, служат по-французски (в главн<ом> храме, наверху, по-русски).

Ну вот-с, будьте здоровы и благополучны, возрастайте во славу русского просвещения и культуры «и да благо ти будет и да долголетен будеши на земли».

Ваш дружественно

Бор. Зайцев.

296. Н. П. Смирнову. 6 мая 1968. Париж

5, Av<enue> des Châlets, Paris (16) *6 мая 1968*

Дорогой и трогательный Николай Павлович, приветствую и я Вас, хоть и запоздалым, но искренним Воистину Воскре-

се! — дай вам Бог всего лучшего: мира, покоя душевного, здравия и бодрости.

Книжечка Ваша как раз теперь у меня на столе, перед глазами. Об отношении моем (теперь) к охоте я Вам писал, но насколько и *Россия* в Вашем писании присутствует, это мне очень близко.

Вообще, думаю, у нас с Вами много точек соприкосновения. Лично не знаю Вас, а заочно чувствую родственно.

Вчера один из членов нашего Союза писателей читал в Русск<ой> Консерватории доклад о славянофилах. «Славянофилом» я никогда не был, все же запахло Родиной чрез всех этих Хомяковых и Киреевских. В заключительном своем слове вспомнил я из детских времен путешествие на лошадях в Калугу, Козельск, Оптину, большак на Перемышль и дорогу в усадьбу Киреевских, сколько помню, недалеко от Козельска. Вообще же должен сказать, что чем дольше живу за границей, тем *более* становлюсь русским, хотя здешней свободы, как писатель, променять ни на что не могу. Но вот эти Козельски, большаки русские навсегда в душе остались мирным благоволением каким-то.

Скоро (?) должна выйти кн<ига> моя (корректура всего текста послана в Мюнхен почти 2 мес<яца> тому назад, но они завалены русскими заказами. Да и вообще в моем возрасте и при опыте жизненном всегда надо запасаться терпением и пессимизмом). Когда, Бог даст, выйдет, отправлю экземпляр Вам. А дойдет ли — тоже неведомо.

Жму Вашу руку, с лучшими чувствами

Бор. Зайцев.

297. Л. Н. Назаровой. 26 июня 1968. Париж

5, Av<enue> des Châlets,
Paris (16) *26 июня 1968*

Дорогая Людмила Николаевна, большое спасибо за XIII т<ом> Тургенева. Какая горестная фотография! В первый раз вижу и снова, как нередко, жалею Тургенева: ну за что посланы были ему такие предсмертные страдания? Больше года непрестанных жестоких мучений! — Этого нам с Вами не понять. И вообще никому не понять, как и других тайн жизни и мироздания.

Тут у нас май был очень бурный. Слава Богу, до войны дело не дошло, а драк было много. И оба внука — студенты. Но и для них обошлось благополучно.

Позвали вниз завтракать и там подали Ваше письмо от 19/VI. Очень хорошо, что я успел прочесть. Вот и могу кое-что сказать об отношении к Тургеневу и его месту в моей (писательской и человеческой) жизни.

Мне было 11 лет, когда я впервые прочел «Первую любовь». Помню, выбежал в парк и некоторое время как полоумный кружился по аллеям, изживал впечатление. Оно осталось на всю жизнь. И в зрелости то же самое. Условность первых страниц (тогда принято было так писать), какая-то мелкая длиннота в конце — все это пустяки рядом с неумирающей прелестью целого.

Одни из сотрудников говорят: «...по писательской манере» — если формально это брать, то маловато, думаю. Если говорить о внутренней близости, то гораздо больше. Писать так, как Тургенев, сейчас невозможно, но ощущать *дыхание* его, весь его склад лирический и духовный — более, чем можно. (Странным образом, Чехов не весьма ценил Тургенева, хотя, конечно, он был гораздо *мужественней* и замкнутей Тургенева.) Говорил: $^{1}/_{10}$ Тургенева останется. Это несправедливо. И неверно.

Вечер Союза писателей, посвященный Тургеневу (150 лет со дня рожд<ения>), отложен на осень. В мае это было невозможно из-за «событий». А теперь сезон кончился и все (кроме меня) разъезжаются. Завидую Вам, что Вы в Спасское-Лутовиново. Но мне до тех краев уже не добраться. Печатаю мало. Пришлю нечто о Ремизове (воспоминательное) и статейку о Фете (!). Последнее — по просьбе Пузина из Ясной Поляны. Но предварит<ельно> было напечатано здесь. (П<узин> составляет какой-то сборник о Фете, мнение и отзывы русск<их> писателей, насколько понимаю).

Выходит моя книга «Река времен» — сборник рассказов. Действительно вроде реки — начиная с 1916 («Голубая звезда») и кончая 1964 («Река времен» — по ней и вся книга названа.) Нечто хрестоматийное, неизвестно, для какого читателя, — вернее, ни для какого. Здесь ничтожная аудитория, в Россию трудно доставлять. Странную вещь заметил я за последнее время: *здесь* сочувственно относятся немолодые дамы, а в России (с кот<орой> все-таки связь *возрастает*) молодые — писатели и просто читатели. Недолго жить осталось, а интересно бы увидеть, многое сейчас меняется, чувствую по письмам из России и рассказам путников отсюда туда — многие берут и провозят мои книги. И говорят: *там* нарасхват.

Ну вот, дорогая и невидимая Людмила Николаевна, дружеский привет Вам от меня, Наташи и Андрея, дай Бог хорошо

трудиться на пользу литературы нашей и вообще процветать. — Спасскому-Лутовинову и всей земле тургеневской и русской поклонитесь от меня низко.

Ваш всегда

Бор. Зайцев.

298. А. Е. Парнису. 19 июля 1968. Париж

5, Av<enue> des Châlets, Paris (16) *19 июля 1968*

Дорогой Александр Ефимович,

благодарю Вас за книгу Некрасова. Как раз сейчас читаю ее и очень бы рад был встретиться с автором — он путешественник, соберется на Запад, пусть зайдет ко мне. Пишет хорошо. И лицо его мне понравилось на фотографии. Напишу ему самому, отдельно, подробнее о впечатлениях от книги.

«Разговор о Данте» у меня есть. Во всяком случае очень мило, что Вы мне его прислали. Думаю, что Данте совсем для Мандельштама неподходящ.

«Когда мужичонка, взбирающийся на холм» (Ад, XXV), — ни мужичонки нет у Данте, ни взбирающегося на холм. Ни у меня, ни у Лозинского ничего подобного. Это первое попавшееся, — мелочь, конечно, но для истерического Мандельштама типичная. Лозинского перевод виртуозен, перевод выдающийся, но несколько лишенный первобытной простоты и железной поступи Данте. Впрочем, я вообще не верю в переводы. Мой собственный — тоже лишь бледный отсвет подлинника. Старался в прозе (у которой есть свой ритм), хоть отчасти передать величие дантовских слов и шага, но конечно... А в теоретических рассуждениях М<андельштама> я мало что понимаю. Неко-т<орые> стихи его мне очень нравились. А главное чувство: горечь и сочувствие загубленной (извне) жизни. Тут нет двух мнений.

Свой перевод постараюсь Вам переслать, дойдет ли, «не вем» (во мне есть польская кровь). Насчет вопросов Ваших:

1) В 1918 г. я жил еще в имении у отца, в Тульской губ<ернии> В Москву наезжал только временами.

2) Хлебников был у меня гораздо позже. Если не ошибаюсь, в 21 или начале 22 года. Тогда нам пришлось уже спешно отступать из деревни. Впрочем, насчет Хлебникова не настаиваю. Возможно, что и раньше, но тогда где-ниб<удь> на случайном моем кочевье у литературн<ых> друзей или у сестры. Давно все это было! Всего не запомнишь.

3) Некогда, до революции, перед самой войной, Бальмонт мне говорил, вернувшись с Дальнего Востока, что видел мой «Дальний край» (такой роман я некогда написал) — в японском переводе. Но я сам книги никогда не видел.

Много позже, уже в Париже, раз скромно позвонили у меня в квартире — оказалось два тщедушных азиата. Я подумал: собирают на что-ниб<удь> благотворительное, полез было за кошельком, но оказалось, что это проф<ессор> Токийского ун-та Ионекава с фотографом. Этот профессор и привез мне тоненькую книжечку с иероглифами, кот<орую> надо читать не горизонтально, как у нас, а сверху вниз, и все равно ни черта не поймешь. А на послед<ней> стр<анице> по-русски — три моих рассказика, довольно давних. Если соберетесь в Париж, покажу.

Вот видите, какое длинное письмо написал! А я ведь обломовского засола, очень ленив.

Будьте здоровы, дай Бог всяческого благополучия.

Ваш *Бор. Зайцев.*

299. Л. Н. Назаровой. 3 августа 1968. Париж

3 авг<уста> 1968

Дорогая Людмила Николаевна, прилагаю заметку мою о Паустовском, в связи с кончиной его. Он у нас был в 62 г<оду>, еще Вера была жива, сидела в этой же комнате (нашей прежней квартирки) — но уже тяжело больная. Все это горестно вспоминать. Она почти не могла говорить — наедине еще кое-что да, но в обществе стеснялась. А характера была живого, даже пламенного.

Паустовский ушел, все разошлись, а она обняла меня и по-детски заплакала... — Около 8-и лет она несла крест болезни. И я этого креста забыть не могу — так с ним умру.

А вот и Паустовский ушел в вечность, «куда ведут пути всех человеческих жизней». Мне прислали из России книжку Миндлина — воспоминания. Там хорошо о Паустовском сказано. Вообще совершенно безобидная, «с портретом автора».

Вообще же у меня переписка с Россией все растет. Недавно дама эмигрантка, вернувшись из Москвы, привезла мне кн<игу> неизвестного мне писателя с трогательной надписью. Кончалась она: «...патриарху *российской словесности*». Это Вам не доярки и не парнишки. — Дама прибавила, что, по ее мнению, «тамошние» даже переоценивают эмиграцию. Очень может быть. Думаю, поднадоели «ребята», «вроде бы», «хватит». А «мы» вымираем неукоснительно.

«Тургеневский сборник» от неизменной благодетельницы получил — низкий поклон. Много интересного. «Белый» Тургенев занимает у меня сейчас целую полку, жду от благодетельницы последнего тома (но не завтра. А хотелось, чтобы в этом году).

Сейчас я совсем один в большом доме, не эмигрантского размера. Hotel Particulier, служеб<ная> кв<артира> Андрея. Все разъехались. Младший внук в лагере Р<оссийского> С<туденческого> Х<ристианского> Д<вижения>, старший только что вернулся из Швеции, где был на международ<ном> съезде Союза христиан<ской> молодежи[1]: Наташа с мужем в Провансе.

Вышла в Мюнхене моя новая кн<ига> «Река времен». Как только получу авторские, вышлю Вам — пожалуй, лучше адресовать на учреждение Ваше? Или на кварт<иру>? — Хотелось бы, чтобы дошло. Это вроде антологии — повести и рассказы — 1916—1964. Вещь совершенно безобидная, «с портретом автора». Думаю, что Вы уже получили какую-нибудь «путевку» и закатились от Петербурга вдаль. — Ну, Бог даст, перешлют письмо.

Если Вы в Ялте, то поклонитесь от меня даче Чехова в Аутке, где был я однажды 68 лет тому назад, студентом Горного института, с рукописью, конечно.

Всего доброго! С лучшими чувствами

Бор. Зайцев.

---

[1] А сейчас уехал на юг, в дыру какую-то, готовит докторату. *(Примеч. Б. Зайцева)*

300. Л. Н. Назаровой, 28 октября 1968. Париж

5, Av<enue> des Châlets,
Paris (16) — *28 окт<ября> 1968*

Дорогая Людмила Николаевна, очередной том Тургенева получил, большое спасибо. Это последний! Поздравляю Вас и весь Ваш полк, работавший над Тургеневым. Сколько труда! Но и он задал Вам работу. Кому-кому только не писал! И по-русски, и по-французски, и по-немецки, по-английски — все мог. Тэнто може (по-польски сказать). Сегодня меня почему-то тронула записка его Карлейлю. Пустячок, неск<олько> строк, кот<орых> я вовсе не понял, но Карлейля с юношеских лет весьма почитаю. Две книги его, в отличн<ом> переводе Горбова, были у меня в Притыкине, а теперь я знаком и в дружеств<енных> отношениях с внуком переводчика, писателем Яковом Горбовым, человеком талантливым и особенным, но «для немногих». Ну и вообще, эмиграция — это «одиночество

и свобода». (Адамович — имеете ли понятие? — Лучший здешний критик. И сам поэт. А в кавычках два слова — название его книги об эмигрантской литературе.)

Недавно сказал он (Горбов) мне, что на одном французском коктейле дама спросила его: «Boris Zaitsev? *Doyen de lettres russes»*[1]? Это верно, что дуайен, но что нашлась француженка, знающая (слышавшая) о моем существовании, это удивительно.

В *pendant*[2] недавно передали мне из России кн<игу> молодого писателя, надпись: ...(такому-сякому) «патриарху *российской словесности*». Вот эта российская словесность меня тронула. Калуга, гимназия, Карамзин... что-то в этом роде. Но торжественно и не жаргонно.

Вышла новая моя кн<ига> «Река времен»: вроде антологии: дореволюционное, револ<юционное>, эмиграция. Три части, избранные штуки. Экземпляр, Вам надписанный, помечен 25 сентября! Все совершенно безобидное, но по почте отправлять безнадежно. Поедет на днях с «оказией» (тоже вернулись к временам детства моего). Надеюсь, доберется «оказия» иностранная. А из Москвы перешлют.

В 92 № «Нового Журнала» (Нью-Йорк) напечатано начало писем моей Веры к Вере Буниной, подруге ее молодости. Если Гуль пришлет мне оттиски, отправлю (в письме) Вам. Рядом письма Федина Замятину — zero[3]. Ничего в них нет. Пустыня, тщательно комментированная литературоведами.

Будьте здоровы, всего Вам лучшего.

Ваш *Бор. Зайцев.*

Приписка Н. Б. Зайцевой-Соллогуб:

Дорогая Людмила Николаевна, простите за мое молчание — было много забот. На днях пришлю Вам «Грасский дневник» (Г. Н. Кузнецовой); по-моему, оч<ень> интересный. Целую Вас. Ваша Соллогуб.

---

[1] «Борис Зайцев? Старейшииа русских писателей» *(фр.).*
[2] в соответствии *(фр.).*
[3] ноль *(фр.).*

301. Л. Н. Афонину. 1 ноября 1968. Париж

5, Avenue des Châlets, Paris (16) *1 ноября 1968*

Многоуважаемый Леонид Николаевич, книжечку Вашу получил и читал с удовольствием — очень живо и много для меня новых подробностей. Всему «такому», мирному и культурному, весьма сочувствую.

Вот так Орел! Ставите *второй* памятник Тургеневу! В добрый час. Пора бы и в Москве о нем подумать. Не вечно же с Маяковским возиться.

Насчет «Св<ятого> Антония» очень для меня интересно. Дело в том, что я сам перевел этого «Антония» по заказу Горького. Напечатан он был в сборнике «Знание», потом вышел отдельной книгой в «Знании» же (1907). Помню, за сценой что-то происходило загадочное: как будто Иван должен был переводить, а потом это расстроилось и перевод получил я. Иван об этом всегда помалкивал, теперь несколько яснее все. Перевод трудный. Помню, сколько я возился в Румянцевск<ом> музее со всякими гностиками и еретиками. Кроме того, проза Флобера музыкальна, Вере, старательной и добросовестной, но не художнику, такая работа, конечно, была непосильна. Тут разные предположения: 1) Действительно ли Вера переводила? Я думаю, да. 2) Надоело ли *Ивану* править бесцветный перевод и он сам решил, что дело не выходит? 3) Или же Горькому не понравился текст и он его забраковал?

Из Вашего письма неясно, доведен ли перевод до конца, или брошен на полдороге? Если брошен, значит Иван плюнул. Если кончен, то скорей Горькому не понравилось. — Во всяком случае, Ивану во всей этой истории что-то было неприятно, это я помню, и он избегал разговора об «Антонии». Но позже «Сентиментальное воспитание» (или «Воспитание чувств») вышло в «Шиповнике» (Собрание сочинений Флобера) — не помню, «под ред. Ив. Бунина», или просто «перев. И. Б.» — во всяком случае, переводила Вера. Жаль, что Орел далеко от Парижа, интересно было бы посмотреть у Вас разные, близкие по жизни штуки (не только современников, но и Тургенева, Лескова, Андреева. И ведь Тютчев тоже из нашей Тосканы российской, только подальше от Орла (Овстуг — Брянского уезда?).

В последнем № 92 «Нов<ого> журнала» (Н<ью>-Йорк) напечатано начало писем моей покойной жены Веры — Вере Буниной, они были приятельницы с юных лет (сейчас они покоятся на знаменитом здешнем кладбище St. Genevieve de Bois, русском, с березками, зеленью, там лежит всё старшее поколение литературной эмиграции, там и моя квартирка, над женой, пока пустует. (Ненадолго, мне в нач<але> февр<аля> 88 лет.) Некоторые и из второго поколения писательского.

Если пришлют мне оттиски этой «Другой Веры» (письма Веры Буниной к моей Вере я уже напечатал в «Русск<ой> мысли» в Париже), — так вот, если пришлют мне из Нью-Йорка, вышлю Вам в письме. Там много о Буниных и очень восторженно. Только что получил *печатный* отзыв (из американск<ой>

газ<еты>): «...временами письма читаются как отрывки из замечательных художеств<енных> произведений». «Обладают исключительной ценностью и не только для литературоведа».

Постараюсь, постараюсь переслать Вам. Конечно, я не объективен тут, но есть и другие отклики, чужих людей, все сходятся.

Жаль, что живем так отрезанные друг от друга. Ну, что поделать. Я до лучших времен не доживу, а Вы наверно.

Желаю Вам всего доброго, мира и просветительского труда.

Ваш *Борис Зайцев.*

302. Л. Н. Афонину. 6 ноября 1968. Париж

5, Avenue des Châlets, Paris (16) *6 ноября 1968*

Многоуважаемый Леонид Николаевич, на днях я отправил Вам письмо, там насчет участия Веры Буниной в переводе «Святого Антония» допустил ошибку: Вера познакомилась с Иваном у нас на квартире, в ноябре 1906 года, «Антония» же я переводил уже в 1905 г., когда Вера и не была еще знакома с Иваном. Дату 1905 г. помню точно, потому что зимой было в Москве вооруженное восстание, а я осенью обедал у Горького, возился уже с «Антонием» и уехал как раз перед восстанием. (Судьба, или по-нашему промысел, всегда отводила меня от войн, революций — видимо, как не подходящего для таких дел типа.)

Так что: когда Вера познакомилась с Иваном, «Антоний» был уже мною переведен. Она его не могла переводить. А кто? Не знаю. Иван никогда мне ничего не говорил об этом. *Не* он сам — это наверно. Может быть, Пушешников, его племянник, которого он очень любил? Не думаю, чтобы это был какой-нибудь посторонний человек... А каков перевод? Возможно, впрочем, и то, что царапала какая-нибудь курсистка, а Иван попробовал править, да и плюнул (это — если рукопись незакончена. Если кончена, то вероятнее — не понравилась Горькому). Жалею, что я не в Орле, посмотрел бы рукопись сам, может быть, что-нибудь сообщил бы.

Дело, конечно, невеликое, но должно быть, то, что связано с молодостью, в старости особенно дорого, оттого и незначительное интересно.

Мой «Изборник» (как Вы называете — и довольно правильно) три дня назад чуть было не поехал в Москву и к Вам оттуда с одним французом, но в последнюю минуту расстроилось — во всяком случае все сделаю, чтобы Вам его доставить, думаю, все-таки, «с оказией», как говорили во времена моего детства.

Получил от Назаровой последний том Тургенева, теперь у меня целая батарея этих белых томов — 30 штук! Писали не гуляли.

Жму Вашу руку, всего доброго!

Ваш *Борис Зайцев.*

303. Л. Н. Назаровой. 21 декабря 1968. Париж

5, Av<enue> des Châlets,
Paris (16) *21 дек<абря> 1968*

Дорогая Людмила Николаевна, дружески приветствую Вас с наступающим праздником Рождества Христова, с Новым Годом. Дай Бог всего лучшего.

Отзвуки чествования памяти Тургенева в России, Вами подобранные, получил, большое спасибо. О сообщениях этих упомянул во вступительном слове на вечере нашего Союза Писателей, 15-го дек<абря>, в зале Русской Консерватории. Мне пришлось отдуваться и в первом, и во втором отделении: мало нашего брата здесь остается, о Тургеневе говорили Адамович (лучший критик лит<ературный> здешний) да я.

Молодая дама читала стихи из «Нови», я объяснял, в чем дело тут (стихи Нежданова). Терапиано, другой поэт и критик, заболел — во втором отделении артистка Худож<ественного> театра Греч читала (оч<ень> хорошо) отрывки из «Дворян<ского> гнезда», а я о Тургеневе молодом, в Париже, из своей книги. Народу было много. Но мало русской молодежи. Тут Тургеневым интересуются или пожилые дамы-интеллигентки, или молодые французы, изучающие русскую литературу. Впрочем, внук мой Миша (окончивший уже и Ун<иверситет> и Высш<ую> школу Science P<olytechnique>) самоотверженно держал передо мной трубку скромного amplificateur'a, «громкоговорителя» — полчаса!

В послед<нем> № «Figaro littéraire» напечатан *неизданный* расск<аз> Т<ургене>ва, из архива внука Виардо. Написан автором *по-французски,* в 1883 г. Т<ургенев> диктовал его Полине, рука уже почти не действовала.

В след<ующем> №, в понедельник 23-го — продолжение. Не знаю еще, что получится. По началу приятно. Как будто вариант Чертопханова, такой же полоумный русский Дон Кихот. Но что дальше будет, пока не знаю.

Получили ли Вы мою последнюю кн<игу> «Река времен»? Я отправил ее с молодым французом в Москву. Он увез все

добро, ему порученное, и должен был отослать Вам в Ленинград эту штуку. (В Москве он передал все, кому надо.) Не знаю, как у Вас внутри почта ходит. Отсюда книги, самые безобидные, как и эта «Река времен», почти не добираются до назначения. Книга вроде антологии: избранное из до-революционного («Голубая звезда» и др.), время революции и эмиграция. Три отдела. — Жаль, если не дошла. Постараюсь отправить тогда с кем-ниб<удь> прямо в Петербург. Это, наверное, вообще последняя моя книга. Надгробная плита. Да и пора. В начале февр<аля> мне 88 лет.

2-го декабря подписывал и торговал этой кн<игой> на базаре в пользу бездомн<ых> русск<их> детей — это замечат<ельное> учреждение под Парижем: остатки древнего замка и мельницы времен нашего Ярослава Мудрого (11-й век). Его дочь Анна была выдана за франц<узского> короля Генриха I, который писать не умел, а она была образованная женщина. — Теперь там 100 детей, замок восстановлен, построена небольшая отличная церковь — все бесплатно, трудами полунищих русских эмигрантов. Ведет все дело С. М. Зёрнова, дочь известного москов<ского> (а потом париж<ского>) доктора. Энергия потрясающая.

Моя Наташа заведывала книжным стендом. Обобрала лучшие франц<узские> изд<ательст>ва, продавала и русское, вот и я тоже некот<орое> время стоял за прилавком. Наташа наторговала на миллион (валового). Моих «Рек» ушло 17, еще другие продавались, тоже мои, даже один «Ад» — мой перевод — ушел. Картина такая же: или бывшие «слушательницы курсов Герье» (Москва) или молодые франц<узские> литературоведы.

Но, в общем, культурная обстановка. На Рождество мы, взрослые, никуда не собираемся. Внуки — кто куда.

Ну вот, раскачался и написал довольно длинное письмо. Тургенев подтолкнул. Его 28 томов (собств<енно>, 30!) у меня красуются — Ваших рук дело! (Вчера перечитывая «Чертопханова», нашел опечатку. При случае напишу и о неточности в другом месте — *не*-чертопхановском.) Но издание знатное. Что говорить.

Всего доброго! С лучшими чувствами

Бор. Зайцев.

P. S. У Сионского был инфаркт, серьезный. Лежит в госпитале, потом 3 мес<яца> в Доме отдыха должен прожить, а там в Руан в Толстовский дом старческий. Какой был деятельный, а сразу подкосило. Жена почти слепая. То же будет с ним. Кончена жизнь!

304. Л. Н. Назаровой. 29 декабря 1968. Париж

5, Av<enue> des Châlets,
Paris (16) *29 дек<абря> 1968*

Дорогая Людмила Николаевна, во-первых — приветствие с Рождеством Христовым, с Новым Годом! И пожелания наилучшие. Одно из них (эгоистическое): чтобы в новом году собрались в Париж, мы бы с Вами поговорили по литературной части!

Второе: мотив покаянный. Я все получил, что Вы, со всегдашней добротой Вашей, мне выслали — правда с некоторым запозданием, получил, все же «безответственность» моя трудно извинима, полагаюсь больше на Ваше снисхождение и человеколюбие.

И что еще удивительно: ведь Новиков мой давний друг, с молодых — его и моих — лет (отчасти прототип Христофорова в «Голубой звезде») — но дальше, в революцию, его жизнь сложилась совсем иначе, чем моя. Он подолгу гостил у нас в Притыкине тульском, мы были на «ты», бесконечно играли в шахматы и т. п. Я сохранил о нем и о покойной супруге его лучшие воспоминания. Но только и остались воспоминания. Все сверстники мои и в России и здесь перемерли. Я остаюсь каким-то ископаемым «ледникового периода». «А Вы с Достоевским были знакомы?» (Спросила одна дама). «Нет, трудновато было. Родился в ночь его кончины» (29 янв<аря> (ст.ст.) 1881). А все же дама спросила... Не зря.

Статья Ваша очень для меня интересна, рад и вообще тому, что 150-летие Тургенева так широко (хотя, по-видимому, лишь академически) отпраздновали. Да лишний шум Тургеневу и не идет. Шуметь — Маяковскому. Но и цена им разная: грош и золотая монета.

Здесь мы, как умели, тоже Тургеневу поклонились. В Русск<ой> Консерватории было открытое собрание, устраивал Союз писателей (коего я председатель). Да писателей-то остается маловато — мрут. А молодежь — входит больше во франц<узскую> жизнь. Православия много в русс<кой> молодежи здесь (Русск<ое> Студенч<еское> Христианское Движение — РСХД) и французов евангелизируют успешно. — На «Тургеневе» были больше пожилые интеллигенты, да молодые французы — тут они очень интересуются русск<ой> литературой и языком — подите Вы! Сейчас в Москве один stagiaire[1], наш приятель-француз, студент, написал обо мне работу для Сорбонны и защитил ее, теперь роется еще в москов<ских> архивах, пишет

[1] Стажер *(фр).*

о начале века литературном. По-русски говорит, как мы с Вами, даже без акцента. Раз меня поправил, я сболтнул мелкую ошибку в языке.

Так вот, на Тургеневском вечере мы с Адамовичем (лучший здесь критик) и отдувались. Я в обоих отделениях работал: и вступит<ительную> речь, и заключительное — из своей книжки читал просто о Куртавнеле и ранней полосе романа Тург<енева> — Виардо. Читали Греч (б<ывшая> артистка Худ<ожественного> театра) из «Дворян<ского> гнезда», другой артист «Бежин луг» и еще другие.

Одним словом, пыхтели, как могли. (Должен был еще выступать другой критик из «Русск<ой> мысли» — Терапиано, да захворал.)

Свой текст я Вам пришлю, но позже, он в Америке будет напечатан, здесь было уже мое в тургеневск<ом> № «Р<усской> м<ысли>» — тоже пришлю, но все делаю медленно, ибо потомок Обломова есть по прямой психической линии.

Сейчас даже удивлен сам, как это расписался, закатил длиннейшее письмо! Значит, не без покаяния. Но лучше поздно, чем никогда.

Переезжаю на четвертую страницу и тут уж идет повторение: приветы Вам от себя и Наташи, привет всему Вашему Тургеневскому гнезду в Ленинграде — в частности, Алексееву, вне гнезда — Мануйлову.

Дружески Ваш
Бор. Зайцев.

305. Л. Н. Любшютц. 3 января 1969. Париж

5, Avenue des Châlets, Paris (16) *3 янв<аря> 1969*

Дорогая Лидия Николаевна, привет, привет — лучшие Рождественские и Новогодние пожелания.

Господь Вас храни.

Дружественно Ваш *Бор. Зайцев.*

306. Н. Г. Елиной. 5 января 1969. Париж

5 янв<аря> 1969

Многоуважаемая Нина Генриховна.

Приветствую Вас также — с Рождеством Христовым наступающим и Новым годом. Дай Бог всего лучшего.

Получил «Дантовские чтения», напишу Вам о них (и о Вас) несколько позже, сейчас очень много поздравлений.

Искренне желаю дальнейшего плодотворного труда над Данте, это дело стоящее.

С уважением

Бор. Зайцев.

307. Л. Н. Афонину. 18 января 1969. Париж

5, Avenue des Châlets, Paris (16) *18 января 1969*

Многоуважаемый Леонид Николаевич, письмо Ваше со снимками рукописи «Святого Антония» получил, очень интересно. Спасибо. Почерк, по моему и моей дочери Наташи мнению — Веры Буниной. У нас есть ее письма более позднего времени, конечно, время сказывается, но основной характер тот же.

А дальше — загадка. Вера познакомилась с Иваном в моей квартире 4-го ноября 1906 г. (так у нее и в кн<иге> указано, и это верно).

Знаю, что вначале Горький предложил Ивану перевести эту штуку. Но дело расстроилось — почему, неизвестно мне. Перевод попал ко мне, предложил сам Горький. Мне всегда казалось, что для Ивана в этом было что-то неприятное, он помалкивал об Антонии. Я знал только, что из-за чего-то дело там не вышло.

Первое впечатление от Ваших снимков: «Ну, теперь все понятно. Поправки, бесспорно, почерком Ивана, основной текст Веры. Не довели до конца потому, что Вере непосильна была эта работа, она же писателем не была, звук флоберовской прозы ей передать не по плечу, Иван скоро пал духом и бросил работу...»

Ведь перевод не кончен? — Все как будто в порядке. Но ...хронология!

Осенью 1905 г. я завтракал у Горького на Воздвиженке. (Это было накануне вооруженного восстания.) Через неск<олько> дней уехал в имение отца Притыкино с *начатым* уже переводом «Святого Антония», там работал, в 1906 г. кончил, в XVI сборнике «Знания» перевод напечатан, в 1907 г. вышел в том же «Знании» отдельн<ой> книгой.

Выходит, что Иван правил перевод Веры до знакомства с ней! Маловероятно. С большой натяжкой можно допустить, что Вера отдала ему свою рукопись (вернее часть ее) через третье

лицо, ска<жем>, через племянника Ивана — Пушешникова, просто как известному писателю, с просьбой прокорректировать и выпустить с его и ее фамилиями (переводчица и редактор). — Позже, когда они были уже близки, так именно получилось с «Edication sentimentale» в издании Гржебина — первое настоящее собран<ие> соч<инений> Флобера по-русски (переводы Вяч. Иванова, Минского, мой Антоний, Веры под *редакцией* Ивана). Зная скромный и застенчивый характер Веры, очень трудно, почти невозможно поверить, чтобы она, хотя бы и через Пушешникова, обратилась к незнакомому писателю, да еще и такому нелегкому, каким и тогда уже был Иван.

Одним словом, я в полном недоумении. Может быть, в архиве Пушешникова есть какие-ниб<удь> указания, что-нибудь разъясняющие? — За многие годы позднейших отношений моих и жены моей (тоже Веры, но уже ныне покойной! — они были подругами с юных лет) — никогда ни словом не обмолвились ни Вера, ни Иван об этой их (?) работе.

Итак, единств<енная> надежда: м<ожет> б<ыть>, что-нибудь выудите из архива Пушешникова.

Видите, как длинно написал. Старые люди любят вспоминать прошлое, а мне на днях исполняется 88 лет (одна дама спросила меня, был ли я знаком с Достоевским. Но я родился в ночь его кончины, так что трудновато было познакомиться).

Очень расположен послать Вам последнюю свою кн<игу> «Река времен», но как это сделать? По почте в провинцию ничего не доходит. С оказией? Как в средние века? Я отправил 4 экз<емпляра> с французом в Москву, он два передал в Москву, а в Киев и Петербург даже из Москвы ждет оказии.

Все же надеюсь как-нибудь устроить. Хотелось бы, чтобы и вся библиотека при Музее Вашем была. Это ведь антология, большой том, дореволюционный, время революции и эмиграции. Наверно, вообще последняя моя книга — надгробная плита. Да и пора. (Кн<ига> вполне «безобидная».)

А Вам желаю всего доброго в Новом году и трудничества на пользу литературы, культуры русской.

С искренним приветом *Бор. Зайцев.*

308. И. А. Васильеву. 18 января 1969. Париж

5, Av<enue> des Châlets, Paris (16) *18 янв<аря> 1969*

Дорогой Игорь Анатольевич, очень тронут Вашим письмом. На редкость душевное — а ведь Вы меня и в глаза не видали!

Дай Вам Бог всего лучшего в году этом, с Рождеством Христовым взаимно приветствую.

Вы спрашиваете о книге. Это вроде антологии писаний моих — дореволюц<ионных>, революц<ионного> времени и эмиграции. 1917—1964. Вошли туда: I. *«Голубая звезда»,* «Путники», «Люди Божии». II. «Улица св. Николая», «Белый свет», «Душа», «Новый день». III. «Звезда над Булонью», «Разговор с Зинаидой», *«Река времен».* — Подчеркнутое как бы окаймляет книгу — она получилась довольно большая, издана очень хорошо, с отличн<ой> фотографией автора. Названа по последнему рассказу, как бы завершающему все вообще у меня. Он написан в тяжелые дни болезни моей жены Веры (она была парализована 7½ лет!) — Тут наступило резкое ухудшение, я находился в очень нервном состоянии. Через неск<олько> мес<яцев> она скончалась. Но рассказ я ей прочел, она была верной покровительницей и ободрительницей писания моего с ранних лет (64 года вместе). Но книги уже не застала. 11 мая 1965 г. ушла. Я живу сейчас у дочери нашей Наташи, в условиях и душевно и внешне-обстановочных превосходных. Но, конечно, заменить ушедшую никто не может. Книгу эту считаю прощанием с литературой и жизнью. Это надгробная плита. (Мелочи печатаю и сейчас в «Русск<ой> мысли», но это не то.)

Буду всячески стараться переслать книгу Вам. Но все это не так просто... По почте почти все гибнет, или возвращается. А содержание вполне безобидное. Что поделать. Отправил с иностранцем 4 кн<иги>, он провез и две в Москве роздал, а в Петербург и Киев послать не решается пока, ждет, когда самому удастся съездить.

Ну вот, damit punctum. Дружественно жму руку, всего, всего доброго!

Ваш *Бор. Зайцев.*

P. S. Я живу в хорошем квартале Парижа: Passy. Это отчасти и кладбище старшей группы писателей русских (эмигрантов). В двух шагах жил Бунин, чуть дальше Мережковский и Гиппиус, Куприн в другую сторону, но тоже близко. Шмелев, Алданов, Тэффи, Осоргин, Ремизов — все соседи. Теперь я один остался. (Вообще-то писатели и поэты здесь есть, но все моложе меня.) Есть и Союз Писателей, я его председатель. Человек около ста, но действующая армия — 15—20 человек. — Завтра как раз у нас выступление, память В. В. Розанова, 50 лет со дня кончины. В Русской Консерватории буду обер-полицмейстером.

309. Н. Г. Елиной. 31 января 1969. Париж

5, Av<enue> des Châlets, Paris (16) *31 янв<аря> 1969*

Многоуважаемая Нина Генриховна,

И. Ф. Бэлза прислал мне «Дантовские чтения», и я прочел с большим интересом Вашу статью. Некогда сам я перевел «Ад» — прозой (ритмической), строка в строку. Данте люблю приблизительно 60 лет. Переводил «Ад» 6 лет, начал за год до войны 14-го года, кончил в 18-м. Рукопись была дважды продана, авансы получены, но бури войн и революций задержали всё (издательства погибли). В Париже в 42-м году весь текст был пересмотрен, но вышла книга в УМСА-Press в Париже только в 61 году, через 48 лет после того, как начал переводить. Так что можно сказать, старик прошел через всю мою жизнь. Среди грохота войн и революций поддерживал неукоснительно. Но и я берег любовь к нему и во время бомбардировки Парижа в подвал спускался с рукописью «Ада». И в 1918 г. в именьице отца, отсиживаясь во флигеле своем, неукоснительно переводил последние терцины. Все было на волоске, но на столе стоял бюст Данте и глядел на меня вечно-непоколебимым взглядом.

Вот почему я так и разболтался сейчас о тех временах... прошу прощения, очень все близко сердцу.

Вас лично не знаю, но, судя по статье, Вы тоже «из наших», дантовским писанием покоренных. Только познания Ваши в дантовских делах несоизмеримы с моими. О болване Кастравилла в первый раз слышу. (А что писали в России в 60-х гг. о Толстом и Достоевском! Этот род никогда не переведется.) Несколько огорчил меня Бембо. Я к нему хорошо относился, а теперь трещинка. Неужели Вы все их книги читали? Ведь это, думаю, скучновато. Помню, когда работал над переводом, был у меня под рукой немец Краус, огромный том, мне нравилось, как он пишет. Кстати: о мистическом и религиозном подходе к Данте Вы почти не упоминаете. Скартаццини всегда был при мне, но это для справок. Дух его подхода к Данте мне чужд. А о дантологии XX в. просто ничего не знаю. Имя Кроче знакомо, конечно, но больше «именно» *имя.*

Охотно послал бы Вам «Ад». Но надо ждать «оказии». По почте не дойдет. Вот, Петрарка посылал из Авиньона во Флоренцию со знакомыми купцами. Я и не Петрарка, и знакомых купцов нет, все же удается по временам кое-что свое совершенно безобидное переслать. Недавно в Америке (печаталось в Германии) вышла большая моя кн<ига> «Река времен», вроде некоей антологии избранных моих писаний 1917—1964 гг., это не о Данте, а что я сам сочинял с ранне-зрелых лет до старости,

по части т<ак> н<азываемой> «беллетристики» (ненавижу это слово, а другого как будто нет).

Желаю Вам всего лучшего в наступившем году, трудов и дней в добром здравии.

С совершенным уважением

Бор. Зайцев.

310. Л. Н. Назаровой. 8 февраля 1969. Париж

5, Av<enue> des Châlets,
Paris (16) *8 февр<аля> 1969*

Дорогая Людмила Николаевна, только что собрался написать Вам — и от Вас письмо. Представьте, вчера прочел в февральск<ом> № «Возрождения» (ежемесячн<ый> здешний журнал) как раз этот «Иной конец» — со ссылкой на «Figaro Litteraire», где он был напечатан с разрешения франц<узской> редакции. Вот тебе и разрешение, когда все давно было напечатано! И перевели (в «Возрожд<ении>») заново, я сличил тексты. Ничего не поделаешь, Ваше издание только у Мазона было (а он умер), еще у проф<ессора> в Сорбонне Гранжара, да у меня. Сорбоннскому сейчас не до Тургенева, дай Бог со студентами сладить, да с Эдгаром Фором[1] — того и гляди выгонят. А наши поверили «Figaro» на слово.

Рассказ о славе Тургенева ничего не прибавляет. Как будто вариант Чертопханова, все же прочел я не без волнения, — очень жаль всегда Тургенева за страдания предсмертные. И рисунок этот раздирательный «в постели»... Нельзя понять, *за что?* Но это не нашего ума дело. Есть вещи, кот<орые> нашему крохотному уму неподсудны. А сердце человеческое имеет право сострадать.

«Река времен» с надписью для Вас находится, уже довольно давно, в Москве. Вы ее получите. Но француз (говорящий по-русски, как мы с Вами) хочет передать Вам ее лично, когда соберется в Петербург (опасается, что не дойдет по почте, хотя книга вполне безобидная — вроде антологии писания моего избранного, начиная с «Гол<убой> зв<езды>» до «Реки времен» — 1917—1964 гг.).

У него было 4 экз<емпляра>, 2 экз<емпляра> в Москве раздал уже, кому надо, а до Петербурга и Киева — еще не добрался. — Книга довольно большая, надгробная, считаю ее

---

[1] Министр народного просвещения *(Примеч. Б. Зайцева).*

могильной плитой. Последний рассказ «Р<ека> врем<ен>»[2] написан осенью 1964 г., когда в здоровье Веры произошло резкое ухудшение (в мае 65 г. она скончалась). Я был в очень нервном и приподнятом настроении. — Напечатан он был в Нью-Йорке, в «Нов<ом> журнале». Я успел еще прочесть его ей вслух. С тех пор пишу только небольшие вещицы для газеты, в большинстве дневникового характера.

Александр Алексеевич был сердечно болен (инфаркт), теперь оправился, но работать ему вряд ли можно. Мария Як<овлевна> слепнет все больше. Дело дрянь. Жить придется на пенсии, это более, чем скудно. — Ничего не поделаешь, вымираем.

Вот Вы поздравляете меня с рождением — спасибо! А мне во вторник, 11-го, будет 88 лет. Благодаря Наташе условия жизни — и физические и моральные — незаслуженны, более, чем хороши. Но время есть время. Арифметика неукоснительна. У меня сейчас спортивное (глупое) желание: дожить до 90 лет, просто цифра хорошая, кругленькая. И представьте, секретарю ред<акции> «Русск<их> Новостей» (здешн<яя> просоветск<ая> газета) — ему 90, он работает себе — как миленький! Всяко бывает.

Будьте здоровы, дорогая, всего доброго! И многия лета!

Ваш *Бор. Зайцев (см. на обороте)*

P. S. Печатаю письма «Двух Вер» — моей покойной и Буниной (друг к другу с 1922 по 1949 г.). Они были подругами с юности. Мое мнение слишком субъективно, слышу однако отзывы и посторонних, и в печати было: марка высокая. Мечтаю издать потом отдельн<ой> книжкой: это документ литератури<ой> жизни зарубежья первосортный, тут-то уж не ошибаюсь. И до какой степени они были разные! А очень любили друг друга. И вообще, в этой переписке много любви (к родителям и близким, оставшимся в России и бедствовавшим. Жили и мы здесь бедно, но масштаб иной).

Моя Вера всегда пылала, а Иванова Вера всегда спокойна — но пережила очень *много*. Ее *семейная* жизнь сложилась труднее. Недавно Наташа раскопала письмецо мне Ивана — бешеный стиль! Он ругает одного здеш<него> журналиста (тоже уже покойного), но как! Своим крепким, красивым почерком... и какие словечки. Послед<ние> годы он был очень несчастен и озлоблен.

---

[2] По нему и названа вся книга. *(Примеч Б. Зайцева)*

311. В. И. Лихоносову. 23 февраля 1969. Париж

23 февр<аля> 1969

Дорогой Виктор Иванович, рад был получить от Вас весточку, Краснодар! Ведь даль какая! За тридевять земель. Ну, хорошо, что хоть письма доходят. (Но не книги.)

Вот у меня вышла книга «Река времен», вроде антологии писания моего — до революции, во время ее, в эмиграции. Отобранное, казавшееся более типичным. Книга *безобидная*. Послал в Москву, знакомому (по письмам) литературоведу — вернулась ко мне. Так что посылаю иногда «с оказией». Тогда доходит. Ну, а в Краснодар долго оказии ждать. Сейчас две этих «Реки» в Москве у дружественной державы, для Петербурга и Киева, но держава не решается и их отправить по почте, в самой России, тоже ждет *случая* послать с путником.

Вчера был на завтраке в честь 150-летия основ<ания> Петербург<ского> университета, в ресторане, человек 40 набралось, все старые! Почетный председатель совсем слепой! Но все-таки речь сказал (скучноватую, но речь). Француженка, соседка по столу (его и моя), скромно брала его за руку, загребала с тарелки, где у него пища лежала, что надо, а до рта он уже сам доносил. Говорили и другие. В конце пели Gaudeamus — это студенч<еская> застольная песнь, теперь уже только такие допотопные, как мы, поют. Вы, вероятно, и не слыхали никогда о такой песне.

В конце марта наш Союз Писателей устраивает вечер в честь Солженицына. Будут выступать лучшие наши критики (Адамович, Вейдле). Я прочту неск<олько> мелких его рассказиков. Здесь — в Европе и Америке — у него большая слава. Очень талантливый человек, очень намученный жизнью, тюрьмою, болезнями. Ведет линию классической русск<ой> литературы — человеколюбивую и сострадательную. Есть злободневность, очень живая, но отчасти журналистическая. Но есть и от «большой» литературы. Дай Бог ему здоровья.

И Вам дай Бог здоровья и писания хорошего. Дарование Вам дано, берегите его, делайте свое дело, несмотря ни на что. Вот Вам завет 88-летнего «собрата по перу», как говорили некогда в России.

С лучшими чувствами и приветами

Бор. Зайцев.

312. Л. Н. Назаровой. 28 февраля 1969. Париж

28 февр<аля> 1969

Дорогая Людмила Николаевна, спасибо сердечное за письмо и добрые пожелания. Да, перевалило за 88, заслуги моей никакой тут нет, само собой получается.

Петр Евграфович Ковалевский — профессор, член Правления нашего Союза (коего я председатель). Письмо — из семейного архива Ковалевских. Отец его был видный деятель по народному образованию при Временном правительстве, вообще семья очень интеллигентная (вдали, на горизонте, толстяк М. М. Ковалевский, тоже профессор, вроде двоюродного дяди нашего П<етра> Е<вграфовича> — и не без Софьи Ковалевской).

Письмо Тургенева небольшое, не из значительных, но для торжественного случая это подходило. Адрес П<етра> Е<вграфовича>: 26, rue Friant, Villa Notre Dame, Paris (14).

А с *рассказом* Тургенева «Figaro Litteraire» село в лужу. Но ведь они журналисты, а не литературоведы.

Ну, а как Вы? Теперь с Достоевским придется попотеть, не Вам лично, а кто будет писать «идеологическое» о нем. Вот как Цезарю Вольпе в предисловии к кн<иге> Андрея Белого «Между двух революций». — Книгу эту сейчас просматриваю, она вышла в России в 1934 г., а теперь *переиздана* по-русски в Чикаго, для студентов.

Время — молодость моя. Конечно, несколько волнует. «Все в прошлом» — есть такая картина, передвижническая. Но там старушка изображена. Белого я в свое время знал, и довольно, пожалуй, близко. Он обо мне написал беззлобно, скорей даже сочувственно, слегка покровительственно. Но наврал очень много. Приблизительно, 50%. Впрочем, был вообще фантасмагорист.

Я уже не помню: посылал Вам кн<игу> свою «Далекое» (тоже литер<атурные> воспом<инания>, или нет? Там о нем целая статья. Но добраться до Вас *нелегко*. «Река времен» для Вас в Москве уже два месяца, ждет «оказии». Напишу еще раз милейшему stagiair'у, защитившему уже одну работу обо мне в Сорбонне, а теперь возится с докторской диссертацией, тоже насчет меня. Раскопал доисторические письма мои Ф. Сологубу, О. Дымову и др. — прислал мне выписки.

Наташа прочла мне о «Грасском дневнике». Да, терпи, казак, атаманом будешь.

Мне уже ни до какого атаманства не дожить, а вот, может быть, до правнука или (—) внучки доживу: в апреле свадьба моего внука Миши Соллогуба. Невеста оч<ень> милая, из ин-

теллигентной русск<ой> аристократии. Студентка, а он уже кончил Science Polytechnique, тоже докторск<ую> работу начинает.

Вот-с, написал довольно длинное письмо! А вообще ленив. Всего Вам доброго, от Наташи привет, как и от меня (самый дружественный).

Ваш *Бор. Зайцев.*

313. Н. П. Смирнову. 2 марта 1969. Париж

5, Av<enue> des Châlets, Paris (16) *2 марта 1969*

Дорогой Николай Павлович,

спасибо за письмо и дружественные чувства. И простите, что отвечаю с таким опозданием.

Перечитываю сейчас самые ранние вещи Бунина — у меня есть старинное Собрание его сочинений, еще дореволюционное. Ряд рассказов 1901 года! (А я познакомился с ним в 1902.) У меня было тогда к нему несколько влюбленное отношение. Как странно: сам я начал печататься в 1901 г. и теперь перечитал — после очень длинного перерыва — как раз *его* писания 1901 г. Тогда я и побаивался его, он был уже довольно известный писатель, а я начинающий щенок. Но вот теперь оказывается, что как раз тогда был он внутренно гораздо ближе к моему душевному складу, чем позже. А «на людях» неск<олько> высокомерен, очень изящен, даже красив.

Небольшой очерк о его «1901-м годе» собираюсь озаглавить что-то вроде «Тишина». Там и рассказ есть под таким названием, и общий тон писания: Тишина, Божественная Тайна мироздания, преклонение пред ним, чувство Бога (пантеистическое), ласка, преклонение пред Женственным — в высшем смысле, даже и какое-то смирение, вызванное непостижимою красотой мира. И печать «проходимости», краткости жизни земной... Местами мне казалось, будто это я писал.

И какой горестный конец жизни этой! — т. е. его жизни. Как он изменился к старости. Болезни, раздражение, озлобленность... он был очень несчастен в последние годы. А личные наши отношения — многолетне-дружественные, совсем оборвались. Долго рассказывать. В двух словах: он поссорился в 47—48 гг. с эмиграцией, мы оказались в разн<ых> лагерях (хотя он всегда был гораздо *правее* меня!). Но того, что я не с ним, он мне простить не мог. А я не мог стать другим и для него думать и чувствовать по-иному. — Все это было очень тяжело для обоих, тем более, что жены наши — подруги с ранних лет.

Вряд ли Вы знаете, что сейчас я опубликовываю переписку двух Вер, моей и бунинской. Вера Б<унина> уже напечатана — в «Русск<ой> Мысли», неск<олько> №№, моя Вера в «Нов<ом> журн<але>» в Нью-Йорке, начало только. Растянется, вероятно, на 2—3 №№. — Был бы богат, выпустил бы книжкой небольшой. Документ литературный очень интересный, но, конечно, не для большой публики. И какие они были разные! Моя всю жизнь кипела, бунинская всю жизнь была спокойна и горе свое переносила ровно.

21 марта Союз Писателей нам устраивает вечер Солженицына. Адамович, Вейдле, Померанцев. Я прочту кое-что из мелких его рассказов. И как председатель Союза, буду на вечере этом обер-полицмейстером.

А через два часа иду в Русск<ую> Консерваторию, там собрание по случаю 150-летия Петерб<ургского> Университета.

Будьте здоровы, всего доброго!

С лучшими чувствами

Бор. Зайцев.

Зуров был болен — сердечное. Теперь оправился, вчера приходил к нам. Живет в 2-х комн<атной> прежней бунинской кв<артире>, в двух шагах от нас.

314. Л. Н. Назаровой. 28 марта 1969. Париж

5, Av<enue> des Châlets,
Paris (16) — *28 марта 1969*

Дорогая Людмила Николаевна, получили ли Вы «Реку времен»? Ничего не поделаешь. В XIV веке посылали письма из Авиньона во Флоренцию «с оказией» — когда знакомые купцы собирались в Италию. «Возвращается ветер на круги свои».

Спасибо за вырезки из газет насчет Тургенева. На днях Союз писателей и журналистов устраивал в Консерватории Русской вечер Солженицына. Народу собралось много, уйма. Сидели на лестнице, некот<орые> ушли. Эстрада тоже была полна. Выступало «последнее каррэ» эмиграции: Адамович, Вейдле, Померанцев. В конце я читал маленькие рассказ<ики> С<олженицы>на, некоторые прелестны. Политики никакой не было. Говорили о нем с гуманистически-философского конца. Надо сознаться: успех большой. Публика в большинстве «немолодая», но и юность, в том числе мой бородач Ренэ[1]. Тот французский

[1] Отправивший Вам книгу мою. Только что вернулся из Москвы (*Примеч. Б. Зайцева*)

stagiaire, который неск<олько> месяцев прожил в Москве (готовит докторск<ую> диссертацию обо мне), привез несколько экз<емпляров> этих «Рек» и в Москве раздал, а в Петербург (Вам) и в Киев послал. Но уверенности, что дошло — нет. Милейший малый, говорящий по-русски и вообще больше русский, чем француз (был случай, что я сделал маленькую ошибку в русск<ом> языке — он поправил меня).

В «Нов<ом> журн<але>» (Нью-Йорк) печатаются письма моей Веры, покойной, к Вере Буниной. Они были подругами, с юных лет. Письма Веры Б<униной> к моей Вере тоже напечатаны — в «Русск<ой> Мысли», а потом целиком в сборн<ике> «Мосты», № 13/14. Но это для Вас недосягаемо...

На закате жизни есть у меня желание — едва ли не последнее: издать книжкой переписку двух Вер (с моими примечаниями). Они были весьма разные, моя кипучая, бунинская спокойная, но до конца сохранили дружбу. (А мы с Иваном разошлись — все это очень горько, но ничего не поделаешь.)

К сожалению, я не богат. А то издал бы эту переписку «Двух Вер» — документ о литературной эмиграции первостатейный.

Во всяком случае, когда кончится печатанием моя Вера в «Новом журн<але>», всячески постараюсь устроить это. Нелегко, конечно. Издателей почти нет. Читатели вымирают (молодежи здешней это мало интересно).

Религиозное, православное — в современном, не дореволюционном облике — да, литература — non[2]. А до Вас это дойдет, когда меня уже не будет.

Ровно через месяц свадьба: старший мой внук Миша женится на Кате Лопухиной, представительнице «древнего, но захудалого рода дворянского Лопухиных», как я недавно вычитал где-то. Древнего или не древнего, но очень милая девушка, студентка. А Миша готовит уже докторскую диссертацию, только не по литературной части, а «sciences-po<litiques>», разные там социологи и политич<еские> учения.

Я изобрел новое название родству: Катя мне будет приходиться «внучатой снохой», а Андрею — просто снохой. Надеюсь дожить до правнуков (только чтобы не слишком много).

Будьте здоровы, дорогая, шлю лучшие пожелания — от себя и Соллогубов.

Ваш *Бор. Зайцев*

---

[2] Нет *(фр).*

P. S. Ренэ раскопал в Москве какие-то доисторические мои письма. Адресаты все перемерли. Вообще современников почти не осталось. Здесь — никого, у вас один Чуковский, приславший мне очень дружественное письмо. Да и тот несколько моложе.

315. Н.П. Смирнову. 5 апреля 1969. Париж

5, Av<enue> des Châlets, Paris (16) *5 апр<еля> 1969*

Дорогой Николай Павлович,

у французов *завтра* уже Пасха, у нас через неделю — заранее Вас приветствую со Светлым Праздником. (У православных он гораздо торжественнее, чем у католиков.)

Прилагаю отчет о вечере в честь Солженицына. Приблизительно все так и было, вранья нет. Вы, вероятно, видели в «Русск<их> Новостях» статейку Оли Кожевниковой об этом же — но ее обкарнали в редакции, т<ак> ч<то> получилось жиденько. Сбор рекордный (для вечеров Союза), рассылаем теперь златницы нашим старикам и старушкам (гнездо писательниц — Ницца — Канн). Дай Бог здоровья Солженицыну. Если есть у Вас какие-ниб<удь> пути-тропинки к Солженицыну, передайте ему мой привет. Как раз сегодня получил № «Кубани», там рассказ одного молодого писателя, с которым я в переписке. Надпись: «Милому *старцу* русской зарубежной литературы». А другой (не из Кубани) написал на присланной своей кн<иге>: «Глубокоуважаемому патриарху *российской словесности*». Так у нас гимназические учителя называли литературу. Но торжественно, и не похоже на «вразнокап» (тот же Солженицын! Ничего не поделаешь).

Постараюсь отправить Вам Пасхальный № «Русск<ой> М<ысли>», там, между прочим, будут мои «Дни» — о раннем Бунине. Это Вам может быть небезынтересно.

Всего доброго! Здравия и мира душевного.

С лучшими чувствами

Бор. Зайцев.

316. Л. Н. Назаровой. 24 июля 1969. Париж

5, Av<enue> des Châlets,
Paris (16) *24 июля 1969*

Дорогая Людмила Николаевна, пишу Вам на женственно-голубоватой бумаге — занял у Наташи. Обломовщина заела такая,

что вот не соберешься бумаги купить (да и жара у нас последние дни!). Илья Ильич в основе моего долгого молчания («Старых предков я наследье чую...» — Бунин).

Итак, кланяюсь и благодарю за всегдашнее внимание и доброе отношение — все, что послали, получено. Дай Бог сил и успеха в задуманной и осуществляемой работе.

В XX веке что-то не вижу, кто бы мог Вам быть полезен, а из старых — м<ожет> б<ыть>, в «Оскудении» того же Терпигорева что-ниб<удь> подойдет. «Оскудение» это я читал лет 60—65 тому назад, мало помню, но общее ощущение осталось.

Бунин к Тургеневу был равнодушен. Помнится, раз сказал: «Хороший рассказчик был». Для нас с Вами маловато, да и вообще недостаточно, конечно. Поэзию «Первой любви» или трогательность Лукерьи вряд ли он чувствовал. Для него было два божества в литературе: Толстой и он сам. «Войны и мира» ему однако никогда бы не написать. Но сам он все же был замечательный писатель.

Да, еще: Чехова в молодости очень любил, но в годы Грасса уже относился слегка покровительственно. Театр он вовсе отрицал.

Насчет А<лександра> В<ениаминовича> — как-то печально обернулось, но у Вас, по-моему, никто никому не верит и все всех подозревают. Я отношусь к нему, как и раньше. Одно время — после этой статьи в газете, опасался писать, думал: подведешь еще. А теперь возращаюсь к прежнему.

А<лександр> А<лексеевич> болен — сердце. Жена почти ослепла. Переезжает на днях в старческий дом. Из Кембриджа приехала их дочь, помогает устраиваться. Вряд ли сможет он что-ниб<удь> делать. Болезнь сереьезная. (А жили они доселе в 4-м этаже *без подьемника.* По себе знаю, что значит подыматься по лестницам.)

Пишу очень мало, иногда мелочи для газеты. Рассказ последний («Река времен») написан в 64 г<оду> за неск<олько> мес<яцев> до кончины Веры. Как раз во время обострения ее болезни. Очень нервничал и это давало силы. Все правильно. В 1901—902 г<одах> мы сблизились и я начал печататься. В мае 1965 она ушла, с ней кончилась моя литература. Да и пора. И так уж засиделся: мне 88$^{1}/_{2}$ лет. — Не так давно получил от молодого писателя из России книгу его с надписью: «Патриарху *российской словесности*». (Подчеркнул я, напомнило гимназию, Калугу...). — В «Нов<ом> журн<але>» печатаются письма моей Веры Вере Буниной. 95-й № вышел (в Н<ью>-Йорке), когда получу оттиски, пришлю. Письма В. Б<униной>

к моей Вере я все уже напечатал в «Русской мысли». — Мечтаю издать книжкой переписку. Литер<атурный> документ 1-ой степени.

Всего доброго! От Наташи привет.

Ваш *Бор. Зайцев*

317. В. И. Лихоносову. 14 октября 1969. Париж

14 окт<ября> 1969

Дорогой Виктор Иванович, прилагаю статью о Вас в Нью-Йоркском «Нов<ом> Русск<ом> Слове». Автор — Георгий Адамович, парижанин, первый критик в эмиграции. Человек (и поэт) очень талантливый. Думаю, Вам небезынтересно будет прочесть.

Желаю Вам всего доброго, здравия «и во всем благого поспешения».

Ваш *Бор. Зайцев*

318. Л. Н. Назаровой. 21 октября 1969. Париж

21 окт<ября> 1969

Дорогая Людмила Николаевна, в последнем письме Вашем Вы пишете, что прочитали Степуна обо мне (в «Мостах»?) и не согласны с его оценкой моего отношения к некоей стороне облика Тургенева.

Статью Степуна я перечитал и по правде сказать «непонимания» не заметил. Нельзя же отрицать, что в Тургеневе была особенная, назовите болезненная, или таинственная черта, выразившаяся и в некиих странностях ранней полосы жизненной, и в ряде рассказов зрелости, особенно же старости.

Ни Горький, ни Скиталец ни в каком возрасте не написали бы ни «Фауста», ни «Сна», ни «Клары Милич», ни «Песни торжествующей любви». Одному «море смеялось» и «человек, это звучит гордо», другому другое. Бесспорно и то, что Тургенева томило неверие, но одно то, что он так отлично написал Лизу и Лукерью из «Живых мощей», говорит уже о том, что к высшему миру он тяготение имел.

Хорошо бы нам встретиться, поговорить! Устройте себе какую-нибудь командировку в Париж — ну, напр<имер>, насчет писем Тургенева: наследники Виардо продали в Нац<иональную> библ<иотеку> 300 неопубликов<анных> писем его к ней (прабабушке? Везде ли она просто бабушка). Впрочем... вероятно,

Алексеев, бывший здесь и навестивший меня, уже вел какие-нибудь переговоры с Библиотекой, а Вы их завершите.

24-го окт<ября> у нас вечер памяти Леонида Андреева. Выступают русские, французы. Полицмейстер я («Слово принадлежит проф<ессору> Сорбонны Янкелевичу» и т. п.). Сам скажу только неск<олько> вступит<ельных> слов. 22-го в «Русск<ой> м<ысли>» большая моя статья — «Из воспоминаний», пришлю Вам. С ранней моей молодостью А<ндреев> очень связан. Очень помог мне на первых лит<ературных> шагах. «Благодарственная выписуем ти», как написал мне один старый архимандрит с Афона.

Ваш *Бор. Зайцев.*

Всего доброго, будьте здоровы. Сердечный привет от меня и Наташи.

319. Л. Н. Назаровой. 18 января 1970. Париж

18 янв<аря>1970

Дорогая Людмила Николаевна, поздновато, но «лучше поздно, чем никогда» приветствую Вас с Новым годом (для меня начнется на днях 90-й пребывания на планете нашей).

За Ваше всегдашнее доброе отношение и внимание кланяюсь низко. Литературные дела — вяло. Меньше сил, подъема, желаний. Но одно из них, дожить до 11 февр<аля> 1971 г<ода> — тогда будет ровно 90. Скажу: «Ныне отпущаеши, Владыко, раба твоего с миром...».

В «Нов<ом> журн<але>» печатаю письма моей покойной Веры Вере Буниной — с молодости были они подругами и ушли во взаимной люб<в>и. Письма Веры Б<униной> к моей Вере уже напечатаны в «Русск<ой> мысли» — теперь самопоследнее желание мое: выпустить отдельной книжкой их переписку. Это все очень подлинно и ценно. Да и документ о жизни эмигрантской (характеры и стиль совсем разные).

А издателей почти нет, читатели вымирают непрерывно. Все же надеюсь. «Будем поглядеть», — так говорил русский немец моего детства. (А Наташенька, когда девочкой была, называла мать: «Главная всей России». Меня же: книгель. «Книгель пошел во флигель». Там погибли у меня письма Блока, Бунина, Вяч<еслава> Иванова и др.) Но были потери и почище: люди живые, любимые.

Прилагаю андреевскую страницу газеты. Сын Леонида, Валентин, устроил в Salle La Casses вечер памяти отца под моим председательством. Но воспоминаний этих я не читал, сказал,

коротенькое лирич<еское> вступление. Выступали русские и французы. Народу было много, но нельзя сказать, чтобы вечер оказался особенно удачным: так себе. Во всяком случае хорошо, что Леонида вспомнили и почтили.

Всего доброго, дорогая Людмила Николаевна, Наташенька шлет привет (сейчас лежит в гриппе).

Ваш *Бор. Зайцев.*

320. Ю. О. Домбровскому. 1 марта 1970. Париж

5, Av<enue> des Châlets, Paris (16) *1 марта 1970*

Дорогой Юрий Осипович,
большое спасибо за «Смуглую лэди». Прочел все три новеллы с удовольствием и порадовался еще, что это не о лагерях и не жаргон, а просто настоящий русский язык.

Сам Шекспир не особенно моего романа (больше всего ценил и ценю «Бурю»), но Вы о нем своеобразно написали, да не только о нем, а и о том времени.

Первая новелла отлично дает «запах» времени, но две вторые мне больше по сердцу, очень тонко и с каким-то элегантным завитком[1] написаны. Как будто немного длинновато, болезнь, болезнь, завещание... — но ничуть не скучно и не скажешь, как про дамское писание: «Вот тут три страницы вон».

Если не лень, напишите о себе, какой Вы, занимаетесь ли только литературой, или еще чем.

О себе могу сказать: 1) месяц назад пошел мне 90-й год, кое-что царапаю, но мало и второ-третьестепенное («Из воспоминаний литературных» — в таком роде, 2) в Париже 46 лет, по-франц<узски> говорю мерзко, да и не с кем. 3) Люблю Россию и Италию. Единств<енный> иностранец, с кот<орым> на «ты» — проф<ессор> Ло Гатто, итальянец, по-моему, русск<ую> литер<атуру> и Россию любит больше, чем Италию. Так, что отчасти два сапога пара. Всю жизнь переводит Пушкина. Кафедра была в Риме, а теперь он в отставке, возраст тоже не детский — но он много моложе меня.

Ну вот-с, послужной (краткий) список. Будьте здоровы и благополучны, пишите.

С лучшими чувствами

Ваш *Бор. Зайцев*

---

[1]*не* в смысле вычурности, а как бы свой прием. *(Примеч. Б. Зайцева)*

321. Л. Н. Назаровой. 10 августа 1970. Париж

5, Av<enue> des Châlets, Paris (16) *10/VIII.70*

Дорогая Людмила Николаевна, получил, получил все и всячески «благодарственная announcing воспоисуем Ти» — все и читаю и просматриваю. Благодаря Вам получается у меня некая Тургеневская библиотечка, центр которой, конечно, Собрание его сочинений. (Из Америки прислали докторскую работу о моих Тургеневе, Жуковском и Чехове.)

Пишу мало. Подходит 90 лет. Все кажутся полудетьми. Но ничего, живем. Поджидаю правнуков (старший внук, Миша женился, сейчас, к сожалению, призван на военн<ую> службу — скучнейшее и неподходящее занятие). Младший Пека только что кончил Sup-аéро, инженер по постройке аэропланов. Был летом в России с выпуском своим, теперь вновь его посылают в числе 4—5-и лучших «учеников», вероятно, в сентябре туда же.

Вот, молодое растет. Слава Богу, хорошие мальчики. Не «хиппи», серьезные и спокойные.

Откуда Вы взяли, что я к Вам изменился? Никакой причины. Пишу редко, но я ведь Обломов, дочь Наташа все делает в $7^{1}/_{2}$ раз скорее — тут уже ничего не скажешь. Мой дед, отставной полковник николаевских времен, сосед по имению с Ульяновым-Лениным (Сенгилеевск<ий> уезд Симб<ирской> губ<ернии>), проводил время так: становился с трубкой в гостиной, а дети — пять мальчишек, в том числе отец мой, пробегали мимо, и он каждого подшлепывал ногой (дом большой был, проносились как угорелые по анфиладе комнат). Но дети все по свобод<ным> профессиям пошли: отец — горный инженер, двое дядей адвокаты, один врач, один неудачник.

Вот видите, сколько ненужного добра я Вам расписал, а Вы говорите... Нет, нечего нам охладевать.

Будьте здоровы, как всегда деятельны и дружелюбны, не забывайте престарелого и всегда к Вам расположенного

Бор. Зайцева.

Наташенька шлет привет.

322. Л. Н. Назаровой. 30 апреля 1971. Париж

5, Av<enue> des Châlets,
Paris (16) *30 апр<еля> 1971*

Дорогая Людмила Николаевна, давно не писал Вам — некоторая апатия, вероятно, возраст. В феврале исполнилось 90 лет, вчера узнал, что на несколько месяцев обогнал Пикассо,

которому только в октябре будет 90. Ну, дай Бог ему здоровья и всяких дальнейших фокусов в живописи, хорошо оплачивающихся.

Мы остались теперь втроем — Наташа, Андрей да я. — Пека на днях женился и уехал в свадебное путешествие в Грецию, а вернется в свою квартирку. Старший же сын Наташи, Миша, уже два года женат и читает кое-где лекции. (Пека — авиацион<ный> инженер, служит в Обсерватории.)

Молодые растут, а нам надо уже склоняться. Есть у нас тут под Парижем кладбище русское St. Genéviéve des Bois — это вполне русский поселок. Там все почти эмигранты лежат — и писатели (Бунин, Мережковск<ий>, Гиппиус, Шмелев и т. д.), и военные, и какие угодно. Вера моя тоже там, и Вера Бунина. Мне местечко приготовлено в Вериной могиле.

Ну, вот это элегическая сторона письма. А на свадьбе Пеки было весело. Необозримо число детей! Я даже удивился радостно, что в Париже столько русских детей! Это было приятно, а для них большое развлечение.

Письма Ваши все получил, большое спасибо, что не забываете престарелого. Будьте бодры и здоровы, дорогая. Такие, как Вы, нужны и для жизни, и для культуры. Над чем (или кем?) сейчас работаете? Над Достоевским? Пора, пора. Тургенев отлично подан. Толстого я не видел, но он дан уже полностью, конечно (у меня 14 томов, это маловато, хотя все мировое в них-то есть).

Дай Бог бодрости и здоровья. Напишите, если не лень, о себе, как себя чувствуете, как живете, и т. п.

Наташа и Андрей приветствуют. Обо мне и говорить нечего.

С лучшими чувствами

Бор. Зайцев.

323. Л. Н. Назаровой. 6 мая 1971. Париж

5, Av<enue> des Châlets,
Paris (16) *6. V. 71*

Дорогая Людмила Николаевна, пишу Вам несколько уже отойдя от девяностолетних и пасхальных дней. Да еще свадебных! Говорю о свадьбе моего младшего внука Пеки (Пети), при мне родившегося в Париже, при мне возросшего и вот, надеюсь, линия пойдет теперь дальше... Посмотрим. — Он уже инженер (23 года) по аэронавтике, служит, зарабатывает гораздо больше меня (что, впрочем, не трудно). Жена очень милая, очень «стиль рюсс», из священнической семьи. Сейчас они в

«свадебном путешествии» — в Греции, вчера открытка из Пелопонесса, и т. п.

Мы остались теперь трое старших — Наташа с мужем да я. — Мужчины оба — отставной козы барабанщики, Наташа (тьфу, не сглазить!) полна сил и деятельности. У нее все кипит в руках. А я все больше становлюсь Обломовым.

На свадьбе, в церкви, был я приятно удивлен: сколько в Париже русской молодежи и детей! Большой храм Сергиевск<ого> Подворья был наполнен — правда, и Пека, и старший (Миша) деятельные члены Русск<ого> Христ<ианского> Студенческ<ого> Движения (Р.С.Х.Д.) — Миша даже вице-президент Синдесмоса — мирового Союза православн<ой> молодежи. Летом едет в Н<ью>-Йорк на съезд ихний. В общем, молодежь эта совсем не плохая, вовсе не тот засол, как нек<оторая> часть европейской полускандальной молодежи. Я живу тихо. Наташа за мной ходит, как за ребенком. В окончательное детство еще не обратился, но недалеко. В общем, жаловаться не на что. Сейчас мы занимаем особняк с палисадником в двух шагах от бывшей квартиры Буниных, но лишь до Нового Года. Андрей вышел в отставку, а дом банковский, т<ак> ч<то> это было служебное Андрея пристанище. Ничего подобного, конечно, не будет, но какую-ниб<удь> кв<артиру> Наташа найдет. У нее легкая рука. (У Бунина есть рассказ «Легкое дыхание» — тоже подходящее.)

Дружески жму руку, письма Ваши все получил, благодарю и сердечно желаю Вам всего доброго.

Ваш *Бор.Зайцев.*

324. Л. Н. Назаровой. 24 октября 1971. Париж

24.X.71

Дорогая Людмила Николаевна, спасибо, что не забываете престарелого (я называю себя теперь — Отставной козы барабанщик. Грамматически слегка загадочно: отставной ли барабанщик, или отставной козы бывший б<арабанщи>к. Недавно слышал мнение, что тут *коза* не то значит, что мы привыкли считать, а что-то другое, более подходящее (вроде шарманки и т. п.). Может, и брехня.

В нашей жизни два события: 1) у моего внука Миши (сын Наташи) родился сын третьего дня. Так что я теперь прадед. Вроде полного генерала (от кавалерии). Мать его очень милая, урожд. Лопухина, специалистка по обучению неправильно говорящих детей. Неизвестно, как заговорит собственное произ-

ведение, но пока что — это крупный мальчик (4 кило весом), кажется довольно сильный. Вот начинается новая человеческая судьба!

2) во вторник (нынче воскресенье) переезжаем на новую квартиру, эта была служебная у Андрея, он теперь в отставке по возрасту и слабости глаз. Адрес наш новый: 24, rue Frémicourt, Paris (15). Так что ближайшие дни будет полный хаос, пока не осядем.

Зуров оставил завещание — все получает дама из Эдинбурга в Шотландии. Она была теперь здесь, жила у нас. Читает русск<ую> литературу в англ<ийском> Ун<иверситете>, очень милая и культурная дама. Введение в права наследства — длинная история. Как наследница распорядится, не знаю. Сомневаюсь, чтобы было что-нибудь интересное. Интересовался Иван только собой. А жилки собирательской у него не было.

Целую ручку, будьте здоровы.

С сердечным приветом

Бор.Зайцев.

325. Л. Н. Назаровой. Декабрь 1971. Париж

24—26, rue Frémicourt *<без даты>*

С Новым Годом, дорогая Людмила Николаевна, будьте здоровы, бодры и благополучны — от всего сердца Вам желаю добра. Неужели так никогда и не увидимся? Сроки близятся, понемногу вымирает эмиграция. Знаете ли Вы о кончине Зурова? Он лежит теперь на кладбище русском в St. Genéviéve des Bois недалеко от моей Веры и от Буниных (они оба в одной могиле). На днях в Мюнхене скончался Газданов — не знаю, знаком ли Вам этот писатель? Ему было 69 лет, но России он почти не видел — маленьким попал в Болгарию и т. п. Писатель даровитый, но впечатление странное производил: иностранец, хорошо пишущий на русск<ом> языке. Во всяком случае — для литературы потеря.

Я пишу мало. Достаточно извел уже чернил, пора к Вере и Буниным.

На днях наш Союз устраивал большой вечер памяти Достоевского. Читали Вейдле, проф<ессор> Паскаль (француз), Никита Струве (внук известного бородача Петра Струве). Две артистки (одна — Художественного театра — Греч) читали по моему выбору кусочки из Достоевского. Прошел вечер средне, народу, конечно, полно. (Зал Русск<ой> Консерватории.)

Вот и живем помаленьку, на днях Наташа разрывалась на базаре в пользу Детск<ого> приюта под Парижем — но там много собирают и находятся даже покупатели на наши писания. Я в этом году не поехал, сил становится меньше. На другой день были утром крестины моего *правнука,* Матвея, названного по евангелисту. У Наташи два сына: Миша и Пека (Петр). Так вот, Миша женат на Лопухиной, и это их произведение. Я несколько горд новым титулом. Правнук довольно большой и здоровый (не сглазить!), но для него мир еще фантасмагория вполне — впрочем, и для нас в этом году. Теперь очередь за Пекой и его женой Веточкой (Елизавета), но эти пока еще не трое.

Будьте здоровы, дорогая, самым искренним образом лучших Вам благ. Наташенька целует, Андрей кланяется.

Ваш. *Бор. Зайцев.*

P. S. Мы переменили кв<артиру>. Теперь адр<ес>: 24—26, Frémicourt, Paris (15).

326. М. М. Соллогубу. 17 декабря 1971. Париж

24—26, rue Frêmicourt, Paris (15) *17.XII.71*

Дорогой Матвей Михайлович,

пишу Вам это письмо накануне Вашего крещения и воцерковления — с завтрашнего дня Вы будете уже членом Православной Церкви.

Вы прочтете это письмо много позже, когда меня, вероятно, не будет уже на этом свете. Все равно, моя любовь к Вам останется — навсегда.

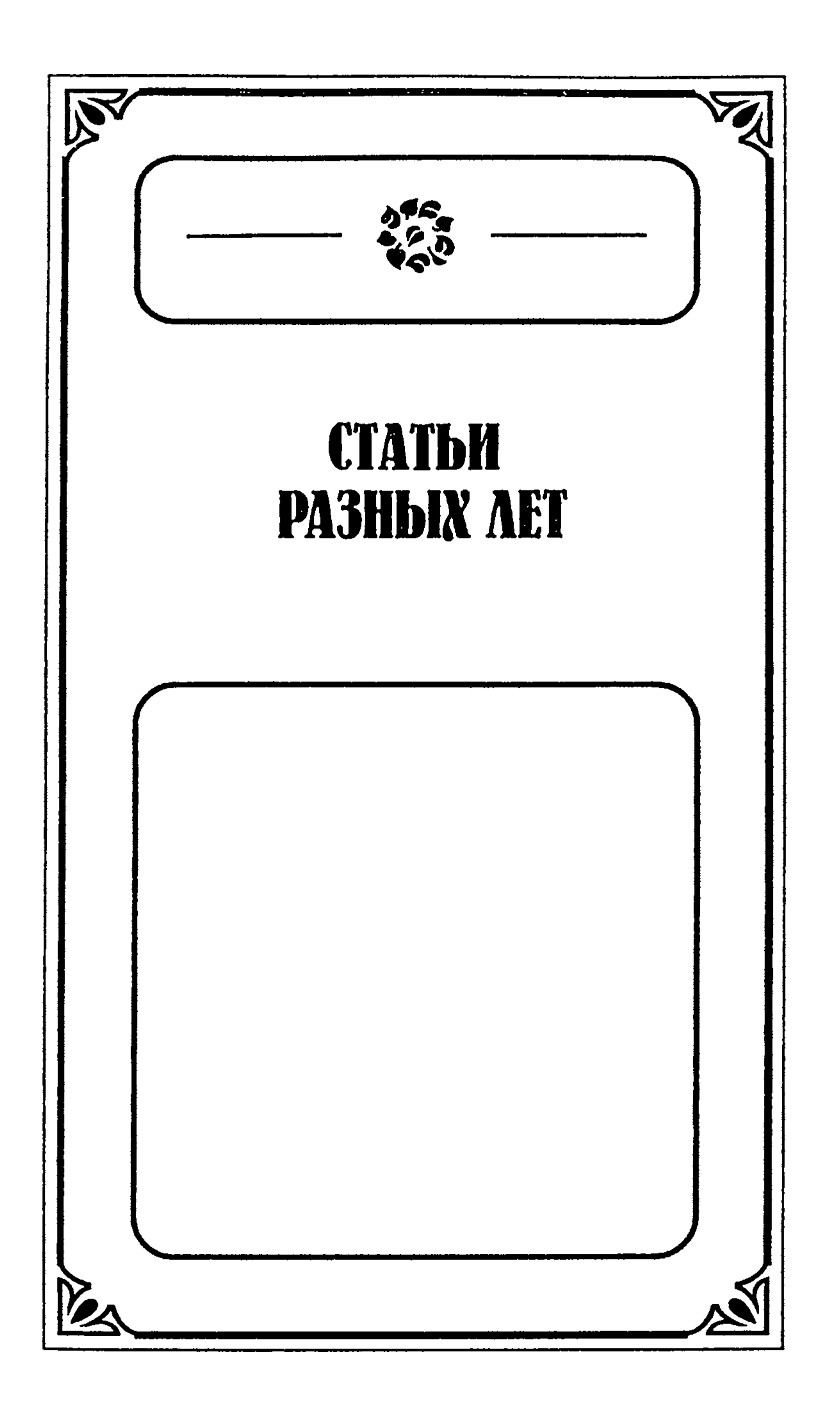
Перед Вами целая жизнь... дело нелегкое и сложное, сплетенье радостей и страданий. От души желаю Вам побольше первых и поменьше вторых. Дай Вам Бог сильно радоваться и мужественно переносить горе (в той или иной дозе оно неизбежно).

В этот день, очень знаменательный в жизни Вашей, я всею душой направлен к Вам и полон благопожеланий. Дай Вам Господь жизнь светлую, чистую и благородную — верю, что так и будет. Надеюсь на малое число ошибок и на многое число дел добрых. Ошибок не оправдывайте, но не унывайте, добром не гордитесь.

Обнимаю Вас с любовью и самым искренним желанием всего лучшего.

Ваш прадед

Бор. Зайцев.

СТАТЬИ
РАЗНЫХ ЛЕТ

СПАС НА КРОВИ

1. ИЗ ОДНОГО РОМАНА

«Мы разыскали все-таки могилу сына. Через весь город, за Таганку, шли мы в валенках к Калитниковскому кладбищу.

Роща и кресты, могилы — все завеяно декабрьским, белым снегом. Вдалеке трубы завода, где когда-то я жила, цвела и хохотала. Мы бродили долго около конторы кладбища, ждали заказанного креста.

Летали галки над березами заиндевелыми. С Курской дороги свистки паровозов, пронзавшие невыразимой скорбью. И почему так беспредельно горестны в зимний денек и при пустынно-сером небе эти дальние свистки?

Наконец сторож возвратился — немолодой, мрачный человек с рыжеватыми глазками.

— Пойдемте, покажу.

Маркел взял у него крест — длинный, свежевытесанный, и взвалил на плечи. Сторож шел впереди, узенькой тропинкою между могил, сугробов и решеток. За ним Маркел с крестом на плече, сзади я. Спускались мы какою-то низинкой, шли у замерзшего прудка и вышли за ограду. Кладбище окончилось — то кладбище, где почивали с давних лет мирно умершие, приявшие «христианские кончины». Дальше шло пространство до дороги, вроде выгона, взбуравленное свежими песками, мерзлыми комьями.

Проводник хмуро зевнул.

— Каждый день таскают. И не надоест, анафемам. В грузовиках волокут, ночами. Рази с ними выспишься?

Здесь кладбище отверженных, убиенных и замученных.

Маркел шел слегка сгибаясь под крестом. Да, вот она, Голгофа наша.

— Дай...

Я подошла, взяла у него крест. Маркел был красен, потен. Могильщик сковырнул лопатой мерзлый ком.

— Тяжело будет, не донесть.

— Нет, ничего. Пусть и еще потяжелее, пусть и иду, сгибаюсь, падаю под ним, так ведь и надо, и пора, пора...

— Вот...— он приостановился у бугра, уже засыпанного снегом.— Тут их всех и закопали. Человек пятнадцать... Молодежь все, барышни, мальчишки...

Заступом своим разрыл, всковырял землю. Поставили крест, притоптали его снегом.

— Весной, как отойдет земля, поглубже закопаем.

Получил что надо и ушел. Одни остались мы. Одни стояли на коленях, в снегу, перед пустынным небом, пред свистками паровозов, перед Богом, так сурово, но уж значит по заслугам, покаравшим нас».

2. ИЗ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Леша беленький гимназист пятой гимназии, Игорь темненький. Были приятелями, вместе кончили — Леша с серебряной, Игорь с золотой медалью. Стали студентами. Война подошла, обратились в прапорщиков: Леша в пехоте, Игорь артиллерист. Были у них еще близкие мальчики: Юра, с которым Леша живал летом в нашем Притыкине, и Петя, Петушок, двоюродный брат его — к нему ходил Леша на Арбат в гости.

Двадцати лет, молодой, очень красивый, Юра вышел в Измайловский полк. В первый день февральской «бескровной» революции был дежурным по полку. Подошла толпа и потребовала сдачи. Он отказался. Его тут же убили. Когда мать приехала из провинции, нашла его в чулане, голым и полузамерзшим. Платье, вещи — все разворовали.

Петушок сложил голову где-то на юге, в кавказских горах. Никто не знает о его последних минутах.

Лешу взяли в Москве. Игоря под Москвою. Леша мог бы уйти: стучали в квартиру долго, и выход был на террасу, неокруженную, и даже хозяйка входила, будила его: но молодой сон одолел. Забормотал он, зевнул, перевернулся на другой бок. «Пускай стучат!» Проснулся, когда было поздно.

Мог спастись также и Игорь. Но не спешил расстаться с молодой женой на подмосковной даче. Поздно, поздно! Выскочил в окно, его поймали.

На кладбище отверженных Лешу свезли первого ноября, Игоря первого января. В чеке оба погибли, их последних минут тоже нам не узнать... Их останки лежат в общих могилах, куда сваливали с грузовиков обнаженные и замученные тела. Там и девушки, дети, расстрелянные «по ошибке». Там лежат и священники, приявшие мученические, венцы.

Могила Юры в Александро-Невской Лавре, Петушка в дальних горах неизвестно где, Леша и Игорь на Калитниковом, как описывает писатель в отрывке романа.

Думаю, что могила Юры цела. Не знаю о Петушковой. А про площадку отверженных на Калитниковом одно мне известно: крестов теперь там нет. Выгон и выгон. Над прахом наших детей комсомольцы и пионеры играют в футбол — может быть, и не знают, что над костями. Просто себе веселятся, как веселы юные, как ржут и орут молодые солдаты всех стран и всех наций.

А может быть, знают. Все может быть.

3. ИЗ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Умерли и убиты не одни Леша, Юра, Игорь и Петушок. Во всех концах нашей земли могилы, не на одном Калитниковом. Мы живы, мы живем.

Чего хочу, например, я? О чем в предутренние часы иногда думаю?

Мести? Крови? Новых трупов?

— Нет.

Многие из палачей уже сошли с ума. Злодеи начинают грызть одни других — в остервенении. Среди них нет счастливых, как сказал недавно священник из России: «Счастливы у нас теперь одни лишь православные, а они все несчастны». Твердо верю, что изменится жизнь русская, предчувствую, что будет еще много крови, много кар, расправ — это не мой мир, мне далекий. Иногда, мерещится, что в новую Россию (а она грядет!), как встарь, придется вновь идти со словом милосердия и человечности.

Но вот одно видение особенно волнует. Прошли года. За Калитниковым кладбищем на отверженной площадке вновь разрыты все могилы, и останки собраны, все девушки, дети, священники, Леша, Игорь — соединены в одну, воистину теперь братскую могилу и над ней возведен храм Спаса на Крови. Какой-то день в году заведен — поминовения усопших. Несметная толпа пришла поклониться праху мучеников, весь день идет торжественная служба, служит ее Патриарх новой, вольной России, добрыми, многострадальными глазами глядя чрез очки... Молятся за всех и «зде лежащих», но и за тех, которые разбросаны по всей России, на Дону, в Крыму, Сибири и Архангельске, и за Юру в Александро-Невской Лавре, за Митрополита Вениамина и за Петушка в горах кавказских.

А последнее желание — о нем и сказать жутко — если бы матери-праведницы в этот день помолились не только за детей своих, но и за мучителей их, за страшные, непросветленные души, томящиеся во мгле.

Тогда была б победа окончательной, бесповоротной.

ОТВЕТ НА АНКЕТУ «ДНЕЙ»

(В 1927 г. редакция «Литературной недели» (рубрики газеты «Дни») обратилась к литераторам-эмигрантам с вопросами:

1) Что вы думаете о художественной литературе в Советской России? 2) Каких беллетристов, работающих в Советской России, вы считаете людьми талантливыми или подающими надежды?

Ответ Б. Зайцева (наряду с ответами И. Бунина, М. Осоргина, И. Шмелева) был опубликован в номере «Дней» от 23 октября 1927 г.)

Не хочется никаких предвзятостей, никаких «принципиальных» раздражений. Литературе русской везде сейчас трудно. Кичиться и задирать нечего, и нам чваниться не приходится. Все попали в такую переделку, где хуже и бесприютнее всего именно поэту. Русским собратьям своим я пожелал бы прежде всего, чтобы угомонилась и сколько-нибудь очеловечилась жизнь, воздух бы стал легче, светлее, ушли бы кошмары — тогда писать станет легче. Чтоб можно было писать человечье, «с черемухой», а не «без черемухи». «Без черемухи» — такой рассказ П. Романова, там любовь заменена другим, и от этого становится очень скучно, прежде всего девушке, конечно. Когда любовь опять залюбит, тогда начнем разговаривать. (Вот молодой французский писатель Грин в «Адриенне Мазюра» утверждает, что любовь — это видеть через улицу, в окне, любимого человека! Это «черемуха».)

Я склонен признать проблески у Катаева, например в «Растратчиках». Там есть какая-то внутренняя улыбка. Федин кажется мне писателем на хорошем пути. Леонов вначале заявил себя славно, но в последних вещах что-то хромает. Бабель...— талантлив — в «Конармии» — журналистичен, груб, истеричен, ненавидит Россию и все русское. Тоже талантлив и тоже неприятен Всеволод Иванов.

Во всяком случае, все попали в плохую переделку. У нас хоть молодость была хорошая — есть чем помянуть.

Повторяю: я желаю им не тех больших гонораров, какие они получают, это приятно, конечно, все же это не главное: а желаю полегче и посветлей жизни, солнышка, красоты, тишины! Тогда запишут.

ЮГОСЛАВСКИЕ ЗАПИСИ

ПЕРВАЯ

...Три наших автомобиля подкатили ко дворцу. На одном из них огромный венок — Неизвестному солдату. Мы должны возложить его в день перед открытием съезда.

Под водительством В. И. Немировича-Данченко расписались в книге посетителей. При выходе несколько задержались: сменялся караул, по переулку проходил с музыкой взвод сербской гвардии — надо было его пропустить. Высокие, тонкие молодцы в красных штанах тяжко, мелко отбивали шаг. Вытянувшиеся военные в приемной, военные во дворе, живописное войско на улице — первые впечатления далеко не штатской Югославии.

Нашему венку и нашим автомобилям всюду отдавали честь, будто знали, что вот именно сербскому «незнаному юнаку» везем мы привет.

И это далеко! Мы пролетели через весь Белград и вынеслись на возвышение, где задержала нас проходившая кавалерия и пулеметчики. (Опять война! Учение, окопы,— вековая горечь жизни человеческой.) Но пулеметы прошли, завилось шоссе извивами среди развернувшихся славянских полей, в сереньком сентябрьском дне. Земля, природа! Убранные нивы, разноцветные их шашки, те загоны, на которых возросли мы и в России. Бабы по дороге, сербские, но так похоже и на наших, вся простота и грубоватость земляного мира, созидающего государства!

— Видите, вон Авала! — сказал спутник.— Двадцать километров от Белграда. Мы туда и едем.

В полевом царстве вдруг появилась гора, довольно высокая и довольно правильная, вся покрыта лесом. Там-то и поставлен памятник героям войны.

Это непохоже на нашу Этуаль с вечным, легким пламенем, это уединенно и как-то подчеркнуто-скромно, но имеет свою поэзию.

Автомобили взбегали восходящими кругами средь пустынного леса. Почти на самой вершине остановились. Вот, на

полянке, и памятник. Обычный, как полагается. Но как тихо! И как высоко! Одиноко лежать здесь костям солдатским, но и от шума далеко, от суеты нашей — перед Небом и над страною, за которую пал.

Возложили венок. Все стояли без шляп. Немирович сказал небольшую речь—никого не было слушателей, кроме своих, но он волновался, хорошим волнением, и седые его бакенбарды вздрагивали. Василий Иванович знает эту страну, этот народ более полувека. Видел Белград чуть не деревней, был на всех сербских войнах, на его глазах возросла пятнадцатимиллионная Югославия.

Сквозь деревья легкий сентябрьский туман, сырость, звонкость, падающие капли, уцелевшая пестрота листьев... Если отойти в чащу, то не услышишь ли с детства милого гона гончих — тахи-тахи, тах, тах...— где-нибудь в Чертоломе или Высоцком заказе?

Мы подымались, с любезными спутниками, и на вершину — там развалина крепости. Некогда вдова турецкого вельможи заперлась тут, не пожелав сдаться сербскому королевичу Марко. Но потом все-таки сдалась... очень мило сдалась.

Турецкая вдова несколько развлекла. Я взбежал на самую высоту руины. Стало светлеть. Тишина здесь полная, чуть приласкало солнышко. Полевая Сербия лежала внизу, в бледных туманах. Ястреба реяли. Облака шли.

* * *

Белград молодой город. Это очень чувствуется. Древней (религиозной) культуры Сербии в нем нет. Для современных византинистов Сербия клад, но чтобы найти его, надо спуститься южнее Белграда. (К сожалению, именно там побывать не пришлось.)

Так что не будем искать в Белграде удивительных храмов, фресок, дворцов. Белград «возрастающий» город. В жизни его есть напор, порыв, оживление молодости послевоенной. Он строится, кипит. В нем немало дельцов.

Составляются состояния. Вероятно, хорошее поле для инженеров.

Даже внешнее впечатление от Белграда... Молодой король, молодые министры, молодые офицеры — и на улице все больше видишь молодежь. Сколько студентов и студенток! На главной улице между четырьмя и семью очень много тоненьких длинноногих сербок, барышен, изящно одетых, по-парижски подкрашенных. Много носят круглых шапочек, как у нас лицеисты. И — мужская молодежь. На улицах очень мало дам. Мне

объяснили так: после войны многое изменилось. Вообще говоря, сербская женщина сидит дома, особенно пожилая («доматица»). Но молодежь сильно вырвалась на волю...— некоторые считают, не слишком ли. Полны молодежью университет, улицы, кинематографы, кафе. Много ея и среди военных. (Вообще, войска и офицеры сильно расцвечают Белград.)

Во что вырастет он? Будем надеяться, в живую просвещенную столицу народа, выходящего к новым и обширным судьбам.

* * *

Торжественное открытие съезда — в Университете. Переполненный зал, гул, мягкие волны, пробегающие по толпе. И опять молодежь, свисающая с хор, вновь студенческие шапочки, длинные серые куртки русских гимназистов и блестящие глаза, восторженные... Температура *воздуха душевного* впервые тут определилась. Она потом всюду сопутствовала.

Странным образом, эту встречу России с Сербией определили Церковь и женщины. Досифей, епископ Нишский, говорит от Церкви. Южно-черноволосый, черноглазый, с очень добрым взором и не совсем правильным очерком лица, он взял тон высокий, пламенный, в формах старинного церковного красноречия. Страстно он говорил. Как бы кланялся России, ее бедам и горестям, и любил ее... он именно *любил* во время речи. И потому речь была понятна, сквозь непонятные слова. Любовь давала свои ультрафиолетовые лучи. Ничем не задерживаемые, шли они в сердце.

Россия выступила и в речах женщин, представительниц разных культурных обществ. Вернее, Россия вообще присутствовала, великим и многострадальным фоном. Женщины говорили просто, мягко. От сердца и с задушевностью, тоже меж слов исходившей. Вот Милица Богданович, скромного вида писательница и учительница, темноглазая, в темном простеньком платье, с большими блестящими глазами. Негромким голосом произнесла несколько слов — о России, о нашей литературе, высоком и человечном ее строе... Удивительная была электрическая буря, разразившаяся в зале. В чем ее причина? В простоте Милицы? Отсутствии фразы? Созвучности чувств? С хор полетели на наш стол цветы, заблестели глаза — взорвался восторг, Россией вызванный. Ему противостать нельзя. Он так же властен, как и молодость. У многих, многих и за нашим столом, и в публике глаза были... ну, скажем: не вполне сухи.

* * *

Епископу Досифею был я представлен на первом же банкете, и так потом само установилось — наши места всегда оказывались

рядом. Владыка, питомец России и верный ее друг. Он состоит в синоде четырех епископов при патриархе Дмитрии — занимает одно из высших мест своей церкви. И надо видеть, до чего он прост, мил и приветлив! На его плечах дела синода. Он епископ огромной епархии, которую самолично объезжает, забираясь в самые глухие горные местечки, нередко просто на муле. Я был у него и в патриархии, видел толпившихся в ожидании приема священников, мирян, монахов. Был в соборе на его службе. Видел его на банкетах и приемах. Всюду он одинаков, всюду жив и легок, излучает доброту и веселость. Это именно той веселостью веселый иерарх, которая говорит о чистой жизни, о любви к людям, миру Божьему, творчеству. Оттого так внутренне светлы и его речи.

Глядя на этого светлого южанина с вечно улыбающимися глазами, думаешь, что грех, тоска, отчаяние далеки от него. И от тебя они отходят в его присутствии: оттого, должно быть, и пользуется он такой любовью.

Надо ли думать, что не знал и не переживал он трагедии?

Не мы одни видели ужасы. В грохоте своих бед мы нередко не видим чужих.

Что мы знаем хотя бы о той же Сербии, и хотя бы совсем из недавнего времени — 1915 г., когда с севера надвигались германцы, а с юго-востока болгары? Когда король, армия и правительство и толпы беженцев отступали на юго-запад к морю?

— Да, милейший мой (владыка всегда меня так называл),— много пришлось пережить. Ну, да слава Богу, прошло, и ничего, Бог грехам терпит...

...Епископ Досифей Нишский с иконами вышел навстречу болгарам... Ниш был занят. Из тринадцати нишских священников убили одиннадцать. Истребляли также учителей, чиновников, всю мелкую интеллигенцию. Владыку тотчас же отправили на каторгу.

— Вот таким-то образом, мой милейший, и обратился я в раба. Ну, епископское облачение, все это долой, какой уж я епископ... я с мотыкой в руках работал, так и назывался: мотыка номер 76-й. Обращались с нами, знаете, плохо, это прямо скажу.

И владыка все улыбается, точно это такие приятные воспоминания.

— Да, что поделать... Женщины за волосы дергали, в лицо плевали. Ненависть к нам была большая. Три года этой жизни хлебнул.

Но с окончанием войны все изменилось. И владыке Досифею довелось вновь посетить Болгарию — уже в ином качестве.

Король Александр назначил его главой сербской миссии в Болгарию на помощь пострадавшим от землетрясения.

— Ну, как же, владыка, на этот раз?

— Да уж тут другое... Мне царь Борис сказал: «Я знаю, что вы видели Болгарию при других обстоятельствах. Надеюсь, теперь ваши впечатления будут иные».

Воображаю, с какой страстью и кипучестью кинулся этот человек, под знаменем Креста, на помощь ближнему той страны, от которой видел столько горя.

— А знаете,— закончил он,— право, ничего, везде люди есть, и везде есть хорошие. И в Болгарии много хороших людей.

* * *

Я был на служении владыки в соборе. Мне говорили, что сербы мало ходят в церковь. На этот раз народу было довольно много. Сама служба идет на церковно-славянском языке, она *совершенно наша* служба. Лишь выговор некоторых согласных несколько мягче.

Был сумрачный день. Лил дождь. Но в соборе не было темно. Сербское пение мне показалось как бы промежуточным между русским и греческим. В нем есть оттенок греческой монотонности, есть общее и с нами. С хор над входом пел хороший солист — в сочетании с двумя клиросами алтарной части храма. Владыка служил крепко и мажорно, с обычной своею бодрой неутомимостью. Опираясь на двурогий посох, сказал проповедь (был День Воздвижения Креста). Его обступали простые люди, он с ними говорил, как с верным стадом, и бесхитростным.

В Сербии народ близок. Властители умеют говорить с ним.

ВТОРАЯ

Мне нравились некоторые сербские женские имена: Гордана, Зора, Миленич, Цвета, Любица — прозрачно-крепкое и звонкое есть в них. Гордану и Зору я видел. «Цвета Зузорич» и «Княгиня Любица» — общества, принимавшие нас, названы именами знаменитых женщин.

Самые приемы происходили так: у входа в зал строй тоненьких и очень нарядных барышен, черноглазых и худеньких любительниц наук и искусств — иногда они с цветами. Весело рассматривают нас, как заморских гостей. Мы улыбаемся, что-то смущенно бормочем и не знаем, здороваться ли за руку или «вообще» кивнуть и прошмыгнуть далее. Это, так сказать,

передовой пост, кавалерийский разъезд. Дальше идут главные силы: почтенные «доматицы». Среди них и добрый наш друг епископ Досифей. Нас рассаживают по столикам, знакомят, поят чаем, угощают печеньями и вареньями. Службу связи вновь несут легконогие Зоры и Горданы. Все полно ласковости, задушевности и внимания. Пожилые дамы выступают с приветственными речами — в большинстве говорят совсем неплохо. Затем музыкальные номера и наши ответы.

Эти дамы-руководительницы, скромно одетые, просвещенные и благожелательные, напоминали наших «кадетских» дам довоенного времени — вообще нашу былую интеллигенцию (более Петербург, чем Москву). Но их общества, покровительствуя наукам, ремеслам, школам, искусству, благотворительствуя, находятся в связи с Церковью. Действуют под ее покровом. То, что всюду присутствовал епископ Досифей,—не случайно. (Какого умственного направления барышни, мило предлагавшие нам сласти, не знаю. По виду, больше танцевального. Но, думаю, есть среди них молодые художницы. Мне представили юную журналистку.)

Особенно горячо, полно прошел вечер в женском обществе на Бранковой улице (последний прием).

Мы приехали туда с шумного, многолюдного чтения в Университете. Нас встретили ученицы ремесленной школы общества в сербских национальных костюмах (очень красивых, цветистых — работа самих девушек). Шел уже десятый час. Правда мы были голодны. Но и столы сплошь оказались уставлены холодными яствами — всякими стерлядями, «свинско», ростбифами и т. п. Съели ли мы хоть треть предложенного?

В речах же еще яснее выступило то, что мы уже частью слышали: Россия и особенно *русская женщина*. Оказывается, именно это старейшее общество в полувековой своей жизни как бы исходит от самоотверженных русских женщин, просвещенных и смелых, которые явились в Сербию на освободительную войну — врачами, сестрами милосердия, учительницами... Какие дальние посевы, и какие всходы!

Надо сказать: вновь волнение пронеслось. Тени матерей, бабушек вновь как бы *заступились* за Россию и за нас. И, конечно, вновь литература наша...

Девушки в разноцветных своих нарядах (много белого, красного, есть и темные вышивки — зависит от области Сербии) прислуживали за столом. Они же бросали нам цветы. Они же, с пожилыми дамами и с нами, танцевали коло, медленный сербский танец извивающейся людской гирлянды.

* * *

— Надо было фрак надеть, конечно, фрак! Я это и дома чувствовал!

Василий Иванович говорил грустно, точно сделал большой и решающий промах. Седые его бакены, придающие ему вид министра старого режима, тоже грустно подрагивали. Нельзя сказать, чтобы машина наша шла покойно. Лил дождь. Мы катили в полной тьме, изборожденной золотыми пятнами фонарей, в окрестностях Белграда. Непрерывные струйки вились по стеклам, отсверкивая золотом. Так как дорогу почти всюду чинили, приходилось делать объезды. Мы месили грязь каких-то проселков — потому и потряхивало нас и подрагивали бакены Немировича.

— Долго еще ехать? — спросил он.— Бог знает, куда мы заедем! Смотрите, все тьма да тьма, мы никуда не доберемся!

Этот удивительный по бодрости человек был невесело нынче настроен. Да и бурная ночь, дождь, ветер не радовали.

Немировича-Данченко я знаю сорок лет. Он обедал у нас, когда я читал еще «Задушевное Слово», Купера и рассказы для детей самого Василия Ивановича. В большой зале людиновского дома меня представляли ему, я его благодарил (по наущению родителей) за какие-то его произведения.

Мне было очень страшно, я видел первого в жизни писателя. Он покровительственно потрепал меня по щеке и назвал «юношей» (чего я терпеть не мог). Таковы детские воспоминания.

А теперь, в дождливую белградскую ночь, в этом отличном автомобиле, он казался мне не то дедушкой, не то приятелем покойного отца: отзвуком милого и ушедшего мира.

— Василий Иванович, помните в Людиново, мальцовские заводы, моего отца, меня ребенком...

— Как же, как же, очень хорошо...

Наша вторая встреча была на Пьяцетте в Венеции, через двадцать лет после первой. Василий Иванович жил на Лидо в «Эксцельсиоре». Он и эту встречу вспомнил отлично.

— И еще пошли ужинать с Первухиным, пили асти, как же не помнить.

— Вот вам и жизнь. Ну, думали ли вы тогда в Людинове, что через двадцать лет мы встретимся на Пьяцетте, а через сорок, изгнанниками, будем в дождливую ночь катить на банкет министра иностранных дел Югославии?

Василий Иваныч покачал головой.

— Да, удивительно...

Мы куда-то еще повернули, сразу оказались перед зданием, залитым белым светом. Былое сразу ушло. Вот наша цель, наша

судьба! Гвардейское офицерское собрание в окрестностях столицы, где г. Шуменкович дает обед.

Как и в королевском дворце, здесь все военные. Великолепные молодцы, отдающие честь у входа, такие же молодцы, из-под ливрей которых глядит гвардейская выправка, забирают наши пальто и шляпы. Много элегантных офицеров. Вестибюль уже гудит толпой, очень блестящей. Тут сразу чувствуешь многоопытность Василия Иваныча: в смокингах чуть ли не мы одни — остальное все фраки. Ордена, ленты, мундиры, дамские бальные платья.

Великолепный белый зал. В глубине, за колоннами и пышной драпировкой, огромный конный портрет короля Александра. Справа эстрада — сцена с оркестром.

Послы союзных держав, дипломатический корпус, военные, дамы — все первый сорт. Наш В. Н. Штрандман представляет Россию.

Я люблю свет. Белая зала так была им полна, вся сияла и блестела, свет сверкал в сервировке, хрустале, золоте люстр, матово белел в снегоподобных скатертях. Может быть, резкая противоположность мраку, в котором мы ехали? К этому свету и мажору шла музыка, неустанно гремевшая сзади. А особенно шли молодцы-лакеи. Появление каждого нового блюда радовало, как хороший театр: тридцать, сорок красавцев выносились откуда-то из недр, как по дирижерской палочке. С точностью строевого учения занимали районы столов — подавали. Легкая, бодрая в оживленности своей работа!

Нарядный, самый блестящий из всех банкет.

* * *

...На паперти русской церкви тронул меня за плечо бедно одетый человек. Не сразу я узнал бывшего генерала. Я был юнкером Александровского училища. Он занимал большое место в штабе округа, катал меня по Москве в своем автомобиле. Его брат, тоже генерал, мой товарищ по гимназии, тоже приезжал навещать меня на Знаменку, и вначале я не знал, как с ним держаться: «генерал» он для меня или «Володя»? (Но он просто обнял меня и расцеловал.)

А уж революция начиналась. И разнесла нас по разным концам света. Вот и встретились мы на паперти, ну, тут все равны, не будут считать ни генералов, ни солдат. Перекроены судьбы. Встретились мы на паперти, может быть, и еще встретимся — он будет снова генералом, а я... кем еще?

Храм небольшой, в духе древненовгородского зодчества. Строили русские, помогали сербы. Стоит на окраине, близ

кладбища, и вокруг начинают расти русские домики. Отличное пение, тот порядок и стройность службы, какие бывают у любящих свое дело. Это ведь всюду в эмиграции. Кто сам строит церковь, собирает на нее и уголок души туда кладет, у того плохо не выйдет...

Внутри церкви знамена... Старые русские знамена, старая наша слава. Некоторые поистлели. Есть пробитые пулями, у иных бахрома висит. Они так расположены, полукружием, что как бы осеняют сердце церкви, молящихся, или... может быть, самую Родину?

Они вывезены Белой Армией.

* * *

Ушла старая Россия. Грядет новая. Не станем мечтать о воскрешении умершего. «В рассеянии сущие», о ком молится церковь, вот мы, народ бездомный и бесправный, новый Израиль русский — в бедах и превратностях да будет обращен наш взор к России будущей. Мы благоговейно чтим великое России прошлой, и мы сердце, ум, душу, да устремим к грядущему. Верим, что теперешняя Россия выздоровеет. В любви к ней почерпнем силы, и ежели сбережем душу, то, быть может, постучим в указанный день в родную дверь.

ТРЕТЬЯ

Небольшой городок у румынской границы, с тихими улицами, садами, напоминающими Кишинев времен Пушкина. Дома одноэтажные, с высокими крышами, как в Бессарабии. На окнах кое-где стеклянные выступы с цветами. Оттуда можно видеть, кто идет по твоему собственному тротуару. Окаймление пейзажа — невысокие горы, довольно мягкие, слегка синеющие. У подножия их фермы, церкви, кипарисы. Это уже Румыния. А за нею не так далеко и Россия.

Россия, впрочем, и в самой Белой Церкви, очень густая, отстоенная. Она осела вокруг двух заведений: кадетского корпуса и института.

На окраине городка старые австрийские казармы. Перед ними плац, дальше мирное поле. В огромных коридорах, дортуарах, классах обучается и возрастает русское юношество, под началом русских офицеров, русских генералов. Странно, грустно-радостно видеть здесь золотые погоны с разводами, звездочками; офицерскую русскую форму, кадетские бескозырки, давно не слышанные команды. Корпус живет замкнутой жизнью, полной труда, ученья, всяческих упражнений. В военном училище всегда есть

прохлада. Все несколько подтянуто, спокойно-сдержанно, выправленно. Военные привыкли к ритму. Они хорошо ходят, хорошо стоят. Мне очень нравилась суховатость и легкость тела даже у старых генералов.

В общем похоже на монастырь. Жизнь идет «по уставу». Она однообразна, чиста, питается традицией и глубоко уединенна. Вся основана на прежней России, в ней есть чинность и дух меланхолического джентльменства... Оттенок грусти в том, что люди живут на острове, в дружественной, но не своей стране, и носят форму, которой уже нигде нет. Из огромных окон видны румынские горы.

Но о России мало знают здесь, о ней вести идут через Париж.

Что же, это изгнаннический остров. Никому не сладко и не радостно изгнание. Во все времена глядели бездомные в ту сторону горизонта, где Родина, и всегда мечтали, надеялись. Так и здесь. За науками и упражнениями томление по России. С этим ничего не поделаешь. Но учат молодежь так же, как и нас учили, вещам бесспорным, в духе спокойствия, выдержки, порядка, что для будущей России — а ее увидит, конечно, эта молодежь — необходимо. Не вечно смотреть за чужие горы. Настанет время, да и недалеко уж оно, когда это юное племя двинется в родные края.

Женский институт в центре города. Помещается в отличном старинном доме, типа барского особняка. То, что это не казарма, дает большую уютность жизни — да и вообще женский стиль мягче. Нет трубы, команд, маршировок. Но, как и в корпусе, все полно молодостью, бродящей и зацветающей. Эпоха вносит сюда свой оттенок: и в этом институте, и в другом, который я видел в Новом Бечее, воспитательницы ведутся в духе «практического идеализма», то есть отлично знают, что, кроме наук и искусств, существует и жизнь. Кроме Пушкина и Тургенева — каждодневный труд (потому и умеют шить, штопать, хозяйничать).

Оканчивая свою школу, молодежь попадает в Белград. Сербское правительство дает ей довольно много стипендий. Есть в Белграде и общежитие. Кадеты выходят частью в сербскую армию, частью в технические училища. Институтки — в Университет (и дальше учительницами, медиками и т. д.).

В Новом Бечее большинство учениц старшего класса заявило мне, что идут на филологический. Я сказал, что это дорога нелегкая. Мне ответили, с отличным молодым задором: пусть трудная, зато интересная.

Я провел в Белой Церкви странный и очень значительный

для себя день — никогда мне не приходилось столько выступать. Я читал трижды — у кадетов, институток и вечером в русской колонии. Целый день пред глазами были молодые глаза, полные аудитории, та тишина и то внимание, которые возбуждают.

То ощущение *впитывания* слов, *нужности* их, которое бывает редко. Это счел я силой молодости, энтузиазма. Эта сила и меня поддерживала, и меня несла в нервном подъеме. Я говорил юношам о св. Сергии Радонежском, об истории и пути России, нашем месте в ней. Девушкам читал Тургенева с комментариями на современность, говорил о немеркнущем облике женщины, русской, о любви «с черемухой» и «без черемухи», кое-что и о России теперешней, sine ira[1], в духе осведомительном.

Надо прямо сказать: таких аудиторий мало. Покойный Ю. И. Айхенвальд знал их, конечно, в России. Я не знал. Встретил впервые в глухом углу Сербии.

* * *

Единственно, что вспоминаю с неловкостью в милом путешествии — это ужас, который мы нагоняли на детей нежданным появлением на уроках. Кто позабыл то ощущение холода, близкого к смерти, когда вдруг отворяются двери класса и впереди директора входит сумрачный старик, попечитель округа — Петров же II-й устраивает в это время у доски накрестлежащие углы, и на задних партах дремлют, подзубривают уроки или пишут письма?

Мальчик-кадет с остекленевшими глазами, дежурный, отрапортовал мне, что налицо в классе столько-то, и никаких происшествий не случилось. Потом начались алгебраические комбинации на доске. Военные люди в волнении все же собой владеют, как и полагается военным. Все-таки являешься нарушителем их жизни, выходишь с чувством смущения и вины. Особенно было оно остро в институте, после десятилетней косицы в передничке, внезапно захваченной на пассатах и муссонах. Ее взгляды по этому вопросу были, я думаю, и вообще довольно смутны. С нашим же появлением (во главе с начальницей института, инспектором классов и др.), косица могла только жалобно шептать:

— Они приносят влагу... Пассаты осаждают влагу... Муссоны... муссоны...

И, вероятно, считала себя погибшей. (Вполне напрасно. Многие взрослые дамы, в Париже, совсем не знают ничего о муссонах, да и я сам не вполне уверенно считаю, что они что-то где-то осаждают.)

---

[1] без гнева *(лат.)*.

За то, что тревожил собою детей, что невольно играл роль Исаенкова, приношу извинение бескозырным кадетам и робким косицам в передничках.

Учиться же все-таки надо. Истина из прописей... ну, что поделаешь.

* * *

Итак, за двухдневное путешествие в глушь я перевидал море юношей, барышень, детей, десятки учителей и руководителей, расписался в бесчисленных девических альбомах, пожал сотни рук, был гостем ген. Промитова и г-ж Духониной и Неклюдовой, видал Россию юную и Россию, прошедшую крестный путь, но не сдавшуюся. И корпус, и институты уходили из России в страшное время, из-под наседавшего врага. Сербия приютила их. В бедах, странствиях отступления они вывезли с собою, как икону,— в сердце Родину. В сущности, Русь, с начертанным на ней Христовым именем — единственное их достояние неотъемлемое. Но разве этого мало!

Не так легка, не так душевно-радужна жизнь этой молодежи. Ей свойственны и настроения горечи, иногда уныния. Юность вообще трудное время. Юность в изгнании — особенно. Ну, что же, надо надеяться на горячее русское сердце, в котором перекипит слабость. Нельзя жить не надеясь, не веря. Для этой славной молодежи — столько в будущем возможностей! Она живет в неплохих условиях, ее учат, ведут люди опытные и достойные. Нечего ей отгораживаться или пугаться изменений жизни: не весь мир, конечно, заключен в стенах Белой Церкви или Нового Бечея. Мир огромен, сложен. Он — в движении. Во многом меняется, не та уж и Родина. Но и Родина, и вообще мир *нуждаются* в тех, кто воспитан на основной Истине: как бы жизнь ни менялась по внешности, люди духовно-светлые, просвещенные, чистые всюду необходимы. О, как нуждается в них именно Россия!

Та отличная, живая, легко воспламеняющаяся юность, какую видел я в Сербии, да выйдет в жизнь достойною русского имени. Если общение с ней оживляет и молодит, значит, какие же силы заложены в ней!

КРЕСТ

Восемь лет назад выезжали мы из России... Двадцать второй год, первый после нэпа. Стали открываться магазины, появились рестораны, частная торговля, частные издатели — могло казаться, что вот приоткрылось что-то, кончилась революция, наступает «жизнь», «быт». На границе бросила моя дочь, тогда маленькая девочка, на родную землю букетик фиалок. Самая умная из нас — не верила, что скоро вернемся. Мы же, взрослые, все надеялись, пройдет год, два, здравое одолеет, что-то перекипит, и отдохнув, оправившись за границей, мы вернемся на родину для жизни, для работы новой — тяжкой, конечно, но нужной.

И вот годы шли. Берлин, Италия, Париж — уже в Париже стало ясно, как далека родина. Уже в Париже видели мы торжество наших врагов — засели они на Гренель и самые «интеллигентнейшие», самые «передовые» целовались с ними. Человеческая глупость, подлость и продажность мило расцветали. Земля же родная орошалась, все по-прежнему обливалась кровью: на щедро утучненную почву пали девочкины цветочки!

Годы долгой, крестной муки российской — вот подходят они к пределам. Что такое произошло с татарами? Чувствуют они свою близкую гибель? Последние судороги? Или — чувствуют безнаказанность, торгашескую тишину Европы? «Все сойдет!» Мир — пустыня. «Нет истины, все позволено».

Ну, что же, закроем сотни церквей. Будем расстреливать священников — отправим на мученическую смерть батюшку Колерова со всем приходским советом. Засадим в Соловки и Сибирь епископов — и того удивительного старика, что у Ледовитого океана, в простой избе ежедневно совершает литургию о всех и вся, у ледяных волн в светлом веселии молится за Россию. Ничего, будем сжигать иконы, снимать колокола, запрещать звон в Москве, взрывать Симонов монастырь — в 1933 году не останется у нас религии.

Будем резать детей в Трехречье, выселять «кулаков», отправляя их в дальние края на голодную смерть — кулаков пять миллионов — извести их надо постараться, требует времени. Поздно ночью проезжал я в Москве раз мимо чеки. Старичок извозчик вез меня. «Ну, как,— сказал я,— по ночам небось стараются?» «Известное дело,— ответил он с простотою и равнодушием гомеровскими,—работы много, ране как к пяти, к шести никак не управиться». Теперь, может быть, седобородый мой олимпиец на своей шкуре узнал в деревне, как много хлопот, как трудно до зари «управиться». Что же, время найдется. Друзья Макдональды и Блюмы поддержат, «на западном фронте без перемен». Будем расстреливать в день по пяти человек, это немного, конечно — не способ «управиться», но остальных разорим, переморим и «переплавим», так, чтоб из кулака выплавить, скажем, Яновича. Пусть Милюков с Керенским читают доклады парламентариям о нашем терроре: все это правильно, но ни к чему. Всюду у нас есть свои, хорошо закупленные, наши гости на банкетах в Гренель, у нас все поставлено, все предусмотрено: постановят «изучить положение» в России, уж десять лет изучают, а наше дело тем временем вольное.

* * *

На Кресте наша Родина, что говорить: распинают ее, на наших глазах распинают, что ни день, глубже вбивают гвозди. Не снегами занесло, страшная, клубящаяся туча, с дьявольским заданием: в пять лет все «дезинфицировать», все уничтожить, выморить более крепкое крестьянство, извести интеллигенцию, мораль, религию — голого дикаря посадить на престол славы.

Только уж мало становится и самой русской земли. Хорошо бы забраться и под голубой воздух Франции, и в старинно-джентльменскую Англию.

«Голубой воздух Франции!» — воздух свободы и культурной жизни, человеческой, а не дикарской. Иду в голубом этом воздухе, чудесным утром по Булонскому лесу, и дышу им, глаз любуется синеющей дымкой Мон Валерьяна, а сердце тяжело, вспухло сердце, как говорят итальянцы про бурное море: «mar grosso». В каждом автомобиле точно бы «те»: ложный ажан, недели стоявший на перекрестке, где ему вовсе не полагается стоять, дама в бежевом, бритый господин лет пятидесяти пяти. О, всех Яновичей не переберешь! Не опросишь всех дам и барышень в бежевом (цвет как раз модный).

Сейчас страдные дни для нас, русских. На какое ни гляди небо, на какие каштаны, озера — облик Креста заслоняет все. Он дан нам теперь здесь просто, зрительно: человек с черной

бородой, которого на днях еще встречали в церкви, сильный, крепкий, упорный — ныне принял этот Крест, за Россию и за нас всех. В хмурый вечер, сырой и туманный, был я на молебне в церкви Галлиполийцев на рю Мадемуазель. Вот уж где нет «туалетов». Шоферы, рабочие, барышни, дамы в потертых пальтишках, странники русские, тело и душа России страждущей, все мы без завтрашнего дня, без текущих счетов,— мы стояли и молились «о здравии воина Александра», и надо верить, и надо молиться, сколько бы ни было сердце «mar grosso». «Слышишь ли меня, батько?» — отвечал Остап. «Слышу, сынку!» — отвечал Тарас Бульба. Было ощущение: да поддержит ток добра, из Церкви излучавшегося, «воина Александра» в горчайшие, может быть, самые грозные минуты его. Если же жизни физической, страшного марева, в котором бьемся, уже для него нет, то в ином, верим, светлейшем, чем наш, мире да сольются наши чувства, в таинственных излучениях своих, с его душою.

Я почти не знал лично Кутепова — раза два-три приходилось здороваться. В церкви Галлиполийцев видел супругу его — Л. Д. Кутепову — Голгофу живую. И теперь все это стало своим, как бы родным. Мне не важно знать, такой или этакий был Кутепов, сколько у него врагов, сколько друзей. Сейчас он — знамя мученичества, знамя России распинаемой, он не может, не может не быть своим каждому русскому, каких бы взглядов тот ни был. Горе сближает, но и проводит грань. Кто *с тобой* чувствует, тот свой. Кто против тебя, от того отойду. Пусть он отличнее, он уж не *мой.*

* * *

— Ну и что же дальше? — спрашивает некто. — Что делать с этой общностью чувств? Вообще: что делать, чего ждать?

— Делать... все то же, что делали. Шофер возит, рабочий работает, писатель пишет. Кто в состоянии — помогает следствию. Все — дают что-то, какой-то обол на ведение розысков. И главное — все сдерживаются, все на высоте спокойствия и силы. Сила и здоровье. Вот чем завоевывается жизнь.

А дальше идет вера. В силе — ждать. Не вечно так будет. Из скопившегося может грянуть такой гром, такая молния, что зашатается сатанинский престол. Когда это будет — не знаем. Но нас этот час должен застать бодрствующими, не расслабленными и не падшими.

Кутепову дан Крест тягчайший. У каждого из нас есть свой, меньше и больше, но отказываться от него нельзя — а друг друга поддерживать и ободрять, живить — необходимо.

У КОРОЛЯ

Осень 1928 года оказалась праздником для нас: съезд в Белграде, «слет» литераторов русских со всего зарубежья, под покровительством и при благословенной поддержке покойного короля Александра. Кто побывал тогда в югославской столице, сохранит благодарную память о днях светлых, торжественных, о внимании, ласке, оказанной нам. Но и глубокая горечь напитывает теперь эти воспоминания: так ясно видишь короля Александра и так невозвратно ушел он!

* * *

...Завтрак во дворце. Мы собрались в гостиной, вышла королева. По очереди нас представляли ей, мы целовали ее руку — несколько застенчиво подавала она ее нам. А потом двинулись к столу. Кроме русских писателей, несколько сербских профессоров, городской голова Белграда. Король сидел против королевы, а за ее креслом «телохранитель»: высокий и стройный худощавый старик в национальном костюме, с белыми усами, пистолетом за поясом и кинжалом. Как ястреб, поводил сухенькою головкой. Готов мгновенно взлететь, впиться в каждого, кто *осмелился бы...*

Но кругом сидели люди почтительные, уже покоренные и обвороженные. Завтрак протекал ровно, в том воздухе приветливости и дружелюбия, который еще больше ценишь, когда его уже нет.

После завтрака вновь перешли в гостиную. Помню ребяческое желание: попросить короля сделать надпись на открытке с его портретом — он был снят в профиль, вышел очень молодым, почти юным, чистым, свежим. Романтический принц с некиим соколиным оттенком. Под этим югославским соколом хотелось

видеть подпись собственноручную. Но... попросить все же не решился. И теперь жалею.

Разговаривали о России, русской жизни, характере бытия нашего в эмиграции. Люди королю малознакомые, говорить с ними приходится во второй раз в жизни. Это не так легко. Но глядя на острый профиль, на внимательные глаза хозяина, сразу можно было понять, что и опыт, и знание жизни у него огромны, и с каждым он умеет обойтись так, как его чувствует.

При спокойствии, приветливости и воля огромна. Он мило и просто улыбается, разговаривая с Куприным, и вот он здесь «интеллигентный» хозяин среди литераторов, но через час с иною внимательностью будет разговаривать с министром иностранных дел, а завтра привычно сядет на коня, не как собеседник литераторов, а как вождь, и этой самой сухощавой рукой двинет войска куда надо, а войска пойдут умирать и побеждать, как надо.

В небольшой же гостиной белградского дворца он общением своим, вниманием и участием нас подбодрял, как бы говорил: «Да, все так случилось, а не иначе, но вот и в тяжкие времена не все из сильных мира сего отвернулись от вас и от России».

Это, конечно, так и было. Худеньким, милым мальчиком, каким показывает нам его фотография, жил он и учился в Петербурге. Кто знал Россию, тот ее уже не забывает! А у кого сердце благородное — тем больше. В горькие времена России мальчик, ставши знаменитым королем, России не забыл. Верным другом и покровителем остался.

Около трех мы поднялись. Король нас провожал, весело что-то говорил с Куприным о папиросах, понравившихся тому. У подъезда стояли автомобили, офицеры держали под козырек. С нами спускался и провожал до машины тот старик-черногорец, что стоял за креслом королевы. Осеннее солнце, ветер, седые усы черногорца, его высокий, худощавый стан так и стоят в глазах.

Вечером в наш отель прислали из дворца огромный пакет папирос для Куприна — в коробках с королевской короной.

* * *

...Никогда уже не пожмешь руку короля Александра. Горестна была для русских осень 1934 года — не то, что тогда в Белграде!

Каждому человеку дан в жизни крест — так или иначе он его несет. Был он и у короля Александра — огромный, тяжкий крест борьбы за родину, управления ею, творчества государствен-

ного. Нес он его, как и жил — с мужеством, верой. Теперь от креста освобожден. Стяжал венец мученический. В судьбе своей повторяет он давнее: за благо, делаемое миру, платит мир злом. «Я иду против мира, и мир идет против меня».

...Над телом короля рыдал в Марселе старик — быть может, в том же национальном костюме, как видели мы его за креслом королевы. Стоял бы на запятках экипажа — обогнал бы пулю убийцы, в горло бы вцепился, не дал бы в обиду своего сокола.

ДНИ
<О ВАЛААМЕ>

Знаменитый Валаамский
монастырь подвергся
неоднократным бомбардировкам
советских летчиков.

Из газет

БЫЛОЕ

В 1611 году шведский отряд, отплыв, вероятно, из Сердоболя, пересекши часть Ладожского озера, высадился на Валааме. Очевидно, плыли мимо того же Никольского скита, которым и теперь любуешься с палубы подходящего к Валааму «Сергия». Такой же зеркальный был пролив, такие же леса сосновые, граниты, мхи. Но шведы мало этим интересовались. Высаживались ведь здесь не «поклонники».

Монахи, видимо, ожидали их. И свои меры приняли. На парусных ладьях вовремя вывезли что могли — древние иконы, кресты, ризы, колокола и монастырскую казну. Но не все уехали. Игумен Макарий и часть братии на острове остались. Остались и глубоко в землю закопанные мощи свв. Сергия и Германа, основателей монастыря (XIV век).

Мощи не так шведов прельщали. Драгоценности, ризы, золото — более. Этого-то как раз не оказалось. Можно думать, что у игумена Макария и других иноков требовали выдачи «сокровищ». Весьма вероятно, что мучили. И во всяком случае (ничего не добившись) — убили. Макарий и оставшиеся «удостоились венцов мученических».

Уехавшие также не предали своего Валаама. Перебрались в новгородские, псковские монастыри. Расставаться не хотели — были связаны таинственными узами монашеского братства: удалились в Старую Ладогу. Нельзя сказать, чтобы на радость. Шведы разорили и Ладогу, что можно пограбили, многих из них перебили. Монахи ушли в Тихвинскую Успенскую обитель.

На Тихвинскую напали поляки. Тоже ушли не с пустыми руками. Но валаамцы были упорны и не без ловкости: часть достояния монастырского сохранили. Скитания же их продолжались. Новгородский митрополит Исидор назначил им «для жительства» Антониев Дымский монастырь. Старцы дымские оказались негостеприимны — пришлось и оттуда уйти.

В 1618 г. их устроили, наконец, в запущенном Ладожском Васильевском монастыре. Он находился в полном упадке — жили в нем всего три сторожа (служки), «оберегая св. место от совершенного исчезновения из памяти людской».

Несмотря на шведов и поляков, валаамцы сохранили кое-что из «казны». Это позволило им обстроить убогую Васильевскую обитель и обосноваться там прочно.

И устроились, и связь с Валаамом не прервали. Вернее даже сказать: весь Валаам перенесли сюда, за исключением мощей свв. Сергия и Германа, оставшихся на острове. Годы шли. Монахи умирали, на их место в Васильевском монастыре новые появлялись, тоже старились и умирали, но все, и старые и молодые, считали себя иноками Валаамского монастыря. Васильевский — это только убежище. Знамя — Валаам. Вот в половине XVII в. известен в Васильевском монастыре *строитель Евфимий*. Он обитель обстраивал, боролся с каким-то юрьевским архимандритом Нифонтом, увезшим силою пять Валаамских колоколов из Васильевского монастыря. Но и вся братия и этот Евфимий не считали себя «васильевцами». Они валаамцы. О Валааме только и думают, туда возвратиться жаждут. Время их косит, они же все веруют.

Сто лет просидели так, веруя и надеясь. Старшие передавали, уходя из жизни, надежду младшим. Младшие, становясь зрелыми — более молодым.

И дождались. В 1715 г. Петр I, по каким-то соображениям, разумеется, не религиозным, решил вновь открыть Валаамский монастырь. (Чтобы досадить шведам, которых не так-то уж обожал?) Все это шло неторопливо, но шло: в 1717 году, в марте месяце «на одиннадцати лошадях» была прислана на Валаам церковная утварь. Новая жизнь началась.

От прежних монастырских строений ничего не осталось. Но и от столетнего пребывания шведов тоже ничего. Строили монастырь заново, но валаамцы имели пред шведами одно преимущество, очень важное. Шведы разграбили, поубивали и просто себе поселились, как разбойники, ставшие обывателями. У валаамцев была «идея». На острове их, глубоко зарытые, хранились мощи свв. Сергия и Германа. Валаам жил своей святыней. В нужный час был снова ею собран. И на двести лет стал одной из слав России.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЕК

Эпоха Александра I — расцвет Валаама. Игумен Назарий (конец XVIII в.), выученик Сарова, необычайно поднял и укрепил Валаам: считается его духовным создателем в новое время. При игум. Иннокентии, в 1819 г., Александр смиренно побывал на Валааме, поклонился схимонаху Николаю в его убогой келейке, съел его пустынническую репку. Победив Наполеона, поцеловал на прощанье руку нищего старичка. Позже приезжал туда Александр II, посещали монастырь великие князья, министры, сановники. Это из сильных мира. Но шла и простая Русь — купцы, мещане, крестьяне: Валаам очень прославился высотою, чистотою и строгостью жизни. Трудами, подвигом создан, подвижнический и дух имел.

Вторая половина века наполнена на Валааме неутомимой, могучей фигурой игумена Дамаскина: иногда паломнику кажется, что все вообще здесь сделано Дамаскиным. «Кто строил эту церковь?»—«Игумен Дамаскин». Этот скит— тоже Дамаскин. Дорогу — Дамаскин. Он и мосты чинил, и фермы создавал, сады, нивы — все Дамаскин — сын тверского крестьянина, сорок лет на Валааме трудившийся в сане игумена, «а всего жития его на Валааме 62 года» (умер 86-ти лет). Крепкими, суровыми чертами, обликом стихийной силы в небольших глазах, крупном носе, мощной бороде глядит он с портрета художника Иордана. Это как бы афонский Афанасий Великий на Валааме, строитель и деятель — посох его должен быть железным.

ТЕПЕРЬ

Отойдя после революции к Финляндии, Валаам вполне сохранился таким, каким создали его Назарий и Дамаскин. Тем, кому довелось побывать на нем, знают, как неистребимо вселяется он в сердце — наш северный Афон, но еще более родной, ибо более русский и по природе, складу жизни, и по обитателям.

Летом 1935 года в скитах Валаама, его храмах, на проливах острова, на глади Ладоги, на пустынных лесных дорогах, полных невыразимой красоты и поэзии, пред маленькими часовнями, разбросанными в глуши, пред соснами, скалами, водами святых мест казалось: Боже, что за мир, тишина, прелесть! Смиренная уединенная жизнь, возвышенные души. Господь как бы рядом... Вот весь мир задыхается в борьбе, крови, насилии, а здесь благоухание сосен, белка, стрекнувшая по дереву, зайчик, златистое предзакатное облако, далекий гул колокола: тысячепудовый колокол Преображенского собора!

Так оно, разумеется, и было. Именно — было.

Александр Благословенный, мистик Назарий, строитель Дамаскин — один век. Но страдания Валаама при шведах — это другое. Стрелка Истории вдруг повернулась, на наших глазах, на три века назад. Да, тогда было Смутное время. И шведы и поляки воспользовались им, чтобы громить Россию, ее Троице-Сергиевскую Лавру, Валаам и пр. Смутное время и сейчас. Над Валаамом, позже чем над остальной Россией, пронесся тот же дух разрушения: но пронесся!

Нынче не шведы и не поляки губят монастырь, а русские. Целую неделю летали над островом, как только погода позволяла, советские бомбовозы и громили что можно: храмы, скиты, келии. Несколько монахов погибло уже под развалинами зданий, другие убиты бомбами. Вероятно, и пулеметы действовали удачно.

Еще этим летом через друзей дошли с Валаама вести, что монастырь собирается «спрятать своих старичков» — или даже «спрятал». Вероятно, это касалось особенно древних и слабых иноков (их на Валааме достаточно). Куда их укрыли? И укрыли ли — неизвестно. Не знаем и того, не отправлены ли в верные места на материке и другие, с ценными священными предметами: ведь советская граница (по Ладожскому озеру) от Валаама в 15—20 верстах. Соблазн пограбить при удачном случае велик.

Сейчас известно другое: с началом войны и бомбардировок ведущая часть иночества решила остаться. Бомбы бомбами, а богослужение идет, жизнь протекает монастырским размеренным вековым ходом. По газетным сведениям Спасо-Преображенский собор[1] разрушен. Он вмещал тысячу человек. Колокольня его белела за двадцать верст с Ладоги. Цель для воздушных разбойников привлекательная, тем более, что собор окружен четырехугольником старинных, основательных, с высоты видных как на плане зданий.

Точных размеров разрушений мы пока не знаем. Но какой бы храм ни был уничтожен, монахи будут по-прежнему ходить — в другую церковь или в сарай, где будет антиминс — в три часа ночи к утрене, в пять к ранней обедне, а потом к поздней. Дисциплина, спокойствие — основные черты монашеские. Чувство традиции, величие и вечность истины христианской еще более укрепляют все это. Радостно думать, что те «отцы», которых приходилось видеть и в церкви, и в скитах, и в лесах, и на монастырских суденышках, показывают теперь пример мужественной, героически-спокойной защиты своего мира. Пусть нас взрывают и расстреливают, мы разделяем судьбу корабля нашего, плывущего в вечность. Не со вчерашнего дня мы научены этому. Три века назад игумен Макарий и сотоварищи его погибли «от шведов» рядом с мощами свв. Сергия и Германа.

[1] Главный храм монастыря. *(Примеч. Б. К. Зайцева)*

Что же, пусть в век «культуры» и «социального прогресса» игумен Харитон сложит голову свою от советской пули. Игумен Валаамского монастыря не может поклониться хаму. Валаамский монастырь легко можно обратить в развалины, стариков-монахов, безоружных и невоинственных, очень легко перебить и замучить, нельзя только угасить тот дух, которому они служат. Да и судьба самой обители неизвестна. Если есть преданность и любовь, то и в карельских лесах можно сохранить унесенное из разоряемого дома. Уходили от шведов, может быть, уйдут и от «русских». Ведь и сама Россия пронизана тайным бродячим священством, нищими служителями нищей религии. Первохристианство возвращается. Сейчас время не пышных соборов и архиерейских карет, а катакомбных подвижников, бесстрашных, безвестных и бессребренных. Современные варвары очищают и укрепляют религию — их трагедия в том, что они (косвенно) служат делу своих противников.

Для «противников» же широко открыт путь мученичества: некая часть человечества будто на него призывается.

. . . .

Незачем говорить, с *каким* чувством вспоминаешь сейчас Валаам. «Убито несколько монахов» — но для того, кто на Валааме бывает и с обитателями его знаком, это ведь значит: разорван ли в клочья смиренный схимонах Николай на берегу зеркального озерца в Коневском скиту или напоминающий обликом своим Сократа библиотекарь о. Иувиан? Задавлен ли тысячепудовым колоколом, грохнувшим с колокольни, иеромонах Тарасий? Или о. Лука, «хозяин» монастырской гостиницы: погиб ли в своей келии, рядом с комнатой, где четыре года назад провели мы девять лучезарных дней, или он жив?

Не знаем, кто именно на Валааме из земной жизни уже ушел. Верим, что ушли «в духе» Валаама—в достоинстве и спокойном мужестве. Думаем, что для многих оставшихся в живых возможен долгий мученический путь тюрем, концентрационных лагерей или более краткий — пули в затылок. Если возьмут верх красные, то по разграблении острова сам монастырь обратится в концентрационный лагерь. Как в родственные ему Соловки, будут туда гнать вереницы мучимых.

Но исход борьбы еще неизвестен. Одно можно сказать: валаамские старцы являются заступниками за всех нас, русских, и за Россию. Россию, находящуюся сейчас в стихии демонической, позорящую теперь весь мир. Она на скамье подсудимых. Мученичество русского Валаама указывает, что, кроме России Сталина, есть и Святая Русь.

Какое счастье, что друзья наши — среди мучеников, а враги — палачи.

К СОВЕТСКИМ ПИСАТЕЛЯМ

ОБРАЩЕНИЕ ПО РАДИО

Я уехал из Москвы, где провел всю свою молодость, в июне 1922 года — меня выпустили за границу для лечения, после сыпного тифа. Уехал, собственно, не из-за болезни, а потому, что в России писать и печататься стало для меня невозможно.

И вот тридцать лет живу в Париже, как другие сотоварищи мои по литературе. Сказать, что жизнь эмигрантская легка, было бы неверно. Однако, за тридцать лет ни разу я не пожалел, что выехал. Это было необходимо и в судьбе свободного писателя неизбежно. Во сне я и до сих пор иногда вижу флигель в Тульской губернии, вижу мою мать — мне не удалось вывезти ее с собою за границу и она скончалась без меня в России.

Разлюбить Россию я не могу, так же, как не мог бы разлюбить и мать. Да оба эти образа для меня и сливаются, оба во мне и уйти не могут.

Живя вне родины, я могу вольно писать о том, что люблю в ней, о своеобразном складе русской жизни, о русских людях, русских святых, монастырях. О замечательных писателях России. Никто мне не мешает здесь любить то, что люблю, и не любить то, что ненавижу.

Помню, в Германии осенью 22 года мы гуляли раз с давним моим приятелем Алексеем Толстым у моря — он собирался возвращаться в Россию, подбивал и меня, но безуспешно. Сам же вскоре вернулся, добился денег, вилл, собственных автомобилей. Виллы мне не нужны. Бог с ними и с автомобилями! А свой угол есть, есть семья, милостью Божьею пропитание, и я счастлив, что за тридцать лет не пришлось никому кланяться, удалось жить и писать в вольной стране, что и как хочу.

Эмиграция, разумеется, драма: отрыв. Но убиение живой души, насилие над ней есть нечто бесконечно худшее. Так что не только я не завидую тем из собратьев моих в России, кто,

живя много шире, богаче меня, вынужден приспособляться, писать по заказу и гнуть спину перед ничтожествами, но искренне сожалею о судьбе их. Надеюсь, вполне надеюсь, что не всегда так будет.

А пока что шлю вам, собратья по перу, ведомые мне и неведомые, привет — и дай вам Бог лучшей доли!

УХОДЯЩИЕ ПРИХОДЯЩИМ

Ваша юность от нашей весьма и весьма отлична. Мы жили на Родине, вы возрастаете на чужбине. Родина наша была во многом и трогательней, во многом и первобытней теперешней жизни — да и Западная Европа тоже была иная полвека назад.

Мы пережили две войны и революцию, страшное испытание для нас — теперь ясно уж видно, что в самом ужасе ее было нечто и от кары за нашу слишком беспечную и беззаботную жизнь — говорю о средне-высшем, достаточном слое общественном. Да, расплата за многие грехи, которых тогда мы не замечали.

Вы родились, в большинстве, уже в изгнании, совсем в другом воздухе — корни свои, русские, а окружение чужое. В этом своеобразие и трудность. У вас с детства уже два языка — в семье русский, в лицее, университете другой.

Обстановка вашей жизни сложней. Вы подданные нерусского государства и общаетесь с иноземцами, а природа и склад ваш душевный русские. Вы окружены чужим языком, иногда он почти даже побеждает.

Но у вас есть и великие преимущества. Мир шире перед вами открыт, и живете вы в стране высокой культуры. Мы возрастали в своих Калугах, Тулах прочно закупоренные. Москва казалась нам дальним краем, Петербург чуть ли не «заграницей», а Западная Европа просто фантастикой. Приблизительно то же, но по другим причинам и в другой обстановке сейчас с молодежью советской. Единицам, каплям из них удается увидеть Запад или даже услышать о нем кое-что. «Начальство не дозволяет».

Для вас же, русской молодежи здесь, простор почти безмерный. Европа северная, южная, даже ближний азиатский Восток — Сирия, Палестина с Иерусалимом и Гробом Господним — все вам открыто, не говоря уже о Дальнем Западе. Международность юношеских ваших организаций облегчает вам

странствия — почти везде есть родственный, хоть чужеземный, но христианский приют для ваших странствий. Закрыта одна Россия, но, твердо верим, ненадолго! Жизнь удержать полицией нельзя. Просачивание, взаимообщение растет, не удержать его ничем.

И у вас есть еще преимущество пред молодостью нашей: мы росли одиночками, почти без взаимообщения, вдали от Церкви (и она мало шла к нам, слишком была связана с государством).

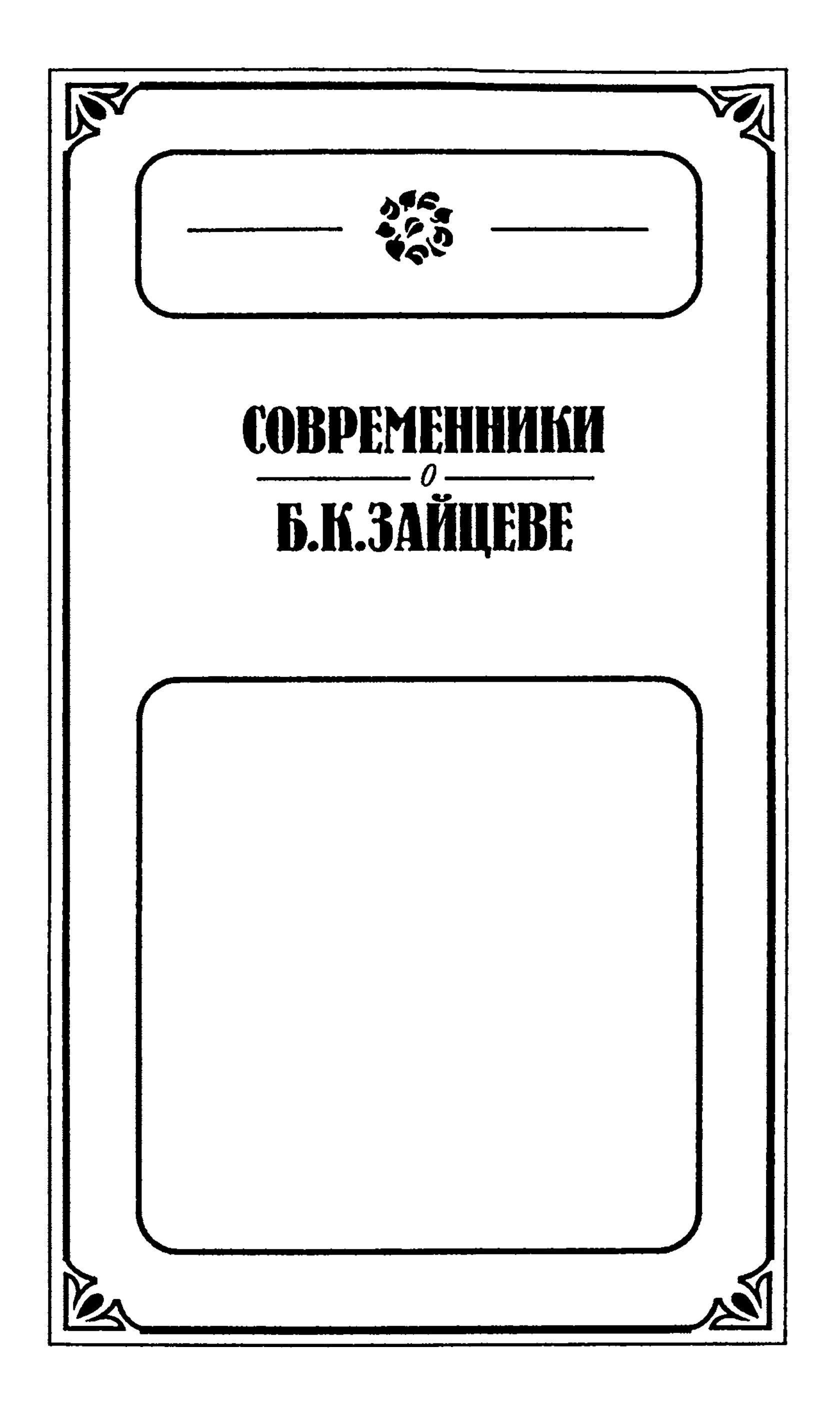
У вас ряд юношеских организаций, в которых живете вы в общении и друг с другом и с Церковью, облик которой и здесь в изгнании, и на Родине, где гонима она — иной, чем у Церкви нашего времени. Ваши юношеские организации оттенками отличаются друг от друга — в одних ударение делается больше на национальном, в других — на православно-церковном. В общем же устремлены они к России, к тому духовному богатству, которое веками накоплялось в ней литературою, искусством и особенно религией, ныне преследуемой, но конечно «врата адовы» не одолеют «ю».

Сейчас вы еще учитесь, воспитываетесь и набираетесь познаний, но с каждым годом больше в жизнь взрослую вступаете. В ней предлежит вам многое. Вполне надеемся, что те страшные, кровавые катастрофы, через которые прошли мы, вам не встретятся уже. Но сама жизнь, с ее радостями, печалями, светом и трагедией, буднями и празднествами вся перед вами.

Мы не увидим уже Родины, но, конечно, никогда ее не забудем, и судьба ее всегда в нашем сердце. Вы, более чем вероятно, ее увидите. На чужой земле или на своей — дай вам Бог оставаться носителями и хранителями света Христова, «единого на потребу». Дай Бог, в единении, здесь ли или там, нести его людям-братьям лучше и больше, чем довелось делать нам. Здесь ли, там ли, внутреннее дело ваше апостольское, миссионерское. Здесь — словом, жизнью и примером прививать Святую Русь иноземцам, прививать с позиций не провинциальной, но вселенской культуры, в духовном ее облике. На просторах российских — в сущности то же самое. Только *своим* и на *своем* языке.

Не забывайте Россию. Идолам ее не поклоняйтесь. Величие ее духовное храните. Само оно будет просвечивать в делах ваших. Страданиям, пережитым Родиной вашей, поклоняйтесь. Мучеников ее не забывайте.

Наши же сердца и помышления всегда будут с вами.

СОВРЕМЕННИКИ
о
Б.К.ЗАЙЦЕВЕ

Владимир Ладыженский

ПОЭТ ДОЛГА И ПРИМИРЕНИЯ

Долго подготовлявшаяся, долгожданная революция, как сеть, внезапно пришла на страну. Все смешалось в кровавой ломке человеческих отношений. Потянулись годы как кошмарный сон, о котором страшно припоминать наяву. Спокойному художественному творчеству не нашлось места среди голода, тасканья поленьев по уплотненным квартирам, стонов казнимых, среди физических и нравственных потоков грязи, заливавших страну. В муках угасал Блок, во славу революции расстрелян Гумилев. В рабьем молчании должно было умолкнуть слово неприемлющих коммунизма. И неприемлющие коммунизма, о, далеко не все, а только те, кому улыбнулась судьба, дали небывалое в истории явление русской эмиграции. Численно ее хватило бы на небольшое европейское государство. В ней все классы общества и все профессии от казака и крестьянина до высшего цвета русской интеллигенции. Судьбе угодно было сохранить в ней если не всех, то наибольшее число известных русских писателей. Эмиграция поистине унесла с собой литературную славу России. И для славы России, тоскуя о ней, продолжают они свое художественное творчество. Радуясь, читает их эмиграция, и с такой же радостью из-под полы читает их лишенная своего исторического имени родина. На чужбине творят они, и на чужбине застигают некоторых из них юбилеи их творчества. Теперь празднуем мы двадцатипятилетний юбилей художественного творчества Б. К. Зайцева.

Четверть века — большой срок для деятельности художника. Красивую и чрезвычайно значительную страницу успел за этот срок вписать Б. К. Зайцев в историю русской литературы. Для критики она надолго доставит обильный материал для разбора эстетизма и путей лирического творчества. Но теперь, когда автор празднует свои художественные именины, хотелось бы поближе подойти к нему, хотелось бы попросту заглянуть в лицо человеческое. Кто же он, своими произведеньями радующий и волнующий современников? Художественное творчество всегда индивидуально, всегда хранит в себе черты своего автора,

и потому наша попытка подойти к нему как к человеку не безнадежна. Вчитайтесь же вдумчиво в сочинения Б. К. Зайцева. Нежные сочетания красок в слове, выбор таких, которые сладко и грустно волнуют душу, западая в нее неотразимо, все это составляет тот узор лирической прозы, свойственный ему одному, тот стиль, про который давно уже сказано, что «стиль — это человек». Так приоткрывается человечески лик автора, и во взоре его светится нежность.

И эта нежность, быть может, особенно нужна и дорога нам, находящимся «в плену мелкой жизни и мелкого стяжательства». Этот плен великолепно расписан и в чеховском и в мопассановском творчестве, обвеянном грустью, и вот теперь прикасается к нему сострадательная нежность. Всякий поэт так же, как и Б. К. Зайцев, скажет нам: «Малая жизнь, ты не Верховная. Не связать тебе путника»,— и будет нас, земных путников, звать к жизни Верховной, перед которой так ничтожна наша суетливая и короткая жизнь. Еще один мотив, мотив примирения, вольет в измученную душу читателя Б. К. Зайцев. Примирение в сравнительно благополучных обстоятельствах жизни среди окружающей красоты Божьей природы было известно и одному из самых мятежных русских поэтов, который сказал:

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе,
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога!

Это среди сравнительно благополучной человеческой жизни. Б. К. Зайцев видел больше, перестрадал больше, и никакие человеческие страдания, свои или чужие, не поколебали в нем примирения и призыва к жизни Верховной.

«Свет Божий состоит из разных сияний: бессмертен он с холма древней Ниццы, с оливковых склонов Грасса, не менее бессмертен в душе скромной и смиренной русской поэтессы, год назад умершей, чьи «Подвальные очерки» мне только что довелось прочесть в рукописи».

«Подвальные очерки» — какой ужас. Такой же или наверное еще больший ужас в том рассказе Б. К. Зайцева («Душа»), где написано: «Вспоминая кровь, должен сдержаться. Это трудно». И все-таки примирение. Возможно ли оно? Пусть сам Б. К. Зайцев ответит, при каких условиях возможно оно, чтобы яснее показать нам свой лик человеческий: «Не позабывай уроков. Будь спокоен, скромен, сдержан. Призывай любовь и кротость, столь безмерно изгнанные, столь поруганные... Слезы же прими. Плачь с плачущими. Замерзай с замерзшими и голодай с голодными. Но не гаси себя и не сдавайся плену мелкой жизни,

мелкого стяжательства, ты, русский, гражданин Арбата» («Улица св. Николая»).

Любовь, кротость, долг, сострадание и горение духа, призыв к жизни Верховной... Пусть Б. К. Зайцев кладет все это в основы своего художественного творчества, теперь мы вплотную подошли к его миросозерцанию, теперь ясен для нас его человеческий лик. Художник не может творить иначе, как с высоты своего идеала, и этот-то идеал мы приветствуем, идеал, зовущий нас к жизни Верховной.

Примирение — в жизни личной, долг — в жизни общественной. Нельзя быть другом палачей и предателей. Тип Кухова в «Золотом узоре» останется заклейменным, но правдивым и предостерегающим укором, а писателю Горькому, выразившему сожаление о смерти одного из величайших палачей, Б. К. Зайцев скажет:

«Грустно одно, что друг палачей грязнит собой русскую литературу. Грустно, что этот недостойный русский литератор является в глазах Европы каким-то претендентом на литературный русский трон, в то время, как не только претендентом, а просто сотоварищем по ремеслу, «рядовым членом ордена литературного России его нельзя уже признать. Нет, русская литература—это не пустяк. Не для того она хранит железный перстень Пушкина, чтобы надевать его на окровавленные руки».

Еще одна черта — отношение художника к литературе, отношение его к творчеству, дополняет для нас человеческий облик художника. Характерен конец обращения к Горькому, где писатель, не смея назвать имени поэтессы, говорит: «Не могу назвать ее по имени. Ваши обидят беззащитных. Она бы вам простила. Я— не могу...».

Примирение — в жизни личной, долг — в жизни общественной. И пусть не во весь рост встал перед нами Б. К. Зайцев в этой короткой заметке. Подойдя ближе к его миросозерцанию, к тому идеалу, с высоты которого творит он, теперь, когда празднует он свой творческий праздник, хочется выразить ему любовь и благодарность. Благодарность за нежное утешение, за зов к жизни Верховной, за зов к долгу и примирению. И еще за одно. Это за то, что во времена, «когда любовь и кротость столь безмерно поруганы», его человеческий облик поддерживает веру в русского человека.

Да, именно в русского. Откройте книжку Б. К. Зайцева, и перед вами заблестят кремлевские купола, зазвонят колокола Арбата, закопошатся московские люди, а за Москвой потянутся, нежной грустью повитые, поля русские...

Привет русскому таланту в день его праздника.

Сергей Яблоновский

БЛАЖЕННЫЙ

Отпразднованный 12 декабря двадцатипятилетний юбилей Бориса Константиновича Зайцева был самым многолюдным и самым торжественным праздником за все годы нашего изгнанничества.

И не только многолюдным и торжественным: был он и внутренне значительнее, ценнее всего прежнего.

Еще за несколько месяцев до праздника выяснилось, что пресса всех лагерей и оттенков относится к нему активно сочувственно: сначала в ней появился целый ряд предварительных заметок, потом — статей, а последние три дня перед юбилеем целые страницы всех русских газет в Париже были отданы статьям о Зайцеве. Были эти статьи и любовны и написаны так, что нельзя было различить, не зная, где статья «Последних Новостей», где «Дней» и где «Возрождения».

Параллельно с этим шла энергичная запись лиц, желающих принять участие в банкете, и многие не смогли попасть за недостатком места.

Еще черта: просто обывателя, который устремляется на подобные праздники иногда с очень почтенными целями, а часто просто чтобы поглазеть, на этот раз почти вовсе не было: все двести с лишним человек, восседавших за столами, почти без исключения, представляли собою нашу литературу, общественность, артистический и художественный мир.

Опять-таки, не помню другого такого полного соединения всех этих элементов.

Один из ораторов объяснил такую полноту признания тем, что Зайцев принадлежит не к холодным художникам, а к чувствительным: что расчувствоваться всякому приятно. Думается, что с такою характеристикой можно спорить. У Зайцева есть мягкость, но как раз нет чувствительности; той, которая так всем по плечу и вызывает сладкие слезы.

Любитель чувствительного, напротив, должен остаться неудовлетворенным Зайцевым: мало «жалких» слов, мало поводов

пролить слезу, недостаточно умильно и сердцещипательно. В этом отношении многие и многие <из> гораздо меньших писателей дадут юбиляру сто очков вперед. Подходит Зайцев к чувствительному месту,— тут бы и разойтись ему, создать целую симфонию; само просится. Читатель предвкушает.

— Наддай! — говорит он.

Но писатель не «наддает»: несколько скупых сдержанных слов, печальная, спокойная улыбка, и пошел дальше, оставив чувствительного читателя неудовлетворенным.

Не удовлетворен должен остаться Зайцевым и читатель, любящий суровость проклятия. Они ли не законны в нашей сорвавшейся со всех основ жизни? Ведь Зайцев к этой жизни вплотную подходит. Косноязычный репортер и тот заставит волосы дыбом встать.

— Наддай! — жаждет читатель, жаждущий ужасов,— но не «наддает» Зайцев: тихи и сдержанны слова его, дымкою высшего, внемирного примирения покрыты его не картины — намеки—на кровь и голод, бесчестие и бесправие. И этот читатель удовлетвориться не может. И для религиозного всепрощения он недостаточно всепрощающ и для спокойствия недостаточно спокоен.

— Знаете что? — я столько же радуюсь тому, что у нас есть очень крупный писатель, Борис Зайцев, как и тому, что наше общество услышало, поняло и оценило Бориса Зайцева. Вмените это ему в большую заслугу,— хотел, но забыл я сказать юбиляру, приветствуя его.

Зайцев ведь пальцем о палец не ударил, чтобы приспособиться, подладиться к читателю.

— Хочешь — бери, не хочешь — не нужно.

В этом отношении он суров и непреклонен.

А в каком отношении он не суров? И не имеется ли большой сложности в его мягкости?

Мягкость — податливость. Из мягкого можно фигурки лепить. А попробуйте слепить что-нибудь из Зайцева.

Тихий он, смирный как будто бы, благостный. Не лицо, а «лик», письма не то Виктора Васнецова, не то Нестерова. Но приглядитесь к строгости ласковых глаз, к резко очерченным линиям лица; прислушайтесь к твердому баску его ясного голоса,— нет, он вовсе не мягкий. Обратитесь к его писательству, в котором он ровесник нашему двадцатому веку: начался этот век революцией литературной. Куда, в какие крайности не бросала она наших писателей?

Мы для новой красоты
Нарушаем все законы,
Преступаем все черты.

Скольким потом и вспомнить стыдно было! Но не нарушил и не преступил Зайцев. Говорил просто, ясно, со взволнованным спокойствием, со спокойною взволнованностью.

Затем — война, революция политическая, «социальная».

Одни перекрасились, другие застонали, третьи прокляли, все шарахались в разные стороны — а Зайцев смотрел, и в лице его — как всегда! — были и ясность, и строгость, и любовь, и печаль, и улыбка.

Сам переносил — все перенес. Другим помогал переносить. Учил без учительства. Мирился. Не с злодейством, не с подлостью, а с жизнью, потому что жизнь для него — подвиг, и когда можно — радость, и — когда надо — Голгофа.

А потом годы разлуки с Россией. Для Зайцева — с Россией. Да кто же глубже, строже, органичнее ее любит?

А он — тот же. Тихий, задумчивый, глубокий.

На самого сильного и активного смотришь и думаешь:

— Силен-то ты силен, а как за тебя поручиться? Во — какие богатыри кряжистые ломались...

За Зайцева этого беспокойства быть не может. Он пройдет жизнь не то по земле, не то над землею, уйдет в свое время и оставит живущим воспоминание о ясном, цельном, тихом, печально-радостном.

Говоря на банкете о его «тихой силе», хотел чуть-чуть спророчествовать, сказать:

— Вот и сейчас: скольких самых сильных взволновало бы до неспособности владеть собою это исключительное торжество, а Борис Константинович останется верным самому себе, найдет в себе «тихую силу» и ответит нам так именно, как хочет ответить.

Зайцев далеко превзошел мое невысказанное пророчество.

Встал, с красными пятнами на щеках — и это был единственный знак его взволнованности. Но заговорил совершенно просто и спокойно; поблагодарил; вдумчиво словно спросил самого себя — является ли сочувственная устремленность к нему силой, которая дает крепость, или это то перехваливание, которое развращает; решил, по-видимому, в первом смысле, но сейчас же и перестал этим интересоваться:

— Что я? Песчинка. (Без всякого жеманства и смирения сказал он это.) Есть большее: есть Россия.

И вот тут-то Зайцев немногими простыми словами загипнотизировал всех:

— Давайте сейчас, на одну минуту, забудем обо всем; все разом прекратим думать и заботиться о другом и сосредоточим все усилия нашей воли и мысли на России. Пошлем ей сейчас нашу душевную радиотелеграмму. Все разом скажем внутри себя свое пожелание ей. Кто какими словами может. Для меня это будут слова: «Господи, помоги России»; для каждого — свои, но давайте сейчас, одну минуту — все вместе.

И остановился. И затихло, и сосредоточилось все, взволнованно, и он держал все наши души, спокойный и серьезный, и через минуту сказал тихо:

— Кончено.

Словно он получил и отправил эту душевную радиотелеграмму.

И этим кончилось чествование.

Большой он русский писатель.

Русский большой писатель — это еще и до сих пор учитель, апостол, блаженный.

А Борис Зайцев — больше, чем другие.

Зинаида Шаховская

Б. К. ЗАЙЦЕВ

Первые редкие встречи до войны с Борисом Константиновичем и Верой Алексеевной бывали у меня или после литургии у церковной ограды, или на премьерах русских пьес и балетов, да еще на писательских балах.

На первый взгляд все тут было другое и даже обратное, чем у Буниных. Там вечно кипящий Иван Алексеевич, а Вера Николаевна образ безмятежности, — у Зайцевых тишина идет от писателя, а Вера Алексеевна вулкан, поток и знаток крепких русских выражений. Но близко я их в те времена не знала и так как-то случилось, что только в начале пятидесятых годов зашла я их навестить.

Жили Зайцевы тогда в Булони, жизнерадостная и подвижная Вера Алексеевна лежала парализованная, Борис Константинович с истинным христианским смирением нес подвиг любви и терпенья. Нечто подвижническое было тогда в нем. Писать же не переставал, и в скромной комнате, где перед иконами сияла лампада, работал он, окруженный книгами и фотографиями. Нужды не было, и дочь, и зять об этом позаботились, но все, что пришлось перенести Борису Константиновичу за эти долгие месяцы, ухаживая за своей некогда веселой, говорливой, пылкой, теперь беспомощной женой, можно себе представить. Ропота не было, была одна покорность воле Божией и верность любви.

Вера Алексеевна умерла вскоре после того, как Зайцевы переехали в прелестный особнячок в Пасси, нанятый позднее Соллогубами. Дом этот стал скоро маяком литературной, да и общественной жизни русского Парижа, цвело в нем истинное московское радушие. Там без конфликтов встречались три поколения. Внуки Бориса Константиновича были, да и остались деятельными в РСХД. Их друзья, друзья их родителей и современники Бориса Константиновича частенько наполняли этот примечательный дом, где Духа не угасали.

Прекрасен был закат честнейшего русского писателя, став-

шего к этому времени патриархом русской литературы, старейшим ее представителем и в Зарубежье, и в СССР, где им все больше интересовались.

Борис Константинович продолжал писать. Писал и в «Русской мысли», длинные отрывки из своих воспоминаний, почти до дня своей кончины. С радостью принимал он у себя приезжих советских писателей — Паустовского и более молодых, ему менее понятных. Председательствовал, и сам выступал, на собраниях писателей и журналистов в зале Русской консерватории, ум оставался ясным, чтение четким. И несмотря на свой преклонный возраст, был чрезвычайно чувствителен к тому, что о нем и о его творчестве писали — слабость, присущая большинству литераторов.

Борис Константинович так себя мыслил «русским», что не без некоторого удовлетворения замечал иногда, что, почти полвека живя во Франции, по-французски так и не говорил. Знал все же достаточно, чтобы переводить такого стилистически трудного писателя, как Флобер, а вот говорить не старался. Конечно, новые формы литературы, новые темы ее остались Зайцеву чужды. И тут, лично моя позиция была затруднительна. Покойный редактор «Р. М.», С. А. Водов, интересуясь эмиграционными делами, политикой и церковными вопросами, к литературе художественной интереса не имея, поручил Борису Константиновичу вести этот отдел в газете. Понятно, продолжал он его вести и когда я стала ее редактором. Так и приходилось мне, вопреки моему суждению, печатать рассказы, а особенно стихи его «протеже» и протаскивать «конфликтно» кое-какой лирический или литературный материал. Маститый цензор был очень внимателен и иногда мне звонил:

«Что-то мне кажется, что эти стихи прошли без моей „визы“».

Почерк его оставался до конца четким и конечно, вопреки нашим правилам, мы посылали ему его гранки для корректуры.

Москвич и туляк, Зайцев из всех чужих стран любил как будто только Италию, любил нежно. Она была связана с его молодостью, да и вообще русскому человеку Италия, даже и нищая — страна ослепительная, по солнцу и улыбкам, как бы антитеза сумрачности и тяжести нашей родной земли. Для меня казалась, да и кажется, загадкой любовь Бориса Константиновича к Данте и интерес его к Флоберу. Трудно себе вообразить более несходные человеческие личности. Думаю, что Зайцев и представить не мог себе Ада, а представив — не нашел бы, кого в него поместить. Что же касается Флобера (Б. К. перевел его «Искушение Св. Антония»), то холодно-техническое совершенство его стиля, равнодушие его к вопросам морали тоже кажутся

далекими от художественных и духовных задач Зайцева. Правда и то, что и Зайцев, и Флобер писали об антигероях. Борис Константинович, в нешумных своих персонажах улавливал какой-то свет. Ничего серафического во Флобере нет, он даже был не чужд и садизму. Не говоря уже о том, что в «Саламбо» с большим вкусом описаны всякие пытки — дети, сожженные в статуе Молоха и т. д. — но и малоизвестное его описание боен в Бретани — реалистично до отвратительности. Борис Константинович, если бы ему пришлось присутствовать при таких сценах, вероятно, упал бы в обморок и стал вегетарианцем — Флобер, проведший там часы, описывает льющуюся кровь с упоением.

Стилистически Флобер употреблял очень тщательно выбранные редкие слова — что тоже было не в линии Зайцева.

Гораздо понятнее его любовь к Жуковскому и Чехову, «который Москвой крещен», к Тургеневу — о них он и написал прекрасные художественные биографии.

Не скрою, что безмятежность и добродетели Зайцева меня, «мятежную», как-то смущали, но с ним, конечно, было гораздо «уютнее», чем с Буниным или Ремизовым. Осуждения его были мягкие, голос тихий и благожелательный.

80-летие его мы отпраздновали во французском Пен-Клубе — одна его книга. «Золотой Узор», была издана по-французски в изд. Ашетт.

После приема Борис Константинович написал мне по-французски очень доброе письмо, выражая свою благодарность, адресовав его «господину Жаку Круазе»; не знаю — умышленно, или он действительно не знал, что «Жак Круазе» — Зинаида Шаховская.

А 85-летие было отпраздновано уже совсем по-русски, банкетом в Доме Русского воина, в залах, переполненных до отказа друзьями и почитателями. Были тут и иностранные современники, и старые друзья Бориса Константиновича. Проф. Пьер Паскаль и проф. Ло Гатто — не иностранцы, ибо «Россией крещены» по долголетней работе о ней, один во Франции, другой в Италии — и французские литературоведы, и Вера Греч, и Павлов, и Софья Прегель — всех не перечислишь. Речей тоже было много, не без русской велеречивости и былинного эпоса. И вот тут-то — как редактор «Русской Мысли» я сидела направо от юбиляра — пока один из лирических панегириков был нами выслушиваем, «о безмятежной брачной жизни и серафической незлобивости юбиляра», Борис Константинович, со вкусом попивавший всегда им ценимое красное винцо, мне прошептал: «Ну, положим, всякое бывало, нередко с Верой и

ссорились», а затем: «еще как приходилось сердиться», что меня восхитило. Зайцев отказывался быть «нечеловеческим человеком».

Новейших писателей и поэтов, зарубежных и живущих в СССР, он понять не мог, да и не старался, творчество их казалось ему нарочитым, надуманным. И мысли их, и стиль были ему чужды. Сам Зайцев считал себя импрессионистом, все же придавая этому определению иное значение, мне кажется, чем французские импрессионисты.

В тихости его была и непреклонность, оттуда его размолвка с Бердяевым — который, впрочем, судя по тому, что Б. К. написал, никогда не был ему близким, — и с Буниным, с которым его связывало, вопреки разности темперамента, их общее русское прошлое и верная дружба их жен — Веры Зайцевой и Веры Буниной.

Победа СССР в 1945 г. была для Зайцева не русской победой, т. к. не могла послужить возрождению России и освобождению ее народа, и всякое заигрывание или кокетничанье с советскими властями было для него неприемлемо. Все же о своих современниках пишет он в своих воспоминаниях мягко, хотя своих позиций не сдает.

Незадолго до смерти Б. К., Соллогубы переехали с ним из особнячка на новую квартиру. Он с сожалением расстался с прежним домом и садиком, где по праздникам пили чай с гостями. Но и новая комната сразу стала его «писательской», и по-прежнему приходили самые разные люди, с таким радушием им принимаемые. «Последний человек, знавший живого Чехова» — сказало о нем французское радио-телевидение.

Тихие блики Голубой Звезды сияют над творчеством и над жизнью Бориса Константиновича. Из всех, о ком я пишу в этой книге, только ему Бог послал ясную, мирную старость, окруженную любовью близких. Умер он блаженно, без страданий, уже в беспамятстве, что-то напевая. Господом вознагражденный за то, что смолоду вверил Ему свою жизнь.

Сергей Крыжицкий
РАЗГОВОРЫ С Б. К. ЗАЙЦЕВЫМ

Зиму 1970—71-го года мне довелось прожить в Париже. Я проводил там свой отпускной год, читал последнюю корректуру готовившейся к печати монографии о Бунине на английском языке, и мне, понятно, было ценно каждое сведение людей, знавших Ивана Алексеевича. Таким образом я познакомился с рядом русских парижан, которые хорошо знали нашего первого русского лауреата Нобелевской премии (1933). Имена их известны в русском литературном зарубежье: В. В. Вейдле, Л. Ф. Зуров, С. П. Жаба, Г. В. Адамович, Б. К. Зайцев и другие.

С Борисом Константиновичем знакомство произошло как-то особенно быстро, просто, естественно. Мы с женой сдружились с его дочерью Наталией и зятем Андреем Соллогубами, у которых жил Б. К., и стали вскоре бывальцами на снимаемой ими вилле в 16-ом аррондисмане, возле остановки метро на авеню Моцарт. Свободного времени у меня была уйма, и я рад был малейшему предлогу, чтобы забежать в их гостеприимный дом и вдохнуть старое московское радушие, ну и, разумеется, поговорить о том о сем с Б. К. Мои посещения стали со временем довольно часты, и я провел не один вечер наедине с Б. К. в его уютном кабинете на втором этаже, беседуя о прошлых временах (для меня уже совсем легендарных), о собраниях на Телешовских «средах» в Москве, о писателях, гремевших когда-то по всей России, с которыми общался Б. К., о революции, эмиграции, о жизни в русском Париже. Н. и А. Соллогубы, уходя куда-нибудь из дома, просили меня посмотреть «за папой», а я был безгранично рад этому амплуа «baby sitter» при Б. К.

Кабинет Б. К. был олицетворением порядка. На большом, начищенном до блеска письменном столе ни пылинки, ни одной ненужной вещи, только стопка писем для ответа и несколько новейших книг для прочтения. Вдоль стен книги, сплошные книги, о которых Б. К. отзывался с такой любовью: «Живя

среди катастроф, в приближении Вечности, не перестаешь любить разные милые вещи — книги, например. Смотрю на полки книжные, знаю, что недолго уже видеть их, и все же, если была бы возможность, именно книги бы покупал, всю комнату заставил бы».

Внешний облик хозяина вполне гармонировал с видом кабинета. Всегда в отглаженном костюме, при галстуке, подтянутый, на вид гораздо моложе своих лет (ему тогда уже перевалило за девяносто), с очаровательной улыбкой, живым умом и отличной памятью, Б. К. имел в себе какую-то притягательную силу. Его тянуло к людям и люди тянулись к нему. Я как-то спросил у Б. К. разрешения записать одну из наших бесед на магнитофонную ленту. Мой шестнадцатилетний сын Миша притащил нужную аппаратуру, так как я в механических делах совсем швах, и вот и сегодня у меня звучит бодрый, совсем еще крепкий голос Б. К. Содержанием нашей беседы 21-го июня 1971 года я и хочу поделиться с читателями «Н. Ж.». Она была не подготовленной и передается с записи в «сыром» виде.

С. К. Существует мнение, в особенности среди советских литературоведов, что писатель, оторванный от родной почвы, становится или совсем бесплодным, или талант его скудеет. Что вы думаете об этом по собственному опыту и по наблюдениям за творчеством собратьев по перу, русских писателей-эмигрантов?

Б. К. Для того, чтобы ответить на этот не совсем легкий вопрос, вот вспомним литературную судьбу Бунина до эмиграции и после. Он некоторые вещи писал очень высокого качества до эмиграции, как например, «Господин из Сан-Франциско», но и в эмиграции он не понизил своего уровня, а скорей даже повысил его, как в рассказах, например, «Солнечный удар», «Митина любовь», и большой вещи «Жизнь Арсеньева». Тут дело как будто в том состоит, что трудность нахождения в эмиграции конечно есть; она состоит в том, что человек всё-таки не в своей стране и не питается впечатлениями своей родной земли, в которой родился, вырос, но с другой стороны он становится более зрелым, так что с внутренней стороны вполне законно, что он дает как раз более зрелые, более совершенные вещи. Если же его рассматривать только как какого-то изобразителя общественных явлений, там, я не знаю, нравов и всего подобного, то, конечно, если он оторван от России, то в этой области он не может добиться успеха. Но для меня лично, как раз более дорого в писателе проявление его собственного внут-

реннего мира и этот внутренний мир в изгнании как раз сильнее выступает, может быть, в связи с известной всё-таки горечью положения, затем вообще большей зрелостью и человека и художника, так что это палка о двух концах. С одной стороны в эмиграции труднее писателю, а с другой — легче, то есть, результаты более плодоносны.

С. К. Какой период в вашем творческом пути вы считаете наиболее плодотворным?

Б. К. Разумеете ли вы просто хронологию?

С. К. Я разумею этот вопрос в связи с первым вопросом. Считаете ли вы, что вы были более плодотворны как писатель еще в России или за рубежом, во Франции?

Б. К. Знаете мне трудно ответить на этот вопрос о плодотворности. Черт его знает, может все это не было плодотворным ни там ни тут [*смех*]! Нет, я думаю, что конечно более... опять то же самое... более зрелые вещи были написаны во второй половине жизни. А это связано с эмиграцией. Да, да, с эмиграцией. Вот последняя вещь, которая еще вся вышла из прежней России, это «Голубая звезда», из более или менее больших моих вещей, но всё-таки, хотя она напечатана была в России, но написана уже как бы внутренним эмигрантом. Она напечатана была в сборнике «Слово», которое не было коммунистическим, но все-таки оно издавалось в коммунистической стране. А затем то, что я написал здесь, в эмиграции, не всё, но некоторые вещи более зрелые и более совершенные по содержанию и по форме.

С. К. Среди вашего литературного наследства имеются разные виды словесного искусства: короткие и длинные рассказы, пьесы, романы, романизированные биографии, переводы. В порядке предпочтения — какой из этих жанров наиболее отвечает вашему писательскому дарованию?

Б. К. Я думаю, что тут ответ довольно простой. Некоторые роды литературного писания просто отпадают. Я занимался ими просто по недоразумению, например, драматургией. Конечно я никакой не драматург, но я всё-таки пробовал в этом направлении — ничего не вышло. Я тоже не считаю себя романистом, мне кажется, что главное мое занятие это небольшой рассказ или повесть, стоящая на границе рассказа и романа. Ну, вот, например, «Голубая звезда» и последняя, «Река времен».

С. К. А, например, из более ранних «Золотой узор»?

Б. К. «Золотой узор» не очень ранний. Он относится к 1924—1926 годам. Но это роман. Роман, который я не считаю особенно удачным. Но я написал его с некоторым азартом, да. Но все-таки я себя романистом не считаю.

С. К. Мне кажется, что у каждого писателя должно быть свое любимое детище. Можете ли вы назвать, что из написанного вами вам больше всего по душе?

Б. К. Да, могу, конечно, приблизительно. И это будет разделено на полосы, на эпохи, потому что много лет прошло, знаете, да, много лет... Из самой ранней полосы — там уж были совсем маленькие, небольшие рассказы, которые, однако, как-то мне очень дороги, меня как-то выражали довольно сильно. Ну, например, был у меня такой рассказ, «Миф» назывался. Да, еще «Волки», это в другом роде. У меня, когда я был молод, были две совершенно противоположные струи. «Волки» и «Миф» это совершенная противоположность. Один очень мрачный и страшный, а другой золотистый какой-то. И к более раннему такому и светлому принадлежит рассказ «Вечерний час», связанный с Италией. А относительно более позднего имеются некоторые недоразумения. Например, есть у меня повесть «Анна», которая имела некоторый успех в свое время и, если хотите, она написана довольно, так сказать, правильно. Но я не люблю эту вещь, не люблю просто. Она меня, собственно, мало выражает. Она как-то забралась ко мне со стороны. В смысле внешнем, в смысле, так сказать литературной техники или мастерства, что ли, она довольно удачна, но несмотря на это, я ее не люблю. А из более ранних вещей — «Путешествие Глеба» — есть у меня такая штука с сильным автобиографическим оттенком — мне вполне по душе. О «Путешествии Глеба» трудно говорить, слишком вещь эта со мной связана и, может быть, постороннему человеку она вовсе неинтересна. Но вот, что для меня несомненно — это последняя моя вещь в России, после этого я уехал, «Голубая звезда». Это подводит какой-то итог прежней всей жизни, московской, литературно-артистического круга Москвы. В книге этой изображены разные фигуры того времени, в ней чувствуется, по-моему, общий поэтический тон. Это я считаю из более ранней полосы моего писания лучшей вещью. А во второй половине вот написано «Путешествие Глеба», затем в самое последнее время — у меня чувство, что я уже больше ничего не напишу — «Река времен». Это рассказ, именем которого названа книжка. А вот жанры биографические и агиографические — «Сергий Радонежский», «Афон», «Валаам» — второстепенные вещи. Правда «Валаам» и «Афон» только частично можно назвать агиографическими, но имеют отношение к религии, тесно связаны с ней. Но это все-таки на втором плане.

С. К. А как вы смотрите на ваши романизированные биографии о Жуковском, Тургеневе, Чехове?

Б. К. Я их считаю второстепенными, потому что много там есть все же пересказа, много вычитанного из книг, а не взято из плоти и крови своей.

С. К. Простите за школьную цитату из Пушкина, из монолога Пимена: «...Недаром многих лет / Свидетелем Господь меня поставил / И книжному искусству вразумил». В равной мере вы можете сказать это о себе. За пятьдесят лет жизни в эмиграции вы встречались, а иногда и дружили со многими русскими литераторами. Как вы расцениваете вклад русских зарубежных писателей в русскую литературу? Бунина, Алданова, Мережковского, Ремизова, Куприна?

Б. К. Ну, видите ли, у меня всегда было такое впечатление, что первое место в русской современной литературе занимает Бунин. Правда, теперь уже всё несовременное, потому что все уже померли [*смеется*]. Да, насчет Мережковского. Я всегда считал, что это писатель выдающийся, но совсем из другой области, не чисто такой беллетристической, а такой мистико-философской. И вообще он фигура чрезвычайно своеобразная, которой нет параллели. Я не вижу такого писателя не только в русской литературе, но и в западной, европейской, ни по облику, ни по силе таланта. Насчет Алданова вот я недавно в книге «Грасский дневник» Галины Кузнецовой читал, как выразился о нем Мережковский. И я почти так же думаю, почти так же. Он говорит, что если бы Алданов был исключительно журналистом, то он был бы первоклассным журналистом. Да, да, да — просто европейского, так сказать, мирового класса. А романы Алданова он не ставит высоко. Кстати, это можно сказать и о самом Мережковском. Оба они, конечно, не журналисты, а скорее мистические философы. Но у Алданова все-таки есть и в беллетристической области вещи выдающиеся.

С. К. А как вы объясняете сравнительно небольшую продуктивность творчества Куприна? Не отрывом ли именно от родной почвы?

Б. К. Не думаю, нет. Нет. Он просто начал увядать тут. Увядать и, не знаю, говорить, может, неудобно, он же пил очень много, чем он, конечно, разрушал себя, с одной стороны. А с другой стороны, он был малокультурный человек, это тоже очень отзывалось. Такая, знаете ли, провинция. И среди его почитателей главная была масса русских провинциальных людей. Не только для книжного Мережковского, но даже для Бунина, которого тоже нельзя было назвать носителем высокой культуры, Куприн был провинциалом, хотя, например, для Блока или Андрея Белого, вероятно, сам Бунин был провинция.

С. К. В «Воспоминаниях» Бунин весьма резко судил о многих

писателях-современниках. А вот несмотря на это он довольно беспристрастно отзывался о Куприне.

Б. К. Видите ли, Куприн некоторое время был, так сказать, приятелем Бунина, литературным и жизненным. Они в Одессе вместе по разным кабачкам ходили и затем у них есть общее. С Мережковским у Бунина ничего общего нет, а с Куприным есть. Вот любовь к жизни, к природе, к зверям, к звездам. В них было звериное начало, в обоих, чего в Мережковском уж и в помине нет. В вопросах высших, духовных и философских Бунин был выше Куприна. Куприна это совсем не интересовало, никакого не занимало места в душе.

С. К. А вот говорят о Ремизове, что он занимает особое место в русской литературе по своему стилю, оригинальности. Иногда сравнивают его с Лесковым, отчасти даже с Гоголем. Как вы смотрите на его творчество?

Б. К. Насчет Ремизова? Я считаю Ремизова вообще своеобразным писателем, так сказать, особенным, но у него есть одна, для меня по крайней мере, тяжелая черта. Его «à la longue» читать трудно, очень скучно. Вы можете две-три страницы его прочесть и скажете: да, это действительно какой-то вообще феномен, особый. А попробуйте прочесть его длинную штуку? Хотя у него есть отличная вещь одна, она называется, такая автобиографическая, да, вспомнил, «Взвихренная Русь».

С. К. Теперь, с вашего разрешения, перейдем к животрепещущему, современному вопросу. Долгое время литература на нашей родине была больна, анемична, а временами и совсем мертва. Но вот в последнее время наблюдается светлый луч в темном царстве. Прогремел «Доктор Живаго», заговорили вновь об Ахматовой, вышли за границей «Воспоминания» Н. Мандельштам, «Все течет...» Василия Гроссмана, звучит из опалы голос Александра Исаевича Солженицына. Видите ли вы в этих явлениях признаки возрождения русской литературы?

Б. К. Слово «возрождение», может быть, не совсем точное тут. Мне кажется, окончательно русская литература не умирала вообще. В ней, конечно, было много такого наносного, связанного со страшными и грозными, патетическими событиями, но все-таки какая-то струйка живой, настоящей литературы всегда была, и она выражалась у того же Пастернака, у Ахматовой, приоткрыто, конечно, но была. Была и надо надеяться, что в дальнейшем она будет развиваться. По крайней мере этого так хочется и поэтому так думаешь. Вообще-то человека вечно держать в наморднике каком-то невозможно. Придет такой момент, когда надоест эта вечная жандармерия над человеком. Даровитых, талантливых людей в России достаточно и если им

немножко позволят что-то говорить, так они и скажут. Но, конечно, предугадать все очень трудно; не берусь. Вообще я считаю, что дело России вовсе не потеряно, не погублено. Я уверен, что все-таки пробьется что-то со временем, но про себя скажу, что ничего этого не увижу. Это все длительная история, но дело идет к развязке. Так выходит, что вернуться к прошлому невозможно ни в какой степени, ни в политической, ни в экономической, ни в культурной. Но получится что-то новое, чего мы сейчас, мне кажется, не можем предугадать и определить. Получится ни то ни се. Не будет большевистского намордника, но не будет ни золотого, ни даже серебряного века русской литературы.

С. К. Заслуженно ли была присуждена Пастернаку Нобелевская премия? Ведь это второй человек из русских писателей после Бунина, получивший эту высокую награду.

Б. К. Да, вполне заслуженно. За «Доктора Живаго». В это время я находился в переписке с Пастернаком, у меня хранятся его письма. Очень характерно, что он совершенно отрекся даже от своих прежних писаний в пользу романа и в пользу другого направления. Он ведь писал раньше стихи и некоторые прозаические вещи совсем иного характера, в особенности стихи. И действительно его стихи в самом «Докторе Живаго» совсем другие и меня как раз эти стихи больше трогают. И он сам так на это смотрел. Я не знаю, читали ли шведские академики его стихи, понимают ли они по-русски и могут ли они оценить русское стихотворство. Во всяком случае все это очень замечательно: и проза и стихи.

С. К. Я не думаю, что в Шведской Академии приняли во внимание поэзию Пастернака. Мне известно, что Нобелевская премия Бунину была присуждена за его прозу.

Б. К. Прозу, конечно. Но у Бунина дело другое. Видите ли, стихи Бунина находятся под большим сомнением у очень многих, но не у меня. Я Бунина стихи тоже ценю, но, повторяю, это все совсем иное, чем у Бунина.

С. К. Теперь разрешите задать вам последний вопрос. Как вы относитесь к творчеству Александра Исаевича Солженицына?

Б. К. У меня есть даже статейка о нем, небольшая, ничего особенного не представляющая для меня. Там выражено мое к нему отношение. Оно приблизительно состоит в том, что я высоко ценю его писания — не все, по-разному. Иногда в мелких, небольших рассказиках он даже выше становится, чем в таких длинных повествованиях, как «Раковый корпус» и «В круге первом». В последнем есть длинноты и некоторые промахи. Его только что вышедшая книга «Август четырнадцатого» у меня есть, но я ее еще не читал, чуть-чуть только просмотрел.

С. К. А я уже кончил ее читать.

Б. К. Ах, вы прочли уже? Тогда я буду вас спрашивать.

С. К. Нет. Я воздержусь от каких-либо комментариев, потому что эта книга еще не кончена, это только первая часть, и очень трудно судить о неоконченной вещи.

Б. К. Но все-таки характер, дух можно определить?

С. К. Отчасти можно. Можно определить, угадать, узнать авторское лицо Солженицына. Оно такое же, каким он проявил себя в предыдущих крупных вещах. Но опять я позволю себе обратиться к вам. Мне интересно, как вы, представитель старшего поколения литературы Серебряного века, относитесь к языку Солженицына? Некоторые критикуют его за употребление устарелых слов, за сложный синтаксис и т. д. Я как-то недавно читал статью видного русского критика, который даже возмущался языком Солженицына. Не шокируют ли вас его некоторые не обычные для русского уха слова и выражения?

Б. К. У меня чувство такое, что он мог бы обойтись и без этого. Да... Не скажу, чтобы они меня раздражали, но некоторые мне все же не нравятся. Вот, как я говорил уже, я просмотрел «Август четырнадцатого». В самом начале я нашел слово «невподым» — это странно звучит. Ни к чему это, ни к чему... И в других местах встречались слова выдуманные, и не знаю, для чего ему это, где можно другим обыкновенным русским словом то же самое определить.

С. К. Как вам кажется: носит творчество Солженицына больше гражданский характер или на первом месте мы должны видеть в нем и ценить художника?

Б. К. Вы о душе? Я думаю, что в Солженицыне есть и то и другое, но если бы были только гражданские мотивы, то, конечно, для меня Солженицын был бы совсем не важен. Я всегда чувствую за его писаниями глубокую и такую серьезную и хорошую душу человека. Да.

*

В одном месте нашу беседу прервал телефонный звонок. Звонили из префектуры полиции. Вот короткий разговор Б. К. с полицейским чиновником — разговор, который нельзя не вспомнить без улыбки, который так чудесно отразил незлобивый юмор Б. К.

Б. К. Вам кого? Месье Эжен Замятин? Говорить с ним? Нет, совершенно невозможно... Impossible...

Чиновник. Mais pourquoi?

Б. К. Месье Замятин умер в 1937 году. Ему ни документов, ни прописки больше не нужно.

На другой стороне магнитофонной ленты Б. К. читает свой рассказ «Авраамий». Непередаваемое и вместе с тем странное чувство слышать его мерный, спокойный голос, чистую московскую речь.

В начале сентября мы улетали в Америку. Был очаровательный осенний день. Прощались в садике, покрытом гравием. Банальные слова, суматоха, восклицания, надежды на скорую встречу...

Весной 1975 года мы были проездом в Париже, но Б. К. уже не застали в живых. Постояли только у земляного холмика на кладбище Сен-Женевьев-де Буа под Парижем, перекрестились и ушли. Ушли, унося с собой до конца жизни светлые воспоминания о человеке до мозга костей русском — принципиальном, честном, неподкупном. И о писателе, сказавшем о себе в конце своих земных дней: «Не вечно же тут жить. Не будет и меня. Жизнь идет — «жили-были». Не нами литература началась, не нами кончится. Все хорошо, все в порядке».

Оберлин, Охайо

Архимандрит Константин (Зайцев)

ПАМЯТИ Б. К. ЗАЙЦЕВА

Становится прошлое действительно прошлым — с уходом в лучший мир современников наших, наше «прошлое» воплощающих. Это с редкой силой, применительно к дореволюционной России, воспринялось нашим Зарубежьем при вести о кончине Бориса Константиновича Зайцева, которому Господь дал веку, редко кому выпадающему. И как-то непроизвольно, но в каком-то смысле «удар» ощутили все, от русской культуры не отвернувшиеся, зарубежники...

Ушла не просто эпоха, сменяющаяся новой: ушел целый мир — и как! Вне всякого преемства! А тем самым — и без перспектив будущего, в его органической связи со всем былым... И отсюда неким, совершенно беспримерным, событием стал, внезапно и неотменимо, уход его... Не случайно то, что все, появившееся в печати, почти ни слова не заключало в себе о нем самом, о его литературных достижениях, — о том месте, которое занимала его личность, как в том «историческом» прошлом, в котором он создал себе имя, так и в том безвременье, в котором он полвека просуществовал и за рубежами России, и в самой, уже обезличенной, России. И это определялось не тем, что печать скромности неизменно знаменовалась на нем, образуя фон его жизни, а именно тем, что эта персональная его скромность, не скрадывающая, а, напротив, облагораживающая его личность, с особенной ударностью оттеняла значение его ухода, как нечто, далеко уходящее от всего, что могло бы определяться любой «личностью»...

Скромный, даже застенчивый, незлобивый, а вместе с тем озарявший собеседника какой-то особой мягкостью обращения, непроизвольно накладывавшей печать если не интимности, то, во всяком случае, доброжелательного сосуществования, вопреки всем, столь заостренным, расхождениям, всех и вся ныне разделяющим. И это не была просто воспитанность, в ее лучших проявлениях, а некая не просто душевная, но в какой-то мере

и духовная «человечность», так сейчас нередко даже демонстративно пренебрегаемая. И то обстоятельство, что судьба сделала именно Бориса Константиновича той личностью, в которой как бы олицетворился уход в прошлое Имперской России, в ее «человечном» составе, а не в ее исторической качественности, ни с чем не сравнимой, заставляет каждого из нас, независимо от того, исчерпывается ли знакомство с ним его литературными достижениями, или имеет кто из нас радостную возможность восстановить его в своей памяти, как живое лицо — как-то особенно глубоко ощутить то сверх-историческое значение, которое совершенно естественно приобретает дата ухода его в Вечность...

И что можно, в наше страшное время, лучшее подумать о человеке, как именно то, что покой воцаряется в душе при мысли о переходе его в иной мир — в условиях, когда здравое суждение, опирающееся на Веру, зовет каждого из нас, прежде всего и превыше всего, думать о спасении своей души... Учини, Господи, душу раба Твоего Бориса идеже праведные упокояются...

Епископ Александр (Семенов Тянь-Шанский)

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ Б. К. ЗАЙЦЕВА

Что такое траурный марш? Это шествие, торжественное, это торжество. Но неужели это торжество смерти? Конечно, нет. Это шествие к свету, а смерть это — мрак. По-разному люди понимают этот свет, к которому шествуют. Для одних это Пантеон долгой, но конечно-эфемерной памяти человеческой, для других, более зрячих, этот свет это — бессмертие души, для иных, уже прозревших, это шествие навстречу Светлого Воскресения.

Много есть похоронных маршей. Все они начинаются с медленного тяжелого торжествующего шага, в котором чувствуется и шаг смерти. В музыке слышится их звук, их ход. Далее, нередко, как, например, в траурном марше 3-ей симфонии Бетховена, идут рыдания — фугальные всхлипывания, потом нередко болезненно-сладкое воспоминание о жизни любимого умершего человека, а иногда все это заканчивается апофеозом, прославлением, ликованием. Это не всегда удается даже Бетховену, например, финал «Эгмонта» слишком бравурный (хотя «Эгмонт» и не траурный марш).

Ликовать, славить это прямое дело ангелов, их занятие, они к этому призваны; это они подлинные музыканты, а нам дано подслушивать эти небесные звуки. Недаром один четырнадцатилетний мальчик вдруг написал: «По небу полуночи...». Такое подслушивание лучше удается уже не в траурных маршах, а в реквиемах — это уже богослужебная музыка. Мне, только любителю, а не знатоку музыки, сдается, что это ликование удалось Брамсу в его реквиеме. Там уже по-нашему, по-православному просвечивает торжество Воскресения. А у него в церковной музыке эта радость, пожалуй, бывает иногда слишком прикрытой. Она есть в «Аллилуйа», после «надгробного рыдания», но «Вечная память» не звучит ли слишком минорно? Не потому ли многие понимают это как призыв нам, людям, не забыть усопшего, а не как утверждение его в вечной памяти Бога, которая и есть вечная жизнь?

Пасхальные панихиды, где все заканчивается пением «Христос Воскресе», полнее выражают то, что должна воплощать погребальная музыка. Эти службы бывают редко, но Церковь, конечно, права, что на долгое время приберегает полноту пасхальной радости.

Но музыка траурных маршей звучит иногда, в так называемых, прозаических произведениях искусства. Если искусство подлинно, то ему без музыки не обойтись. Звучат, поют не только стихи и проза, но и картины, и скульптура, и архитектура. Музыка — основа, душа всякого искусства. Она в какой-то степени, конечно, абстрактна, но ее нельзя отделить, вылущить ни из одного произведения искусства, которое всегда есть и воплощение. Поэтому так скучны и бессильны современные попытки все в искусстве превратить в одну абстракцию.

Среди недавних литературных произведений музыка особенно слышится в двух повестях: Б. К. Зайцева и А. И. Солженицына.

Это повесть первого «Авдотья-смерть» и «Матренин двор» второго. В этих повестях русская старая литература и новая — пореволюционная — как бы подают друг другу руку. Происходит рукопожатие и как бы передача наследства.

В сущности, каждая человеческая жизнь это траурный марш, но не всегда музыка его слышится. А вот обе повести, о которых идет речь,— так похожи на похоронные марши.

Бедная Авдотья вся предназначена изжить себя в неустанных заботах, в метании туда-сюда, чтобы наконец, этого не сознавая, измученной пасть и вознестись туда, где для мучеников готовы их венцы. Но она не праведница, как Матрена Солженицына, она только мученица. В Матрене есть жестокость, грубоватость, но есть и свет. Подлинный свет в этой повести просвечивает в русской барышне Лизе, одной из последних духовных наследниц тургеневских девушек.

У Солженицына Матрена также мечется все время, но жертвенно, бескорыстно. Она праведница и мученица. Как и у Зайцева, повесть эта не идиллия; корысть и жестокость окружают Матрену. В этом несхожесть двух повестей. У Зайцева добра больше вне и около его героини, у Солженицына, наоборот, зло находится вне и около нее. И все же у обеих есть и сходство. Обе — Авдотья и Матрена — схожи тем, что живут каждая своей собственной жизнью, такой, которую ни революции, ни войны и ничто внешнее не могут существо их изменить. Поэтому оба образа как бы дополняют друг друга. Да, обе живут той своей подлинной жизнью, которая была бы примерно той же при любом режиме.

Поэтому так нетрудно представить, что Авдотья Зайцева и

Матрена Солженицына — это образы России, той, которую можно калечить, замучить, но нельзя убить духовно. Эта Россия, порою жестокая, порою самозабвенная, всегда жива в своих заботах, то чисто жертвенных, то исполненных героической, но скрытой борьбой за свое существование. Как все живое, так и Россия обречена на смерть, но за смертью ее видится Воскресение.

У Зайцева — душу измученной, хотя бы и не бескорыстной, Авдотьи подхватывают, чтобы ввести в светлый мир (во сне Лизы), частично умученные ею, но не брошенные ею, ее сынок Миша и старуха мать. У Солженицына подвиг Матрены венчается скорбью ее воспитанницы Киры и вещим молчанием сидящей на печи безымянной, древней старухи (образ какой-то надмирной мудрости) и, наконец, словами ее жильца — повествователя — Игнатича.

Если было сказано выше, что каждая человеческая жизнь есть в сущности похоронный марш, то обе повести — Зайцева и Солженицына, — нельзя этого не почувствовать, описывают жизнь своих героев в форме, очень похожей на траурный марш.

С первых слов этих повестей слышится шаг смерти; у Зайцева, например, в угрозах холода и зимы, в повести «Матренин двор» в мышиной возне. Эти лейтмотивы все повторяются и усиливаются к концу.

Воспоминательная часть о прежней жизни Авдотьи почти отсутствует, но у Солженицына она очень развита. Потом идут у него притворные и искренние заплачки и слезы. Это настоящая фуга. У Зайцева все это только намечено, а наличие некоторого апофеоза, тихого, не бравурного, имеется и у того, и у другого. О чем подробнее уже сказано выше.

Когда читаешь обе повести, невольно вспоминается предание о святом отшельнике, который поддался минутному искушению, вообразив, что выше его никого нет. Но ангел, или глас Божий, указал ему на двух женщин в Александрии, которые в глазах Божиих выше его. Это были две женщины, которые изо дня в день были погружены в свои хозяйственные заботы, принимая их просто, как посланную им Богом участь. Смирением своим и они угодили Богу. Похожи на них Матрена — Солженицына и даже зайцевская Авдотья-смерть.

Похожа на них, в некоей сокровенной своей сущности, и Россия, которую не могли одолеть ни княжеские междоусобицы, ни злая татарщина, ни крепостное право, ни войны, ни бунты, ни революция, которая все еще силится свирепо придушить ее.

Похожи на этих александрийских праведниц и многие наши писатели, особенно Борис Константинович Зайцев и Александр

Исаевич Солженицын. Они оба так же — один предавался, а другой еще предается своему писательскому делу, без притязания быть пророками и учителями, а просто зная, что труд их задан им Богом. Поэтому в трудах их так чисто и ясно отражается образ России и забываются (как это отметил в отношении Солженицына о. А. Шмеман) различные русские мессианизмы, что были не на пользу русской душе.

Теперь, когда Господь призвал к Себе Бориса Константиновича, особенно всем, знавшим его, стал понятнее характер его творений. Светом Христовым светятся его литературные труды.

ПРИМЕЧАНИЯ

Тексты подготовили и примечания составили (все с участием Е. К. Дейч и Т. Ф. Прокопова):

О. В. Вологина — 2, 3, 5, 7, 10, 41, 209, 231, 243, 261, 270, 272, 275, 290, 301, 302, 307.

Е. К. Дейч и Т. Ф. Прокопов — 1, 4, 6, 9, 11—28, 30—32, 34, 36—40, 42—192, 195, 197—200, 203, 241, 257—259, 269, 291—293, 311, 317, 320, 326.

А. М. Любомудров — 29, 33, 35, 193, 194, 196, 198, 201, 202, 204, 205, 250, 286, 305.

Л. Н. Назарова — 206—220, 222, 225—240, 242—247, 249, 251, 254, 261—264, 267, 268, 270, 272—275, 279, 281, 282, 284, 285, 290, 294, 297, 299—304, 307, 310, 312, 314, 316, 318, 319, 321—325.

А. Е. Парнис — 271, 278, 280, 298.

О. К. Переверзев — 221, 224, 252, 253, 255, 265, 276, 289, 296, 313, 315.

Т. Ф. Прокопов — 223, 266, 288, 308.

С. В. Сомова — 191, 248, 256, 283.

1. И. А. Бунину (с. 5)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб. Автограф — в Русском архиве Лидского университета (Великобритания), любезно давшего, как и наследница писателя Н. Б. Зайцева-Соллогуб, разрешение на публикацию писем Зайцева к И. А. Бунину 1922—1948 гг. (оригиналы: MS. 1066/5838—5931; ксерокопии писем, хранящихся в архиве Н. Б. Зайцевой-Соллогуб: MS. 1066/5934—5995). Впервые напечатаны в изд: Новый журнал. Нью-Йорк, 1980. №№ 139, 140, 143, 146, 149, 150 (публикация Милицы Грин). В Лидсе также хранятся 25 неопубликованных писем и открыток Зайцева.

...свою книжечку по-немецки... — Имеется в виду сборник: Novellen: Rafael. Don Juan. Karl V. Berlin: Newa Verlag, 1923.

П. И. Бобчинский — персонаж пьесы Н. В. Гоголя «Ревизор».

...просят узнать адрес дочери Чайковского.. — Дочь Н. В. Чайковского Александра Николаевна Чайковская с начала 1900-х гг. проживала в Англии, в г. Харро-он-де-Хилл. Чайковский — один из руководителей «Комитета помощи

русским писателям и ученым во Франции». См. также примеч. к № 300 в т. 10 и Указатель имен.

Спрашивает об этом Машковцев... — Николай Георгиевич Машковцев — искусствовед; в 1917—1930 гг. хранитель, зам. директора по научной части Третьяковской галереи.

Ваша книга появилась здесь по-немецки.. — Бунин в письме к А. В Тырковой-Вильямс от 7 марта 1922 г. сообщает: «Том по-немецки (изд. S Fischer'a, Berlin), который, как мне пишет Б. Зайцев, со слов немецкого переводчика и поэта Грегера, имел огромный успех и весь разошелся в три недели» («Вы друг старый и верный...». Письма И. А. Бунина к А. В. Тырковой-Вильямс // Исторический альманах «Минувшее». М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1994. Вып. 15. С. 183).

2. И. А. Новикову (с. 6)

Печ. по автографу: ОГЛМТ. Ф. 16.

...деньги за рассказ? — «Возлюбленная земля» И. Новикова. Литературный альманах «Струги». Кн. 1. Берлин, 1923.

...Танечке для бабушки... — Имеется в виду сестра писателя Татьяна Константиновна и его мать Татьяна Васильевна.

...от Гржебина телеграмму.. — Текст телеграммы (латинскими буквами) от 7 марта 1923 г.: «Торговым представительством нарушен мой договор с Госиздатом. Конфликт разрешается третейским судом. Срок назначения представительством второго судьи истек. Союзу писателей Москвы надлежит по договору назначить второго судью. Прошу телеграфно сообщить имя судьи из граждан, живущих в Берлине с разрешения РСФСР. Адрес Берлин издательство — Гржебин» (ОГЛМТ. Ф. 16. № 26902). Гржебин издавал книги и эмигрантов, и писателей, живущих в России (часть из них — по заказу торгпредства РСФСР в Берлине). Договор Гржебина с Госиздатом, заключенный в 1920 г., предусматривал издания русских классиков, научно-просветительской и педагогической литературы для распространения в России.

Берлинское торгпредство расторгло договор с Гржебиным, что повлекло за собой нарушение договора с Госиздатом. На разорение издательства Гржебина повлиял и запрет на ввоз в Россию книг, напечатанных за границей. В конце 1923 г. разоренный издатель переехал с семьей в Париж. Здесь в феврале 1924 г. «Русская газета» опубликовала статью, обвинявшую Гржебина в шпионаже в пользу большевиков. В его защиту выступили правление Союза русских издателей и книгопродавцев в Германии, парижская газета «Последние новости» и М. А. Осоргин.

...тебя, как председателя Союза... — Новиков возглавил московское отделение Всероссийского Союза писателей после уехавшего в эмиграцию Зайцева.

Пишу нечто длинное. — Роман «Золотой узор» печатался в журнале «Современные записки» (Париж, 1923. № 15—17; 1924. № 18, 19, 22—24). Главы и отрывки из него публиковались в газетах «Руль» (Берлин, 1924. № 1109, 1111), «Последние новости» (Париж, 1924. № 1248). Отдельное изд. — Прага. Пламя, 1926.

...роман «Эгерия»... имел тут большой успех... — Высоко оценил роман П Муратова, в частности, Алданов, отметивший в нем искусство авторской

стилизации «в духе» Андре де Ренье (рецензия в «Современных записках». 1922. № 15).

М. А. очень тоскует... Собирается в Италию... — Михаил Андреевич Осоргин в 1923 г. дважды выезжал в Италию.

...«Дальний край» по-французски и чешски. — Эти издания романа не осуществились.

3. И. А. Новикову (с. 7)

Печ. по автографу: ОГЛМТ. Ф. 16.

...буква Э. абсолютно не годится. — Имеется в виду И. Эренбург. «Если вначале, — отмечает Г. Струве, — Эренбург и предполагал стать эмигрантом, то в Берлине он уже не скрывал своих советских симпатий, занимая позицию, близкую к сменовеховцам» (Струве Г. Русская литература в изгнании. Париж; М.: YMCA-Press, 1996. С. 35).

4. И. А. Бунину (с. 8)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

...вёрстку моих новелл по-немецки. — Сборник Зайцева в переводе Лины Рихтер: Novellen. Berlin: Neva Verlag, 1923. В книгу вошли новеллы «Рафаэль», «Карл V», сцена «Дон Жуан».

...«Д<альний> кр<ай>», выходящий в Париже у Rieder'а.. — Роман «Дальний край» в парижском издательстве Ридера (основано в 1922 г.) не был издан: муж сестры Зайцева Морис Донзель, взявшийся за перевод, договор не выполнил.

Брадлэй — литературный агент.

5. И. А. Новикову (с. 8)

Печ. по автографу: ОГЛМТ. Ф. 16.

...неясно, из-за чего в Союзе волнения. — «Волнения» начались после поездки Гржебина в Германию: усилились нападки на его издательство как «идеологически чуждое» (В. Невский), «контрреволюционное» (Ленин). Когда он в феврале 1921 г. вернулся из Берлина, его обвинили в переплате иностранным фирмам и в том, что он не привез заказанные книги. В действительности же, как писал Чуковский, Гржебина «доконали большевики» — отказались взять изданное, во что были вложены и собственные деньги издателя, и сумма, взятая в долг. В октябре 1921 г. Гржебин уехал из России совсем.

Пильняк Б. А. в 1922 г. совершил поездку в Германию, а в 1923 г. — в Англию. Издательство Гржебина выпустило его роман «Голый год» (1921, 1922) и сборник «Смертельное манит» (1922), а берлинское издательство «Сполохи» — сборник «Простые рассказы» (1922).

Союз все-таки я считаю... учреждением самостоятельным... — Новиков 25 февраля 1923 г. Зайцеву пишет: «Вообще в Союзе у нас шумно и неуютно; шутя я говорю, что теперь мы пишем на языке национ<альных> меньш<инств>. <...> Между прочим, Союз теперь по уставу должен выбирать одного председателя и для Петр<ограда>, и для Москвы; по этому поводу идут всяческие предположения, в которых я никакого участия не принимаю. Просто удивительно, до чего много придают люди этому значения Конечно, центр, где кипит вся

эта административная жизнь, — Абрам — неутомимый (чтобы ограничиться этим одним определением...)» (ОГЛМТ. Ф. 16. № 268). *Абрам* — А. М. Эфрос, секретарь московского отделения Всероссийского Союза писателей.

...могу указать имена проф. Брауна, проф. Адлера... — Зайцев называет профессоров, находящихся в Берлине в научной командировке. Филолог-германист Ф. А. Браун и этнограф Б. Ф. Адлер вошли в состав редакции журнала литературы и науки «Беседа» (май 1923 — март 1925) наряду с М. Горьким, А. Белым и В. Ходасевичем. Адлер возвратился в Москву, оставив за границей жену и двух детей. Судьба ученого оказалась здесь горестной. В 1930 г. на первом Всероссийском музейном съезде он подвергся политическому разносу за статью «О современном состоянии науки в СССР», опубликованную в немецком журнале «Archiv für Anthropologie» (1930). В резолюции съезда было записано: «Помещение такой статьи в заграничном журнале является злостной клеветой по отношению к СССР и советской науке... Съезд клеймит позором предательский поступок проф. Адлера и постановляет исключить его из состава делегатов съезда» (Минувшее: Ист. альманах. Вып. 17. СПб., 1998. С. 155).

...и Горький здесь. — С 25 сентября 1922 по июль 1923 г. Горький лечился в Саарове близ Берлина.

Книжку твою здесь издадим. — При содействии Зайцева в 1923 г. Гржебин издал сборник повестей и рассказов Новикова «Жертва» (1923).

Морис — М. Донзель, муж сестры Зайцева, переводчик в парижском издательстве Ридера.

...твой тезка... — Иван Бунин.

Тезка написал большую вещь. — Имеется в виду повесть Бунина «Митина любовь»; она была напечатана в кн. 23 и 24 журнала «Современные записки» (1925).

Тата — Наталья Борисовна Зайцева.

Пастернак везет Мариночке... — Мариночка — дочь Новиковых. 17 августа 1922 г. Б. Л. Пастернак с женой отплыли на пароходе в Германию, чтобы навестить там родителей. 20 октября состоялось его совместное с Маяковским выступление в кафе «Леон», а на следующий день Пастернак побывал в гостях у Зайцевых. «С Зайцевым Пастернака познакомил еще в Москве Б. Пильняк, — пишет биограф отца Евгений Пастернак, — весной 1921 года он принес ему показать «Детство Люверс», которое тот высоко оценил. На прощанье Зайцев пожелал Пастернаку «написать что-нибудь такое, что он бы полюбил» и эта счастливая по простоте формулировка потребности в художестве, — писал Пастернак 10 января 1923 года Полонскому, — стала внутренним импульсом начала работы» (*Пастернак Е.* Борис Пастернак: Материалы для биографии. М.: Советский писатель, 1989. С. 374—375). Из Берлина в Москву Пастернак выехал 21 марта 1923 г.

6. И. А. Бунину (с. 10)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 103.

Ладыжников Иван Павлович с 1921 г. работал в книгоиздательском акционерном обществе в Берлине «Книга» (позднее «Международная книга»), издававшем в 1922—1923 гг. ежемесячный критико-библиографический журнал «Новая русская книга».

...сижу судьей по делу Гржебина с Внешторгом. — См. примеч. к № 2.

АРА (ARA, от англ. American Relie Administration — «Американская администрация помощи»; 1919—1923) была создана для оказания помощи европейским странам, пострадавшим в первой мировой войне.

7. И. А. Новикову (с. 11)

Печ. по автографу: ОГЛМТ. Ф. 16.

Зиновий — З. И. Гржебин, владелец книгоиздательства.

У вас теперь Алексей Николаевич. — Приехавший из Германии А. Н. Толстой выступил в мае 1923 г. перед московскими писателями с чтением своей «берлинской» повести «Рукопись, найденная под кроватью» (в первой публикации — «Рукопись, найденная среди мусора под кроватью» // Недра. Сб. 2. М, 1923). О. М. Новикова об этой встрече записала в дневнике: «А. Н. Толстой явился наконец в Союз писателей. <...> Он ломался безбожно, орал, разыгрывал «простого малого». <...> Толстой быстро освоился, сначала все-таки был сильно взволнован, боялся, как примут... Через 2 недели он читал в Союзе «Записки, найденные в мусоре под кроватью», успех средний, не хлопали, но народу очень много. Кажется, он изумился, что не было оваций» (ОГЛМТ. Ф. 15 № 34217).

Танечка, бабушка — сестра и мать Зайцева.

8. И. А. Новикову (с. 12)

Печ. по автографу: ОГЛМТ. Ф. 16.

...гонорар за 1-ю тысячу... — Гонорар за книгу Новикова «Душка». Берлин, 1923.

Зиновий — З. И. Гржебин.

...с ввозом книг дело неважное. — См. примеч. к № 2.

...маленький рассказик. — «Андрей Петров и мышь» (Свирель пана. 1923. № 1).

...«Гарахвену»... сперли... — «Гарахвена, принц индийский» (сб. «Жизнь». 1922. № 1).

Я передал Гржебину... — Зайцев обещание выполнил: в этом году в Берлине успел выйти сборник рассказов и повестей Новикова «Жертва», в который вошли упомянутые в письме произведения.

Танечка, бабушка — сестра и мать Зайцева.

...едем на месяц в Италию... — Лето 1923 г. Зайцевы после болезни провели в курортном местечке Прероу вместе с Муратовым, Осоргиным, Бердяевыми, Ходасевичем. Виза в Италию была получена в сентябре 1923 г. Зайцевы побывали в Вероне, Венеции, Флоренции, продолжительное время жили на Лигурийском побережье в Кави-ди-Лаванья. Поездка, длившаяся 4 месяца, была организована Этторе Ло Гатто, профессором русского языка и литературы Римского университета.

9. И. А. Бунину (с. 13)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб. Датируется по штемпелю на открытке.

...побываю в Париже. — В Париж Зайцев приехал 31 декабря 1923 г. В. Н. Муромцева-Бунина на следующий день, 1 января, в дневнике записывает:

«Обедал Зайцев, который вчера приехал. Не видались шесть лет! Изменился мало. Выдвинулись только кости. Стал живей, подвижнее. <...> Кое-что чувствует иначе, чем мы, но все же в настроении приятном. Вера приезжает дней через десять» (Устами Буниных. Дневники. В 3 т. Т. 2. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1981. С. 120).

10. И. А. Новикову (с. 13)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 103.

Мы, наконец, осели во Франции — 14 января 1924 г. Зайцевы поселились в городке Со, неподалеку от Парижа, где сняли трехкомнатную квартиру (80 rue Bragneux).

...напечатанную по-итальянски в журнале «Russia». — См.: Novaja russkaja kniga; La Letteratura russa contemporanea // Russia: Rivista di letteratura, storia e filosofie / Dir. Da Ettore Lo Gatto. 1923. III. № 3—4.

Морис — Донзель.

...Куприна «Яма» недавно побила рекорд.. — «Яма» (1909—1915) — повесть А. И. Куприна.

Гребенщиков Г. Д. — в эмиграции с сентября 1920 г. До отъезда в США жил в Париже.

«Золотой узор» — см. примеч. к № 2.

Печатаешься ли... — В 1924 г. в издательстве «ЗИФ» вышла книга Новикова «Адам», а также несколько публикаций в сборниках и журналах.

Георгий — Г. И. Чулков.

11. И. С. Шмелеву (с. 15)

Печ. по ксерокопии из архива Российского фонда культуры.

М. С. — Мария Самойловна Цетлин.

12. И. А. Бунину (с. 15)

Печ по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

М С. — Цетлин; вероятно, она организатор вечера Зайцева (как и вечеров многих других писателей-изгнанников).

13. И. А. Бунину (с. 16)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

Леля Комиссаржевская — Елена Аркадьевна Балиева, урожд. Акопиан, в первом браке Комиссаржевская.

...пишу книжечку о Сергии Радонежском, для американцев (Y.M.C.A). — YMCA (Young Men Christian Association) — Христианский Союз Молодых Людей и его издательство YMCA-Press, основанные в 1921 г. в Праге видным американским протестантским деятелем Джоном Моттом. В 1923 г. издательство переведено в Берлин, а в 1925 — в Париж; здесь в этом году YMCA-Press издала житийную повесть Зайцева «Преподобный Сергий Радонежский».

...к Буайе в библиотеку... — Вероятно, библиотека слависта, профессора парижской Школы восточных языков Поля Буайе (1864—1949).

Виделся с Карташевым. — А. В. Карташев в эти годы — председатель

Русского национального комитета, член епархиальных собраний и епархиального совета Русского экзархата Вселенского престола, участник съездов Русского студенческого христианского движения (РСХД), один из основателей и профессор Свято-Сергиевского Богословского института в Париже.

Продал Ляцкому роман... — Е. А. Ляцкий в 1923—1926 гг. возглавлял в Праге издательство «Пламя», в котором вышел «Золотой узор» Зайцева (1926).

Верина Татьяна — Т. А. Полиевктова, сестра В. А. Зайцевой.

14. И. А. и В. Н. Буниным (с. 17)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб. Датируется по штемпелю на открытке.

Ельяшевичи — Василий Борисович и Фаина Осиповна (в письме Ф. О.), друзья Зайцевых и Буниных. Зайцевы гостили в их имениях в Пюжете и в Бюсси-ан-От летом 1925, 1926, 1940—1943 гг. Дом и все владение в Бюсси-ан-От профессор Ельяшевич впоследствии подарил русским монахиням — «в память покойной жены» (Зайцев); ныне это православный монастырь Покрова Божией Матери.

15. И. А. Бунину (с. 18)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

Мы тоже собираемся в Грасс, на денек... — 1 апреля 1925 г. на вилле Альба Муромцева-Бунина в дневнике отмечает: «Месяц, как здесь. <...> Предлагается дача в Грассе какого-то генерала. Генерал спросил, не большевики ли мы...» (Устами Буниных. Дневники. В 3 т. Т. 2. С. 139). А 20 апреля — ее первая запись на вилле Бельведер (сюда Бунины окончательно переселились 2 мая). Вечером 27 апреля к ним из Пюжета приехал Зайцев.

Видите ли Мережковских? — Д. С. Мережковский с женой З. Н. Гиппиус летом 1925 г. жили в Грассе.

...как сербское дело? — Скорее всего здесь речь идет о начавшейся подготовке к Первому зарубежному съезду русских писателей и журналистов, состоявшемуся в Белграде в 1928 г. Съезд образовал при Сербской Академии наук Издательскую комиссию, финансируемую правительством. В серии «Русская библиотека» в 1928—1936 гг. было издано 43 книги русских писателей, в том числе однотомники Зайцева «Избранные рассказы» и Бунина «Грамматика любви».

Шамбертен — сорт французского (бургундского) красного вина.

16. Ю. И. Айхенвальду (с. 18)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 1175. Оп. 2. Ед. хр. 105. Л. 1, 2. Опубл. М. Мироновой: Наше наследие. 1990. № 3 (15).

...с окончанием моего романа. — «Золотой узор» (см. примеч. к № 2).

...лишь Гребенщиков маэстро по этой части — В 1922—1925 гг. Г. Д. Гребенщикову удалось издать в Париже шесть томов эпопеи «Чураевы», а также два сборника рассказов.

«Сергий» — житийная повесть Зайцева «Преподобный Сергий Радонежский» (Париж, 1925).

...живем... в имении одних знакомых (русских). — Имеются в виду В. Б. и Ф. О. Ельяшевичи, в имении которых Пюжет гостили Зайцевы.

17. И. А. Бунину (с. 20)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед хр. 103.

...как дела с поездкой к нам? — Об этой поездке Буниных в Пюжет к Зайцевым, гостившим в имении Ельяшевичей, подробно рассказывается в очерке «Памяти Ивана и Веры Буниных», вошедшем в книгу «Далекое» (см. т. 6 в нашем изд. С. 245—248). В. Н. Бунина в дневнике 14 августа 1925 г. записала: «От поездки к Зайцевым осталось поэтическое впечатление. Сами они очень милы, приятны, родственны».

18. И. А. и В. Н. Буниным (с. 20)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

...вспоминаем Грасс... — Зайцевы гостили у Буниных в Грассе 5—7 сентября 1925 г. (см. записи В. Н. Муромцевой-Буниной (Устами Буниных. Дневники. Т. 2. С. 148—149).

19. И. А. Бунину (с. 20)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

«Перезвоны» (Рига, 1925—1929, № 1—43) — литературно-художественный иллюстрированный журнал. Зайцев до января 1927 г. вел в журнале литературный отдел. В «Перезвонах» печатались Адамович, Алданов, Амфитеатров, Арцыбашев, Бальмонт, Бердяев, Бунин, Зайцев, И. А. Ильин, Ладинский, Мережковский, Ремизов, Туроверов, Тэффи, Цветаева, Саша Черный, Шмелев и др.

...брат Н А, «Саламандры». — Ответственный редактор журнала «Перезвоны» — С. А. Белоцветов, брат Н. А. Белоцветова, финансировавшего рижское издательство «Саламандра» (1926—1929), владельца газеты «Слово» («большой русской национально-демократической»; 11 ноября 1925 — 26 мая 1929).

...что давали Миронову. — Мирон Петровнч Миронов — редактор еженедельного литературного журнала «Иллюстрированная Россия» (Париж, 1924—1939), в котором печатался (более 15 публикаций) Зайцев, а в 1936 г. вошел в состав редакционного комитета вместе с Буниным, Гиппиус, Мережковским и Шмелевым. Бунин в «Иллюстрированной России» опубликовал рассказы «Слепой» (1924, № 9), «Книга» (1925, № 15), «Молодость и старость» (под заглавием «Про обезьяну»; 1936. № 20).

Я дал «Тулон»... — Очерк Зайцева «Прованс. Тулон» в «Перезвонах» опубликован 8 ноября 1925 г. (№ 1).

Б-в — С. А. Белоцветов.

...сильно вправо, до Первухина и Краснова. — Михаил Константинович Первухин — прозаик, журналист и переводчик с итальянского; с 1907 г. корреспондент в Италии газет «Биржевые ведомости», «Речь», журнала «Русская мысль». Генерал Петр Николаевич Краснов — в эмиграции известный романист, публицист, военный историк; член Высшего монархического совета (с 1921 г.). Издал с 1921 по 1944 гг. более 40 книг. Печатался и в «Перезвонах».

...сестра моя и Ляля... — Надежда Константиновна Донзель и ее дочь от первого брака Ирина Александровна Буйневич (в замужестве Либе).

«Митина любовь» — повесть Бунина, опубликованная в журнале «Современные записки» (1925. Кн. 23, 24).

«Окаянные дни» — книга художественной публицистики Бунина, печатавшаяся с 3 июня 1925 до весны 1926 г. в газ. «Последние новости». Полный текст впервые опубликован в изд: *Бунин И. А.* Собр. соч. Т. 10. Берлин: Петрополис, 1935, а с рукописными исправлениями автора см. изд: *Бунин И.* Окаянные дни. Сост., подготовка текста А. К. Бабореко. М.: Советский писатель, 1990.

20. И. С. Шмелеву (с. 21)

Печ. по ксерокопии из архива Российского фонда культура.

Добужинский М. В. — один из основных художников иллюстрированного журнала «Перезвоны». В каждом номере около трети обьема занимали материалы художественного отдела, посвященные Анненкову, Билибину, Васнецову, Верещагину, Добужинскому, Коровину, Куинджи, Кустодиеву, Левитану, Перову, Репину, Серову и др.

...брат «Саламандры»... — см. примеч. к № 19.

Ольга Александровна — жена И. С. Шмелева.

21. И. А. Бунину (с. 22)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

«Руль» — ежедневная газета, выходившая в Берлине с 17 ноября 1920 по 14 октября 1931 г.; основана И. В. Гессеном, А. И. Каминкой и В. Д. Набоковым.

«Возрождение» (3 июня 1925 — 7 июня 1940) — ежедневная парижская газета, основанная нефтепромышленником А. О. Гусаковым и П. Б. Струве (был главным редактором с 1925 по 1927 г.). Зайцев сотрудничал в этой газете с 1927 г.

Белоцветов С. А. — редактор журнала «Перезвоны».

З. Н. — Гиппиус (Мережковская).

...журнал будет «сменовеховский». — Сменовеховство — общественно-политическое движение 1920-х гг. Название ему дал еженедельник «Смена вех» (Париж, 29 октября 1920 — 25 марта 1921), призывавший эмигрантскую интеллигенцию отказаться от идеи свержения советской власти, доказывавший необходимость сотрудничества с большевиками в построении новой России. Главные идеологи движения — Ю. В. Ключников (редактор журнала), Н. В. Устрялов, С. С. Чахотин, Ю. Н. Потехин, С. С. Лукьянов, А. В. Бобрищев-Пушкин.

22. И. А. Бунину (с. 22)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

Павел Андрееевич Тикстон — гражданский муж Н. А. Тэффи. По свидетельству Н. Б. Зайцевой-Соллогуб, он был сыном владельца одного из заводов в России, управлял которым К. Н. Зайцев, отец писателя.

«Илл<юстрированная> Росс<ия>» — см. примеч. к № 19.

Зинаида — З. Н. Гиппиус.

Нарисовал он обложку... — М. В. Добужинский — автор цветной стилизованной обложки журнала «Перезвоны»: на фоне церквей — дерево с колоколами на ветвях.

...перезваниваются между собой эмигрантские гнезда — Нотр Дам с собором Петра, Стефаном... — Нотр Дам — Собор Парижской Богоматери в Париже. Собор св. Петра — в Риме (базилика Сан Пьетро ин Ватикано). Стефан — собор св. апостола Стефана в Константинополе.

Апсит Александр Петрович — художник, оформитель книг. С 1921 г. в эмиграции в Латвии, где сотрудничал в рижских журналах.

Д<митрий> Серг<еевич> — Мережковский.

23. Вас. И. Немировичу-Данченко (с. 23)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 355. Оп. 2. Ед хр. 178. Л. 1.

24. И. А. Бунину. (с. 24)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

«Сарафан» — рассказ Бунина «Мордовский сарафан».

Павел Андреич — Тикстон.

25. И. А. Бунину (с. 24)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

26. И. А. Бунину (с. 24)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

...получаете ли вы журнал... — Журнал «Перезвоны».

Тата — Наталия Борисовна Зайцева.

Ек<атерина> Мих<айловна> — Лопатина, писательница, печатавшаяся под псевдонимом К. Ельцова; сестра философа Л. М. Лопатина (1855—1920). В эмиграции поселилась в Вальбоне, близ г. Грасса, где нередко бывали у нее в гостях Бунины. В. Н. Муромцева-Бунина вспоминает: «С Екатериной Михайловной была дружна в эмиграции, познакомилась же с ней, когда мне было тринадцать лет. Ею написаны интересные воспоминания о Соловьевых, часть их напечатана в «Современных записках». Она росла с детьми историка Сергея Михайловича Соловьева, была на «ты» и с знаменитым философом. Оригинальная, и не потому, что хотела оригинальничать, а потому, что иной не могла быть, она — единственная в своем роде, такой второй я не встречала» (*Муромцева-Бунина В. Н.* Жизнь Бунина. М , 1989. С. 161)

27. Г. И. Радченко (с. 25)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 2295. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 1. Григорий Иванович Радченко — журналист; сотрудник «Славянского издательства» (1920—1921 и 1924—1925) при журнале «Воля России» в Праге.

28. И. А. Бунину (с. 26)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

...к Гукасову... не подходяще. — «Не подходяще» потому, что встретить Новый год вместе с редакцией газеты «Возрождение» Зайцевых пригласил Бунин, а не издатель Гукасов. В. Н. Бунина-Муромцева 1 января 1926 г. в дневнике записала: «Новый год по новому стилю мы встречали в «Возрождении»:

Угощал Гукасов, но ужин устроили репортеры. <...> По виду Гукасов понравился. <...> Шмелев говорил речь» (Устами Буниных. Дневники. Т. 2. С. 153).

29. В. П. Ляцкой (с. 26)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 163 (Е. А. Ляцкий). Альбом В. П. Ляцкой. Л. 5. Здесь на л. 8 также запись В. А. Зайцевой: «Милы-ы-ы-и! Вера — без дел мертва есть. Вера (Зайцева). Париж!! 1926» (обыгрывается цитата из гл. 2, ст. 26 Соборного послания святого апостола Иакова: «Как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва». Вида Павловна Ляцкая — жена литературоведа, критика, писателя Е. А. Ляцкого, руководившего в 1923—1926 гг. пражским издательством «Пламя».

30. А. М. Федорову (с. 26)

Печ. по автографу: Архив русского зарубежья (АРЗ) Дома-музея Марины Цветаевой. Фонд А. М. Федорова. Оп. 10. КП 1383/1.

...даже и адреса Вашего у меня не было.. — Одессит Федоров в 1920 г. эмигрировал в Болгарию, где возглавлял Союз русских писателей и журналистов, преподавал в гимназии.

31. И. С. Шмелеву (с. 27)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Российского фонда культуры.

Что-нибудь ко дню русской культуры... — Дни русской культуры по инициативе эмигрантов Эстонии стали отмечаться русским зарубежьем с 1924 г. ежегодно 26 мая (8 июня), в день рождения А. С. Пушкина. Зайцев опубликовал 8 июня 1926 г. в парижской однодневной газете «День русской культуры» свой очерк «Пушкин». Такие же выпуски были изданы в этом году в Белграде, Варне, Двинске.

И<ван> Ал<ексеевич> — Бунин.

А<лександр> Ив<анович> — Куприн.

Инвалид — «Русский инвалид», однодневная газета, которую издавал в 1924, 1926—1929 гг. Комитет помощи инвалидам при главном управлении Российского Красного Креста в Париже. Выпуски (в основном безгонорарные) были приурочены к Дню инвалида, который отмечался в русском зарубежье 9 (22) мая (в день летнего Николы Чудотворца, покровителя обездоленных). С 22 февраля 1930 по 5 июня 1940 г. в Париже выходила ежемесячная военно-научная и литературная газета «Русский инвалид», в которой Зайцев опубликовал 10 своих рассказов и очерков. В восьми номерах печатался Шмелев. Активно сотрудничали также Алданов, Бальмонт, Бунин, Гиппиус, Куприн, Мережковский, Вас. Немирович-Данченко, Тэффи, Саша Черный и др.

«Русский мальчик» — однодневная газета «Русскому мальчику», выпущенная Особым комитетом по устройству общежития для русских мальчиков в Париже 2 мая 1926 г. (в день Пасхи). В этом благотворительном издании приняли участие наряду с Зайцевым и Шмелевым Бальмонт, Куприн, Ремизов, Тэффи, Саша Черный и др. О газетах «Русский инвалид» и «Русскому мальчику» Зайцев 16 мая 1926 г. напечатал в газете «Последние новости» статью «Дни любви».

32. И. С. Шмелеву (с. 27)

Печ. по ксерокопии из архива Российского фонда культуры.

«Блаженные», «Грех» — рассказы Шмелева.

Ив<ан> Ал<ексеевич> — Бунин.

Мережковские — Д. С. и З. Н. (Гиппиус).

33. В. С. Миролюбову (с. 28)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 185 (Миролюбов). Оп. 1. Ед. хр. 534. Л. 30, 31.

...еще 5 экз<емпляров> романа... — Имеется в виду «Золотой узор» (Прага: Пламя, 1926).

.. выпустить по-чешски... — В переводе на чешский «Золотой узор» вышел в Праге в 1928 г.

«Родник» — книжный магазин И. Н. Коварского, а с 1927 г. также его издательство в Париже.

34. И. С. Шмелеву (с. 28)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Российского фонда культуры.

. как зовут Белича? — Александр Белич, югославский языковед, один из организаторов Первого зарубежного съезда русских писателей в Белграде.

«Инвалид» — см. примеч. к № 31.

О статье Мишеева .. — Профессор-искусствовед Н. И. Мишеев заведовал в журнале «Перезвоны» отделом искусства и старины; печатался почти в каждом номере. Одновременно редактировал еженедельник «Новая неделя» (Рига, 1924—1927) и сотрудничал в рижской газете «Слово» (11 ноября 1925 — 26 мая 1929).

35. В. С. Миролюбову (с. 29)

Печ по автографу. РО ИРЛИ. Ф. 185 (Миролюбов). Оп. 1. Ед. хр. 534. Л. 32, 33 об

Письмо от А. Федорова... для статьи .. в газету «Наши Дни»... — Писатель А. М. Федоров, живший в эмиграции в Болгарии, печатался в газете «Наша речь», выходившей в Бухаресте в 1922—1938 гг. (Зайцев называет ее неточно: «Наши дни»).

36. А. М. Федорову (с. 30)

Печ. по автографу: Архив русского зарубежья (АРЗ) Дома-музея Марины Цветаевой. Фонд А. М. Федорова. Оп. 10. КП 1383/3.

. рассказ . подходящий .. — Рассказ Федорова «Слепой» был опубликован в «Перезвонах» 19 августа 1926 г. (№ 23/15).

37. И. С. Шмелеву (с. 30)

Печ. по ксерокопии из архива Российского фонда культуры.

.. спасибо сердечное за поздравление... — Шмелев поздравил Зайцева с 25-летием его литературной деятельности (15 июля 1901 г в газете «Курьер» был напечатан его первый этюд «В дороге»).

Ляцкий Е. А. — глава пражского издательства «Пламя».

Рощин Николай Яковлевич с 1925 до 1940 г. (с перерывами) по приглашению Бунина жил на его вилле «Бельведер». В семье Буниных и друзья называли его «Капитан», «Глан», «Пэка».

38. Н. Я. Рощину (с. 31)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 2204. Оп. 1. Ед. хр. 152. Л. 1, 2.

Спиридович М. А. — По свидетельству Н. Н. Берберовой, «Спиридович — вторая жена жандармского генерала Спиридовича (начальника личной охраны Николая II — *Т. П.*), исполнительница цыганских романсов, которая очень нравилась Б. К. Зайцеву» (Минувшее. Исторический альманах. Вып. 6. М., 1992. С. 472).

...с фотографом Миронова в общежитии... — т. е. с фотографом журнала «Иллюстрированная Россия», редактором которого был М. П. Миронов.

...написал статью об общежитии... — В «Последних новостях» были напечатаны две статьи Зайцева: «Общежитие в Шавиле» (с призывом жертвовать; 4 января 1927) и «Концерт-гала» (в пользу общежития для русских мальчиков в Шавиле под Парижем; 16 января 1927). В этом общежитии некоторое время работал воспитателем писатель В. Н. Ладыженский, близко общавшийся с Зайцевым и Буниным.

39. А. М. Федорову (с. 32)

Печ. по автографу: Архив русского зарубежья Дома-музея Марины Цветаевой. Фонд А. М. Федорова. Оп. 10. КП 1383/4.

...12 дек<абря> на банкете... — 12 декабря 1926 г. состоялось чествование Зайцева по случаю 25-летия его литературной деятельности. Банкет был устроен Русским общественным клубом в Париже. Председательствовал И. А. Бунин. С приветственными речами выступили В. А. Оболенский, Н. Д. Авксентьев, П. Н. Милюков, С. В. Яблоновский, П. Б. Струве, М. А. Алданов, А. М. Черный, А. П. Ладинский, В. М. Зензинов, Н. К. Кульман и др. Н. П. Кошиц и А. Т. Гречанинов исполнили посвященный юбиляру экспромт Гречанинова на слова Бальмонта «Легкозвонный стебель». 14 декабря о юбилее Зайцева рассказали газеты «Последние новости» и «Возрождение».

Сергеич — С. С. Голоушев (Глаголь).

..особенно понравилось о «змее». — Имеется в виду опубликованная в журнале «Перезвоны» (1927. № 31/4) поэма Федорова «Балканы», в которой есть такие строки:

> Отчизна в крови и пыли,
> Нет злобы предела, нет меры тиранству,
> Удушливы кольца змеи,
> Но верю я, верю родному славянству,
> Как в детские годы свои.

40. С. А. Иванову (с. 32)

Печ. по изд.: *Кельнер В. Е., Познер В.* Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции (Из архива С. В. Познера) // Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб., 1994. Т. I. С. 298—299. Сергей Андреевич Иванов

(1859—1927) — член исполкома «Народной воли», проведший 20 лет в заключении в Шлиссельбургской крепости. Участник Февральской революции. В эмиграции — сотрудник Тургеневской библиотеки, казначей Парижского комитета помощи русским писателям и ученым.

...не состою членом Вашего Комитета... — В августе 1919 г. в Париже была создана Комиссия для распределения денег, поступивших от Американского фонда помощи нуждающимся литераторам и ученым. В середине 1920 г. преобразована в Парижский комитет помощи русским писателям и ученым, просуществовавший до начала 2-й мировой войны. Первым председателем Комитета был Н. В. Чайковский.

К. Д. Бальмонт... в связи с переездом... — Бальмонт с конца 1926 до конца 1929 г. жил в Капбретоне (в провинции Бретань на северо-западе Франции).

...отдельно (в Париже) живущую дочь... — М. К. Бальмонт, дочь К. Д. Бальмонта и его третьей жены Е. К. Цветковской.

...походатайствовать перед обоими Комитетами... — Имеются в виду Парижский комитет помощи русским писателям и ученым и Союз русских писателей и журналистов.

«Руль», «Перезвоны», «Возрождение», «Иллюстрированная Россия» — газеты и журналы русской эмиграции, выходившие в Берлине, Риге и Париже.

...получает.. от сербского правительства поддержку... — Группе русских писателей правительство Сербии выплачивало стипендии.

41. И. А. Новикову (с. 34)

Печ. по автографу: ОГЛМТ. Ф. 16.

...живем... близ Булонского леса... — В марте 1926 г. Зайцевы переехали на квартиру по 11 rue Claude Lorrain, где жили до февраля 1932 г. Этот дом Зайцев описал в романе «Дом в Пасси» (1935).

...уезжаю на Афон. — См. примеч. к № 42.

...письмо от бабушки: ей отказали в 18-й раз! — По официальным документам мать Зайцева Татьяна Васильевна просила о выезде к зятю, подданному Франции Морису Донзелю. Н. К. Донзель-Зайцева 29 августа 1926 г. писала Новикову: «Дорогой Ванечка! Всем сердцем прошу вас помочь моей маме в ее хлопотах о выезде к нам, к Донзелям, в Париж. При сем прилагаю прошение Бубы (Б. К. Зайцева. — *О. В.*) в Н.К.В.Д., которое она должна подать и заявить, что одновременно Парижанином Донзелем послано через Парижское консульство ходатайство в Н.К.В.Д. с документациями, свидетельствующими о том, что Парижанин известен и в СССР в печати, как преданный товарищ» (ОГЛМТ. Ф. 16. № 26894). Новиков также хлопотал о разрешении на выезд Т. В. Зайцевой, и виза была ей дана незадолго до смерти. Т. К. Буйневич 9 августа 1927 г. писала Новиковым: «Уход из моей жизни мамочки потряс все основы, которые она умела так крепко создавать... Умерла бабушка, как и жила: умно, просто, тихо... Нельзя легко пройти мимо тех моментов в жизни, когда Вечность подходит так близко. В Св. Писании такие минуты называются «временем посещения». Все в человеческой душе сдвигается с места» (ОГЛМТ. Ф. 16. № 26879). Борис Константинович в 1927 г. издал книгу «Странное путешествие» с посвящением: «Памяти матери моей Т. В. Зайцевой».

..попроси Петра Семеновича.. — П. С. Коган пользовался влиянием в официальных кругах, поскольку с 1921 г. был президентом Академии художественных наук.

Окулов Алексей Иванович — писатель-большевик, участник революции 1905—1907 гг. и Гражданской войны в 1918 г. В 1907—1913 гг. в эмиграции в Париже. Репрессирован, погиб в заключении в 1939 г.

Павел Павлович — Муратов.

...привет Георгию... — Г. И. Чулкову.

Н. Г. — Надежда Григорьевна Чулкова.

Оля — Ольга Максимилиановна Новикова, жена И. А. Новикова.

42. В. А. Зайцевой (с. 35)

Письма № 347—361 из Афин и с Афона В. А. и Н. Б. Зайцевым печ. по изд.: *Зайцев Б.* Письма к родным с Афона: К 20-летию со дня кончины Б. К. Зайцева. Публ. Н. Б. Зайцевой-Соллогуб и А. К. Клементьева // Вестник русского христианского движения. Париж;, Нью-Йорк; М., 1992. № 164 (с уточнениями дат по содержанию). Письма позволяют установить подробности и даты путешествия Зайцева на Святую гору. Из Афин он выехал вечером 9 мая. В Салоники пароход его доставил в 6 часов утра 11 мая. На Афон писатель прибыл утром 12 мая. С Афона (после «семнадцати незабываемых дней») он выехал 29 мая и возвратился сперва в Салоники 30 мая, а затем в Афины 1 июня. На Афоне были сделаны наброски будущей книги, чем объясняется репортерская быстрота, с какою очерки писались и отправлялись в редакцию. Первые шесть глав «Афона» Зайцев напечатал в газете «Последние новости» (1927. 16 июня — 2 окт.), очевидно, отрабатывая аванс, а завершил публикацию (из-за разрыва сотрудничества с «Последними новостями») в другой газете — «Возрождение» (1927. 11 окт. — 11 дек.). Первое книжное изд.: Париж: YMCA-Press, 1928 (с посвящением митрополиту Евлогию). См. републикацию и примеч. в т. 7 нашего изд

«Артикль» — т. е. статья, корреспонденция (в газету).

Акрополь — возвышенная часть Афин с крепостными сооружениями; достопримечательность Древней Греции.

Патя — Павел Павлович Муратов.

...снесу ему книжку (о Сергии). — Имеется в виду житийная повесть Зайцева «Преподобный Сергий Радонежский».

Первый очерк для «П<оследних> Н<овостей>» почти кончил... — Очерк «На Афон. 1. Морское странствие» был опубликован в газ «Последние новости» 16 июня 1927 г.

43. В. А. и Н. Б. Зайцевым (с. 36)

Пантелеймоновский монастырь — иначе. Старый Нагорный Руссик, основанный в XI в. К началу XX в. — крупнейшая на Афоне русская православная обитель, в которой жили более полутора тысяч русских монахов. Ныне это греческий общежительный монастырь.

Донзель Морис — муж сестры Зайцева Надежды Константиновны.

44. В. А. и Н. Б. Зайцевым (с. 38)

Вы нынче на Родольфо. — Имеется в виду один из фильмов с участием Рудольфа Валентино, популярного в 1920-е гг. киноактера Голливуда.

...братец читает «Слово»... — Братец — В. А. Зайцева. «Слово» (Рига; с 11 ноября 1925 до 26 мая 1929 г.) — «большая русская национально-демократическая газета», в которой печатались Амфитеатров, Бальмонт, Бунин, Л. Ф. Зуров, И. А. Ильин, И. С. Лукаш, В. В. Набоков (Сирин), Шмелев. В этой газете Зайцев в 1926 г. опубликовал отрывок из «Золотого узора» (9 мая), рассказ «Душа» (11 ноября), отрывок из повести «Голубая звезда» («Свет — Москва»; 8 дек.).

45. В. А. и Н. Б. Зайцевым (с. 38)

Первый очерк для «П. Н.»... — см. примеч. к № 42.

...покажи это письмо Демидову или Алданову... — В 1920—1930-х гг. Игорь Платонович Демидов — заместитель редактора парижской газеты «Последние новости». М. А. Алданов — один из ведущих сотрудников (авторов) газеты «Последние новости». Деньги Зайцеву переведены не были, что послужило одной из причин его решения уйти из «Последних новостей».

Миша — М. А. Осоргин.

46. В. А. и Н. Б. Зайцевым (с. 39)

Митрополит Антоний на Афоне побывал летом 1920 г.

...в монастырях висит портрет Фомы Уйтмора. — Томас Уитмор (Thomas Whittemore; 1871—1950) — историк искусства, византолог; занимался реставрацией мозаик в храме Св. Софии (Константинополь).

47. В. А. Зайцевой (с. 42)

О «Клод Лоррен» вспоминаю... — На улице Клода Лоррена в Париже жила семья Зайцевых с марта 1926 до февраля 1932 г.

...видел опять Сахарова (о. Софрония)... — Софроний — архимандрит, много лет проведший на Афоне. Автор книг, вышедших в парижском издательстве «YMCA-Press»: «Старец Силуан. Жизнь и учение старца» (1952), «О молитве» (1990) и др.

48. В. А. и Н. Б. Зайцевым (с. 44)

Кинота — административный орган управления группой общежительных монастырей (киновии), возглавлявшийся киновиархом.

49. В. А. и Н. Б. Зайцевым (с. 45)

Генисаретское озеро (Галилейское, Тивериадское море) — озеро в Палестине, на берегах которого располагался г. Капернаум, часто посещавшийся Инсусом Христом.

А. И., о. Иосиф — неустановленное лицо.

50. Н. Б. Зайцевой (с. 46)

Акафист — хвалебные молитвы и песнопения (их 12) во славу Инсуса Христа, Богородицы и святых; исполняются всеми молящимися в храме.

...читал многотомный труд П. Успенского об Афоне .. — Имеется в виду труд известного археолога, преосвященного Порфирия Успенского (1804—1885) «Восток христианский» (Киев, 1872; СПб., 1892), в котором три объемистые части посвящены истории Афона языческого, христианского и монашеского. Порфирий также автор еще нескольких книг об Афоне и многих других сочинений.

51. В. А. и Н. Б. Зайцевым (с. 48)

Датируется по содержанию.

Митрополит Евлогий — глава Русской православной церкви за границей (РПЦЗ). К шестидесятилетию владыки Зайцев опубликует очерк «Митрополит Евлогий» (Возрождение. 1928. 22 янв. См. т. 7 в нашем изд.).

...пришлю ему «Сергия»... — Повесть Зайцева «Преподобный Сергий Радонежский».

52. В. А. и Н. Б. Зайцевым (с. 48)

Датируется по содержанию.

53. В. А. и Н. Б. Зайцевым (с. 49)

Смоква — смоковница, а также ее плоды: инжир, винная ягода.

Ктитор — церковный староста

54. В. А. и Н. Б. Зайцевым (с. 50)

...устрою что-нибудь с книгой.. (Карбасников?). — В 1927 г. у Зайцева вышли две книги — «Странное путешествие» (Париж: Возрождение) и «Грех» (Рига: Изд-во О. Д. Строк). В книгоиздательской фирме Карбасникова книга не вышла: издательство закрылось.

55. В. А. и Н. Б. Зайцевым (с. 51)

...афонцы на «послушаниях».. Послушание — любая монастырская работа, поручаемая настоятелем монаху или послушнику (готовящемуся к принятию монашества).

56. В. А. и Н. Б. Зайцевым (с. 52)

...огорчило известие о Буниных[1] — Речь идет о начавшемся романе Бунина с Г. И. Кузнецовой, вызвавшем вначале семейный разлад. Кузнецова прожила у Буниных в Грассе с мая 1927 по 1942 г. (с перерывами). «Их роман, — пишет И. В. Одоевцева, — получил широкую огласку... Бунин убедил Веру Николаевну в том, что между ним и Галиной ничего, кроме отношений учителя и ученицы, нет. Вера Николаевна, как это ни кажется невероятным, поверила... Поверила оттого, что хотела поверить».

57. И. А. Бунину (с. 53)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

(Наташа будет гостить у Карбасниковых.) — Карбасниковы — семья книгоиздателя Николая Павловича и его жены Анны Самойловны. После смерти

главы семьи в 1921 г. книгоиздательская фирма его имени продолжила работу во Франции.

Илья Исидорович — Фондаминский, соредактор журнала «Современные записки».

...выходит книга моих новых рассказов. — Сборник «Странное путешествие». Париж: Возрождение, 1927. С посвящением: «Памяти матери моей Т. В. Зайцевой». Обложка М. В. Добужинского, иллюстрировавшего в 1906 г. и первую книгу Зайцева.

...напомнило мне камеру Особого Отдела в Г.П.У., где мы сидели в 1921 г. — См. об этом: «Москва. Веселые дни» (т. 6 в нашем изд. С. 132—137).

Фондамэн — Фондаминский.

58. И. А. Бунину (с. 54)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

...написал Оберучеву отказ — В Нью-Йорк К. М. Оберучеву, возглавлявшему Комитет помощи нуждающимся русским литераторам, свои отказы послали многие. О той же причине, что указал и Зайцев, Бунин сообщает в письме к Айхенвальду от 23 июля 1927 г.:

«Дорогой Юлий Исаевич,

Нью-Йоркский Ком<итет> помощи писателям, как Вам уже известно, разумеется, затеял сборник для усиления своих средств. В числе сотрудников — Горький.

Позвольте осведомить Вас, что мы, парижане, ни в коем случае рядом с Горьким не пойдем — и так и написали Оберучеву (Алданов, Гиппиус, Зайцев, Куприн, Ладыженский, Шмелев, Сургучев, Ходасевич).

Пользуюсь случаем сказать Вам, что искренно люблю и почитаю Вас.

Ваш Ив. Бунин» (РГАЛИ. Ф. 1175. Оп. 2. Ед. хр. 85).

...пишешь большую вещь.. — Имеется в виду роман «Жизнь Арсеньева» (Париж, 1930).

59. В. Н. Буниной (с. 54)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

О. Георгий — «духовник и мой, и жены покойной, и дочери», — напишет Зайцев в очерке «Памяти о. Георгия Спасского», опубликованном в газ. «Русская мысль» 25 дек. 1965 г. (см. т. 7 в нашем изд.).

...Иван ушел из «Возрождения»... — Узнав о том, что П. Б. Струве с 17 августа 1927 г. вынужден был оставить пост редактора, Бунин направил в редакцию письмо: «Позвольте заявить, что, ввиду выхода из «Возрождения» П. Б. Струве, я свою работу в «Возрождении» тоже оставляю. Ив. Бунин». Вслед за Струве из газеты ушли 23 ведущих сотрудника. Об истории конфликта см. публикацию Г. П. Струве в «Записках русской академической группы в США». Нью-Йорк, 1968. Т. 2). «Струве, — пишет М. Раев, — рассчитывал на сотрудничество с широким кругом авторов со всего Русского Зарубежья и предполагал сделать газету серьезным изданием с большим литературным разделом. Вскоре, однако, он разошелся во взглядах с Гукасовым, которого явно не устраивала политическая ориентация Струве. Гукасов обвинил Струве в том, что из-за редакционной политики последнего в газете восторжествовали снобизм и кружковщина, ее

высокомерный тон и стиль отпугивают простого читателя-эмигранта. Оскорбленный Струве подал в отставку. Пост редактора занял Ю. Ф. Семенов, и газета стала открыто монархистской и «реакционной», адресованной малообразованному читателю ..» (*Раев М. И.* Россия за рубежом. М.: Прогресс-Академия, 1994. С. 110).

...получил взволновавшую меня пневму. — Пневма — письмо по пневматической почте.

Евлогий — в 1921—1946 гг. митрополит Западноевропейских Русских Церквей, один из основателей Русского Богословского института в Париже.

Николай Яковлевич — Рощин.

60. И. А. Бунину (с. 55)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

Маковский С. К. в 1926—1932 гг. заведовал литературно-художественным отделом в газете «Возрождение».

...Вашими словами об Афоне. — «Афон» Зайцева был издан в 1928 г. отдельной книгой.

...видел журналиста Троцкого.. — И. Троцкий — знакомый Зайцева и Бунина с дореволюционных времен. в 1930—1933 гг. Троцкий занимался выдвижением кандидатуры Бунина в Нобелевские лауреаты (см.: Устами Буниных. Дневники. Т. 2. С. 235, 256).

61. И. С. Шмелеву (с. 56)

Печ. по ксерокопии из архива Российского фонда культуры.

...книжку Вашу получил... — Имеется в виду сборник рассказов Шмелева «Про одну старуху» (Париж, 1927).

62. И. С. Шмелеву (с. 56)

Печ. по ксерокопии из архива Российского фонда культуры.

63. И. А. и В. Н. Буниным (с. 57)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб. Датируется по содержанию.

...Вишняку первую часть повести... — М. В. Вишняк — соредактор журнала «Современные записки», в котором будет опубликована повесть Зайцева «Анна» (1928 № 36, 37; 1929, № 38).

...писал в «Возрожд<ении>» — Главы из повести «Анна» публиковались в «Возрождении» 29 апреля, 22 июля, 4 ноября 1928 и 27 января 1929 г.

В воскресенье выезжаю... — В конспекте Бунина записано: «21.6. Приехал Зайцев». И далее в дневнике В. Н. Муромцевой-Буниной: «1 августа. Уехал Зайцев. Немного грустно. <...> В Зайцеве есть светлость. Понимание чего-то нужного, чувство правильности пути — это великое счастье. Религиозность — его опора и защита некая от собственной плоти. <...> Ему здесь было «хорошо, как дома». Конечно, наш «Монастырь муз» ему подходит, есть и устав, есть и удовольствия, и правильный образ жизни, и возможность писать спокойно, и полная душевная свобода. Прочла «Афон» в книге, прочла о нем рецензию

и нахожу, что никто по-настоящему не оценил эту редкую книгу» (Устами Буниных. Дневники. С. 179—180).

В. и Н. — Вера Алексеевна и Наталия Борисовна Зайцевы.

...за «Арсеньева» обнимаю горячо. — В конспекте Бунина отмечено: «14.6. Начал третью книгу «Ж<изни> А<рсеньева>» (Устами Буниных. Дневники. Т. 2. С. 179). Роман «Жизнь Арсеньева», над которым писатель работал в 1927—1933 гг., впервые полностью будет издан в 1952 г. в Нью-Йорке.

64. И. С. Шмелеву (с. 57)

Печ. по ксерокопии из архива Российского фонда культуры.

...осенью там съезд Союзов (эмигрантских)... — см. примеч. к № 68.

65. И. А. и В. Н. Буниным (с. 58)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

...сорвал с самого барина... — Вероятно, имеется в виду издатель Гукасов.

Галина — Г. Н. Кузнецова.

Капитан — прозвище, данное Буниным Н. Я. Рощину, который имел этот чин во время службы в армии генерала Л. Г. Корнилова.

Притыкино — имение отца Зайцева, где писатель до 1922 г. жил с семьей много лет.

66. И. А. Бунину (с. 59)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

«Пакт Келлога» — имеется в виду Парижский пакт 1928 г. Келлога — Бриана об отказе от войны как орудия национальной политики, подписанный 15 государствами. Назван по имени инициаторов, нобелевских лауреатов государственного секретаря США Ф. Келлога и министра иностранных дел Франции А. Бриана.

...на «Красине», разыскивает Амундсена. — Ледокол «Красин» в 1928 г. участвовал в спасении экспедиции итальянского дирижаблестроителя Умберто Нобиле. Во время поисков этой экспедиции погиб во льдах Баренцева моря норвежский путешественник Руаль Амундсен.

67. И. А. Бунину (с. 60)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

...взялся рьяно за «Арсеньева»... — «Жизнь Арсеньева» (см. примеч. к № 63).

68. В. Н. Буниной (с. 61)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

...выезжаю в Белград... — 25 сентября 1928 г. в Белграде торжественно открылся Первый зарубежный съезд русских писателей и журналистов. Зайцев был в составе парижской делегации, в которую входили: М. В. Вишняк, З. Н. Гиппиус, К. И. Зайцев, В. Ф. Зеелер, А. И. Куприн, Д. С. Мережковский, К. К. Парчевский, В. В. Руднев, А. А. Яблоновский.

Земгор — объединенный комитет Земского союза и Союза городов, создан-

ный 10 июля 1915 г. для помощи в снабжении русской армии. Упраздненный в России в 1918 г., продолжил свою благотворительную деятельность в эмиграции, взяв на себя заботу о русских культурных ассоциациях и нуждающихся деятелях культуры. В Париже основателем Земгора стал бывший председатель Временного правительства князь Г. Е. Львов. Руководителями Земгора были А. И. Коновалов, Н. Д. Авксентьев, В. В. Руднёв, В. Ф. Зеелер, Н. С. Долгополов и др.

Н. Н. — Берберова.

...Иван будет за него ходатайствовать, равно и за Тэффи. — Бунин показал гостившему у него югославскому профессору-языковеду А. Беличу стихи Ходасевича, которые ему не понравились. Бунин также познакомил Белича с Тэффи. «Но у меня чувство, что Тэффи осталась недовольна», — записывает 8 сентября 1928 г. в дневнике В. Н. Муромцева-Бунина (Устами Буниных. Дневники. Т. 2. С. 182). Тэффи на съезд была приглашена, но приехать не смогла.

Х. — В. Ф. Ходасевич.

И<ван> — И. А. Бунин.

Наташа сейчас у Карбасниковых... — см. примеч. к № 57.

В. Лодыженский едет... в Ниццу. — 20 января 1932 г., узнав о смерти В. Н. Ладыженского, В Н. Муромцева-Бунина в дневнике записывает: «Он был нам настоящий друг и верный человек с редкими душевными качествами. Ни одной жалобы, ни одного стона, а жизнь его была все последние годы очень трудная, даже тяжелая» (Устами Буниных. Дневники. Т. 2. С. 261).

69. И. С. Шмелеву (с. 61)

Печ. по ксерокопии из архива Российского фонда культуры.

На днях будем в Белграде. — т. е. на Первом зарубежном съезде русских писателей и журналистов (см. примеч. к № 68).

К. Д. — Бальмонт.

С 1-го янв<аря> будет журнал... — Издание журнала не осуществилось. С 1 декабря 1928 г. при ближайшем участии П. Б. Струве стал выходить еженедельник «Россия и славянство» (ред. К. И. Зайцев).

...«Дальний край» вышел в Загребе... — Роман издан в переводе Ник. Николаевича (Загреб, 1927).

70. И. А. Бунину (с. 62)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

...после двухнедельных белградо-загребских «празднеств». — Первый зарубежный съезд русских писателей и журналистов работал 6 дней — с 25 сентября по 1 октября 1928 г. Однако «съездовские» мероприятия длились еще не менее месяца. Вот некоторые из них. 30 сентября — литературный вечер в Белградском университете, где свои произведения читали Зайцев, Вас. И. Немирович-Данченко, Гиппиус, Мережковский, Куприн и др. 1 октября — вечер русской литературы. 6 октября — прощальный вечер в университете, на котором выступили Зайцев, Куприн, Е. Н. Чириков. 7 октября — утренник в Загребе с участием Зайцева и Куприна. 11 октября — вечер Мережковского и Гиппиус.

Проводились также лекции, торжественные спектакли в честь русских писателей, чай-концерты, вечера поэтов.

...затем ордена. — На заключительном заседании съезда писателей 1 октября акад. А. Белич огласил королевский указ о награждении русских литераторов югославскими орденами. Высший орден Св. Саввы 1-й степени был вручен Немировичу-Данченко и Мережковскому, орден Св. Саввы 2-й степени получили Зайцев, Куприн, Чириков, Гиппиус, Е. В. Спекторский, орден Св. Саввы 3-й степени — А. А. Яблоновский, В. В. Руднев, А. А. Боголепов, Н. М. Могилянский, С. И. Варшавский, С. М. Кельнич, А. И. Ксюнин, орден св. Саввы 5-й степени — Н. М. Волковыский и Е. В. Жуков.

...приветствовать меня на обеде с получением «голубой звезды» — Имеются в виду орден Св. Саввы 2-й степени (с лентой голубого цвета), полученный Зайцевым в Белграде, и его лучшая повесть «Голубая звезда».

Зинаида — З. Н. Гиппиус.

Дмитрий — Д С. Мережковский.

..я еще не в чириковском возрасте. — Е. Н. Чириков на 17 лет старше Зайцева.

71. И. А. Бунину (с. 63)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

...как редактор журнала... — см. примеч. к № 69.

Дима, Зина и Володя — Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус и В. А. Злобин.

Издательство тоже с января... — Один из важных итогов Первого зарубежного съезда русских писателей и журналистов — образование Державной издательской комиссии, финансируемой правительством Королевства сербов, хорватов и словенцев. В 1928—1936 гг. в Белграде было издано 56 книг в трех сериях· «Русская библиотека», «Детская библиотека» и «Библиотека для юношества» В первой серии вышли «Избранные рассказы. 1924—1927» Зайцева и «Грамматика любви. Избранные рассказы» Бунина (обе 1929), а также книги Алданова, Амфитеатрова, Бальмонта, Гиппиус, Ив. Ильина, Куприна, Мережковского. Ремизова, Северянина, Тэффи, Шмелева и др.

«Русское слово» — проект издания такой газеты в Белграде не осуществился.

Благов Владимир — критик, публицист, печатавшийся в пражских журналах «Студенческие годы» (1922—1925) и «Годы» (1926—1928).

72. И. С. Шмелеву (с. 64)

Печ. по ксерокопии из архива Российского фонда культуры.

73. И. А. Бунину (с. 65)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

...Плещееву, на 70-летие. — 70-летие А. А. Плещеева отмечалось 19 октября 1928 г.

74. И. А. Бунину (с. 65)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

...условился с Беличем об издании книги... — см. примеч. к № 71.

...тоже за Савву. — Зайцев в Беграде был награжден орденом Саввы 2-й степени.

Зеелер В. Ф., *Познер* В С. — секретари правления парижского Союза русских писателей и журналистов.

75. И. А. Бунину (с. 66)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

«Слово» (1928—1940) — белградское издательство, выпустившее 27 книг русских писателей.

...надо кончать повесть. — «Анна» (см. примеч. к № 75).

И. И. — Фондаминский.

76. И. А. Бунину (с. 66)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

...мою статью об Айхенвальде... — Очерк Зайцева «Ю. И. Айхенвальд» был опубликован в газ. «Возрождение» 22 дек. 1928 г. (№ 1299) и вошел в его книгу «Москва» (см. т. 6 в нашем изд).

Милюков Павел Николаевич — в 1921—1943 гг. председатель парижского Союза русских писателей и журналистов.

Капитан — Н Я. Рощин.

77. И. С. Шмелеву (с. 67)

Печ. по ксерокопии из архива Российского фонда культуры.

...повторять опыт Струве — т. е. революцию... — Имеется в виду история разрыва П. Б. Струве с основанной им газетой «Возрождение» и ее издателем А. О. Гукасовым (см. об этом примеч. к № 59).

78. И. А. Бунину (с. 68)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

Земгор — см. примеч. к № 68.

...написать Масарику (!)... — Томаш Масарик — президент Чехословакии в 1918—1935 гг.

79. И. С. Шмелеву (с. 69)

Печ. по ксерокопии из архива Российского фонда культуры.

80. И. А. Бунину (с. 69)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

Выпускаю на днях повесть... — Речь идет о повести «Анна», которая публиковалась в журнале «Современные записки» в 1928 (№ 36, 37) и 1929 г. (№ 38).

И. И. — Фондаминский.

Коварский И. Н. — владелец книжного магазина в Париже «Родина».

...Заксу объявлен бойкот. — Вероятно, имеется в виду Генрих Закс, владелец фирмы русских книжных магазинов «Москва» в Париже, Берлине и Нью-Йорке.

81. И. А. Бунину (с. 70)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

Не собрался ли бы ты к нам в Ниццу? — О состоявшейся поездке Бунина к Зайцевым есть запись в дневнике В. Н. Муромцевой-Буниной от 2 сентября 1929 г. (Устами Буниных. Дневники. Т. 2. С. 208).

82. И. А. Бунину (с. 70)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

...самодовольство «солнечного брата» и его замоскворецкого кузена из Капбретона. — Имеются в виду автор знаменитого сборника стихов «Будем, как солнце» Бальмонт, живший во Франции в Капбретоне, и Шмелев (родом из Замоскворечья), на лето выезжавший также в Капбретон.

Серов С. М. — парижский врач, лечивший Буниных и Зайцевых.

83. Вас. И. Немировичу-Данченко (с. 71)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 355. Оп. 2. Ед. хр. 178. Л. 3. Поздравление с днем рождения: патриарху русского зарубежья 5 января исполнилось 85 лет.

84. И. А. Бунину (с. 71)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

«Свенцянский прорыв» — наступательная операция 10-й германской армии 26 августа —19 сентября 1915 г., остановленная героическими усилиями русских войск.

85. И. А. Бунину (с. 72)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб. Датируется по штемпелю на открытке.

...протест против письма в «Nouv<elles> Litt<eraires>» группы советских писателей и художников о Левинсоне (они облаяли его за справедливую статью о Маяковском). — Некролог Андрея Левинсона о Маяковском был напечатан в парижской газете «Les Nouvelles Litteraires» («Новости литературы») 31 мая 1930 г. С протестом выступили писатели-коммунисты во главе с Луи Арагоном (14 июня в этой же газете). «В то время, — вспоминает Н. Н. Берберова, — во всем западном мире не было *ни одного* видного писателя, который был бы «за нас», то есть который поднял бы голос против репрессий, против советской цензуры, арестов, процессов, закрытия журналов, против железного закона социалистического реализма, за неповиновение которому шло физическое уничтожение русских писателей. <...> Уже до этого у него (Левинсона. — *Т. П.*) были неприятности, когда он в апреле 1928 года поместил статью в парижской газете «Ле Тан», спрашивая, как относиться к М. Горькому теперь, когда начались в Советском Союзе репрессии против писателей, если он не поднимет свой голос против них?» (*Берберова Н. Н.* Курсив мой. Автобиография. М.: Согласие, 1996. С. 270). Левинсон упрекал Горького, в частности, за его восторженный некролог о Дзержинском. Ответ Горького был опубликован в «Красной газете» 5 сентября 1928 г. К Горькому обратился и Ромен Роллан с вопросом, правда ли, что в Советском Союзе писателей угнетают. Отвечая

12 февраля 1928 г. в газете «Л'Эроп», Горький назвал, наряду со знаменитостями, еще девять имен плодотворно работающих писателей: Леонид Борисов, Нина Смирнова, Бабель, Пильняк, Ал. Яковлев, С. Клычков, Казин, Орешин, Зощенко. «Все эти имена, — комментирует Берберова, — принадлежат людям, впоследствии так или иначе репрессированным. <...> Шесть человек, упомянутые Горьким, были ликвидированы в тридцатых годах. Зощенко отстранен от литературы в 1946 году». (Там же. С. 277).

Галина Николаевна — Кузнецова.

86. И. С. Шмелеву (с. 72)

Печ. по ксерокопии из архива Российского фонда культуры.

...в нашем выступлении. — Речь идет об открытом письме в защиту позиции А. Я. Левинсона, автора статьи-некролога о Маяковском (см. примеч. к № 85).

Фохт В. Б. — поэт, журналист.

О. А. — Шмелева.

87. И. А. Бунину (с. 73)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

Белич А. И. — в 1928—1941 гг. председатель Культурной комиссии Русского института в Белграде, президент Сербской королевской академии наук.

К., Н. Н. — Карбасников Николай Николаевич, владелец издательства и книжного магазина в Париже.

Пав<ел> Андреич — Тикстон.

Марк Ал<ександрович> — Алданов, с которым дружили многие годы Бунин и Зайцев. «Этому человеку я верю больше всех на земле», — говорил Бунин (*Бахрах А. В.* Бунин в халате. С. 108). За 30 лет дружбы Алданов (по его подсчетам) отправил Ивану Алексеевичу около тысячи писем.

..читаю твои маленькие рассказы... — В 1927—1930 гг. Бунин написал более 40 рассказов-миниатюр (полстраницы — страница каждый). Часть из них вошла в цикл «Краткие рассказы», опубликованный в газ. «Последние новости» (1930. 30 ноября. № 334) и сборнике «Божье древо» (Париж, 1931). Зайцев, вероятно, читал этот сборник.

88. И. А. Бунину (с. 74)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

...печатание наших книг... — см. примеч. к № 71.

Зина — З. Н. Гиппиус.

Демидов И. П. — заместитель редактора «Последних новостей».

89. И. С. Шмелеву (с. 75)

Печ. по ксерокопии из архива Российского фонда культуры.

«Анна» — повесть Зайцева.

...поклоны Кульманам... Бальмонтам. — Н. К. и Н. И. Кульманы, друзья Зайцевых и Буниных; по словам В. Н. Муромцевой-Буниной, «очень милые и хорошие люди с большими знаниями, духовностью и высокой моралью» (Устами Буниных. Дневники. Т. 2. С. 151). *Бальмонты* — Константин Дмитриевич и его третья жена Елена Константиновна, урожд. Цветковская.

90. И. А. Бунину (с. 76)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

...описание Наташиной свадьбы. — Свадьба описана в письме В. А. Зайцевой к В. Н. Буниной от 9 марта 1932 г., опубликованном в повести «Другая Вера» (т. 6 в нашем изд. С. 438—439).

Ровинский С. В. — художник; в 1932 г. участвовал в Выставке русского искусства в парижской галерее «Ренессанс».

Андрей — А. В. Соллогуб.

Ф. О. устроила мне вечер... — Фаина Осиповна Ельяшевич.

Вера — В. Н. Муромцева-Бунина.

Галина — Г. Н. Кузнецова.

...на днях родит Мирра. — М. К. Бальмонт, дочь К. Д. Бальмонта и его третьей жены Е. К. Бальмонт-Цветковской.

91. И. А. Бунину (с. 77)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

Гукасов А. О. — издатель газеты «Возрождение».

Галина — Г. Н. Кузнецова.

Зурензон — Л. Ф. Зуров.

92. И. А. Бунину (с. 77)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

...Вера была в Нечаянной Радости... — В этой монашеской обители (бывшее аббатство Сен-Жермер) в 1930—1934 гг. жила старшая сестра Зайцева, Татьяна Константиновна.

Н<аташа> с Андр<еем>. — Н. Б. и А. В. Соллогубы.

...поразились смертью Черного. — Саша Черный скоропостижно скончался 5 августа 1932 г. на своей даче в Ла Фавьере (на юге Франции); в этот день он участвовал в спасении соседней фермы от разразившегося пожара.

Ел<изавета> М<аврикиевна> — жена А. И. Куприна.

Киса — Ксения, дочь Куприна.

93. И. А. Бунину (с. 78)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

Галина — Г. Н. Кузнецова.

...читал о св. Серафиме... — Вероятно, Зайцев выступил в церкви с чтением своего очерка «Около св. Серафима», опубликованного в газ. «Возрождение» 25 янв. 1933 г. (см. т. 7 в нашем изд.).

«Арсеньев» — роман Бунина «Жизнь Арсеньева».

94. И. А. Бунину (с. 79)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

Ел<изавета> М<аврикиевна> — жена А. И. Куприна.

У них... равного Арсеньеву нет. — Имеется в виду роман Бунина «Жизнь Арсеньева».

...сижу над лекцией... — 25 марта Зайцев в зале Мюзе сосиаль (Общественном музее) выступил перед аудиторией Народного университета с лекцией «Человек

в современ ости» (о судьбах русских изгнанников). В архиве Наталии Борисовны сохранилось адресованное ей письмо Тикстона от 23 марта 1933 г.: «Ваши родители заняты предстоящей лекцией. Б. К. рассказал в общих и кратких чертах ее содержание. И я думаю, что будет интересно». Приписка Тэффи: «Завтра лекция Б. К. Волнуюсь. Но все пойдут. Будет, наверное, отлично ..» В 1930-х гг. Зайцев выступал в нескольких городах Франции с лекциями о русской классике; в частности, успехом пользовалась его лекция об И. С. Тургеневе. 21 мая 1933 г. он открыл вступительным словом вечер памяти Тургенева, состоявшийся в Союзе писателей, а 3 сентября опубликовал свой очерк «Тургенев» в «Возрождении». 18 марта 1933 г. Зайцев выступил на открытии съезда Объединения русских в Клиши и РСХД с чтением лекции, в основе которой были его очерк «Три святителя» и рассказ «Богородица Умиление Сердец» (об этом см. заметку Н. А. Тэффи «О лекции Б. К. Зайцева» в «Возрождении». 1933. 19 марта). См. также: *Дейч Е. К.* Б. К. Зайцев и Н. А. Тэффи. По материалам парижского архива. В сб.: Проблемы изучения жизни и творчества Б. К. Зайцева. Вторые Международные Зайцевские чтения. Калуга, 2000. С. 186—194.

. *читал там Ходасевич о Пушкине...* — 4 марта 1933 г. в зале Мюзе сосиаль Ходасевич прочитал отрывок из своей книги «Пушкин» (над популярной биографией поэта он работал с 1920 г., так и не закончив книгу). Три главы были написаны в 1932—1933 гг. (их Ходасевич читал в разных аудиториях и опубликовал в периодике).

Алексей Васильевич — Орешников, отец В. А. Зайцевой.

Таня — Т. А. Полиевктова, сестра В. А. Зайцевой.

...за французскими корректурами «Золотого узора»... — Перевод романа Зайцева вышел в парижском издательстве Ашетт в 1933 г.

...бюст Юпитера Пирикалийского... — В романе «Золотой узор» описан «тихий дом с бюстом Юпитера Отриколийского в прихожей», т. е. имеется в виду одна из копий античной культовой скульптуры из г. Отрикола в окрестностях Рима.

«Вакханка» — картина живописца Ф. А. Бруни (1799—1875).

Какая рожа у Тельмана! — Э. Тельман, лидер германских коммунистов.

95. И. А. Бунину (с. 80)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

Калитины — герои романа И. С. Тургенева «Дворянское гнездо».

...был у дяди в гостях... — У отца Зайцева Константина Николаевича было пятеро братьев и три сестры. В Орле жили адвокат Александр Николаевич и врач Николай Николаевич Зайцевы.

...прочел книжку твоих стихов. — Бунин Ив. Избранные стихи. Париж, 1929.

У меня из окна был виден на Соборе петух... — Намек на стихотворение Бунина «Петух на церковном кресте».

...на Растеряевой улице. — «Нравы Растеряевой улицы» — книга очерков Г. И. Успенского о быте ремесленников, лавочников, мелких чиновников. Бунин называл Растеряевой улицей rue Thier, где квартировали Зайцевы.

Руднев внезапно попросил кусок романа.. — Благодаря этой просьбе одного из соредакторов «Современных записок» В. В. Руднева журнал в 1933 г. (в №№ 51—54) напечатал в сокращенном виде роман Зайцева «Дом в Пасси».

Тургенева я, кажется, совсем замучил — В сентябре 1933 г. отмечалось 50-летие со дня смерти русского «парижанина» И С. Тургенева, о котором Зайцев в 1932 г. издал свой роман-биографию и опубликовал около 20 очерков и статей

..свадьба пана Масло-Ходасевича с девицей Марголиной. — Речь идет о свадьбе В. Ф. Ходасевича и Ольги Борисовны Марголиной.

Коровин Константин Алексеевич — академик живописи и сценограф. С 1929 г. активно занялся литературным творчеством: публикует рассказы, очерки, воспоминания (о Чехове, Врубеле, Серове, Левитане, Шаляпине и др).

96. И. А. Бунину (с. 81)

Печ по ксерокопии автографа из архива Н Б. Зайцевой-Соллогуб.

. моя «мощная» поддержка это Фохт.. — Критик, поэт, журналист В. Б Фохт в 1932 г. уехал в Дамаск, откуда вернулся католиком через два года.

Муратов.. вздохнет от «Возрождения».. — П П Муратов был с лета 1927 г. одним из самых активных сотрудников газеты «Возрождение». Он вел здесь актуальную рубрику политического репортажа «Каждый день», вызвавшую в 1931 г острый конфликт в редакции из-за нападок «реакционера» Муратова на русских социалистов («хищных зверей»), в том числе на Е. К. Брешко-Брешковскую, портрет которой неспроста висел в редакции Позиция Муратова была поддержана Зайцевым, Буниным, Алдановым, Цетлиным. Муратов выступал также в рубриках «Ночные мысли» и «Окно в Европу».

...видел книгу Хэнтингтона об эмиграции. — У. Хэнтингтон. Ностальгия миллионов Россия вне России (Huntington W. Ch. The Homesick Million. Russia out-of-Russia. Stratford Co Boston, 1933).

97. И. С. Шмелеву (с. 83)

Печ. по ксерокопии из архива Российского фонда культуры.

«Лето Господне: Праздники Радости Скорби» — очерки (их 41) из этой книги Шмелева впервые стали печататься в 1927 г.; работа продолжалась до 1948 г. В 1933 г. в Белграде были изданы «Праздники» (вероятно, это издание упоминает Зайцев).

Прочитал в газетах о Вашем шестидесятилетии.. — Шмелев родился 21 сентября 1873 г.

98. И. А. Бунину (с. 83)

Печ по ксерокопии автографа из архива Н. Б Зайцевой-Соллогуб.

. запрос... от Кальгрена? — Кальгрен — шведский профессор-славист. «Телеграмма Кальгрена нарушила наш покой», — вспоминает в очерке «То, что я запомнила о Нобелевской премии» В. Н. Муромцева-Бунина о дне 9 ноября 1933 г., когда из Стокгольма по телефону Бунину официально сообщили о том, что он — нобелевский лауреат. Зайцев, получив телеграмму своего

друга, тотчас отправился в типографию газеты «Возрождение», где срочно в номер написал свой репортаж «Бунин увенчан». 10 ноября вся эмиграция читала его волнующие строки: «Русский писатель Иван Бунин увенчан как первый, и в нем увенчана литература наша, и Россия, наконец, после тридцатилетнего молчания! <...> Это, конечно, праздник. Настоящий наш русский, первый после стольких лет унижений и бед».

«Прага» — ресторан в Москве на Арбате.

«Русское Слово» — газета, издававшаяся И. Д. Сытиным до 1917 г. в Москве.

...тогда была Академия... — Имеется в виду избрание Бунина академиком, состоявшееся в ноябре 1909 г.

99. И. А. Бунину (с. 84)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

...пора P.E.N. клубу дать о себе знать! — ПЕН-клуб (сокр. от *англ.* poets, essayists, novellists — поэты, очеркисты, романисты) — международное писательское объединение, основанное в 1921 г. Дж. Голсуорси и К. Э. Даусон-Скоттом.

...с Растеряевой улицы... — см. примеч. к № 95.

Наташа — Н. Б. Зайцева-Соллогуб

Андрей — А. В. Соллогуб.

Донзель... сидит над твоим Арсеньевым. — Морис Донзель переводил на французский язык роман Бунина «Жизнь Арсеньева».

100. И. А. Бунину (с. 85)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

101. И. А. Бунину (с. 85)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б Зайцевой-Соллогуб.

...статью Мордвинова.. — «Младорусская Искра». 1934. 25 февраля А. А. Мордвинов — журналист, напечатавший также «Отрывки из воспоминаний» в парижском журнале «Русская летопись» (1934 № 5, 6).

102. И. А. Бунину (с. 86)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

...надеюсь быть у вас. — В. Н. Муромцева-Бунина в дневнике 26 апреля 1934 г. записывает: «Вчера приехал Борис Зайцев <...> очень родной нам, точно из семьи <..> Приезд Бори может принести в наш дом мир. Он успокаивает, и так как в нем нет чуждости нам, то он не утомляет» (Устами Буниных. Дневники. Т. 3. С. 9).

103. И. А. Бунину (с. 86)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

...валового сбору 540... — Речь идет о сборах, полученных на литературном вечере Зайцева в Ницце 27 мая 1934 г.; он выступил здесь с лекцией «Русский человек в современности» (впервые была прочитана год назад, 25 марта 1933 г.

в Клиши). Председательствовал Бунин. Этот вечер был повторен 17 июня в Каннах.

Н. и А. — Н. Б. и А. В. Соллогубы.

...найти мою статейку о тебе.. — Имеется в виду речь Зайцева на чествовании Бунина по случаю присуждения ему Нобелевской премии (Возрождение. 1933. 28 ноября. № 3101, см. т. 6 в нашем изд.). Вечер состоялся в театре Елисейских полей. Эту речь Зайцев повторил на Дне русской культуры в Ницце 10 июня 1934 г., где чествовали нобелевского лауреата.

104. И. А. Бунину (с. 86)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

Мариночка Безобразова — М. С. Безобразова, детский писатель, сестра философа Вл. С Соловьева и жена историка П. В Безобразова.

105. И. А. Бунину (с. 87)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

Полонские — семья Я. Б. Полонского.

М Ал. — Алданов.

Таня, Надя — сестры Зайцева.

106. И. А. Бунину (с. 87)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

.. принимают за нас Cyrille'a и Софью Артемьевну. — Речь идет о Кирилле Иосифовиче Зайцеве и его жене.

Доллий — Л И. Львов.

Петр Константинович — Иванов.

...читаю Гоголя. — 125-летию со дня рождения Гоголя были посвящены мероприятия в Дни русской культуры. Торжественные заседания состоялись в Сорбонне 9 июня и в Ницце 10 июня 1934 г. В эти дни Зайцев напишет об авторе «Мертвых душ» статью «Жизнь с Гоголем», которая будет опубликована в журнале «Современные записки» в 1935 г. (см т. 9 в нашем изд).

107. И. А. Бунину (с. 88)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

Надя — сестра Зайцева Н. К. Донзель.

...прохватить Мориса.. — Вероятно, речь идет о денежном долге М Донзеля, переводчика произведений Бунина на французский язык.

...у сына Рубинштейна.. бридж-бал в «пользу писателей». — Вероятно, имеется в виду сын крупного финансиста Дмитрия Львовича Рубинштейна (1876—1936), устраивавшего в Петербурге в особняке на Марсовом поле богатые приемы. В Париже также организовывал писательские вечера, в частности вечер И. Северянина в 1931 г.

«Папочка» — прозвище А И. Куприна.

Е. М. — Елизавета Маврикиевна Куприна.

Ф. О. — Ельяшевич.

Н<аталья> Игн<атьевна> Михельсон — приятельница В. Н. Буниной (они

вместе занимались организацией благотворительных литературных вечеров в помощь нуждающимся писателям.

Грандюки (от *фр.* grand-duc — великий герцог, великий князь) — здесь в знач.: представители высшего общества, знать.

Вновь rue Offenbach.. — На ул. Жака Оффенбаха — парижская квартира Буниных.

108. Вас. И. Немировичу-Данченко (с. 89)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 355. Оп. 2. Ед. хр. 178. Л. 4. Зайцев поздравляет Немировича-Данченко с 90-летием: патриарх русской литературы родился 24 декабря 1844 (5 января 1845).

109. И. А. Бунину (с. 89)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

Папаша — домашнее прозвище Зайцева.

...«хребтам беспредельно-пустынного моря»... — Из «Божественной Комедии» Данте.

Пильский пишет, что в Риге... — В Риге П. М. Пильский поселился в 1926 г., где стал сотрудничать в еженедельной газете «Сегодня».

И. И. — Фондаминский.

Елена — третья жена Бальмонта Елена Константиновна.

Галина — Г. Н. Кузнецова.

Жозеф — слуга Буниных.

Марга — Маргарита Августовна Степун.

110. И. А. Бунину (с. 91)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб. Год установлен по штемпелю на открытке.

111. И. С. Шмелеву (с. 91)

Печ. по ксерокопии из архива Российского фонда культуры.

Книжка Ваша в библиотеке есть. — «На скалах Валаама» (1897), книга Шмелева, написанная им после свадебного путешествия на острова Ладожского озера.

112. И. С. Шмелеву (с. 92)

Печ. по ксерокопии из архива Российского фонда культуры.

113. И. А. Бунину (с. 93)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

Притыкино — см. примеч. к № 65.

Сергей Иванович Кознышев — персонаж романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина».

Зурович — Л. Ф. Зуров.

114. И. А. Бунину (с. 95)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

...просьба Инвалидов... — Имеется в виду редакция ежемесячной военно-научной и литературной газеты «Русский инвалид», выходившей в Париже в 1930—1940 гг.

Кюфферле замолчал. — Р. П. Кюфферле — приятель Зайцева, переводивший его произведения (а также Бунина, Шмелева, Мережковского, Алданова и др.) на итальянский язык.

А. С. Цетлин — Мария Самойловна Цетлин (в письме инициалы ошибочны).

Елена — Е. К. Бальмонт.

Надя — Н. К. Донзель, сестра Зайцева.

115. И. С. Шмелеву (с. 95)

Печ. по ксерокопии из архива Российского фонда культуры.

...28 назначено в Ницце мне чтение. — 28 июня в Ницце состоялся литературный вечер Зайцева, на котором он читал главы из книги «Валаам» и начатого в 1935 г. романа «Заря» из тетралогии «Путешествие Глеба».

...14-го на «Дн<ях> культ<уры>». — Проведенный в Ницце 14 июня День русской культуры был посвящен А. Н. Островскому и М. И. Глинке. «Видел в Ницце Зайцевых <...> — грустные, подавленные тем, что происходит в Париже», — записал в этот день Бунин в дневнике (Устами Буниных. Дневники. Т. 3. С. 20).

...Вы и надолго останетесь в Латвии. — Шмелев с женой собирались в июне совершить путешествие в Прибалтику по приглашению Раисы Гавриловны Зиммеринг и ее дочери Людмилы. Однако Иван Сергеевич выехал в Ригу в конце июля один: 22 июня Ольга Александровна скоропостижно скончалась от сердечного приступа.

А что «Возрождение»? — Газета «Возрождение» в 1936 г. из-за финансовых затруднений перешла на еженедельные выпуски, а в 1949 г. стала журналом.

«Валаам» как будто должен уже выйти... — Книгу Зайцева «Валаам» выпустило в 1936 г. таллинское издательство «Странник».

116. И. С. Шмелеву (с. 96)

Печ. по ксерокопии из архива Российского фонда культуры. Письмо с соболезнованиями по поводу скоропостижной смерти О. А. Шмелевой.

117. М. А. Алданову (с. 97)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 622. К. 3. Ед. хр. 6. Опубл. А. Д. Романенко в кн.. *Зайцева-Соллогуб Н.* «Я вспоминаю...». М., 1998. С. 85.

...к Ивану Алексеевичу... — Бунину.

Татьяна Марковна — жена Алданова.

«Бельведерский торс» (1936) — рассказ Алданова.

118. И. А. Бунину (с. 97)

Печ. по ксерокопии автографа: РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 103.

...«Возрождение» закрылось... — см. примеч. к № 115.

Авраам — А. О. Гукасов.

Капитан — Н. Я. Рощин.

Марко Богатый — М. А. Алданов; он получал «богатые» гонорары за свои исторические романы, пользовавшиеся большой популярностью.

Зурович — Л. Ф. Зуров.

119. И. А. Бунину (с. 98)

Печ. по ксерокопии автографа: РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 103.

Слоним М. Л. — критик и публицист, возглавлявший в Париже литературное объединение «Кочевье» (1928—1938) и «Европейское литературное бюро».

Л. Ф. — Зуров.

120. И. С. Шмелеву (с. 99)

Печ. по ксерокопии из архива Российского фонда культуры.

З-р — В. Ф. Зеелер (один из его псевдонимов — Вл. З-р), генеральный секретарь Союза писателей и журналистов в Париже.

«Возрождение»... как еженедельная газета. — См. примеч. к № 115.

«Пути небесные» — оставшийся незавершенным роман Шмелева (т. I вышел в 1937, т. 2 — в 1948 г.).

...сговориться с издателем (Абр<ам>). — Издатель «Возрождения» — А. О. Гукасов.

Н. К. — Николай Карлович Кульман.

Переехали сюда Бунины — Грасс бросили совсем. — В. Н. Муромцева-Бунина 21 сентября 1936 г. в дневнике записала: «Последний день на Бельведере» (Устами Буниных. Дневники. Т. 3. С. 21).

121. Л. Н. Замятиной (с. 99)

Печ. по копии автографа, хранящегося в частном собрании (США). Н. Б. Зайцева-Соллогуб, наследница зайцевского и замятинского архивов, подтвердила подлинность двух писем (№ 121 и 241) своего отца к Л. Н. Замятиной.

Покойного Евгения Ивановича... — Е. И. Замятин скончался в Париже 10 марта 1937 г. Похоронен 12 марта на кладбище Тие (пригород Парижа)

122. И. А. Бунину (с. 100)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

Тамара Туманова — балерина; после 1917 г. эмигрировала в Париж.

Мать Чехова звали Елизавета Яковлевна? — Евгения Яковлевна Чехова (1835—1919).

123. И. А. Бунину (с. 101)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

Марко — Алданов.

Женни Цвибак — вероятно, жена А. Седых (Я. М. Цвибака).

Люба Полонская (урожд. Ландау) — сестра М. А. Алданова.

Тусик — Н. Б. Зайцева.

Ляля — Е. Н. Жирова.

124. И. А. Бунину (с. 102)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

...читал «Германа и Доротею», «Ифигению» и «Тассо». — Названы произведения Гете: поэма «Герман и Доротея» (1797), драмы «Ифигения в Тавриде» (1779) и «Торквато Тассо» (1789).

Марко — Алданов.

«Мои записки», «Большой шлем», «Набат» — повесть и рассказы Л. Н. Андреева.

«Царь Голод», «Океан», «Анатэма» — трагедии Л. Н. Андреева.

Ф. — Вероятно, Ф. О. Ельяшевич.

Ляля — Е. Н. Жирова.

Олечка — Ольга Алексеевна Жирова (в замужестве Колар), дочь Е. Н. Жировой. Т. Д. Муравьева-Логинова вспоминает о Буниных: «Эта маленькая девочка внесла в их жизнь своей непосредственностью, своей живостью, своим чутким детским сердцем — то тепло, которого им обоим так недоставало. Если бы не ревиость матери, никогда бы они с Олечкой не расстались. На фотографии, снятой в Грассе на вилле «Босолей» в 1938 г. И. А. сидит на стуле и держит Олечку на коленях. Лицо у него спокойное и удовлетворенное. Олечке лет шесть, она радостно прижимается к «Ване», которого она очень любит» (*Муравьева-Логинова Т. Д.* Живое прошлое. Литературное наследство. Т. 84. Иван Бунин. В двух книгах. Кн. 2. М. 1973. С. 312).

125. И. А. Бунину (с. 103)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

Сирин — псевдоним В. В. Набокова.

...довольно его... «Дара». — «Дар» — роман Набокова.

Ляля и Олечка — Жировы.

Тусенька — Н. Б. Зайцева.

Буйневич Мечислав Альбинович — муж Татьяны Константиновны, сестры Зайцева.

126. И. А. Бунину (с. 103)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

«Поздний час» — рассказ Бунина из цикла «Темные аллеи», опубликованный в газ. «Последние новости» (1938. 11 дек. № 6467).

«Вишневый сад» — пьеса А. П. Чехова.

Марко Богатый — Алданов.

Симеонов-Пищик — персонаж из пьесы Чехова «Вишневый сад».

...из Лондона Саблина. — Вероятно, жена Н. П. Саблина, флигель-адъютанта Николая II, жившего в эмиграции в Париже.

Сирин — В. В. Набоков.

Ляля — Е. Н. Жирова.

127. И. А. Бунину (с. 104)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

Иоанн Рыдалец — Зайцев называет Бунина по имени персонажа («Христа нашего ради юродивого») из его одноименного рассказа (1913).

«Москва» — мемуары Зайцева; первое книжное издание — Париж: Русские записки, 1939 (см. т. 6 в нашем изд.).

О Леониде статейка еще времен Притыкина... — Очерк «Леонид Андреев», написанный в Притыкине в 1919 г., вошел в коллективный сборник «Книга о Леониде Андрееве. Воспоминания». Пб; М.: Изд-во З. И. Гржебина, 1922.

128. И. А. Бунину (с. 105)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

...за «Глеба» только сегодня опять принялся. — Зайцев в 1939 г. работал над завершением второго романа тетралогии «Путешествие Глеба» — «Тишина», который выйдет в свет после войны, в 1948 г. Главы печатались в газете «Возрождение»: «Саров» — 6 января 1939, «Колебания Глеба» — 5 января 1940, «Порог» — 22 марта 1940, «Москва» — 26 августа 1940.

Смерть бедного Масло — В. Ф. Ходасевич, умерший от рака 14 июня 1939 г. Отпет был 16 июня по православному обряду католическим священником в церкви на ул. Франсуа Жерар, 38. Хоронили его несколько сот человек на кладбище Тьер в Булони.

«Некрополь» — книга воспоминаний Ходасевича (Брюссель, 1939).

...три его жены.. — Марина Эрастовна Ходасевич (жена поэта в 1905—1907 гг.), Н. Н. Берберова, О. Б. Марголина.

Нина — Н. Н Берберова.

Оля — О. Б. Марголина-Ходасевич.

Барановская В. В. — актриса.

Марко — Алданов.

129. И. А. Бунину (с. 106)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

...дострачивал Глеба... — см. примеч. к № 128.

В. Б. и Ф. О. — Василий Борисович и Фаина Осиповна Ельяшевичи.

К Петрарке в гости.. — Петрарка жил во Франции близ Авиньона.

О покойном пишут чепуху.. — Вероятно, имеются в виду очерки-некрологи Сирина (В. В. Набокова) «О Ходасевиче» и Н. Н. Берберовой «Памяти Ходасевича» (ж-л «Современные записки». 1939. № 69).

...святой старец Федор Кузьмич... — Под этим именем, как гласит легенда, скрывался Александр I.

Керенский в «Новой России»... — «Новая Россия» — парижский журнал, выходивший в 1936—1940 гг.

Нина — Н. Н. Берберова, вторая жена Ходасевича.

130. И. А. Бунину (с. 107)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

Наташенька и Андрей — дочь Зайцевых Наталья Борисовна и ее муж А. В. Соллогуб.

...пока «Возрождение» еще существует, нельзя отлынивать. — Последний номер газеты «Возрождение» вышел 7 июня 1940 г.

Галина и Марга — Г. Н. Кузнецова и М. А. Степун.

Мария Самойловна — Цетлин.

131. И. А. Бунину (с. 108)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

Рыдалец — см. примеч. к № 127.

...видел Андрея впервые в военной форме... — А. В. Соллогуб был призван во французскую армию.

Приехали сюда... Кульманы. — Н. К. Кульман с женой Натальей Ивановной.

Марко — Алданов.

Напомнил мне Володю Высоцкого, Пшибышевского... — Высоцкий много занимался переводами произведений С. Пшибышевского.

Гощинский, Залесский — польские поэты.

Галина, Марга, Ляля — Г. Н. Кузнецова, М. А. Степун, Е. Н. Жирова.

Шмулевич — Шмелев.

...меня тронули твои слова о моем писании. — Бунин 20 октября писал Зайцеву: «Читаю твои прекрасные дни». Имеются в виду очерки из литературного дневника «Дни», которые Зайцев печатал в газете «Возрождение» до ее закрытия.

Нюшенька — поэтесса, переводчица Анна Николаевна Иванова, племянница Е. А. Андреевой-Бальмонт.

...видел «напевного брата, пред которым все поэты предтечи». — Имеется в виду К. Д Бальмонт.

«Будем как Солнце!» — один из самых известных сборников стихов Бальмонта (подзаголовок: «Книга символов»; 1903).

Мирра — М. К. Бальмонт, дочь Е. К. и К. Д. Бальмонтов.

Елена — Е. К. Бальмонт.

132. И. А. Бунину (с. 110)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

Надя — Н. К. Буйневич, сестра Зайцева.

.. продолжает «Беседы с памятью». — В. Н. Муромцева-Бунина в это время начала писать свой цикл мемуарных очерков «Беседы с памятью», которые были напечатаны в 1955 г. в нью-йоркской газете «Новое русское слово», в 1960—1961 гг. в «Новом журнале» (Нью-Йорк) и в 1960—1962 гг. в журнале «Грани» (Франкфурт-на-Майне). Книжное изд.: *Муромцева-Бунина В. Н.* Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М.: Советский писатель, 1989.

...не знал, что она . близко знакома с М. Сабашниковой... — Имеется в виду Маргарита Васильевна Сабашникова.

Алерт — налет *(фр).*

Абри — убежище *(фр).*

133. И. А. Бунину (с. 112)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

Великан — прозвище В. Ф. Зеелера.

Доллий — Л. И. Львов.

В. Н. — Бунина.

Нина — Кауш, у которой гостили Зайцевы в Финляндии.

134. И. А. Бунину (с. 113)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

«Дым» (1867) — роман И. С. Тургенева.

«Поздний час» — рассказ Бунина из цикла «Темные аллеи».

Шмулевич — Шмелев.

Марко Богатый — Алданов.

Оплакиваю Валаам. Сегодня вышел мой очерк о нем.. — Имеется в виду публикация «Дни: Былое. Девятнадцатый век. Теперь». Газета «Возрождение». 1939. 29 декабря.

Мария Самойловна — Цетлин.

Галина, Марга, Ляля — см. примеч. к № 131.

135. И. А. Бунину (с. 114)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

Нина — Кауш.

.. в «Праге». Но до нашей далеко. — Зайцев вспоминает ресторан «Прага» в Москве, где не раз он бывал с друзьями.

Галина, Марга, Ляля — см. примеч. к № 131.

136. В. Н. Буниной (с. 115)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б Зайцевой-Соллогуб.

В Б, Ф. О. — Василий Борисович и Фаина Осиповна Ельяшевичи.

...2-й т. «Глеба».... — см. примеч. к № 128.

Галина, Марга, Ляля — см. примеч. к № 134.

137. И. А. Бунину (с. 116)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

«Суходол» (1912) — повесть Бунина.

«Деревня» (1910) — повесть Бунина

138. И. А. Бунину (с. 117)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

.. у Глафиры благополучно... — Глафира Исааковна Добрая.

Марк Богатый — Алданов.

Казанова — прозвище А. П. Рогнедова (см. о нем очерк-некролог Зайцева «Наш Казанова», т. 9 в нашем изд)

...часть отдать Яблоновскому. — Сбор от литературного вечера. Н. Н. Берберова дает о С. В. Яблоновском такую справку: «Журналист, оратор на литературных собраниях как в Москве, так и в Париже. Когда он выступал с огненной речью, его почти не было видно на эстраде по причине малого роста, и «молодые» в зале дерзко кричали ему: „Яблоновский, встаньте!“ На что он, не понимая иронии, неизменно отвечал: „Я уже стою“» (*Берберова Н.* Курсив мой. М.: Согласие, 1996. С. 710).

139. И. А. Бунину (с. 118)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

Марк — Алданов.

140. И. А. Бунину (с. 118)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

Д. С. А. — Парижская городская железная дорога.

Поражен царем Давидом. Хочется написать о нем... — см. рассказ «Царь Давид» (1945), т. 7 в нашем изд.

141. И. А. и В. Н. Буниным (с. 119)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

..*месяц относительного покоя.* — Имеется в виду месяц после падения Парижа 14 июня 1940 г.

Наташа, Андрей — Н. Б. и А. В. Соллогубы.

Ляля — племянница Зайцевых Елена Аркадьевна Акопиан, в 1-м браке Комиссаржевская, во 2-м Балиева. Виктор — 3-й муж Балиевой.

Фаина — Ф. О. Ельяшевич.

Марко Богатый — Алданов.

Шмулевич — Шмелев.

Галина, Марга — Г. Н. Кузнецова, М. А. Степун

142. И. С. Шмелеву (с. 120)

Печ. по ксерокопии из архива Российского фонда культуры.

143. В. Н. Буниной (с. 121)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

В. Б — Ельяшевич.

Илюша — И. И. Фондаминский.

..*к старшей сестре Марианны...* — Марианна Борисовна Марголина и ее сестра Ольга Борисовна, жена Ходасевича.

Лоллий — Л. И. Львов.

Леня — Л. Ф. Зуров.

144. И. А. и В. Н. Буниным (с. 121)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб. Датируется по содержанию.

После обедни и панихиды на Dari по Рахманинову. — Имеется в виду поминальная служба в Париже памяти С. В. Рахманинова, умершего 23 марта 1943 г. в Беверли-Хилс (США).

Николай Васильевич — Макеев, второй муж Н. Н. Берберовой (с 1936 г.). Макеев — политический деятель, в эмиграции журналист, художник. Бросив парижскую квартиру в 1938 г., супруги поселились в собственном доме с садом в Лонгшене. У них в гостях бывали Зайцевы, Бунины, В. Ф. и О. Б. Ходасевичи, А. Ф. Керенский, А. П. Ладинский, Ю. П. Анненков и др.

Рукопись завещаю Наташе... — Перевод «Ада» из «Божественной Комедии» Данте, выполненный Зайцевым, был издан к его 80-летию — Париж: YMCA-Press, 1961 (см. т. 8 в нашем изд.).

Лоллий — Л. И. Львов.

...*в Кламаре у К.* — К. — Киприан.

Нина и Н В — Берберова и Макеев

Наташа с А. — Н Б и А. В. Соллогубы.

Лене и Б-у привет — Имеются в виду Л. Ф. Зуров и А. В. Бахрах, живший у Буниных в 1940—1944 гг.

145. В. Н. Буниной (с. 123)

Псч по ксерокопии автографа из архива Н Б. Зайцевой-Соллогуб

. среди них и «Данте» . — Имеется в виду перевод «Ада» из «Божественной Комедии» Данте (см. примеч. к № 144).

.. и Фаскелево издание и Конарово — все разошлось — Имеются в виду издания сочинений Флобера.

В. Б. — Ельяшевич.

Наташенька с А. — Н. Б. и А. В. Соллогуб.

Ляля Жирова — Елена Николаевна.

О Марко Богатом ты знаешь, вероятно... — В декабре 1940 г. М. А. Алданов уехал в США, где в 1942 г. вместе с М. О. Цетлиным основал «Новый журнал». Во Францию он вернулся в 1947 г. и поселился в Ницце.

.. «до острова Святыя Елены». — «Святая Елена, маленький остров» (1921) — заключительный роман тетралогии Алданова «Мыслитель».

...вспоминали. . Столовый и Скатертный переулки .. — Переулки в Москве.

Бедная Берта очень тоскует. — Берта Соломоновна Нилус, жена П А. Нилуса, умершего в Париже 23 мая 1943 г. О своем давнем друге Бунин опубликовал очерк-некролог. В 1901 г. он посвятил ему стихотворение «Счастье». Нилус ответил посвящениями Бунину своего первого рассказа «Утро» (1906) и картины «Одиночество» (1906).

П А — Нилус.

Лоллий — Л И. Львов.

Струве — Петр Бернгардович.

146. И. А. Бунину (с. 124)

Печ по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

...купил «Чашу жизни» одного начинающего писателя. — «Чаша жизни. Рассказы 1913—1914 гг.» — сборник Бунина, изданный в Москве в 1915 г.

«Святые» (1914) — рассказ Бунина.

Лоллий — Л. И. Львов.

147. В. Н. Буниной (с. 126)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

Макеевы — имеются в виду Н. В. Макеев и его жена Н. Н. Берберова.

В. — В. А. Зайцева.

...6 томов Ивана , — Имеется в виду изд: *Бунин И. А.* Полн. собр. соч. Т. 1—6. Пг.: А. Ф. Маркс, 1915 (бесплатное приложение к журналу «Нива»). Издано в 12 вып. и в трех переплетах.

«Кондор» («Громады гор, зазубренные скалы...»; 1902) — стихотворение Бунина.

И. — Бунин.

148. И. А. Бунину (с. 128)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

Плон (Plon) — парижское издательство, основанное датчанином Анри Плоном (1806—1872) и его братьями В 1920—1930-х годах издавало также переводы русских писателей и философов.

Думаю занести ему «Глеба»... — один из романов тетралогии «Путешествие Глеба»; к этому времени были завершены два из них: «Заря» (опубл. в 1937 г.) и «Тишина» (датирован 1939 г.).

Приходила Ляля с девочкой... — Е. Н. Жирова с дочерью Ольгой.

149. И. А. Бунину (с. 128)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

...в типографии (!) статейку о тебе...— Зайцев вспоминает свою статью «Бунин увенчан» о присуждении Ивану Алексеевичу Нобелевской премии.

«Окаянные дни» — московско-одесский дневник Бунина 1918—1919 гг., в котором отражен трагизм дней после большевистского переворота. Вошел в собр. соч. Бунина (Берлин: Петрополис, 1935. Т. 10). Полный текст с рукописными исправлениями автора впервые издан в кн . *Бунин И.* Окаянные дни. Сост. А. К. Бабореко. М.: Советский писатель, 1990.

...Л. Л — Завтра он уезжает — в Псковскую губернию... — Л. И. Львов ездил в оккупированные области СССР в качестве переводчика.

В. Б — Ельяшевич.

М. А. — Вероятно, М. А. Каллаш.

Племянница Веры Аня... — А. А. Бруни, племянница В. А. Зайцевой.

Оля — О. А. Куфтина, сестра А. А. Бруни, племянница В. А. Зайцевой.

150. И. А. Бунину (с. 130)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

«Натали» — рассказ из сборника «Темные аллеи».

151. И. А. Бунину (с. 131)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

«Натали», «Руся», «Таня», «Генрих» — рассказы из сборника «Темные аллеи».

Зинаида — З. Н. Гиппиус.

Злобин В. А. — в 1916—1945 гг. литературный секретарь Мережковского и Гиппиус.

...сужу по «Тургеневу» моему... — Роман-биографию «Жизнь Тургенева» Зайцев впервые издал в 1932 г. Изд. 2-е вышло в 1949 г.

Растеряева улица — см. примеч. к № 95.

...пишет жизнь Дм<итрия> Серг<еевича>... — З. Н. Гиппиус в последние годы жизни работала над мемуарной книгой «Д. С. Мережковский».

«Глеб» — тетралогия «Путешествие Глеба».

...«горестные заметки» — называются «Дни». — Литературный дневник «Дни» Зайцев писал и публиковал в изгнании около полувека (см. т. 6 и 9 в нашем изд).

152. И. А. Бунину (с. 132)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

«Поездка на Светлояр». — Имеется в виду очерк З. Н. Гиппиус «Светлое озеро Дневник» (Новый путь 1904. № 1, 2), вошедший в ее четвертый сборик «Алый меч» (СПб: Изд-во М. В. Пирожкова, 1906). См. об этом. *Воронцова Т. В.* Путешествие Мережковских на Светлояр и очерк З. Н Гиппиус «Светлое озеро» // Волшебная гора VI. 1997. С. 387—392.

«Тургенев» — роман-биография Зайцева «Жизнь Тургенева».

153. И. А. Бунину (с. 134)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

. покойного Донзеля.. — Морис Донзель умер в 1937 г.

«Речной трактир» — рассказ Бунина, вошедший в его сборник «Темные аллеи»

Отец Андрея... — Владимир Францевич Соллогуб.

154. И. А. Бунину (с. 135)

Печ по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

Капитан — Н. Я Рощин

.. первую книгу «Глеба»..— Роман «Заря» из тетралогии «Путешествие Глеба»

«Тургенев» — «Жизнь Тургенева».

155. И. А. Бунину (с. 135)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

.. Балтрушайтис скончался... — Ю. К Балтрушайтис умер в Париже 3 января 1944 г.

Галина — Г. Н. Кузнецова.

Они обе у Ф. А. живут... — Г. Н. Кузнецова и М. А. Степун (Марга) с 1942 г. жили в семье Ф. А. Степуна в Германии, в Геттингене.

Ставровы — поэт П. С. Ставров и его жена.

Василий Борисыч, В. Б. — Ельяшевич.

«Антигона», «Визитные карточки», «Гость» — рассказы Бунина, вошедшие в его сборник «Темные аллеи».

Наталья Ивановна — Кульман.

156. И. А. Бунину (с. 136)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

Марья Александровна, М. А. — Каллаш.

Наталия Ивановна — Кульман.

Марко Богатый — Алданов.

157. В. Н. Буниной (с. 137)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

Нат<алия> Ив<ановна> — Кульман.

Наталия с Андреем — Соллогубы.

Венгеров — Всеволод Семенович.

...скончался Жак. — Брат М А. Алданова.

Огромный труд Мочульского.. — «Достоевский. Жизнь и творчество». Париж, 1947.

158. И. А. Бунину (с. 138)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

. *«виргилианское лето».* — Имеется в виду идиллический мир италийского селянина, описанный в сб. «Буколики» («Пастушеские песни») Вергилия.

...Жуковский, твой родственник.. — Бунин в «Автобиографической заметке» (1915) о своих предках писал: «О роде Буниных я кое-что знаю. Род этот дал замечательную женщину начала прошлого века, поэтессу А. П. Бунину, и поэта В. А. Жуковского (незаконного сына А. И. Бунина); в некотором родстве мы с братьями Киреевскими, Гротами, Юшковыми, Воейковыми, Булгаковыми, Соймоновыми» (*Бунин И. А.* Собр. соч : В 6 т. Т. 6. М., 1988. С. 545).

М. А. — Мария Алексеевна Маклакова, сестра В. А. Маклакова.

Серов С. М. — врач.

159. И. А. Бунину (с. 139)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб

Жеребков Ю. С. — глава оккупационного Управления делами русских эмигрантов во Франции в 1942—1944 гг., реорганизованного из прежнего Комитета взаимопомощи русских эмигрантов. Управление выпускало воскресную газету «Парижский вестник», в которой печатались Жеребков, П. Н. и С. Н. Красновы, И. С. Шмелев (главы из книги «Лето Господне» и рассказы), И. Д. Сургучев (рассказы, очерки, «Парижский дневник»), С. М. Лифарь, А. Н. Бенуа, Н. Н. Евреинов и др.

160. И. А. Бунину (с. 140)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

161. И. А. Буинну (с. 141)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

Д. С. А. грохочет...— см. примеч. к № 140.

«Тургенев» и «Глеб» — книги Зайцева «Жизнь Тургенева» и «Путешествие Глеба», переводившиеся на французский язык.

Возвращаются Вышеславцевы... — Зайцевы жили в квартире Б. П. Вышеславцева и его семьи, уезжавших из Парижа.

Галина, Г., Марга — Г. Н. Кузнецова и М. А. Степун.

162. И. А. Бунину (с. 142)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

«Чистый понедельник», «Мадрид», «Второй кофейник» — рассказы Бунина из цикла «Темные аллеи».

«Петлистые уши» (1916) — рассказ Бунина.

Зинаида — Гиппиус.

163. И. А. Бунину (с. 144)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

«Ворон» — рассказ Бунина из цикла «Темные аллеи».

Михайлов — Павел Александрович, профессор-юрист.

В. — Вышеславцев Б. П.

Ляля — Е. Н. Жирова.

164. Н. Я. Рощину (с. 145)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 2204. Оп. 1. Ед. хр. 152. Л. 11.

165. И. А. Бунину (с. 145)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

Капитан — Н. Я. Рощин.

Зинаида — З. Н. Гиппиус.

В. Б. — Ельяшевич.

166. И. А. Бунину (с. 147)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

167. И. А. Бунину (с. 148)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

...письма от Элькина...— Вероятно, Б. И. Элькин, душеприказчик П. Н. Милюкова, скончавшегося 31 марта 1943 г., и редактор его двухтомника «Воспоминания. 1859—1917» (Нью-Йорк, 1955).

Марко Богатый — Алданов.

...он и Федотов собираются возвращаться. — Из США во Францию Алданов возвратился в 1947 г. и поселился в Ницце. Г. П. Федотов, покинув оккупированный Париж в 1940 г., до конца своих дней оставался в Нью-Йорке, где был профессором истории Владимирской Богословской Академии.

«Глеба» этого я кончил. — Имеется в виду третий роман тетралогии «Путешествие Глеба» — «Юность» (окончен в 1944, опубл. в 1950 г.); главы печатались в 1940—1948 гг. в газетах «Новое русское слово» (Нью-Йорк), «Русская мысль» (Париж) и в «Новом журнале» (Нью-Йорк).

...в Маклаковском комитете... — В. А. Маклаков к концу 2-й мировой войны стал активистом движения совпатриотов, занимался организацией помощи русским, оказавшимся в лагерях.

О. Киприан кончает огромный труд о св. Григории Паламе... — Исследование о византийском богослове, митрополите Салунском Паламе (Григории; 1296—1359) — докторская диссертация о. Киприана. См. ее издание: Антропология Св. Григория Паламы. YMCA-Press, 1950. 450 с.

...Муратов... в Лондоне, пишет на разн<ых> языках... — П. П. Муратов уехал в Англию перед началом 2-й мировой войны и в соавторстве с другом, военным историком У. Алленом написал на английском языке две книги: «Русские кампании 1941—1945 гг.» и «Кавказские войны в России 1828—1921 гг».

168. И. А. Бунину (с. 150)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

Марко — Алданов.

Шмулевич — Шмелев.

Коган — Петр Семенович

Взялся... за Жуковского. — Беллетризованное жизнеописание «Жуковский» Зайцев издаст в 1951 г.

Про Лялю мы нарочно не писали... — Ляля (Е. Н. Жирова) после освобождения Парижа была арестована союзниками за то, что работала у немцев.

«Я ненавижу человечество..» — Неточно цитируется первая строфа стихотворения без названия К. Д. Бальмонта.

Полонские приехали.. — В годы оккупации Парижа Полонские жили в Ницце. «Старые» Полонские: Яков Борисович и Любовь Александровна (урожд. Ландау, сестра М. А. Алданова). «Молодой» Полонский: Александр Яковлевич (в письме Ляля).

Капитан — Н. Я. Рощин.

169. И. А. Бунину (с. 151)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

Чекунов Иван Степанович — врач, общавшийся с писателями. Ходасевич и Берберова написали о нем юмористические стихи.

Капитан — Н. Я. Рощин.

Родионов — вероятно, Серафим, регент церковного хора на Трехсвятительском подворье в предместье Парижа, женившийся на графине О. Шуваловой.

Ляля все еще сидит.... — см. примеч. к № 168.

Зернова София Михайловна (1899—1978) — общественная деятельница русской эмиграции.

Наташа и Андрей — Соллогубы.

В. Б — Ельяшевич.

170. И. А. Бунину (с. 152)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

«Мистраль» — рассказ Бунина, не включенный в цикл «Темные аллеи»; напечатан в парижском журнале «Встреча» (1945. № 7). Посылая рукопись в редакцию, Бунин написал: «Точно сохранить *мои* знаки препинания! Это написано очень ритмично, поэтому к знакам препинания нужно особое, сугубое внимание!»

«Холодная осень» — рассказ из цикла «Темные аллеи»; впервые опубликован в газ. «Русские новости» (Париж, 1945. 18 мая. № 1).

«Воды многие», «Цикады», «Поздней ночью» — если не перевираю... — последний рассказ Бунина (один из лучших, по его мнению) называется «Поздний час» (впервые: Последние новости. 1938. 11 дек. № 6467).

Марко — Алданов.

...в синтаксисе Кирпичникова... — имеется в виду учебник А. И. Кирпичникова «Синтаксис русского языка» (1873).

Наталья Ивановна — Кульман.

«Ты вдали, ты скрыто мглою...» — Из стихотворения Жуковского «К Эмме» (1819).

...том о.. Григории Паламе... — см. примеч. к № 167.

Капитан, Варлаам — Рощин.

Шмулевич — Шмелев.

171. В. Н. Буниной (с. 154)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

Ляля — Е. Н. Жирова.

Остались... у Глебовых. — Вероятно, имеется в виду семья О. А. Глебовой-Судейкиной.

...о Григории Паламе... — см. примеч. к № 167.

...завтра хороним А. А. Плещеева... — Плещеев скончался в Париже 5 декабря 1944 г. и был похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Рощина — Екатерина.

172. И. А. Бунину (с. 156)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

Наташа с Андреем — Соллогубы.

Ляля Полонский — см. примеч. к № 168.

...видимо, летом я буду дедушкой... — 25 июля 1945 г. Н. Б. Зайцева-Соллогуб родила первого сына Михаила Андреевича.

173. И. А. Бунину (с. 157)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

Дорогой мой Иоанн Безземельный... — Зайцев называет Бунина по имени английского короля (1167—1216).

Первый из них... — Врач С. М. Серов.

Шмулевич — Шмелев.

«Новое слово» — газета, выходившая в Берлине в 1933—1944 гг.; в ней печатался И. С. Шмелев и в годы оккупации Парижа.

Полонский — Яков Борисович.

...в Союзе сургучевско-жеребковском... — В годы немецкой оккупации Франции в эмигрантских органах, в частности в «новом» Союзе писателей и в газете «Парижский вестник», главенствовали Ю. С. Жеребков, И. Д. Сургучев и др. (см. примеч. к № 159).

. .Мориак очень радует — Франсуа Мориаку Зайцев посвятил очерк «Встреча» (1947; см. т. 9 в нашем изд).

174. И. А. Бунину (с. 158)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б Зайцевой-Соллогуб.

...«соединившись с Роговским»... — Е. Ф. Роговский — директор Русского дома (пансиона для престарелых) в Жуан-ле-Пэне на юге Франции.

На П-го... мало полагаюсь. — Вероятно, Я. Б. Полонский.

«Дни» — литературный дневник Зайцева, публикацию которого он возобновит с 1947 г. в газете «Русская мысль» (см. 9 в нашем изд.).

Струве помогает. — Алексей Петрович Струве, известный библиофил.

Наталья Ивановна — Кульман.

...Залманов умер, также и Юренев. — Залманов — врач, лечивший в Париже русских эмигрантов. П. П Юренев — деятель Союза городов.

Капитан — Н Я. Рощин

175. И. А. Бунину (с. 160)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

Отношения с англичанкой неясны. — Во время войны Бунины снимали квартиру у англичанки, уехавшей из Франции.

176. И. А. Бунину (с. 161)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

Мария Ивановна — Балтрушайтис, вдова поэта.

Алексей — А. Н. Толстой, скончавшийся в Москве 23 февраля 1945 г.

177. И. А. Бунину (с. 163)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

Позвали Михеича... — Имеется в виду С. М. Серов, врач.

Василий Борисович — Ельяшевич.

В «Патриоте» новая революция: твоего Пиотровского и Елиту выставили — В. Л. Корвин-Пиотровский и К. С. Елита-Вильчковский — публицисты, сотрудничавшие в газете «Русский патриот» (1943—1945), переименованной 24 марта 1945 г. в «Советский патриот» (с прозрачным просоветским ориентиром).

Сирин — В. В. Набоков.

178. И. А. Бунину (с. 164)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

В. Б — Ельяшевич.

Марко Богатый — Алданов.

Полонские — см. примеч. к № 168.

Зинаида — Гиппиус.

179. И. А. Бунину (с. 165)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

Элькин Б. И. — журналист, издатель.

Марк — Алданов.

Осоргина — Татьяна Алексеевна, с 1924 г. третья жена М. А. Осоргина.

Письмо .. разминется с тобой .. — В начале мая 1945 г. Бунины возвратились в Париж.

180. И. А. Бунину (с. 166)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб. Вероятно, это письмо было отправлено в Жуан-ле-Пэн (на юге Франции), где в Русском доме жили Бунины.

Новость литературная главная: «Русская Мысль». — Парижская газета «Русская мысль» начала выходить с 19 апреля 1947 г. под редакцией В. А. Ла-

заревского. В 1954—1968 гг. ее редактировал С. А. Водов, в 1968—1978 — З. А. Шаховская, с 1979 — И. А. Иловайская-Альберти.

Марк Ал<ександрович> — Алданов.

181. И. А. Бунину (с. 166)

Печ. по ксерокопии автографа: РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 103.

...письмо от Марии Самойловны... — В письме от 20 декабря 1947 г. Цетлин пишет о своем разрыве с И. А. и В. Н. Буниными после тридцатилетней дружбы: «Вы ушли в официальном порядке из Союза писателей с теми, кто взяли советские паспорта. <..> Я должна уйти от вас, чтобы *чуть-чуть* уменьшить ваш удар. У вас есть ваш жизненный путь, который вас к этому привел. Я вам не судья. Я отрываюсь от вас с очень глубокой для меня болью, и эта боль навсегда останется со мной. Разлюбить я вас не могу. Вы — мой Иван Алексеевич, над которым я себя никогда не поставлю. Я чувствую ваш крестный путь, как если бы вы были моим любимым братом» (Литературное наследство. Т. 84. Иван Бунин. Кн. 2. С. 402).

Бунин ответил Цетлин 1 января 1948 г. Приведем это письмо: оно позволяет оценить ситуацию, рассорившую многих эмигрантов:

«Дорогая Мария Самойловна, ваше письмо обращено и ко мне и к Вере, но Вера отвечает вам сама. Она ушла из Союза раньше меня и по соображениям другим, чем мои, и потому я пишу вам только о себе, однако и я должен сказать прежде всего, что тоже, так же, как и она, изумлен, поражен чрезвычайно тем, что вы это письмо предали гласности с целью, очевидно, очень недоброй, переслали его ко мне через Зайцевых, а в Америке, как мы узнали это нынче, разослали его копию. Что же до содержания этого письма, то я поражен еще больше: вы написали его с какой-то непомерной страстностью, местам и даже совершенно непонятно для меня, сделали из мухи слона, а главное, поступили уж так несправедливо, так поспешно, не разузнавши, *как, почему* и *когда* я вышел из Союза. Мало того: вы приписали мне нечто противоположное тому, что я думал и думаю о соединении в Союзе советских граждан с эмигрантами! Вы мне пишете что-то фантастическое: «Вы ушли в официальном порядке из Союза *с теми, кто взяли советские паспорта*». Что за нелепость! Как вы знаете, в ноябре прошлого года Союз исключил из своей среды членов, взявших советские паспорта, и многие другие члены Союза тотчас напечатали коллективное письмо о своем выходе из него. И вот представитель этих членов явился ко мне и предложил мне присоединиться к их заявлению, а я присоединиться твердо отказался и как раз потому, что *считаю неестественным соединение в Союзе эмигрантов и советских подданных*, меж которыми есть и такие журналисты, что по своим убеждениям или по обязанностям то и дело и всячески хулят, порочат в своей печати эмигрантов. Недели через две после того я тоже вышел из Союза, но единоличио и, как явствует из предыдущего, в силу других своих соображений, а каких именно, легко видно из весьма краткого письма моего, что послал я для доклада Союзу на имя генерального секретаря его:

„Уже много лет не принимая по разным причинам никакого участия в деятельности Союза, я вынужден (исключительно в силу этого обстоятельства) сложить с себя звание почетного члена его и вообще выйти из его состава“.

Письмо это было напечатано через некоторое время в парижской „Русской мысли“, но слух о нем распространился раньше, и в „Русских новостях“ тотчас появилась заметка о моем уходе, голословность которой, верно, и заставила вас истолковать мой уход столь превратно. И все же вы поступили со мной, повторяю, уж слишком поспешно и опрометчиво. Теперь вы, думаю, уже прочли в «Русской мысли» письмо мое в Союз и раскаиваетесь в своей поспешности, обратив внимание на мои слова в нем: „исключительно в силу этого обстоятельства“. Почему я не ушел из Союза уже давным-давно? Да просто потому, что жизнь его текла прежде незаметно, мирно. Но вот начались какие-то бурные заседания его, какие-то распри, изменения устава, после чего начался уже его распад, превращение в кучку сотрудников „Русской мысли“, среди которых блистает чуть не в каждом номере Шмелев, участник парижских молебнов о даровании победы Гитлеру... Мне вообще теперь не до Союзов и всяких политиканств, я всегда был чужд всему подобному, а теперь особенно: я давно тяжко болен — вот и сейчас едва пишу вам, — я стар, нищ и всегда удручен этим морально и физически, помощи не вижу ниоткуда почти никакой, похоронен буду, вероятно, при всей своей „славе“, на общественный счет по третьему разряду... Вы пишете, что „чувствуете“ мой „крестный путь“. Он действительно „крестный“! Я отверг все московские золотые горы, которые предлагали мне, взял десятилетний эмигрантский паспорт — и вдруг: „Вы с теми, кто взяли советские паспорта... Я порываю с вами всякие отношения...“ Спасибо. Ваш Ив. Бунин». (Печ. по изд.: Литературное наследство. Т. 84. Иван Бунин. Кн. 2. С. 402—404).

182. И. А. Бунину (с. 166)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 103.

Мария Самойловна — Цетлин

...Шмулевич... весной выезжает в Америку. — Отъезд Шмелева в США не состоялся.

Ознобишин Д. И. — вероятно, бывший заместитель атташе во Франции.

«Кулаевский фонд» — Фонд имени И. В. Кулаева в Калифорнии (США), поддерживавший культурные начинания русской эмиграции.

...Ю. А. К., его племянница. — Юлия Александровна Кутырина, племянница жены Шмелева, ближайший друг и помощник писателя, наследница его архива, создатель музея-квартиры Шмелева в Париже. Автор неопубликованной рукописи «Мои воспоминания об Иване Сергеевиче Шмелеве и его жене Ольге Александровне», а также книги о нем (1960).

183. И. А. Бунину (с. 167)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 44. Оп. 1. Ед. хр. 103.

М. С. — Цетлин.

...за общение с Б<огомоловы>м... — Имеется в виду поездка Бунина на прием к послу СССР во Франции А. Е. Богомолову. В июне-июле 1946 г. посол проводил встречи с русскими эмигрантами, посвященные разъяснению Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1946 г. «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство, проживающих на территории Франции».

По этому Указу получили советские паспорта 11 тысяч эмигрантов, среди которых оказалось немало таких, кто рискнул вернуться на родину и попал в сталинские лагеря. Зайцев и Бунин были в числе того большинства, которое предпочло не искушать судьбу и остаться в изгнании.

...за участие в «Р<усских> Н<овостях>». — Парижская газета просоветской ориентации «Русские новости» выходила с 18 мая 1945 до 13 ноября 1970 г.

184. В. Н. Буниной (с. 169)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

М. С. — Цетлин.

Насчет тебя и Зурова... нет тяжелого чувства. — Имеется в виду выход из Союза писателей в ноябре 1947 г. В. Н. Муромцевой-Буниной и Л. Ф. Зурова.

Ляля — Е. Н. Жирова.

185. И. С. Шмелеву (с. 170)

Печ. по ксерокопии из архива Российского фонда культуры.

Вас интересует «Русская Мысль». — В № 1 «Русской мысли», вышедшем 19 апреля, были опубликованы рассказ Шмелева «В Кремле на Святой» и очерк Зайцева «Дни. Встреча» (о Франсуа Мориаке). Зайцев с этого времени становится самым активным корреспондентом этой газеты: за 25 лет сотрудничества он опубликовал здесь около двухсот своих произведений разных жанров, в том числе свой литературный дневник «Дни» (см. т. 9 в нашем изд.). В 1947—1950 гг. в газете регулярно, примерно раз в месяц, печатался и Шмелев.

...хотя и считаемся «ведеттами»... — Т. е. знаменитостями (от *фр.* vedette — звезда, знаменитость).

Видел Вашу книгу. — Шмелев И. Лето Господне. Праздники. — Радости. — Скорби. Париж, 1948 (полный текст; первая часть вышла в Белграде в 1933 г.).

«Тишина» — второй роман из тетралогии «Путешествие Глеба»; вышел в 1948 г. в книгоиздательстве А. О. Гукасова «Возрождение».

Насчет Бэна еще... — Имеется в виду Бунин.

186. И. А. Бунину (с. 172)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

187. И. А. Бунину (с. 172)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

188. И. С. Шмелеву (с. 173)

Печ. по ксерокопии из архива Российского фонда культуры.

ИМКА — см. примеч. к № 13.

Помните «Булыгинскую Думу»? — Под руководством А. Г. Булыгина в 1905 г. было выработано и 6 августа издано положение о Государственной думе как органе законосовещательном, избираемом только от лиц высших и состоятельных классов. Этому проекту не суждено было осуществиться: под нажимом революционных событий был обнародован манифест 17 октября, провозгласивший в России конституционный образ правления.

Вейдле В. В , *Елита-Вильчковский* К. С. — общественные деятели, известные литераторы, участвовавшие в рецензировании и отборе рукописей для издания в YMCA-Press.

Лаури, Крутиков — вероятно, редакционно-издательские работники из YMCA-Press.

189. Ю. А. Кутыриной (с. 173)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Российского фонда культуры.

Юлия Александровна Кутырина (?—1979) — племянница жены И. С. Шмелева.

Благодарю Вас за честь... — Вероятно, Кутырина просила Зайцева об организации какого-то мероприятия памяти Ивана Сергеевича Шмелева, скончавшегося 24 июня 1950 г.

190. И. А. Бунину (с. 174)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Н. Б. Зайцевой-Соллогуб.

«Архиерей» — рассказ А. П. Чехова.

Иван Иваныч и Иван Никифорович — герои «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Гоголя.

191. С. Ю. Прегель (с. 174)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 218. Картон 1315. Ед хр. 14. Л. 1. Софья Юльевна Прегель в Париже (она дважды уезжала из него и возвращалась) обрела славу человека доброго и деятельного, участницы и устроительницы многих литературных мероприятий, в том числе благотворительных.

...за здоровье Даманской. — Вероятно, речь идет о вечере, посвященном 80-летию А. Ф. Даманской.

192. С. К. Маковскому (с. 175)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 482/2512. Оп. 1. Ед. хр. 226.

Водов С. А. — редактор «Русской мысли» в 1954—1968 гг.

193. Л. Н. Любшютц (с. 175)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 10. Ед. хр. 138. Л. 1.

Г. — Гольдштейн.

194. В. И. Малышеву (с. 175)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 494 (Малышев). Оп. 2. Ед. хр. 1458. Л. 1, 2. Владимир Иванович Малышев — доктор филологических наук, с 1946 г. — сотрудник Пушкинского Дома, основатель Собрания древнерусских рукописей ИРЛИ. В 1960—1976 гг. пополнял свой архив письмами советских и зарубежных корреспондентов. Публикуемое письмо Зайцева является ответом на письмо к нему Малышева от 21 ноября 1957 г.: «Глубокоуважаемый Борис Константинович! В рукописном отделе нашего Института хранится большой архив Бориса Александровича Лазаревского. В этом архиве имеются три Ваших письма от 1910 г. Не затруднило бы Вас сообщить нам о судьбе Б. А. Лазаревского, о судьбе его дочерей и других родственников. Эти сведения нужны нам для

научного описания фонда Лазаревского. Будем Вам чрезвычайно благодарны за эти сведения. С глубоким уважением, В. И. Малышев» (РО ИРЛИ. Ф. 494. (В. И. Малышев). Оп. 2. Ед. хр. 56. Машинописная копия).

...не помню, о чем мог ему писать в 1910 году... — Письма Зайцева Лазаревскому см. т. 10 в нашем изд.

...скончался в Париже незадолго перед последней войной... — Лазаревский умер 24 сентября 1936 г.

...на днях похоронили мы А. М. Ремизова. — Ремизов скончался в Париже 26 ноября 1957 г.

195. Б. Л. Пастернаку (с. 176)

Печ. по автографу из архива Евг. Бор. Пастернака.

...в Ваших «Автобиографических заметках»... — Имеется в виду очерк «Люди и положения» (1957; опубл. посмертно в «Новом мире». 1967. № 1). Ранняя автобиография Пастернака опубл. в кн.: Писатели. Автобиографии и портреты современных русских прозаиков. М., 1926.

Ваш роман я прочел весь, вслух, моей больной жене... — «Доктор Живаго» (1948—1955).

«Детство Люверс» — повесть Пастернака, опубликованная в альманахе «Наши дни» (М., 1922. № 1).

«В больнице» («Стояли как перед витриной...»; 1956) — стихотворение Пастернака.

Сирин — В. В. Набоков.

Отправляю 11-го — как раз! — 11 февраля по новому стилю отмечали свой день рождения Пастернак и Зайцев.

196. В. И. Малышеву (с. 177)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 494 (Малышев). Оп. 2. Ед. хр. 1458. Л. 4—4 об.

...насчет протопопа Аввакума... — Малышев обращался к нескольким русским писателям-эмигрантам с просьбой прислать материалы об Аввакуме. В частности, он обменивался книгами и статьями об Аввакуме с Ремизовым; их переписку см. в кн.: Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 203—215.

...Паскаль... знаток как раз всего аввакумского... — Интерес к Аввакуму сблизил историка-слависта П. А. Паскаля с Ремизовым: его статья «По следам протопопа Аввакума в СССР» (Русские записки. Париж, 1939. № 18), художественно отредактированная Ремизовым, превратилась в увлекательную историю злоключений исследователя древнерусской литературы в стране Советов. Письмо Паскаля к Зайцеву от 12 апреля 1956 г. (благодарность за приглашение на вечер памяти Достоевского) Зайцев наряду с другими прислал П. П. Ширмакову в 1961 г. (См. примеч. к № 204.)

197. Б. Л. Пастернаку (с. 178)

Печ. по автографу из архива Евг. Бор. Пастернака.

«*Серебряный век.* Из воспоминаний и размышлений» — очерк Зайцева, опубликованный в «Русской мысли» 5, 7 мая 1959 (№ 1364, 1365).

«Рафаэль» — новелла Зайцева (1919).

«Разговор с Зинаидой» — рассказ Зайцева (Новый журнал. 1958. № 55).

...С-го знал очень мало... — Имеется в виду П. П. Сувчинский.

...мой «Ад» — Перевод Зайцева из «Божественной Комедии» Данте вышел в Нью-Йорке в 1961 г. (т. е. спустя год после смерти Пастернака).

198. В. И. Малышеву (с. 179)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 494 (Малышев). Оп. 2. Ед. хр. 1458. Л. 6—6 об.

...книга Амфитеатрова... — А. В. Амфитеатров. Русский поп XVII века. Белград, 1930.

...благодарен, и за «Пушкинский Дом», и за «Бюллетени». — Имеются в виду издания: 50 лет Пушкинского Дома. М.; Л., 1956; Бюллетени рукописного отдела Пушкинского Дома, выходившие в 1950-е годы.

199. Б. Л. Пастернаку (с. 180)

Печ. по автографу из архива Евг. Бор. Пастернака.

Оставила мне «Фауста» которым оч<ень> гордится... — Пастернак послал Н. Б. Зайцевой-Соллогуб свой перевод трагедии Гете, опубликованный в 1953 г.

«Ифигения», «Тассо», «Герман и Доротея» — произведения Гете: драмы «Ифигения в Тавриде» (1779) и «Торквато Тассо» (1789), эпическая поэма «Герман и Доротея» (1797).

«Вильгельм Мейстер» — романы Гете «Театральное призвание Вильгельма Мейстера» (неоконченный; 1785), «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1796) и «Годы странствий Вильгельма Мейстера, или Отрекающиеся» (1829).

Гуно Шарль — автор оперы «Фауст» (1859) по переделанному сюжету трагедии Гете.

...читал «Фауста» в переводе Холодковского. — Н. А. Холодковский работал над переводом «Фауста» более 40 лет. 1-е изд. вышло в 1878 г. За 12-е изд. (1914) переводчик был удостоен Полной Пушкинской премии Российской Академии наук.

Ваши слова о «Жуковском»... — Письмо Зайцеву от 28 мая 1959 г. Пастернак начинает такими словами:

«Дорогой Борис Константинович, все время зачитывался Вашим «Жуковским». Как я радовался естественности Вашего всепонимания. Глубина, способная говорить мне, должна быть такою же естественной, как неосновательность и легкомыслие. Я не люблю глубины особой, отделяющейся от всего другого на свете, как был бы странен высокий остроконечный колпак звездочета в обыкновенной жизни. Помните, как грешили ложным навязчивым глубокомыслием самые слабые из символистов?

Замечательная книга по истории, вся в красках. И снова доказано, чего можно достигнуть сдержанностью слога. Ваши слова текут, как текут Ваши реки в начале книги, и — виды, люди, годы, судьбы ложатся и раскидываются по страницам» (цит. по изд.: *Пастернак Б.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. Письма. М., 1992. С. 572).

Эту высокую оценку творческого метода Зайцева Пастернак повторил также в письме к его дочери Н. Б. Соллогуб от 29 июля 1959 г.: «Я когда-то навсегда

запомнил и люблю его спокойную и чистую цельность. Она придает красоту и естественность его мыслям и движениям, а его прозрачному слогу позволяет становиться как бы собственным языком положений и вещей, которые он изображает. Я в обновленном виде опять испытал это за чтением его «Жуковского». Это высшее, о чем смеет мечтать писатель, когда кажется, что говорит не он и его прихоти, а само нарисованное им» (Там же. С. 573).

...это были куски «Детства Люверс»... — см. примеч. к № 195.

Получили ли Вы мое письмо о Петрарке? — В письме дочери (см. выше) Пастернак пишет: «Папа Ваш спрашивает, дошли ли до меня его строки о письмах Петрарки. Я не только получил их, но ответил восхищением по их поводу. Раз он об этом спрашивает, значит, мои восторги пропали по дороге». Так и вышло: письмо от 29 апреля 1959 г. до Зайцева не дошло: оно по копии РГАЛИ было опубликовано в журнале «Наше наследие». 1990. № 1.

...выйдет в Америке... — см. примеч. к № 197.

200. Б. Л. Пастернаку (с. 182)

Печ. по автографу из архива Евг. Бор. Пастернака.

201. П. П. Ширмакову (с. 183)

Печ. по автографу: СПБ ЦГАЛИ. Ф. 393 (И. К. Воложенинов). Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 1, 2 об.; Павел Петрович Ширмаков (1919—1994) — кандидат филологических наук; с 1953 г. был научным сотрудником Пушкинского Дома.

...здравствуй, племя младое, незнакомое! — Из стихотворения Пушкина «...Вновь я посетил...» (1835).

Поразило... как «Соседи» и др<угие>, попали к Вам. — В РО ИРЛИ в архиве журнала «Наблюдатель» (Ф. 556. Оп. 1. Ед. хр. 68) хранятся рукописи первых рассказов Зайцева «Соседи» (л. 1—11; с адресом на л. 11: «Мал<ая> Кисловка, д. Серебрякова, 14»), «Гора Угрюмая» (л. 12—19; с адресом на л. 19: «Ст<анция> Мордвес, Рязанско-Уральской ж. д., имение Притыкино»), «Земля» (л. 20—22; с адресом на л. 22: «Москва, завод Гужона у Рогожской заставы»). Эти рассказы опубликованы в московской газете «Курьер» в 1902—1903 гг.

...весной выйдет... мое «Избранное»... — К 80-летию Зайцева вышел сборник его избранных рассказов и повестей «Тихие зори» (Мюнхен: Изд-во товарищества зарубежных писателей, 1961).

202. В. И. Малышеву (с. 185)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 494 (Малышев). Оп. 2. Ед. хр. 1458. Л. 8, 8 об.

...насчет Вашего Аввакума... — см. примеч. к № 196.

203. Б. Л. Пастернаку (с. 185)

Печ. по автографу из архива Евг. Бор. Пастернака.

«Автобиогр<афические> зап<иски>» — см. примеч. к № 195.

...в Мюнхене «Избранное»... — К 80-летию Зайцева в Мюнхене в 1961 г. был издан сборник его повестей и рассказов «Тихие зори».

А как Ваша пьеса? — Речь идет о пьесе «Слепая красавица», над которой работал Пастернак в последний год своей жизни (осталась незавершенной).

...альманах «Воздушные пути», в Вашу честь? — 70-летию Пастернака был посвящен первый выпуск альманаха «Воздушные пути», вышедший в Нью-Йорке в 1960 г. В свой и зайцевский день рождения 11 февраля 1960 г. Пастернак, поздравляя парижанина, написал ему одно из последних своих писем: «Борис Константинович, если бы Вы только знали, как я люблю Вас! Сегодня, кроме этого поздравительного привета, ничего не скажу Вам. Но Вам, лично Вам хочется мне сейчас свято и клятвенно пообещать и связать себя этой клятвой, что с завтрашнего дня все будет отложено в сторону, ничего нельзя будет узнать, работа закипит и сдвинется с мертвой точки» (*Пастернак Б.* Собр. соч. в 5 т. Т. 5. Письма. С. 578).

204. П. П. Ширмакову (с. 186)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ (Р. 1. Оп. 10. № 123. Л. 1, 1 об.).

Сионский Александр Алексеевич — отставной военный, друг Зайцева, помогавший ему в отправке посылок в СССР.

...«Анну» для Пушк<инского> Дома... — Одновременно с письмом Зайцев выслал в Пушкинский Дом на имя Ширмакова рукопись своей повести «Анна». На последней странице сделана приписка: «Повесть писалась частью в Париже (1928 г.), частью в Грассе, на юге Франции, у Бунина, где мы с женой тогда гостили (летом). Напечатана в 36, 37 и 38 кн<игах> «Соврем<енных> Записок» (1928—29 гг.). Отдел<ьным> изд<анием> вышла в Париже (1929). Позже вышла по-французски, итальянски, по-английски (в Лондоне и Нью-Йорке). 20.I.61. Париж. Б. З.» (РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 10. Ед. хр. 122. Л. 181).

Письма прилагаемые — остатки... — В РО ИРЛИ находятся присланные Зайцевым отдельные письма к нему 1940—1950-х годов Тэффи, А. Вельмина, З. Гиппиус, Р. Иванова-Разумника, М. Ионскава, Д. Кленовского, В. Маклакова, Ю. Одарченко, Н. Оцупа, П. Паскаля, Е. Кусковой, А. Ремизова, Я. Эргардта (Р. I. Оп. 10).

«Хобот» выдумал сам Ремизов... — Речь идет о том месте в письме Ремизова к Зайцеву от 23 апр. 1953 г., где он описывает лечебную процедуру одного знакомого писателя: «Было б к простому доктору, спусти штаны, прижег и ступай. А главное, когда работают с хоботом, особенно чувствительно ждать: хобот, как известно, непоседливый» (РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 10. Ед. хр. 135. Л. 1 об.). Этот эвфемизм Ремизов использовал в книге «Кукха» (1923) и др. произведениях.

...Бердяев не любил детей («дурная бесконечность»...). — Н. А. Бердяев усматривал «безысходную трагедию пола» в том, что «жажда личного соединения ведет в природной родовой стихии через сексуальный акт не к личному соединению, а к деторождению, к распадению личности в деторождении, к плохой бесконечности, а не к хорошей вечности» (*Бердяев Н. А.* Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 410).

205. В. И. Малышеву (с. 187)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Ф. 494 (Малышев). Оп. 2. Ед. хр. 1458. Л. 10.

206. Л. Н. Назаровой (с. 187)

Печ. по автографу из личного архива адресата. Письма к Назаровой опубл. адресатом в журнале «Русская литература» (1994. № 4; 1995. № 1). Л. Н. Назарова — литературовед; входила в группу текстологов и комментаторов Полного собр. соч. и писем И. С. Тургенева, вышедшего в издательстве АН СССР в 1960—1968 гг. (изд. 1-е; тома Собрания Назарова высылала Зайцеву). Соавтор «Лермонтовской энциклопедии» (М., 1981).

207. Л. Н. Назаровой (с. 188)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

И за «Письма Тургенева»... — В 1961 г. вышел т. 1 писем Тургенева в изд.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. М; Л.: Изд. АН СССР, 1960—1968.

Позвольте хоть пустячком ответить... — Зайцев вложил в письмо листок с березы, растущей в Буживале (предместье Парижа), где подолгу жил Тургенев в последние годы жизни. Теперь в доме писателя музей его имени.

208. Л. Н. Назаровой (с. 188)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

...как две барышни в мороз ночью стояли в очереди к подписке на Тургенева... — См. очерк Аллы Кторовой «Домрабыня. Сцены московской жизни». Альманах «Мосты». Мюнхен, 1961. № 7 (этот номер посвящен 80-летию Зайцева). Зайцев цитирует этот очерк в дневнике «Дни. Непреходящее», опубликованном в «Русской мысли» 19 сент. 1961 г.: «Та мартовская ночь запомнилась хорошо. 32-градусный мороз, подписка на Тургенева, открытие ГУМа и расстрел Берии» (см. т. 9 в нашем изд.).

М<ихаил> П<авлович> — Алексеев, академик, в то время главный редактор Полн. собр. соч. И. С. Тургенева, выезжавший в Париж, где встречался с Зайцевым.

209. Л. Н. Афонину (с. 188)

Печ. по автографу: ОГЛМТ. Ф. 49. № 7952 / 7 оф. Публикуемые письма Зайцева к Афонину из фонда Орловского государственного музея И. С. Тургенева охватывают 1961—1968 гг., когда Афонин был здесь директором (в том числе и филиала музея «Писатели-орловцы»). Опубл. с сокращениями Л. Н. Назаровой в журнале «Мера»: СПб., 1996. № 4/95.

Валентин — четвертый сын Л. Н. Андреева; автор воспоминаний «Что я помню об отце» (Андреевский сборник. Исследования и материалы. Курск, 1975. С. 233—242).

...что касается покойного Леонида... — Л. Н. Андреев скончался 12 сентября 1919 г. Зайцев принял участие в вечере памяти своего давнего друга, организованного 15 ноября 1919 г. Горьким. Воспоминания участников вечера Горького, Блока, Зайцева, Чуковского, Телешова, Чулкова, Замятина вошли в «Книгу о Леониде Андрееве», вышедшую в 1922 г.

...по совету Вадима Андреева. — В. Л. Андреев — старший сын Л. Н. Андреева, автор книги об отце «Детство» (1963). Афонин познакомился с ним в Орле в 1960 г.

...Назарова просит прислать две фотографии... — Л. Н. Назарова получила две фотокопии портрета Зайцева (1960), выполненного художником С. П. Ивановым (в коллекции Р. Герра), и одну передала в 1962 г. в музей.

210. Л. Н. Назаровой (с. 189)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

«Тургенев» — роман-биография «Жизнь Тургенева» (1932).

Вышлю также «Ад»... — см. примеч. к № 197.

211. Л. Н. Назаровой (с. 190)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

...портрет художника Сергея Иванова.. — см. примеч. к № 209.

...портрет А. Н. Бенуа... — Этот портрет был передан художником в дар Русскому музею в Петербурге.

212. Л. Н. Назаровой (с. 191)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

...«Тург<енев>» и «Жуковский» дошли... — Романы-биографии Зайцева «Жизнь Тургенева» и «Жуковский» (1951).

...дошли ли эти снимки. — Фотоснимки с портрета были получены и переданы по назначению.

Альбомчик Ваш о Пушкинских местах получил... — Имеется в виду альбом «Пригороды Ленинграда», в котором многие страницы отведены видам г. Пушкина (бывшее Царское Село).

Растрелли — опять моя Италия. — Зайцев обратил внимание на Екатерининский дворец в Пушкине, автором которого был архитектор В. В. Растрелли, итальянец по происхождению.

Покойная Вера... очень хорошо о Вас говорила. — Научные сотрудники Тургеневской группы ИРЛИ Т. П. Голованова, Е. И. Кийко и публикатор этого письма Назарова посетили В. Н. Муромцеву-Бунину осенью 1960 г. во время научно-туристической поездки во Францию (см. об этом: *Голованова Т. П., Назарова Л. Н.* В парижской квартире Буниных // Литературное наследство. Т 84. Иван Бунин. Кн. 2. С. 440—444).

213. Л. Н. Назаровой (с. 191)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

...дама переписала от руки всего «Тургенева»! — Книгу Зайцева «Жизнь Тургенева» переписала Раиса Анатольевна Юношева, урожд. Хорцева (1902—1986), мать сотрудницы Пушкинского Дома Е. И. Кийко.

«Россия, Россия, Россия, // Мессия грядущего дня...» — Заключительные строки стихотворения А. Белого «Родина» (1917).

214. В. А. Мануйлову (с. 193)

Печ. по автографу из личного архива Л. Н. Назаровой (письма Зайцева к Мануйлову опубл.: Русская литература. 1997. № 4. Виктор Андроникович Мануйлов — литературовед, лермонтовед, главный редактор и соавтор «Лермонтовской энциклопедии» (М., 1981).

...*«Тургенев» мой...* — см. примеч. к № 212.

...*Лермонтов прожил 27 лет.* — Лермонтов до 27 лет не дожил трех месяцев.

...*Вы написали о нем книгу...* — Этот свой главный труд о Лермонтове В. А. Мануйлов завершить не успел.

Мой перевод «Ада» Данте ждал 44 года... — см. т. 8 в нашем изд. и примеч. к нему.

За Гоголя заранее благодарю... — Речь идет о книге: *Гилельсон М. И Мануйлов В. А., Степанов А. Н.* Гоголь в Петербурге. Л., 1961. Зайцев получил эту книгу позже (см. № 219).

215. Л. Н. Назаровой (с. 194)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

...*получил «Пушкина и его время»...* — Коллективный сборник: Л., 1962.

6-го мая у нас будет вечер пушкинский... — Вступительное слово Зайцева под названием «Три кометы. Слово на Пушкинском вечере» опубликовано в парижской газете «Русская мысль» 19 мая 1962 г. (см. т. 9 в нашем изд.)

...*получили ли Вы мои «Тихие зори»?* — Сборник Зайцева «Тихие зори», изданный в Мюнхене к его 80-летию, адресат получила лишь в начале 1990-х гг из отдела спецхранения библиотеки Академии наук.

Вера покойная... — В. Н. Бунина умерла в 1961 г.

...*письмо от г-жи Ковалевской...* — Елена Александровна Ковалевская — в то время научный сотрудник Литературного музея Пушкинского Дома. Речь идет о фотокопии портрета Зайцева работы С. П. Иванова.

216. Л. Н. Назаровой (с. 195)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

217. Л. Н. Назаровой (с. 195)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

...*окрестности Петербурга очень для меня интересны.* — В книге «Пригороды Ленинграда» Зайцев читал главы, посвященные г. Пушкину (Царское Село), г. Ломоносову (Ораниенбаум) и др.

Прилагаю «слово» мое на Пушкинском вечере... — см. примеч. к № 215.

...*прислать эту книгу Петрова.* — Речь идет о книге С. М. Петрова «Тургенев: Творческий путь». М., 1961.

...*Гиппиус... усмотрела веяние Тургенева.* — Имеется в виду рецензия З. Н. Гиппиус «Тварное» о первом сборнике Зайцева «Рассказы» (1907), в которой о литературном дебютанте говорится: «Так видел бы природу *современный* Тургенев, вернее, так бы он описывал ее, — Тургенев без романтизма, без нежности и... без тенденции...» (см. т. 1 в нашем изд.).

...*на днях Сергей Маковский умер...* — С. К. Маковский скончался 13 мая 1962 г. в Париже.

218. В. А. Мануйлову (с. 197)

Печ. по автографу из личного архива Л. Н. Назаровой.

...в Италии мы с женой бывали не раз... — см. об этом подробно в кн.: *Комолова Н.* Италия в судьбе и творчестве Бориса Зайцева. М., 1998.

Лермонтов «дошел» до меня.. — О своей увлеченности Лермонтовым Зайцев рассказал в очерке «О Лермонтове», напечатанном в газ. «Возрождение» 24 ноября 1939 г. (см. т. 9 в нашем изд.).

«По небу полуночи...» — Первая строка стихотворения «Ангел» (1831) М. Ю. Лермонтова, написанного, когда ему было 17 лет. Более 30 композиторов положили стихотворение на музыку и в их числе — А. К. Варламов, А. Г. Рубинштейн, Н. А. Римский-Корсаков, Э. Ф. Направник, С. В. Рахманинов, Н. К. Метнер.

...Зуров раскопал у Жорж Занд.. — Речь идет о статье: *Зуров Л. Ф.* «Тамань» Лермонтова и «L'Ork» Ж. Санд // The New Review. 1961. V. 66. P 176—281. Мануйлов получил эту статью от автора.

...снимок с моего портрета.. — см. примеч. к № 209.

219. В. А. Мануйлову (с. 198)

Печ по автографу из личного архива Л. Н. Назаровой.

«Среда» (1899—1916) — литературный кружок писателей-реалистов, основанный Н. Д. Телешовым.

«Москва» (1939) — мемуарная книга Зайцева (см. т. 6 в нашем изд.).

«Литературно-художественный кружок» — писательское объединение, возникшее в октябре 1899 г. в Москве по инициативе врача-психиатра Н. Н. Баженова (см. т. 6 в нашем изд. С. 36—41).

Евгений Васильевич — ошибка памяти: Гославского зовут Евгений Петрович.

...Назарова получила ее, равно как и «Тихие зори»... — Зайцев не знал, что эти книги до адресата не дошли.

Для Вашей аспирантки... — Имеется в виду Маргарита Ионовна Шемелова.

Книгу о Гоголе... — Имеется в виду изд: *Гильельсон М. И., Мануйлов В. А, Степанов А. Н.* Гоголь в Петербурге. Л., 1961.

...читал, по тихонравовскому изданию... — Имеется в виду изд. 10-е: *Гоголь Н. В.* Сочинения. Т. 1—7. М., 1889—1896 (под ред. Н. Тихонравова; последние два тома совместно с В. Шенроком).

Сейчас я несколько от него отошел... — В пору увлечения Гоголем Зайцев написал о нем статьи «Гоголь на Пречистенском» (1931) и «Жизнь с Гоголем» (1935).

220. Л. Н. Назаровой (с. 200)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

Александр Алексеевич — Сионский,

...«Москва» дошла до Вас. — Дошла... спустя тридцать лет, поскольку была задержана и отдана в спецхран библиотеки Академии наук.

Виктор Андроникович — Мануйлов.

221. А. В. Храбровицкому (с. 201)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 357. К. 10. Д. 40. Л. 14, 14 об. Александр Вениаминович Храбровицкий (1912—1989) — литературовед; исследователь жизни и творчества В. Г. Короленко. В фонде Храбровицкого (ОР РГБ) — более 50 писем Зайцева к нему (1958—1969).

Статейку в «Помощи»... забыл... — *Зайцев Бор.* Завет // Бюллетень Всероссийского комитета помощи голодающим (Помгол) «Помощь». М., 1921. 22 авг. № 2. Свое участие в работе комитета, закончившееся арестом и подвалом Лубянки, Зайцев саркастически описал в книге «Москва» (т. 6 в нашем изд. С. 128—138). Однако статья в «Помощи» свидетельствует о сугубо ответственном отношении автора к обязанностям члена Помгола. «Голод — русский стон! Как все знакомо, все привычно. Малыми детьми слыхали мы и про Самару, Волгу, про какие-то места удаленные и страшные», — пишет Зайцев и заканчивает призывом: «Выше и выше! Мимо злобы и мелких расчетов, мимо ничтожества тьмы, насилия и безобразия — к делу добра, к давнему, вековому завету русской литературы, к вековому поклонению христианских народов, к заповеди незыблемой: возлюби ближнего твоего, как самого себя».

...просить... о фотоснимке с моей первой вещицы... — Имеется в виду эскиз «В дороге» // Курьер. 1901. 15 июля. № 193 (см. т. 1 в нашем изд.).

Гусев-Оренбургский... ему свыше 90... — С. И. Гусеву-Оренбургскому в 1962 г. исполнилось 95 лет. Через год он скончался.

...привет Наде Кузнецовой... — Надежда Федоровна Кузнецова — сотрудница Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина; дочь дворового Зайцевых в Притыкине. Состояла в переписке с семьей писателя. «Вещица» — образок из Притыкина.

Наталья Владимировна — Беренштам, дочь петербургского адвоката и публициста Владимира Вильямовича Беренштама (1870—1920-е гг.), близкого знакомого В. Г. Короленко.

Миша — М. А. Соллогуб, внук Зайцева.

Румянцевский музей в Москве (в Пашковом доме) существовал в 1862—1925 гг.; он был создан из художественной коллекции и библиотеки графа П. П. Румянцева. Ныне его фонды в других музеях Москвы, а книжный фонд стал основой нынешней Российской государственной библиотеки (РГБ).

...мои письма к Муратову... — Сохранились письма Муратова к Зайцеву: РГАЛИ. Ф. 1623 (1908—1917); ИМЛИ. Ф. 245 (1902—1921).

222. В. А. Мануйлову (с. 202)

Печ. по автографу из личного архива Л. Н. Назаровой.

...получил и кн<игу> о собрании картин Нотгафта, и кн<игу> о Михайловском... — Ф. Ф. Нотгафт. Выставка картин и рисунков русских художников начала века. Л., 1962 (каталог); *Басина М. Я.* Там, где шумят Михайловские рощи. Л., 1962.

...о Бенуа у меня даже есть статья-воспоминание, в связи с его кончиной. — Неточность: статья появилась до кончины Бенуа (он умер 9 ноября 1960 г., отметив в апреле свое 90-летие). Юбилейный очерк Зайцева «Дни. Об Александре Бенуа. К 90-летию со дня рождения» был опубликован дважды: в «Новом русском слове» (Нью-Йорк. 1960. 24 апр. № 17702) и в «Русской мысли» (1960. 30 апр. № 1519), а в 1965 г. вошел в кн. «Далекое» (см. т. 6 в нашем изд.).

Добужинский... супруга его... — Жена М. В. Добужинского Елизавета Осиповна, урожд. Волькенштейн.

«Пушкин и его время» — см. примеч. к № 215.

223. О. П. Вороновой (с. 202)

Печ. по автографу из архива Т. Ф. Прокопова (письмо — дар Вороновой). Ольга Порфирьевна Воронова в 1962 г. собирала материалы для статьи о Зайцеве (по его предположению, для Большой Литературной Энциклопедии, которая не была выпущена). О. П. Воронова (1924—1985) — литературовед, искусствовед; член Союза художников. Автор диссертационной работы об И. А. Новикове, статей об А. М. Добролюбове, А. С. Грине (публикатор его неизвестных текстов по материалам архива Н. Н. Грин, с которой встретилась и подружилась в сталинском ГУЛАГе), а также 18 книг, альбомов и монографий, в том числе известных: «Шадр» (М.: Молодая гвардия, 1969; серия «Жизнь замечательных людей»), «В. И. Мухина» (М.: Искусство, 1976; серия «Жизнь в искусстве»), «Над Понтом Эвксинским. К. Богаевский» (М.: Советский художник, 1982).

...статья (если не ошибаюсь, Михайловского): «Импрессионизм». — Имеется в виду статья Б. Михайловского «Импрессионизм в русской литературе» // Литературная энциклопедия. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1930. Т. 4. Стлб. 484—490. В этом же томе помещена большая статья М. Морозова «Зайцев Б. К.». Стлб. 290—295.

224. К. И. Чуковскому (с. 205)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 620. К. 64. Д. 34. Л. 1.

...письма Вашего не получил. — 17 февраля 1963 г. Чуковский ответил Зайцеву: «Мне очень больно, что мое приветствие до Вас не дошло. Светлое воспоминание о Вашей поэзии, той душевной ясности, к которой она так властно приобщала меня, я пронес через всю свою жизнь» (Русская мысль. Париж. 1969. 27 ноября).

...Вы писали обо мне в «Речи»! — Имеются в виду две публикации — рецензия на первый сборник рассказов Зайцева: *Чуковский К.* Отпевание индивидуализма (Речь. 1907. 4 ноября) и его статья «Пафос косности и безжеланности» (Речь. 1913. 6 января).

225. Л. Н. Назаровой (с. 205)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

...все получил, и Бялого, и об Орле. — Имеются в виду изд.: *Бялый Г. Б.* Тургенев и русский реализм (М.; Л., 1962) и «Памятные места Орла в гравюрах Ал. Мищенко» (текст Л. Афонина и З. Сидельниковой. Орел, 1962).

...покойным Плещеевым, сыном поэта. — Речь идет об А. А. Плещееве, сыне поэта А. Н. Плещеева.

...дочь Тургенева... Полина. — Полина (Пелагея) Ивановна Тургенева, в замужестве Брюэр.

...могу Вам ее прислать. — Эта фотография П. Брюэр работы Э. Каржа ныне хранится в Литературном музее Пушкинского Дома. В Орел послана ее копия. Опубл. в изд.: Тургеневский сборник: Материалы к Полн. собр. соч. и писем И. С. Тургенева. II. М.; Л.: Наука, 1966. С. 325.

...журнал этот, кажется, еще во времена «Месяца в деревне» существовал! — «Revue des deux Mondes» — один из старейших журналов Парижа, в котором печатались переводы произведений Тургенева.

Паустовский произвел... хорошее впечатление. — К. Г. Паустовский навестил Зайцева в Париже в декабре 1962 г. Их фотография, сделанная во время этой встречи, неоднократно воспроизводилась в газетах и журналах. На кончину Паустовского 14 июля 1968 г. Зайцев откликнулся статьей в «Русской мысли» (1968. 25 июля).

...в печати письма Бунина к проф. Бицилли... — Имеется в виду публикация: *Мещерский А. П.* Неизвестные письма И. Бунина: Обзор писем к профессору Софийского университета П. М. Бицилли // Русская литература. 1961. № 4. С. 152—158.

226. Л. Н. Назаровой (с. 207)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

...снимок с хорошего рисунка С. Иванова... — см. примеч. к № 209.

...вот Зильберштейн «Москву» мою получил... — И. С Зильберштейн переписывался с Зайцевым, обмениваясь с ним различными изданиями, и посещал его во время поездок в Париж.

В небытие пускать книгу... — см. примеч. к № 220.

227. Л. Н. Назаровой (с. 208)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

Александр Алексеевич — Сионский.

...со статьей обо мне... — см. примеч. к № 225.

228. Л. Н. Назаровой (с. 209)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

...встречал... внучку Виардо... — Алиса Виардо; ее отец — сын Полины Виардо Поль (1857—1941), скрипач. Высказывалось предположение, что отцом Поля Виардо был И. С. Тургенев (См., напр., *Desterness S. Et Chandet H.* La Malibran et Pauline Viardot avec la collaboration d'Alice Viardot. Paris, 1969. P. 237).

Ал<ександр> Ал<ексеевич> — Сионский.

«Русск<ую> литер<атуру>» жду... — Зайцев надеялся получить номер журнала «Русская литература» с публикацией о письмах Бунина к П. М. Бицилли.

229. Л. Н. Назаровой (с. 210)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

Статья Алексеева... — *Алексеев М. П.* Письма И. С. Тургенева // *Тургенев И. С.* Письма. Т. 1. М.; Л., 1961. С. 15—144.

...кн<игу> Пророковой о Левитане... — *Пророкова С. А.* Левитан. М., 1960.

...из «Р<усской> л<итературы>» о Толстом и Фете. — Имеется в виду статья: *Розанова С. А.* Лев Толстой и Фет (История одной дружбы) // Русская литература. 1963. № 2. С. 86—107.

«Аграфена» (1908) — повесть Зайцева.

«В пути» (1951) — сборник Зайцева, изданный в Париже к его 70-летию.

«Няня из Москвы» (1935) — роман И. С. Шмелева.

За Пушкина спасибо. — Зайцеву была послана открытка с изображением памятника Пушкину на Площади Искусств в Ленинграде (скульптор М. К. Аникушин).

230. Л. Н. Назаровой (с. 211)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

«Библиографический указатель» — История русской литературы конца XIX—начала XX века: Библиографический указатель // Под ред. К. Д. Муратовой. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1963. Справедливо критикуя отдельные пробелы этого издания, Зайцев понимал, что они были продиктованы обстоятельствами времени.

...Сивачев. Кроме меня да Горького его никто не знает. — Прозаик М. Г. Сивачев полускандальную известность обрел книгой «Прокрустово ложе: Записки литературного Макара» (М.: Современные проблемы, 1911. Т. 1, 2), одобренной Горьким как документ «для характеристики человека, вылезающего с глубокого низа». В предисловии автор вызывающе пишет: «Шесть лет я смотрел на людей, олицетворяющих собой лучший цвет современной культуры <...> пришел к заключению, что весь этот «лучший цвет» *за страшно* редкими исключениями — *банкроты духа!*»

Скартаццини — итальянский библиограф, исследователь творчества Данте.

Александр Алексеевич — Сионский.

231. Л. Н. Афонину (с. 212)

Печ. по автографу: ОГЛМТ. Ф. 49. № 7952 / 7 оф.

Людмила Николаевна — Назарова.

«Памятные места» — Имеется в виду кн.: Памятные места в гравюрах А. Мищенко. Текст Л. Афонина и З. Сидельниковой.

Хорошилово — ныне Урицкого района Орловской области.

Много слышал об Орле от Бунина. — Бунин с 1889 по 1892 г. (с перерывами) служил в редакции газеты «Орловский вестник» и жил в доме Пономаревых на Воскресенской ул. (ныне ул. Гагарина, д. 3, отмеченный мемориальной доской).

...вырос в.. Елецком уезде. — С 1874 г. семья Буниных жила на хуторе Бутырки Орловской губ. (Липецкая обл.). С 1881 по 1885 г. Бунин учился в елецкой гимназии.

232. Л. Н. Назаровой (с. 213)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

...есть ли в Москве или в Ленинграде памятник Тургеневу? — Ни в Москве, ни в Ленинграде-Петербурге тургеневских памятников нет.

Когда Федин написал о нем в Москве... — К. А. Федин на втором съезде писателей (1954) заявил: «Недостало сил, уже будучи советским гражданином, вернуться домой Ивану Бунину — русскому классику рубежа двух столетий» (Второй всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М., 1956. С. 503). Это заявление вызвало решительный протест В. Н. Муромцевой-Буниной: Бунин не был в числе тех, кто взял советский паспорт (см. об этом: *Бабореко А.* Дороги и звоны. М., 1993. С. 209—210).

«Окаянные дни» — см. примеч. к № 149.

233. Л. Н. Назаровой (с. 214)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

Статья просто и изящно написана. — Речь идет о статье: *Назарова Л.* Портрет из Плевена // Работница. 1963. № 12, в которой рассказывается о Юлии Петровне Вревской (1839—1878), близкой знакомой И. С. Тургенева, сестре милосердия во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Публикация сопровождалась фотокопией портрета Вревской, который хранится в Болгарии.

234. Л. Н. Назаровой (с. 215)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

...книга о Пушкине в Михайловском... — Очевидно, Зайцеву была послана книга М. Басина «Там, где шумят Михайловские рощи» (М., 1962).

...подарили Басина и Гордин... — Марианна Яковлевна Басина и Аркадий Моисеевич Гордин — литературоведы-пушкинисты.

Один у меня... остался соперник... — Вас. И. Немирович-Данченко дожил до 92 лет.

..у нас вечер памяти Бунина... — Выступление Зайцева было опубликовано: Давнее. О Бунине: К десятилетию кончины // Новое русское слово. Нью-Йорк. 1964. 10 мая.

235. Л. Н. Назаровой (с. 216)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

...кончил небольшую статью.. — *Зайцев Бор.* Тургеневская библиотека // Русская мысль. 1964. 21 мая. № 2154.

...Тургенев... читал свой рассказ «Ходатай». — Неточность: на литературно-музыкальном вечере 15 (27) февраля 1875 г. Тургенев читал свой рассказ «Стучит!» и рассказ Г. И. Успенского «Ходок».

.. внучатая племянница «того» полоумного Бакунина. — Имеется в виду Т. А. Осоргина, урожд. Бакунина.

236. Л. Н. Назаровой (с. 217)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

237. Л. Н. Назаровой (с. 217)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

...Белые берега — это не просто монастырь... — Зайцев исправил ошибку в одном из примечаний к повести «Постоялый двор» в т. 5 Полн. собр. соч. И. С. Тургенева.

...моя старшая сестра... — Т. К. Буйневич.

...жена Александра Алексеевича... — Мария Яковлевна Сионская.

...путевые очерки. — Книга Зайцева «Валаам» (Таллин: Странник, 1936).

...дочь... читает в Римском университете о русск<ой> лит<ературе> лекции! — Анна Ло Гатто Мавер, соредактор русского издания мемуаров своего отца «Мои встречи с Россией» (М.: Кругъ, 1992).

238. Л. Н. Назаровой (с. 219)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

...написал, почти повелительно: «Придумайте другое». — Речь идет о романе «Воспитание чувств». Цитируется письмо Тургенева к Флоберу от 24 ноября 1868 г. (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т. 7. С. 238, 411).

...сын П. Струве, библиофил... — Имеется в виду Алексей Петрович Струве.

...альманах «Шиповника», где есть мой перевод... — Перевод рассказа Флобера, выполненный Зайцевым, напечатан в альманахе издательства «Шиповник» в 1910 г. (кн. 12).

Прилагаю таинственный листик — как будто пригласит<ельный> билет... — Это действительно пригласительный билет на один из концертов, организованных Обществом взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже. Воспроизведен в Полн. собр. соч. и писем И. С. Тургенева (Письма. Т. 12. Кн. 1. 1966. С. 365). Заглавные буквы, которые не мог «разгадать» Зайцев, — О.В.В. и Б.Р.Х.В.П. — сокращенное название Общества.

239. Л. Н. Назаровой (с. 220)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

...знаю еще два — итальянских... — Речь идет о двух знаменитых скульптурах эпохи Раннего Возрождения, выполненных Андреа дель Вероккьо (1435 или 1436—1488) и Донателло (ок. 1386—1466).

...в статейке о Тургеневской Библ<иотеке> в Париже я ошибся. — Зайцев посчитал рассказ Г. И. Успенского «Ходок» принадлежащим Тургеневу.

Сватиков С. Г. — с 1920-х годов был членом правления и секретарем Тургеневской библиотеки в Париже.

«Далекое» — мемуарная книга Зайцева, вышедшая в 1965 г. в Вашингтоне.

...кн<игу> Пигарева о Тютчеве? — Пигарев К. В. Жизнь и творчество Ф. И. Тютчева. М., 1962.

240. Л. Н. Назаровой (с. 222)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

...написал я новую вещь... — Рассказ «Река времен»; опубликован был в «Новом журнале» (1965. № 78).

241. Л. Н. Замятиной (с. 222)

Печ. по копии автографа, хранящегося в частном собрании (США).

...в эти тяжелые для меня дни... — Тяжело болела жена Зайцева Вера Алексеевна, перенесшая семь лет назад паралич; умерла в 1965 г.

242. Л. Н. Назаровой (с. 223)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

«Давнее» — вероятно, первоначальное название книги «Далекое» (по рубрике, под которой Зайцев в это время печатал в «Русской мысли» некоторые мемуарные очерки).

«Река времен» — см. примеч. к № 240.

А<лександр> А<лексеевич> — Сионский.

...внуки мои... — Михаил Андреевич и Петр Андреевич Соллогубы.

Книгу Пигарева... — см. примеч. к № 239.

А Тютчев давняя моя любовь. — Зайцев — автор большого очерка «Тютчев: Жизнь и судьба. К 75-летию кончины», опубликованиого в журнале «Возрождение». Париж. 1949. № 1 (см. т. 9 в нашем изд).

243. Л. Н. Афонину (с. 224)

Печ. по автографу: ОГЛМТ. Ф. 49. № 7952/7 оф.

Людмила Николаевна — Назарова.

«Тихие зори» — книга Зайцева, изданная к его 80-летию (Мюнхен, 1961).

...отец мой... — К. Н. Зайцев.

Николай — Н. Н. Зайцев.

...у Вас памятник Тургеневу. — Имеется в виду памятник (временный) И. С. Тургеневу работы художника Л. И. Курнакова, установленный в 1958 г. (См.: *Федоров С.* Архитектурные образы Орловщины. Тула, 1982. С. 148).

244. Л. Н. Назаровой (с. 225)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

А<лександр> А<лексеевич> — Сионский.

245. Л. Н. Назаровой (с. 226)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

«Старых предков я наследье чую...» — Из стихотворения Бунина «В отъезжем поле» (см.: *Бунин И. А.* Полн. собр. соч. СПб.: Изд-во А. Ф. Маркса, 1915. Т. 1. С. 24).

...о Ф. Степуне? ...умер только что. — Ф. А. Степун скончался 23 февраля 1965 г. в Мюнхене.

246. Л. Н. Назаровой (с. 227)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

«Гамлет и Дон Кихот» (1860) — остропублицистическая статья И. С. Тургенева, вызвавшая полемику.

«Путешествие Глеба» и «Древо жизни» вышлем Вам. — Эти книги адресатом не были получены. «Древо жизни» (Нью-Йорк, 1953) — роман, завершающий автобиографическую тетралогию Зайцева «Путешествие Глеба».

Знаете ли Вы такую Воронову? — см. примеч. к письму № 223.

...статейка моя о Данте... — Вступительная статья «Данте и его поэма» в кн.: Данте Алигьери. Божественная Комедия. Ад. Перевод Б. Зайцева. Париж: YMCA-Press, <1961>.

247. Л. Н. Назаровой (с. 228)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

...ничтожные Ткачевы и Антроповы... — П. Н. Ткачев в статье «Неподкрашенная старина», подписанной псевдонимом Постный (Дело. 1872. № 12.

С 26—27), дал уничтожающую характеристику повести Тургенева «Вешние воды» (1871). Еще раньше, 12 янв. 1872 г., в «Московских ведомостях» появилась за подписью Л. А-в статья Л. Н. Антропова «Новая повесть Тургенева», в которой сказано: «"Вешние воды" — вещь не только относительно слабая, но безотносительно плохая». «Ругательство это возбудило общее омерзение...» — сообщил Тургеневу в Париж П. В. Анненков (цит. по изд.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. М., 1981. Т. 8. С. 509).

...о Данте, к юбилею 700-летнему. — Имеются в виду публикации Зайцева: «Семь веков» (Русская мысль. 1965. 6 февр. № 2266) и «Данте. Судьба» (Возрождение. 1965. Окт. № 166).

Александр Алексеевич — Сионский.

248. С. Ю. Прегель (с. 230)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 218. Картон. 1353. Ед. хр. 4. Л. 1.

Гингер уже сожжен... — Умерший в Париже 26 августа 1965 г. А. С. Гингер, принявший буддизм, был похоронен по буддийскому ритуалу: сожжен.

Наташа с Андреем — Соллогубы.

Миша и Пека — внуки Зайцева Михаил и Петр Соллогубы.

249. Л. Н. Назаровой (с. 230)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

...позавидовал Анненкову... — Тургенев посвятил повесть «Первая любовь» (1860) своему другу П. В. Анненкову.

Писарев сказал, что ничего не понял... — В статье «Писемский, Тургенев, Гончаров» Д. И. Писарев заявил, что не понимает характера героини (см.: *Писарев Д. И.* Сочинения: В 4-х т. Л., 1955. Т. 1. С. 266).

...Зинаида есть смесь Печорина с Ноздревым. — В статье Н. А. Добролюбова «Луч света в темном царстве» говорится, что Катерина «нечто среднее между Печориным и Ноздревым в юбке».

У Блока... статью об Аполлоне Григорьеве... — Имеется в виду статья Блока «Что надо запомнить об Аполлоне Григорьеве» (1918).

«Люба на земле — страшное...» — Запись от 18 февраля 1910 г. в изд.: *Блок А.* Записные книжки. 1901—1920. М., 1965. С. 166. Запись оканчивается словами: «Но — 1898—1902 <годы> сделали то, что я не могу с ней расстаться и люблю ее».

...оно начинается с Блока. — Книгу «Далекое» Зайцев открыл статьей о Блоке «Побежденный».

...отец Блока... — Александр Львович Блок.

Поздравляю Вас с новым лауреатом. — В 1965 г. автор «Тихого Дона» М. А. Шолохов стал лауреатом Нобелевской премии.

А как здоровье Ахматовой? — Зайцев в 1964 г. в газете «Русская мысль» посвятил А. А. Ахматовой две публикации: «Дни» (7 янв.) и «Ахматовой» (13 июня; к 75-летию поэта).

Моя дочь... собирается летом в Ваши края. — Н. Б. и А. В. Соллогубы летом 1966 г. приезжали в СССР, побывали в Ленинграде и встречались с адресатом этого письма.

250. Л. Н. Любшюти (с. 232)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Р. 1. Оп. 10. Ед. хр. 138. Л. 2.

251. Л. Н. Назаровой (с. 232)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

...мой «Рим» из торонтского «Современника». — Имеется в виду очерк, опубликованный в канадском журнале «Современник» (Торонто. 1965. № 12).

...на Игоря Северянина не похож. — Имеется в виду эпатажное заявление поэта в стихотворении «Эпилог» (1912): «Я, гений Игорь Северянин...»

Насчет «Первой любви» я написал нечто. — Имеются в виду дневниковые заметки «Дни. Книги, книги...»; они опубликованы 24 февр. 1966 г. в «Русской мысли» (см. также т. 9 в нашем изд).

«Замечательные» отзывы Писарева и Добролюбова... — см. примеч. к № 249.

...больше похож на Нуреева, чем на Лобачевского. — Р. Х. Нуреев — знаменитый артист балета. Н. И. Лобачевский — великий математик.

252. К. И. Чуковскому (с. 233)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 620. К. 64. Ед. хр. 34. Л. 3.

...благодарю за память... — Чуковский к 85-летию Зайцева прислал ему поздравление: «Дорогой Борис Константинович! От всего сердца приветствую Вас. Желаю Вам долгого счастья! Ваш ровесник Корней Чуковский. 1 февраля 1966» (Архив Б. Зайцева. Париж).

...я чуть-чуть обогнал... — Зайцев на год с небольшим старше Чуковского.

...Вы были из первых, кто обо мне... писал... — см. примеч. к № 224.

«Речь», Гессен, Милюков... — Статьи Чуковского о Зайцеве напечатаны в газете «Речь», редактором которой были И. В. Гессен и П. Н. Милюков.

253. Н. П. Смирнову (с. 233)

Печ. по автографу из собрания В. В. Лаврова. Николай Павлович Смирнов (1898—1978) — прозаик, поэт, критик. С 1919 до 1934 г. сотрудничал в газетах и журналах («Известия», «Новый мир» и др.). В 1934—1939 гг. находился в заключении по обвинению в связях с троцкистами. Участник Великой Отечественной войны. В 1950—1970 гг. работал в альманахе «Охотничьи просторы». Переписывался с литераторами из бунинского окружения: Г. В. Адамовичем, В. Н. Муромцевой-Буниной, Л. Ф. Зуровым, Г. Н. Кузнецовой, И. В. Одоевцевой. Зайцев послал Смирнову 8 писем (опубл. З. П. Смирновой по несверенным копиям в «Российском литературоведческом журнале». 1993. № 2). В нашем изд. печатаются 7 писем по их автографам (оригинал письма от 17 янв. 1968 г. не известен).

...простите, что не сразу ответил... — В 1965 г. Зайцев послал Смирнову книгу «Далекое» с надписью: «Николаю Павловичу Смирнову с заочной симпатией Бор. Зайцев. Париж. 27 мая 1965». Письмо адресата с отзывом о «Далеком» открыло их переписку.

...читал в «Русских новостях»... — Смирнов опубликовал в парижском еженедельнике «Русские новости» (1945—1970) более 130 материалов.

Насчет Бунина Вы, конечно, правы... — Здесь и далее, вероятно, об отзыве Смирнова о «Далеком».

Галина — Г. Н. Кузнецова.

...хотя Эккермана представляю себе иным... — Зайцев сравнивает Кузнецову с И. П. Эккерманом, автором книги «Разговоры с Гете в последние годы его жизни».

...напишу Алле Шпеттнагель... — А. Шпеттнагель — автор и редактор русских передач Кельнского радио, где в 1966 г. выступил и Зайцев. 31 января 1966 г. Смирнов писал Борису Константиновичу: «С удовольствием прослушал Ваше выступление по радио в русское Рождество» (письмо в собрании В. В. Лаврова).

Подробности... у А. В. Храбровицкого. — Смирнов в 1961—1967 гг. был с Храбровицким в дружеских отношениях.

254. Л. Н. Назаровой (с. 235)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

Алеша Карамазов — герой романа Достоевского «Братья Карамазовы».

255. Н. П. Смирнову (с. 236)

Печ. по автографу из собрания В. В. Лаврова.

Насчет Бунина... в книжке моей «Москва»... — Очерк «Молодость — Иван Бунин».

Галина — Г. Н. Кузнецова.

«Дело Ермаковых» — Имеются в виду рассказ Тэффи «Выбор Креста» и его персонажи Ермиловы.

256. С. Ю. Прегель (с. 237)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 1623. Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 1.

...мне адресовано и, очевидно, Водову. — С. А. Водов — в 1954—1968 гг. главный редактор газеты «Русская мысль», сотрудником которой был Зайцев.

«Новое время» — газета А. С. Суворина, которую он издавал с 1876 г. До 1917 г. газету редактировал его сын А. А. Суворин. А в апреле 1921 г. в Белграде издание возобновил М. А. Суворин (газета выходила ежедневно до 26 октября 1930 г.).

257. А. И. и Е. К. Дейчам (с. 238)

Печ. по автографу из личного архива адресатов. Опубл.: *Дейч Е.* Из воспоминаний о Борисе Зайцеве // Арбатский архив. Вып. 1. М., 1997. Александр Иосифович Дейч (1893—1972) — литературовед, историк литературы и театра, театральный критик, переводчик с английского, французского, немецкого и украинского языков.

Кирилл — К. Д. Померанцев.

258. И. Ф. Бэлзе (с. 238)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 357. Карт. 10. Ед. хр. 42. Л. 27. Опубл. А. Д. Романенко в кн.: *Зайцева-Соллогуб. Н.* Я вспоминаю... М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1998. С. 93. Игорь Федорович *Бэлза* (1904—1994) — музыковед, композитор, литературовед. С 1966 г. был председателем Дантовской

комиссии АН СССР. В его библиотеке хранится экземпляр издания «Ада» в переводе Зайцева (Париж, 1961) с дарственной надписью, датированной 27 марта 1967 г.

Александр Вениаминович — Храбровицкий.

259. К. Г. Паустовскому (с. 239)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 357. К. 10. Ед. хр. 42. Л. 31 об.

«Вилла Боргезе» (1966) — один из последних рассказов Паустовского.

260. С. Ю. Прегель (с. 240)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 128. К. 1353. Ед. хр. 14. Л. 2.

Все благо: бдения и сны... — Из «Евгения Онегина» Пушкина, гл. 6, XXI.

...рядом с Родленом Березовым. — Вероятно, Родион Михайлович Березов, печатавшийся в «Русской мысли».

261. Л. Н. Афонину (с. 240)

Печ. по автографу: ОГЛМТ. Ф. 49. № 7952 / 7 оф.

.. Научной сессии, посвященной 400-летию г. Орла... — Эта сессия, организованная музеем И. С. Тургенева и Орловским пединститутом, была посвящена творчеству писателей-орловцев — Тургенева, Бунина, Андреева, Новикова и др.

262. Л. Н. Назаровой (с. 241)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

Старец Амвросий — прототип старца Зосимы в «Братьях Карамазовых» Достоевского.

«Повесть о Вере» — автобиографическая повесть, в основе которой письма В. Н. Муромцевой-Буниной к В. А. Зайцевой (Русская мысль. 14, 17, 19 и 21 янв. 1967). По письмам своей жены к Буниной Зайцев написал и вторую повесть — «Другая Вера» (см. т. 6 в нашем изд. и примеч. к нему).

...ее книги об Иване. — Имеются в виду книги В. Н. Муромцевой-Буниной «Жизнь Бунина. 1870—1906» (Париж, 1958) и «Беседы с памятью» (печ. в изд.: «Новый журнал», «Грани», газ. «Новое русское слово»; 1955—1962).

263. Л. Н. Назаровой (с. 242)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

...несколько подвалов в газете... — Газетные вырезки «Повести о Вере» из «Русской мысли» адресатом были получены.

...прилагаю нечто мое о Бунине... — «Дни. Тринадцать лет» // Русская мысль. 1966. 10 ноября. № 2541.

264. Л. Н. Назаровой (с. 243)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

...немцы его... угробили в газовой камере... — Речь идет о погибших в Освенциме супругах Вольфсон Марке Карловиче и Эрне Сигизмундовне, знакомых Зайцева и Ходасевича.

Комментарий-статейку Дубовикова... прочел. — Имеется в виду вступительная статья А. Н. Дубовикова к повестям Тургенева в т. 5 Полн. собр. соч.

...дать что-нибудь о Бунине. — В бунинских двух книгах (1974) «Литературного наследства» (т. 84) Зайцев не напечатан.

Альбом Тургеневский получил... — Иван Сергеевич Тургенев в портретах, иллюстрациях, документах // Сост. Л. И. Кузьмина, Г. В. Степанова. Под общей ред. Г. А. Бялого. М.; Л., 1966.

265. Н. П. Смирнову (с. 245)

Печ. по автографу из собрания В. В. Лаврова.

А. А. — Сионский.

«Повесть о Вере» — см. примеч. к № 262.

О книге Тхоржевского... — Имеется в виду двухтомник И. И. Тхоржевского «Русская литература» (1946, 1950), охватывающий огромный материал — «от царя Гороха до советского драматурга Афиногенова» — по словам Бунина, встретившего книгу саркастической рецензией (*Бунин И.* Панорама // Русские новости. Париж. 1946. № 68).

...которую я знал... — Вероятно, Ольга Валентиновна Кожевникова.

266. И. А. Васильеву (с. 246)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

267. Л. Н. Назаровой (с. 247)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

268. Л. Н. Назаровой (с. 247)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

...не такой «шляпой», как я. — Одна из глав мемуарной книги Зайцева «Москва» называется «Мы, военные... Записки шляпы». Автор поясняет, почему он причисляет себя к «шляпам»: «Слово жаргонное. Означает безнадежно "штатского" и нерасторопного человека».

...тоски... по погибшему юноше — сыну. — Сын В. А. Зайцевой от первого брака — офицер-фронтовик А. Н. Смирнов, расстрелянный большевиками в 1919 г.

Как она о Маяковском отозвалась! Повторить нельзя... — Вероятно, имеется в виду следующий текст: «Ты еще не знаешь, — пишет Вера Зайцева Вере Буниной 29 декабря 1922 г., — последнего хамства Маяковского. У него шла в Москве пьеса, где Господь Бог становится перед рабочим на колени. И все это в виршах. Я бы ему предложила <...>, а не писать стихи» (*Зайцев Б.* Другая Вера. См. т. 6 в нашем изд. С. 401).

...статьи Вашей о «Старых портретах» пока не получил... — Статья адресата в сб.: «Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры: К 70-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР П. Н. Беркова. М.; Л., 1966. С. 373—379.

Книга Павловского... — Вероятно, речь идет о книге: *Павловский А. И.* Анна Ахматова: Очерк творчества. Л., 1966.

Рождественского стихи... И не думал, что ему за семьдесят! — 70-летие В. А. Рождественского отмечалось в 1965 г.

Двадцатидевятилетний называется Лихоносов... — см. письма к Лихоносову в нашем изд.: №№ 269, 291, 293, 311, 317.

...получил от «Литер<атурного> наслед<ства> предложение... — См. примеч. к № 264.

269. В. И. Лихоносову (с. 249)

Печ. по ксерокопии автографа из архива Виктора Ивановича Лихоносова (р. 1936), поэта прозы, открытого и высоко оцененного А. Т. Твардовским. В 1960-е гг. Александр Трифонович в «Новом мире» опубликовал его первые рассказы и повесть «На улице Широкой». Автор известных повестей «На долгую память» (1968), «Люблю тебя светло» (1969), «Чистые глаза» (1973), романа «Наш маленький Париж: Ненаписанные воспоминания» (1978—1983). Письмо опубл.: *Лихоносов В.* Благодарю! // Книжное обозрение. 1988. 7 октября. № 40.

...обе книжки Ваши получил... — Лихоносов послал Зайцеву свои первые книги: «Вечер» (М.: Советская Россия, 1966) и «Что-то будет» (Новосибирск: Западно-Сибирское изд-во, 1966).

270. Л. Н. Афонину (с. 250)

Печ. по автографу: ОГЛМТ. Ф. 49. № 7952 / 7 оф.

271. А. Е. Парнису (с. 251)

Печ. по автографу из личного архива адресата. Александр Ефимович Парнис (р. 1938) — литературовед, специализирующийся в области русского авангарда; автор работ о В. В. Хлебникове, Б. К. Лившице, В. В. Маяковском, Р. О. Якобсоне и статей о связи поэзии с живописью. Об истории переписки см.: Парнис А. «Мы живем в очень странном скрещении миров иных...» // Русская мысль. Париж. 1997. 10—16, 17—23 июля. №№ 4182, 4183.

...по поводу кончины С. Н. Мотовиловой... — Тетя В. П. Некрасова С. Н. Мотовилова, автор воспоминаний «Минувшее» («Новый мир». 1963. № 12), скончалась 28 ноября 1966 г. Запоздалая реакция Зайцева на ее кончину объясняется, видимо, тем, что адресат несвоевременно сообщил ему об этом.

...всего раз был некогда у меня в Москве. — Вероятно, эта встреча состоялась весной 1918 г. — во время одного из приездов Зайцева из Притыкина в Москву. О встрече с В. В. Хлебниковым Зайцев написал в очерке «Пастернак в революции» (в книге «Далекое»; см. т. 6 в нашем изд.).

«Председатели земного шара»... автомобиль с вывеской такой, они ездили в нем по Москве... — Ошибка памяти: речь идет о карнавале искусств в честь «Займа свободы», состоявшемся 25 мая 1917 г. в Петрограде, а не в Москве. В нем принимали участие и футуристы, разъезжавшие на машине с надписью «Председатели земного шара». Зайцев узнал об этом празднике, вероятно, из газет или от кого-то из участников карнавала.

Фамилию Зданевича знаю... — И. М. Зданевич — поэт-заумник, драматург; в 1910-х годах был близок к художникам М. Ф. Ларионову (1881—1964) и Н. С. Гончаровой (1881—1962). С конца 1921 г. жил в Париже.

...Хлебников приглашал меня к себе на литер<атурное> собрание... — Возможно, речь шла о собрании поэтов весной 1918 г. в гостинице «Метрополь»

в Москве или, что менее вероятно, о другом собрании, которое состоялось через год — в апреле 1919 г. — и было связано с нереализованным проектом издания журнала «Интернационал искусств»; в нем, кроме левых поэтов и художников, должны были принять участие и символисты Вяч. Иванов и А. Белый.

272. Л. Н. Афонину (с. 252)

Печ. по автографу: ОГЛМТ. Ф. 49. № 7952 / 7 оф.

Вы спрашиваете о Матери Марии. — Мать Мария — до пострижения в монахини Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева.

Погиб и сын ее... — Ю. Д. Скобцов.

273. Л. Н. Назаровой (с. 253)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

День св<ятого> Григория Двоеслова... — Григорий I Великий (ок. 540—604) — папа римский с 590 г.; прославился как религиозный писатель и красноречивый оратор. В православной церкви именовался Двоесловом или Беседовником.

Я предложил «Литературному наследству»... — см. примеч. к № 264.

...фотографии (Бунин, Алданов и я на балу писателей в тридцатых годах)... — В т. 84. Иван Бунин «Литературного наследства» такого фотоснимка нет.

Андрей — А. В. Соллогуб.

274. Л. Н. Назаровой (с. 254)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

...посвященный Алданову. — Зайцев выслал вырезку из газеты «Русская мысль» от 7 апр. 1964 г. со своей публикацией: «Далекое. Наброски. Алданов, Осоргин». Зайцева и Алданова связывала многолетняя дружба. «Море его писем ко мне, — пишет Зайцев, — находится в архиве Колумбийского Университета (Нью-Йорк)».

...благодетельный иудей — см. примеч. к № 264.

«Чехов» — книга Зайцева, изданная в Нью-Йорке в 1954 г.

...и я и Газданов говорили по-разному одно и то же... — Г. И. Газданов был автором нескольких публикаций об Алданове. Первая — рецензия о его рассказе «Бельведерский торс» — появилась в 1938 г. (журнал «Русские записки». № 10). Зайцев имеет в виду статью «Загадка Алданова» // Русская мысль. 1967.

275. Л. Н. Афонину (с. 255)

Печ. по автографу: ОГЛМТ. Ф. 49. № 7952 / 7 оф.

...насчет Александрова автобиографично. — В романе «Юность» из автобиографической тетралогии «Путешествие Глеба» (см. т. 4 в нашем изд.) изображен Леонид Андреев под именем Александрова, которому приносит рукопись робкий новичок в литературе Глеб.

...«Бездна», которую я защищал с яростью... — Рассказ Л. Андреева «Бездна» (1902) вызвал острую полемику.

«Среда» — см. примеч. к № 219.

...как написал... О. Михайлов. — Имеется в виду кн.: *Михайлов О. Н.* И. А. Бунин. М., 1987.

Портрет Веры... — Афонин послал фотокопию портрета В. Н. Буниной работы М. Зайцева, который хранится в Музее И. С. Тургенева в Орле.

...напечатал в Р<усской> М<ысли> письма бунинской Веры к моей... — Имеется в виду повесть в письмах «Повесть о Вере» (см. т. 6 в нашем изд.).

.. писем моей Веры к бунинской... — см. повесть в письмах «Другая Вера» (т. 6 в нашем изд.).

И у нас... встретилась впервые с Иваном. — В. Н. Бунина вспоминала: «4 ноября 1906 г. я познакомилась по-настоящему с Иваном Алексеевичем Буниным в доме молодого писателя Бориса Константиновича Зайцева, с женой которого Верой Алексеевной я дружила уже лет одиннадцать, как и со всей ее семьей. У Зайцевых был литературный вечер с «настоящими писателями: Вересаевым и Буниным», как сказала мне Вера Алексеевна, приглашая меня» (*Муромцева-Бунина В. Н.* Жизнь Бунина. 1870—1906. М., 1989. С. 258).

...спрошу у вдовы его.. — вдова Нилуса Берта Соломоновна.

Пушешникова я когда-то знал. — Н. А. Пушешников — племянник И. А. Бунина.

276. Н. П. Смирнову (с. 256)

Печ. по автографу из собрания В. В. Лаврова.

Горбову от меня поклон... — Московский критик Д. А. Горбов в 1920-х годах вошел в группу «Перевал» при журнале «Красная новь». Вероятно, Зайцев был знаком с ним в 1920—1921 гг., когда возглавлял московское отделение Всероссийского союза писателей.

Я. М. Горбов наш приятель. — Вероятно, описка Зайцева: не Я. М., а Яков Николаевич Горбов, ведущий публицист и соредактор парижского журнала «Возрождение», друживший с Зайцевым.

277. Н. Г. Елиной (с. 257)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 1623. Оп. 2. Ед. хр. 14. Л. 1, 1 об. Опубл.: Н. Г. Елина «...В подвал спускался с рукописью «Ада»: Письма Б. К. Зайцева // Литературная учеба. 1995. № 3/3. С. 226—227. Нина Генриховна Елина — дантолог. В статье «Данте в русской литературе, критике и переводах» (Вестник истории мировой культуры. М., 1959. № 1) сослалась на очерк запретного эмигранта Зайцева «Данте и его поэма» (1922). Узнав об этом из письма Храбровицкого, Зайцев был тронут упоминанием о себе на родине, первым за многие годы. Елина через Храбровицкого тогда же отправила Зайцеву свою книгу «Данте Алигьери: Критико-биографический очерк» (М., 1965). В ответ получила зайцевский перевод «Ада» с автографом.

За книгу благодарю. — Имеется в виду сборник «Данте и всемирная литература». М., 1967.

Статью Вашу прочел... — Статья Елиной «О художественном своеобразии „Божественной комедии“» из сборника «Данте и всемирная литература».

...из знаменитой терцины «Рая». — «Ты будешь знать, как горестен уста́м // Чужой ломоть, как трудно на чужбине // Сходить и восходить по ступеням» (*Данте.* Божественная Комедия. Рай. Песнь XVII. Ст. 58—60. Пер. М. Лозинского).

...просмотрел Хлодовского... — Р. И. Хлодовский. Блок и Данте (сб. «Данте и всемирная литература»).

А уж цитата из Городецкого... — «Ни одна статья из бесчисленных появившихся после смерти Блока статей не говорит о нем как о сатирике. А сатира — основной тон всех лет его немоты и отчаяния» (*Городецкий С.* Воспоминания об Александре Блоке // Печать и революция. 1922. № 1. С. 83).

...читал лирические стихи... — Блок приезжал в Москву с чтением своих стихов в мае 1921.

О Равенне он хорошо написал... — Стихотворение Блока «Равенна» (1909).

...о Флоренции («Иуда»...), не дай Бог. — Имеется в виду цикл из семи стихотворений Блока «Флоренция» (1909—1914), открывающийся стихотворением «Умри, Флоренция, Иуда...»

278. А. Е. Парнису (с. 258)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

Анненкова хорошо знаю... — Художник Ю. П. Анненков в 1968 г. создал портрет Зайцева и написал (по просьбе адресата) воспоминания о Хлебникове, которые затем включил в мемуарную книгу «Дневник моих встреч» (т. 1—2; Нью-Йорк, 1966).

...если выйдет «Ватек»... — Арабская сказка «Ватек» У. Бекфорда в переводе Зайцева, несмотря на еще не снятый запрет его имени, была В. М. Жирмунским и Н. А. Сигалом рискованно включена в сборник: Фантастические повести. Л.: Наука, 1967 (серия «Литературные памятники»).

Антологию... не видел, но знаю, что она есть... — В 1965 г. вышла антология русской поэзии на французском языке «La poésie russe», составленная Э. Триоле (с предисловием Р. О. Якобсона). В нее были включены и стихи Хлебникова.

...что Эльза есть, тоже знаю, но... знакомиться не собираюсь. — Резкий отзыв об Эльзе Триоле связан скорее всего с ее коммунистической и просоветской ориентацией.

О Ремизове в «Далеком» моем ничего нет. — Книга «Далекое» вышла в 1965 г. Очерк «О Ремизове — к десятилетию кончины» Зайцев опубликовал позже, 4 февраля 1968 г., в «Русской мысли», № 2668 (см. т. 9 в нашем изд.).

...о нем есть целая кн<ига> Наталии Кодрянской... — *Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. Париж, 1959 (с рисунками Ремизова).

Бальмонта 100-летие... — 100-летие со дня рождения К. Д. Бальмонта отмечалось 15 июня 1967 г. Осенью этого года состоялся юбилейный вечер в парижском Союзе писателей и журналистов. Зайцев — автор трех очерков о Бальмонте.

279. Л. Н. Назаровой (с. 259)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

...путеводитель Пузина... — *Пузин Н. П.* Дом-музей Л. Н. Толстого в Ясной Поляне (9 изданий).

Наташа и Андрей — Н. Б. и А. В. Соллогубы.

Миша — М. А. Соллогуб.

Пека — П. А. Соллогуб.

280. А. Е. Парнису (с. 260)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

...прочел с великим сочувствием... — Зайцев прочитал путевые очерки Некрасова «По обе стороны океана» (см. об этом: *Парнис А.* «Мы живем в очень странном скрещении миров иных...» // Русская мысль. Париж. 1997. 10—16, 17—23 июля. № 4182, 4183.

Другая книга о Сталинграде, кажется, Симонова... — Вероятно, имеются в виду повесть «Дни и ночи» (1944) или роман «Солдатами не рождаются» (1964) К. М. Симонова.

281. Л. Н. Назаровой (с. 261)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

Екатерина Митрофановна — Е. М. Хмелевская.

Вера-Собачка — Вера Николаевна Зайцева, прототип Сони-Собачки из романа Зайцева «Тишина» (1948).

Наташенька, Андрей, Миша — Соллогубы.

«Река времен» — последний прижизненный сборник повестей и рассказов Зайцева, вышедший в Вашингтоне в 1968 г.

282. Л. Н. Назаровой (с. 262)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

283. С. Ю. Прегель (с. 262)

Печ. по автографу: ОР РГБ. Ф. 128. К. 1315. Ед. хр. 14. Л. 3.

Надя — Н. К. Донзель.

284. В. А. Мануйлову (с. 263)

Печ. по автографу из личного архива Л. Н. Назаровой.

...благодарю за «Вопросы... изучения Лермонтова...» — Мануйлов послал Зайцеву «Вопросы изучения жизни и творчества М. Ю. Лермонтова: Доклад о работах, представленных на соискание учен. степени доктора филол. наук по совокупности трудов». Л., 1967 (Ленинградский университет).

285. Л. Н. Назаровой (с. 263)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

...писать книгу Вашу трудно — более чем понимаю. — Речь идет о начале работы над книгой: *Назарова Л. Н.* Тургенев и русская литература конца XIX—начала XX в. Л., 1979.

«Месяц в деревне» — пьеса Тургенева, ставящаяся в театрах зарубежья до сих пор.

«Диптих. Сборник статей о русской культуре, литературе и общественной мысли» — эта книга Н. И. Ульянова вышла в Париже в 1967 г.

Екатерина Митрофановна — Хмелевская.

Верочка-Собачка — см. примеч. к № 281.

286. Л. Н. Любшюти (с. 265)

Печ. по автографу: РО ИРЛИ. Р. 1. Оп. 10. Ед. хр. 138. Л. 3.

287. Н. Г. Елиной (с. 265)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 1623. Оп. 2. Ед. хр. 14. Л. 2.

...над нашим с Вами бессмертным стариком. — Имеется в виду Данте.

288. И. А. Васильеву (с. 265)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

289. Н. П. Смирнову (с. 266)

Печ. по публикации: Письма к Н. П. Смириову Б. К. Зайцева и Г. Н. Кузнецовой // Российский литературоведческий журнал. 1993. № 2.

...книжечку Вашу... получил. — *Смирнов Н. П.* Осень. М., 1966.

290. Л. Н. Афонинv (с. 267)

Печ. по автографу: ОГЛМТ. Ф. 49. № 7952 / 7 оф.

...просмотрел статью Муратовой... — *Муратова К. Д.* Максим Горький и Леонид Андреев // Литературное наследство. Т. 72. Леонид Андреев. М.. Наука, 1965. С. 9—56.

«Елеазар» (1906) — рассказ Л. Н. Андреева. О том, что «Елеазар» написан «под впечатлением от драмы Флобера "Искушение святого Антония"» (Андреев читал перевод Зайцева в рукописн). См: там же. С. 287.

Редактором сборников «Знание» Леонид никогда не был. — Разговоры о передаче Андрееву редактированння сборников «Знание» велись у Горького на Капри в начале 1907 г. (см. там же. С. 287).

«Сумрак, сумрак, за меня!» — Последняя строка стихотворения В. Я. Брюсова «Бальдеру Лаки» (1904).

291. В. И. Лихоносову (с. 268)

Печ. по ксерокопии автографа из архива адресата. Опубл.: *Лихоносов В.* Привет из старой России // Литературная учеба. 1991. № 5.

...я попал в эмиграцию (1924 г.)... — Зайцев с женой и дочерью уехал из Москвы в Берлин в июне 1922 г. С 31 декабря 1923 г. — в Париже.

...ко мне ходит французский студент... — Рене Герра.

292. Ю. О. Домбровскому (с. 268)

Печ. по ксерокопии автографа из архива К. Ф. Домбровской с ее разрешения.

...первая глава мне показалась... — Вероятно, в письме речь идет о «Хранителе древности» (отд. изд. — М., 1966), первой книге дилогии Домбровского «Факультет ненужных вещей».

293. В. И. Лихоносову (с. 269)

Печ. по ксерокопии автографа из архива адресата. Опубл.: *Лихоносов В.* Привет из старой России // Литературная учеба. 1991. № 5.

...книжку Вашу вторую... — Лихоносов В. Что-то будет. Новосибирск, 1966.

294. Л. Н. Назаровой (с. 270)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

...вечер памяти Тургенева. — Тургеневский вечер был перенесен на конец года (см. письмо № 303).

Екатерина Митрофановна — Хмелевская.

295. И. А. Васильеву (с. 271)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

Тургеневский вечер состоялся 15 декабря... — см. письмо № 303.

...пишет обо мне докторскую работу... — Рене Герра.

296. Н. П. Смирнову (с. 271)

Печ. по автографу из собрания В. В. Лаврова.

Книжечка Ваша... — Смирнов Н. П. Осень. М., 1966.

...Хомяковых и Киреевских. — А. С. Хомяков, братья И. В. и П. В. Киреевские — лидеры славянофильства.

...в усадьбу Киреевских... — Ныне п. Киреевское Козельского района Калужской области.

...должна выйти кн<ига> моя... — «Река времен» (1968).

297. Л. Н. Назаровой (с. 272)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

...нечто о Ремизове... и статейку о Фете. — Имеются в виду статьи Зайцева: «О Ремизове — к десятилетию кончины» (Русская мысль. 1968. 4 февр. № 486) и «Открытие» (Русская мысль. 1968. 16 мая. № 2687. Вырезка из газ. хранится в музее Л. Н. Толстого в Москве, фонд Н. П. Пузина).

298. А. Е. Парнису (с. 274)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

...благодарю Вас за книгу... — Адресат послал Зайцеву книгу В. Некрасова «Путешествия в разных измерениях» (М., 1967).

«Разговор о Данте» — книга О. Э. Мандельштама, написанная в 1933, а изданная в 1967 г.

Ни у меня, ни у Лозинского ничего подобного нет. — Имеются в виду переводы «Божественные Комедии» Данте, выполненные Зайцевым («Ад», 1961) и Лозинским (1946).

Хлебников был у меня гораздо позже. — Встреча Хлебникова и Зайцева могла произойти также и в начале 1922 г., после возвращения поэта с Кавказа.

Бальмонт... видел мой «Дальний край»... в японском переводе. — Бальмонт ездил с лекциями в Японию в мае 1916 г. «Дальний край» (1913) на японском языке был издан в 1925 г. (Tokyo: Shunyodo).

299. Л. Н. Назаровой (с. 275)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

...заметку мою о Паустовском... — *Зайцев Бор.* Паустовский // Русская мысль. 1968. 25 июля. № 2696.

...книжку Миндлина... — Миндлин Э. Необыкновенные собеседники (1968).

Тургеневский сборник. — Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. IV. Л., 1968.

300. Л. Н. Назаровой (с. 276)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

...тронула записка его Карлейлю. — Вероятно, имеется в виду письмо Тургенева Томасу Карлейлю от 28 февр. 1858 г. (см.: *Тургенев.* Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т. 3. С. 199, 412).

...это «одиночество и свобода». — «Одиночество и свобода» (Нью-Йорк, 1955) — книга Г. В. Адамовича.

...из Москвы перешлют. — Так и вышло: «Река времен» была переслана адресату из Москвы (с датой: 25 сент. 1968 г.).

...начало писем моей Веры к Вере Буниной. — Повесть «Другая Вера» — см. примеч. к № 262.

Гуль Р. Б. — с 1966 г. редактор «Нового журнала».

301. Л. Н. Афонину (с. 277)

Печ. по автографу: ОГЛМТ. Ф. 49. № 7952 / 7 оф.

...книжечку Вашу получил... — Афонин Л. Н. На родине Тургенева. М., 1968 (с гравюрами А. Мищенко).

...второй памятник Тургеневу! — Памятник И. С. Тургеневу в Орле (на «Тургеневском бережке») скульптора Г. П. Бессарабского (архитекторы В. С. Атанов и А. М. Свиридов) был торжественно открыт 4 ноября 1968 г.

...Иван должен был переводить... — В Музее И. С. Тургенева в Орле хранится перевод драмы Флобера «Искушение святого Антония», выполненный в 1916 г. В. Н. Буниной. Этот перевод «подвергся столь значительной правке Бунина, что его можно назвать соавтором этой работы» (Бунинские материалы в архивах Советского Союза // Литературное наследство. Т. 84. Иван Бунин. Кн. 2. С. 471).

...«Сентиментальное воспитание» или («Воспитание чувств»)... — Роман Флобера «Воспитание чувств» в переводе В. Н. Муромцевой-Буниной опубл.: *Флобер Г.* Избр. соч. Т. 3. Пг.: Всемирная литература, 1919.

302. Л. Н. Афонину (с. 279)

Печ. по автографу: ОГЛМТ. Ф. 49. № 7952 / 7 оф.

Она его не могла переводить... — см. примеч. к № 301.

Мой «Изборник»... — Сб. «Река времен».

303. Л. Н. Назаровой (с. 280)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

Греч — вероятно, Вера Мильтиадовна (1893—1974), артистка 1-й студии МХТ, уехавшая в 1919 г. за границу и там оставшаяся (в составе «пражской труппы»). Жила в Париже. Выступала на литературных вечерах с чтением в основном произведений русской классики.

...из своей книги. — Из книги «Жизнь Тургенева».

...неизданный расск<а>з Т<ургене>ва из архива внука Виардо. — Рассказ Тургенева «Une fin» («Конец»), автограф которого хранится ныне в Парижской Национальной библиотеке, опубликован впервые еще в издании сочинений Тургенева, выходившего в СССР в 1930-х гг. Об этом не было известно французским журналистам.

Ведет все дело С. М. Зернова... — София Михайловна Зернова — основательница центра помощи русским беженцам.

...бывшие «слушательницы курсов Герье»... — Высшие женские курсы, основанные в Москве в 1872 г. историком Герье.

304. Л. Н. Назаровой (с. 282)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

Статья Ваша... — Вероятно, имеется в виду статья адресата: «Записки охотника» и русская литература (К 150-летию со дня рождения И. С. Тургенева // Звезда. 1968. № 11).

Наш приятель-француз, студент... — Рене Герра.

Свой текст я Вам пришлю... — Статья «Тургенев. Вступительное слово на вечере Союза русских писателей и журналистов 15 декабря 1968» // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1969. 5 янв.

...мое в тургеневском № «Р<усской> м<ысли>»... — Статья Зайцева «Тургенев» // Русская мысль. 1968. 14 ноября.

305. Л. Н. Любшютц (с. 283)

Печ. по автографу: РО РГАЛИ. Р. I. Оп. 10. Ед. хр. 38. Л. 4.

306. Н. Г. Елиной (с. 283)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 1623. Оп. 2. Ед. хр. 14. Л. 4.

«Дантовские чтения» — М., 1968. Под общей ред. Игоря Бэлзы.

307. Л. Н. Афонину (с. 284)

Печ. по автографу: ОГЛМТ. Ф. 49. № 7952 / 7 оф.

Вера познакомилась с Иваном... — см. примеч. к № 275.

...в архиве Пушешникова... — Архив Н. А. Пушешникова (в частности его дневник) хранится в собрании его матери С. Н. Пушешниковой (Москва).

308. И. А. Васильеву (с. 285)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

309. Н. Г. Елиной (с. 287)

Печ. по автографу: РГАЛИ. Ф. 1623. Оп. 2. Ед. хр. 14. Л. 5,5 об., 6,6 об.

...прочел... Вашу статью. — *Елина Н. Г.* Проблема художественного своеобразия поэзии Данте. Из истории западноевропейской дантологии. // Дантовские чтения. 1968. М., 1968. С. 53—121.

О болване Кастравилло в первый раз слышу. — Ридольфо Кастравилло — итальянский филолог XVI в. В трактате «Рассуждения» резко критиковал «Божественную Комедию» Данте.

...огорчил меня Бембо. — В трактате «Рассуждения в прозе о народном языке» (1555) Пьетро Бембо сравнивал Данте с Петраркой и отдавал предпочтение второму.

...был у меня под рукой немец Краус... — Вероятно, книга: *Kraus F. X.*, Dante: Sein Leben und sein Werk. Sein Verhaltnis zur Kunst und zur Politik. Berlin, 1897.

Скартаццини Дж. А. — швейцарский дантолог XIX в., комментатор одного из изданий «Божественной Комедии».

«Ад» — издание перевода Зайцева из «Божественной Комедии», посланное им Елиной в 1965 г.

310. Л. Н. Назаровой (с. 288)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

«Иной конец» — см. примеч. к № 303.

...француз... хочет передать Вам ее лично... — Рене Герра переслал адресату «Реку времен» ценной бандеролью из Москвы.

Александр Алексеевич — Сионский.

Мария Яковлевна — Сионская.

311. В. И. Лихоносову (с. 290)

Печ. по ксерокопии автографа из архива адресата. Опубл.: *Лихоносов В.* Привет из старой России // Литературная учеба. 1969. № 5. С. 142.

...письма доходят. (Но не книги.) — Примеч. Лихоносова: «Мне послал А. А. Сионский книгу Б. К. Зайцева «Чехов» с дарственной надписью, но она была задержана и ко мне не дошла».

312. Л. Н. Назаровой (с. 291)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

313. Н. П. Смирнову (с. 292)

Печ. по автографу из собрания В. В. Лаврова.

...Старинное Собрание его сочинений... — *Бунин И. А.* Полн. собр. соч. Т. 1—6. Пг.: Изд. т-ва А. Ф. Маркс, 1915 (Приложение к журналу «Нива»).

...опубликовываю переписку двух Вер... — Повести в письмах «Повесть о Вере» и «Другая Вера» (см. примеч. к № 262).

314. Л. Н. Назаровой (с. 293)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

...мой бородач Рене. — Р. Герра.

...печатаются письма моей Веры... — Повесть в письмах «Другая Вера» (см. примеч. к № 262).

...желание — едва ли не последнее: издать книжкой переписку двух Вер... — Осуществить это Зайцев уже не успел. Впервые издание «Повести о Вере» и «Другой Веры» в одной книге см.: *Зайцев Б.* Золотой узор. Сост., автор вступит. статьи Т. Ф. Прокопов. М.: Интерпринт, 1991.

...дожить до правнуков (только чтобы не слишком много). — У Зайцева девять правнуков, из которых он успел увидеть только одного: Матвея (см. письмо № 326).

...у Вас один Чуковский. — К. И. Чуковский скончался через полгода, 28 октября 1969 г.

315. Н. П. Смирнову (с. 295)

Печ. по автографу из собрания В. В. Лаврова.

...статейку Оли Кожевниковой... — О. К. Литературный вечер // Русские новости. 1969. 4 апр. № 1234.

...там рассказ одного молодого писателя... — Имеется в виду В. И. Лихоносов.

...мои «Дни» — о раннем Бунине. — *Зайцев Бор.* Дни // Русская мысль. 1969. 2 апр. № 2734.

316. Л. Н. Назаровой (с. 295)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

Дай Бог сил в задуманной... работе. — Адресат тогда работала над книгой о Тургеневе и русской литературе.

...в «Оскудении» того же Тертигорева... — Терпигорев С. Н. Оскудение. Очерки, заметки и размышления (1880).

Ал<ександр> В<ениаминович> — Храбровицкий.

Александр Алексеевич... Жена... дочь... — А. А., М. Я. Сионские, их дочь Наталия Александровна.

Мечтаю создать книжкой переписку. — см. примеч. к № 314.

317. В. И. Лихоносову (с. 297)

Печ. по ксерокопии автографа из архива адресата. Опубл.: *Лихоносов В.* Привет из старой России // Литературная учеба. 1991. № 5. С. 142.

...статью о Вас... — *Адамович Г. В.* Новое имя — Виктор Лихонюсов // Новое русское слово. Нью-Йорк. 1969. 21 сент.

318. Л. Н. Назаровой (с. 297)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

Одному «море смеялось» и «человек, это звучит гордо»... — Цитаты из М. Горького.

Алексеев — Михаил Павлович.

...большая моя статья... — *Зайцев Бор.* Леонид Андреев (Из воспоминаний) // Русская мысль. 1969. 23 окт. № 2761.

319. Л. Н. Назаровой (с. 298)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

Сын Леонида, Валентин... — В. Л. Андреев — четвертый сын Л. Н. Андреева, автор воспоминаний «Что помню об отце».

320. Ю. О. Домбровскому (с. 299)

Печ. по ксерокопии автографа из архива К. Ф. Домбровской с ее разрешения.

321. Л. Н. Назаровой (с. 300)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

Из Америки прислали докторскую работу... — Эта работа Ариадны Шиляевой была издана: Борис Зайцев и его беллетризованные биографии. Нью-Йорк: Волга, 1971.

Пека — П. А. Соллогуб.

322. Л. Н. Назаровой (с. 300)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

Пека на днях женился... — П. А. Соллогуб и его жена Елизавета Александровна, урожд. Ребиндер. В 1994 г. супруги с деверем, детьми и племянниками побывали в России, посетили тургеневские и зайцевские места — Орел, Спасское-Лутовиново.

323. Л. Н. Назаровой (с. 301)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

324. Л. Н. Назаровой (с. 302)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

...очень милая и культурная дама. — Милица Эдуардовна Грин.

325. Л. Н. Назаровой (с. 303)

Печ. по автографу из личного архива адресата.

Знаете ли Вы о кончине Зурова? — Л. Ф. Зуров скончался в 1971 г. в Париже.

На днях в Мюнхене скончался Газданов. — Г. И. Газданов умер 6 декабря 1971 г. в Мюнхене. Похоронен на парижском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

326. М. М. Соллогубу (с. 304)

Печ. по ксерокопии автографа из личного архива адресата. Матвей Михайлович Соллогуб (р. 1971) — сын М. А. и Е. М. Соллогубов; ныне доктор химических наук.

СТАТЬИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Спас на Крови

Газ. «Возрождение». Париж. 1927. 5 ноября. № 886.

С. 307. *Из одного романа.* — Зайцев цитирует свой роман «Золотой узор» (1925).

С. 308. *Леша* — Алексей Смирнов, пасынок Зайцева.

Юра — Ю. М. Буйневич, племянник Зайцева.

Петя — сын Т. А. Полиевктовой, сестры В. А. Зайцевой.

С. 309. *Вениамин* — митрополит Петроградский и Гдовский, расстрелянный большевиками в 1922 г.

Ответ на анкету «Дней»

Газ. «Дни». Париж. 1927. 23 октября. № 1215. Под рубрикой «Литературная неделя» в газете «Дни» ответы на анкету опубликовали также И. А. Бунин, М. А. Осоргин, И. С. Шмелев.

С. 310. *«Без черемухи»* (журнал «Молодая гвардия». 1926. № 6) — рассказ П. С. Романова, принесший автору сенсационную известность, благодаря острым диспутам не только среди критиков, но и в студенческих аудиториях.

Югославские записи

Газ. «Возрождение». Париж. 1928. 25 ноября, 9 и 29 дек. №№ 1272, 1286, 1306. Первый зарубежный съезд русских писателей и журналистов состоялся в Белграде 25 сентября — 1 октября 1928 г. В его работе приняли участие посланцы пяти Союзов: Белградского, Берлинского, Варшавского, Парижского, Пражского.

С. 312. *Этуаль с вечным, легким пламенем...* — На площади Этуаль в Париже расположена Триумфальная арка с мемориальной могилой Неизвестного солдата и «Вечным огнем».

С. 313. *Василий Иванович знает эту страну...* — Старейшина русских писателей эмиграции Вас. И. Немирович-Данченко был не только участником сербско-турецкой и русско-турецкой войн 1877—1878 гг., освободивших Сербию от турецкого ига, но и автором многих книг об этих походах и сражениях. Особенно популярными были его романы «Плевна и Шипка» (1881), «Боевая страда» (1890), мемуарная книга «Скобелев. Личные воспоминания и впечатления» (1882) и др.

С. 316. *День Воздвижения Креста* — один из двенадцати главных праздников русского православия, отмечаемый 14 (27) сентября. Установлен в ознаменование обретения в IV в. Креста, на котором был распят Иисус Христос. Отмечая этот день, верующие еще раз подтверждают свой обет смирения, обязуются нести свой крест, полагаясь на волю Божию.

«Цвета Зузорич» и «Княгиня Любица» — общества, названные именами писательницы Цветы Зузорич (1555—1599) и княгини Любицы Обренович (1815—1843).

С. 318. *Немировича-Данченко я знаю сорок лет.* — Об этом «знакомстве» Зайцев рассказал в очерке «Странники»: «Однажды мне, девятилетнему мальчику, сказали:

— Завтра у нас обедает писатель, Немирович-Данченко. Тот самый, чьи детские рассказы ты читаешь в „Задушевном слове“» (см. т. 6 в нашем изд. С. 329).

..пошли ужинать с Первухиным... — О встречах с К. К. Первухиным Зайцев вспоминает: «Позже на той же Пьяцце встречали мы художника, приятеля нашего по Москве. Его жизнь в том состояла, что зимой он преподавал в Училище Живописи и Ваяния, жил с женой скромнейше, к лету подкапливал деньжонок и все их проживал в Венеции. Милый человек Константин Константинович Первухин!» (см. т. 9 в нашем изд. С. 432.).

С. 319. *Наш В. Н. Штрандман представляет Россию.* — Штрандман — член комиссии по делам русских беженцев при правительстве Югославии.

С. 320. *...Кишинев времен Пушкина.* — Имеются в виду 1820—1823 гг., когда сосланный на юг А. С. Пушкин жил в Кишиневе.

С. 323. *Духонина* — видимо, вдова убитого солдатами генерал-лейтенанта Н Н. Духонина (1876—1917), исполнявшего с 3 (16) по 6 (19) ноября 1917 г. обязанности верховного главнокомандующего русской армии. Отстранен за отказ выполнить распоряжение Совнаркома о приостановлении военных действий против немцев. Вскоре был убит солдатами.

Крест

Газ. «Возрождение». Париж. 1930. 6 февраля.

С. 324. *...засели они на Гренель...* — Имеется в виду особняк советского полпредства во Франции на рю де Гренель в Париже.

...на мученическую смерть батюшку Колерова... — Ф. К. Колеров.

...взрывать Симонов монастырь... — Симонов Успенский мужской монастырь, основанный в Москве в 1379 г., подвергся уничтожению в январе 1930 г. (сохранился лишь один из шести храмов).

С. 325. *...резать детей в Трехречье...* — Вероятно, имеются в виду карательные экспедиции отряда Моисея Жуча, который с территории СССР в 1929 г. совершал зверские набеги на поселения русских беженцев в Маньчжурии.

Друзья Макдональды и Блюмы поддержат... — Премьер-министр Англии Джеймс Рамсей Макдональд (1860—1937) и лидер французских социалистов Леон Блюм (1872—1950) выступили в 1924 г. «друзьями СССР» — сторонниками признания Советского правительства.

...из кулака выплавить, скажем, Яновича. — Янович — чекист в парижском полпредстве СССР. Расстрелян в 1937 г.

С. 326. *В церкви Галлиполийцев...* — Церковь Преподобного Сергия Радонежского, открытая Обществом галлиполийцев (воинов Добровольческой армии) в Париже.

У Короля

Ежемесячная газ.-журнал «Россия за рубежом». Париж. 1935. № 1. март.

Дни (<О Валааме>)

Газ. «Возрождение». Париж. 1940. 9 февраля. № 4222.

К советским писателям. Обращение по радио

Газ. «Русская мысль». Париж. 1953. 7 августа.

Уходящие приходящим

Журнал русской молодежи «Встреча». Париж. Юношеский отдел РСХД во Франции, 1965. № 2.

С. 338. *...«врата адовы» не одолеют...* — Из Евангелия от Матфея, гл. 16. ст. 18.

СОВРЕМЕННИКИ О Б. К. ЗАЙЦЕВЕ

Владимир Ладыженский. Поэт долга и примирения.

Ж-л «Перезвоны». Рига. 1926. № 26. Очерк к 25-летию литературной деятельности Зайцева.

С. 342. *«Тогда смиряется души моей тревога...»* — Из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива...» (1837).

«Свет Божий состоит из разных сияний...» — см. т. 9 в нашем изд. С. 73. Запись в дневнике «Страннию» от 30 авг. 1926 г., на основе которой был написан очерк «Светлый путь. Памяти А. Г.». А. Г. — Аделаида Казимировна Герцык.

С. 343. *«Грустно одно, что друг палачей...»* — см. т. 9 в нашем изд. с. 72. Запись в дневнике «Страннию» от 17 авг. 1926 г., посвященная Горькому, который был «совершенно ошеломлен кончиной» Ф. Э. Дзержинского.

Сергей Яблоновский. **Блаженный**

Газ. «Руль». Берлин. 1926. 19 дек.

С. 345. *«Мы для новой красоты...»* — Из стихотворения Д. С. Мережковского «Дети ночи».

Зинаида Шаховская. **Б. К. Зайцев**

Печ. по изд.: З. Н. Шаховская. Отражения. Париж: YMCA-Press, 1975.

Сергей Крыжицкий. **Разговоры с Б. К. Зайцевым**

Новый журнал. Нью-Йорк. 1983. Март. № 150. Печ. по этому изд.

Архимандрит Константин (Зайцев). **Памяти Б. К. Зайцева**

Журнал «Православная Русь». Джорданвиль (США). 1972. № 3. Печ. по изд.: Центральный Пушкинский Комитет в Париже (1935—1937). В 2-х т. Т. 1. Сост. М. Д. Филин. М.: Эллис Лак, 2000.

Епископ Александр (Семенов-Тян-Шанский). **Светлой памяти Б. К. Зайцева**

Вестник РСХД. Париж; Нью-Йорк. 1972. № 101—102. Печ. по изд.: Центральный Пушкинский Комитет в Париже (1935—1937). В 2-х т. Т. 1. Сост. М. Д. Филин. М.: Эллис Лак, 2000.

С. 363. *«Эгмонт»* (1810) — увертюра Бетховена к одноименной трагедии Гете.

«По небу полуночи...» — См. примеч. к № 218.

...Брамсу в его реквиеме. — Имеется в виду «Немецкий реквием» (1868) Брамса.

С. 364. *«Авдотья-смерть»* — рассказ Зайцева, впервые опубликованный в журнале «Современные записки» (Париж, 1927. № 30).

«Матренин двор» (1963) — рассказ А. И. Солженицына, о котором Зайцев в письме автору (декабрь 1968) написал: «Для меня с этой Матрены и начинается полный Солженицын» (т. 6 в нашем изд. С. 368).

С. 366. *...как это отметил... о. А. Шмеман...* — Имеется в виду: *Шмеман А.* О Солженицыне // Вестник РСХД. Париж; Нью-Йорк. 1970. № 98.

Поправка. В 10 т. собрания сочинений Б. К. Зайцева «Письма. 1901—1922» допущены опечатки:

на с. 302, 3-я строка снизу — следует читать: Д. А. Белова;
4-я строка снизу — следует читать: В. В. Сафронову;
на с. 303, 5-я строка сверху — следует читать: С. В. Сомову;
12-я строка сверху — следует читать: Докукиной-Бобель; Гизеле Эрбслье.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН
К 10 И 11 ТОМАМ

Алфавитный аннотированный Указатель основных имен является разделом примечаний, в который вынесен необходимый минимум сведений о лицах, упоминающихся в текстах десятого и одиннадцатого томов. В указатель не включены имена эпизодические и многие из общеизвестных.

Абрамов (Аврамов) Роман Петрович — сотрудник «Издательства И. П. Ладыжникова» в Берлине, затем издательства Горького «Парус»; большевик. В 1920-х гг. — сотрудник книгоиздательского и книготоргового общества «Книга» (позднее «Международная книга») в Берлине.

Абрамов Николай Яковлевич (псевд. Н. Кадмин; 1881—1922) — критик, прозаик, поэт, публицист. Автор статей о Зайцеве.

Аввакум Петрович (1620 или 1621—1682) — протопоп, писатель-богослов, основатель русского старообрядчества, идеолог раскола в православной церкви. В 1667 г. заточен в земляную тюрьму, в которой провел 15 лет, после чего сожжен с единомышленниками. Автор знаменитой книги «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» и др. сочинений.

Авксентьев Николай Дмитриевич (1878—1943) — общественно политический деятель, публицист, мемуарист; член ЦК партии эсеров. В эмиграции в 1907—1917 и с 1918 г. Соредактор парижского журнала «Современные записки» (1920—1940).

Аврелий — см. Марк Аврелий.

Адамович Георгий Викторович (1892—1972) — поэт, критик. В конце 1922 г. эмигрировал в Берлин, а в марте 1923 г. переехал в Париж. Ведущий критик парижских русских газет. В 1939—1940 гг. доброволец французской армии. Автор книг «Одиночество и свобода» (1955), «Комментарии» (Вашингтон, 1967) и др.

Адлер Бруно Фридрихович (1874—?) — этнограф, в Берлине входил в состав редакции журнала литературы и науки «Беседа» (1923—1925). Вернулся в Москву, оставив за границей жену и двух детей. С 1930 г. приват-доцент МГУ.

Адрианов Сергей Александрович (1871—1941) — критик, публицист, историк литературы, переводчик; один из редакторов газеты «Слово» (СПб.; 1904—1909), «Русская молва» (ред. в 1912—1913 гг.), один из главных ред. «Русской энциклопедии» (т. 1—11, СПб.; Пг. 1911—1915).

Азов В. (наст. имя и фам. Владимир Александрович Ашкинази; 1873—1941) — журналист, театральный критик, переводчик. До 1917 г. сотрудничал в газете «Речь», журналах «Сатирикон» и «Новый сатирикон». В эмиграции с 1926 г. Печатался в «Последних новостях», «Иллюстрированной России» и др. изданиях.

Айхенвальд Юлий Исаевич (1872—1928) — критик-импрессионист, переводчик; автор знаменитого трехтомника «Силуэты русских писателей», в котором один из лучших очерков посвящен Зайцеву.

Алданов (наст. фам. Ландау) *Марк Александрович* (1886—1957) — прозаик, драматург, критик, литературовед, публицист, историк; автор популярных исторических романов. В эмиграции с марта 1919 г. Вел литературные отделы в газетах «Дни» и «Возрождение». Один из основателей (совместно с М. О. Цетлиным) «Нового журнала» в Нью-Йорке (1942).

Александр Зилонский — см. Семенов-Тян-Шанский А. Д.

Александр I Карагеоргиевич (1888—1934) — с 1921 г. король Королевства сербов, хорватов и словенцев, с 1929 г. — Югославии. К России и россиянам испытывал самые добрые чувства с тех пор, когда учился в Пажеском корпусе и Императорском военном училище в Петербурге. Убит болгарским террористом Величко Георгиевым по заданию хорватских усташей 9 октября 1934 г. в Марселе вместе с министром иностранным дел Франции Л. Барту.

Алексеев (наст. фам. Чарноцкий) *Глеб Васильевич* (1892—1938) — прозаик, критик. В 1921—1923 гг. (до возвращения в Россию) работал в Книгоиздательстве писателей в Берлине. Здесь вышло пять книг его рассказов и повестей. В 1938 г. безвинно репрессирован.

Алексеев Михаил Павлович (1896—1981) — литературовед, академик АН СССР (с 1958 г.). Возглавлял сектор взаимосвязей русской и зарубежных литератур ИРЛИ (Пушкинский Дом). С 1959 г. председатель Пушкинской комиссии АН СССР. Главный редактор Полн. собр. соч. и писем И.С. Тургенева (1960—1968).

Алексеевский Аркадий Павлович (1871—1944) — журналист, сотрудник газет «Волжский вестник», «Курьер», «Утро России» (редактор); друг и родственник Л. Н. Андреева (в гражданском браке с его старшей сестрой Риммой Николаевной). Автор воспоминаний о Горьком и Андрееве.

Алексинская Татьяна Ивановна (1886—1968) — прозаик, журналист, мемуарист. Жена Г. А. Алексинского. В годы первой мировой войны — сестра милосердия. В 1916 г. в Париже издала об этом книгу «Среди раненых». С 1918 г. в эмиграции, где основала «Союз русских сестер милосердия участниц Великой войны 1914—1918 годов имени баронессы Вревской» (1919—1940). Автор очеркового цикла об истории русской эмиграции первой волны, публиковавшегося в журнале «Возрождение» (№ 60, 65, 70, 76, 90), и мемуарной книги «1917-й год».

Алексинский Григорий Алексеевич (1879—1965) — публицист, член социал-демократической фракции Думы, один из организаторов фракционной группы отзовистов «Вперед», требовавшей отзыва социал-демократов из III Государственной Думы. С 1918 г. в эмиграции.

Альфьери Витторио (1749—1803) — итальянский поэт и драматург; создатель национальной трагедии классицизма. Автор книги «Жизнь Витторио Альфьери из Асти, рассказанная им самим» (1802; рус. переводы 1904, 1914).

Аминадо — см. Дон Аминадо.

Амундсен Руаль (1872—1928) — норвежский полярный путешественник и исследователь. Погиб в Баренцевом море во время поисков итальянской экспедиции У. Нобиле.

Амфитеатров Александр Валентинович (1862—1938) — прозаик, драматург, публицист, поэт-сатирик, литературный, театральный и музыкальный критик, переводчик, журналист. В эмиграции в 1904—1916 и с августа 1921 г. Жил в Италии (Леванто) с марта 1922 г.

Андреев Вадим Леонидович (1902/1903—1976) — старший сын Л. Н. Андреева от первого брака; поэт, прозаик, мемуарист, автор автобиографической повести «Детство» (М., 1963). После 1917 г. в эмиграции. Во время второй мировой войны участвовал во французском Сопротивлении.

Андреев Валентин Леонидович (1913—1988) — сын Л. Н. Андреева от второго брака, инженер, переводчик, автор юмористических рассказов и очерка «Что помню об отце» (1975).

Андреев Леонид Николаевич (1871—1919) — прозаик, драматург, публицист; заведовал отделом в газете «Курьер», где опубликовал 15 июля 1901 г. первое произведение Зайцева — эскиз В «дороге» (см. т. 1 в нашем изд.). Зайцев — автор нескольких мемуарных очерков об Андрееве.

Андреев Савва Леонидович (1909—1970) — сын Л. Н. Андреева от второго брака, артист балета (в последние годы в составе аргентинской труппы «Колон» в Буэнос-Айресе).

Андреев Сергей Петрович (1894—1983) — художник-портретист; автор портрета Зайцева (1960)

Андреева Александра Алексеевна (1853—1926) — критик, историк литературы, переводчица, деятельница народного образования.

Андреева Анастасия Николаевна, урожд. Пацковская (1851—1920) — мать Л Н. Андреева.

Андреева Анна Ильинична, урожд. Денисевич, в первом браке Карницкая (1885—1948) — вторая жена Л. Н. Андреева.

Андреева Вера Леонидовна (1911—1986) — дочь Л. Н. Андреева, в будущем автор автобиографической дилогии «Дом иа Черной речке» и «Эхо прошедшего» (М, 1986).

Андреева (наст. фам. Юрковская, в первом браке Желябужская) *Мария Федоровна* (1868—1953) — актриса (с 1898 по 1905 в МХТ); гражданская жена М Горького. Вместе с ним и Блоком в 1919 г. участвовала в создании Большого драматического театра в Петрограде. В 1931—1948 гг. — директор московского Дома ученых

Андреева-Бальмонт Е. А. — см. Бальмонт Е. А.

Аничков Евгений Васильевич (1866—1937) — критик, историк литературы, прозаик; «веселонравный ученый» (А. В. Амфитеатров). Участник собраний на «Башне» Вяч. И. Иванова и в литературно-артистическом кабаре «Бродячая собака». Главный труд — «Язычество и Древняя Русь» (1914). С 1917 г.— в Югославии; профессор в университетах Белграда и Скопле.

Анненков Павел Васильевич (1813—1887) — критик, историк литературы, прозаик, мемуарист. Дружил с И. С. Тургеневым. Автор книг «Материалы для биографии Пушкина» (1855), «Замечательное десятилетие. 1838—1848. Из литературных воспоминаний» (1880), «Шесть лет переписки с И. С. Тургеневым. 1856—1862» (1885) и др.

Анненков Юрий Павлович (1889—1974) — живописец, график, прозаик, театральный художник, художественный и театральный критик, режиссер, мемуарист. После командировки в Венецию в 1924 г. принял решение в Россию не возвращаться и поселился в Париже. Печатался под псевдонимами Наталья Белова, Борис Темирязев и др. В 1930-е годы увлекся кинематографом, создал декорации и костюмы к нескольким десяткам фильмов. Лауреат премии «Оскар». Автор мемуаров «Дневник моих встреч. Цикл трагедий» (т. 1—2, 1966). В 1968 г. написал графический портрет Зайцева.

Антик Елизавета Юльевна — сестра С. Ю. Копельмана, совладелица издательства «Шиповник».

Антоний (в миру Алексей Павлович Храповицкий; 1863—1936) — митрополит, выдающийся церковный реформатор, христианский философ, педагог и писатель. В декабре 1920 г. возглавил Русскую зарубежную православную церковь.

Антропов Лука Николаевич (1841—1881) — драматург, критик.

Апсит Александр Петрович (1880—1944) — художник-график, печатавшийся под псевдонимами А. Петров, Скиф, Аспид, Осинин и др. В 1901—1906 гг иллюстратор журналов «Родина», «Нива» и литературных приложений к нему, а также книг московских издательств И. Д. Сытина и А. Д. Ступина. В 1921 г эмигрировал в Латвию, где активно сотрудничал в рижских журналах. С 1929 г жил в Германии.

Ариосто Лудовико (1474—1533) — итальянский поэт эпохи Возрождения, автор героической поэмы «Неистовый Роланд».

Арсеньев Константин Константинович (1837—1919) — редактор журнала «Вестник Европы».

Архипов Николай Архипович (наст. имя и фам. Моисей Лейзерович Бенштейн; 1880/81 — не ранее 1945) — прозаик, драматург. Редактор и издатель газеты «Современное слово» (1907—1908), журналов «Новый журнал для всех» (1908—1916), «Новая жизнь» (1910—1911, 1913—1914), «Новая Россия» (1911), «Свободный журнал» (1913—1916).

Арцыбашев Михаил Петрович (1878—1927) — прозаик, драматург, публицист; автор знаменитого романа «Санин», вызвавшего несправедливые судебные преследования «за порнографию». В эмиграции с 1923 г., соредактор варшавской газеты «За свободу!», в которой публиковал острополемические «Записки писателя».

Астров Николай Иванович (1868—1934) — политический деятель. В марте 1917 г. был избран московским городским головой. В эмиграции с 1920 г Организатор Русского заграничного архива в Праге. Автор «Воспоминаний» (Париж, 1941).

Ауслендер Сергей Абрамович (1886 или 1888—1937) — прозаик, драматург, критик.

Афонин Леонид Николаевич (1918—1975) — директор Орловского государственного литературного музея И. С. Тургенева и его филиала — музея «Писатели-орловцы». Автор книги «Леонид Андреев» (Орел, 1959).

Ахматова Анна Андреевна (наст. фам. Горенко, в замужестве Гумилева; 1889—1966) — поэт.

Ашукин Николай Сергеевич (1890—1972) — историк литературы, критик, поэт. В 1913—1914 гг. заведовал конторой журнала «Рампа и жизнь». После переезда в Ярославль — секретарь редакции в Книгоиздательстве К. Ф. Некрасова.

Бабель Исаак Эммануилович (1894—1940) — прозаик, драматург.

Баженов Николай Николаевич (1857—1925) — профессор-психиатр, главный врач Первой психиатрической больницы; организатор Литературно-художественного кружка в Москве. Автор известной книги «Психиатрические беседы на литературные и общественные темы» (1903). Баженов послужил прототипом Пепеш-Довлиаша, персонажа романа А. Белого «Маски» (М., 1932).

Балиева Елена Аркадьевна, урожд. Акопиан, в первом браке Комиссаржевская (1895—1981) — актриса, жена актера и режиссера Н. Ф. Балиева. Племянница В. А. Зайцевой.

Балтрушайтис Мария Ивановна (1878—1948) — жена Ю. К. Балтрушайтиса. «Я эту книгу выпущу и уйду», — сказала Зайцеву Мария Ивановна, показывая ему рукопись сборника стихов мужа «Лилия и Серп». Так и случилось: книга вышла в год ее смерти.

Балтрушайтис Юргис Казимирович (1873—1944) — поэт, переводчик, театральный деятель дипломат. В 1900-е гг. один из ведущих сотрудников издательства «Скорпион» и журнала «Весы». В 1921—1939 гг. — полномочный представитель Литвы в СССР. С 1939 г. — в Париже.

Бальбо Чезаре (1789—1853) — итальянский писатель и политический деятель, автор монографии «Жизнь Данте» (1839) и др.

Бальмонт Екатерина Алексеевна, урожд. Андреева (1867—1950) — переводчица, знаток европейской и русской поэзии; автор книги «Воспоминания» (М., 1997). Вторая жена К.Д. Бальмонта.

Бальмонт Елена Константиновна, урожд. Цветковская (1880—1943) — третья жена К. Д. Бальмонта.

Бальмонт Константин Дмитриевич (1867—1942) — поэт, критик, эссеист, переводчик; один из вождей русского символизма (см. воспоминания Зайцева о встречах с ним в кн. «Далекое», т. 6 в нашем изд.). В 1905—1913 гг. жил за границей. С 25 июля 1920 г. в эмиграции во Франции.

Бальмонт Мирра Константиновна (1907—1970) — дочь К. Д. и Е. А. Бальмонтов.

Барановская Вера Всеволодовна (1885—1935) — актриса МХТ в 1903—1915 гг., киноактриса. В эмиграции в Париже с 1928 г.

Басина Марианна Яковлевна (1916—1994) — автор книг о Пушкине.

Бахрах Александр Васильевич (1902—1985) — критик, литературовед, журналист. В 1927—1939 гг. участник собраний в парижском литературном кружке Гиппиус и Мережковского «Зеленая лампа». В 1940—1944 гг. жил в доме Буниных в Грассе (с Буниным его познакомил Зайцев в 1923 г. на балу, устроенном Союзом писателей). В 1950—1960-е гг. в Мюнхене возглавлял русский литературный отдел радиостанции «Свобода». Автор мемуарных книг «Бунин в халате» (1979) и «По памяти, по записям: Литературные портреты» (1980).

Бахрушин Алексей Александрович (1865—1929) — театральный деятель; из своего коллекционного собрания в 1894 г. основал частный литературно-театральный музей (с 1918 г. Театральный музей имени А. А. Бахрушина в Москве).

Безобразова Мария Сергеевна, урожд. Соловьева (1863—1919) — детский писатель, мемуарист. Сестра философа Вл. С. Соловьева, жена историка и прозаика П. В. Безобразова.

Беклемишева Вера Евгеньевна (1881—1944) — писательница, переводчица; литературный секретарь и редактор издательства «Шиповник». Жена С. Ю. Копельмана. Мать писателя Ю. С. Крымова (1908—1941).

Бекфорд Уильям (1760—1844) — английский прозаик; Зайцев перевел его арабскую сказку «Ватек».

Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848) — критик, публицист, философ.

Белич Александр (1876—1960) — югославский языковед, учившийся в Московском университете. Председатель Культурной комиссии, член правления Русского научного института в Белграде (1928—1941). С 1937 г. президент Сербской Академии наук.

Белоруссов (наст. фам. Белевский) *Алексей Станиславович* (1859—1919) — публицист общественный деятель; с 1908 г. постоянный сотрудник «Русских ведомостей».

Белоусов Иван Алексеевич (1863—1930) — поэт, прозаик, переводчик. Автор мемуарных книг: «Литературная Москва» (1927), «Ушедшая Москва» (1927), «Писательские гнезда: Дома в Москве и подмосковные усадьбы, где родились, жили и умерли известные русские писатели» (1930) и др.

Белоцветов Николай Алексеевич (1863—1935) — финансист, руководитель рижского издательства «Саламандра», владелец газеты «Слово», выпускавшей журнал «Перезвоны» (отв. редактор — С. А. Белоцветов, брат финансиста; литературный отдел в журнале вел Зайцев).

Белоцветов Николай Николаевич (1892—1950) — поэт, прозаик, философ, переводчик драм-мистерий Р. Штейнера. В 1921 г. эмигрировал в Берлин. Участник берлинского «Кружка поэтов» (1928—1933) и рижской литгруппы «На струге слов» (1929—1931). Сын Н. А. Белоцветова.

Белоцветов Сергей Алексеевич — ответственный редактор рижского журнала «Перезвоны», брат финансиста и издателя Н. А. Белоцветова.

Белый Андрей (наст. имя и фам. Борис Ннколаевич Бугаев; 1880—1934) — прозаик, поэт, критик, литературовед, мемуарист; автор программных работ о символизме.

Бембо Пьетро (1470—1547) — итальянский поэт, прозаик, филолог.

Бенштейн — см. Архипов Н. А.

Бенуа Александр Николаевич (1870—1960) — живописец, график, сценограф, историк искусства, художественный критик. Автор книги «Жизнь художника: Воспоминания» (Нью-Йорк, 1955).

Берберова Нина Николаевна (1901—1993) — поэт, прозаик, критик, переводчик, мемуарист. В 1922—1932 гг. гражданская жена В. Ф. Ходасевича. С 1922 г. в эмиграции. Шестнадцать лет была литературным сотрудником газеты «Последние новости». В 1948—1950 гг. редактор литературного отдела в парижской газете «Русская мысль». Автор нескольких романов, мемуаров «Курсив мой» (1969, 1972), документальных книг «Железная женщина. Рассказ о жизни М. И. Закржевской-Бенкендорф-Будберг, о ней самой и о ее друзьях» (1980), «Люди и ложи. Русские масоны XX столетия» (1986).

Бердяев Николай Александрович (1874—1948) — один из самых известных философов и публицистов Серебряного века и русского зарубежья. В 1922 г. выслан из России. Автор около 40 книг и более 500 статей.

Бердяева Лидия Юдифовна, урожд. Трушева, в первом браке Рапп (1889—1945) — переводчица, поэтесса. Жена Н.А. Бердяева.

Берёзов Родион Михайлович (наст. фам. Акульшин; 1896—1988) — прозаик, поэт, драматург, журналист, мемуарист. В окт. 1941 г. попал в немецкий плен; сотрудничал в пронацистской периодике. После войны жил в Австрии. С 1949 г. в Монтерее (США).

Бернанос Жорж (1888—1948) — прозаик, публицист; проповедник католицизма.

Бернацкий Михаил Владимирович (1876—1943) — экономист; в годы Гражданской войны в рядах Добровольческой армии Деникина (член Особого совещания и министр финансов). В эмиграции с 1920 г. Руководил финансовым комитетом в Париже.

Бескин Эммануил Мартынович (1877—1940) — критик, драматург, историк театра; редактор «Московской газеты». Сотрудничал в «Театральной газете» и журналах «Рампа», «Рампа и актер», «Театр и искусство».

Бетховен Людвиг ван (1770—1827) — немецкий композитор.

Бисмарк Отто фон Шёенхаузен (1815—1898) — 1-й рейхсканцлер германской империи в 1871—1890 гг.

Бицилли Петр Михайлович (1879—1953) — историк, филолог, критик. С 1920 г. в эмиграции в Болгарии; профессор Софийского университета. Переписывался с Буниным, Алдановым, П. Струве и др. Автор рецензии (1932) о книге Зайцева «Жизнь Тургенева».

Блок Александр Александрович (1880—1921) — поэт, критик, публицист; один из вождей русского символизма, высоко оценивший дебютные произведения Зайцева.

Блок Александр Львович (1852—1909) — юрист, философ. Отец А. А. Блока.

Блюменберг Георгий Густавович — офицер-кавалерист в отставке, сын купца, торговца бумагой Густава Алексеевича Блюменберга. Владелец «Московского книгоиздательства» (1907—1917), где выпускались с 1908 г. сборники «Земля».

Боборыкин Петр Дмитриевич (1836—1921) — прозаик, драматург, критик, мемуарист. С 1914 г. жил за границей.

Богданович Милица (1882—1973) — сербский историк, географ, переводчик, автор работ о русской литературе.

Боголепов А. А. — профессор-юрист, проректор Петербургского университета, высланный в 1922 г. из России. В феврале 1923 г. вошел в состав ученого совета Русского научного института в Берлине; редактор журнала «Вестник самообразования». На Первом зарубежном съезде русских писателей и журналистов (1928) был избран в правление Зарубежного союза русских писателей и журналистов. Составитель сборника «Русская лирика от Жуковского до Бунина» (Нью-Йорк, 1952).

Богомолов Александр Ефремович (1900—1969) — посол СССР во Франции в 1945—1947 гг.

Богораз Владимир Германович (Тан-Богораз, псевд. Н. А. Тан; 1865—1936) — этнограф, лингвист, поэт, прозаик, публицист, общественный деятель.

Борис III (1894—1943) — царь Болгарии с 1918 г.; содействовал приходу к власти фашистов в 1923 г. во главе с премьер-министром А. Цанковым.

Бортнянский Дмитрий Степанович (1751—1825) — композитор, прославившийся произведениями хоровой духовной музыки.

Бравич (Баранович) Казимир Викентьевич (1861—1912) — актер Театра В. Ф. Комиссаржевской.

Браиловский Александр (1896—1975) — американский пианист-виртуоз. Родился и до 1911 г. жил в России.

Брамс Иоганнес (1833—1897) — немецкий композитор, пианист, дирижер.

Брандес Георг (1842—1927) — датский критик.

Браун Федор Александрович (1862—1942) — филолог-германист; в Берлине вошел в состав редакции журнала «Беседа» (1923—1925). С 1923 г. — профессор Лейпцигского университета.

Бруни Нина Константиновна, урожд. Бальмонт (1900—1989) — дочь Е. А. Андреевой-Бальмонт и К. Д. Бальмонта. Жена художника Льва Александровича Бруни.

Бруни Федор (Фиделио) Антонович (1799—1875) — живописец итальянского происхождения, глава русского академизма, в основе которого — «вечные» каноны классического искусства.

Брюсов Валерий Яковлевич (1873—1924) — поэт, прозаик, драматург, критик, литературовед, переводчик, литературно-общественный деятель. Глава группы московских символистов, противостоявших петербургским «младшим» символистам. Один из инициаторов и руководителей издательства «Скорпион», альманаха «Северные цветы», журнала «Весы». С сентября 1910 г. заведующий литературно-критическим отделом журнала «Русская мысль». С 1921 г. ректор и профессор основанного им Высшего литературно-художественного института.

Брюэр Полина — см. Тургенева П. И.

Брянский Виктор Диодорович — руководитель Издательской комиссии (1928—1936) Русского культурного института в Белграде.

Буайе Поль (1864—1949) — французский славист, профессор парижской Школы восточных языков.

Буйневич (в замужестве Либе) *Ирина Александровна* (в письмах Ляля) — племянница Зайцева, дочь его сестры Н. К. Донзель от первого брака (с Александром Альбиновичем Буйневичем).

Буйневич Татьяна Константиновна, урожд. Зайцева (1875—1938) — сестра Б. К. Зайцева, мать Ю. М. Буйневича. С 1929 г. в эмиграции во Франции.

Буйневич Юрий Мечиславович (1894—1917) — сын Татьяны Константиновны и Мечислава Альбиновича Буйневичей. Погиб в Петрограде в первый день Февральской революции.

Булгаков Сергей Николаевич (1871—1944) — философ, богослов, экономист, публицист, литератор, священник. С октября 1904 г. соредактор журнала «Новый путь», а после его закрытия — журнала «Вопросы жизни» (с 1905). Участник вызвавших острую полемику антиреволюционных сборников «Проблемы идеализма» (М., 1902) и «Вехи» (М., 1909). В 1922 г. выслан из России. В Париже один из основателей Православного богословского института (с 1925 г. бессменный его ректор и профессор).

Бунаков — см. Фондаминский И. И.

Бунин Иван Алексеевич (1870—1953) — поэт, прозаик, переводчик; лауреат Нобелевской премии (1933). Ближайший друг Зайцева (с начала 1900-х гг.).

Бунин Юлий Алексеевич (1857—1921) — литературно-общественный деятель, публицист; один из основателей (осень 1897 г.) и бессменный председатель московского литературного кружка «Среда», редактор и председатель правления «Книгоиздательства писателей в Москве», председатель Общества деятелей периодической печати и литературы (1907—1914), директор Литературно-художественного кружка (с 1910 г.), фактический председатель Общества помощи литераторам и журналистам (с 1913 г.). Брат И. А. Бунина.

Бунина Вера Николаевна, урожд. Муромцева (1881—1961) — переводчица, автор мемуарных книг «Жизнь Бунина» (1958) и «Беседы с памятью» (1955—1963). Жена И. А. Бунина; близкий друг семьи Зайцевых.

Бурнакин Анатолий Андреевич (?—1932) — критик, журналист, поэт; сотрудник газеты «Новое время», издатель газеты «Полдень» (авг. — дек. 1914). После 1919 г. в эмиграции в Белграде.

Бурцев Владимир Львович (1862—1942) — публицист, издатель журнала «Былое»; автор мемуарной книги «Борьба за свободную Россию. Мои воспоминания. 1882—1922» (Берлин, 1923), более известной в сокращенном переиздании «В погоне за провокаторами» (1928).

Бутова Надежда Сергеевна (1878—1921) — актриса МХТ с 1921 г. и театральный педагог.

Буэлье Сен-Жорж де (1876—1947) — французский писатель, представитель школы «Натюризма».

Бэлза Игорь Федорович (1904—1994) — музыковед, композитор, литературовед; доктор искусствоведения, профессор. С 1966 г. был председателем Дантовской комиссии АН СССР.

Бялый Григорий Абрамович (1905—1987) — литературовед, профессор Ленинградского университета. Автор работ, посвященных И. С. Тургеневу, В М. Гаршину, Г. И. Успенскому, В. Г. Короленко, А. П. Чехову.

Вагнер Рихард (1813—1883) — немецкий композитор, дирижер, драматург, музыковед. Автор оперной тетралогии «Кольцо нибелунга».

Варшавский Сергей Иванович (1879—1945) — журналист, публицист, юрист. С 1920 г. в эмиграции. Отец писателя Вл. С. Варшавского (1906—1978). Один из руководителей Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии. На первом всеэмигрантском съезде писателей выступил с докладом «О состоянии печати в советской России». Погиб в заключении после занятия Праги советскими войсками.

Василевский Илья Маркович (псевд. Не-Буква; 1882/83—1938) — фельетонист, журналист, критик. В 1907—1911 гг. сотрудник и фактический издатель петербургской «понедельничной» газеты «Свободные мысли» и «Утра». С июля 1908 по август 1909 г. издатель журнала «Образование». Безвинно репрессирован.

Василий (Кривошеин Василий Александрович) — церковный деятель, писатель-богослов; архиепископ Брюссельский и Бельгийский (в юрисдикции Московской патриархии). Сын министра земледелия А. В. Кривошеина (1857—1921).

Вахтангов Евгений Багратионович (1883—1922) — режиссер, актер. С 1911 г. в МХТ. Основатель (1913) и руководитель Студенческой драматической студии (3-я Студия МХТ, с 1926 г. — Театр им. Вахтангова), в которой была поставлена пьеса Зайцева «Усадьба Ланиных» (премьера 26 марта 1914 г.).

Вейдле Владимир Васильевич (1895—1979) — критик, литературовед, искусствовед, поэт, публицист, мемуарист. В эмиграции с 1924 г. В 1932—1952 гг. профессор кафедры истории христианского искусства и западной церкви в Богословском институте (Париж). Автор книг «Умирание искусства» (1937), «Задача России» (1954), «Безымянная страна» (1968) и др., а также статей о Зайцеве.

Вельфлин Генрих (1864—1945) — швейцарский искусствовед.

Венгеров Всеволод Семенович — сын и помощник С. А. Венгерова.

Венгеров Семен Афанасьевич (1855—1920) — историк русской литературы и общественной мысли, библиограф; автор и редактор изданий: «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых» (т. 1—6. СПб., 1886—1904), «Русские книги. С биографическими данными об авторах и переводчиках. 1708—1893» (т. 1—3. СПб., 1895—1899), «Источники словаря русских писателей» (т. 1—4. СПб.; Пг., 1900—1917) и др.

Вениамин (в миру Василий Павлович Казанский; 1873—1922) — митрополит Петроградский и Гдовский (с 1917 г.), расстрелянный большевиками. В 1992 г. канонизирован как священномученик. День памяти — 13 августа.

Вербицкая Анастасия Александровна, урожд. Зяблова (1861—1928) — прозаик, драматург; автор известного романа в шести кн. «Ключи счастья» (1909—1913), экранизированного режиссерами В. Гардиным и Я. Протазановым.

Вергилий Публий Марон (70—19 до н. э.) — римский поэт.

Вересаев (наст. фам. Смидович) *Викентий Викентьевич* (1867—1945) — прозаик, литературовед, поэт-переводчик. Автор книг «Пушкин в жизни» (1926—1927), «Гоголь в жизни» (1933), «Воспоминания» (1936), «Спутники Пушкина» (1937).

Верхарн Эмиль (1855—1916) — бельгийский поэт-символист, драматург, критик.

Веселовский Алексей Николаевич (1843—1918) — филолог, историк литературы.

Виардо Мишель Фернанда Полина, урожд. Гарсиа (1821—1910) — французская певица и композитор; друг И. С. Тургенева.

Вогюэ Эжен Мелькиор (1848—1910) — французский историк литературы и писатель.

Водов Сергей Акимович (1898—1968) — журналист. С 1920 г. в эмиграции. В 1922—1925 гг. член редколлегии журнала «Студенческие годы» в Праге. С 1925 г. в Париже; секретарь Национального союза русской молодежи. С 1947 г. член редколлегии, а с 1954 — главный редактор газеты «Русская мысль».

Водовозов Василий Васильевич (1864/65—1933) — публицист, журналист; в 1887 г. был арестован и сослан в Архангельскую губернию за перевод «Истории революционных движений в России» А. Туна. С 1904 г. в Петербурге, сотрудник многих газет и журналов.

Воейкова Александра Андреевна, урожд. Протасова (1795—1829) — ей В. А. Жуковский посвятил знаменитую балладу «Светлана». Сестра М. А. Протасовой (в замужестве Мойер).

Волжский — см. Глинка А. С.

Волковыский Николай Моисеевич (1880— не ранее 1940) — журналист. Один из организаторов Дома литераторов в Петрограде (1918—1922). В 1922 г. выслан из России. С марта 1923 г. берлинский корреспондент рижской газеты «Сегодня». Докладчик на первом всеэмигрантском съезде писателей и журналистов. В 1933 г. поселился в Польше.

Волошин Максимилиан Александрович (1877—1932) — поэт, критик, художник, переводчик.

Вольпе Цезарь Самойлович (1904—1941) — литературовед критик.

Вольфсон Мирон Борисович (1880—1932) — издательский работник и книговед. С 1905 по 1922 г. играл видную роль в издательстве «Просвещение». В 1923—1924 гг. соавтор (вместе с О. Ю. Шмидтом) плана образования ОГИЗА (Объединения государственных книжно-журнальных издательств РСФСР).

Волынский Аким Львович (наст. имя и фам. Хаим Лейбович Флексер; 1861—1926) — литературный и балетный критик, историк и теоретик искусства. Ведущий сотрудник журнала «Русский вестник», который в 1890-е гг. стал благодаря ему первой трибуной русского литературного модерна. Автор вызвавших полемику книг «Русские критики» (1896), «Н. С. Лесков» (1898; первая монография о писателе), «Леонардо да Винчи» (1900).

Воронова Ольга Порфирьевна, урожд. Козловская (1924—1985) — литературовед, искусствовед; автор 18 книг, альбомов и монографий, в том числе «Шадр» (1969), «В. И. Мухина» (1976), «Над Понтом Эвксинским. К. Богаевский» (1982).

Высоцкий Владимир Александрович — переводчик с польского, друживший с Зайцевым.

Вышеславцев Борис Петрович (1877—1954) — философ, публицист, критик, юрист. В 1922 г. выслан из России. В 1925 г. вместе с Бердяевым основал в Париже журнал «Путь». Автор книг «Этика преображенного Эроса: Проблемы Закона и Благодати» (1931), «Философская нищета марксизма» (1952) и др.

Газданов Гайто (Георгий) Иванович (1903—1971) — прозаик, критик. В 1919 г. в составе Добровольческой армии Врангеля эвакуировался в Галлиполи. С 1923 г. в Париже (грузчик в порту, ночной таксист). Первый рассказ напечатал в 1926 г. Автор девяти романов, создавших ему репутацию одного из самых талантливых прозаиков эмиграции.

Гарин Н. (наст. имя и фам. Николай Егорович Михайловский; 1852—1906) — прозаик, публицист, инженер-путеец.

Гарин (наст. фам. Гарфильд) *Сергей Александрович* (1873—1927) — прозаик, поэт, драматург, публицист, сценарист. В 1914—1924 гг. военный деятель.

Георгий Спасский (1877—1934) — в годы Гражданской войны главный священник Черноморского Флота в Севастополе. В эмиграции — священник парижской церкви на рю Дарю, духовник семьи Зайцевых (по словам писателя, «вождь, наставник, «златоуст», метеором пролетел сквозь нашу жизнь»).

Герра Рене (р. 1946) — французский славист, библиофил, собравший уникальную коллекцию рукописей, картин и книг писателей, художников, деятелей науки и культуры русского зарубежья. Автор-составитель книги «Борис Константинович Зайцев. Библиография» (ред. Т. А. Осоргина. Париж, 1982).

Герцык (Лубны-Герцык, в замужестве Жуковская) *Аделаида Казимировна* (1874—1925) — поэтесса, прозаик, переводчица, критик; автор мемуаров «Мои блуждания» (1915), книги «Подвальные очерки» (Рига. Ж-л «Перезвоны». 1926. № 25—27; здесь же предисловие Зайцева «Светлый путь. Памяти А. Г.»). Сестра Е. К. Герцык.

Гершензон Михаил Осипович (1869—1925) — историк русской литературы и общественной мысли, философ, публицист, переводчик. Инициатор сборника «Вехи» (1909). В марте 1917 г. — один из организаторов Всероссийского союза писателей.

Герье Владимир Иванович (1837—1919) — историк, организатор и руководитель (1872—1905) Высших женских курсов в Москве.

Гессен Иосиф Владимирович (1865—1943) — публицист, юрист, один из лидеров партии кадетов; редактор газеты «Речь» (1906—1917). С января 1919 г. в эмиграции. С 1920 г. председатель берлинского Союза русских писателей и журналистов, руководитель издательства «Слово», соредактор газеты «Руль» (1920—1931). В 1920—1937 гг. издавал «Архив русской революции».

Гете Иоганн Вольфганг (1749—1832) — поэт, прозаик, драматург, философ, основоположник немецкой литературы нового времени.

Гильбо Анри (1885—1938) — французский социалист, поэт, журналист; с 1916 г. издатель антивоенного журнала в Швейцарии. После октябрьского переворота 1917 г. приезжал в Россию, был участником первых конгрессов Коминтерна.

Гингер Александр Самсонович (1897—1965) — поэт, прозаик, критик. В эмиграции с 1921 г. В 1946 г. вместе с женой А. С. Присмановой получил советский паспорт, но выехать в Россию оба не рискнули. В начале 1960-х годов принял буддизм.

Гиппиус Зинаида Николаевна, в замужестве Мережковская (1869—1945) — поэтесса, прозаик, критик, публицист. Автор рецензий на книги Зайцева.

Глаголь С. — см. Голоушев С. С.

Глебова-Судейкина Ольга Афанасьевна, урожд. Глебова (1885—1945) — с 1906 г. актриса театров В. Ф. Комиссаржевской и Литературно-художественного общества; художник прикладного искусства, скульптор, танцовщица. В 1906—1916 гг. первая жена художника С. Ю. Судейкина (1884—1946). В 1911—1917 гг. участница концертных программ в художественно-артистических кабаре «Бродячая собака» и «Привал комедиантов». Подруга А. А. Ахматовой, которая назвала ее «Коломбиной десятых годов» и в 1945 г. посвятила ей «Поэму без героя». Ей посвятили стихотворения также Ф. Сологуб, М. Кузмин, И. Северянин, Г. Иванов, Вс. Князев. В эмиграции с 1924 г. Здесь вела замкнутый образ жизни. Занималась разведением комнатных птиц, живописью, создавала картины-аппликации на религиозные темы, кукол. В 1932—1935 гг. участвовала в выставках.

Глинка Александр Сергеевич (псевд. Волжский; 1878—1940) — критик, историк литературы.

Гнедич Петр Петрович (1855—1925) — прозаик, драматург, критик, театральный деятель, переводчик, историк искусства.

Голлербах Эрих Фридрихович (Федорович; 1895—1942) — литературовед, искусствовед.

Голоушев Сергей Сергеевич (псевдоним Сергей Глаголь; 1855—1920) - врач, художник, публицист, театральный критик. Автор книг «Художественная галерея Третьяковых», «И. И. Левитан, его жизнь и творчество», «Очерки по истории искусства в России» и др. «Душа» кружка «Среда». «Жизнь его была полет сумбурный», — вспоминал Зайцев в книге «Москва» (см. т. 6 нашего изд.).

Голль Шарль де (1890—1970) — президент Франции в 1959—1969 гг.

Гольдони Карло (1707—1793) — итальянский драматург, создатель национальной комедии. Автор 267 пьес.

Гольцев Виктор Александрович (1850—1906) — публицист, критик; талантливый сотрудник и редактор многих изданий, в том числе газет «Юридический вестник», «Русский курьер», «Курьер», «Русские ведомости», журналов «Русская мысль», «Вестник Европы», «Русское богатство» и др. Активный приверженец реалистического искусства.

Горбов Дмитрий Александрович (1894—1967) — литературовед, критик, переводчик. Один из теоретиков группы «Перевал», возникшей в конце 1923 — нач. 1924 и распавшейся в 1932 г. Автор книг «Жизнь и творчество Беранже» (1925), «У нас и за рубежом» (послесловие Горького «О белоэмигрантской литературе»; 1928), «Путь Горького» (1928), «Поиски Галатеи: Статьи о литературе» (М., 1929), в которой изложена эстетическая платформа «перевальцев».

Горбов Яков Николаевич (1896—1981) — прозаик, критик, журналист. Один из редакторов журнала «Возрождение» (с 1960 по 1974 г.; вел раздел «Литературные заметки»). Муж И. В. Одоевцевой (с 1978 г.). Друг Зайцева. Автор нескольких статей и рецензий о нем, в том числе одной из последних — «Девяностолетие Бориса Константиновича Зайцева» (Возрождение. 1971. № 230). Он же — автор некролога «Светлой памяти Веры Алексеевны Зайцевой» (Возрождение. 1965. № 163).

Гордин Аркадий Моисеевич (1913—1997) — литературовед, пушкинист.

Горнфельд Аркадий Георгиевич (1867—1941) — литературовед, критик, переводчик.

Городецкий Сергей Митрофанович (1884—1957) — поэт, прозаик, критик, переводчик.

Горький Максим (наст. имя и фам. Алексей Максимович Пешков; 1868—1936) — прозаик, драматург, публицист, литературно-общественный деятель.

Горянский Валентин Иванович (наст. фам. Иванов; 1888—1949) — поэт, драматург, публицист, критик, мемуарист. Сотрудник петербургских изданий «Сатирикон» и «Новый сатирикон». В эмиграции с 1920 г. Во Франции с 1926 г. Сотрудник газеты «Возрождение».

Гославский Евгений Петрович (1861—1917) — драматург, прозаик, поэт.

Гощинский Северин (1803—1876) — польский поэт.

Гранжар Анри (1900—1979) — французский литературовед-славист, автор трудов об И. С. Тургеневе; профессор Сорбонны (с 1960 г.).

Гребенщиков Георгий Дмитриевич (1883—1964) — прозаик, журналист. С сентября 1920 г. в эмиграции в Париже, а с 1924 г. — в США. Автор эпопеи «Чураевы. Роман-хроника одной старообрядческой семьи».

Гржебин Зиновий Исаевич (1877—1929) — художник-карикатурист и график; основал в 1906 г. в Петербурге вместе с С. Ю. Копельманом (см.) частное издательство «Шиповник», выпускавшее одноименные альманахи (1907—1916), а также «Северные сборники» (1907—1911), «Сборники литературы и искусства», «Историко-революционный альманах» (1908). С 1921 г. в эмиграции. Основатель «Издательства З. И. Гржебина» (Пг.; Берлин. 1919—1923), в котором вышло собрание сочинений Зайцева.

Грин Жюльен (р. 1900) — французский прозаик, драматург.

Грин Милица Эдуардовна — историк русской литературы (Эдинбург), составитель и редактор трехтомника «Устами Буниных» (1977).

Грифцов Борис Александрович (1885—1950) — критик, переводчик, литературовед, искусствовед.

Грузинский Алексей Евгеньевич (1858—1930) — историк литературы, переводчик, педагог. Активный участник московского литературного кружка «Среда» Н. Д. Телешова; в 1909—1922 гг. бессменный председатель Общества любителей российской словесности. Отличался консерватизмом литературных взглядов.

Гукасов Абрам Осипович (наст. фам. Гукасянц; 1872—1969) — промышленник, общественный деятель. Основатель и владелец газеты «Возрождение» (1925—1940), журнала «Возрождение» (1949—1974). Один из инвесторов Первого зарубежного съезда русских писателей и журналистов в Белграде (1928).

Гуль Роман Борисович (1896—1986) — прозаик, мемуарист, сценарист, издатель. Участник «Ледяного похода» (так он назвал и свой роман) генерала Л. Г. Корнилова. С января 1919 г. в Германии, в лагере для перемещенных лиц. В 1921—1923 секретарь редакции журнала «Русская книга». С 1933 г. в Париже. С 1952 г. сотрудник, с 1959 — главный редактор нью-йоркского «Нового журнала». Автор романов «Конь рыжий» (1952), «Азеф» (1929), «Скиф» (1931), сборника «Одвуконь: Советская и эмигрантская литература» (1973), мемуаров «Я унес Россию: Апология эмиграции» (т. 1—3, 1984—1989) и др.

Гуно Шарль (1818—1893) — французский композитор, лучшим творением которого является опера «Фауст» (1859) по трагедии Гете.

Давыдов Николай Васильевич (1848—1920) — юрист. В 1897—1909 гг. председатель Московского окружного суда; с 1907 г. председатель Гоголевской комиссии Общества любителей российской словесности, председатель театрально-литературного комитета; с 1908 г. постоянный сотрудник «Русских ведомостей».

Даманская Августа Филипповна (1875—1959) — прозаик, переводчица (объем ею переведенного — 54 тома).

Данте Алигьери (1265—1321) — итальянский поэт, создатель итальянского литературного языка. Автор шедевра мировой литературы — поэмы «Божественная Комедия» (Зайцев перевел ритмической прозой ее первую часть — «Ад»).

Демидов Игорь Платонович (1873—1946) — журналист, прозаик. В 1917 г. — комиссар Временного правительства. С 1920 г. в Париже. В 1920—1930-х гг. заместитель редактора парижской газеты «Последние новости».

Джеймс (Джемс) Уильям (1842—1910) — американский философ и психолог; брат известного прозаика Генри Джеймса.

Джотто ди Бондоне (1266 или 1267—1337) — итальянский живописец эпохи Проторенессанса.

Дмитрий (1846—1930) — патриарх, возглавлявший сербскую церковь с 1920 г.

Добрая Любовь Германовна — приятельница В. Н. Буниной, занимавшаяся благотворительной деятельностью в помощь нуждающимся литераторам-эмигрантам.

Добужинская Елизавета Осиповна, урожд. Волькенштейн (1874—1965) — жена М. В. Добужинского; с 1896 г. подруга сестры Зайцева Надежды Константиновны Донзель (в первом браке Буйневич).

Добужинский Мстислав Валерианович (1875—1957) — график; живописец, театральный художник; оформитель спектаклей, книг (в том числе Зайцева) и журналов «Мир искусства» (1902—1904), «Золотое руно» (1906—1908); «Аполлон» (1909—1915); «Сатирикон» (1908—1910); альманахов «Белые ночи» (1907) и «Шиповник» (1907—1908). С 1924 г. в эмиграции (сперва в Литве; а с 1926 г. в Париже), где активно занимается сценографией, художественным оформлением спектаклей в театрах Европы и Америки. Отец художников Ростислава (р. 1901) и Всеволода (1905—1998).

Долгополов Николай Саввич (1879—1972) — врач; депутат 2-й Государственной думы, министр здравоохранения в правительстве Деникина. В эмиграции с ноября 1920 г. в Париже. Председатель Земско-городского союза (Земгора) и американских благотворительных фондов. Основал в 1949 г. Русский дом для престарелых в Кормей-ан-Паризи.

Дон Аминадо Аминад Петрович (наст. имя и фам. Аминодав Пейсахович Шполянский; 1888—1957) — поэт, прозаик, драматург, критик, журналист. В эмиграции с января 1920 г.

Донзель Морис (псевд. Парижанин; ?—1937) — французский журналист, переводчик; принадлежал к литературной группе участников войны «Кларте» (во главе с Анри Барбюсом). В 1921 г. вошел в редколлегию журнала «Кларте». Муж сестры Зайцева Надежды Константиновны. Перевел на французский язык роман Зайцева «Золотой узор».

Донзель Надежда Константиновна, урожд. Зайцева, в первом браке Буйневич (1878—1959) — сестра Б. К. Зайцева.

Дорошевич Влас Михайлович (1865—1922) — журналист, публицист, театральный и художественный критик, прозаик.

Достоевский Федор Михайлович (1821—1881).

Достоевский Федор Федорович (1871—1921) — сын Ф. М. Достоевского.

Дуван-Торцов Исаак Эздрович (1873—1939) — актер и режиссер МХТ, актер группы МХТ в Праге; режиссер театра «Синяя птица» в Берлине.

Дымов Осип (наст. имя и фам. Иосиф Исидорович Перельман; 1878—1959) — прозаик, драматург, журналист. С 1913 г. в США. Автор романа «Томление духа» (1912), в котором узнаваемы Мережковский, Сологуб, Горький, и мемуаров «Что я помню» (т. 1—2. Нью-Йорк, 1943—1944).

Дымшиц С. И. — см: Толстая С. И.

Дюамель Жорж (1884—1966) — французский поэт, прозаик, драматург; врач по профессии. Автор популярных серий романов «Жизнь и приключения Салавена» (т. 1—5, 1920—1932), «Хроника семьи Паскье» (т. 1—10, 1933—1944) и мемуаров «Моя жизнь при свете дня» (т. 1—5, 1944—1953).

Дюрер Альбрехт (1471—1528) — немецкий живописец, рисовальщик, гравер; теоретик искусства; основоположник искусства немецкого Возрождения.

Евлогий (в миру Василий Семенович Георгиевский; 1868—1946) — выдающийся церковный деятель русского зарубежья; в 1921—1946 гг. митрополит Западноевропейских Русских Церквей. Один из основателей Русского Богословского института в Париже (Сергиевской Духовной академии). Автор книги «Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т. Манухиной» (1947). Друг Зайцева, посвятившего ему книгу «Афон».

Елита-Вильчковский Кирилл Сергеевич (?—1960) — общественный деятель, публицист, критик. Один из идеологов младороссов. В 1940-е годы печатался в газетах «Русский патриот» и «Русские новости».

Ельяшевич Василий Борисович (1875—1956) — правовед, историк, экономист. В эмиграции — профессор гражданского права Парижского университета. В имениях Ельяшевича и его жены Фаины Осиповны (?—1942) гостили Зайцевы летом 1925, 1926, 1940—1943 гг.

Жаба Сергей Павлович (1894—1982) — парижский профессор, публицист, печатавшийся в журналах «Современные записки», «Вестник Русского студенческого христианского движения», «Новый град», газете «Русская мысль». Автор рецензии о переводе Зайцева «Божественной Комедии» Данте («Ад»).

Жаба Тамара Антоновна, урожд. Величковская (1908—1990) — поэт, прозаик, критик, журналист, переводчик. С 1920 г. в эмиграции в Сербии, в Париже (после войны). Жена С. П. Жабы.

Жалю Эдмон (1878—1949) — французский прозаик и критик.

Жебар Эмиль (1839—1908) — французский искусствовед, литературовед.

Жеромский Стефан (1864—1925) — польский прозаик.

Жирова Елена (в письмах Ляля) *Николаевна* (?—1960) — знакомая Буниных, жившая в их доме в Грассе и в Париже. В 1948 г. вышла замуж за поэта и прозаика Анатолия Евгеньевича Величковского (1901—1981). Скоропостижно скончалась от разрыва сердца в день свадьбы дочери.

Жирова Ольга Алексеевна, в замужестве Колар (1933—1964) — дочь Е. Н. Жировой. Жила с матерью у Буниных на вилле «Жаннет» в Грассе в 1939 и на их парижской квартире в 1945—1948 гг. «Как и раньше, Олечка, — вспоминает Муравьева-Логинова, — вносила с собой «луч солнца» в грустную атмосферу бунинской квартиры, где тяжело больной писатель всеми силами боролся с недугом» (*Муравьева-Логинова Т. Д.* Живое прошлое. Литературное наследство. Т. 84. Иван Бунин. В 2 кн. Кн. 2. М., 1973. С. 327).

Жуковский Дмитрий Евгеньевич (1868—1943) — издатель журналов «Новый путь» (1903—1904) и «Вопросы жизни» (1904—1905); переводчик философской литературы.

Зайцев Александр Николаевич (1838—1904) — адвокат в Орле, дядя Б. К. Зайцева.

Зайцев Кирилл Иосифович (в монашестве архимандрит Константин; 1887—1975) — литературовед, историк, экономист, критик, публицист, богослов. В эмиграции с 1920 г. В 1923—1934 гг. соредактор журнала «Вера и жизнь» (Прага). В 1928—1934 гг. редактор еженедельной газеты «Россия и славянство» (Париж). В 1936—1938 гг. профессор политэкономии Русского пединститута в Харбине. В 1945 г. принял священство, а в 1949 — монашество. Профессор пастырского богословия и русской литературы в Свято-Троицкой духовной семинарии в Джорданвилле (США). Автор критических заметок о прозе своего однофамильца Б. К. Зайцева и очерка-некролога о нем.

Зайцев Константин Николаевич (1849—1919) — инженер, видный деятель промышленности, управлявший крупнейшими предприятиями Центральной России. В последние 20 лет жизни возглавлял в Москве металлургический завод Ю. П. Гужона (ныне «Серп и молот»). Отец Б. К. Зайцева.

Зайцев Николай Николаевич (1848—1903) — врач; дядя Б. К. Зайцева.

Зайцева Вера Алексеевна, урожд. Орешникова, в первом браке Смирнова (1879—1965) — жена Б. К. Зайцева.

Зайцева Н. К. — см. Донзель Н. К.

Зайцева Т. К. — см. Буйневич Т. К.

Зайцева Татьяна Васильевна, урожд. Рыбалкина (1844—1927) — мать Б. К. Зайцева.

Зайцева-Соллогуб Наталья Борисовна — дочь Б. К. Зайцева; публикатор его произведений, автор воспоминаний об отце «Я вспоминаю... Устные рассказы» (М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1998).

Залесский Юзеф Богдан (1802—1886) — польский поэт.

Замятин Евгений Иванович (1884—1937) — прозаик, критик, драматург. С ноября 1931 г. в Берлине, с февраля 1932 г. в Париже.

Засулич Вера Ивановна (1849—1919) — революционерка-террористка, стрелявшая в петербургского градоначальника и оправданная судом; публицист, критик. Автор «Воспоминаний» (1919).

Зданевич Илья Михайлович (псевдоним Ильязд; 1894—1975) — поэт (футурист, заумник), прозаик, драматург, теоретик авангарда.

Зеелер Владимир Феофилович (1874—1954) — журналист, юрист, художественный критик. В марте—октябре 1917 г. городской голова в Ростове-на-Дону. В 1919—1920 гг. министр внутренних дел в правительстве А. И. Деникина. В эмиграции в 1921 г. выступил одним из организаторов парижского Союза русских писателей и журналистов (стал его генеральным секретарем). Секретарь Союза русских адвокатов во Франции. Соучредитель Фонда И. Е. Репина (1935). С 1947 г. член редколлегии газеты «Русская мысль».

Зеньковский Василий Васильевич (протоиерей о. Василий; 1881—1962) — богослов, историк философии, психолог, публицист, критик, педагог, мемуарист. В эмиграции с 1920 г. В 1927—1962 гг. профессор, ректор Богословского института в Париже. В 1940 г. был арестован нацистами и более года находился в концлагере. Автор многих трудов, в том числе статьи «Религиозные темы в творчестве Зайцева» (1951).

Зёрнова София Михайловна — основательница Центра помощи русским беженцам в Париже.

Зильберштейн Илья Самойлович (1905—1988) — литературовед, искусствовед, текстолог; один из инициаторов и соредактор (совместно с С. А. Макашиным) изданий сборников «Литературное наследство».

Злобин Владимир Ананьевич (1894—1967) — поэт, прозаик, публицист, критик; литературный секретарь Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус в 1916—1945 гг. Автор мемуарной книги о Гиппиус «Тяжелая душа» (Вашингтон, 1970).

Зноско-Боровский Евгений Александрович (1884—1954) — драматург, теоретик театра; в 1909—1912 гг. — секретарь альманаха «Аполлон».

Зуров Леонид Федорович (1902—1971) — прозаик, журналист, мемуарист. В 1929—1961 гг. (с перерывами) жил в доме И. А. и В. Н. Буниных.

Иванов Всеволод Никанорович (1888—1971) — прозаик, поэт; входил в группу «Серапионовы братья» (1921).

Иванов Вячеслав Иванович (1866—1949) — поэт, драматург, филолог-классик, критик теоретик символизма.

Иванов Петр Константинович — журналист, театрал, секретарь «Вторничной комиссии» московского Литературно-художественного кружка. Автор книг «Студенты» и «Дама в синем» (см. о нем подробно в кн.: *Муромцева-Бунина В. Н.* Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М., 1989).

Иванов Сергей Андреевич (1859—1927) — народоволец, проведший 20 лет в заключении в Шлиссельбургской крепости. В эмиграции был председателем Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции.

Иванов Сергей Петрович (1893—1983) — живописец, график, иллюстратор книг и журналов. С 1923 г. в эмиграции в Париже. С 1950 г. в США. В начале 1960-х гг. вернулся во Францию. Автор портретов Б. К. Зайцева, Вяч. И. Иванова, А. Н. Бенуа, С. М. Лифаря, Н. С. Гончаровой и др. Его работы представлены в Русском музее и Эрмитаже в Петербурге.

Иванов-Разумник (наст. имя и фам. Разумник Васильевич Иванов; 1878—1946) — литературовед, критик, публицист, историк русской литературы и общественной мысли, мемуарист. Автор книг «О смысле жизни: Федор Сологуб, Леонид Андреев, Лев Шестов» (1908), «Годы революции: Статьи 1917 г.» (1918), «Заветное: О культурной традиции» (1922), «Тюрьмы и ссылки» (Нью-Йорк, 1953) и др. Один из организаторов Вольной философской ассоциации (Вольфилы; 1919—1924). В феврале 1933 г. был арестован и сослан. Во время войны оказался на оккупированной территории в г. Пушкине и был отправлен в лагерь для перемещенных лиц. Умер в Мюнхене.

Измайлов Николай Васильевич (1893—1981) — литературовед, заведовал Рукописным отделом Пушкинского Дома.

Ильин Иван Александрович (1883—1954) — философ, ученый-правовед, культуролог, публицист, критик. После шестого ареста выслан из России в сентябре 1922 г. Автор многих трудов, составивших 17 томов, вышедших в «Русской книге» (издание продолжается).

Исакова Анна Александровна, урожд. Соколова, в 1-м браке Бруни (1864—1949) — писательница, переводчица, хозяйка литературного салона (на ее квартире в Петербурге собиралась творческая молодежь, в основном художники-авангардисты, заседал «Цех поэтов»). Автор воспоминаний «Семья художников Соколовых» (РГАЛИ. Ф. 866. Оп. 1. Ед. хр. 4).

Казанова Джованни Джакомо (1725—1798) — итальянский писатель, проживший авантюрную жизнь, полную приключений, о чем рассказал в знаменитых «Мемуарах» (т. 1—12; переведены на многие языки, в том числе на русский в 1887 г.).

Каллаш Мария Александровна (1869—?) — журналистка, печатавшаяся под псевдонимом М. Курдюмов в газетах «Новое время», «Возрождение» и др. Автор книги об А. П. Чехове «Сердце смятенное» (Париж, 1934).

Каменский Анатолий Павлович (1876—1941) — прозаик, драматург, киносценарист. Погиб в сталинском концлагере.

Кара-Мурза Сергей Георгиевич (1878—1956) — театровед, театральный критик, журналист.

Карбасников Николай Николаевич (1885—1983) — парижский книгоиздатель и владелец книжных магазинов. Сын Н. П. Карбасникова. Зайцевы дружили с этой семьей.

Карбасников Николай Павлович (1852—1921) — владелец (с 1871 г.) петербургского книгоиздательства и книжных магазинов в Петербурге, Москве, Варшаве и Вильно. После 1917 г. книгоиздательская фирма Карбасникова продолжила работу во Франции.

Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) — историк, прозаик, поэт, журналист. Автор труда «История государства Российского» (т. 1—8; 1817).

Карлейль Томас (1795—1881) — английский историк, философ, публицист.

Карташев Антон Владимирович (1875—1960) — богослов, историк церкви. В 1917 г. обер-прокурор Святейшего Синода; после октябрьского переворота был арестован. В январе 1918 г. бежал за границу. С 1925 по 1960 г. — один из основателей и профессор Свято-Сергиевского Богословского института в Париже. Автор многих богословских трудов, ныне изданных и в России.

Карышев Николай Александрович (1855—1905) — экономист, публицист, разделявший взгляды легального народничества.

Кассиан (в миру Сергей Сергеевич Безобразов; 1892—1960) — церковный деятель, историк религии. С 1922 г. в эмиграции. Участник первых съездов Русского студенческого христианского движения (РСХД). С 1926 г. профессор, с 1947 г. — ректор Сергиевского Богословского института в Париже и епископ Катанский.

Катаев Валентин Петрович (1897—1986) — прозаик, драматург, сценарист.

Кауше Нина Геннадьевна — дальняя родственница В. А. Зайцевой; в июле—августе 1935 г. Зайцевы гостили у нее в Финляндии. После нападения СССР на Финляндию в 1940 г. семья Кауше выехала в Стокгольм.

Керенский Александр Федорович (1881—1970) — политический деятель. Один из главных организаторов Февральской революции 1917 г. в России, министр юстиции, затем военный и морской министр, председатель Временного правительства. В июне 1918 г. бежал за границу. В 1922—1933 г. издавал газету «Дни», в которой печатался Зайцев. В 1936—1940 гг. редактор журнала «Новая Россия». Осенью 1940 г. уехал в США. В Нью-Йорке в 1949 г. основал «Лигу борьбы за народную свободу», редактировал журнал «Грядущая Россия».

Кизеветтер Александр Александрович (1866—1933) — историк, публицист; член ЦК кадетской партии. Соратник В. А. Гольцева по журналу «Русская мысль». Автор мемуаров «На рубеже двух столетий» (Прага, 1929). Зайцев познакомился с ним в московском литературном кружке «Среда» Телешова.

Киприан (в миру Константин Эдуардович Керн; 1899—1960) — архимандрит, в 1936—1960 гг. профессор Богословского института в Париже.

Киреевская (во втором браке Елагина) *Авдотья Петровна* (1789—1878) — мать братьев И. В. и В. П. Киреевских.

Киреевский Иван Васильевич (1806—1856) — философ, критик; один из лидеров славянофильства. Брат П. В. Киреевского.

Киреевский Петр Васильевич (1808—1856) — фольклорист, этнограф; славянофил. Брат И. В. Киреевского.

Кирпичников Александр Иванович (1845—1903) — филолог. Автор учебников «Этимология русского языка» и «Синтаксис русского языка» (1873).

Кленовский Дмитрий (наст. фам. Крачковский Дмитрий Иосифович; 1892—1976) — поэт, критик, мемуарист. В эмиграции с 1943 г.

Клепинин Дмитрий (1905—1944) — священник. В 1943 г. арестован вместе с матерью Марией и погиб в нацистском лагере Дора.

Клёстов (псевд. Ангарский) *Николай Семенович* (1873—1941) — редактор-издатель, журналист, критик, мемуарист. В 1912 г. вместе с Буниным, Вересаевым, Зайцевым, Шмелевым и др. организовал «Книгоиздательство писателей в Москве» и был до 1919 г. его секретарем и заведующим. Составитель сборников «Слово» (1913—1918) и «Недра» (1922—1931), в которых печатался Зайцев.

Ковалевская Елена Александровна (1908—1997) — научный сотрудник Литературного музея Пушкинского Дома.

Ковалевский Максим Максимович (1851—1916) — историк, юрист, социолог. Издатель журнала «Вестник Европы» (1909—1916), в котором печатался Зайцев.

Ковалевский Петр Евграфович (1901—1978) — историк, библиограф. С 1920 г. в эмиграции во Франции. Профессор Парижского университета и Православного Богословского института. Член правления парижского Союза русских писателей и журналистов. Один из инициаторов создания молодежных кружков, объединившихся в русское студенческое христианское движение. В 1924—1939 гг. председатель Национального студенческого союза во Франции. Автор трудов «Исторический путь России» (1939), «Курс русской истории» (1948), «Краткая история русского рассеяния и его культурной роли» (1951).

Коварский Илья Николаевич (1880—1962) — владелец книжного магазина «Родник» и одноименного издательства в Париже.

Коган Петр Семенович (1872—1932)— историк литературы, критик, переводчик. Автор очерка о Зайцеве.

Кодрянская Наталья Владимировна, урожд. Гернгросс (1901—1983) — детская писательница, литературовед, мемуаристка. С 1919 г. в эмиграции. Автор книг «Алексей Ремизов» (1959), «Ремизов в своих письмах» (1977), а также очерка «Встречи с Буниным», написанного для «Литературного наследства» (т. 84. Иван Бунин. Кн. 2. С. 341—351).

Кожевников Валентин Алексеевич (1867—1931) — инженер-путеец, драматург, редактор-издатель журнала «Правда» (1904—1906), газеты «Книговедение» и при ней еженедельника литературы и искусства «Зори» (1906), в которых работал Зайцев.

Кожевников Петр Алексеевич (1871—1933) — прозаик, критик; автор нескольких книг. Брат В. А. Кожевникова. Как и Зайцев, напечатал первые рассказы в газете «Курьер». Наряду с Зайцевым и О. Дымовым считался подающим надежды представителем молодой импрессионистской прозы. С 1914 г. за границей. В Праге вместе с С. К. Маковским, Д. Н. Крачковским, В. А. Амфитеатровым-Кадашевым основал и возглавил литературный кружок русских эмигрантов «Далиборка» (1924—1933).

Койранский Александр Арнольдович (1884—1968) — поэт, художник, литературный, художественный и театральный критик; близкий знакомый семьи Зайцевых.

Колеров Федор Ксенофонтович (1882—1929) — настоятель храма Преображения Господня в г. Кимры, обвиненный в контрреволюционной деятельности и расстрелянный 29 ноября 1929 г.

Кологривова Елизавета Васильевна, урожд. Попова (1809—1884) — беллетрист, переводчик; автор романов и повестей из светской жизни (псевд. Федор Фан-Дим). В историю литературы вошла как хозяйка салона славянофилов и как автор первого полного прозаического перевода «Ада» из «Божественной Комедии» Данте (СПб., 1842—1843; предисловие и биография Данте — Д. Н. Струковой, возможного ее соавтора в беллетристике).

Колтоновская Елена Александровна (1870—1952) — критик, публицист, переводчица с итальянского языка. Автор статей о Зайцеве.

Комиссаржевская Вера Федоровна (1864—1910) — актриса; в 1904 г. в Александринском театре создала свой театр символистской ориентации.

Комиссаржевская Е. А. — см. Балиева Е. А.

Комиссаржевский Федор Федорович (1882—1954) — режиссер, педагог, теоретик театра. Брат В. Ф. Комиссаржевской. Организатор студии (1910) и Театра им. Комиссаржевской (1914), студийного Нового театра. С 1918 г. в эмиграции. Постановщик спектаклей в театрах Лондона, Парижа, Нью-Йорка, Рима, Вены, на родине Шекспира в Стрэдфорде.

Кондурушкин Степан Семенович (1874/75—1919) — прозаик, журналист.

Констан де Ребек Бенжамен Анри (1767—1830) — французский прозаик и публицист.

Константин, архимандрит — см. Зайцев К. И.

Копельман В. Е. — см. Беклемишева В. Е.

Копельман Соломон Юльевич (1881—1944) — основатель (вместе с З. И. Гржебиным) и главный редактор издательства «Шиповник», в одноименных альманахах которого печатался и работал редактором Зайцев. Отец писателя Ю. С. Крымова.

Корвин-Пиотровский Владимир Львович (1891—1966) — поэт, драматург, критик. Участник 1-й мировой войны и Белого движения. В эмиграции с 1920 г. В Берлине редактор отдела поэзии журнала «Сполохи» (1921—1923), сотрудник газеты «Накануне» и редактор издательства «Манфред». С 1933 г. в Париже Участник французского Сопротивления во время 2-й мировой войны. В 1944 г. был арестован нацистами и провел 10 месяцев в заключении. Это повлияло на его сближение с советскими патриотами. печатался в газетах «Советский патриот» (1945—1948) и «Русские новости» (1945—1970). С 1953 г. в США.

Коровин Константин Алексеевич (1861—1939) — живописец, театральный художник, прозаик, мемуарист. Академик живописи с 1905 г. Брат художника С. А. Коровина. Во Франции с осени 1923 г. Работал как сценограф в театрах Парижа, Мюнхена, Лондона, Турина, Нью-Йорка и др. Из-за ухудшившегося зрения оставил живопись и с 1929 г. стал активно заниматься литературным трудом. Автор книг «Шаляпин. Встречи и совместная жизнь» (Париж, 1939), «Моя жизнь» («Константин Коровин вспоминает...». М., 1971, 1990).

Короленко Владимир Галактионович (1853—1921) — прозаик, публицист; с 1895 г. соредактор (вместе с Н. К. Михайловским) петербургского журнала «Русское богатство».

Корсак В. (наст. имя и фам. Вениамин Валерианович Завадский; 1884—1944) — прозаик, поэт, мемуарист. В эмиграции с 1920 г.

Корш Федор Адамович (1852—1923) — драматург (в основном переводчик), юрист, антрепренер, владелец популярного Русского драматического театра в

Москве (1882—1917), где в сезон 1915—1916 гг. была поставлена пьеса Зайцева «Усадьба Ланиных».

Крандиевская-Толстая Наталия Васильевна (1888—1963) — поэт; в 1915—1935 гг. жена А. Н. Толстого. Автор книги «Воспоминания» (1977).

Крандиевский Василий Афанасьевич (1861—1928) — издательский работник и библиограф. С 1908 г. — в издательстве С. А. Скирмунта. В 1909—1918 гг. издавал выходивший под разными названиями журнал «Бюллетени литературы и жизни». После 1917 г. заведовал Кооперативным издательством писателей в Москве и работал в Российской книжной палате.

Красиньский Зыгмунт (1812—1859) — польский прозаик, драматург, поэт.

Кречетов С. — см. Соколов С. А.

Криницкий Марк (наст. имя и фам. Михаил Владимирович Самыгин; 1874—1952) — драматург.

Кроче Бенедетто (1866—1952) — итальянский философ, историк, литературовед, критик, публицист.

Кругликова Елизавета Сергеевна (1865—1941) — художник, график; профессор Петербургской Академии художеств. Сотрудничала в иллюстрированном приложении к газете «Новое время». В 1900-е гг. в ее парижском ателье встречались русские художники и писатели.

Ксюнин Алексей Иванович (1880—1937) — журналист; член издательского Товарищества А. С. Суворина, сотрудник газет «Новое время» и «Вечернее время» (ред. Б. А. Суворин). В эмиграции — основатель и бессменный руководитель Союза русских писателей и журналистов в Югославии; один из устроителей и докладчик от Белграда на первом Всеэмигрантском съезде русских писателей. Покончил с собой в Париже, когда узнал, что генерал Н. В. Скоблин — агент НКВД, руководивший похищением главы Русского общевоинского союза генерала Е. К. Миллера.

Ксюнин Владимир Иванович — член Союза русских писателей и журналистов Югославии. Брат А. И. Ксюнина.

Кторова Алла (наст. имя и фам. Виктория Ивановна Кочурова; р. 1930) — прозаик, публицист. С 1950-х гг. живет в США. Сотрудница журналов «Возрождение», «Грани», «Новый журнал».

Кузмин Михаил Алексеевич (1872—1936) — поэт, прозаик, критик, драматург, переводчик, композитор.

Кузнецова Галина Николаевна (1900—1976) — поэт, прозаик, мемуарист. С 1927 по 1942 г. (с перерывами) жила в семье И. А. и В. Н. Буниных в Грассе. В 1949 г. переехала в США, где сотрудничала в газете «Новое русское слово» и «Новом журнале». Автор воспоминаний «Грасский дневник».

Кузьмина-Караваева Елизавета Юрьевна (в монашестве мать Мария; 1891—1945), урожд. Пиленко, во втором браке Скобцова-Кондратьева — поэт, философ, публицист, религиозно-общественный деятель. Переписывалась с Блоком, посвятившим ей знаменитое стихотворение «Когда вы стоите на моем пути, // Такая живая, такая красивая...» (1908). Будучи членом партии эсеров, Кузьмина-Караваева после Февральской революции была городским головой Анапы. В эмиграции с 1919 г. Автор сборников стихов «Скифские черепки» (1912) и «Руфь» (1916), романа «Равнина русская» (1924), двух сборников житий святых «Жатва духа» (1927), книг «Достоевский и современность», «Миросозерцание

Вл. Соловьева», «А. Хомяков» (все три 1929). В 1932 г. постриглась в монахини, приняв имя Мария (в дальнейшем печаталась под этим именем). 9 февраля 1943 г. мать Мария была арестована нацистами за укрывательство евреев и других преследуемых. Погибла в газовой камере концлагеря Равенсбрюк.

Кульман Николай Карлович (1871—1940) — литературовед, языковед, критик. С 1919 г. в эмиграции. Профессор русской литературы в Белградском и Софийском университетах. С 1928 г. в Париже, профессор Сорбонны. Редактор однодневной газеты «Пушкин» (1937). Друг Зайцева и Бунина. Секретарь Союза писателей и журналистов в Париже.

Кульман Наталья Ивановна — жена Н. К. Кульмана.

Куприн Александр Иванович (1870—1938) — прозаик, публицист, критик. С 1919 г. в эмиграции; в конце мая 1937 г. вернулся в СССР.

Куприна Елизавета Морицевна (1882—1942) — вторая жена А. И. Куприна.

Куприна Ксения Александровна (1908—1980) — драматическая артистка, киноактриса. Дочь А. И. Куприна от второго брака. Автор книги «Куприн — мой отец».

Курдюмова М. — см. Каллаш М. А.

Курсинский Александр Антонович (1873—1919?) — поэт, переводчик, критик; в 1906—1907 гг. постоянно сотрудничал в журнале «Золотое руно» (заведовал литературным отделом).

Кускова Екатерина Дмитриевна (1869—1958) — общественный и политический деятель, публицист. После 1917 г. издавала оппозиционную большевикам газету «Власть народа». В 1921 г. одна из организаторов Комитета помощи голодающим, разогнанного властями. В 1922 г. выслана из России. В эмиграции (в Берлине, Праге, Женеве) председатель Политического Красного Креста, член комитета пражского Земгора. Сотрудничала с газетами «Дни», «Последние новости», журналами «Современные записки», «Воля России», «Новый журнал» и др.

Кустодиев Борис Михайлович (1878—1927) — живописец, театральный художник, график.

Кутепов Александр Павлович (1882—1930) — генерал от инфантерии; участник русско-японской и первой мировой войн. С декабря 1917 г. в Добровольческой армии. В эмиграции возглавил (с 1928 г.) антисоветский Русский Обще-Воинский Союз (РОВС). 26 января 1930 г. похищен в Париже агентами НКВД (погиб во время этой акции).

Кутырина Юлия Александровна (?—1979) — племянница жены И. С. Шмелева, автор мемуарных очерков «Мои воспоминания об Иване Сергеевиче Шмелеве и его жене Ольге Александровне» (рукопись; архив Колумбийского университета, США), «Трагедия Шмелева» (ж-л «Возрождение». Париж. 1956. № 59) и книги «Иван Сергеевич Шмелев» (Париж, 1960).

Кюфферле Ринальдо Петрович (1903—1955) — поэт, прозаик, переводчик, скульптор. Уроженец Петербурга. В эмиграции преподавал русский язык и литературу в Миланском культурном центре, переводил на итальянский язык Бунина, Зайцева, Шмелева, Мережковского, Вяч. Иванова, Алданова и др.

Ладинский Антонин Петрович (1896—1961) — прозаик, поэт, публицист, журналист, переводчик, мемуарист. В эмиграции с 1920 г. В 1925 г. стал одним

из организаторов парижского Союза молодых поэтов и писателей. Сотрудничал в газете «Последние новости». В 1946 г. принял советское гражданство и в марте 1955 г. вернулся в СССР. Автор известных исторических романов.

Ладыженский Владимир Николаевич (1859—1932) — прозаик, поэт, критик, мемуарист. С 1919 в эмиграции. Печатался в газете «Возрождение», журналах «Современные записки», «Перезвоны» и др. Работал некоторое время воспитателем в Общежитии русских мальчиков в Шавилле под Парижем.

Ладыжников Иван Павлович (1874—1945) — социал-демократ, организовавший по заданию партии в Женеве в 1905 г. издательство «Демос», перенесенное в этом же году в Берлин под названием «Издательство И. П. Ладыжникова». В 1915—1918 гг. — в петроградском издательстве Горького «Парус» и журнале «Летопись». В 1917—1918 гг. — сотрудник газеты «Новая жизнь», печатавшей антибольшевистские «Несвоевременные мысли» Горького. С 1921 г. — в книгоиздательском акционерном обществе в Берлине «Книга» (позднее «Международная книга»), издававшем в 1922—1923 гг. ежемесячный критико-библиографический журнал «Новая русская книга». В 1936—1943 гг. научный консультант архива Горького, составитель (совместно с Е. Ф. Розмирович) «Описания рукописей М. Горького» (т. 1. 1948).

Лазаревский Борис Александрович (1871—1936) — прозаик, журналист. До 1921 г. в России вышло 17 томов собрания сочинений. С 1920 г. в эмиграции, где издал семь сборников рассказов.

Лазаревский Владимир Александрович (1897—1953) — публицист. В эмиграции с 1920 г. В 1947—1953 гг. учредитель и главный редактор газеты «Русская мысль».

Лансере Евгений Евгеньевич (1875—1946) — график, живописец, иллюстратор книг и журналов; входил в объединение «Мир искусства».

Левант Анатолий Яковлевич — врач, промышленник, антрепренер, основавший в 1909 г. Новый драматический театр в Петербурге на Офицерской, 39 (в публикациях его часто смешивают с Новым театром на Мойке). Режиссером здесь был А. А. Санин, репертуаром заведовал Л. Н. Андреев.

Левинсон Андрей Яковлевич (1887—1933) — искусствовед, театральный и литературный критик, историк балета, переводчик; автор статей против Горького и Маяковского, вызвавших полемику. В эмиграции с апреля 1921 г. Преподавал на русском отделении Сорбонны, сотрудничал во французской периодике.

Ледницкий Вацлав Александрович (1891—1967) — польский литературовед-пушкинист.

Леонардо да Винчи (1452—1519) — итальянский живописец, скульптор, архитектор, поэт, ученый и инженер эпохи Высокого Возрождения.

Леонов Леонид Максимович (1899—1994) — прозаик, драматург, публицист.

Лидин Владимир Германович (1894—1979) — прозаик, мемуарист, библиофил. Автор книг «Люди и встречи» (1957), «Друзья мои — книги» (1966).

Лифарь Сергей Михайлович (1905—1986) — артист балета, хореограф, педагог. В 1923—1929 гг. входил в труппу «Русский балет Дягилева» (Париж). В 1930—1977 гг. балетмейстер и педагог в парижской «Гранд-Опера».

Лобачевский Николай Иванович (1792—1856) — математик, создатель неевклидовой геометрии, названной его именем.

Ло Гатто Этторе (1890—1983) — итальянский славист, переводчик, друживший с Зайцевым и другими писателями русского зарубежья; автор семитомной «Истории русской литературы» и мемуаров «Мои встречи с Россией» (М., 1992).

Лозинский Михаил Леонидович (1886—1955) — поэт, переводчик «Божественной Комедии» Данте (1945), произведений Шекспира, Мольера и др.

Лоло (наст. имя и фам. Леонид Григорьевич Мунштейн (1866/67—1947) — поэт-сатирик, драматург, переводчик, издатель, театральный деятель. В 1909—1918 гг. редактор московского журнала «Рампа и жизнь». С начала 1920 г. в эмиграции. В 1923—1925 гг. руководил театром «Маски» в Германии и Италии.

Лопатина Екатерина Михайловна (псевд. К. Ельцова; 1865—1935) — прозаик. Дочь известного судебного деятеля Михаила Николаевича Лопатина, сестра философа Льва Михайловича Лопатина. Автор романа «В чужом гнезде» (1896—1899), редактировал который И. А. Бунин. В эмиграции печаталась в газете «Последние новости», журнале «Современные записки». Дневник Лопатиной хранится в архиве ИРЛИ (Пушкинском Доме).

Лопухина Е. М. — см. Соллогуб Е. М.

Лосский Николай Онуфриевич (1870—1965) — философ, критик, переводчик. В 1922 г. выслан из России Преподавал философию в Праге, Братиславе, Париже, Нью-Йорке, Лос-Анджелесе. Автор многих философских трудов.

Лукаш Иван Созонтович (1892—1940) — прозаик, поэт, драматург, критик, журналист. С ноября 1920 г. в эмиграции. В 1925—1927 гг. — редактор литературного отдела в рижской газете «Слово». С 1927 г. в Париже, сотрудник газеты «Возрождение».

Луначарский Анатолий Васильевич (1875—1933) — критик, публицист, драматург; с 1917 по 1929 г. нарком просвещения.

Львов Лоллий Иванович (1888—1967) — поэт, прозаик, историк литературы, критик В эмиграции с 1920 г. В 1928—1934 гг. в редколлегии газеты «Россия и славянство». С 1945 г. в Мюнхене; сотрудник русской службы на радиостанции «Свобода».

Львов-Рогачевский Василий Львович (наст. фам. Рогачевский; 1873/74—1930) — критик, публицист; автор книг «Новейшая русская литература» (1919; выдержала 7 изд.), «Поэт-пророк» (о Блоке; 1921), «Имажинисты и его образоносцы» (1921).

Любимов Лев Дмитриевич (1902—1976) — журналист, искусствовед. С 1919 г. в эмиграции во Франции. После 2-й мировой войны один из руководителей «Союза советских граждан», сотрудник газеты «Советский патриот» в Париже. В 1948 г. вернулся в СССР. Автор воспоминаний «На чужбине» (1957).

Ляцкий Евгений Александрович (1868—1942) — этнограф, фольклорист, историк литературы, публицист. С 1922 г. в Праге: профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы Карлова университета, руководитель издательства «Пламя» (1923—1926). Автор трудов о Пушкине, Гончарове, Достоевском, Л. Толстом.

Мазон Андре (1881—1967) — французский филолог-славист, президент Института славяноведения в Париже, издатель рукописей и писем И. С. Тургенева.

Макеев Николай Васильевич (1889—1974) — политический деятель (в 1917 г. был делегатом в Учредительное собрание от эсеров). В эмиграции журналист, художник, выставлявшийся в парижском салоне в 1930-е годы. Член правления парижского Земгора. Автор книги «Russia» (Лондон, 1919; Нью-Йорк, 1925). Второй муж Н. Н. Берберовой.

Маклаков Василий Алексеевич (1869—1957) — общественно-политический деятель, юрист, публицист; входил в ЦК партии кадетов. В средине октября 1917 г. был направлен послом во Францию (оставался им без аккредитации до 1924 г.). С 1924 г. председатель Русского эмигрантского комитета при Лиге Наций. С апреля 1927 г. руководил Центральным комитетом по устройству Дней русской культуры. В годы 2-й мировой войны один из инициаторов движения за признаине эмиграцией СССР. 12 февраля 1945 г. возглавлял делегацию эмигрантов в посольстве СССР, заявившую о поддержке борьбы с фашизмом и о желании многих изгнанников вернуться на родину.

Маковский Константин Егорович (1839—1915) — живописец-портретист, создатель жанровых картин и эффектных красочных полотен на исторические темы.

Маковский Сергей Константинович (1877—1962) — поэт, критик, искусствовед, мемуарист, издатель. Один из основателей и редакторов журналов «Старые годы» (1907—1915) и «Аполлон» (1909—1917). С 1920 г. в эмиграции. В 1926—1932 гг. заведовал литературно-художественным отделом парижской газеты «Возрождение». В 1949—1959 гг. председатель редколлегии издательства «Рифма». Автор мемуарных книг «Портреты современников» (1955) и «На Парнасе Серебряного века» (1962).

Малахиева-Мирович Варвара Григорьевна (1869—1954) — поэт, критик, детская писательница, переводчица.

Малышев Владимир Иванович (1910—1976) — с 1946 г. научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома).

Мандельштам Осип Эмильевич (1891—1938) — поэт. Погиб в пересыльном лагере «Вторая речка» под Владивостоком.

Мануйлов Виктор Андроникович (1903—1987) — литературовед, исследователь жизни и творчества М. Ю. Лермонтова. Профессор Ленинградского университета, старший научный сотрудник Пушкинского Дома.

Марголина Ольга Борисовна (1890—1942) — с 1933 г. жена В. Ф. Ходасевича. 16 июля 1942 г. погибла в фашистском концлагере Освенцим вместе с сестрой Марианной.

Мариво Пьер Карле де Шамблен де (1688—1763) — французский прозаик и драматург; одни из создателей жанра реалистического психологического романа.

Марк Аврелий (121—180) — римский император. Автор трактата «Наедине с собой».

Масарик Томаш (1850—1937) — президент Чехословакии в 1918—1935 гг.; религиозно-этический философ.

Мать Мария — см. Кузьмина-Караваева Е. Ю.

Машковцев Николай Георгиевич (1887—1962) — искусствовед, художественный критик; в 1917—1930 гг. хранитель, зам. директора по научной части Третьяковской галереи.

Маяковский Владимир Владимирович (1893—1930) — поэт, драматург, публицист.

Мейер Георгий Андреевич (1894—1966) — журналист, литературовед. Участник 1-й мировой войны и Белого движения. В эмиграции с 1920 г. С 1923 г. таксист в Париже, печатался в газетах «Родная земля», «Возрождение», «Россия и славянство», «Новое слово». В годы оккупации Парижа вступил в «сургучевский» Союз писателей и сотрудничал в газете «Парижский вестник», публикуя литературоведческие статьи. После войны сотрудник журналов «Возрождение» и «Грани».

Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874—1940) — актер МХТ (с 1898 г.), режиссер-новатор, театральный деятель.

Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865—1941) — прозаик, поэт, драматург, литературовед, философ, публицист, критик, переводчик; теоретик и один из вождей русских символистов. С 1919 г. в эмиграции.

Милюков Павел Николаевич (1859—1943) — историк, публицист, политический деятель; один из основателей партии кадетов, председатель ее ЦК и редактор центрального органа «Речь» (до 1917 г.), министр иностранных дел в первом составе Временного правительства. В Париже — председатель Союза русских писателей и журналистов (1922—1943; его сменил на этом посту Зайцев). В 1921—1941 гг. редактор эмигрантской газеты «Последние новости», в которой до 1927 г. сотрудничал Зайцев. Автор книг «Очерки по истории русской культуры» (ч. 1—3, 1896—1903), «Из истории русской интеллигенции» (1902), «Главные течения русской исторической мысли» (1913), «История второй русской революции» (1921), «Эмиграция на перепутье» (1926), «Россия на переломе» (1927), «Живой Пушкин» (1937), «Роковые годы» (1938—1939) и др.

Мин Дмитрий Егорович (1819—1885) — поэт-переводчик, врач. Много лет занимался переводом «Божественной Комедии» Данте (при жизни был опубликован «Ад» и три песни из «Чистилища»).

Минский (наст. фам. Виленкин) *Николай Максимович* (1855—1937) поэт, публицист, философ, драматург, переводчик. Инициатор (вместе с Мережковским, Гиппиус и Розановым) Религиозно-философских собраний (СПб., 1901—1903) и соредактор журнала «Новый путь» (1903—1904). Автор книги «При свете совести: Мысли и мечты о цели жизни» (СПб., 1890), вызвавшей полемику. С 1914 г. в эмиграции. В 1921 г. избран председателем берлинского «Дома искусств». С 1927 г. жил в Париже.

Миролюбов Виктор Сергеевич (1860—1939) — издательский деятель; с 1897 по 1906 г. редактор общедоступного литературно-общественного и научного «Журнала для всех», затем его продолжений в 1906—1908 гг. — «Народная весть», «Трудовой путь», «Наш журнал», закрытых цензурой; редактор горьковских сборников «Знание», заведовал беллетристическим отделом в журналах «Современник» (с января 1911 г.), «Заветы» (с апреля 1912 г.), «Ежемесячном журнале» и др.

Миронов Мирон Петрович (1890—1935) — журналист, сотрудничавший до 1917 г. в газетах «День», «Русское слово», «Биржевые ведомости». В эмиграции — редактор популярного литературного еженедельника «Иллюстрированная Россия» (Париж, май 1924—1939. № 1—1245), где печатался Зайцев.

Мирэ А. (наст. имя и фам. Александра Михайловна Моисеева; 1874—1913) — прозаик, переводчица.

Михайлов Павел Александрович — профессор-юрист, близкий знакомый Бунина, Зайцева, Берберовой.

Михайловский Николай Константинович (1842—1904) — публицист, социолог, критик, теоретик народничества. В 1892—1904 гг. — редактор журнала «Русское богатство».

Михельсон Наталья Игнатьевна — приятельница В. Н. Буниной, с которой Вера Николаевна организовывала благотворительные вечера и сбор средств в пользу нуждающихся писателей.

Мицкевич Адам (1798—1855) — польский поэт-романтик.

Могилянский Николай Михайлович (1871—1933) — антрополог, публицист. В 1918 г. деятельный член правительства гетмана П. П. Скоропадского. В эмиграции профессор Русского университета в Праге. Участник Первого съезда русских писателей и журналистов в Белграде (1928), где выступил с докладом от пражской делегации.

Мопассан Ги де (1850—1893) — французский прозаик. Зайцев перевел его рассказ «Одиночество».

Мориак Франсуа (1885—1970) — французский прозаик, поэт, драматург, литературовед, публицист. Лауреат Нобелевской премии (1952).

Морозов Михаил Владимирович (1868—1938) — журналист, театральный художник, критик, драматург, деятель РСДРП. Автор «Очерков новейшей литературы» (1911), в том числе о Зайцеве.

Моруа Андре (наст. имя и фам. Эмиль Эрцог; 1885—1967) — французский прозаик, один из зачинателей жанра беллетризованных жизнеописаний.

Муйжель Виктор Васильевич (1880—1924) — прозаик.

Муни (наст. имя и фам. Самуил Викторович Киссин; 1885—1916) — поэт, критик; служил в издательской фирме «Гроссман и Кнебель». Печатался в журнале «Перевал», газете «Литературно-художественная неделя» и др. В годы войны сопровождал санитарные эшелоны. Покончил с собой.

Муратов Павел Павлович (1881—1950) — искусствовед, историк, прозаик, литературный и художественный критик, драматург, публицист, переводчик. В эмиграции с начала 1922 г. Автор неоднократно издававшейся книги «Образы Италии», посвященной Зайцеву, с которым Муратов дружил с начала века и совершал с ним путешествия в Италию. Под именем Георгия Александровича Георгиевского выведен в романе Зайцева «Золотой узор» (1926).

Муратова Евгения Владимировна, урожденная Пагануцци (1884 или 1885—1981) — художница, танцовщица; жена П. П. Муратова.

Муромцев Николай Андреевич (1852—1933) — член Московской городской управы; отец В. Н. Буниной.

Муромцев Павел Николаевич — врач; брат В. Н. Буниной.

Муромцева В. Н. — см. Бунина В. Н.

Муромцева Лидия Федоровна — мать В. Н. Буниной.

Муссолини Бенито (1883—1945) — фашистский диктатор Италии в 1922—1943 гг. Захвачен итальянскими партизанами и казнен.

Мутер Рихард (1860—1909) — немецкий историк искусства, автор книг «История живописи в XIX столетии» (т. 1—3; рус. перевод 1899—1900),

«История живописи» (т. 1—5; 1899—1902. Рус. перевод — СПб., 1901—1904) и др.

Набоков Владимир Владимирович (1899—1977) — прозаик, поэт, литературовед, критик, переводчик, драматург, мемуарист. До 1940 г. печатался под псевдонимом В. Сирин. В эмиграции с апреля 1919 г. С 1922 г. в Берлине. В 1937 г. поселился во Франции. В мае 1940 г. уехал в США. В октябре 1961 г. обосновался в Швейцарии (Монтрё).

Найденов (наст. фам. Алексеев) *Сергей Александрович* (1868—1922) — драматург; автор популярной пьесы «Дети Ванюшина» (1901).

Нарбут Георгий Иванович (1886—1920) — русский и украинский график. В 1906—1917 гг. жил в Петербурге.

Неделин Евгений Яковлевич (наст. фам. Недзельский; 1850—1913) — один из организаторов (вместе с Песоцким, Соловцовым, Чужбиновым) и руководитель «Товарищества драматических актеров» (1891) в Киеве, положившего начало Театру Соловцова (1893).

Незлобин (наст. фам. Алябьев) *Константин Николаевич* (1857—1930) — актер, режиссер, переводчик; с 1909 г. владелец частного театра в Москве, с 1913 г. держал антрепризу и в Петербурге.

Неклюдова Мария Алексеевна (1867—1948) — одна из организаторов женского института в Сербии, в Новом Бечее.

Некрасов Виктор Платонович (1911—1987) — прозаик. С 1974 г. в эмиграции. Автор знаменитой повести «В окопах Сталинграда» (1946), книг «По обе стороны океана» (1962), «Месяц во Франции» (1965), «Путешествия в разных измерениях» (1967) и др.

Некрасов Константин Федорович (1873—1940) — владелец московского частного «Книгоиздательства К. Ф. Некрасова» (1911—1917), выпустившего т. 4 (1914) из собрания сочинений Зайцева и его роман «Дальний край» (1915).

Немирович-Данченко Василий Иванович (1844/1845—1936) — прозаик, поэт, публицист, мемуарист. С 1921 г. в эмиграции. Почетный председатель Союза русских писателей и журналистов в Праге. В 1928 г. председательствовал на Первом всеэмигрантском съезде писателей и журналистов в Белграде. Автор около 250 книг. Брат Вл. И. Немировича-Данченко.

Немирович-Данченко Владимир Иванович (1858—1943) — режиссер, драматург, прозаик, критик; основатель (вместе с К. С. Станиславским) МХТ, на сцене которого были поставлены драмы Л. Н. Андреева «Судьба Человека», «Анатэма», «Екатерина Ивановна», «Мысль». Брат Вас. И. Немировича-Данченко.

Нилус Берта Соломоновна, урожд. Липовская (1884—1979) — жена П. А. Нилуса.

Нилус Петр Александрович (1869—1943) — прозаик, критик, художник. С 1920 г. в эмиграции. Один из близких друзей И. А. Бунина. Автор нескольких книг рассказов, а также статей о Бунине. Лучшая из них «Ив. Бунин и его творчество» (1913) вошла в изд.: Литературное наследство. Т. 84. Иван Бунин. Кн. 2-я. Обширная переписка Бунина с Нилусом не опубликована.

Новалис (наст. имя и фам. Фридрих фон Харденберг; 1772—1801) — немецкий поэт и философ.

Новиков Иван Алексеевич (1877—1959) — поэт, прозаик, драматург, переводчик; один из близких друзей Зайцева, ставший прототипом Христофорова, героя его повести «Голубая звезда» (1918) и рассказа «Странное путешествие» (1926).

Новикова Ольга Максимилиановна, урожд. Левенштейн, в первом браке Принц (1882—1949) — жена И. А. Новикова с 1916 г.

Нольде Борис Эммануилович (1876—1948) — правовед, дипломат, историк, член ЦК партии кадетов. В эмиграции с лета 1919 г. В Париже один из организаторов русского отделения при Сорбонне, председатель главного управления Российского Красного Креста. С начала войны в Швейцарии. Председатель Международного института права (с 1947 г.).

Нуреев (Нуриев) Рудольф Хаметович (1938—1993) — артист балета, хореограф, дирижер. В 1958—1961 гг. — в Ленинградском театре оперы и балета им. Кирова. С 1961 г. за рубежом: в Королевском балете Великобритании, снимался в фильмах, гастролировал с авторскими программами, в 1985—1989 гг художественный директор балета парижской Оперы.

Оберучев Константин Михайлович (1864—1929) — бывший полковник, общественный деятель эмиграции, организовавший и возглавлявший в Нью-Йорке Комитет помощи нуждающимся русским литераторам.

Овсянико-Куликовский Дмитрий Николаевич (1853—1920) — литературовед, лингвист, историк культуры; автор трехтомной «Истории русской интеллигенции» (1906—1911). С 1907 г. почетный академик Петербургской АН. В 1913—1918 гг соредактор журнала «Вестник Европы».

Одинец Дмитрий Михайлович (1883—1950) — историк права, журналист. В эмиграции с начала 1920-х гг. Сотрудник газеты «Последние новости», журнала «Современные записки». В 1925—1940 гг возглавлял Тургеневскую библиотеку в Париже. В годы 2-й мировой войны один из руководителей Союза русских патриотов. В 1945—1948 гг. редактор газеты «Советский патриот». В марте 1948 г. депортирован из Франции. В 1948—1950 гг. преподаватель в Казанском университете.

Одоевцева Ирина Владимировна (наст. имя и фам. Ираида Густавовна Гейнике; 1895—1990) — поэт, прозаик, критик, переводчик, мемуарист. В эмиграции с 1922 г. В 1987 г. вернулась в Россию. Автор мемуарных книг «На берегах Невы» (Вашингтон, 1967) и «На берегах Сены» (Париж, 1983).

Озаровский Юрий (Георгий) *Эрастович* (1869—1927) — актер, режиссер, педагог. Ученик выдающегося актера Александринского театра В. Н. Давыдова, его помощник в работе Драматических курсов в Петербурге. Сцену оставил в 1915 г.

Оксман Юлиан Григорьевич (1894/95—1970) — литературовед. С 1923 г. профессор Петроградского университета. В 1933—1936 гг. член Пушкинской комиссии, зам. директора Пушкинского Дома (ИРЛИ). В 1946—1957 гг. профессор Саратовского университета. С 1958 г. старший научный сотрудник ИМЛИ.

Окулов Алексей Иванович (1880—1939) — прозаик, драматург, деятель революционного движения. Безвинно репрессирован.

Олигер Николай Фридрихович (1882—1919) — прозаик, драматург

Осоргин (наст. фам. Ильин) *Михаил Андреевич* (1878—1942) — прозаик, публицист, критик, переводчик, мемуарист. Был заместителем председателя московского отделения Всероссийского союза писателей, возглавлявшегося Зайцевым. Осенью 1922 г. выслан из России (см. об этом его очерк «Как нас уехали»). Сотрудник газет «Дни» (Берлин), «Последние новости» (Париж), журнала «Современные записки» (Париж).

Осоргина Татьяна Алексеевна, урожд. Бакунина (1904—1995) — историк (исследовательница русского масонства), библиограф; директор Тургеневской библиотеки в Париже. Третья жена М. А. Осоргина (с 1924 г.). Редактор библиографии Б. К. Зайцева (сост. Рене Герра; Париж, 1980). Одна из составителей и редакторов библиографического издания «Русская эмиграция. Журналы и сборники на русском языке. 1920—1980. Сводный указатель статей» (Париж, 1980).

Островский Александр Николаевич (1823—1886) — драматург.

Острогорский Александр Яковлевич (1868—2 окт. 1908) — педагог, редактор журнала «Образование» (до № 7 за 1908 г., когда журнал перешел в руки И. М. Василевского).

Паскаль Петр (Пьер) Карлович (1890—1983) — славист.

Пастернак Борис Леонидович (1890—1960) — поэт, прозаик, переводчик. Лауреат Нобелевской премии (1958).

Паустовский Константин Георгиевич (1892—1968) — прозаик; в декабре 1962 г. встречался в Париже с Зайцевым.

Первухин Константин Константинович (1863—1915) — живописец, график, педагог.

Песоцкий Николай Саввич (1842—1905) — актер и антрепренер (в Ставрополе, Тифлисе). В 1891 г. — один из организаторов в Киеве «Товарищества драматических актеров», которое положило начало Театру Соловцова.

Петрарка Франческо (1304—1374) — итальянский поэт, родоначальник гуманистической культуры Возрождения; автор лирического дневника «Канцоньере» («Книга песен»), сборника сонетов, канцон, секстин, баллад, мадригалов на жизнь и смерть своей возлюбленной Лауры.

Петров Сергей Митрофанович (1905—1988) — литературовед; автор монографии «Тургенев: Творческий путь» (1961).

Пигарев Кирилл Васильевич (1911—1988) — литературовед, музеевед. Правнук Ф. И. Тютчева и автор книги о нем (1962).

Пильняк (наст. фам. Вогау) *Борис Андреевич* (1894—1938) — прозаик, слава которого началась с романа «Голый год», дважды изданного Гржебиным в Берлине. Погиб в сталинских застенках.

Пильский Петр Моисеевич (1879—1941) — критик, публицист, прозаик. В эмиграции с 1920 г. С 1926 г. в Риге, где стал активным сотрудником еженедельной газеты «Сегодня». Автор книг «Критические статьи» (1910), «Охрана и провокация» (1917), «Роман с театром», «Затуманившийся мир» (обе 1929) и др.

Пиотровский В. Л. — см. Корвин-Пиотровский В. Л.

Плещеев Александр Алексеевич (1858—1944) — прозаик, драматург, журналист, театральный критик, историк балета, актер Малого театра в Москве и

Александринского театра в Петербурге. Сын поэта А. Н. Плещеева. С 1919 г. в эмиграции. Автор книг «Что вспомнилось: За 50 лет. Театральные воспоминания» (1931), «Под сенью кулис...» (1936), «Сергей Лифарь. От старого к новому» (1938).

Плещеев Алексей Николаевич (1825—1893) — поэт.

По Эдгар Аллан (1809—1849) — американский поэт, прозаик, критик; зачинатель детективного жанра в мировой литературе.

Познер Саломон Владимирович (1876—1946) — журналист, прозаик, историк, общественный деятель. С мая 1921 г. в эмиграции. В 1920-х годах секретарь парижского Союза русских писателей и журналистов, секретарь Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции.

Полиевктова Татьяна Алексеевна, урожд. Орешникова — старшая сестра жены Зайцева, Веры Алексеевны.

Полонский Яков Борисович (1892—1951) — литератор, библиограф, коллекционер. Редактор «Временника Общества друзей русской книги».

Поляков Сергей Александрович (1874—1948) — инженер, переводчик, журналист, меценат, владелец московского издательства «Скорпион» (1900—1916), журнала «Весы» (1904—1909) и альманаха «Северные цветы» (1901—1904, 1911).

Померанцев Кирилл Дмитриевич (1907—1991) — поэт, публицист. В эмиграции с 1920 г. В годы 2-й мировой войны участник французского Сопротивления. С 1947 г. сотрудник парижской газеты «Русская мысль». Автор мемуаров «Сквозь смерть» (Лондон, 1986).

Померанцев Юрий Николаевич (1878—1933) — композитор, дирижер (в опере Зимина с 1909 г. и в Большом театре). Участник московского Общества свободной эстетики (1906—1917). В эмиграции создатель первого болгарского симфонического оркестра. В Париже — директор музыкальной школы при Русском народном университете.

Португейс Семен Осипович (1880—1944) — публицист, мемуарист, печатавшийся под псевдонимами Ст. Иванович, В. И. Талин. В эмиграции с 1920 г. Автор книг «По переписи» и «А. Н. Потресов. Опыт культурно-психологического портрета».

Постников Сергей Порфирьевич (1883—1965) — историк, журналист, критик; член редколлегии петербургского журнала «Заветы» (1912—1914).

Поярков Николай Ефимович (1877—1918) — поэт, критик. Вместе с Зайцевым и Новиковым участвовал в выпуске «Литературно-художественной недели», издаваемой В. С. Стражевым.

Прегель Софья Юльевна (1894—1972) — поэт, прозаик, критик, переводчик, меценат. В эмиграции с 1922 г. Жила в Париже, Берлине (участница «Кружка поэтов»; 1928—1932). В 1942—1950 гг. редактор-издатель журнала «Новоселье» в Нью-Йорке. В 1948 г. вернулась в Париж. В 1957—1972 гг. возглавляла парижское издательство «Рифма».

Присманова Анна (наст. имя и фам. Анна Семеновна Присман; 1892—1960) — поэт, прозаик. В эмиграции с 1922 г. С 1924 г. в Париже. Жена А. С. Гингера с 1926 г.

Протасова (в замужестве Мойер) *Мария Андреевна* (1793—1823) — героиня романа-биографии Зайцева «Жуковский»; несчастливую любовь к ней поэт В. А. Жуковский пронес через всю жизнь.

Пузин Николай Павлович (р. 1911) — литературовед, научный сотрудник музея Л. Н. Толстого в Ясной Поляне.

Пуришкевич Владимир Митрофанович (1879—1920) — крупный помещик; один из лидеров «Союза русского народа» (1905—1912), «Союза Михаила Архангела» (1908—1917) и правых депутатов во 2—4-й Государственных Думах (1906—1917). В 1916 г. участник убийства Г. Е. Распутина.

Путята Ольга Федоровна — провокатор, устраивавшая благотворительные вечера в пользу большевиков и доносившая об их участниках охранке. Жена В. И. Стражева.

Пушешников Николай Алексеевич (1882—1939) — переводчик Р. Киплинга, Д. Голсуорси, Дж. Лондона, Р. Тагора. Племянник И. А. Бунина (сын его двоюродной сестры С. Н. Буниной, в замужестве Пушешниковой).

Пшибышевский Станислав (1868—1927) — польский прозаик, драматург, публицист, писавший на польском и немецком языках.

Пятницкий Константин Петрович (1864—1939) — основатель, директор-распорядитель и редактор книгоиздательского товарищества «Знание» (1898—1913), выпускавшего помимо книг одноименные сборники (их издано 40).

Рабле Франсуа (1494—1553) — французский прозаик, автор памятника культуры эпохи Возрождения — романа «Гаргантюа и Пантагрюэль» (1564).

Растрелли Варфоломей Варфоломеевич (1700—1771) — архитектор; итальянец по происхождению. В 1716 г. приехал в Петербург. Автор дворцов Большого (Екатерининского) в Царском Селе (ныне Пушкин), М. И. Воронцова и С. Г. Строганова, Смольного монастыря и Зимнего дворца в Петербурге.

Ремизов Алексей Михайлович (1877 — 1957) — прозаик, драматург, критик, публицист, переводчик. Как и у Зайцева, первые публикации в газете «Курьер» (8 сентября 1902 г.). С 1921 г. в эмиграции.

Ренан Жозеф Эрнест (1823—1892) — французский прозаик, драматург, философ, историк-востоковед; автор известных книг «Жизнь Иисуса», «Апостол Павел», «История Израиля» и др.

Рёскин Джон (1819—1900) — английский писатель, историк, искусствовед, публицист; проповедник строгих моральных установлений, видевший в искусстве выражение морали, религии и национального духа.

Ренье Анри Франсуа Жозеф де (1864—1934) — французский писатель, близкий к символизму. В исторических романах стилизовал быт французской аристократии XVII—XVIII вв. Оказал сильное влияни е на раннюю прозу А. Толстого, М. Кузмина и Г. Чулкова (частично).

Ровинский Сергей В. (1895—1945) — живописец, художник прикладного искусства. Племянник знаменитого гравера, искусствоведа и сенатора Д. А. Ровинского. С 1920 г. в эмиграции. Участник выставок в Париже в 1924, 1930, 1932, 1937, 1939 гг.

Рогнедов Александр Павлович (?—1958) — импрессарно в Киеве и Париже. Зайцевы с Рогнедовым совершили в 1949 г. очередное путешествие в Италию (см. об этом в очерке-некрологе Зайцева «Наш Казанова» (Русская мысль. 1959. 3 февр.).

Роговский Евгений Францевич (1888—?) — эсер, в 1917 г. градоначальник Петрограда. В 1940-е гг. заведовал Русским домом (пансионом для престарелых) в Жуан-ле-Пэне на юге Франции.

Роденбах Жорж (1855—1898) — бельгийский поэт, прозаик, драматург один из видных представителей европейского символизма и импрессионизма, популярный в среде русских символистов.

Рождественский Всеволод Александрович (1895—1977) — поэт.

Розанов Василий Васильевич (1856—1919) — философ, писатель, критик, публицист.

Романов Пантелеймон Сергеевич (1884—1938) — прозаик.

Ромен Жюль (наст. имя и фам. Луи Фаригуль; 1885—1972) — французский поэт, прозаик.

Россинский Владимир Илиодорович (1875—1919) живописец; автор иллюстраций к комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

Ростан Эдмон (1868—1918) — французский поэт и драматург; автор героико-романтической комедии «Сирано де Бержерак» (1898).

Рощин (наст. фам. Федоров) *Николай Яковлевич* (1896—1956) — прозаик, журналист. С 1919 г. в эмиграции. С 1924 г. в Париже. Жил в семье Буниных на вилле «Бельведер» в Грассе с 1925 г. Автор сборников рассказов «Горнее солнце» (1928), «Журавли» (1931), романа «Белая сирень» (1937) и др., а также мемуарного очерка «Литературный уголок (вилла „Бельведер“)», опубликованного 1 января 1929 г. в газете «Сегодня». Участник движения Сопротивления в годы фашистской оккупации Франции (рукопись его «Парижского дневника» об этом времени хранится в РГАЛИ). Из-за просоветской позиции Рощина его отношения с Буниным были разорваны. Выслан из Франции как советский агент и вернулся в СССР в декабре 1946 г.

Рощина-Инсарова Екатерина Николаевна, урожд. Пашенная (1883—1970) — актриса московских Малого театра и Театра Незлобина (1909—1911), в 1913—1917 гг. в петербургском Александринском театре. С 1925 г. в эмиграции. С 1933 г. жила в пригороде Парижа Булонь-Бийянкур в одном доме с Зайцевыми. 16 апреля 1970 г. Зайцев в парижской газете «Русская мысль» опубликовал мемуарный очерк «О Рощиной-Инсаровой».

Рублев Андрей (ок. 1360-70—1430) — живописец, один из создателей московской школы иконописи.

Руднёв Вадим Викторович (1879—1940) — публицист, издатель, деятель партии социалистов-революционеров; городской голова г. Москвы с 11 июля 1917 г. В эмиграции с 1919 г. Соредактор газет «Родина» (1920) в Лозанне, «Дни» в Берлине, «Свобода» в Париже, журналов «Современные записки» (с 1920 по 1940 г.), «Русские записки» (в 1937—1939 гг.).

Рыбакова Любовь Ивановна (1882—1972) — художница. Сестра Г. И. Чулкова, жена Ф. Е. Рыбакова, врача-психиатра, профессора Московского университета; во втором браке жена Н. М. Тарабукина.

Рябушинский Николай Павлович (1876—1951) — крупный предприниматель, меценат, художник-дилетант, издатель журнала символистов «Золотое руно».

Сабанеев Леонид Леонидович (1881—1968) — музыковед, композитор. С 1926 г. в эмиграции во Франции. Преподаватель Русской консерватории им. С. В. Рахманинова в Париже. Сотрудник журнала «Современные записки» и «Нового журнала».

Сабашникова Маргарита Васильевна (1882—1973) — художница. Автор книги о Серафиме Саровском (1913) и мемуаров «Зеленая змея» (на нем. яз. 1968, на рус. яз. 1993). В эмиграции с 1922 г. Первая жена М. А. Волошина. Племянница книгоиздателей М. В. и С В. Сабашниковых.

Саблин Владимир Михайлович (1872—1916) — врач, переводчик, журналист, основатель частного издательства (1901—1912), выпускавшего преимущественно сочинения западноевропейских писателей (в его каталоге 320 книг). Сотрудничал в газетах «Русские ведомости», «Курьер», «Новости дня». В ноябре — декабре 1905 г. купил «Курьер» и стал издавать вместо него газету «Жизнь».

Саккетти Франко (1330—1400) — итальянский прозаик, автор сборника «Триста новелл» (сохранилось 223).

Сакулин Павел Никитич (1868—1930) — литературовед, академик (1929), представитель культурно-исторической школы.

Самойлов Павел Васильевич (1866—1931) — драматический актер; в 1900—1904 и 1920—1924 гг. в Александринском театре, в 1904—1905 — в Театре В. Ф. Комиссаржевской. Затем — в Новом театре Ф. Н. Фальковского и А Я Леванта в Петербурге (на Мойке), где добился выдающегося успеха в главных ролях спектаклей «Белая ворона» Е. Чирикова и «Дни нашей жизни» Л Андреева, поставленных в сезон 1908—1909 г. С 1909 г. выступал в Новом драматическом театре (на Офицерской, 39) А. Я. Леванта (режиссер А. А. Санин, заведующий репертуарной частью Л. Н. Андреев).

Санин (наст. фам. Шенберг) *Александр Акимович* (1869—1955) — актер и режиссер. В его постановке вышел спектакль по пьесе Зайцева «Верность».

Сватиков Сергей Григорьевич (1880—1944) — историк, прозаик, журналист. В 1917 г. комиссар Временного правительства, в 1919 г. в отделе пропаганды Добровольческой армии. В эмиграции с 1921 г. — член правления и секретарь Тургеневской библиотеки в Париже, сотрудник «Казачьего журнала» и «Пути казачества».

Седых Андрей (наст. имя и фам. Яков Моисеевич Цвибак; 1902—1994) — журналист, прозаик, критик. В эмиграции с 1919 г. Парламентский корреспондент газет «Последние новости» и «Сегодня». В 1933 г. секретарь И. А. Бунина в Стокгольме (в дни вручения ему Нобелевской премии). С 1842 г. в США, сотрудник, а с 1973 г. главный редактор газеты «Новое русское слово». Автор книг «Париж ночью» (1928), «Звездочеты с Босфора» (с предисловием Бунина; 1948), «Далекие, близкие» (1962), «Замело тебя снегом, Россия» (1964) и др.

Семенов Юлий Федорович (1873—1947) — журналист, общественно-политический деятель. С 1924 г. генеральный секретарь Русского национального комитета (РНК), с 1926 — председатель Русского зарубежного съезда в Париже. С 18 августа 1927 по 7 июня 1940 г. — главный редактор парижской газеты «Возрождение».

Семенов-Тян-Шанский Александр Дмитриевич, епископ Александр Зилонский (1890—1979) — церковный деятель, богослов, публицист, поэт, мемуарист. Священство принял в 1943 г. Автор очерка-некролога о Зайцеве.

Серафимович (наст. фам. Попов) *Александр Серафимович* (1863—1949) — прозаик. В 1902—1903 гг. сотрудничал в газете «Курьер», где с ним познакомился Зайцев. Участник кружка «Среда».

Сергеев-Ценский (наст. фам. Сергеев) *Сергей Николаевич* (1875—1958) — прозаик, драматург, поэт, публицист.

Сивачев Михаил Гордеевич (1877—1937) — прозаик. Автор полемической книги «Прокрустово ложе: Записки литературного Макара» (1910).

*Симонов Константин (*Кирилл) *Михайлович* (1915—1979) — поэт, прозаик, драматург, публицист.

Сионский Александр Алексеевич — отставной военный; друг Зайцева, помогавший ему переправлять книги и посылки в СССР.

Скиталец (наст. фам. Петров) *Степан Гаврилович* (1869—1941) — прозаик, поэт. Автор книги «Воспоминания» (1923).

Скобцов Юрий Даниилович — сын Е. Ю. Скобцовой (матери Марин).

Славинский Максим Антонович (1868—1945) — поэт, переводчик, сотрудник литературно-критического отдела «Вестника Европы».

Слоним Марк Львович (1894—1976) — публицист, литературовед, критик, переводчик. С 1918 г. в эмиграции в Италии. Переехав в Прагу, стал соредактором «толстого» ежемесячника «Воля России» (1922—1932). В Париже в 1928 г. основал и возглавил литературное объединение «Кочевье», собиравшееся по четвергам в кафе у вокзала Монпарнас до 1938 г. Руководил также в Париже «Европейским литературным бюро». Автор книг «Русские предтечи большевизма» (1922), «Портреты советских писателей» (1933), «Три любви Достоевского» (1953) и двухтомной истории русской литературы (на англ. яз.; 1950, 1953).

Смирнов Алексей Николаевич (1897—1919) — сын В. А. Зайцевой от первого брака, расстрелянный большевиками в Москве вместе с другими молодыми офицерами-фронтовиками.

Соколов Андрей Владимирович (парт. псевд. Ст. Вольский; 1880 — после 1943) — большевик, впоследствии вошел в группу отзовистов «Вперед». Автор книг «Философия борьбы. Опыт построения этики марксизма» (1909), «Мещанство и социализм» (1917). В эмиграции с 1917 г. После возвращения в Россию в 1920-е гг. занимался литературным трудом.

Соколов Сергей Алексеевич (псевд. Сергей Кречетов, прозвище «Гриф»; 1878—1936) — поэт, прозаик, переводчик, критик, публицист, издатель. До начала июля 1906 г. заведующий литературно-критическим отделом в журнале «Золотое руно»; в 1903—1914 гг. владелец московского издательства «Гриф», издатель журнала «Перевал». Участник войны (с 1915 до 1918 г. был в немецком плену). С 1920 г. в эмиграции. В Берлине возглавил издательство «Медный всадник», выпускавшее одноименный альманах. В 1922—1933 гг. редактор (совместно с генералом П. Н. Красновым) журнала «Русская правда».

Соллогуб Андрей Владимирович (1906—1996) — доктор юридических наук; закончил службу в английском банке «Барклейз» в должности главного директора этого банка по Франции. Муж дочери Зайцева Наталии Борисовны.

Соллогуб Екатерина Михайловна, урожд. Лопухина (1947—1993) — жена М. А. Соллогуба.

Соллогуб Матвей Михайлович (р. 1971) — правнук Зайцева, доктор химических наук.

Соллогуб Михаил Андреевич (р. 1945) — экономист, профессор университета «Париж-1». Читает лекции в Московской высшей школе экономики. Внук Зайцева.

Соллогуб Петр Андреевич (р. 1948) — инженер-сейсмолог. Внук Зайцева.

Соловцов Николай Николаевич (1857—1902) — режиссер, антрепренер. В 1891 г. с Неделиным, Песоцким и Чужбиновым создал в Киеве «Товарищество драматических артистов»; с 1893 г. антреприза Соловцова, переименованная в 1919 г. во Второй государственный драматический театр.

Соловьев Владимир Сергеевич (1853—1900) — философ, поэт, публицист, книги которого оказали существенное влияние на Зайцева (как и на многих других писателей Серебряного века). Сын историка С. М. Соловьева.

Сологуб Федор (наст. имя и фам. Федор Кузьмич Тетерников; 1863—1927) — поэт, прозаик, драматург, критик, переводчик. Автор хрестоматийных романов «Мелкий бес» (1905) и «Творимая легенда» (1913).

Сомов Константин Андреевич (1869—1939) — живописец, график; один из основателей журнала «Мир искусства» и член одноименного объединения художников.

Софроний (Сахаров; 1896—?) — архимандрит, писатель-богослов; ученик старца Силуана Афонского и автор книги о нем (Париж, 1952).

Ставров Перикл Ставрович (1895—1955) — поэт; с ним Бунин познакомился в Одессе в 1918 г. С 1926 г. в Париже, участник объединения «Круг» (1935—1939), председатель Объединения русских писателей и поэтов во Франции (1939—1944), член редколлегии издательства «Рифма» (1949).

Степун Маргарита (в письмах Марга) *Августовна* (1895—1972) — оперная певица, сестра Ф. А. Степуна.

Степун Федор Августович (1884—1965) — философ, прозаик, публицист, критик, теоретик театра и кино. 22 ноября 1922 г. выслан из России в Германию. Профессор Дрезденского университета (1926—1937), соредактор журнала «Новый град» (1931—1939). В 1947—1965 гг. профессор Мюнхенского университета. Основатель издательства «Товарищество зарубежных писателей» при Центральном объединении политических эмигрантов (ЦОПЭ) и альманаха «Мосты» (1958—1970). Автор книг «Основные проблемы театра» (Берлин, 1923), «Бывшее и несбывшееся» (т. 1—2, 1956), «Достоевский и Толстой: Христианство и социальная революция» (на нем. яз.; 1961), «Встречи» (1962) и др.

Стражев Виктор Иванович (1879—1950) — поэт, прозаик, критик, редактор-издатель еженедельника литературы и искусства «Литературно-художественная неделя» (сентябрь — октябрь 1907. № 1—4). Впоследствии — преподаватель литературы, автор учебников для средней школы.

Струве Алексей Петрович (1899—1976) — библиограф, антиквар. В эмиграции с 1919 г. Жил в Париже. Сын П. Б. Струве.

Струве Михаил Александрович (1890—1949) — поэт, прозаик, критик. В эмиграции с 1920 г. Участник французского Сопротивления в годы 2-й мировой войны.

Струве Никита Алексеевич — литературовед, историк церкви, профессор Парижского университета, директор издательства ИМКА-Пресс. Сын А. П. Струве.

Струве Петр Бернгардович (1870—1944) — экономист, историк, философ, критик, публицист, политический деятель; академик Российской академии наук

(1917) Лидер партии кадетов. В 1906—1918 гг. редактор петербургского журнала «Русская мысль». Соавтор сборника «Вехи» (1909), вызвавшего долгую политическую полемику, которая завершилась изгнанием ее участников из России. С 1920 г. в эмиграции. В 1925—1927 гг. под ред. Струве в Париже выходила ежедневная газета «Возрождение», в 1927—1928 — «Россия», в 1928—1934 — «Россия и славянство». Автор очерка о Зайцеве.

Суворин Алексей Сергеевич (1834—1912) — журналист, издатель, владелец петербургской газеты «Новое время», ставшей семейным делом Сувориных: издание продолжили сыновья Алексей Алексеевич (1862—1937) и Михаил Алексеевич (1860—1936).

Сувчинский Петр Петрович (1892—1985) — музыковед, философ, публицист. С 1920 г. в эмиграции в Софии, директор Российско-болгарского издательства. С 1921 г. в Берлине, член правления берлинского Дома искусств (1922—1923). Один из основателей евразийского движения, глава издательства «Евразия» (1922—1928), соредактор сборников «Евразийский временник» (1923—1927). С 1925 г. поселился в Кламаре (под Парижем). Соредактор журнала «Версты» (1926—1928), член редколлегии газеты «Евразия» (1928—1929). В начале 1930-х гг. устранился от общественно-политической деятельности.

Сургучев Илья Дмитриевич (1881—1956) — прозаик, драматург, публицист, критик, театральный деятель. В эмиграции с апреля 1920 г. (в Константинополе и Праге). Автор знаменитой пьесы «Осенние скрипки» (1914), романов «Губернатор» (1912) и «Ротонда» (1928). С лета 1921 г. в Париже. В 1942—1944 гг., во время фашистской оккупации Франции, был председателем Союза русских писателей («сургучевского»), активным сотрудником газет «Новое слово» и «Парижский вестник». Организатор и руководитель парижского «Театра без занавеса» (1942—1944).

Сухотин Павел Сергеевич (1884—1935) — прозаик, драматург.

Тарсис Валерий Яковлевич (1906—1983) обвинялся многими, в том числе Н. Я. Мандельштам, в том, что в 1930-е гг. занимался доносительством.

Талин В. И. — см. Португейс С. О.

Тальников (наст. фам. Шпитальников) *Давид Лазаревич* — литературный и театральный критик.

Татаринов Владимир Евгеньевич (1892—1961) — литературный и художественный критик, прозаик. Участник 1-й мировой войны и Белого движения. С 1920 г. в эмиграции (в Вене, Берлине, Париже). Печатался в газетах «Возрождение», «Руль», «Сегодня», «Русские новости» и др. После 2-й мировой войны был близок к движению советских патриотов. С 1945 г. сотрудник газеты «Русские новости».

Телешов Николай Дмитриевич (1867—1957) — прозаик, мемуарист; основатель литературного кружка «Среда» (1899—1916) в Москве. Автор книги «Записки писателя. Воспоминания и рассказы о прошлом».

Тельман Эрнст (1886—1944) — председатель компартии Германии с 1925 г.

Терапиано Юрий Константинович (1892—1980) — поэт, критик, историк религии. Участник первой мировой и Гражданской войн (в составе Добровольческой армии). С 1920 г. в эмиграции. В 1925 г. один из организаторов и председатель парижского Союза молодых писателей и поэтов. Соредактор жур-

налов «Новый дом» (1926—1927) и «Новый корабль» (1927—1928). Литературный обозреватель газеты «Русская мысль» в 1955—1978 гг. Автор мемуарной книги «Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924—1974) Эссе, воспоминания, статьи» (сост. Р. Герра, А. Глезер. Париж; Нью-Йорк, 1987).

Терпигорев (псевд. Атава) *Сергей Николаевич* (1841—1895) — прозаик, публицист, мемуарист.

Ткачев Петр Никитич (1844—1885/86) — публицист, критик, идеолог русского народничества.

Тимковский Николай Иванович (1863—1922) — прозаик.

Толстая Софья Исааковна, урожд. Дымшиц (1886—1963) — художница; первая жена А. Н. Толстого.

Толстой Алексей Николаевич (1882/83—1945) — прозаик, драматург, поэт, публицист. В 1919—1923 гг. жил в Париже и Берлине. Соредактор парижского журнала «Грядущая Россия» (1920), литературного приложения к берлинской газете «Накануне» (1922—1923).

Толстой Лев Николаевич (1928—1910).

Топорков Алексей Константинович (1882—?) — журналист, критик, публицист.

Триоле Эльза (1896—1970) — французская романтистка русского происхождения. С 1919 г. во Франции. Автор воспоминаний о Маяковском. Во втором браке жена Луи Арагона.

Туманова Тамара — балерина. После 1917 г. в эмиграции.

Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883).

Тургенева Полина (Пелагея) *Ивановна*, в замужестве Брюэр (1842—1919) — дочь И. С. Тургенева.

Туроверов Николай Николаевич (1899—1972) — поэт. С семнадцати лет участник первой мировой и Гражданской войн. Осенью 1920 г. в составе Донского казачьего корпуса ушел за границу. С 1922 г. в Париже. Автор пяти сборников стихов, изданных в Париже и Безансоне. Во вторую мировую войну воевал добровольцем в составе французского Иностранного легиона. Председатель парижского Казачьего союза (с 1947 г.).

Турчанинов Петр Иванович (1779—1856) — композитор, автор и исполнитель духовных сочинений, регент митрополичьего хора в Петербурге.

Тхоржевский Иван Иванович (1878—1951) — литературовед, поэт, переводчик. В 1920 г. начальник канцелярии правительства генерала Врангеля, после чего эмигрировал в Париж. В 1949 г. редактор журнала «Возрождение». Автор книги «Русская литература» (т. 1—2; 1946), вызвавшей отрицательные отзывы Бунина и Г. П. Струве.

Тыркова-Вильямс Ариадна Владимировна (1869—1962) — общественно-политический деятель, публицист, прозаик, литературовед, мемуарист. В ноябре 1917 г. вместе с А. С. Изгоевым издавала антибольшевистскую газету «Борьба». С начала 1920 г. в эмиграции. В 1921—1922 гг. — редактор лондонской газеты «Рашн лайф» («Russian Life»). В 1921 г. основала в Лондоне Общество помощи русским беженцам и в течение 20 лет бессменно руководила им. Автор двухтомника «Жизнь Пушкина» (1929, 1948), мемуарных книг «На путях к свободе» (Нью-Йорк, 1952), «То, чего больше не будет» (Париж, 1954), «Подъем и крушение» (Париж, 1956—1958).

Тэффи Надежда Александровна (наст . фам . Лохвицкая, в замужестве Бучинская; 1872—1952) — прозаик, поэтесса, фельетонистка, драматург. В конце 1918 г. уезжает на гастроли в Киев, Константинополь, Париж, после чего начались годы эмиграции. Дружила в семьей Зайцевых. По свидетельству Н. Б. Зайцевой-Соллогуб, Тэффи (судя по ее последним письмам) скончалась в 86—87 лет, т. е. родилась она в 1865 или 1866 г.

Тютчев Федор Иванович (1803—1873) — поэт, публицист.

Уайльд Оскар (1854—1900) — английский прозаик, поэт, драматург, эссенст.

Ульянов Николай Иванович (1904/05—1985) — историк, литературовед, критик, прозаик, публицист. С 1935 г. профессор Ленинградского института истории, философии и литературы. В начале июня 1936 г. арестован и отправлен в лагерь на Соловки, затем в Норильск. В июне 1941 г. освобожден. Во время Великой Отечественной войны был мобилизован на окопные работы под Вязьмой, где попал в плен и отправлен в концлагерь. После войны остался в эмиграции. Участннк парижского Союза борьбы за свободу России (1946—1961). В 1956—1972 гг. преподавал русскую историю в Йельском университете (США).

Унковский Владимир Николаевич (1888—1964) — прозаик, журналист, врач. С 1920-х годов жил в Париже, сотрудничал в газетах «Звено» (1923—1926), «Последние новости», «Днн», «Руль», журнале «Иллюстрированная Россия», сборнике «Числа». Автор романов «Перелом» (Париж, 1934), «Наши дни» (Берлин, 1936), «Андрей Клинский» (Париж, 1940).

Урениус Екатерина Сергеевна (в первом браке Грифцова, во втором — Муратова; ум. в 1965) — переводчнца.

Фальковский Федор Николаевич (1874—1942) — журналист, драматург, театральный рецензент в «Биржевых ведомостях» и в «Русской воле», редактором которой был Л. Н. Андреев. Один из владельцев Нового драматического театра в Петербурге. На его даче в Мустамяки Андреев скончался. Автор мемуарного очерка «Предсмертная трагедия Леонида Андреева».

Фан-Дим Федор — см. Кологривова Е. В.

Федин Константин Александрович (1892—1977) — прозаик; один из инициаторов группы «Серапионовы братья» (1921).

Федоров Александр Митрофанович (1868—1949) — прозаик, поэт, драматург, переводчик, художник, мемуарист. С 1896 г. жил в Одессе, где познакомился с И. А. Буниным. В 1920 г. эмигрировал в Болгарию, где возглавлял Союз русских писателей и журналистов, преподавал в гимназии.

Федотов Георгий Петрович (1886—1951) — философ, богослов, публицист, критик, переводчик. В эмиграции с 1925 г. В 1926—1939 гг. преподавал в Православном Богословском институте в Париже. С 1927 г. активный деятель Русского студенческого христианского движения, соредактор «Вестника РСХД» в 1930—1931 гг. С сентября 1941 г. в США, профессор истории Свято-Владимирской духовной семинарии в Нью-Йорке. Автор книг «Святые древней Руси» (1935), «Стихи духовные» (1935), «Эсхатология и культура» (1938), работ «Загадки России» (1943), «Россия и свобода» (1945), «Народ и власть» (1949), «Христианская трагедия» (1950) и др.

Философов Дмитрий Владимирович (1872—1940) — критик, публицист, один из организаторов и руководителей Религиозно-философского общества в Петербурге (1907—1917). Автор книг «Слова и жизнь. Литературные споры новейшего времени. 1901—1908» (1909), «Неугасимая лампада», «Старое и новое. Сборник статей по вопросам искусства и литературы» (обе 1912). С 1920 г. в эмиграции в Варшаве. Соредактор газет «За свободу!» (1921—1932), «Молва» (1932—1934) и «Меч» (1934—1939).

Флобер Густав (1821—1880) — классик французской литературы. В переводе Зайцева опубликованы драма Флобера «Искушение святого Антония» и его новелла «Простое сердце».

Фондаминский Илья Исидорович (псевд. И. Бунаков; 1880—1942) — общественно-политический деятель, публицист, историк, издатель; член ЦК партии эсеров. В 1906—1917 и с апреля 1919 г. в эмиграции. Соредактор парижского журнала «Современые записки» (1920—1940). Погиб в концлагере Освенцим.

Фохт Всеволод Борисович (1895—1941) — поэт, прозаик, журналист. В 1926—1927 гг. соредактор (с Н. Н. Берберовой, Д. Кнутом, Ю. К. Терапиано) парижского журнала «Новый дом». Участник собраний кружка Гиппиус и Мережковского «Зеленая лампа» (1927 г.) и объединения «Кочевье» (с 1928 г.). В 1930-х гг. стал католическим монахом.

Франциск Ассизский (наст. имя Джованни Бернардоне; 1181 или 1182—1226) — итальянский проповедник «святой бедности», основатель ордена нищенствующих монахов — францисканцев (1207—1209). Автор памятников религиозной литературы «Похвала добродетели», «Похвала Богу», «Кантика брата Солнца, или Похвала творению», «Fioretti» (в рус. переводе «Цветочки») и др. С 1939 г. считается покровителем Италии.

Хатисов (наст. фам. Хатисян) *Александр Иванович* (1874—1945) — до 1917 г. председатель Кавказского Союза городов. С августа 1919 по май 1920 г. премьер-министр независимой Республики Армении. В эмиграции с 1920 г. Возглавил парижский офис по делам армянских беженцев при Лиге Наций. С 1926 г. член масонской ложи «Северная звезда», член-основатель ложи «Свободная Россия» (1931—1937). С 1939 г. в Португалии.

Хлебников Велимир (наст. имя Виктор Владимирович; 1885—1922) — поэт, публицист; один из вождей русского футуризма.

Хмелевская Екатерина Митрофановна (1909—1986) — литературовед, научный сотрудник Тургеневской группы Пушкинского Дома.

Ходасевич Владислав Фелицианович (1886—1939) — поэт, прозаик, критик, мемуарист. С июня 1922 г. в эмиграции. В 1927—1939 гг. возглавлял литературно-критический отдел в парижской газете «Возрождение».

Ходасевич Марина Эрастовна, урожд. Рындина (1887—1973) — первая жена В. Ф. Ходасевича (в 1905—1907 гг.).

Ходский Леонид Владимирович (1854—1920) — экономист, финансист, публицист, профессор Петербургского университета. Редактор-издатель журнала «Народное хозяйство» (с 1900), газет «Новая жизнь» (с 1905), «Товарищ» (апрель 1906 — декабрь 1907), «Наша жизнь» (ноябрь 1904 — июль 1906).

Холодковский Николай Александрович (1858—1921) — поэт-переводчик, ученый-зоолог. Известность ему принес перевод трагедии Гете «Фауст» (1878), многократно переиздававшийся (последние изд. 1969, 1971).

Хомяков Алексей Степанович (1804—1860) — поэт, прозаик, религиозный философ, публицист; один из вождей славянофильства.

Храбровицкий Александр Вениаминович (1912—1996) — литературовед; в 1958—1969 гг. переписывался с Зайцевым.

Цветаева Марина Ивановна (1892—1941) — поэт, драматург, прозаик.

Цетлин (Цетлина) *Мария Самойловна,* урожд. Тумаркина, в первом браке Авксентьева (1882—1976) — издатель, общественный деятель. С апреля 1907 г. в эмиграции. Летом 1917 г. вернулась в Россию, но в апреле 1918 г. вновь уехала в Париж. В 1923 г. соредактор журнала «Окно». Будучи членом Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции, щедро помогала и из личных средств бедствующим эмигрантам. С ноября 1940 г. в США.

Цетлин Михаил Осипович (псевд. Амари; 1882—1945) — поэт, критик, прозаик, переводчик, издатель, мемуарист. Муж М. С. Цетлин. В 1920—1940 гг. редактор отдела поэзии в парижском журнале «Современные записки»; в 1942—1945 гг. один из редакторов-основателей (вместе с женой и М. А. Алдановым) «Нового журнала» в Нью-Йорке. В этом журнале (1946. Кн. 14) Зайцев опубликовал мемуарный очерк «М. О. Цетлин» (см. т. 9 в нашем изд.).

Цукерторт Иоганнес Герман (1842—1888) — один из сильнейших шахматистов мира 2-й половины XIX в.

Чайковский Николай Васильевич (1851—1926) — политический деятель; после октябрьского переворота 1917 г. член антибольшевистского «Всероссийского комитета спасения родины и революции», входил в состав правительства А. И. Деникина. В эмиграции — один из руководителей Исполнительного бюро «Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции». В начале 1922 г. обратился к А. Н. Толстому с письмом, в котором потребовал объяснений его сотрудничества в газете «Накануне» (см. примеч. к письму № 300 в т. 10).

Чеботаревская Александра Николаевна (1869—1925) — переводчица, сестра Ан. Н. Чеботаревской. Покончила с собой.

Чеботаревская Анастасия Николаевна (1876—1921) — критик, переводчица. Жена и соавтор Ф. К. Сологуба. Покончила с собой.

Черный Саша (наст. имя и фам. Александр Михайлович Гликберг; 1880—1932) — поэт, прозаик, драматург, критик, переводчик, журналист. С осени 1918 г. в эмиграции. В 1921—1923 гг. редактор литературного отдела берлинского журнала «Жар-птица» (1921—1923) и альманаха «Грани» (1922—1923). С марта 1924 г. во Франции. Последние его книги — «Несерьезные рассказы» (1928) и «Солдатские сказки» (1933; печатались в газ. «Последние новости»).

Чехов Антон Павлович (1860—1904).

Чириков Евгений Николаевич (1864—1932) — прозаик, драматург, поэт, публицист, журналист. С 1920 г. в эмиграции. Член Пражского союза русских писателей и журналистов.

Чужбинов Тимофей Александрович (1852—1897) — один из организаторов в Киеве (вместе с Неделиным, Песоцким и Соловцовым) «Товарищества драматических актеров» (1891).

Чуковский Корней Иванович (наст. имя и фам. Николай Васильевич Корнейчуков; 1882—1969) — поэт, критик, литературовед, историк литературы, детский писатель, переводчик. Автор статей о Зайцеве.

Чулков Георгий Иванович (1879—1939) — прозаик, поэт, критик, философ, мемуарист; издавал альманахи «Факелы» (кн. 1—3, 1906—1908), «Белые ночи» (1907), газету «Народоправство» (1917). Автор вызвавших полемику книг «О мистическом анархизме» (1906), «Покрывало Изиды» (1909) и мемуаров «Годы странствий» (1930).

Чулкова Анна Ивановна (1887—1964), в первом браке Гренцион, во втором Ходасевич (жена поэта В. Ф. Ходасевича), в третьем Жуковская (жена сына редактора журнала «Вопросы жизни» Д. Е. Жуковского — Даниила) — поэтесса, переводчица. Младшая сестра Г. И. Чулкова.

Чулкова Л. И. — см. Рыбакова Л. И.

Чулкова Надежда Григорьевна, урожд. Петрова, в первом браке Степанова (1874—1961) — литератор, переводчица. Жена Г. И. Чулкова.

Шаблэ Морис — художник, сотрудник журналов «Возрождение» и «Нового журнала». Автор мемуаров «Дом предварительного заключения» (о терроре времен ежовщины).

Шаховская Зинаида Алексеевна (по мужу Малевская-Малевич; (1906)—2001) — прозаик (автор романов на французском языке, печатавшихся под псевдонимом Жак Краузе), поэт, публицист, мемуарист. В эмиграции с 1920 г. С 1942 г. редактор Французского информационного агентства в Лондоне, в 1945—1948 гг. военный корреспондент в Германии (печатала репортажи с Нюрнбергского процесса), Австрии, Греции, Италии. Офицер ордена Почетного легиона, Командор ордена Искусств и Словесности, дважды лауреат Французской Академии. С 1968 по 1978 г. главный редактор газеты «Русская мысль». Автор мемуаров «Таков мой век» (т. 1—4, 1964—1967; на французском языке) и книги «Отражения» (1975).

Швоб Марсель (1867—1905) — французский прозаик-символист, литературовед, сатирик, переводчик. Зайцев перевел его новеллу «Крестовый поход детей».

Шестов (наст. фам. Шварцман) *Лев Исаакович* (1866—1938) — философ, литературовед, критик. С 1920 г. в эмиграции. С 1922 г. профессор Института славяноведения в Париже. В 1928—1933 гг. читает лекции в Сорбонне. Автор книг «Начала и концы» (1908), «Великие кануны» (1910), «На весах Иова» (1929), «Умозрение и Откровение» (1964) и др.

Шимкевич Михаил Владимирович (1885—1942) — прозаик, драматург, переводчик, участник московского объединения «Литературные (с 1921 — Никитинские) субботники».

Ширмаков Павел Петрович (1919—1994) — филолог; с 1953 г. был научным сотрудником Пушкинского Дома.

Шмелев Иван Сергеевич (1873—1950) — прозаик, публицист. С 1922 г. в эмиграции.

Шмелева Ольга Александровна, урожд. Охтерлони (1875—1936) — жена и помощница И. С. Шмелева.

Шмеман Александр Дмитриевич (1921—1983) — православный священник, протопресвитер, писатель-богослов, общественный деятель. В 1945—1951 гг. преподавал в парижском Богословском институте. С 1952 г. профессор и декан Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке. С 1962 г. руководитель Русского

студенческого христианского движения (РСХД). Автор книг «Исторический путь православия», «Воскресные беседы» и др.

Шолохов Михаил Александрович (1905—1984) — прозаик. Лауреат Нобелевской премии (1965).

Шпеттнагель Алла, урожд. Чернышева, во втором браке Сердифит (1922—1996) — журналистка, автор и редактор русских передач Кельнского радио.

Штейнер Рудольф (1861—1925) — немецкий философ-мистик, основатель антропософского учения и общества антропософов (с 1913), вовлекшего в свои ряды многих последователей, в том числе русских писателей и деятелей культуры.

Штембер Виктор Карлович (1863—1915) — живописец.

Щерба Софья Леонидовна (1879—1924) — жена книгоиздателя К. Ф. Некрасова.

Эккерман Иоганн Петер (1792—1854) — немецкий писатель. Секретарь и друг И. В. Гете, редактор его сочинений. Автор книги «Разговоры с Гете в последние годы его жизни. 1837—1848».

Элькин Борис Исаакович (1887—1972) — адвокат, публицист, издатель. В эмиграции с января 1919 г. в Берлине, где был в правлении издательства «Слово». В конце 1930-х годов переехал в Великобританию. Душеприказчик П. Н. Милюкова и издатель его трудов.

Эфрос Абрам Маркович (1888—1954) — искусствовед, историк русского искусства, театровед, критик, переводчик; секретарь московского отделения Союза писателей. С 1919 г. возглавлял отдел охраны памятников старины и искусства в Наркомпросе.

Эфрос Николай Ефимович (1867—1923) — журналист, театральный критик и историк театра; редактор газеты «Новости дня» (1896—1906). Автор труда «Московский Художественный театр. 1898—1923» (1924) и книг о К. С. Станиславском, В. И. Качалове и др.

Юргенсон Эрнест Петрович — сотрудник Императорской Публичной библиотеки в Петербурге, коллекционер. Сын П. И. Юргенсона (1836—1904), основателя крупнейшего в России нотного издательства в Москве и нотного магазина в Петербурге; брат наследовавшего фирму отца Б. П. Юргенсона (1868—1935).

Юренев Петр Петрович (1874—1946) — инженер-строитель, депутат 2-й Государственной думы. Под его руководством в 1907 г. был разработан первый проект московского метро. В 1917 г. министр путей сообщения во Временном правительстве. С 1919 г. деятель Союза городов, занимавшийся в эмиграции устройством русских школ и приютов для детей эмигрантов.

Юшкевич Семен Соломонович (1869—1927) — прозаик, драматург, публицист С 1920 г. в эмиграции.

Яблоновский (Снадзский) *Александр Александрович* (1870—1934) — прозаик, фельетонист, публицист, критик. С 1920 г. в эмиграции в Берлине и Париже. Член правления парижского Союза русских писателей и журналистов. Участник Первого съезда русских писателей в Белграде (1928). Известность обрел сати-

рическими очерками о Ленине, Троцком, Дзержинском, Калинине и циклом памфлетов о Горьком.

Яблоновский С. (наст. имя и фам. Потресов Сергей Викторович; 1870—1953) — журналист, литературный и театральный критик, поэт, переводчик, мемуарист. В 1901—1917 гг. сотрудник московской газеты «Русское слово». С февраля 1920 г. в эмиграции. В конце жизни испортил свою репутацию тем, что 10 ноября 1948 г. в Париже опубликовал (под псевдонимом «Удостоившийся присутствия») пасквильный фельетон об И. А. Бунине.

Язвицкий Валерий Иоильевич (1883—1957) — прозаик, поэт, драматург; известность ему принесли научно-фантастические и исторические романы (особенно «Иван III — государь всея Руси»; 1946—1955).

Янтарев (наст. фам. Бернштейн) *Ефим Львович* (1880—1942) — поэт, журналист, издатель «Московской газеты».

Ярцев Петр Михайлович (1871—1930) — драматург, режиссер, театральный критик, печатал острые рецензии на спектакли в газетах «Киевская мысль», «Речь» и др. В эмиграции (в Болгарии) — главный режиссер театра в Пловдиве, режиссер Народного театра в Софии. См о нем и его жене очерк Зайцева в книге «Москва» (т. 6 в нашем изд. С 74—83).

Ярцева Мария Зиновьевна — жена П. М. Ярцева.

Ященко Александр Семенович (1877—1934) — правовед, критик, издатель, библиограф. С 1918 г. в эмиграции. Один из организаторов и член правления берлинского Дома искусств (1921—1923), редактор журналов: «Русская книга» (1921), «Вестник русского книжного рынка» (1921—1923), «Новая русская книга» (1922—1923), «Научная жизнь» (1923), соредактор журнала «Вестник самообразования» (1922—1924).

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Б. К. ЗАЙЦЕВА В ТОМАХ 1–11*

Авдотья-смерть – 2; 425
Аграфена – 1; 91
Актерское счастье – 1; 319
Актриса – 1; 214
Алданов – 6; 352
Алексей Божий человек – 7; 226
Анна – 3; 347
Ариадна – 8; 243
Атлантида – 2; 435
Афон – 7; 75
Афон – 7; 422
Ахматовой – 6; 350

Бездомный – 2; 114
Белый свет – 2; 336
Беседа о войне – 10; 288
Богиня – 2; 123
Братья-писатели – 6; 347
Бунин. *Речь на чествовании писателя 26 ноября 1933 г.* – 6; 291
Бунин увенчан – 6; 289
Былое – 9; 363
Былое, мелочи – 9; 470

В Бельгии – 9; 285
В дороге (*Эскиз*) – 1; 333
В. Корчемный. Человек с геранием – 9; 104
Валаам – 7; 153
Вандейский эпилог – 7; 294
Верность – 8; 133
Вечер – 8; 111
Вечерний час – 8; 74
Вечная книга – 7; 410
Виноградарь Жиронды – 9; 105
Вновь о писателях – 9; 243
Война – 9; 114
Волки – 1; 31
«Восемьдесят ступеней» – 9; 373
Встреча – 9; 230

Глас Ватикана – 7; 343
Гоголь – 9; 303
Голубая звезда – 2; 218
«Горе от ума» на сцене Художественного театра – 9; 25
Гость – 1; 85
Гофмейстер – 8; 116
Грех – 1; 266
Густя (*Провинциальные рассказы*) – 1; 357

Давнее. Луначарский. Каменев – 6; 317
Давнее. Путь-дорога – 9; 413
Далекое – 6; 159
Дальний край. *Роман* – 1; 369
Данте. Божественная Комедия. Ад. *Перевод* – 8; 305
Данте и его поэма – 8; 477
Двадцать первое марта – 9; 269
«Декабристы» – 9; 322
Дела литературные – 9; 119
Дела литературные – 9; 336
День русской культуры *<Вступительное слово на празднестве 12 июня в Трокадеро>* – 7; 354
Деревня – 8; 31
Десять лет – 9; 272
Диана – 2; 459
Дни – 9; 479
Дни <Ахматова> – 9; 394
Дни <Дневниковые записи 1939–1945 гг.> – 9; 457
Дни <Епископ Кассиан> – 7; 413
Дни <Записи 15, 17, 19 марта 1963> – 9; 386
Дни <Записи 12, 13, 17, 21 мая 1963> – 9; 300
Дни <Записи 11, 13, 20 ноября 1964> – 9; 401
Дни <О Валааме> – 11; 330
Дни <О Камю и Вейдле> – 9; 430
Дом в Пасси. *Роман* – 3; 201
Дон Жуан – 8; 283
Достоевский и Оптина Пустынь – 7; 384
Древо жизни. *Роман* (Тетралогия «Путешествие Глеба») – 4; 445
Другая Вера. Повесть временных лет – 6; 393
Душа – 2; 342
Души чистилища – 8; 296

* В указателе полужирным шрифтом обозначен том, обычным – страница текста.

Елисейские поля – 1; 261

Жаркий ветр – 9; 320
Жемчуг – 1; 201
Жизнь и смерть – 1; 366
Жизнь с Гоголем – 9; 131
Жизнь Тургенева – 5; 19
Жуковский – 5; 177

Завод – 8; 36
Завтра! – 1; 61
Заметки о художестве. I. Новый рассказ Леонида Андреева – 9; 21
Заметки о художестве. II. Новый реализм и сборник «Факелы» – 9; 23
Заря. *Роман* (Тетралогия «Путешествие Глеба») – 4; 25
Заря – 8; 45
Звезда над Булонью – 3; 414
Зеленый холм – 9; 237
Земля – 8; 11
Земная печаль – 2; 174
Знак Креста – 7; 394
Золотой узор. *Роман* – 3; 13

И. И. Тхоржевский – 9; 294
Ив. Бунин. *Солнечный удар* – 9; 95
<Из переписки с архиепископом Иоанном> – 7; 429
Изгнание – 1; 243
Изгнание – 2; 487
Изгнание – 9; 355
«Иисус Неизвестный» – 6; 334
Иоанн Кронштадтский – 7; 333
История русской души – 7; 349
Италия – 3; 429

К советским писателям. *Обращение по радио* – 11; 335
Казнь – 9; 124
Кана Галилейская – 7; 383
Карл V – 2; 388
Кассандра – 2; 67
Книги, книги... – 9; 418
Константин Леонтьев – 9; 91
Кончина Пастернака – 9; 368
Крест – 11; 324

Ласка – 8; 41
Легкое бремя – 7; 243
Леонов и Городецкая – 9; 109
Лето – 8; 95
Лина – 1; 350

Лунная соната – 9; 301
Любовь – 8; 123
Люди Божии – 7; 219

М. О. Цетлин – 9; 296
Май – 1; 342
Максим Горький. *К юбилею* – 6; 302
Мать и Катя – 2; 29
Маша – 2; 128
Мгла – 8; 20
Милые призраки – 9; 326
Митрополит Евлогий – 7; 370
Миф – 1; 50
Мой вечер – 1; 208
Молодость – Россия – 9; 6
Молодые – 1; 75
Москва – 6; 11
Москва сегодняшняя – 2; 482
Московский университет в моей жизни – 9; 330
Мюнхен – 9; 348

Н. А. Тэффи. Авантюрный роман – 9; 129
На весах – 9; 423
Наш Казанова – 9; 356
Наш привет М. Горькому – 9; 26
Непреходящее – 9; 374
Николай Калифорнийский – 2; 450
Новый год – 9; 343
Новый день – 2; 348

<О Буниных> – 9; 453
О Горьком и о былом – 9; 440
<О Жуковском. 4 февраля 1942> – 9; 252
О Леониде Андрееве – 9; 276
О Лермонтове – 9; 150
О Пастернаке – 9; 353
<О Тургеневе> – 9; 29
О Ремизове – к десятилетию кончины – 6; 358
О себе – 4; 587
О Шмелеве – 6; 365
Океан – 8; 25
Около св. Серафима (*К столетию его кончины*) – 7; 364
Оптина Пустынь – 7; 328
Осенний свет – 2; 209
Осоргин – 6; 355
Ответ на анкету «Дней» – 11; 310
Открытие – 9; 450
Открытое письмо А. В. Луначарскому – 6; 327

Памяти Мережковского. *100 лет* – 6; 338
Памяти о. Георгия Спасского – 7; 415
Памяти Художественного театра – 9; 250
Памятник Пушкину – 9; 146
Пастернак о себе – 9; 367
Паустовский – 9; 291
Паустовский – 9; 451
Перечитывая Бунина – 9; 434
Перечитывая Тургенева – 5; 487
Петербургская дама – 2; 92
Письма 1901–1922 гг. – 10
Письма 1923–1971 гг. – 11
Письмо другу – 9; 232
Письмо неизвестному другу – 9; 207
Письмо Ремизову – 9; 352
Письмо Солженицыну – 6; 368
Плач о Борисе и Глебе – 8; 113
Победа Пушкина – 9; 150
Повесть о Вере – 6; 371
Полковник Розов – 1; 66
Потомство Тургенева – 9; 310
Похвала книге – 9; 460
Пощада – 8; 213
Правитель – 7; 250
Предисловие – 9; 314
Преподобный Сергий Радонежский – 7; 23
Призраки – 2; 317
Pro Domo Sua (*Из давнего*) – 9; 446
Прыжок (*Из автобиографии*) – 1; 583
Путники – 2; 178
Путникам в Россию – 9; 378
Путешествие Глеба. Тетралогия – 4
Пушкин в нашей душе – 9; 35

Разговор с Зинаидой – 7; 296
Рафаэль – 2; 365
Requiem – 9; 457
Река времен – 7; 301
«Ровно сто лет» – 9; 360
Рождественское письмо – 9; 282
Россия – 7; 375
Русская слава – 7; 378
Русь в Умбрии – 9; 241

С Толстым – 9; 464
С. С. Юшкевич (1869–1927) – 9; 97
Священник Кронид – 7; 199
Север – 8; 102
Серебряный век. Из воспоминаний и размышлений – 2; 469
С.-Жермер де Фли – 7; 356
Семь веков <Данте> – 9; 405
Сентиментальное путешествие – 9; 279
Сергиево Подворье – 7; 418
Сердце Авраамия – 7; 246
Сестра – 1; 79
Слеза ребенка – 9; 247
Слово – 9; 253
Слово о Родине – 7; 323
<Слову – свобода> – 9; 29
Смерть – 1; 193
Сны – 1; 167
Соловьев нашей юности – 9; 317
Сон – 1; 336
Соседи – 8; 13
Спас на Крови – 11; 307
Спокойствие – 1; 118
<Старые – молодым> – 9; 371
Столетие «Записок охотника» – 5; 481
Странник – 7; 254
Странник <Дневник 1925–1929 гг.> – 9; 40
Странники (*Посвящается В. И. Немировичу-Данченко*) – 6; 329
Странное путешествие – 2; 404
Студент Бенедиктов – 1; 304
Судьбы – 6; 312
Судьбы – 9; 288
Судьбы <Гумилев> – 9; 475
Судьба Тургенева – 7; 403
Счастье – 7; 338

Та осень (Двадцать лет) – 10; 283
«Творчество из ничего». Вновь Чехов – 5; 491
Тени благостной – 9; 31
Тетушка Ергольская и Толстой – 7; 406
Тихие зори – 1; 36
Тишина. *Роман* (Тетралогия «Путешествие Глеба») – 4; 153
Толстой. Заметки – 9; 99
Три кометы (*Слово на Пушкинском вечере*) – 9; 381
Тринадцать лет – 6; 296
Тургенев после смерти (*Заключение жизни*) – 5; 475
Тургеневская библиотека – 9; 397
Тютчев. Жизнь и судьба (*К 75-летию кончины*) – 9; 256

У Короля – 11; 327
Удобное и прекрасное – 9; 27
Уединение – 2; 330
Улица св. Николая – 2; 319
Усадьба Ланиных – 8; 170
Утешение книг – 9; 235
Уход Пастернака – 9; 369
Уходы – 9; 409
Уходящие приходящим – 11; 337
Ушедшему – 9; 384

Флобер в России – 9; 339

Хлеб, люди и земля – 1; 45

Царь Давид – 7; 271
Церковь – 7; 207

Черные ветры – 1; 56
Чехов – 5; 329
<Чехов>. Добавления и заметки – 5; 463
<Что вы думаете о Ленине?> – 9; 124
Чужбина – 7; 381

Юбилей – 9; 240
Югославские записи – 11; 312
Юность. *Роман* (Тетралогия «Путешествие Глеба») – 4; 293

СОДЕРЖАНИЕ

ПИСЬМА 1923—1971 гг.

1. И. А. Бунину. *28 января 1923. Берлин* 5
2. И. А. Новикову. *13 февраля 1923. Берлин* 6
3. И. А. Новикову. *21 февраля 1923. Берлин* 7
4. И. А. Бунину. *23 февраля 1923. Берлин* 8
5. И. А. Новикову. *19 марта 1923. Берлин* 8
6. И. А. Бунину. *26 апреля 1923. Берлин* 10
7. И. А. Новикову. *23 мая 1923. Берлин* 11
8. И. А. Новикову. *12 июня 1923. Берлин* 12
9. И. А. Бунину. *19 августа 1923. Берлин* 13
10. И. А. Новикову. *9 марта 1924. Со (Франция)* 13
11. И. С. Шмелеву. *29 апреля 1924. Париж* 15
12. И. А. Бунину. *8 мая 1924. Париж* 15
13. И. А. Бунину. *28 августа 1924. Париж* 16
14. И. А. и В. Н. Буниным. *23 апреля 1925. Пюжет* 17
15. И. А. Бунину. *16 июня 1925. Пюжет* 18
16. Ю. И. Айхенвальду. *25 июня 1925. Пюжет* 18
17. И. А. Бунину. *4 августа 1925. Пюжет* 20
18. И. А. и В. Н. Буниным. *24 сентября 1925. Париж* 20
19. И. А. Бунину. *5 октября 1925. Париж* 20
20. И. С. Шмелеву. *6 октября 1925. Париж* 21
21. И. А. Бунину. *12 октября 1925. Париж* 22
22. И. А. Бунину. *19 октября 1925. Париж* 22
23. Вас. И. Немировичу-Данченко. *23 октября 1925. Париж* 23
24. И. А. Бунину. *2 ноября 1925. Париж* 24
25. И. А. Бунину. *9 ноября 1925. Париж* 24
26. И. А. Бунину. *7 декабря 1925. Париж* 24
27. Г. И. Радчено. *19 декабря. 1925. Париж* 25
28. И. А. Бунину. *31 декабря 1925. Париж* 26
29. В. П. Ляцкой. *12 января 1926. Париж (Запись в альбом)* 26
30. А. М. Федорову. *26 марта 1926. Париж* 26
31. И. С. Шмелеву. *20 апреля 1926. Париж* 27
32. И. С. Шмелеву. *27 апреля 1926. Париж* 27
33. В. С. Миролюбову. *1 мая 1926. Париж* 28
34. И. С. Шмелеву. *13 мая 1926. Париж* 28
35. В. С. Миролюбову. *23 мая 1926. Париж* 29
36. А. М. Федорову. *23 мая 1926. Париж* 30
37. И. С. Шмелеву. *1 августа 1926. Париж* 30
38. Н. Я. Рощину. *29 декабря 1926. Париж* 31
39. А. М. Федорову. *18 января 1927. Париж* 32
40. С. А. Иванову. *5 февраля 1927. Париж* 32
41. И. А. Новикову. *23 апреля 1927. Париж* 34
42. В. А. Зайцевой. *4 мая 1927. Афины* 35
43. В. А. и Н. Б. Зайцевым. *8 мая 1927. Афины* 36
44. В. А. и Н. Б. Зайцевым. *8 мая 1927. Афины* 38

45. В. А. и Н. Б. Зайцевым. *11 мая 1927. Салоники* 38
46. В. А. и Н. Б. Зайцевым. *14 мая 1927. Афон* 39
47. В. А. Зайцевой. *16 мая 1927. Афон* 42
48. В. А. и Н. Б. Зайцевым. *16 и 17 мая 1927. Афон* 44
49. В. А. и Н. Б. Зайцевым. *21 мая 1927. Афон* 45
50. Н. Б. Зайцевой. *22 мая 1927. Афон* 46
51. В. А. и Н. Б. Зайцевым. *22 мая 1927. Афон* 48
52. В. А. и Н. Б. Зайцевым. *22 мая 1927. Афон* 48
53. В. А. и Н. Б. Зайцевым. *28 мая 1927. Афон* 49
54 В. А. и Н. Б. Зайцевым. *29 мая 1927. Афон* 50
55. В. А. и Н. Б. Зайцевым. *30 мая 1927. Салоники* 51
56. В. А. и Н. Б. Зайцевым. *1 июня 1927. Афины* 52
57. И. А. Бунину. *20 июня 1927. Париж* 53
58. И. А. Бунину. *22 июля 1927. Париж* 54
59. В. Н. Буниной. *29 августа 1927. Париж* 54
60. И. А. Бунину. *3 октября 1927. Париж* 55
61. И. С. Шмелеву. *26 ноября 1927. Париж* 56
62. И. С. Шмелеву. *8 мая 1928 . Париж* 56
63. И. А. и В. Н. Буниным. *Середина июня 1928. Париж* 57
64. И. С. Шмелеву. *28 июня 1928. Грасс* 57
65. И. А. и В. Н. Буниным. *12 августа 1928. Париж* 58
66. И. А. Бунину. *27 августа 1928. Париж* 59
67. И. А. Бунину. *1 сентября 1928. Париж* 60
68. В. Н. Буниной. *16 сентября 1928. Париж* 61
69. И. С. Шмелеву. *16 сентября 1928. Париж* 61
70. И. А. Бунину. *12 октября 1928. Париж* 62
71. И. А. Бунину. *16 октября 1928. Париж* 63
72. И. С Шмелеву. *21 октября 1928. Париж* 64
73. И. А. Бунину. *1 ноября 1928. Париж* 65
74. И. А. Бунину. *12 ноября 1928. Париж* 65
75. И. А. Бунину. *9 декабря 1928. Париж* 66
76. И. А. Бунину. *25 декабря 1928. Париж* 66
77. И. С. Шмелеву. *28 декабря 1928. Париж* 67
78. И. А. Бунину. *11 января 1929. Париж* 68
79 И. С. Шмелеву. *4 февраля 1929. Париж* 69
80. И. А. Бунину. *20 мая 1929. Париж* 69
81. И. А. Бунину. *24 августа 1929. Париж* 70
82. И. А. Бунину. *7 ноября 1929. Париж* 70
83. Вас. И. Немировичу-Данченко. *5 января 1930. Париж* 71
84 И. А. Бунину. *7 января 1930. Париж* 71
85. И. А. Бунину. *24 июня 1930. Париж* 72
86. И. С. Шмелеву. *16 июля 1930. Париж* 72
87. И. А. Бунину. *28 января 1931. Париж* 73
88. И. А. Бунину. *5 июня 1931. Париж* 74
89. И. С. Шмелеву. *11 августа 1931. Париж* 75
90. И. А. Бунину. *9 марта 1932. Париж* 76
91. И. А. Бунину. *3 июня 1932. Париж* 77

92. И. А. Бунину. *6 августа 1932. Париж* 77
93. И. А. Бунину. *1 февраля 1933* 78
94. И. А. Бунину. *6 марта 1933. Париж* 79
95. И. А. Бунину. *7 и 8 сентября 1933. Париж* 80
96. И. А. Бунину. *3 октября 1933. Париж* 81
97. И. С. Шмелеву. *11 октября 1933* 83
98. И. А. Бунину. *4 ноября 1933. Париж* 83
99. И. А. Бунину. *15 февраля 1934. Париж* 84
100. И. А. Бунину. *10 марта 1934. Париж* 85
101. И. А. Бунину. *23 марта 1934. Париж* 85
102. И. А. Бунину. *21 апреля 1934. Париж* 86
103. И. А. Бунину. *29 мая 1934* 86
104. И. А. Бунину. *31 мая 1934* 86
105. И. А. Бунину. *1 июля 1934. Париж* 87
106. И. А. Бунину. *17 августа 1934. Париж* 87
107. И. А. Бунину. *28 октября 1934. Париж* 88
108. Вас. И. Немировичу-Данченко. *3 января 1935. Париж* 89
109. И. А. Бунину. *3 июля 1935. Париж* 89
110. И. А. Бунину. *28 июля 1935. Келломяки* 91
111. И. С. Шмелеву. *16 августа 1935. Келломяки* 91
112. И. С. Шмелеву. *27 августа 1935. Келломяки* 92
113. И. А. Бунину. *1 сентября 1935. Келломяки* 93
114. И. А. Бунину. *30 марта 1936. Париж* 95
115. И. С. Шмелеву. *22 июня 1936. Монте-Карло* 95
116. И. С. Шмелеву. *24 июня 1936. Монте-Карло* 96
117. М. А. Алданову. *6 июля 1936* 97
118. И. А. Бунину. *8 июля 1936* 97
119. И. А. Бунину. *15 и 16 сентября 1936. Париж* 98
120. И. С. Шмелеву. *29 сентября 1936. Париж* 99
121. Л. Н. Замятиной. *18 марта 1937* 99
122. И. А. Бунину. *24 июня 1938. Монте-Карло* 100
123. И. А. Бунину. *27 сентября 1938. Париж* 101
124. И. А. Бунину. *18 октября 1938* 102
125. И. А. Бунину. *12 ноября 1938* 103
126. И. А. Бунину. *11 декабря 1938* 103
127. И. А. Бунину. *25 марта 1939* 104
128. И. А. Бунину. *20 июня 1939. Париж* 105
129. И. А. Бунину. *30 июля 1939. Бюсси-ен-Отей* 106
130. И. А. Бунину. *2 октября 1939. Париж* 107
131. И. А. Бунину. *2 ноября 1939. Париж* 108
132. И. А. Бунину. *10 и 11 ноября 1939. Париж* 110
133. И. А. Бунину. *9 декабря 1939. Париж* 112
134. И. А. Бунину. *29 декабря 1939. Париж* 113
135. И. А. Бунину. *17 января 1940. Париж* 114
136. В. Н. Буниной. *21 февраля 1940. Париж* 115
137. И. А. Бунину. *27 февраля 1940. Париж* 116
138. И. А. Бунину. *16 апреля 1940. Париж* 117

139. И. А. Бунину. *18 мая 1940. Париж* 118
140. И. А. Бунину. *4 июня 1940. Париж* 118
141. И. А. и В. Н. Буниным. *22 июля 1940. Париж* 119
142. И. С. Шмелеву. *13 сентября 1940. Париж* 120
143. В. Н. Буниной. *21 сентября 1942. Париж* 121
144. И. А. и В. Н. Буниным. *Апрель 1943. Париж* 121
145. В. Н. Буниной. *23 июля 1943. Бюсси-ен-Отей* 123
146. И. А. Бунину. *27 августа 1943. Париж* 124
147. В. Н. Буниной. *25 сентября 1943. Париж* 126
148. И. А. Бунину. *2 ноября 1943. Париж* 128
149. И. А. Бунину. *10 ноября 1943. Париж* 128
150. И. А. Бунину. *17 ноября 1943. Париж* 130
151. И. А. Бунину. *28 ноября 1943. Париж* 131
152. И. А. Бунину. *3 декабря 1943. Париж* 132
153. И. А. Бунину. *17 декабря 1943. Париж* 134
154. И. А. Бунину. *30 декабря 1943. Париж* 135
155. И. А. Бунину. *22 января 1944. Париж* 135
156. И. А. Бунину. *12 февраля 1944. Париж* 136
157. В. Н. Буниной. *16 февраля 1944. Париж* 137
158. И. А. Бунину. *25 февраля 1944. Париж* 138
159. И. А. Бунину. *9 марта 1944. Париж* 139
160. И. А. Бунину. *27 марта 1944. Париж* 140
161. И. А. Бунину. *4 мая 1944. Париж* 141
162. И. А. Бунину. *20 и 21 мая 1944. Париж* 142
163. И. А. Бунину. *19 июня 1944. Париж* 144
164. Н. Я. Рощину. *9 июля 1944. Париж* 145
165. И. А. Бунину. *15 июля 1944. Париж* 145
166. И. А. Бунину. *25 июля 1944. Париж* 147
167. И. А. Бунину. *28 октября 1944. Париж* 148
168. И. А. Бунину. *8 ноября 1944. Париж* 150
169. И. А. Бунину. *17 ноября 1944. Париж* 151
170. И. А. Бунину. *27 ноября 1944. Париж* 152
171. В. Н. Буниной. *7 декабря 1944. Париж* 154
172. И. А. Бунину. *28 декабря 1944. Париж* 156
173. И. А. Бунину. *14 января 1945. Париж* 157
174. И. А. Бунину. *4 февраля 1945. Париж* 158
175. И. А. Бунин. *18 и 19 февраля 1945. Париж* 160
176. И. А. Бунину. *5 марта 1945. Париж* 161
177. И. А. Бунину, *25 марта 1945. Париж* 163
178. И. А. Бунину. *8 апреля 1945. Париж* 164
179. И. А. Бунину. *25 апреля 1945. Париж* 165
180. И. А, Бунину. *1 мая 1947. Париж* 166
181. И. А. Бунину. *26 октября 1947. Париж* 166
182. И. А. Бунину. *13 января 1948. Париж* 166
183. И. А. Бунину. *26 января 1948. Париж* 167
184. В. Н. Буниной. *15 февраля 1948. Париж* 169
185. И. С. Шмелеву. *3 июня 1948. Париж* 170

186. И. А. Бунину. *6 августа 1948. Париж* 172
187. И. А. Бунину. *17 ноября 1948. Париж* 172
188. И. С. Шмелеву. *1 апреля 1950. Париж* 173
189. Ю. А. Кутыриной. *29 сентября 1953. Париж* 173
190. И. А. Бунину. *9 октября 1953. Париж* 174
191. С. Ю. Прегель. *24 сентября 1955. Париж* 174
192. С. К. Маковскому. *11 мая 1956. Париж* 175
193. Л. Н. Любшютц. *29 августа 1957. Париж* 175
194. В. И. Малышеву. *9 декабря 1957. Париж* 175
195. Б. Л. Пастернаку. *10 февраля 1959. Париж* 176
196. В. И. Малышеву. *28 марта 1959. Париж* 177
197. Б. Л. Пастернаку. *5 апреля 1959. Париж* 178
198. В. И. Малышеву. *25 апреля 1959. Париж* 179
199. Б. Л. Пастернаку. *14 июля 1959. Париж* 180
200. Б. Л. Пастернаку. *9 сентября 1959. Париж* 182
201. П. П. Ширмакову. *7 января 1960. Париж* 183
202. В. И. Малышеву. *14 января 1960. Париж* 185
203. Б. Л. Пастернаку. *5 февраля 1960. Париж* 185
204. П. П. Ширмакову. *22 января 1961. Париж* 186
205. В. И. Малышеву. *9 февраля 1961. Париж* 187
206. Л. Н. Назаровой. *15 февраля 1961. Париж* 187
207. Л. Н. Назаровой. *17 июля 1961. Париж* 188
208. Л. Н. Назаровой. *30 июля 1961. Париж* 188
209. Л. Н. Афонину. *19 октября 1961. Париж* 188
210. Л. Н. Назаровой. *28 ноября 1961. Париж* 189
211. Л. Н. Назаровой. *28 февраля 1962. Париж* 190
212. Л. Н. Назаровой. *26 марта 1962. Париж* 191
213. Л. Н. Назаровой. *5 апреля 1962. Париж* 191
214. В. А. Мануйлову. *6 апреля 1962. Париж* 193
215. Л. Н. Назаровой. *19 апреля 1962. Париж* 194
216. Л. Н. Назаровой. *24 апреля 1962. Париж* 195
217. Л. Н. Назаровой. *17 мая 1962. Париж* 195
218. В. А. Мануйлову. *23 июня 1962. Париж* 197
219. В. А. Мануйлову. *8 сентября 1962. Париж* 198
220. Л. Н. Назаровой. *13 октября 1962. Париж* 200
221. А. В. Храбровицкому. *22 ноября 1962. Париж* 201
222. В. А. Мануйлову. *29 ноября 1962. Париж* 202
223. О. П. Вороновой. *<1962?>. Париж* 202
224. К. И. Чуковскому. *3 февраля 1963. Париж* 205
225. Л. Н. Назаровой. *11 и 12 февраля 1963. Париж* 205
226. Л. Н. Назаровой. *31 марта и 3 апреля 1963. Париж* 207
227. Л. Н. Назаровой. *26 мая 1963. Париж* 208
228. Л. Н. Назаровой. *10 июля 1963. Париж* 209
229. Л. Н. Назаровой. *12 сентября 1963. Париж* 210
230. Л. Н. Назаровой. *24 сентября 1963. Париж* 211
231. Л. Н. Афонину. *13 ноября 1963. Париж* 212
232. Л. Н. Назаровой. *29 ноября 1963. Париж* 213

233. Л. Н. Назаровой. *28 января 1964. Париж* 214
234. Л. Н. Назаровой. *10 февраля 1964. Париж* 215
235. Л. Н. Назаровой. *1 мая 1964. Париж* 216
236. Л. Н. Назаровой. *16 мая 1964. Париж* 217
237. Л. Н. Назаровой. *16 мая 1964. Париж* 217
238. Л. Н. Назаровой. *17 июля 1964. Париж* 219
239. Л. Н. Назаровой. *8 сентября 1964. Париж* 220
240. Л. Н. Назаровой. *4 октября 1964. Париж* 222
241. Л. Н. Замятиной. *27 сентября 1964. Париж* 222
242. Л. Н. Назаровой. *1 и 2 декабря 1964. Париж* 223
243. Л. Н. Афонину. *5 декабря 1964. Париж* 224
244. Л. Н. Назаровой. *5 декабря 1964. Париж* 225
245. Л. Н. Назаровой. *2 марта 1965. Париж* 226
246. Л. Н. Назаровой. *12 марта 1965. Париж* 227
247. Л. Н. Назаровой. *27 июля 1965. Париж* 228
248. С. Ю. Прегель. *14 сентября 1965. Париж* 230
249. Л. Н. Назаровой. *26 ноября 1965. Париж* 230
250. Л. Н. Любшюц. *5 января 1966. Париж* 232
251. Л. Н. Назаровой. *6 февраля 1966. Париж* 232
252. К. И. Чуковскому. *15 февраля 1966. Париж* 233
253. Н. П. Смирнову. *3 марта 1966. Париж* 233
254. Л. Н. Назаровой. *8 марта 1966. Париж* 235
255. Н. П. Смирнову. *29 марта 1966. Париж* 236
256. С. Ю. Прегель. *6 мая 1966. Париж* 237
257. А. И. и Е. К. Дейчам. *17 мая 1966. Париж* 238
258. И. Ф. Бэлзе. *22 мая. 1966. Париж* 238
259. К. Г. Паустовскому. *14 июня 1966. Париж* 239
260. С. Ю. Прегель. *20 августа 1966. Париж* 240
261. Л. Н. Афонину. *8 сентября 1966. Париж* 240
262. Л. Н. Назаровой. *5 октября 1966. Париж* 241
263. Л. Н. Назаровой. *17 ноября 1966. Париж* 242
264. Л. Н. Назаровой. *30 декабря 1966. Париж* 243
265. Н. П. Смирнову. *6 января 1967. Париж* 245
266. И. А. Васильеву. *12 января 1967. Париж* 246
267. Л. Н. Назаровой. *18 января 1967. Париж* 247
268. Л. Н. Назаровой. *4 и 6 февраля 1967. Париж* 247
269. В. И. Лихоносову. *7 февраля 1967. Париж* 249
270. Л. Н. Афонину. *9 февраля 1967. Париж* 250
271. А. Е. Парнису. *26 февраля 1967. Париж* 251
272. Л. Н. Афонину. *24 марта 1967. Париж* 252
273. Л. Н. Назаровой. *25 марта 1967. Париж* 253
274. Л. Н. Назаровой. *29 апреля 1967. Париж* 254
275. Л. Н. Афонину. *17 мая 1967. Париж* 255
276. Н. П. Смирнову. *18 мая 1967. Париж* 256
277. Н. Г. Елиной. *1 июня 1967. Париж* 257
278. А. Е. Парнису. *21 июня 1967. Париж* 258
279. Л. Н. Назаровой. *25 июня 1967. Париж* 259

280. А. Е. Парнису. *6 июля 1967. Париж* 260
281. Л. Н. Назаровой. *24 октября 1967. Париж* 261
282. Л. Н. Назаровой. *4 ноября 1967. Париж* 262
283. С. Ю. Прегель. *15 ноября 1967. Париж* 262
284. В. А. Мануйлову. *28 декабря 1967. Париж* 263
285. Л. Н. Назаровой. *31 декабря 1967, 1 января 1968. Париж* 263
286. Л. Н. Любшютц. *1 января 1968. Париж* 265
287. Н. Г. Елиной. *4 января 1968. Париж* 265
288. И. А Васильеву. *16 января 1968. Париж* 265
289. Н. П. Смирнову. *17 января 1968. Париж* 266
290. Л. Н. Афонину. *25 января 1968. Париж* 267
291. В. И. Лихоносову. *20 февраля 1968. Париж* 268
292. Ю. О. Домбровскому. *2 марта 1968. Париж* 268
293. В. И. Лихоносову. *14 марта 1968. Париж* 269
294. Л. Н. Назаровой. *18 апреля 1968. Париж* 270
295. И. А. Васильеву. *3 мая 1968. Париж* 271
296. Н. П. Смирнову. *6 мая 1968. Париж* 271
297. Л. Н. Назаровой. *26 июня 1968. Париж* 272
298. А. Е. Парнису. *19 июля 1968. Париж* 274
299 Л. Н. Назаровой. *3 августа 1968. Париж* 275
300. Л. Н. Назаровой. *28 октября 1968. Париж* 276
301. Л. Н. Афонину. *1 ноября 1968. Париж* 277
302. Л. Н. Афонину. *6 ноября 1968. Париж* 279
303. Л. Н. Назаровой. *21 декабря 1968. Париж* 280
304. Л. Н. Назаровой. *29 декабря 1968. Париж* 282
305. Л. Н. Любшютц. *3 января 1969. Париж* 283
306. Н. Г. Елиной. *5 января 1969. Париж* 283
307. Л. Н. Афонину. *18 января 1969. Париж* 284
308. И. А. Васильеву. *18 января 1969. Париж* 285
309. Н. Г. Елиной. *31 января 1969. Париж* 287
310. Л. И. Назаровой. *8 февраля 1969. Париж* 288
311. В. И. Лихоносову. *23 февраля 1969. Париж* 290
312. Л. Н. Назаровой. *28 февраля 1969. Париж* 291
313. Н. П. Смирнову. *2 марта 1969 Париж* 292
314. Л. Н. Назаровой. *28 марта 1969. Париж* 293
315. Н. П. Смирнову. *5 апреля 1969. Париж* 295
316. Л. Н. Назаровой. *24 июля 1969. Париж* 295
317. В. И. Лихоносову. *14 октября 1969. Париж* 297
318. Л. Н. Назаровой. *21 октября 1969. Париж* 297
319. Л. Н. Назаровой. *18 января 1970. Париж* 298
320. Ю. О. Домбровскому. *1 марта 1970. Париж* 299
321. Л. Н. Назаровой. *10 августа 1970. Париж* 300
322. Л. Н. Назаровой. *30 апреля 1971. Париж* 300
323. Л. Н. Назаровой. *6 мая 1971. Париж* 301
324. Л. Н. Назаровой. *24 октября 1971. Париж* 302
325. Л. Н. Назаровой. *Декабрь 1971. Париж* 303
326. М. М. Соллогубу. *17 декабря 1971. Париж* 304

СТАТЬИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Спас на Крови . . . 307
Ответ на анкету «Дней» . . . 310
Югославские записи . . . 312
Крест . . . 324
У Короля . . . 327
Дни <О Валааме> . . . 330
К советским писателям! Обращение по радио . . . 335
Уходящие приходящим . . . 337

СОВРЕМЕННИКИ О Б. К. ЗАЙЦЕВЕ

Владимир Ладыженский. Поэт долга и примирения . . . 341
Сергей Яблоновский. Блаженный . . . 344
Зинаида Шаховская. Б. К. Зайцев . . . 348
Сергей Крыжицкий. Разговоры с Б. К. Зайцевым . . . 352
Архимандрит Константин (Зайцев). Памяти Б. К. Зайцева . . . 361
Епископ Александр (Семенов Тянь-Шанский). Светлой памяти Б. К. Зайцева . . . 363

Примечания . . . 367

Указатель имен к 10 и 11 томам . . . 452

Указатель произведений Б. К. Зайцева в томах 1—11 . . . 497

БОРИС КОНСТАНТИНОВИЧ ЗАЙЦЕВ

Собрание сочинений

Том 11 (дополнительный)

Письма 1923—1971 гг.
Статьи. Воспоминания современников

Редактор **В. П. Шагалова**
Художественный редактор **Е. В. Поляков**
Технический редактор **И. И. Павлова**
Корректоры: **В. Бабаева, В. Драчкова**

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 010058 от 23.10.96.
Сдано в набор 07.06.01. Подписано в печать 17.07.01. Формат 84×108/32. Бумага писчая. На вкл. — мелов. Гарнитура Таймс. Печать высокая. Усл. печ. л. 26,99 (в т. ч. вкл. 0,11). Уч.-изд. л. 32,85 (в т. ч. вкл. 0,05). Тираж 2500 экз. С—17.
Зак. № 1659. Изд. инд. ЛХ-233

Издательство «Русская книга» Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
123557, Москва, Б. Тишинский пер., 38

Набрано и отпечатано на издательско-полиграфическом предприятии «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, Новгородский пр., 32

